СОЧИНЕНІЯ

ПУШКИНА

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

(1821—1824)

Братья разбойники (1821—1822)
Отрывки изъ поэмы (1822)
Бахчисарайскій фонтанъ (1822—1823)
Цыганы (1823—1824)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1912

lib.pushkinskijdom.ru

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Съ портрета работы Ж. Верне.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

СОЧИНЕНІЯ

ПУШКИНА

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

(1821—1824)

Братья разбойники (1821—1822)
Отрывки изъ поэмы (1822)
Бахчисарайскій фонтанъ (1822—1823)
Цыганы (1823—1824)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1912

lib.pushkinskijdom.ru

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1912 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ настоящій III-й томъ Сочиненій Пушкина вошли лирическія стихотворенія 1821 — 1824 гг., а также отрывки изъ поэмы 1822 г., «Братья разбойники» (1821 — 1822), «Бахчисарайскій Фонтанъ» (1822 — 1823) и «Цыганы» (1823 — 1824).

Въ расположеніи матеріала и въ транскрипціи черновыхъ рукописей редакція слѣдовала тѣмъ же основнымъ правиламъ, какія были установлены при изданіи II-го тома. Отступленіе отъ этихъ основныхъ правилъ было допущено, согласно особому постановленію Коммиссіи по изданію Сочиненій Пушкина, лишь въ отношеніи количества черновыхъ текстовъ, помѣщаемыхъ въ примѣчаніяхъ. Признавая необходимымъ сохранить уже установленный ранѣе принципъ исчерпывающей полноты академическаго изданія, Коммиссія, въ интересахъ ускоренія печатанія текста и примѣчаній, признала соотвѣтственнымъ транскрипцію всѣхъ черновыхъ рукописей поэта выдѣлить въ особые дополнительные томы, которые должны быть изданы впослѣдствіи, въ примѣчаніяхъ же давать транскрипцію лишь тогда, когда черновыя рукописи являются единственнымъ оригиналомъ даннаго произведенія или его части, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда редакція найдетъ это совершенно необходимымъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ. Вслѣдствіе такого постановленія Коммиссіи, всѣ черновыя къ «Бахчисарайскому Фонтану» и къ «Цыганамъ», а также къ нѣкоторымъ другимъ произведеніямъ болѣе значительнаго объема, выдѣлены изъ настоящаго тома для помѣщенія въ особомъ дополнительномъ томѣ,—за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ частей чернового текста, помѣщеніе которыхъ въ примѣчаніяхъ было существеннымъ для уясненія тѣхъ или иныхъ литературныхъ или біографическихъ вопросовъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Редакція III-го тома была поручена *В. Е. Якушкину*, который, однако, успѣлъ приготовить къ печати только текстъ стихотвореній и начало примѣчаній (до стр. 64), а затѣмъ былъ вынужденъ, по болѣзни, отказаться отъ продолженія своего труда. Поэтому составленіе дальнѣйшихъ примѣчаній было принято на себя *П. О. Морозовымъ*. Имъ отчасти дополнены примѣчанія В. Е. Якушкина, а также произведенъ и новый пересмотръ текста, потребовавшаго нѣкоторыхъ исправленій.

Къ настоящему тому, кромѣ снимковъ съ нѣкоторыхъ рукописей Пушкина, прилагается исполненная въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ фототипическая копія съ портрета, подареннаго поэтомъ П. А. Осиповой и приписываемаго французскому художнику Жюлю Вернэ,—но, повидимому, безъ достаточнаго основанія; портретъ этотъ принадлежитъ нынѣ Пушкинскому Дому при Императорской Академіи Наукъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ОГЛАВЛЕНІЕ

1821.

	страницы: (текстъ)	(примѣчанія)
I. Земля и море	3	3
II. Красавица передъ зеркаломъ	5	7
III. Я пережилъ свои желанья	6	8
IV. Дельвигу	7	11
V. Гнѣдичу	9	12
VI. «Иной имѣлъ мою Аглаю»	11	13
VII. Эпиграмма (На Каченовскаго)	12	15
VIII. Дѣва	13	16
IX. «Оставя честь судьбѣ на произволъ»	14	17
X. «Наперсница волшебной старины»	15	19
XI. Муза	17	19
XII. Катенину	18	24
XIII. «Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный»	19	27
— «Ты правъ, хоть онъ поэтъ изрядный»	—	27
XIV. (В. Л. Давыдову): «Межъ тѣмъ какъ генералъ Орловъ»	20	28
— «Дай, Никита, мнѣ одѣться»	—	33
XV. Къ моей чернильницѣ	23	33
XVI. «Христосъ воскресъ, моя Реввека»	27	36
XVII. «Кто видѣлъ край» (Желаніе)	28	37
XVIII. «Въ Юрзуфѣ бѣдный Музульманъ»	30	39
XIX. Кн. П. А. Вяземскому: «Язвительный поэтъ»	32	42
XX. «Красы Лаисъ, завѣтные пиры»	33	47
XXI. «Раззѣвавшись отъ обѣдни»	34	48

lib.pushkinskijdom.ru

	страницы: (текстъ)	(примѣчанія)
XXII. «Тадарашка въ васъ влюблснъ» ...	36	51
XXIII. Г-жѣ Эйхфельдтъ	37	51
XXIV. П. С. Пущину	38	52, 480
XXV. Чаадаеву	39	54
XXVI. «Пѣвецъ-гусаръ, ты пѣлъ биваки» .	43	66
XXVII. Діонея	44	68
XXVIII. «Вотъ муза, рѣзвая болтунья»	45	71
— «Прими въ залогъ воспоминанья» ..	—	71
XXIX. Отрывки изъ комедіи	46	72
XXX. Эпиграмма: «Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ»	49	77
XXXI. «Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный»	50	77
XXXII. Гробъ юноши	51	79
XXXIII. «Въ Геннѣ праздникъ...»	53	86
XXXIV. «Лидѣ страшно полюбить»	54	89
— «Лида — новая Діана»	—	89
XXXV. Алексѣеву	55	90
— «Я былъ рожденъ для наслажденья»	—	91
XXXVI. Примѣты	57	96
XXXVII. Кокеткѣ	58	99
— Къ Аглаѣ	—	99
XXXVIII. «Ты правъ, мой другъ»	60	102
XXXIX. «Въ лѣсахъ Гаргаріи щастливой» ..	61	108
XL. Кинжалъ	62	109
XLI. «Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ» .	64	116
XLII. «Вечерня отошла давно»	65	118
XLIII. «Наперсница моихъ сердечныхъ думъ»	67	119
XLIV. «К. Г — со мною незнакомъ»	68	120
XLV. Наполеонъ	69	121
XLVI. «Умолкну скоро я...»	74	139
XLVII. «Мой другъ, забыты мной...»	75	143
XLVIII. «Зачѣмъ безвременную скуку»	77	147
XLIX. Война	78	150
L. Къ Овидію	80	154
LI. «Всегда такъ будетъ и бывало» ...	84	167

lib.pushkinskijdom.ru

	страницы: (текстъ)	(примѣчанія)
1821—1822.		
Братья разбойники, поэма.....	85—94	168—186
Черновые наброски:		
«Недаромъ ты ко мнѣ воззвалъ»	—	186
«Тѣснится средь толпы Еврей трудолюбивый» .	—	186
«Во времена царя Дадона»	—	187
«Часы протекшіе въ живомъ очарованьи»	—	187
«Одна черта руки моей»	—	188
«A son amant Eglé sans résistance»	—	188
«J'ai possédé maîtresses honnêtes».....	—	189
«Гречанка вѣрная! не плачь, онъ палъ Героемъ»	—	189
«Нѣтъ вѣтра — тихая волна».....	—	191
1822.		
I. «У Кларисы денегъ мало»	97	192
II. «Недавно я въ часы свободы».....	98	193
III. «Мой другъ, уже три дня».....	99	195
IV. Записка къ пріятелю.....	101	197
V. Друзьямъ	102	199
VI. Гречанкѣ	104	201
— «Эллеферія! предъ тобой».....	—	204
VII. Баратынскому изъ Бессарабіи	106	205
VIII. Ему же.....	107	206
IX. Пріятелю	108	207
X. Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ.....	109	208
XI. Царь Никита.....	113	213
XII. Птичка.....	115	215
XIII. «Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной»	116	216
— «Ты, сердцу непонятный мракъ»...	—	216
XIV. «Покойны чувства, ясенъ умъ» (Таврида).....	118	223
XV. «Пиры, любовницы, друзья»	119	225
XVI. «На тихихъ берегахъ Москвы».....	120	228

lib.pushkinskijdom.ru

	страницы: (текстъ)	(примѣчанія)
XVII. «Чугунъ Кагульскій, ты священъ» .	121	229
XVIII. «Какъ наше сердце своенравно!» . . .	122	229
XIX. Брату: «Другъ милый, отрокомъ» . .	123	230
XX. Первое посланіе цензору	124	231
XXI. «Кто, волны, васъ остановилъ»	129	238
XXII. «Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый»	130	241
XXIII. Узникъ	131	244
XXIV. Я. Н. Толстому	132	246
XXV. **Отрывки изъ поэмы**	134—141	250—258
— «Примите новую тетрадь»	—	251
— «О вы, которыя любили»	—	252
XXVI. «Я говорилъ предъ хладною толпой»	142	259
XXVII—XXVIII. Вадимъ (драма и поэма)	143	259
XXIX. Адели	150	265
XXX. Къ Ѳ. Н. Глинкѣ	151	267
XXXI. «Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати»	152	270
XXXII. Русскому Геснеру	153	271
XXXIII. «Въ голубомъ эѳира полѣ»	154	272

1822—1823.

Бахчисарайскій фонтанъ, поэма	155—180	274—303
Черновые наброски:		
«Исполню я твое желанье»	—	276
«Даруетъ небо человѣку»	—	298
«Гремятъ народа клики»	—	303
«Въ Арменію, въ палаты Зензевея»	—	304
«Зачѣмъ раздался громъ войны»	—	304
«Себѣ ты выбралъ, Зензевей»	—	304

1823.

I. В. П. Горчакову	183	306
II. «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты»	184	308
III. «Ненастный день потухъ»	186	313

lib.pushkinskijdom.ru

	страницы: (текстъ)	(примѣчанія)
IV. Демонъ	187	317
— «Таковъ онъ былъ»	—	318
— «Мнѣ было грустно, тяжко больно»	—	320
— «Мою задумчивую младость»	—	320
V. Телега жизни	189	332
VI. Надгробная надпись	190	333
VII. Жалоба	191	334
VIII. Ночь	192	336
IX. Вигелю	193	337
X. «Свободы сѣятель пустынный»	195	337
— «Бывало въ сладкомъ ослѣпленьи»	—	339
XI. «Венеръ, Ѳебу и Ѳемидѣ»	196	342
XII. «Недвижный стражъ дремалъ»	197	342
— «Зачѣмъ ты посланъ былъ...»	—	346
XIII. Княгинѣ Голицыной	200	349
Черновые наброски:		
«Придетъ ужасный мигъ...»	—	353
«Надеждой сладостной младенчески дыша»	—	354
«О Геліосъ, внемли»	—	360
«Умомъ и нѣжною красой»	—	362
«Жуковскій — святой Парнаса чудотворецъ»	—	364
«Мой плѣнникъ вовсе не любезенъ»	—	364

1824.

I. «Воспитанный подъ барабаномъ»	203	366
II. «Все кончено, межъ нами связи нѣтъ»	204	367
III. А. Л. Давыдову	205	369
IV. «Пріютъ любви, онъ вѣчно полнъ»	206	370
V. Иностранкѣ	207	370
VI. «Охотникъ до журнальной драки»	208	372
VII. «Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ»	209	373
VIII. (Саранча)	210	873
IX. «Полу-милордъ, полу-купецъ»	211	375
— «Полу-герой, полу-невѣжда»	—	375
X. «Тимковскій царствовалъ»	212	376

lib.pushkinskijdom.ru

	страницы: (текстъ)	(примѣчанія)
XI. Къ морю	213	377
XII. «Пускай увѣнчанный любовью красоты	216	389
XIII. Прозерпина	217	389
XIV. Аквилонъ	219	393
XV. А. Н. Вульфу	220	395
XVI. Къ Языкову	221	396
XVII. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ»	223	398
XVIII. «Т — правъ...»	231	416
XIX. «Мнѣ жаль великія жены»	232	417
XX. П. А. Плетневу	233	418
XXI. Второе посланіе къ цензору	234	419
XXII. Графу Олизару	237	425
XXIII. «Едва уста краснорѣчивы»	238	429
XXIV. **Цыганы,** поэма	239—270	430—447
— «Блѣдна, слаба—Земфира дремлетъ»	—	433
— «За ихъ лѣнивыми толпами»	—	435
— «Моей любовью насладись»	—	435
XXV. Коварность	271	447
XXVI. Младенцу	273	451
XXVII. Признаніе	274	453
XXVIII. «Презрѣвъ и шопотъ укоризны»	276	454
XXIX. Ночной зефиръ	277	456
XXX. «Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку»	279	457
XXXI. (Изъ письма къ А. Г. Родзянкѣ)	280	457
XXXII. «Ты вянешь и молчишь...»	281	458
XXXIII. «Напрасно ахнула Европа»	282	460
XXXIV. Къ брату: «Что же, будетъ ли вино?	283	460
XXXV. «Сказали разъ Царю...»	284	462
XXXVI. «Въ пещерѣ тайной въ день гоненья»	285	465
XXXVII. «Забылъ и рощу, и свободу»	286	467
XXXVIII. «Пока супругъ тебя...»	287	467
XXXIX. «Блаженъ, кто щастливъ безъ волненья»	288	469
XL. Подражаніе Корану	289—300	470—480

lib.pushkinskijdom.ru

	страницы: (текстъ)	(примѣчанія)
Черновые наброски:		
«Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ»	—	481
«Морей наперсникъ окрыленный»	—	481
«Сабуровъ, ты оклеветалъ»	—	483
«Я не дремалъ—но сонъ изнеможденья»	—	485
«Иванъ-царевичъ по лѣсамъ-горамъ»	—	485
«Играй, прелестное дитя»	—	486
«Онъ вѣжливъ былъ въ моихъ прихожихъ» ...	—	487
«Люблю Одессу я...»	—	487
«На небесахъ когда печальная луна»	—	487
Рукописи Пушкина, упоминаемыя въ примѣчаніяхъ	—	489
Изданія Сочиненій Пушкина, на которыя сдѣланы ссылки	—	493
Указатель журналовъ, альманаховъ и газетъ ..	—	496
Указатель книгъ, упоминаемыхъ въ настоящемъ томѣ	—	502
Указатель стихотвореній	—	503
Указатель личныхъ именъ	—	519
Указатель мѣстныхъ названій	—	531

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Конецъ посланія Чаадаеву, изъ рукописи Румянцовскаго Музея № 2376, л. 7 об...	—	64
2) «Въ Геенѣ праздникъ» и отрывокъ изъ **Бахчисарайскаго Фонтана**, изъ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, л. 50	—	86
3) Отрывокъ изъ **Бахчисарайскаго Фонтана** и «адскій» рисунокъ, изъ той же рукописи, л. 49 об.....	—	88
4) Черновой набросокъ изъ той же рукописи, л. 38 об.....	—	186

lib.pushkinskijdom.ru

	страницы: (текстъ)	(примѣчанія)
5) Три страницы лл. 60, 60 об. и 65 изъ записной книжки 1820 — 1821 г., съ черновиками посланія Я. Н. Толстому.....	—	248
6) Изъ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, л. 28, съ программой поэмы, отрывкомъ изъ посланія Чаадаеву и рисунками	—	251
7) Эпилогъ **Бахчисарайскаго Фонтана** и эпиграмма: «Пѣвецъ Давидъ», изъ рукописи Румянцовскаго Музея № 2366, л. 26	—	481

Всѣ эти снимки исполнены фототипіей А. Ф. Дресслера въ С.-Петербургѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

1821.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

1821.

I

ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ;
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:

Въ *Новостяхъ Литературы* 1825 г. озаглавлено „Море и Земля“.

lib.pushkinskijdom.ru

Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый:
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

(Кіевъ.
8 февраля 1821.)

Стихъ 18-й. *Новости Литературы* 1825 г.: „Игралищѣ“ вмѣсто „Игралище“.

lib.pushkinskijdom.ru

II.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играетъ локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

Стихъ 1-й. *Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія* 1825 г.:
Мила красавица, когда свое чело

---

lib.pushkinskijdom.ru

III.

1 Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты;
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

2 Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придетъ ли мой конецъ?

3 Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

(Каменка.
22 февраля 1821.)

2-я строфа. *Новости Литературы* 1825 г.:

Безмолвно, жребію послушный,
Влачу страдальческій вѣнецъ,
Живу печальный, *равнодушный*
И жду: придетъ-ли мой конецъ?

3-я строфа, 2-й стихъ, тамъ же:

Какъ *вѣтровъ* слышенъ зимній свистъ,

lib.pushkinskijdom.ru

IV.

[ДЕЛЬВИГУ].

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ,
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ бы радъ...
Ты знаешь: я въ минувши годы
У береговъ кастальскихъ водъ
Любилъ марать поэмы, оды;
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды;
Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ *не Русью пахнетъ;*
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.
Теперь я, право, чуть дышу,
Отъ воздержанья муза чахнетъ,
И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
Къ молвѣ болтливой я хладѣю
И изъ учтивости одной
Донынѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой.

lib.pushkinskijdom.ru

Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой
Я славы замѣнилъ кумиръ;
Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ
И, чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуку вашихъ лиръ...
Такъ точно, позабывъ сегодня
Проказы, игры прежнихъ дней,
Глядитъ съ лежанки ваша сводня
На шашни молодыхъ б . . . ей.

[Кишиневъ.
23 марта 1821.]

---

lib.pushkinskijdom.ru

V.

[ГНѢДИЧУ].

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ;
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ Молдаванъ.
Все тотъ же я, какъ былъ и преждѣ,
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ спорю, мало пью,
Октавію — въ слѣпой надеждѣ —
Молебновъ лести не пою,
И Дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья —
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ и духъ высокой,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;

*

lib.pushkinskijdom.ru

О ты который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера музу намъ явилъ
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ —
Твой гласъ достигъ уединенья
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца,
И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья —
Избранникъ Ѳеба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для музъ и дружбы живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны —
Онъ Музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ — мимоходомъ.

[24 марта 1821.
Кишиневъ].

---

lib.pushkinskijdom.ru

VI.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,
Другой за деньги; понимаю.
Другой за то что былъ Французъ;
Клеонъ — умомъ ее стращая;
Дамисъ — за то что нѣжно пѣлъ:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

---

lib.pushkinskijdom.ru

VII.

ЭПИГРАММА

(НА КАЧЕНОВСКАГО).

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

VIII.

ДѢВА.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
Пылаетъ близъ нея задумчивая младость;
Любимцы счастія, наперсники судьбы
Смиренно ей несутъ влюбленныя мольбы:
Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

Въ *Соревнователѣ Просвѣщенія* 1825 г. вмѣсто заглавія поставлено: „Я говорилъ и пр.“

Стихъ 4-й. *Соревнователь Просвѣщенія:*

Другую замѣчать...

Стихъ 8-й, тамъ же:

Жужжатъ вокругъ нея ревнивыя мольбы:

lib.pushkinskijdom.ru

IX.

ЭПИГРАММА.

Оставя честь судьбѣ на произволъ,
. . . . . живая жертва фурій,
Отъ малыхъ лѣтъ любила чуждый полъ,
И вдругъ бѣда; казнитъ ее Меркурій,
Разкаяться приходитъ ей пора,
Она больна, глазъ пухнетъ понемногу;
Вдругъ лопнулъ онъ; что-жъ дама? — слава Богу,
Все къ лучшему, вотъ лишняя дыра!

lib.pushkinskijdom.ru

X.

Наперсница волшебной старины
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ,
Тебя я зналъ во дни моей весны
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ.
Я ждалъ тебя, въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты дѣтскую качая колыбель
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло какъ легкой сонъ;
Ты отрока безпечнаго любила,
Средь важныхъ Музъ тебя лишь помнилъ онъ,
И ты его тихонько посѣтила,
Но тотъ-ли былъ твой образъ, твой уборъ?
Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!

*

lib.pushkinskijdom.ru

Покровъ клубясь волною непослушной
Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушной
Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ,
Прелестницы глава благоухала,
Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
Румянилась и тихо трепетала....

---

lib.pushkinskijdom.ru

XI.

МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тросника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тросникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

(Кишиневъ.
Апрѣля 5, 1821)

---

lib.pushkinskijdom.ru

XII.

КАТЕНИНУ.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантовъ обожатель страстной,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можетъ быть, неправой,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блистала славой,
Я свистомъ гимны заглушилъ.
Погибни злобы мигъ единой,
Погибни лиры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Селименой и Моиной.
Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поноситъ;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приноситъ.

(5 апрѣля.)

Въ изданіяхъ 1826 г. и 1829 г. озаглавлено: „К***ну“.

Стихъ 12-й. Изданіе 1826 г.:

Предъ Мельпоменой и Моиной.

lib.pushkinskijdom.ru

XIII.

Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный,
Эмилій человѣкъ *пустой*.
Да ты чѣмъ *полонъ* шутъ нарядный?
А, понимаю: самъ собой;
Ты полонъ дряни, милый мой!

---

lib.pushkinskijdom.ru

XIV.

[В. Л. ДАВЫДОВУ].

Межъ тѣмъ какъ Генералъ Орловъ,
Обритый рекрутъ Гименея,
Священной страстью пламенѣя,
Подъ мѣру подойти готовъ;
Межъ тѣмъ, какъ ты, проказникъ умной,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,
И за бутылками Аи
Сидятъ Раевскіе мои;
Когда вездѣ весна младая
Съ улыбкой разпустила грязь,
И съ горя на брегахъ Дуная
Бунтуетъ нашъ безрукой князь...
Тебя, Раевскихъ и Орлова
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова
Про Кишиневъ и про себя...
На этихъ дняхъ тиранъ собора
Митрополитъ, сѣдой обжора,
Передъ обѣдомъ невзначай
Велѣлъ жить долго всей Россіи
И съ . . . . . .
Пошелъ христосоваться въ рай...

lib.pushkinskijdom.ru

Я сталъ уменъ, я лицемѣрю:
Пощусь, молюсь и твердо вѣрю,
Что Богъ проститъ мои грѣхи —
Какъ Государь мои стихи —
Говѣетъ Инзовъ, и намѣдни
Я промѣнялъ (Вольтера) бредни
И лиру грѣшный даръ судьбы
На часословъ и на обѣдни
Да на сушеные грибы —
Однакожъ гордый мой разсудокъ
[Меня порядочно] бранитъ,
А мой ненабожный желудокъ
. . . . . вовсе не варитъ....
. . . . . .
Еще когда бы . . . .
Была хоть напримѣръ лафитъ
Иль кло'д'вужо, тогда ни слова,
А то — подумать такъ смѣшно—
Съ водой молдавское вино.
. . . . . .
Но я молюсь и воздыхаю,
Крѣщусь, не внемлю Сатанѣ,
А все невольно вспоминаю,
Давыдовъ, о твоемъ винѣ...
Вотъ Эвхаристія другая,
Когда и ты и милый братъ,
Передъ каминомъ надѣвая
Демократической халатъ —
Спасенья чашу наполняли
Безпенной, мерзлою струей
И за здоровье *тѣхъ* и *той*
До дна, до капли вышивали....
Но *тѣ* въ Неаполѣ шалятъ,
А *та* едвали тамъ воскреснетъ:

*

lib.pushkinskijdom.ru

Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не треснетъ.
Ужель надежды лучь изчезъ?
Но нѣтъ! — мы щастьемъ насладимся,
Кровавой чаши причастимся —
И я скажу: Христосъ Воскресъ —

---

lib.pushkinskijdom.ru

XV.

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ.

Подруга думы праздной,
Чернильница моя,
Мой вѣкъ разнообразной
Тобой украсилъ я —
Какъ часто другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный часъ похмѣлья
И праздничный бокалъ;
Подъ сѣнью хаты скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой. —
Въ минуты вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ,
И Музу призывалъ
На пиръ воображенья.
Прозрачный, легкой дымъ
Носился надъ тобою,
И съ трепетомъ живымъ
Въ немъ быстрой чередою

lib.pushkinskijdom.ru

Сокровища мои
На днѣ твоемъ таятся.
Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга
И съ Лѣнью примирилъ:
Она твоя подруга!
Съ тобой успѣхъ узналъ
Отшельникъ неизвѣстной...
Завѣтный твой кристалъ
Хранитъ огонь небесный;
И подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ вялаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То правды слогъ суровой,
То странность риѳмы новой,
Неслыханной дотоль.
Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
Я весело клеймилъ
Зоила и Невѣжду
Пятномъ твоихъ чернилъ...
Но ихъ не разводилъ
Ни тайной злости пѣной,
Ни ядомъ клеветы.
И сердца простоты
Ни лестью, ни измѣной
Не замарала ты.

Но здѣсь — на лонѣ лѣни

lib.pushkinskijdom.ru

Я слышу нѣжны пѣни
Заботливыхъ друзей....
Ужели ихъ забуду,
Друзей души моей,
И имъ невѣренъ буду —
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи
И дактиль и хореи
Для прозы почтовой.
Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Унынiе разлуки,
Всегдашнiя мечты,
Мои надежды, чувства
Безъ лести, безъ искусства
Бумагѣ передай...
Болтливостью небрежной
И вѣтреной, и нѣжной
Ихъ сердце утѣшай.....

Безпечный сынъ природы,
Пока златые годы
Въ забвеньи трачу я;
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя.

Когда же берегъ ада
Навѣкъ меня возьметъ,
Когда со мной уснетъ
Перо, моя отрада,
И ты, въ углу пустомъ
Осиротѣвъ, остынешь
И навсегда покинешь

lib.pushkinskijdom.ru

Поэта тихій домъ.
Тебя возьметъ унылой,
Чадаевъ, другъ мой милый;
Послѣдній будь привѣтъ
Любимцу прежнихъ лѣтъ.
Изсохшая, пустая,
Межъ двухъ его картинъ
Останься вѣкъ нѣмая,
Укрась его каминъ —
Взыскательнаго свѣта
Очей не привлекай,
Но вѣрнаго поэта
Друзьямъ напоминай.

11 апрѣля 1821.

Кишиневъ.

lib.pushkinskijdom.ru

XVI.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ.

Христосъ воскресъ, моя Реввека,
Сегодня слѣдуя душой
Закону Бога-человѣка,
Съ тобой целуюсь, Ангелъ мой.
А завтра къ вѣрѣ Моисея
За поцелуй я, не робѣя,
Готовъ, Еврейка, приступить
И то во власть тебѣ вручить,
Чѣмъ можно вѣрнаго Еврея
Отъ православныхъ отличить.

12 Апр.

---

*

lib.pushkinskijdom.ru

XVII.

ЖЕЛАНІЕ.

1 Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Гдѣ весело синѣютъ, блещутъ воды,
Роскошные лаская берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

2 Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда летятъ желанія мои.
Я помню горъ высокія вершины,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя простыхъ Татаръ семьи,
Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
Подъ кровлею живутъ гостепріимной.

3 Все мило тамъ красою безмятежной,
Все путника плѣняетъ и манитъ,
Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Повсюду трудъ веселый и прилежной
Сады Татаръ и нивы богатитъ,
Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

4 Все живо тамъ: кудрявыхъ рощь прохлада,
Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
Монастыри, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда,
И яркіе лучи златова Ѳеба,
И синій сводъ полуденнаго неба.

5 Приду ли вновь, поклонникъ Музъ и мира,
Забывъ Молву и свѣта суеты,
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?
Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
Щастливая пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
Найдетъ ли вновь свои живые звуки?

6 И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса,
И своды скалъ, и моря блескъ лазурной,
И ясныя, какъ радость, небеса?
Утихнетъ ли волненье жизни бурной?
Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса?
Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни
Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XVIII.

Въ Юрзуфѣ бѣдный Музульманъ
Недавно жилъ съ дѣтьми, съ женою;
Душевно почиталъ священный Алькоранъ
И щастливъ былъ своей судьбою.
Мехметъ (такъ звался онъ) прилежно цѣлый день
Ходилъ за ульями, за стадомъ
И за домашнимъ виноградомъ —
Не зная, что такое лѣнь;
Жену свою любилъ; Селима это знала
И каждый годъ ему дѣтей она рожала;
Но у татаръ ужъ такъ заведено,
По-нашему, друзья, хоть это и смѣшно.
Фатима разъ — она въ то время
Несла трехмѣсячное бремя,
А каждый вѣдаетъ, что въ эти времена
И даже самая степенная (жена)
Имѣетъ прихоти, то эти, то другія,
И Боже упаси какія!
Фатима говоритъ умильно муженьку:
Мой другъ, мнѣ хочется ужасно каймаку,
Теряю память я, разсудокъ,
Во мнѣ такъ и горитъ желудокъ.

Стихъ 5-й. Скобки Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

Я не спала всю ночь, и посмотри, душа,
Сегодня вѣрно [я] совсѣмъ нехороша;
Всего мнѣ должно опасаться:
Не смѣю даже почесаться, —
Чтобъ крошку не родить съ сметаной на носу...
Такой я муки не снесу —
Любезный, миленькій красивый мой дружочекъ!
Достань мнѣ каймаку хоть крохотной кусочекъ!
Мехметъ разнѣжился, собрался,
Въ кушакъ старинную жестянку завязалъ,
Съ Фатимою поцѣловался,
И мигомъ въ ближнюю долину побѣжалъ,
Чтобы порадовать больную...
Не шелъ онъ, а летѣлъ. Зато въ обратной путь
Пустился по горамъ, едва-едва шагая,
И скоро сталъ искать, совсѣмъ изнемогая,
Мѣстечка, гдѣ бы отдохнуть.
По щастью, на концѣ долины
Увидѣлъ онъ ручей...
Добрелъ до береговъ и легъ въ тѣни вѣтвей.
Журчанье водъ, деревъ вершины,
Душистая трава, прохладный бережокъ,
И тѣнь, и тихій вѣтерокъ,
Все нѣжило, какъ будто говорило:
Люби иль почивай! люби...
Мехмету въ умъ не приходило,
Хоть было бы благоразумно и (вѣрнѣй) не спать!
Вотъ это мило...
Все такъ. Махмутъ, какъ Царь, уснулъ въ долинѣ
(Какъ Царь на пуховой перинѣ)
Положимъ, что Царямъ дано
Подъ балдахиномъ...
Хоть это впрочемъ мудрено...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XIX.

КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И смѣлой колкостью и шутками богатый,
Щастливый Вяземскій, завидую тебѣ.
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить Анаѳемой игривой...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XX.

1 Красы лаисъ, завѣтные пиры
И клики радости безумной,
И мирныхъ музъ минутные дары,
И лепетанье славы шумной...

2 Разоблачивъ (плѣнительный) кумиръ,
Я вижу призракъ безобразной —
Но что жъ теперь тревожитъ хладный миръ
Души безчувственной и праздной?

3 Любилъ я славу и любовь
И многому я въ жизни вѣрилъ,
(Когда еще кипѣла въ сердцѣ) кровь
(И самъ съ собой я лицемѣрилъ)...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXI.

1 Раззѣвавшись отъ обѣдни,
Къ Катакази ѣду въ домъ.
Что за Греческія бредни,
Что за Греческій содомъ!
Подогнувъ подъ . . . . ноги,
За вареньемъ, средь прохладъ,
Какъ Египетскіе боги,
Дамы прѣютъ и молчатъ.

2 Признаюсь предъ всей Европой,
Хромоногая кричитъ:
Маврогеній толсто . . . ый
Душу, сердце мнѣ томитъ!
Мужъ! вотще карманы грузно
Ты набилъ въ семьѣ моей,
И вотще ты пятишь гузно:
Маврогеній мнѣ милѣй.

3 Здравствуй, круглая сосѣдка.
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокетка,
Ты плѣшива, ты глупа.

lib.pushkinskijdom.ru

Говорить съ тобой нѣтъ мочи —
Все прощаю! Богъ съ тобой:
Ты съ утра до темной ночи
Рада въ банкъ играть со мной —

4 Вотъ еврейка съ Тадарашкой,
Пламя пышетъ въ подлецѣ,
Лапу держитъ подъ рубашкой,
Рыло на ея лицѣ,
Весь отъ ужаса хладѣю:
Ахъ, Еврейка, Богъ убьетъ!
Если вѣрить Моисею,
Скотоложница умретъ. —

5 Ты наказана сегодня,
И тебя пронзилъ Амуръ,
О, чувствительная сводня,
О, краса Молдавскихъ дуръ;
Смотришь: каждая дѣвица
Предъ тобою съ молодцомъ,
Ты жъ одна, моя вдовица,
Съ указательнымъ перстомъ.

6 Ты умна, велерѣчива,
Кишиневская Жанлисъ,
Ты бѣла, жирна, шутлива,
Пучеокая Тарсисъ, —
Не хочу судить я строго,
Но къ тебѣ не льнетъ душа —
Такъ послушай, ради Бога,
Будь глупа, да хороша.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXII.

Тадарашка въ васъ влюбленъ
И для вашихъ ножекъ,
Говорятъ, заводитъ онъ
Родъ какихъ-то дрожекъ.
Намъ приходитъ нелегко;
Какъ неосторожно!
Охъ! на дрожкахъ далеко
Вамъ уѣхать можно.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXIII.

Г-ЖѢ ЭЙХФЕЛЬДТЪ.

Ни блескъ ума, ни стройность платья
Не могутъ васъ обворожить;
Одни двоюродные братья
Узнали тайну васъ плѣнить!
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня.
Одна моя надежда Зоя:
Женюсь, и буду вамъ родня...

---

*

lib.pushkinskijdom.ru

XXIV.

ГЕНЕРАЛУ ПУЩИНУ.

Въ дыму, въ крови, сквозь тучи стрѣлъ
Теперь твоя дорога:
Но ты предвидишь свой удѣлъ —
Грядущій нашъ Квирога!
И скоро, скоро, смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа,
Ты молотокъ возмешь во длань,
И воззовешь: свобода!
Хвалю тебя, о вѣрный Братъ!
О Каменьщикъ почтенный!
О Кишиневъ, о темный градъ!
Ликуй имъ просвѣщенный!

lib.pushkinskijdom.ru

XXV.

ЧААДАЕВУ.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда, какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ обьемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.

Въ *Сынѣ Отечества* 1821 г. озаглавлено: „Къ Ч—ву“; въ изданіяхъ 1826 г. и 1829 г.: „Ч***ву“.

Стихъ 10-й. *Сынъ Отечества:*

Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ *объ* нихъ.

Стихъ 12-й тамъ же означенъ точками.

lib.pushkinskijdom.ru

Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ обьятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И Царскосельскія хранительныя сѣни.
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный, вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга,
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга.
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной

Стихъ 26-й. *Сынъ Отечества:*

Пою мои мечты: природу и любовь

Стихъ 28-й, тамъ-же:

Плѣнившіе меня въ младенческія лѣты,

Стихъ 44-й, тамъ же:

Въ минуту гибели надъ бездной *разъяренной*

lib.pushkinskijdom.ru

Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
Или философа, который въ прежни лѣта
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
Но, просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?
Ораторъ Лужниковъ, никѣмъ не замѣчаемъ,
Мнѣ мало досаждалъ своимъ осиплымъ лаемъ.

Мнѣ ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
О лепетаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ,
И сплетней разбирать игривую затѣю,
Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
Печали раннія мою тѣснили грудь:
Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою,
И жизнь перенесу стоической душою.
Одно желаніе: останься ты со мной!
Небесъ я не томилъ молитвою другой.
О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?

Ст. 53-й — 60-й отсутствуютъ въ изданіяхъ 1826 г. и 1829 г.; въ первомъ пропускъ обозначенъ строкою точекъ. Въ *Сынѣ Отечества* пропущенъ 54-й (вмѣсто него строка точекъ), а 55-й измѣненъ:

Глупца Философа, который въ прежни лѣта

lib.pushkinskijdom.ru

Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливъ буду я: но только ради Бога
Гони ты Шепинга отъ нашего порога.

(Кишиневъ, 20 апрѣля 1821 г.)

Стихъ 80-й. *Сынъ Отечества:*

. . . живые *при*говоры.

Стихъ 82-й отсутствуетъ въ *Сынѣ Отечества* и въ изданіяхъ 1826 г. и 1829 г.

Стихъ 84-й въ журналѣ и въ обоихъ изданіяхъ:

Гони ты*** отъ нашего порога.

lib.pushkinskijdom.ru

XXVI.

Пѣвецъ-гусаръ, ты пѣлъ биваки,
Раздолье ухарскихъ пировъ
И грозную потѣху драки
И завитки своихъ усовъ.
Съ веселыхъ [струнъ] во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славилъ, лиру не настроя,
Любовь и мирную бутыль.
Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю
Мнѣ сладокъ жаръ твоихъ рѣчей
Повѣрь, я снова пламенѣю
Воспоминаньемъ прежнихъ дней...

---

*

lib.pushkinskijdom.ru

XXVII.

ДІОНЕЯ.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и не разъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя;
Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ,
И долго послѣ, Діонея,
Улыбку нѣжную лице твое хранитъ.

Новости Литературы 1825 г.:

Подруга милая! Я знаю, отъ чего
Ты съ нынѣшней весной отъ нашихъ игръ отстала;
Я тайну сердца твоего
Давно, повѣрь мнѣ, угадала:
Кларисъ въ тебя влюбленъ; онъ молодъ — и не разъ
Украдкою вдвоемъ я замѣчала васъ:
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя,
Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ...
И долго послѣ, Галатея!
Улыбку нѣжную лице твое хранитъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXVIII.

Вотъ муза, рѣзвая болтунья,
Которую ты столь любилъ.
Она разкаялась, шалунья:
Придворный тонъ ее плѣнилъ.

---

*

lib.pushkinskijdom.ru

XXIX.

ОТРЫВКИ ИЗЪ КОМЕДІИ.

1

— Скажи, какой судьбой другъ другу мы попались?
Въ одномъ дому живемъ, и мѣсяцъ не видались.
Откуда и куда?
— Я шелъ къ тебѣ, сестра:
Хотѣлось мнѣ съ тобой увидѣться.
— Пора!
—Ей-Богу, занятъ былъ... Да чѣмъ?—дѣлами... (службой)...
Я дорожу, сестра, твоею дружбой,
Люблю тебя душой и радъ бы иногда
Съ тобою посидѣть, — но, видишь ты, бѣда:
Всегда разъѣдимся, — я дома, ты — въ каретѣ;
Никакъ не съѣдимся...
— Но мы могли бы въ свѣтѣ
Видаться каждый день...
— Конечно, я бы могъ
Пуститься (въ свѣтъ)... Нѣтъ, пѣтъ, избави Богъ!
По щастью, модный кругъ совсѣмъ теперь не въ модѣ;
Ты знаешь, мы живемъ въ казармахъ на свободѣ,

lib.pushkinskijdom.ru

Не ѣздимъ въ общество, не знаемъ нашихъ дамъ,
Мы васъ оставили на жертву старикамъ,
Любезнымъ баловнямъ осьмнадцатаго вѣка...
А впрочемъ, не найдешь живаго человѣка
Въ отборномъ обществѣ.
— Хвалиться есть ли чемъ
Что тутъ хорошаго! Ну, я прощаю тѣмъ,
(Которые), пустясь въ пятнадцать лѣтъ на волю,
Привыкли ..... лишь къ пороху, да къ полю:
Казармы нравятся имъ больше нашихъ залъ;
Но ты, который (съ годъ учиться) переталъ,
Который не знавалъ походной пыли съ роду, —
За чемъ перенимать у нихъ пустую моду?
Какая нужда въ томъ?
— Въ кругу своемъ (они)
О дѣльномъ говорятъ, читаютъ Жомини...
— Да ты не читывалъ съ тѣхъ поръ, какъ ты родился —
Ты шлафоркомъ однимъ да трубкою плѣнился;
Тебѣ ужъ грустно тамъ, гдѣ только банка нѣтъ,
Гдѣ (вѣчно) не курятъ и долженъ быть одѣтъ...

2.

Она меня зоветъ: поѣду или нѣтъ?
Все слезы, жалобы, упреки — мочи нѣтъ —
Откланяюсь, пора, она мнѣ надоѣла;
Къ тому жъ, и безъ нея мнѣ слишкомъ много дѣла:
Я (нынче) отыскалъ за Каменнымъ мостомъ
Вдову съ племянницей, пойду туда пѣшкомъ,
Подъ видомъ будто бы невиннаго гулянья.
Ахъ! Матушка идетъ... предвижу увѣщанья.
А, здравствуйте, maman! — «Куда же ты, постой!
Я шла къ тебѣ, мой другъ, мнѣ надобно съ тобой
О дѣлѣ говорить». — Я зналъ. — («Возьмижъ терпѣнье,)

*

lib.pushkinskijdom.ru

XXIX.

ОТРЫВКИ ИЗЪ КОМЕДІИ.

1

— Скажи, какой судьбой другъ другу мы попались?
Въ одномъ дому живемъ, и мѣсяцъ не видались.
Откуда и куда?
— Я шелъ къ тебѣ, сестра:
Хотѣлось мнѣ съ тобой увидѣться.
— Пора!
—Ей-Богу, занятъ былъ... Да чѣмъ?—дѣлами... (службой)...
Я дорожу, сестра, твоею дружбой,
Люблю тебя душой и радъ бы иногда
Съ тобою посидѣть, — но, видишь ты, бѣда:
Всегда разъѣдимся, — я дома, ты — въ каретѣ;
Никакъ не съѣдимся...
— Но мы могли бы въ свѣтѣ
Видаться каждый день...
— Конечно, я бы могъ
Пуститься (въ свѣтъ)... Нѣтъ, пѣтъ, избави Богъ!
По щастью, модный кругъ совсѣмъ теперь не въ модѣ;
Ты знаешь, мы живемъ въ казармахъ на свободѣ,

lib.pushkinskijdom.ru

Не ѣздимъ въ общество, не знаемъ нашихъ дамъ,
Мы васъ оставили на жертву старикамъ,
Любезнымъ баловнямъ осьмнадцатаго вѣка...
А впроччемъ, не найдешь живаго человѣка
Въ отборномъ обществѣ.
— Хвалиться есть ли чемъ
Что тутъ хорошаго! Ну, я прощаю тѣмъ,
(Которые), пустясь въ пятнадцать лѣтъ на волю,
Привыкли ..... лишь къ пороху, да къ полю:
Казармы нравятся имъ больше нашихъ залъ;
Но ты, который (съ годъ учиться) пересталъ,
Который не знавалъ походной пыли съ роду, —
За чемъ перенимать у нихъ пустую моду?
Какая нужда въ томъ?
— Въ кругу своемъ (они)
О дѣльномъ говорятъ, читаютъ Жомини...
— Да ты не читывалъ съ тѣхъ поръ, какъ ты родился —
Ты шлафоркомъ однимъ да трубкою плѣнился;
Тебѣ ужъ грустно тамъ, гдѣ только банка нѣтъ,
Гдѣ (вѣчно) не курятъ и долженъ быть одѣтъ...

2.

Она меня зоветъ: поѣду или нѣтъ?
Все слезы, жалобы, упреки — мочи нѣтъ —
Откланяюсь, пора, она мнѣ надоѣла;
Къ тому жъ, и безъ нея мнѣ слишкомъ много дѣла:
Я (нынче) отыскалъ за Каменнымъ мостомъ
Вдову съ племянницей, пойду туда пѣшкомъ,
Подъ видомъ будто бы невиннаго гулянья.
Ахъ! Матушка идетъ... предвижу увѣщанья.
А, здравствуйте, maman! — «Куда же ты, постой!
Я шла къ тебѣ, мой другъ, мнѣ надобно съ тобой
О дѣлѣ говорить». — Я зналъ. — («Возьмижъ терпѣнье,)

*

lib.pushkinskijdom.ru

Мой другъ. Не нравится твое мнѣ поведенье»...
— А въ чемъ же?—«Да во всемъ — во-первыхъ ты жены
Не видишь никогда — вы какъ разведены —
Адель всегда одна, все дома — ты въ каретѣ,
На скачкѣ, въ оперѣ, на балахъ, вѣчно въ свѣтѣ;
Или никакъ нельзя съ женою посидѣть?...»
Обѣды, вечера ты дома бъ могъ имѣть —
. . . . . .
. . . . Пора тебѣ исправить
Привычки прежнія — нельзя ли милый мой
Отвыкнуть наконецъ отъ жизни холостой?
Я сдѣлаю тебѣ такое замѣчанье

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXX.

ЭПИГРАММА.

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ!
Ты боленъ: это не мечты.
И то-то, братецъ, будешь съ носомъ,
Когда безъ носа будешь ты.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXI.

Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжной,
Я прихожу въ послѣдній разъ.
Любви, отрады безмятежной
Дѣлю съ тобой (послѣдній часъ).
Впередъ одна въ надеждѣ томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первыхъ утреннихъ лучей
Не жги свѣчей.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXII.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

. . . . . Сокрылся онъ,
Любви, забавъ питомецъ нѣжной;
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной въ тѣни деревъ
Онѣ кружились на свободѣ;
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужъ его пришѣвъ.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили межъ собой:
«И мы любили хороводы,
Блистали также въ насъ умы;
Но погоди, приспѣютъ годы,
И будешь то, что нынѣ мы;

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ намъ, о міра гость игривый,
Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ;
Теперь играй...» Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
Одна, быть можетъ, слезы льетъ,
И память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ...
Къ чему?
Надъ ясными водами
Гробницы мирною семьёй
Подъ наклоненными крестами
Таятся въ рощѣ вѣковой.
Тамъ, на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучь денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вкругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
Напрасно утромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ:
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXIII.

(Въ Гееннѣ праздникъ).

(Въ тмѣ кромѣшной)
(Есть отдаленный уголокъ),
Гдѣ слезъ во мракѣ льются рѣки,
Откуда изгнаны навѣки
Надежда, миръ, любовь и сонъ,
Гдѣ море адское клокочетъ,
Гдѣ (грѣшника) внимая стонъ
Ужасный Сатана хохочетъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXIV.

Лизѣ страшно полюбить.
Полно нѣтъ-ли тутъ обмана?
Берегитесь — можетъ быть
Эта новая Діана
Притаила нѣжну страсть —
И стыдливыми глазами
Ищетъ робко между вами,
Кто бы ей помогъ упасть.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXV.

АЛЕКСѢЕВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты:
Я позабылъ любви призывы
И плѣнъ опасной красоты;
Свободы другъ миролюбивый,
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой.
Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣрить безразсудно,
Мужей обманывать грѣшно.
Прошелъ веселой жизни праздникъ.
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Баратынскій я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нѣжной?

lib.pushkinskijdom.ru

«Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призракъ ложный,
Безъ упоительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Когда любовникъ иступленной,
Тоскуя, плачетъ предо мной,
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда въ жару своихъ желаній
Съ восторгомъ изьясняетъ онъ
Неясныхъ, темныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ,
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянетъ ревниваго супруга
Или докучливую мать:
Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминутнымъ повтореньямъ
Люблю съ участіемъ внимать;
Я льщу слѣпой его надеждѣ,
Я молодъ юностью чужой,
И говорю: такъ было прежде
Во время оно и со мной.

Въ *Полярной Звѣздѣ* 1825 г. послѣ 44-го стиха идетъ еще:

И чтожъ? измѣной хладнокровной
Я ль стану дружеству вредить,
И снова тактики любовной
Уроки хитрые твердить?
Люби, ласкай свои желанья,
Надеждѣ, сердцу слѣпо вѣрь.
Увы! пройдутъ любви мечтанья
И будешь то, чѣмъ я теперь.

lib.pushkinskijdom.ru

XXXVI.

ПРИМѢТЫ.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
Пастухъ и земледѣлъ въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужъ предрѣчь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
Знай, завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXVII.

КОКЕТКѢ.

Послушайте: вамъ 30 лѣтъ:
Да 30 лѣтъ — не многимъ болѣ —
Мнѣ за 20: я видѣлъ свѣтъ,
Кружился долго въ немъ на волѣ;
Ужъ клятвы, слезы мнѣ смѣшны,
Проказы утомить успѣли;
Вамъ вѣрно съ вашей стороны
Измѣны также надоѣли —
Остепенясь, мы охладѣли,
Не къ стати намъ учиться вновь!
Мы знаемъ: вѣчная любовь
Живетъ едва ли три недѣли.
Съ начала были мы друзья,
Но скука, случай, мужъ ревнивый.....
Безумнымъ притворился я,
(Вы) притворилися стыдливой,
Мы поклялись... потомъ... увы!
Потомъ забыли клятву нашу:
Гусара полюбили вы,
А я наперсницу Наташу.

lib.pushkinskijdom.ru

Мы разошлись; до этихъ поръ
Все хорошо, благопристойно:
Могли бъ мы жить безъ дѣтскихъ ссоръ
Опять и дружно и спокойно...
Оставимъ юный пылъ страстей,
Когда мы клонимся къ закату,
Вы старшей дочери своей,
Я своему меньшому брату,
Имъ можно съ жизнію шалить
И слёзы впредь себѣ готовить;
Еще пристало имъ любить,
А намъ (уже) пора злословить.

---

*

lib.pushkinskijdom.ru

XXXVIII.

1 Ты правъ, мой другъ! напрасно я презрѣлъ
Дары природы благосклонной;
Я зналъ досугъ, безпечныхъ Музъ удѣлъ,
И наслажденья лѣни сонной.

2 Я дружбу зналъ, и жизни молодой
Ей отдалъ вѣтреные годы,
И вѣрилъ ей за чашей круговой
Въ часы веселій и свободы.

3 Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
Я зналъ и трудъ и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье —

4 И свѣтъ и жизнь, и дружбу и любовь
Въ ихъ наготѣ я нынѣ вижу —
Но все прошло, остыла въ сердцѣ кровь,
И мрачный опытъ ненавижу...

5 Свою печать утратилъ рѣзвый нравъ,
Душа часъ-отъ-часу нѣмѣетъ,
Въ ней чувствъ ужъ нѣтъ. Такъ легкой листъ дубравъ
Въ ключахъ Кавказкихъ каменѣетъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXIX.

Въ лѣсахъ Гаргаріи щастливой,
За ланью быстрой и пугливой
Стремится юный Актеонъ.
Уже на тихій небосклонъ
Восходитъ блѣдная Діана —
И въ сумракѣ пускаетъ онъ
Послѣднюю стрѣлу колчана...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XL.

КИНЖАЛЪ.

1 Лемноскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!

2 Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроишься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

3 Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.

4 Вездѣ найдетъ его ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замка́ми,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной...

lib.pushkinskijdom.ru

5 Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Кинжалъ, ты кровь излилъ — и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.

6 Изчадье мятежей подъемлетъ злобный крикъ,
Презрѣнный, мрачный и кровавый
Надъ трупомъ вольности безглавой
Палачъ уродливый возникъ:

7 Апостолъ гибели — усталому Аиду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ,
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву-Эвмениду.

8 О юный праведникъ, избранникъ роковой
О Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ,
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ.

9 Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ подписи кинжалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

XLI.

Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ,
Что (возбуждать) умѣлъ стихами,
(Движенья томныя сердецъ),
Играя смѣхомъ и слезами.
Не тѣмъ горжусь, что иногда
Мои коварные напѣвы
Смиряли въ мысляхъ юной дѣвы
Волненье страха [и] стыда;
Не тѣмъ, что у столба сатиры
Развратъ и злобу я казнилъ
И что грозящій голосъ лиры
Тирана въ ужасъ приводилъ;
Не тѣмъ, что пылкимъ вдохновеньемъ
И бурной (юностью моей)
И страстью воли и гоненьемъ
Я сталъ извѣстенъ межъ людей;
Иная, (высшая) награда
Была мнѣ рокомъ суждена.
(Самолюбивыхъ думъ отрада)!
(Мечтанья суетнаго) сна!...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XLII.

Вечерня отошла давно.
Уже и самъ игуменъ строгой
Свои молитвы прекратилъ
И кости ветхія склонилъ,
(Перекрестясь), на одръ убогой
(Повсюду) сонъ и тишина
Но церкви дверь отворена
. . . трепещетъ лучъ лампады
И тускло озаряетъ онъ
И темну живопись иконъ
И ихъ богатые оклады
И раздается въ тишинѣ
То тяжкій вздохъ, [то] шопотъ внятный
И мрачно дремлетъ въ вышинѣ
Старинный сводъ глухой и....
Стоятъ за клиросомъ монахъ
И грѣшникъ, неподвижны оба—
И грѣшникъ блѣденъ, какъ мертвецъ
(Какъ будто) вышед[шій изъ гроба]
. . . . . .
Нещастный, полно, перестань,
Ужасна исповѣдь злодѣя

lib.pushkinskijdom.ru

Заплачена тобою дань
Тому, кто, въ мукахъ пламенѣя,
Лукаво грѣшника блюдетъ
И къ вѣчной гибели ведетъ.
Молись! опомнись (время, время)
Я разрѣшу тебя — грѣховъ
Сложи мучительное [бремя]...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XLIII.

Наперсница моихъ сердечныхъ думъ
О ты, чей гласъ приятный и небрежной
Смирялъ порой мечты души мятежной
И веселилъ (порой унылый) умъ,
О вѣрная, задумчивая лира,
(Послушная) — перстамъ...

---

*

lib.pushkinskijdom.ru

XLIV.

К. Г — со мною незнакомъ,
Я не видалъ такой негодной смѣси:
Составленъ онъ изъ подлости и спѣси,
Но подлости побольше спѣси въ [немъ]
Въ сраженьи трусъ — въ трактирѣ онъ бурлакъ,
Въ передней онъ подлецъ, въ гостиной онъ дуракъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XLV.

НАПОЛЕОНЪ.

1 Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

2 О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучь безсмертія горитъ.

3 Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землёй?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?

lib.pushkinskijdom.ru

Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.

4 Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ
И день великой, неизбѣжный
Свободы яркій день вставалъ;

5 Тогда въ волненьи бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ,
Въ свое погибельное щастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой,
Тебя плѣняло Самовластье
Разочарованной красой.

6 И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ:

Въ изданіяхъ 1826 г. и 1829 г. пропущены строфы 4, 5 и 6: вмѣсто нихъ поставлены два ряда точекъ.

lib.pushkinskijdom.ru

7 И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ;
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла — сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

8 И се! Въ величіи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ (при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ Россъ)
Тильзитъ надменнаго Героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Щастливца душу волновалъ.

9 Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца Рускихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно Рускихъ разгадалъ...

10 Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!

Изданія 1826 г. и 1829 г. Восьмая строфа пропущена и замѣнена двумя рядами точекъ.

3-й стихъ 10-й строфы замѣненъ точками.

lib.pushkinskijdom.ru

Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война: по гробъ нашъ договоръ.

11 Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжатъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

12 И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

13 Изкуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

14 Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,

lib.pushkinskijdom.ru

И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ Рускому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XLVI.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила страстной;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня навѣкъ обыметъ смертный сонъ,
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолжёнъ
И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.

(23 августа 1821).

---

lib.pushkinskijdom.ru

XLVII.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
Пускай я радости вкушаю невполнѣ;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцалуевъ сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повѣсть?
Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.

Новости Литературы 1825 г. Стихъ 7-й:

Но ты, *прекрасная,* ты рождена для щастья.

Стихъ 12-й:

Ясна, какъ *свѣтлый* день, младенческая совѣсть.

lib.pushkinskijdom.ru

Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я.

(24 — 25 августа, въ ночь).

Стихъ 19-й состоитъ только изъ трехъ словъ:

Нѣтъ, милая моя!

Стихъ 20-й:

Боюсь лишиться я послѣднихъ наслажденій.

lib.pushkinskijdom.ru

XLVIII.

КЪ ***.

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою питать
И неизбѣжную разлуку
Въ унынье робкомъ ожидать?
И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней:
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ
Купить хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XLIX.

ВОЙНА.

Война!... Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ.
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній.
Все ново будетъ мнѣ: простая тѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье,
Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,

lib.pushkinskijdom.ru

И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?... Уже ль ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы,
Ничто ни заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла...
Что жъ медлитъ ужасъ боевой?
Что жъ битва первая еще не закипѣла?...

(29 ноября 1821).

---

*

lib.pushkinskijdom.ru

L.

КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепелъ свой оставилъ.
Твой безотрадный плачь мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеньѣ
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой теплотой согрѣтые луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ хладной Скиѳіи свирѣпые сыны,
За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ,
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ,
И по льду звучному безтрепетно идутъ.
Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелой,
И грозный мечь хранить близъ лиры оробѣлой.
Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ;
Дни старости твоей въ забвеніи потонутъ.
Златой Италіи роскошный гражданинъ,
Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ пишешь:
«О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
О други, Августу мольбы мои несите!
Карающую длань слезами отклоните!
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ;
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
Приближьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
Чье сердце хладное, презрѣвшее харитъ,
Твое уныніе и слезы укоритъ?

Стихи 24-й и 25-й. *Полярная Звѣзда* 1823 г.:

Ты, съ юныхъ лѣтъ *забывъ* волненье жизни ратной,
Привыкнулъ розами вѣнчать свои власы,

lib.pushkinskijdom.ru

Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
Сіи элегіи, послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?

Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ и собой и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
На Скиѳскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
Ужъ пасмурный декабрь на Рускіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
Зима дышала тамъ: а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
Кристаллomъ покрывалъ недвижныя струи.
Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки

lib.pushkinskijdom.ru

Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.
Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній:
И, жертва темная, умретъ мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!...
Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной:
Береговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранится же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ:
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но не унизилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

Стихи 103-й и 104-й. Изданія 1826 и 1829 гг.:

Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирныя мнѣ были благосклонны.

---

lib.pushkinskijdom.ru

LI.

Всегда такъ будетъ и бывало;
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
Ученыхъ много — умныхъ мало,
Знакомыхъ тьма — а друга нѣтъ!

---

lib.pushkinskijdom.ru

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ.

1821—1822.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей,
За Волгой, ночью, вкругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ —
Живутъ безъ власти, безъ закона.
Межъ ними зрится и бѣглецъ
Съ береговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ Еврей,
И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, Башкирецъ безобразной,
И рыжій Финнъ, и съ лѣнью праздной
Вездѣ кочующій Цыганъ!
Опасность, кровь, развратъ, обманъ —
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ хладною рукой

Стихъ 19-й. *Полярная Звѣзда* 1825 г.:

Вотъ узы страшнаго семейства;

Стихи 21-й и 22-й. *Полярная Звѣзда* 1825 г.:

Прошелъ всѣ *ужасы* злодѣйства;
Кто *грабитъ* хладною рукой

lib.pushkinskijdom.ru

Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стенанье,
Кто не прощаетъ, не щадитъ,
Кого убійство веселитъ,
Какъ юношу любви свиданье.

Затихло все, теперь луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
И чарка пѣннаго вина
Изъ рукъ въ другія переходитъ.
Простерты на землѣ сырой,
Иные чутко засыпаютъ:
И сны зловѣщіе летаютъ
Надъ ихъ преступной головой.
Другимъ разсказы сокращаютъ
Угрюмой ночи праздный часъ;
Умолкли всѣ — ихъ занимаетъ
Пришельца новаго разсказъ,
И все вокругъ его внимаетъ:

«Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья:
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость;
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ

Стихъ 25-й. *Полярная звѣзда:*

Кто *лѣтъ и пола* не щадитъ,

Стихъ 28-й. *Полярная звѣзда:*

Затихло все, *и вотъ* луна

lib.pushkinskijdom.ru

Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ,
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь:
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

Ахъ, юность, юность удалая!
Житьё въ то время было намъ,
Когда погибель презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный.
За деревомъ сидимъ и ждёмъ:
Идетъ-ли позднею дорогой
Богатый Жидъ иль попъ убогой, —
Все наше! все себѣ берёмъ.
Зимой бывало въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи —
Туда! къ воротамъ, и стучимъ,

Стихъ 69-й. *Полярная Звѣзда* 1825 г.:

Богатый Жидъ иль . . . убогой, —

1-е и 2-е изданія 1827 г.:

Богатый Жидъ *или* убогой, —

lib.pushkinskijdom.ru

Хозяйку громко вызываемъ,
Вошли — всё даромъ: пьемъ, ѣдимъ,
И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

И чтожъ? попались молодцы;
Недолго братья пировали,
Поймали насъ — и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стража отвела въ острогъ.

Я старшій былъ пятью годами
И вынесть больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами,
Я уцѣлѣлъ — онъ изнемогъ.
Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
Въ забвеньи, жаркой головою
Склоняясь къ моему плечу,
Онъ умиралъ, твердя всечасно:
«Мнѣ душно здѣсь... я въ лѣсъ хочу...
Воды, воды!...» но я напрасно
Страдальцу воду подавалъ:
Онъ снова жаждою томился
И градомъ потъ по немъ катился.
Въ немъ кровь и мысли волновалъ
Жаръ ядовитаго недуга;
Ужь онъ меня не узнавалъ
И поминутно призывалъ
Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ: «гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направилъ?
Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ
Средь этой смрадной темноты?
Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашенъ
Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,

lib.pushkinskijdom.ru

И ночью тамъ, могущъ и страшенъ,
Убійству первый научилъ?
Теперь онъ безъ меня на волѣ
Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машетъ кистенемъ
И позабылъ въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ!...»
То снова разгорались въ немъ
Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья,
Грозя перстомъ издалека.
Всѣхъ чаще образъ старика
Давно зарѣзаннаго нами
Ему на мысли приходилъ;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молилъ:
«Братъ! сжалься надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ...
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ...
Пусти его — онъ неопасенъ;
Въ немъ крови капли теплой нѣтъ...
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчитъ за насъ онъ Божій гнѣвъ!...»
Я слушалъ, ужасъ одолѣвъ;
Хотѣлъ унять больнаго слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ,
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ,
То слышалъ ихъ ужасный шопотъ,
То вдругъ погони близкій топотъ,
И дико взглядъ его сверкалъ,
Стояли волосы горою,
И весь какъ листъ онъ трепеталъ.

lib.pushkinskijdom.ru

То мнилъ ужь видѣть предъ собою
На площадяхъ толпы людей,
И страшный ходъ до мѣста казни,
И кнутъ и грозныхъ палачей...
Безъ чувствъ, исполненный боязни,
Братъ упадалъ ко мнѣ на грудь.
Такъ проводилъ я дни и ночи,
Не могъ минуты отдохнуть
И сна не знали наши очи.

Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились,
Болѣзнь ужасная прошла,
И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнѣй
Взяла тоска по прежней долѣ;
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.
Намъ тошенъ былъ и мракъ темницы,
И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,
И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
И легкій шумъ залётной птицы.

По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянье,
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье;
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
Бухъ! поплыли въ водахъ глубокихъ.
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ,

lib.pushkinskijdom.ru

И разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Въ слѣдъ за нами
Кричатъ: «лови! лови! уйдутъ!»
Два стража издали плывутъ,
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ,
Отягощенные водою....
Погоню видимъ за собою;
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждёмъ. Одинъ ужь тонетъ,
То захлебнётся, то застонетъ
И какъ свинецъ пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужь глубину,
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо —
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ — мы въ воду вновь,
За нами гнаться не посмѣли,
Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдной братъ...
И трудъ и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ
И злыя грезы посѣтили.
Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой;
Въ четвертый грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;

Стихъ 196-й. Изд. 2-е 1827 г.:
За нами гнаться не посп*я*ли,

lib.pushkinskijdom.ru

Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ,
И на груди моей уснулъ.

Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Всё ждалъ, очнется-ли мертвецъ?
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ; грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ
И тѣло въ землю схоронилъ...
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ
Ужь не дождусь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пиры, веселые ночлеги,
И наши буйные набѣги —
Могила брата всё взяла.
Влачусь угрюмой, одинокой;
Окаменѣлъ мой духъ жестокой
И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мнѣ страшно рѣзать старика;
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
Безъ памяти въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ.»

Стихъ 222-й. *Полярная Звѣзда* 1825 г.:
Пиры, *веселья и* ночлеги,

lib.pushkinskijdom.ru

1822.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

I.

У Кларисы денегъ мало,
Ты богатъ; иди къ вѣнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ къ лицу.

(1822 генв.).

---

lib.pushkinskijdom.ru

II.

Недавно я — въ часы свободы
Уставъ наѣздника читалъ
И даже ясно понималъ
Его искусные доводы;
Узналъ я рѣзкія черты
Неподражаемаго слога —
Но перевертывалъ листы,
И — признаюсь — ропталъ на Бога.
Я думалъ: вѣтреный пѣвецъ!
Перебѣсилась наконецъ
Твоя проказливая лира —
И сердцемъ охладѣвъ навѣкъ,
Ты видно сталъ, въ угоду міра,
Благоразумный человѣкъ!
О, горе! молвилъ я сквозь слезы,
Кто далъ Давыдову совѣтъ
Оставить лавръ, оставить розы?
Какъ могъ унизиться до прозы
Вѣнчанный Музою поэтъ,
Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ,
И Бурцова души угрозы?
И вдругъ разтрепанную тѣнь
Я вижу прямо предъ собою
Пьяна — какъ въ самой смерти день
Столбомъ усы, виски горою
Жестокой ментикъ за спиною
И киверъ звѣрски на бекрень...

---

lib.pushkinskijdom.ru

III.

Мой другъ, уже три дня
Сижу я подъ арестомъ
И не видался я
Давно съ моимъ Орестомъ.
Спаситель молдаванъ,
Бахметьева намѣстникъ,
Законовъ провозвѣстникъ,
Смиренный Іоаннъ,
Забывъ (мой свѣтлый санъ,
Я Музъ и Феба крестникъ) —
За то, что яской панъ,
Извѣстный намъ болванъ
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою,
И трусъ, и грубіянъ,
Побитъ немножко мною
И что бояръ пугнулъ
Я новою тревогой,
Къ моей каморкѣ строгой
Приставилъ караулъ...
. . . . . .

lib.pushkinskijdom.ru

Невинною игрою,
А именно — мараю
Небрежныя черты,
Пишу карикатуры,
Знакомыхъ столько лицъ,
Восточныя фигуры
Е...выхъ куконицъ,
И ихъ мужей рогатыхъ,
Обритыхъ и брадатыхъ!...

---

lib.pushkinskijdom.ru

IV.

[ЗАПИСКА КЪ ПРІЯТЕЛЮ.]

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой.
Приди ко мнѣ на рюмку рома,
Приди — тряхнемъ мы стариной!
Нашъ другъ Тардифъ, любимецъ Кома,
Поварни полный Генералъ,
Достойный дружбы и похвалъ
Ханжи, поэта, балагура —
Тардифъ, который Коленкура
И откормилъ и обокралъ, —
Тардифъ, полиціей гонимый
За неуплатные долги,
Тардифъ, умомъ неистощимый
На entre-mets, на пироги....

lib.pushkinskijdom.ru

V.

ДРУЗЬЯМЪ.

1 Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

2 Такъ, Музы васъ благословили,
Вѣнками свыше осѣня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

3 Честолюбивой позолотой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
Она не суетной работой,
Не рѣзьбою плѣняла насъ;

4 Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
Что, жажду Скиѳскую поя,

Строфа 1-я, стихъ 4-й. *Полярная Звѣзда* 1824 г.:
При *блескѣ* чашъ, при звукѣ лиръ.

lib.pushkinskijdom.ru

Бутылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.

5 Я пилъ, и думою сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминалъ.

6 Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струёй.

Строфа 6-я, стихъ 3-й. *Полярная Звѣзда* 1824 г.:

Какъ исчезала въ чашахъ пѣна

lib.pushkinskijdom.ru

VI.

ГРЕЧАНКѢ.

Ты рождена воспламенять
Воображеніе поэтовъ,
Его тревожить и плѣнять
Любезной живостью привѣтовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги томной
Для упоенія страстей.
Скажи: когда пѣвецъ Леилы
Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
Свой неизмѣнный идеалъ,
Ужъ не тебя ль изображалъ
Поэтъ мучительный и милый?
Быть можетъ, въ дальней сторонѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя страдалецъ вдохновенной
Узналъ, иль видѣлъ какъ во снѣ,
И скрылся образъ незабвенной
Въ его сердечной глубинѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Быть можетъ, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ;
Невольный трепетъ возникалъ
Въ твоей груди самолюбивой:
И ты, склонясь къ его плечу....
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждаться имъ,
И, тайной грустію томимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило.

---

lib.pushkinskijdom.ru

VII.

БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБІИ.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой Рускою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутаго:
Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
Въ тебѣ Овидія живаго.

lib.pushkinskijdom.ru

VIII.

ЕМУ ЖЕ.

Я жду обѣщанной тетради:
Что жъ медлишь, милый трубадуръ!
Пришли ее мнѣ Феба ради,
И награди тебя Амуръ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

IX.

ПРІЯТЕЛЮ.

Не притворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не страшенъ лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,
Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнивъ,
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь.

---

lib.pushkinskijdom.ru

X.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

1 Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

2 Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

3 Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любаго возмешь ты коня.

lib.pushkinskijdom.ru

4 «Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ ненуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

5 Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

6 И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могущему данъ.

7 Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего.»

8 Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

lib.pushkinskijdom.ru

9 «Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возмите коня!

10 Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
Въ мой лугъ подъ устцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ;
Водой ключевою поите.»
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

11 Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

12 «А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлютъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

13 Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня.»
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

lib.pushkinskijdom.ru

14 Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

15 Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалёкой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

16 Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змія
Шипя между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

17 Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

(1 марта 1822).

---

lib.pushkinskijdom.ru

XI.

[ЦАРЬ НИКИТА].

Царь Никита жилъ когда-то,
Славно, мирно (и) богато,
Не творя добра, ни зла,
И земля его цвѣла.
Кушалъ, пилъ, молился Богу,
Царь трудился понемногу,
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ 40 дочерей,
40 дѣвушекъ прелестныхъ,
40 Ангеловъ небесныхъ,
Милыхъ видомъ и душой,
Что за глазки — Боже мой!
Ротикъ алый, темный волосъ,
Ножки — чудо! — Нѣжный голосъ —
Васъ съ ума свести бы могъ,
Словомъ — съ головы до ногъ
Чувство, душу все плѣняло;
Одного не доставало.
Да чего же одного?

lib.pushkinskijdom.ru

Такъ бездѣлки, ничего,
Ничего иль очень мало,
Все равно — не доставало...
Какъ бы это изъяснить,
Чтобы намъ не прогнѣвить
Богомольной важной дуры
Или чопорной цензуры.

lib.pushkinskijdom.ru

XII.

ПТИЧКА.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
Зачто на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать!

Литературные Листки 1823 г. Стихи 3-й и 4-й:

На волю птичку *отпускаю*
На свѣтломъ праздникѣ весны.

Стихъ 6-й:

Зачтомъ на Бога мнѣ роптать,

---

lib.pushkinskijdom.ru

XIII.

***

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной
И ваши тайные цвѣты,
О вы, поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни, легкою толпой,
Отъ береговъ холодной Леты,
Слетаются на брегъ земной
И невидимо навѣщаютъ
Мѣста, гдѣ было все милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
Какъ ждетъ на пиръ семья родная
Своихъ замедлившихъ гостей...
Но, можетъ быть, мечты пустыя —
Быть можетъ, съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя,
И чуждъ мнѣ будетъ міръ земной;

lib.pushkinskijdom.ru

Быть можетъ, тамъ, гдѣ все блистаетъ
Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранитъ душа моя,
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XIV.

Покойны чувства, ясенъ умъ,
Пью съ воздухомъ любви томленье,
(Въ душѣ) утихло мрачныхъ думъ
Однообразное волненье.
Какой-то нѣгой неизвѣстной,
Какой-то грустью полонъ я!
Одушевленныя поля,
Холмы Тавриды, край прелестный,
Тебя я посѣщаю вновь,
Пью (жадно) воздухъ сладострастья,
(Вездѣ мнѣ слышенъ тайный гласъ)
Давно затерянаго щастья...
Щастливый край, гдѣ блещутъ воды,
Лаская пышные брега,
И свѣтлой роскошью природы
Озарены холмы, луга,
Гдѣ скалъ нахмуренные своды...

lib.pushkinskijdom.ru

XV.

Пиры, любовницы, друзья
Изчезли съ легкими мечтами,
Одинъ, одинъ остался я!
Померкла молодость моя
Съ ея невѣрными дарами.
Такъ свѣчи, въ долгу ночь горѣвъ
Для рѣзвыхъ юношей и дѣвъ,
Въ концѣ безумныхъ пированій
Блѣднѣютъ предъ лучами дня...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XVI.

На тихихъ берегахъ Москвы
Церквей вѣнчанныя крестами
Сіяютъ ветхія главы
Надъ монастырскими стѣнами —
Кругомъ простерлись по холмамъ
Во вѣкъ не рубленныя рощи —
Издавна почиваютъ тамъ
Угодника святыя мощи.
Щедротой царской...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XVII.

Чугунъ Кагульскій ты священъ
Для Рускаго, для друга славы,
Ты средь торжественныхъ знаменъ
Упалъ горящій и кровавый,
Героевъ сѣвера губя...
Но....

---

lib.pushkinskijdom.ru

XVIII.

Какъ наше сердце своенравно!
Томимый вновь,
Я умолялъ тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьемъ, нѣжностью притворной
Одушевлять свой дивный взглядъ,
Играть душой моей покорной,
Въ нее вливать огонь и ядъ
Ты согласилась, нѣгой влажной
Наполнился твой южный взоръ,
Твой видъ задумчивый и важной,
Твой сладострастный разговоръ.
И то, что дозволяешь нѣжно,
И то, что запрещаешь мнѣ,
Все впечатлѣлось неизбѣжно
Въ моей сердечной глубинѣ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XIX.

Братъ милый, отрокомъ разстался ты со мной —
Въ разлукѣ протекли медлительные годы.
(Теперь ты юноша) — и полною душой
Цвѣтешь для радостей, для (жизни), для свободы.
Какое поприще открыто предъ тобой!
Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій
И сладостныхъ заботъ, и милыхъ заблужденій!
Какъ юный жаръ твою волнуетъ кровь!
Ты сердце пробуешь въ надеждѣ торопливой...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XX.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ ЦЕНЗОРУ.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой,
Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
Не бойся, не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной —
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У насъ писатели я знаю каковы;
Ихъ мыслей не тѣснитъ цензурная расправа,
И чистая душа передъ тобою права.
Вопервыхъ, искренно я признаюсь тебѣ,
Нерѣдко о твоей жалѣю я судьбѣ:
Людской безсмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вѣчно разбирать обязанъ за грѣхи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожитъ:
Тотъ Англійскій романъ съ Французскаго преложитъ,
Тотъ оду сочинитъ, потѣя да крехтя,
Иной трагедію напишетъ намъ шутя —
До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты читай, бѣсися,
Зѣвай, сто разъ засни, а послѣ подпишися.

lib.pushkinskijdom.ru

Такъ — Цензоръ мученикъ! Порой захочетъ онъ
Умъ чтеньемъ освѣжить; Руссо, Вольтеръ, Бюфонъ,
Державинъ, Карамзинъ манятъ его желанье —
А долженъ посвятить безплодное вниманье
На бредни новыя какого-то враля,
Которому досугъ пѣть рощи, да поля....
Да связь утратя въ нихъ, ищи ее сначала,
Или вымарывай изъ тощаго журнала
Насмѣшки грубыя и площадную брань:
Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань.

Но Цензоръ гражданинъ и санъ его священный!
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
Но мнѣнья не тѣснитъ и разумъ терпитъ онъ.
Блюститель тишины, приличія и нравовъ
Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
Закону преданный, отечество любя,
Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
Онъ другъ писателю, предъ знатью не трусливъ,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
А ты, глупецъ и трусъ! что дѣлаешь ты съ нами!
Гдѣ должно бъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая насъ, мараешь и дерешь;
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру — пасквилемъ, поэзію — развратомъ,
Гласъ правды — мятежемъ, Куницына — Маратомъ.
Рѣшилъ, — а тамъ поди, хоть на тебя проси!
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебѣ, не видимъ книгъ доселѣ?
И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
То, славу русскую и здравый умъ любя,

lib.pushkinskijdom.ru

Самъ государь велитъ печатать безъ тебя.
Остались намъ стихи, поэмы, тріолеты,
Баллады, басенки, элегіи, куплеты,
Досуговъ и любви невинныя мечты,
Воображенія минутные цвѣты...
О варваръ! кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца «Пировъ», столь чистый, благородный —
Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
На все кидаешь ты косой, невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ — во всемъ ты видишь ядъ.
Оставь, пожалуй, трудъ нимало не похвальный:
Парнасъ не монастырь и не гаремъ печальный,
И, право, никогда искусный коновалъ
Излишней пылкости Пегаса не лишалъ.
Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ, чьи забавы —
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
Тотъ не знавалъ тебя — мы знаемъ почему —
И рукопись его, не погибая въ Летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
Барковъ шутливыхъ одъ къ тебѣ не посылалъ,
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ,
И Пушкина стихи въ печати не бывали —
Что нужды? Ихъ и такъ иные прочитали.
Но ты свое несешь — и въ нашъ премудрый вѣкъ
Едва ли Шаликовъ не вредный человѣкъ.
За чѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты Наказъ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ, свои права; пойдешь инымъ путемъ.
Въ глазахъ Монархини сатирикъ превосходный

lib.pushkinskijdom.ru

Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,
Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Христосъ два равныя лица;
Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры
Ихъ горделивые разоблачалъ кумиры;
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ;
Наперсникъ Душеньки двусмысленно шутилъ,
Киприду иногда являлъ безъ покрывала —
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко бъ раздѣлались они.
Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зерцало —
Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать....
Старинной глупости мы праведно стыдимся,
Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
Когда никто не смѣлъ отечества назвать,
И въ рабствѣ ползали и люди, и печать!
Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло, губительное время,
Когда невѣжества несла Россія бремя;
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ.
Исправься жъ, будь умнѣй и примирися съ нами.
«Все правда, скажешь ты, не стану спорить съ вами;
Но можно ль цензору по совѣсти судить?
Я долженъ то того, то этого щадить.
Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
Читаю, да крещусь — мараю наудачу....
На все есть мода, вкусъ. Бывало, напримѣръ,
У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
А нынче и Миллотъ попался въ наши сѣти.
Я бѣдный человѣкъ; къ тому жъ жена и дѣти....» —
Жена и дѣти, другъ, повѣрь — большое зло:

lib.pushkinskijdom.ru

Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
Но дѣлать нечего! Такъ если не возможно
Домой тебѣ скорѣй убраться осторожно
И службою своей ты нуженъ для царя,
Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXI.

Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,
Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратилъ?
. . . . . .
(Вы), вѣтры, (бури), взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ.
Гдѣ ты, гроза, символъ [свободы]?
Промчись поверхъ невольныхъ водъ —

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXII.

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый!
Спокойной пристани давно ли ты достигъ —
Давно ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
И снова ты бѣжишь Европы обветшалой:
Ищи стихій другихъ, земли жилецъ усталый!...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXIII.

УЗНИКЪ.

1 Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ,

2 Клюетъ, и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!

3 «Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
«Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
«Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
«Туда, гдѣ гуляемъ лишь вѣтеръ... да я!...»

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXIV.

Я. Н. ТОЛСТОМУ.

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?
Кипишь ли ты, златая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣ же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
По прежнему-ль летятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньи скучномъ, каждый часъ
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ:
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своенравный произволъ

lib.pushkinskijdom.ru

Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разсказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ и шутокъ, и вина, —
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ....
Налейте мнѣ вина кометы,
Желай мнѣ здравія, Колмыкъ!

(Кишиневъ. 26 сентября 1822)

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXV.

Во истину Еврейки молодой
Мнѣ дорого душевное спасенье!
Приди ко мнѣ, прелестный Ангелъ мой,
И мирное прими благословенье,
Спасти хочу земную красоту!
Любезныхъ устъ улыбкою довольной
. . . .
Пою стихи на лирѣ богомольной.
Смиренныхъ струнъ, быть можетъ, наконецъ
Ее плѣнятъ церковные напѣвы —
И . . . . . сойдетъ на сердце дѣвы,
Властитель онъ и мыслей и сердецъ!
Шестнадцать лѣтъ, невинное смиренье,
Бровь темная, двухъ дѣвственныхъ холмовъ
Подъ полотномъ упругое движенье,
Нога любви, жемчужный рядъ зубовъ. . .
Зачѣмъ же ты, еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянецъ пробѣжалъ?
Я не тебя, ... описалъ...
Ахъ, милая, ты право обманулась.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ тиши полей, вдали Іерусалима,
Вдали забавъ и юныхъ волокитъ,
Которыхъ бѣсъ для гибели хранитъ,
Красавица, никѣмъ еще не зрима,
Безъ прихоти вела спокойный вѣкъ.
Ея супругъ, почтенный человѣкъ,
Сѣдой старикъ, плохой столяръ и плотникъ,
Въ селеньи былъ единственный работникъ.
И день и ночь имѣя много дѣлъ,
То съ уровнемъ, то съ вѣрною пилою,
То съ топоромъ, не много онъ смотрѣлъ
На прелести, которыми владѣлъ.
И темный цвѣтъ, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебелькѣ не смѣлъ еще процвѣсть.
Лѣнивый мужъ своею старой лейкой
Въ часъ утренній не орошалъ его;
Онъ какъ отецъ съ невинной жилъ Еврейкой,
Ее кормилъ и — больше ничего.
Но съ праведныхъ небесъ во время оно
Всевышній Богъ склонилъ привѣтный взоръ
. . . . . .

Уже поля нѣмая ночь объемлетъ,
Въ своемъ углу . . . . . сладко дремлетъ;
Всевышній рекъ, и дѣвѣ снится сонъ:
Предъ нею вдругъ открылся небосклонъ,
Во глубинѣ небесъ необозримой,
Въ сіяніи и славѣ нестерпимой,
Тмы Ангеловъ волнуются, кишатъ,
Безчисленны летаютъ Серафимы,
Струнами арфъ бряцаютъ Херувимы,
Архангелы въ безмолвіи сидятъ,
Главы закрывъ, лазурными крылами,

lib.pushkinskijdom.ru

И яркими одѣянъ облаками
Предвѣчнаго стоитъ предъ ними тронъ.
И свѣтелъ вдругъ очамъ явился Онъ!
Всѣ пали ницъ!... Умолкнулъ арфы звонъ.
. . . . . .
Вновь облакомъ одѣлся Божій тронъ
Возсталъ духовъ крылатый легіонъ,
И раздались небесной арфы звуки...
. . . . . .
Пропало все, не внемля дѣтской пени,
На полотнѣ такъ изчезаютъ тѣни,
Рожденныя въ волшебномъ фонарѣ.
Красавица проснулась на зарѣ
И нѣжилась на ложѣ томной лѣни.
Но дивный сонъ, но милый .....
Изъ памяти ея не выходилъ.
. . . . . .
Такъ иногда супругу генерала
Затянутый плѣняетъ адъютантъ.
Что дѣлать намъ? Судьба такъ приказала,
Согласны въ томъ невѣжда и педантъ.
Поговоримъ о странностяхъ любви:
Другаго я не смыслю разговора. —
Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ и душу тяготитъ,
И всюду насъ преслѣдуетъ, томитъ
Предметъ одинъ и думы и страданій, —
Не правда ли, въ толпѣ младыхъ друзей
Наперсника мы ищемъ и находимъ?
Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей
Нарѣчіемъ восторговъ переводимъ...
Когда же мы поймали на лету

lib.pushkinskijdom.ru

Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ на ложе наслажденій
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего намъ болѣе желать,—
Чтобъ оживить о ней воспоминанье,
Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать.
. . . . . .
Въ своемъ углу, печальныхъ думъ полна,
Проводитъ часъ невиннаго досуга
И снова ждетъ плѣнительнаго сна;
Съ ея души не сходитъ образъ милый,
Къ . . . . . летитъ душой унылой;
Въ прохладѣ пальмъ, подъ говоромъ ручья
Задумалась красавица моя.
Не мило ей цвѣтовъ благоуханье,
Не весело веселыхъ водъ журчанье...
И видитъ вдругъ: прекрасная змѣя,
Приманчивой блистая чешуею,
Въ тѣни вѣтвей качается надъ нею
И говоритъ: «любимица небесъ,
Не убѣгай, я плѣнникъ твой послушный»...
Возможно-ли? о чудо изъ чудесъ!...
Ктожъ говоритъ . . . . . простодушной,
Ктожъ это былъ? Увы, конечно, бѣсъ!
Краса змѣи, цвѣтовъ разнообразность,
Ея привѣтъ, огонь лукавыхъ глазъ
Понравились . . . . . въ тотъ-же часъ.
Чтобъ усладить младаго сердца праздность,
На сатанѣ покоя нѣжный взоръ,
Съ нимъ завела опасный разговоръ:
Кто ты, змѣя? По льстивому напѣву,
По красотѣ, по блеску, по глазамъ,
Я узнаю того, кто нашу Еву

lib.pushkinskijdom.ru

Привлечь успѣлъ къ таинственному древу
И тамъ склонилъ несчастную къ грѣхамъ.
Ты погубилъ неопытную дѣву,
А съ нею весь Адамовъ родъ и насъ!
Мы въ безднѣ бѣдъ невольно потонули.
. . . . . .
Но я, повѣрь, историкъ непридворный,
Не нуженъ мнѣ пророка важный чинъ.
Онѣ должны, красавицы другія,
Завидовать огню твоихъ очей,
Ты рождена, о скромная . . . . .!
Чтобъ изумлять адамовыхъ дѣтей,
Чтобъ властвовать надъ нѣжными сердцами,
Улыбкою блаженство имъ дарить,
Сводить съ ума двумя, тремя словами
По прихоти любить и не любить...
Вотъ жребій твой! Какъ ты, младая Ева
Въ своемъ саду скромна, умна, мила,
Но безъ любви въ унынiи цвѣла. —
Всегда одни, глазъ на глазъ, мужъ и дѣва
На берегахъ Эдема свѣтлыхъ рѣкъ
Въ спокойствiи вели свой тихій вѣкъ.
Скучна была ихъ дней однообразность;
Ни рощи сѣнь, ни молодость, ни праздность,
Ничто любви не воскрешало въ нихъ.
. . . . . .
Скажи теперь? уже ли я предатель?
Уже-ль Адамъ несчастенъ отъ меня?
Не думаю, но знаю только я,
Что съ Евою остался я пріятель.»
Умолкнулъ бѣсъ. . . . . въ тишинѣ
Коварному внимала Сатанѣ.
«Чтожъ, думала, быть можетъ, правъ лукавой.
Слыхала я, ни почестьми, ни славой

lib.pushkinskijdom.ru

Ни золотомъ блаженства не купить;
Слыхала я, что надобно любить!...
Любить? Но какъ? за чѣмъ? и что такое?»...
А между тѣмъ вниманье молодое
Ловило все въ разсказахъ Сатаны:
И дѣйствія, и странныя причины,
И смѣлый слогъ и вольныя картины;
Охотники мы всѣ до новизны.
Часъ отъ часу неясное начало
Опасныхъ думъ казалось ей яснѣй,
И вдругъ змѣи какъ будто не бывало —
И новое явленье передъ ней:
. . . . . .
О милый другъ! кому я посвятилъ
Всѣ первыя надежды и желанья!
Красавица, которой я былъ милъ,
Простишь-ли мнѣ мои воспоминанья?
Мои грѣхи, забавы юныхъ дней,
Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей,
При матери докучливой и строгой,
Тебя томилъ я тайною тревогой
И просвѣтилъ невинныя красы...
Я научилъ послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы,
Безсонницы дѣвическую скуку,
Но молодость утрачена твоя:
Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла...
Простишь-ли ты, о милая моя?
. . . . . .
Сплетенные, крутясь идутъ по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединивъ крестъ на крестъ ноги, руки,

lib.pushkinskijdom.ru

То силою, то хитростью науки
Хотятъ увлечь другъ-друга за собой.
Не правда ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,
Оставя классъ, играли мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Усталые, забывъ и брань и рѣчи,
Такъ . . . . . боролись межъ собой.
. . . . . .
Не сѣтуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви!
Умѣете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатоковъ внимательные взоры,
И на слѣды пріятнаго грѣха
Невинности набрасывать уборы.
Отъ матери проказливая дочь
Беретъ урокъ стыдливости покорной
И мнимыхъ слезъ, и съ робостью притворной
Играетъ роль въ рѣшительную ночь;
И поутру, оправясь по немногу,
Встаетъ блѣдна, чуть ходитъ, такъ томна!
Въ восторгѣ мужъ, мать шепчетъ: Слава Богу,
А старый другъ стучится у окна...
. . . . . .
Аминь, аминь! чѣмъ кончу я разсказы?
На вѣкъ забывъ старинныя проказы,
Я пѣлъ тебя . . . . . .
Смиренныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ
Усердное, внимательное пѣнье:
Досель я былъ еретикомъ въ любви,
Младыхъ . . . . . безумный обожатель,
Другъ демона, повѣса и предатель;
Раскаянье мое благослови!

lib.pushkinskijdom.ru

Пріемлю я намѣренья благія —
Перемѣнюсь — Елену видѣлъ я!...
Она мила, какъ нѣжная .....!
Подвластна ей навѣкъ душа моя!
Моимъ рѣчамъ придай очарованье,
Понравиться повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея груди зажги любви желанье,
Не то пойду молиться сатанѣ.
Но дни текутъ, а время сѣдиною
Мою главу тишкомъ посеребритъ,
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтаремъ меня соединитъ;
И я тогда, Іосифъ утѣшитель,
Молю тебя, колѣно преклоня,
О! рогачей заступникъ и хранитель,
Молю, тогда благослови меня.
Даруй ты мнѣ безпечность и смиренье,
Даруй ты мнѣ терпѣнье вновь и вновь
Спокойный сонъ, въ супругѣ увѣренье,
Въ семействѣ миръ и къ ближнему любовь.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXVI.

Я говорилъ предъ хладною толпой,
Языкомъ истины (свободной)
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородной —
(Я замолчалъ)...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXVII.

ВАДИМЪ.

(Отрывки изъ неоконченныхъ: драмы и поэмы).

I. ИЗЪ ДРАМЫ.

ВАДИМЪ.

(Я ждалъ тебя), Рогдай! (Скажи, какую вѣсть)
(О нашей родинѣ ты можешь мнѣ принесть)?
Ты видѣлъ Новгородъ; ты слышалъ гласъ народа;
Скажи, Рогдай, жива ль славянская свобода?
Иль Князя чуждаго покорные рабы
Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?

РОГДАЙ.

Вадимъ, надежда есть, народъ нетерпѣливый,
Старинной вольности питомецъ горделивый,
Досадуя, влачитъ позорный свой яремъ;
Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ:
Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Унынiе вездѣ: торговли (шумъ) утихъ,
Умы встревожены — таится пламя въ нихъ.
Младые граждане кипятъ и негодуютъ.
Вадимъ, они тебя съ надеждой именуютъ.....

ВАДИМЪ.

Безумные! давно ль они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали торжествомъ Властителей чужихъ
И вольныя главы подъ иго преклоняли?
Изгнанью моему давно ль рукоплескали?....
Теперь зовутъ меня — а завтра, можетъ, вновь....
Невѣрна ихъ вражда! невѣрна ихъ любовь....
Но я не измѣню —

II. ИЗЪ ПОЭМЫ.

Сводъ неба мракомъ обложился;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучь,
Сверкая межъ вечернихъ тучь,
Столпомъ неровнымъ отразился.
Качаясь, лебедь на волнѣ
Заснулъ, и все кругомъ почило;
Но вотъ по темной глубинѣ
Стремится бѣлое вѣтрило,
И блещетъ пѣна при лунѣ;
Летитъ испуганная птица,
Услыша близкiй плескъ весла.
Чей это парусъ? Чья десница
Его во мракѣ напрягла?

Ихъ двое. На весло нагбенный,
Одинъ, смиренный житель волнъ,
Гребетъ и къ югу правитъ чёлнъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Другой, какъ волхвомъ пораженный,
Стоитъ недвижимъ; на брега
Глаза вперивъ, не молвитъ слова,
И черезъ челнъ его нога
Перешагнуть уже готова.
Плывутъ....

«Причаливай, старикъ!
Къ утесу правь» — и въ волны вмигъ
Прыгнулъ пловецъ нетерпѣливой
И береговъ уже достигъ.
Межъ тѣмъ, рукой неторопливой
Другой вѣтрило опустивъ,
Свой челнъ къ утесу пригоняетъ,
Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ
Узломъ надежнымъ укрѣпляетъ,
И всходитъ медленной стопой
На берегъ дикой и крутой.
Кремень звучитъ, и пламя вскорѣ
Далеко освѣтило море.
Суровый край! Громады скалъ
На берегу стоятъ угрюмомъ;
Объ нихъ мятежный бьется валъ
И пѣна плещетъ; сосны съ шумомъ
Качаютъ старыя главы
Надъ зыбкой пеленой пучины;
Кругомъ ни цвѣта, ни травы,
Песокъ да мохъ; скалы, стремнины
Вездѣ хранятъ клеймо громовъ
И слѣдъ потоковъ истощенныхъ,
И тлѣютъ кости — пиръ волковъ
Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.
Къ огню заботливый старикъ
Простеръ нѣмѣющія руки.

lib.pushkinskijdom.ru

Примѣты долголѣтней муки,
Согбенны кости, тощій ликъ,
На коемъ время углубляло
Свои послѣдніе слѣды,
Одежда, обувь — все являло
Въ немъ дикость, нужду и труды.
Но кто же тотъ? Блистаетъ младость
Въ его лицѣ; какъ вешній цвѣтъ
Прекрасенъ онъ; но, мнится, радость
Его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ;
Въ глазахъ потупленныхъ кручина;
На немъ одежда Славянина,
И на бедрѣ Славянскій мечь.
Славянъ вотъ очи голубыя,
Вотъ ихъ и волосы златые,
Волнами падшіе до плечь. — — —
Косматымъ рубищемъ одѣтый,
Огнемъ живительнымъ согрѣтый,
Старикъ забылся крѣпкимъ сномъ.
Но юноша, на перси руки
Задумчиво сложивъ крестомъ,
Сидитъ съ нахмуреннымъ челомъ.....
Проходитъ ночь, огонь погасъ,
Остылъ и пепелъ; водъ пучина
Бѣлѣетъ; близокъ утра часъ;
Нисходитъ сонъ на Славянина.

Видалъ онъ дальныя страны,
По сушѣ, по морю носился,
Во дни былые, дни войны,

Стихъ 74-й. Въ „Памятникѣ Отечественныхъ Музъ“ 1827 г.:
И сходитъ сонъ на Славянина.

Стихъ 76-й. Тамъ-же:
По сушѣ, по мор*ямъ* носился.

lib.pushkinskijdom.ru

На западѣ, на югѣ бился,
Дѣля добычу и труды
Съ суровымъ племенемъ Одена,
И передъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали, какъ морская пѣна
Въ часъ бури къ черным берегамъ.
Внималъ онъ радостным хваламъ
И арфамъ Скальдовъ изступленных,
Въ жилищѣ сильных пировалъ,
И очи дѣвъ иноплеменных
Красою чуждой привлекалъ.
Но сладкій сонъ не перепоситъ
Теперь героя въ край чужой,
Въ поля, гдѣ мчится бурный бой,
Гдѣ мечь главы героевъ коситъ;
Не видитъ онъ знакомых скалъ
Каріаландіи печальной,
Ни Альбіона, гдѣ искалъ
Кровавых сѣчь и славы дальной;
Ему не снится шумъ валовъ;
Онъ позабылъ морскія битвы,
И пламя яркое костровъ,
И трубный звукъ, и лай ловитвы;
Другія грезы и мечты
Волнуютъ сердце Славянина:
Предъ нимъ Славянская дружина;

Стихъ 83-й. Въ „Памятникѣ Отечественных Музъ“ 1827 г.:
Въ часъ бури къ *горным* берегамъ.

Стихъ 85-й. Тамъ-же:
И арфамъ Скальдовъ вдохновенных, —

Стихъ 96-й. Тамъ-же:
Правдивых сѣчь и славы дальной.

Стихъ 99-й. Тамъ-же:
И пламя яркое *пировъ*,

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ узнаетъ ея щиты,
Онъ снова простираетъ руки
Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,
Забытымъ въ долги дни разлуки,
Которыхъ ужъ и въ мірѣ нѣтъ.....

Межъ тѣмъ привычныя заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожатъ душу старика:
Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
Плыветъ по волѣ вѣтерка;
Его тихонько увлекаетъ
Къ заливу свѣтлая рѣка,
И рыба сонная впадаетъ
Въ тяжелый неводъ старика;
Все тихо: море почиваетъ,

Стихъ 106-й. Тамъ-же:

Къ товарищамъ минувшихъ лѣтъ,

Въ „Памятникѣ Отечественныхъ Музъ„ 1827 г. послѣ 108-го стиха напечатаны еще стихи:

Онъ видитъ Новгородъ великій,
Знакомый теремъ съ давнихъ поръ;
Но тынъ оброслъ крапивой дикой,
Обвиты окна повиликой, —
Въ травѣ заглохъ широкій дворъ.
Онъ быстро храминъ опустѣлыхъ
Проходитъ молчаливый рядъ:
Все мертво... нѣтъ гостей веселыхъ,
Застольны чаши не гремятъ; —
И вотъ веселая свѣтлица:
Въ немъ сердце бьется: здѣсь иль нѣтъ
Любовь очей, душа-дѣвица?
Цвѣтетъ ли здѣсь — мой милый цвѣтъ?
Найду ль ее?... И съ этимъ словомъ
Онъ входитъ... Что же? страшный видъ!
Въ постелѣ хладной, подъ покровомъ

lib.pushkinskijdom.ru

Но туча виснетъ; дальній громъ
Надъ звучной бездною грохочетъ,
И вотъ пучина подъ челномъ,
Кипитъ, подьемлется, клокочетъ;
Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
Несчастный возвратиться хочетъ,
Челнокъ трещитъ — и пополамъ!
Рыбакъ идетъ на дно морское,
И пробудясь, трепещетъ онъ.
Глядитъ окрестъ: брега въ покоѣ,
На полусвѣтлый небосклонъ
Восходитъ утро золотое;
Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ,
Навстрѣчу радостной денницы,
Щебеча, полетѣли птицы,
И разсвѣло....

---

125 Дѣвица мертвая лежитъ!....
Въ немъ замеръ духъ и взволновался,
Покровъ приподнимаетъ онъ,
Глядитъ — и слабый стонъ
Сквозь тяжкій сонъ его раздался.
130 Она, она! — ея черты!
На персяхъ рану обнажаетъ,
Она погибла! восклицаетъ;
Кто могъ?.... И слышитъ голосъ: ты!...

Стихъ 119-й. *Московскій Вѣстникъ* 1827 г.
Но туча виснетъ; дальный громъ

lib.pushkinskijdom.ru

XXIX.

А Д Е Л И.

Играй, Адель,
Не знай печали.
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Часъ упоенья
Лови, лови!
Младыя лѣта
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣта
Люби, Адель,
Мою свирѣль.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXX.

КЪ Θ. Н. ГЛИНКѢ.

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный Гражданинъ!
Пускай судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ:
Онѣ ничтожны, если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

---

*

lib.pushkinskijdom.ru

XXXI.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати;
Съ щастіемъ у васъ разладъ:
И прекрасны вы не кстати,
И умны вы не впопадъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXII.

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

Куда ты холоденъ и сухъ!
Какъ слогъ твой чопоренъ и блѣденъ!
Какъ въ изобрѣтеньяхъ ты бѣденъ!
Какъ утомляешь ты мой слухъ!
Твоя пастушка, твой пастухъ
Должны ходить въ овчинной шубѣ:
Ты ихъ морозишь на-легкѣ!
Гдѣ ты нашелъ ихъ: въ шустеръ-клубѣ,
Или на Красномъ кабачкѣ?

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXIII.

Въ голубомъ эѳира полѣ
Блещетъ мѣсяцъ золотой;
Старый дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ догарессой молодой...

---

lib.pushkinskijdom.ru

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

1822—1823.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивой
Махнулъ рукой нетерпѣливой:
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ.
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ.
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.

Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занятъ онъ?
На Русь ли вновь идетъ войною,
Несетъ ли Польшѣ свой законъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Горитъ ли местію кровавой,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится ли народовъ горъ,
Иль козней Генуи лукавой?

Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой,
Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.

Уже ль въ его гаремъ измѣна
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
Гяуру сердце отдала?

Нѣтъ, жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и хладной
На лонѣ скуки безотрадной
Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ.
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ аравійскіе цвѣты
Живутъ за стеклами теплицы.
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ,
И непримѣтно за собой
И младость и любовь уводятъ.
Однообразенъ каждый день,
И медленно часовъ теченье.
Въ гаремѣ жизнью правитъ лѣнь;
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младыя жены, какъ-нибудь
Желая сердце обмануть,

lib.pushkinskijdom.ru

Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Или при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ
Гуляютъ легкими роями.
Межъ ними ходитъ злой эвнухъ,
И убѣгать его напрасно:
Его ревнивый взоръ и слухъ
За всѣми слѣдуетъ всечасно.
Его стараньемъ заведёнъ
Порядокъ вѣчный. Воля хана
Ему единственный законъ;
Святую заповѣдь Корана
Не строже наблюдаетъ онъ.
Его душа любви не проситъ;
Какъ истуканъ, онъ переноситъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обиды шалости нескромной,
Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
И тихій вздохъ, и ропотъ томной.
Ему извѣстенъ женскій правъ;
Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
И на свободѣ и въ неволѣ:
Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
Невластны надъ его душой;
Онъ имъ ужс не вѣритъ болѣ.

Раскинувъ легкіе власы,
Какъ идутъ плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,

Стихъ 66-й. Издан. 1824 г.:
И *самыя главы* Корана

lib.pushkinskijdom.ru

И льются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы,
Забавъ ихъ сторожъ неотлучный,
Онъ тутъ; онъ видитъ, равнодушный,
Прелестницъ обнаженный рой;
Онъ по гарему въ тмѣ ночной
Неслышными шагами бродитъ:
Ступая тихо по коврамъ,
Къ послушнымъ крадется дверямъ,
Отъ ложа къ ложу переходитъ;
Въ заботѣ вѣчной, ханскихъ жёнъ
Роскошный наблюдаетъ сонъ,
Ночной подслушиваетъ лепетъ;
Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепетъ,
Все жадно примѣчаетъ онъ:
И горе той, чей шопотъ сонной
Чужое имя призывалъ,
Или подругѣ благосклонной
Порочны мысли довѣрялъ!

Чтожъ полонъ грусти умъ Гирея?
Чубукъ въ рукахъ его потухъ;
Недвижимъ и дохнуть не смѣя,
У двери знака ждетъ эвнухъ.
Встаетъ задумчивый властитель:
Предъ нимъ дверь настежъ. Молча, онъ
Идетъ въ завѣтную обитель
Еще недавно милыхъ жёнъ.

Безпечно ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана
На шелковыхъ коврахъ онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли

Стихъ 88-й. Изданіе 1824 г.: въ тьмѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно иныя
Роняли серги золотыя.
Кругомъ невольницы межъ тѣмъ
Шербетъ носили ароматной,
И пѣснью звонкой и пріятной
Вдругъ огласили весь гаремъ.

Татарская пѣсня.

1.

«Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Меку
На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Своею смертью освятитъ:
Къ нему навстрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетитъ.

3.

«Но тотъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Какъ розу, въ тишинѣ гарема
Лелѣетъ, милая, тебя.»

Онѣ поютъ. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она;

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ!.... Но кто съ тобою,
Грузинка, равенъ красотою?
Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.
Чей голосъ выразитъ сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній?
Какъ сердце, полное тобой,
Забьется для красы чужой?
Но, равнодушный и жестокой,
Гирей презрѣлъ твои красы
И ночи хладные часы
Проводитъ мрачный, одинокой,
Съ тѣхъ поръ, какъ Польская княжна
Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ странѣ родной;
Сѣдой отецъ гордился ею
И звалъ отрадою своею.
Для старика была законъ
Ея младенческая воля.

Стихъ 152-й. Изданіе 1824 г.:

Твоихъ *пронзительныхъ* лобзаній?

lib.pushkinskijdom.ru

Одну заботу вѣдалъ онъ,
Чтобъ дочери любимой доля
Была, какъ вешній день, ясна,
Чтобъ и минутныя печали
Ея души не помрачали,
Чтобъ даже замужемъ она
Воспоминала съ умиленьемъ
Дѣвичье время, дни забавъ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло: тихій нравъ,
Движенья стройныя, живыя
И очи томно-голубыя.
Природы милые дары
Она искуствомъ украшала;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юношей по ней
Въ страданьѣ тайномъ изнывали.
Но въ тишинѣ души своей
Она любви еще не знала
И независимый досугъ
Въ отцовскомъ замкѣ межъ подругъ
Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давно ль? И что же! Тмы Татаръ
На Польшу хлынули рѣкою:
Не съ столь ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною,
Цвѣтущій край осиротѣлъ;

Стихъ 194-й. Изданіе 1824 г.: Тъмы Татаръ.

lib.pushkinskijdom.ru

Исчезли мирныя забавы;
Уныли села и дубравы,
И пышный зàмокъ опустѣлъ.
Тиха Маріина свѣтлица...
Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
Почіютъ мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница...
Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
Скупой наслѣдникъ въ зàмкѣ правитъ,
И тягостнымъ ярмомъ безславитъ
Опустошенную страну.

Увы! Дворецъ Бахчисарая
Скрываетъ юную княжну:
Въ неволѣ тихой увядая,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей нещастную щадитъ:
Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ жёнъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ;
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ;
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей;
Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей;
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой;
Гарема въ дальнемъ отдѣленьѣ
Позволено ей жить одной:

lib.pushkinskijdom.ru

И, мнится, въ томъ уединеньѣ
Сокрылся нѣкто неземной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ,
И сердцу все напоминаетъ
О близкой лучшей сторонѣ...
Тамъ дѣва слезы проливаетъ
Вдали завистливыхъ подругъ;
И между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.
Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранитъ одинъ святый залогъ,
Одно божественное чувство...

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали подъ тихой лавровъ сѣнью
Я слышу пѣнье соловья;
За хоромъ звѣздъ луна возходитъ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На долы, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
Покрыты бѣлой пеленой,
Какъ тѣни легкія мелькая,
По улицамъ Бахчисарая,

Стихъ 251-й. Послѣ него въ изданіи 1824 года стоятъ двѣ строки тире и точекъ; въ изданіяхъ 1827 г. и 1830 г. пробѣлъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
Простыхъ Татаръ спѣшатъ супруги
Дѣлить вечерніе досуги.
Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
Объятый нѣгой безмятежной;
Не прерывается ничѣмъ
Спокойство ночи. Стражъ надежной,
Дозоромъ обошелъ эвнухъ.
Теперь онъ спитъ; но страхъ прилѣжной
Тревожитъ въ немъ и спящій духъ.
Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
Покоя не даетъ уму.
То чей-то шорохъ, то шептанье,
То крики чудятся ему;
Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
Онъ пробуждается, дрожитъ,
Напуганнымъ приникнувъ ухомъ...
Но все кругомъ него молчитъ;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловьи поютъ;
Эвнухъ еще имъ долго внемлетъ,
И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго востока!
Какъ сладко льются ихъ часы
Для обожателей Пророка!
Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,

Стихъ 291-й. Послѣ него въ изданіи 1824 г. строка тире и точекъ; въ изданіяхъ 1827 г. и 1830 г. пробѣлъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ подъ вліяніемъ луны
Все полно тайнъ и тишины
И вдохновеній сладострастныхъ!

Всѣ жены спятъ. Не спитъ одна.
Едва дыша, встаетъ она;
Идетъ; рукою торопливой
Открыла дверь; во тмѣ ночной
Ступаетъ легкою ногой...
Въ дремотѣ чуткой и пугливой
Предъ ней лежитъ эвнухъ сѣдой.
Ахъ, сердце въ немъ неумолимо:
Обманчивъ сна его покой!...
Какъ духъ, она проходитъ мимо.

Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
Ея дрожащая рука
Коснулась вѣрнаго замка...
Вошла, взираетъ съ изумленьемъ...
И тайный страхъ въ нее проникъ.
Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
И Крестъ, любви символъ священный...
Грузинка, все въ душѣ твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило.
Предъ ней покоилась княжна,
И жаромъ дѣвственнаго сна

Стихъ 300-й. Изданіе 1824 г.: во тьмѣ.
Стихъ 301-й. Послѣ него въ изданіи 1824 г. строка тире и точекъ.
Стихъ 306-й. Изданіе 1824 г.:

Какъ духъ, она *промчалась* мимо.

lib.pushkinskijdom.ru

Ея ланиты оживлялись
И, слезъ являя свѣжій слѣдъ,
Улыбкой томной озарялись:
Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
Дождемъ отягощенный цвѣтъ;
Спорхнувшій съ неба, сынъ эдема,
Казалось, ангелъ почивалъ
И сонный слезы проливалъ
О бѣдной плѣнницѣ гарема...
Увы, Зарема, что съ тобой!
Стѣснилась грудь ея тоской,
Невольно клонятся колѣни,
И молитъ: «сжалься надо мной,
Не отвергай моихъ моленій!»...
Ея слова, движенье, стонъ
Прервали дѣвы тихій сонъ.
Княжна со страхомъ предъ собою
Младую незнакомку зритъ;
Въ смятеньѣ, трепетной рукою
Ее подъемля, говоритъ:
«Кто ты?... Одна, порой ночною,
Зачѣмъ ты здѣсь?» — Я шла къ тебѣ:
Спаси меня; въ моей судьбѣ
Одна надежда мнѣ осталась...
Я долго счастьемъ наслаждалась,
Была безпечнѣй день отъ дня...
И тѣнь блаженства миновалась;
Я гибну. Выслушай меня.

Родилась я не здѣсь, далеко,
Далеко... но минувшихъ дней
Предметы въ памяти моей
Донынѣ врѣзаны глубоко.
Я помню горы въ небесахъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Потоки жаркіе въ горахъ,
Непроходимыя дубравы,
Другой законъ, другіе нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море,
И человѣка въ вышинѣ
Надъ парусами...
Страхъ и горе
Донынѣ чужды были мнѣ;
Я въ безмятежной тишинѣ
Въ тѣни гарема разцвѣтала
И первыхъ опытовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидала.
Желанья тайныя мои
Сбылись. Гирей для мирной нѣги
Войну кровавую презрѣлъ,
Пресѣкъ ужасные набѣги
И свой гаремъ опять узрѣлъ.
Предъ хана въ смутномъ ожиданьѣ
Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
Остановилъ на мнѣ въ молчаньѣ,
Позвалъ меня... и съ этихъ поръ
Мы въ безпрерывномъ упоеньѣ,
Дышали счастьемъ; и ни разъ
Ни клевета, ни подозрѣнье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущала насъ.
Марія, ты предъ нимъ явилась...
Увы, съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, измѣною дыша,
Моихъ не слушаетъ укоровъ;
Ему докученъ сердца стонъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
Со мною не находитъ онъ.
Ты преступленью не причастна;
Я знаю, не твоя вина...
И такъ послушай: я прекрасна;
Во всемъ гаремѣ ты одна
Могла бъ еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь;
Зачѣмъ же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мнѣ: онъ мой;
На мнѣ горятъ его лобзанья;
Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ;
Давно всѣ думы, всѣ желанья
Гирей съ моими сочеталъ;
Меня убьетъ его измѣна...
Я плачу! видишь, я колѣна
Теперь склоняю предъ тобой,
Молю, винить тебя не смѣя,
Отдай мнѣ радость и покой,
Отдай мнѣ прежняго Гирея...
Не возражай мнѣ ничего;
Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣньемъ, просьбою, тоскою,
Чѣмъ хочешь, отврати его;
Клянись... (хоть я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забыла вѣру прежнихъ дней;

Стихъ 412-й. Изданіе 1824 г.:

Преврѣньемъ, *прозьбами,* тоскою,

Стихъ 417-й. Изданіе 1824 г.:

Но вѣр*ой* матери моей

lib.pushkinskijdom.ru

Но вѣра матери моей
Была твоя) клянись мнѣ ею
Зарему возвратить Гирею...
Но слушай: если я должна
Тебѣ... кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена.»

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
Не смѣетъ слѣдовать княжна.
Невинной дѣвѣ непонятенъ
Языкъ мучительныхъ страстей:
Но голосъ ихъ ей смутно внятенъ,
Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей.
Какія слезы и моленья
Ее спасутъ отъ посрамленья?
Что ждетъ ее? Уже ли ей
Остатокъ горькихъ юныхъ дней
Провесть наложницей презрѣнной?
О Боже! если бы Гирей
Въ ея темницѣ отдаленной
Забылъ несчастную навѣкъ,
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ея пресѣкъ;
Съ какою бъ радостью Марія
Оставила печальный свѣтъ!
Мгновенья жизни дорогія
Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?
Ужъ ей пора, Марію ждутъ,
И въ небеса на лоно мира
Родной улыбкою зовутъ.

Стихъ 446-й. Послѣ него въ изданіи 1824 года строка тире и точекъ; въ изданіяхъ 1827 г. и 1830 г. пробѣлъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Промчались дни; Маріи нѣтъ.
Мгновенно сирота почила.
Она давно-желанный свѣтъ,
Какъ новый ангелъ, озарила.
Но что же въ гробъ ее свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болѣзнь, или другое зло,
Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!...
Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
Его Гирей опять оставилъ;
Съ толпой Татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный:
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безумiемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ, и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью,
Гаремъ не зритъ его лица;
Тамъ, обреченныя мученью,
Подъ стражей хладнаго скопца
Старѣютъ жены. Между ними
Давно Грузинки нѣтъ; она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.
Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье.

lib.pushkinskijdom.ru

Какая бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье!

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ,
И, въ память горестной Маріи,
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ Крестомъ осѣнена
Магометанская луна
(Символъ конечно дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись: ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Покинувъ сѣверъ наконецъ,
Пиры надолго забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ;
Среди безмолвныхъ переходовъ
Бродилъ я тамъ, гдѣ, бичь народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ

lib.pushkinskijdom.ru

И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣни утопалъ.
Еще понынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.
Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
За коими, въ своей веснѣ,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены въ тишинѣ.
Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище.
Сіи надгробные столбы,
Вѣнчанны мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою.
Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось... но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью,
Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!...

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня

Стихъ 538-й. Послѣ него въ изданіи 1824 года строка тире и точекъ; въ изданіяхъ 1827 г. и 1830 г. пробѣлъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Неотразимый, неизбѣжный?
Маріи ль чистая душа
Явилась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустѣлаго гарема?

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную...
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись! долго ль, узникъ томный,
Тебѣ оковы лобызать,
И въ свѣтѣ лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь Таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,

Стиховъ 549 — 558 нѣтъ въ изданіяхъ 1824, 1827, 1830 и 1835 годовъ. Въ изданіи 1824 г. вмѣсто нихъ полторы строки тире и точекъ, а въ изданіяхъ 1827 г. и 1830 г. пробѣлъ.

lib.pushkinskijdom.ru

И струй и тополей прохлада;
Все чувство путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежной,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ, и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага...

---

lib.pushkinskijdom.ru

Выписка изъ путешествія по Таврид‍ѣ И. М. Муравьева-Апостола.

I.

«Вчера ввечеру, подъ‍ѣхавъ къ Бахчисараю и спустившись въ ущелину, въ которой онъ лежитъ, я засв‍ѣтло успѣлъ только проѣхать длинную улицу, ведущую къ Хансараю (т. е. къ ханскому дворцу), на восточномъ концѣ города находящемуся. Солнца давно уже не видно было за горами, и сумракъ начиналъ сгущаться, когда я вступилъ въ первый дворъ *сарая*. Это не помѣшало мнѣ пробѣжать по теремамъ и дворамъ Таврической *Аламбры;* и чѣмъ менѣе видными становилися предметы, тѣмъ живѣе дѣлалась игра воображенія моего, наполнившагося радужными цвѣтами восточной поэзіи.

Я поведу тебя, мой другъ, не изъ покоевъ, но такъ, какъ должно, отъ внѣшнихъ воротъ, въ которыя проѣздъ съ улицы, по мосту, черезъ узкую *грязную р‍ѣчку* Сурукъ-су. Прошедъ въ ворота, ты на первомъ дворѣ, на пространномъ паралелограмѣ, коего противоположный входу, малый бокъ граничитъ съ садовыми терасами; оба же большіе заняты на лѣвой сторонѣ мечетью и службами, а съ правой дворцемъ, состоящимъ изъ смѣжныхъ не одинаковой высоты зданій. На этой правой сторонѣ, чрезъ ворота, подъ строеніемъ находящіяся, ты проходишь во внутренній дворъ, гдѣ тотчасъ на лѣвой рукѣ представляются тебѣ желѣзныя двери, пестро въ Аравскомъ вкусѣ украшенныя, съ двуглавымъ надъ ними орломъ, занявшимъ мѣсто Оттоманской луны.

Преступивъ за порогъ, ты въ пространныхъ сѣняхъ на мраморномъ помостѣ и на правой рукѣ видишь широкое крыльцо, ведущее въ верхнія палаты. Но сперва остановимся въ сѣняхъ и посмотримъ на два прекрасные фонтана, безпрестанно ліющіе воду изъ стѣны, и бѣлыя мраморныя чаши, одинъ насупротивъ дверей, другой тотчасъ налѣво.

Дабы не оставлять ничего недосказаннымъ о семъ нижнемъ помостѣ, замѣтимъ широкій коридоръ отъ лѣваго угла, противоположно входу стѣны, ведущій прямо въ домовую ханскую божницу, надъ дверью коей начертано:

Селамидъ-Гирей ханъ, сынъ Гаджи-Селимъ Гирея хана. *)

*) Селамидъ владѣлъ отъ 1587 по 1610.

lib.pushkinskijdom.ru

Другая дверь тогоже коридора налѣво даетъ входъ въ большую комнату, гдѣ диванъ вокругъ стѣнъ до половины покоя, съ мраморнымъ посреди онаго водометомъ. Это убѣжище прелестно, прохладно въ знойные часы, когда раскаляются отъ жара окружающія Бахчисарай горы. Третья дверь ведетъ въ ханскій диванъ, т. е. въ комнату, гдѣ собирался государственный совѣтъ; въ нее есть входъ и черезъ переднюю, снаружи отъ большаго двора.

Когда я опишу тебѣ одну изъ залъ верхняго жилья, ты будешь имѣть понятіе о всѣхъ прочихъ, разнствующихъ между собою однимъ только большимъ или меньшимъ украшеніемъ на стѣнахъ. Какъ фасадъ строенія не по прямой чертѣ, а городками, то первое должно замѣтить, что главныя залы освѣщены съ трехъ сторонъ, т. е. всѣ изъ фасада выступающія стѣны всплоть окончатыя. Другаго входа въ залу нѣтъ, кромѣ одной двери боковой, непримѣтной, между пиластрами Аравскаго вкуса, между коими и шкафы, также непримѣтные, находятся по всей темной этой стѣнѣ. Надъ оными стекла (въ лучшихъ залахъ) снутри и снаружи покоя, до потолка, между коими стоятъ украшенія лѣпной работы, какъ то: чаши съ плодами, съ цвѣтами, или деревца съ чучелами разныхъ птицъ. Потолки также, какъ и темная стѣна, столярной работы и весьма красивы: это тоненькая вызолоченная рѣшетка, лежащая на лаковомъ грунтѣ, густаго краснаго цвѣта; на полу я увидѣлъ знакомые мнѣ по Испаніи *эстеры*, т. е. рогожки, весьма искусно сплетенныя изъ тростника, родъ *гениста* и употребляемыя вмѣсто ковровъ на полахъ кирпичныхъ или каменныхъ. Для защиты отъ яркости лучей въ комнатѣ, съ трехъ сторонъ освѣщенной, кромѣ ставней служатъ еще и цвѣтныя, узорчатыя стекла въ окнахъ, любимое рыцарскихъ замковъ украшеніе, безъ сомнѣнія занятое Европейцами отъ восточныхъ народовъ, во время крестовыхъ походовъ. Если въ заключеніе сего общаго описанія ты представишь себѣ диванъ, т. е. подушки, нѣкогда изъ шелковыхъ тканей на полу лежащія вокругъ всѣхъ стѣнъ, исключая темной, ты будешъ имѣть понятіе о лучшихъ залахъ дворца, кромѣ трехъ или четырехъ передѣланныхъ для Императрицы Екатерины II, въ Европейскомъ вкусѣ, съ высокими диванами, креслами и столами. Сія послѣдняя утварь особливо драгоцѣнна для насъ *крещеныхъ*, ибо во всѣхъ странахъ, гдѣ проповѣдуется Коранъ, правовѣрные вмѣсто столовъ употребляютъ низкія круглыя скамьи, на которыя ставятъ подносы и ѣдятъ на нихъ, поджавъ подъ себя ноги, на полу.

Ты легко догадаться можешь, что въ сторонѣ отъ сего строенія находился гаремъ, неприступный для всѣхъ, кромѣ хана, и для одного имѣющій сообщеніе чрезъ коридоръ съ дворцемъ. Эта часть болѣе всѣхъ въ упадкѣ. Разные домики, въ коихъ нѣкогда жертвы любви, или лучше сказать, любострастія томилися въ неволѣ, представляютъ теперь печальную картину разрушенія; обвалившіеся потолки, изломанные полы. Время сокрушило узилище; но что въ томъ пользы, когда то же время, рокомъ узницамъ опредѣленное, протекло для нихъ безотрадно въ рабскихъ угожденіяхъ *одному*, не по сердцу избранному другу, но жестокому властелину! На краю сего гарема стоитъ на большомъ дворѣ высокая шестиугольная бесѣдка, съ рѣшетками вмѣсто оконъ, изъ которой, какъ сказываютъ, ханскія жены, невидимыя, смотрѣли на игры, въѣзды пословъ и другія позорища. Иные говорятъ, будто тутъ ханъ любовался фазанами и показывалъ ихъ любимицамъ своимъ. Это послѣднее потому только вѣроятно, что пѣтухъ съ семействомъ своимъ есть единственная картина, которую супругъ-мусульманъ можетъ представлять невольницамъ своимъ въ

lib.pushkinskijdom.ru

оправданіе многоженства. Между сею полусгнившею бесѣдкою и комнатою, о которой я говорилъ на нижнемъ помостѣ, съ мраморнымъ фонтаномъ, есть прекрасный цвѣтничекъ, гдѣ миртъ и розы могли нѣкогда внушать пѣсни Татарскому Анакреону.

Но пора оставить сіи, грудь тѣснящіе памятники невольничества и выйти подышать на чистомъ воздухѣ. Вотъ насупротивъ большихъ воротъ, на концѣ двора, къ горѣ примыкающагося, терасы въ четыре уступа, на коихъ плодоносныя деревья, виноградъ на рѣшеткахъ и прозрачные источники съ уступа на другой ліющіеся въ каменные басейны. Можетъ быть нѣкогда мурзы-царедворцы, уподобляя Гиреевъ владыкамъ Вавилона, сравнивали и терасы ихъ съ висящими садами Семирамиды: но теперь Крымское чудо сіе представляетъ видъ опустѣнія, такъ какъ и всѣ памятники въ Таврідѣ. Болѣе всего жаль драгоцѣннѣйшаго здѣсь сокровища, воды: многія трубы засорились, а нѣкоторые источники и совсѣмъ исчезли.

За мечетью, внѣ двора, кладбище хановъ и султановъ владѣтельнаго дома Гиреевъ. Прахъ ихъ покоится подъ бѣлыми мраморными гробницами, осѣненными высокими тополями, орѣховыми и шелковичными деревьями. Тутъ лежатъ Менгли и отецъ его, основатель могущества царства Крымскаго. Всѣ памятники покрыты надписями.

Прежде чѣмъ оставимъ сію юдоль сна непробуднаго, я укажу тебѣ отъ сюда на холмъ, влѣво отъ верхней садовой терасы, на коемъ стоитъ красивое зданіе съ круглымъ куполомъ: это мавзолей прекрасной Грузинки, жены хана Керимъ-Гирея. Новая Заира, силою прелестей своихъ, она повелѣвала тому, кому все здѣсь повиновалось; но не долго: увялъ райскій цвѣтъ въ самое утро жизни своей, и безотрадный Керимъ соорудилъ любезной памятникъ сей, дабы ежедневно входить въ оный и утѣшаться слезами надъ прахомъ незабвенной. Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы, но нѣтъ уже болѣе входа къ нему; дверь наглухо заложена. Странно очень, что всѣ здѣшніе жители непремѣнно хотятъ, чтобы эта красавица была не Грузинка, а Полячка, именно какая то Потоцкая, будто бы похищенная Керимъ-Гиреемъ. Сколько я ни спорилъ, сколько ни увѣрялъ ихъ, что преданіе сіе не имѣетъ никакого историческаго основанія и что во второй половинѣ XVIII вѣка не такъ легко было Татарамъ похищать Полячекъ; всѣ доводы мои остались безполезными: они стоятъ въ одномъ: красавица была Потоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, какъ развѣ принятое и справедливое мнѣніе, что красота женская есть, такъ сказать, принадлежность рода Потоцкихъ.»

Отрывокъ изъ письма.

II.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу *) на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную Митридатову гробницу (развалины какой то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожа-

*) Изъ Тамани въ Керчь.

lib.pushkinskijdom.ru

лѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи и только. Изъ Ѳеодосіи до самого Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы..... «Вотъ Четырдагъ», сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различалъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ, тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ.... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный.....

Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ, и путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній, но страшный переходъ его по скаламъ Кикенеиса не оставилъ и малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ уже тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Таврідѣ, все еще видѣлъ и тополи, и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я баснословныя развалины храма Діаны. Видно миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ, по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о старинномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. N. N. почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище:

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоритъ М., я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непремѣнно имъ воспользовался.

---

lib.pushkinskijdom.ru

1823.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

1823.

I.

В. П. ГОРЧАКОВУ.

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь;
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ-нибудь,
Сижу я дома, какъ бездѣльникъ;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Варѳоломей...

---

lib.pushkinskijdom.ru

II.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ даритъ надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,

Варіанты *Литературныхъ Листковъ* 1824 г.:

Стихъ 2-й:
. . . *несчастное* волненье?

Стихъ 9-й:
. . . мнѣ *чувства* омрачивъ,

Стихъ 10-й:
. . . въ любви моей *безумной*,

Стихъ 11-й:
. . . въ толпѣ ихъ *шумной*,

Стихъ 12-й:
. . . *угрюмъ* и молчаливъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводитъ ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мертвитъ, любви не выражая.
Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?...
Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?...
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?...
Но я любимъ.... Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои;
Но я любимъ, тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю.

Стихъ 15-й:

Хочу-ль *уйти* —

Стиховъ 26-го — 28-го нѣтъ въ *Литературныхъ Листкахъ*.

Стихъ 34-й:

Но *ты вѣрна:* тебя я понимаю.

lib.pushkinskijdom.ru

III.

Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...
Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;
Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ печальна и одна...
Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цалуетъ;
Одна... ничьимъ устамъ она не предаетъ
Ни плечь, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Никто ея любви небесной не достоинъ.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоенъ;

. . . . . .

Но если . . . . . .

---

lib.pushkinskijdom.ru

IV.

ДЕМОНЪ.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія —
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья —
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искуства
Такъ сильно волновали кровь,
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимый клеветою,
Онъ провидѣнье искушалъ;

Стихи 17-й и 18-й. *Сѣверные Цвѣты* 1825 г.:

Неистощи*мой* клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

V.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ.

1 Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слезетъ съ облучка.

2 Съ утра садимся мы въ телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: пошолъ!.....

3 Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги;
Порастрясло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

4 Катитъ попрежнему телега.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей.

Строфа 2-я, стихъ 2-й. *Московскій Телеграфъ* 1825 г. и изданіе 1826 г.:
Мы *погоняемъ съ ямщикомъ*

Строфа 2-я, стихъ 4-й. Тамъ-же:
Кричимъ: *валяй по всѣмъ по трёмъ!*

Строфа 3-я, стихъ 4-й. Изданіе 1826 г.:
Кричимъ: *потише,* дуралей!

Строфа 4-я, стихъ 4-й. Тамъ-же:
И время гонитъ лошадей.

lib.pushkinskijdom.ru

VI.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

МЛАДЕНЦУ, СЫНУ кн. Н. Б. и Е. А. ГОЛИЦЫНЫХЪ.

Отраднымъ ангеломъ на землю онъ явился,
И счастье райское принесъ съ собою къ намъ;
Но житель горнихъ мѣстъ, онъ міромъ не прельстился,
И снова отлетѣлъ — въ отчизну къ небесамъ!

---

lib.pushkinskijdom.ru

VII.

ЖАЛОБА.

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ,
А вы, вы модный господинъ:
Таковъ объ васъ народный говоръ,
И дива нѣтъ — не вы одинъ. —

Потомку предковъ благородныхъ,
Увы, никто въ моей роднѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

VIII.

НОЧЬ.

(26 окт. 1823. Одесса.)

Мой голосъ для тебя и ласковый и томной
Тревожитъ позднее молчанье ночи тёмной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча,
Текутъ, ручьи любви, текутъ полны тобою.
Во тмѣ твои глаза блистаютъ предо мною,
Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... твоя... твоя.

lib.pushkinskijdom.ru

IX.

ВИГЕЛЮ.

Проклятый городъ Кишиневъ!
Тебя бранить языкъ устанетъ,
Когда нибудь на грѣшный кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ конечно грянетъ,
И, — не найду твоихъ слѣдовъ!
Падутъ, погибнутъ пламенѣя,
И пестрый домъ Варфоломея,
И лавки грязныя жидовъ:
Такъ, если вѣрить Моисею,
Погибъ несчастливый Содомъ;
Но съ этимъ милымъ городкомъ
Я Кишиневъ равнять не смѣю:
Я слишкомъ съ Библіей знакомъ,
И къ лести вовсе не привыченъ.
Содомъ, ты знаешь, былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ, пирами,
Гостепріимными домами
И красотой не строгихъ дѣвъ!
Какъ жаль, что ранними громами
Его сразилъ Эговы гнѣвъ!
Въ блистательномъ развратѣ свѣта,
Хранимый Богомъ человѣкъ,
И членъ Верховнаго Совѣта,

lib.pushkinskijdom.ru

Провелъ бы я смиренно вѣкъ
Въ Парижѣ Вѣтхаго Завѣта!
Но въ Кишиневѣ, знаешь самъ,
Нельзя найти ни милыхъ дамъ,
Ни сводни, ни книгопродавца. —
Жалѣю о твоей судьбѣ!
Не знаю, придутъ ли къ тебѣ
Подъ вечеръ милыхъ три красавца;
Однако жъ кое-какъ, мой другъ,
Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
Явлюся я передъ тобою;
Тебѣ служить я буду радъ:
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель, пощади мой задъ!

lib.pushkinskijdom.ru

X.

Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя —
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды.....

Паситесь, мирные народы,
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками да бичъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XI.

(Венерѣ), Фебу и Ѳемидѣ
Полезно посвящая дни,
Дозоромъ ѣздятъ по Тавридѣ
И проповѣдуютъ Парни.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XII.

1.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ,
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ и жребіи земли
Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали,
Чредою выпадали
И міру тихую неволю въ даръ несли —

2.

И дѣлу своему владыка самъ дивился.
Се благо, думалъ онъ, и взоръ его носился
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
Отъ Сарско-сельскихъ липъ до башенъ Гибралтара:
Все молча ждетъ удара,
Все пало — подъ яремъ склонились всѣ главы.

3.

Свершилось! молвилъ онъ. Давно ль народы міра
Паденье славили Великаго Кумира,
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

*

lib.pushkinskijdom.ru

4

Давно ли ветхая Европа свирѣпѣла?
Надеждой новою Германія кипѣла,
Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ,
За Пирипеями давно ль судьбой народа
Ужъ правила свобода
И самовластіе лишь сѣверъ укрывалъ?

5.

Давно ль — и гдѣ же вы, зиждители свободы,
Ну что жъ? витійствуйте, ищите правъ природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу —
Вотъ Кесарь — гдѣ же Брутъ? О, грозные Витіи,
Цѣлуйте жезлъ Россіи
И васъ поправшую желѣзную стопу.

6.

Онъ рекъ и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ, и вновь повѣялъ мимо.
Владыку сѣвера мгновенный хладъ объялъ;
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи —
Раздался бой полночи —
И се внезапный гость въ чертогъ Царя предсталъ.

7.

То былъ сей чудный мужъ, посланникъ провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонилися цари,
Мятежной Вольности наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей Царь — изчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари.

lib.pushkinskijdom.ru

8.

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламя блѣдное нахмуренныхъ очей—
Не обличали въ немъ изгнаннаго Героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго, по манію царей.

9.

Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимой,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи,
Владыкѣ полунощи
Владыка запада, грозящій, предстоялъ.

10.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлица
Дружины сѣвера гнала его десница
И Руской въ первой разъ предъ гибелью бѣжалъ,
Таковъ онъ былъ когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ и съ позоромъ
Предъ юнымъ онъ Царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ. —

---

*

lib.pushkinskijdom.ru

XIII.

КНЯГИНѢ ГОЛИЦЫНОЙ,

УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНѢ СУВОРОВОЙ.

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ,
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я стихъ обвороженный,
Мой стихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла —
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки. . . . . .
Довольно: въ гордости моей
Я мыслить буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей —
А можетъ быть, и вдохновеньемъ.

1823 года
Одесса.

---

lib.pushkinskijdom.ru

1824.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

I.

Воспитанный подъ барабаномъ,
Нашъ Z*** лихимъ былъ капитаномъ:
Подъ Австерлицемъ онъ бѣжалъ,
Въ двѣнадцатомъ году дрожалъ,
Зато былъ фрунтовой профессоръ!
Но фрунтъ герою надоѣлъ —
Теперь коллежскій онъ ассесоръ
По части иностранныхъ дѣлъ!

lib.pushkinskijdom.ru

II.

Все кончено! межъ нами связи нѣтъ!
Въ послѣдній разъ, обнявъ твои колѣни,
Произносилъ я горестныя пени;
«Все кончено!» я слышу твой отвѣтъ....

---

lib.pushkinskijdom.ru

III.

А. Л. ДАВЫДОВУ.

Нельзя, мой толстый Аристипъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного тощей Энеиды
Пускался въ море наконецъ,
Ему Горацій, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулилъ хорошую погоду.
Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

Въ изданіи 1829 г. озаглавлено: Д***у.

lib.pushkinskijdom.ru

IV.

Пріютъ любви, онъ вѣчно полнъ
Прохлады сумрачной и влажной,
Тамъ никогда стѣсненныхъ волнъ
Не умолкаетъ шумъ протяжный...

---

lib.pushkinskijdom.ru

V.

ИНОСТРАНКѢ.

На языкѣ, тебѣ невнятномъ,
Стихи прощальные пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну,
Въ разлукѣ чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой другъ, одну тебя.
На чуждыя черты взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страстей не понимая.

---

lib.pushkinskijdom.ru

VI.

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный Зоилъ
Разводитъ опіумъ чернилъ
Слюнёю бѣшеной собаки.

---

lib.pushkinskijdom.ru

VII.

Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ,
Онъ другъ Венеры и пировъ,
Онъ на обѣдахъ — богъ обѣдовъ,
Въ своихъ садахъ — онъ богъ садовъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

VIII.

Саранча летѣла, летѣла
И сѣла.
Сидѣла, сидѣла — все съѣла
И вновь улетѣла.

---

lib.pushkinskijdom.ru

IX.

Полумилордъ, полукупецъ,
Полумудрецъ, полуневѣжда,
Полуподлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

X.

Тимковскій царствовалъ — и всѣ твердили вслухъ,
Что врядъ ли гдѣословъ найдешь подобныхъ двухъ.
Явился Бируковъ, за нимъ вослѣдъ Красовскій:
Ну, право, ихъ умнѣй покойный былъ Тимковскій.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XI.

КЪ МОРЮ.

1 Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

2 Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

3 Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ!

4 Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ
И тишину въ вечерній часъ
И своенравные порывы!

5 Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средь зыбей:

lib.pushkinskijdom.ru

Но ты взыгралъ, неодолимый,
И стая тонетъ кораблей.

6 Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.

7 Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

8 О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.

9 Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

10 Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

11 Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.

Строфа 8-я, стихъ 2-й въ изданіи 1826 г.:

Я путь *отважный* устремилъ?

Строфа 10-я, стихи 3-й и 4-й: въ изданіи 1826 г. въ началѣ обоихъ стиховъ: „Другій“.

lib.pushkinskijdom.ru

Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

12 Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

13 Міръ опустѣлъ... Теперь куда же
Меня бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ
Иль просвѣщенье, иль тиранъ.

14 Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

15 Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

Строфа 11-я, стихъ 3-й. *Московскій Телеграфъ* 1825 г. и *Мнемозина* 1825 г.:

Реви, волнуйся непогодой,

Строфа 13. Въ *Мнемозинѣ* дана только первая половина перваго стиха и далѣе точки. Въ изданіи 1826 г. даны первые два стиха и затѣмъ двѣ строки точекъ. Въ изданіи 1829 г. дана только половина перваго стиха и три съ половиною строки точекъ.

*

lib.pushkinskijdom.ru

XII.

Пускай увѣнчанный любовью красоты
Въ завѣтномъ золотѣ хранитъ ея черты
И письма тайныя, награду долгой муки.
Но въ [тяжкіе] часы томительной разлуки
Ничто, ничто моихъ не радуетъ очей
И ни единый даръ возлюбленной моей,
Драгой залогъ любви, утѣха грусти нѣжной,
Не лѣчитъ ранъ любви безумной, безнадежной.

lib.pushkinskijdom.ru

XIII.

ПРОЗЕРПИНА.

Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожатъ:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ нимфамъ Пеліона
Изъ аида бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ льститъ измѣна:
Прозерпинѣ смертный милъ.
Ада гордая царица
Взоромъ юношу зоветъ,
Обняла, и колесница
Ужъ къ аиду ихъ несетъ:

Стихъ 12-й. *Сѣверные Цвѣты* 1825 г.:
(И богинямъ льститъ измѣна!)

lib.pushkinskijdom.ru

Мчатся, облакомъ одѣты;
Видятъ вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
Прозерпина въ упоеньѣ,
Безъ порфиры и вѣнца,
Повинуется желаньямъ,
Предаетъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы,
Въ сладострастной нѣгѣ тонетъ
И молчитъ и томно стонетъ...
Но бѣгутъ любви часы;
Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожатъ:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ.
И Кереры дочь уходитъ,
И счастливца за собой
Изъ элизія выводитъ
Потаенною тропой;
И счастливецъ отпираетъ
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣній ложный рой.

(26 августа 1824).

lib.pushkinskijdom.ru

XIV.

АКВИЛОНЪ.

1 Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облачко столь гнѣвно гонишь?

2 Недавно черныхъ тучь грядой
Сводъ неба глухо облекался,
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался...

3 Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой —
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавый.

4 Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облачкомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

1824 г. (Михайловское.)

lib.pushkinskijdom.ru

XV.

А. Н. ВУЛЬФУ.

Здравствуй, Вульфъ пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловскій прикащикъ),
Привезетъ намъ, право, кладъ...
Что? — бутылокъ полный ящикъ.
Запируемъ ужъ, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы;
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XVI.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

(*Михайловское*, 1824)

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ музъ;
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я тебѣ.
Давно бъ на Дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой,
И къ благосклонному порогу
Понесъ смиренный посохъ мой,
И возвратился бъ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
Изъ звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ щастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье;
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь;

Въ подзаголовкѣ скобки Пушкина.
Стихъ 19-й. *Литературная Газета* 1830 г. и изданіе 1832 г.:
Куда подуетъ *непогода;*

lib.pushkinskijdom.ru

Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ,
Влачу закованные дни.
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани.
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, Царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой Арапъ,
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
И дворъ и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя. Тебя со мною
Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ
Мой братъ по крови, по душѣ,
Шалунъ, замѣченный тобою;
И музъ возвышенный пророкъ,
Нашъ Дельвигъ все для насъ оставитъ,
И наша троица прославитъ
Изгнанья темный уголокъ.
Надзоръ обманемъ караульной,
Восхвалимъ вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудимъ шумные пиры,
Вниманье дружное преклонимъ
Ко звону рюмокъ и стиховъ,
И скуку зимнихъ вечеровъ
Виномъ и пѣснями прогонимъ.

Стихи 21-й и 22-й. *Литературная Газета* 1830 г. и изданіе 1832 г.:

Теперь одинъ, въ глухомъ изгнаньѣ
Влачу *томительные* дни.

Стихъ 34-й. Въ изданіи 1832 г. дана только половина стиха, и на этомъ пьеса обрывается.

lib.pushkinskijdom.ru

XVII.

РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.*

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Стишки для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть,
Ужъ разгласить успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, готова,
Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй.
Итакъ рѣшите; жду я слова:
Назначьте сами цѣну ей.
Стишки любимца музъ и грацій
Мы вмигъ рублями замѣнимъ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Нельзя ль узнать?

ПОЭТЪ.

Я былъ далеко:
Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,

---

* Было напечатано при первой главѣ „Онѣгина“.

Стихъ 3-й. Изданіе 1825 г.:

И разгласить...

lib.pushkinskijdom.ru

Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
Я видѣлъ вновь пріюты скалъ
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя раждались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,
И музы сладостныхъ даровъ

lib.pushkinskijdom.ru

Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы младой
Хранитъ любовникъ суевѣрной.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Но слава замѣнила вамъ
Мечтанья тайнаго отрады:
Вы разошлися по рукамъ,
Межъ тѣмъ, какъ пыльныя громады
Лежалой прозы и стиховъ
Напрасно ждутъ себѣ чтецовъ,
И вѣтреной ея награды.

ПОЭТЪ.

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ ли чтеца?
Гоненье ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья;
Жуковскій то же говорилъ:
Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
Ихъ сладкозвучныя творенья.

lib.pushkinskijdom.ru

И впрямъ, завиденъ вашъ удѣлъ:
Поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ;
Героевъ утѣшаетъ онъ;
Съ Коринной на Киѳерскій тронъ
Свою любовницу возноситъ.
Хвала для васъ докучный звонъ;
Но сердце женщинъ славы проситъ:
Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
Пріятна лесть Анакреона:
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

ПОЭТЪ.

Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты.
Мои слова, мои напѣвы
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда;
Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои!
Но полно! въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пускай ихъ юноша поетъ,

Стиховъ 97-го — 100-го нѣтъ въ изданіяхъ 1825 и 1835 гг.
Стихъ 107-й. Въ изданіи 1825 г.:

Пускай ихъ *Шаликовъ* поетъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Любезный баловень природы.
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтреной души;
Нечисто въ нихъ воображенье:
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу больно:
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?
Ахъ, лира, лира! что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, если бъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
Причины вашихъ огорченій
Мнѣ знать нельзя; но исключеній
Для милыхъ дамъ ужели нѣтъ?
Ужели ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей,
И вашихъ пѣсень не присвоитъ
Всесильной красотѣ своей?
Молчите вы.

Стиховъ 125-го — 128-го нѣтъ въ изданіяхъ 1825 и 1835 гг.

lib.pushkinskijdom.ru

ПОЭТЪ.

Зачѣмъ поэту
Тревожить сердца тяжкій сонъ?
Безплодно память мучитъ онъ.
И что жъ? Какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранитъ ли образъ незабвенный?
Любви блаженство зналъ ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таилъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ та была, которой очи,
Какъ небо, улыбались мнѣ?
Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?

. . . . . .

И что жъ? Докучный стонъ любви,
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содраганьемъ:
Судьбою такъ ужъ рѣшено.
Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
Одна была — предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
Любви поэзіи святой.
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи,
Я находилъ огонь небесный,
Сгорая жаждою любви.
Ахъ, мысль о той души завялой

Стихи 155-й — 162-й. Этихъ стиховъ нѣтъ въ изданіи 1825 г. и въ изданіи 1835 г.

lib.pushkinskijdom.ru

Могла бы юность оживить,
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумѣла
Стихи неясные мои;
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, не нужно ей.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Итакъ, любовью утомленный,
Наскуча лепетомъ молвы,
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтреную моду,
Что жъ изберете вы?

ПОЭТЪ.

Свободу.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ;
Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!

lib.pushkinskijdom.ru

Предвижу ваше возраженье;
Но васъ я знаю, господа:
Вамъ ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипитъ, бурлитъ воображенье;
Оно застынетъ, и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходятъ
Нетерпѣливые чтецы;
Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
За ними тощіе пѣвцы:
Кто проситъ пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера.
И, признаюсь, отъ вашей лиры
Предвижу много я добра.

ПОЭТЪ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись.
Условимся.

(26 сентября 1824 г.)

Стихи 191-й и 192-й. Въ изданіи 1825 г. было напечатано:

Я знаю ваше возраженье,
Но тутъ не вижу я стыда.

Но въ концѣ книжки напечатано: „Поправка", „вмѣсто.... слѣдуетъ читать:" (дано чтенье, имѣющееся въ текстѣ).

lib.pushkinskijdom.ru

XVIII.

Т— правъ, когда такъ вѣрно васъ
Сравнилъ онъ съ радугой живою,
Вы милы какъ она для глазъ
И какъ она премѣнчивы душою.
И съ розой схожи вы, блеснувшею весной:
Вы такъ же, какъ она, предъ нами
Цвѣтете пышною красой
И также колетесь, Богъ съ вами,
Но болѣе всего сравненіе съ ключемъ
Мнѣ нравится — я радъ ему сердечно;
Да, чисты вы какъ онъ и сердцемъ и умомъ,
И такъ же холодны конечно.
Сравненья прочія не столько хороши,
Поэтъ не виноватъ — сравненья неудобны:
Вы прелестью лица и прелестью души,
Къ нещастью, безподобны.

lib.pushkinskijdom.ru

XIX.

Мнѣ жаль великія жены,
Жены, которая любила
(И ради славы) дымъ войны,
И дымъ Парнасскаго кадила.
Въ аллеяхъ Царскаго Села
(Она) съ Державинымъ, съ Орловымъ
Бесѣды мудрыя вела...
(Любила въ ....., чай пила),
. . . . . иногда
. . . . . .
. . . . . .
Старушка милая жила
Пріятно и не много блудно,
Вольтеру первый другъ была,
Наказъ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
(Съ тѣхъ поръ затмилось) [все] и мгла...
Россія, бѣдная держава,
Твоя удавленная слава
Съ Екатериной умерла.

lib.pushkinskijdom.ru

XX.

[П. А. ПЛЕТНЕВУ.]

Ты издалъ дядю моего:
Творецъ Опаснаго Сосѣда
Достоинъ очень былъ того,
Хотя покойная Бесѣда
И не вѣнчала ликъ его.
Теперь издай меня, пріятель,
Плоды пустыхъ моихъ трудовъ.
Но ради Феба, мой Плетневъ,
Когда ты будешь свой издатель...
. . . . . .

lib.pushkinskijdom.ru

XXI.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ЦЕНЗОРУ.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ!
Позволь обнять себя, мой прежній собесѣдникъ.
Недавно, тяжкою цензурой притѣсненъ,
Послѣднихъ, жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
Со всею братіей гонимый совокупно,
Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно;
Потѣшилъ дерзости бранчивую свербежъ —
Но извини меня, мнѣ было не въ терпежъ.
Теперь, въ моей глуши журналы раздирая,
И бѣдной братіи стишонки разбирая
(Теперь же мнѣ читать охота и досугъ),
Обрадовался я, по нимъ замѣтя вдругъ
Въ тебѣ и правила, и мыслей образъ новый!
Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
И твердостью души, и смѣлостью ума.
Какъ изумилася поэзія сама,
Когда ты разрѣшилъ по милости чудесной
Завѣтныя слова: *божественный, небесный*
И ими назвалась (для риѳмы) красота,
Не оскорбляя тѣмъ ужъ Господа Христа!
Но что же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило
И нрава твоего кичливость усмирило?

lib.pushkinskijdom.ru

Свои посланія хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою,
Но, подразнивъ тебя, я перемѣной сею
Пріятно изумленъ, гордиться не посмѣю.
Отнесся я къ тебѣ по долгу моему;
Но мнѣ ль исправить васъ? Нѣтъ, вѣдаю, кому
Сей важной новостью обязана Россія.
Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ.
Шишковъ наукъ уже правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ Музъ любилъ:
Ихъ, незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ;
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины
Отъ хлада нашихъ дней укрылъ онъ лавръ единый.
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой Отецъ,
Омара да Гали пріявъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушить старался просвѣщенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша,
И помогалъ ему Магницкой благородный,
Мужъ твердый въ правилахъ, душою превосходный,
И даже бѣдный мой Кавелинъ-дурачокъ,
Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи пакостныя руки
Вы были ввѣрены, печальныя науки!
Цензура, вотъ кому подвластна ты была!

Но полно! мрачная година протекла,
И ярче ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья.
Я, съ перемѣною несчастнаго правленья,
Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Но, самъ не знаю какъ, ты, видно, устоялъ.
Итакъ я поспѣшилъ пріятелей поздравить
И между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить:

Будь строгъ, но будь уменъ. Не просятъ у тебя,
Чтобъ, всѣ законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ Господамъ позволилъ самовластно.
Права свои храни по долгу своему;
Но скромной Истинѣ, но мирному Уму,
И даже Глупости, невинной и довольной,
Не заграждай пути заставой своевольной,
И если ты въ плодахъ досужнаго пера
Порою не найдешь великаго добра,
Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
Престоловъ, алтарей и нравовъ супостата,
То, славы Автору желая отъ души,
Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

lib.pushkinskijdom.ru

XXII.

ГРАФУ ОЛИЗАРУ.

Пѣвецъ! издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена,
То наша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозою.
И вы, бывало, пировали,
Кремля [торжествовали] плѣнъ;
И мы о камень падшихъ стѣнъ
Младенцевъ вашихъ убивали,
Когда . . . . . топтали
Красу Костюшкиныхъ знаменъ.....

И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
Кольцомъ завѣтнымъ сопряженъ;
Не выпьемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ женъ;
И наша дѣва молодая,
Привлекши сердце поляка,
Отвергнетъ . . . . . .
Любовь народнаго врага.
Но огнь поэзіи чудесный
Сердца враждебныя дружитъ.....

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXIII.

*
* *

1 Едва уста краснорѣчивы
Тебя коснулися — и вмигъ
Его ума огонь игривый
Въ тебя таинственно проникъ.

2 Кристаллъ, поэтомъ обновленной,
Укрась мой тихій уголокъ,
Залогъ поэзіи священной
И дружбы сладостной залогъ.

3 Въ тебѣ таится жаръ цѣлебной.....

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXIV.

ЦЫГАНЫ.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полу-завѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ и крикъ дѣтей
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Низходитъ сонное молчанье
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.

Стихъ 1-й. *Полярная Звѣзда* 1825 г.:

Цыгане. . .

lib.pushkinskijdom.ru

Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальное глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
Она придетъ; но вотъ ужъ ночь,
И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
Небесъ далекихъ облака;
Земфиры нѣтъ какъ нѣтъ, и стынетъ
Убогій ужинъ старика.

Но вотъ она. За нею слѣдомъ
По степи юноша спѣшитъ;
Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
«Отецъ мой, дѣва говоритъ,
Веду я гостя: за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла
И въ таборъ нà ночь зазвала.
Онъ хочетъ быть какъ мы Цыганомъ;
Его преслѣдуетъ законъ,
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ идти за мною всюду».

Старикъ.

Я радъ. Останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ ты захочешь. Я готовъ
Съ тобой дѣлить и хлѣбъ и кровъ.
Будь нашъ, привыкни въ нашей долѣ,
Бродящей бѣдности и волѣ;
А завтра съ утренней зарёй
Въ одной телѣгѣ мы поѣдемъ;
Примись за промыселъ любой:
Желѣзо куй, иль пѣсни пой
И села обходи съ медвѣдемъ.

Алеко.

Я остаюсь.

Земфира.

Онъ будетъ мой:
Кто жъ отъ меня его отгонитъ?
Но поздно.... мѣсяцъ молодой
Зашелъ, поля покрыты мглой,
И сонъ меня невольно клонитъ....

Стихъ 62-й. *Полярная Звѣзда* 1825 г.:

Да села обходи съ медвѣдемъ.

Стихъ 67-й. Послѣ него въ *Полярной Звѣздѣ* два ряда точекъ, а затѣмъ стихъ 68-й.

lib.pushkinskijdom.ru

Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ
Вокругъ безмолвнаго шатра.
«Вставай, Земфира, солнце всходитъ;
Проснись, мой гость, пора, пора!
Оставьте, дѣти, ложе нѣги.»
И съ шумомъ высыпалъ народъ,
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось: и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ во слѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, Цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лахмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завываньс,
Волынки говоръ, скрыпъ телѣгъ,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо-непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Стихъ 90-й. *Полярная Звѣзда* 1825 г.:

Но все такъ живо — неспокойно,

Стихъ 93-й. Въ *Полярной Звѣздѣ* тутъ кончается отрывокъ двумя строками точекъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину,
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира,
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ;
Что жъ сердце юноши трепещетъ,
Какой заботой онъ томимъ?
Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда,
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ,
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ—
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.
Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ, изгнанникъ перелетной,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Ему вездѣ была дорога,
Вездѣ была ночлега сѣнь;
Проснувшись поутру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его порой волшебной славы
Манила дальняя звѣзда,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ;
Но онъ безпечно подъ грозою
И въ ведро ясное дремалъ.
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой;
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давно ль, на долго ль усмирѣли?
Онѣ проснутся: погоди.

---

lib.pushkinskijdom.ru

Земфира.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда?

Алеко.

Что жъ бросилъ я?

Земфира.

Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города.

Алеко.

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.

lib.pushkinskijdom.ru

Земфира.

Но тамъ огромныя палаты,
Тамъ разноцвѣтные ковры.
Тамъ игры, шумные пиры,
Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!

Алеко.

Что шумъ веселій городскихъ?
Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
А дѣвы.... Какъ ты лучше ихъ
И безъ нарядовъ дорогихъ,
Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
Не измѣнись, мой нѣжный другъ!
А я... одно мое желанье—
Съ тобой дѣлить любовь, досугъ
И добровольное изгнанье.

Старикъ.

Ты любишь насъ, хоть и рожденъ
Среди богатаго народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.
Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье
(Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудреное прозванье).*
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной:
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ

* Скобки Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

И голосъ, шуму водъ подобной.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей разсказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святаго старика;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдной,
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье,
Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье.
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальный градъ воспоминая,
И завѣщалъ опъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости,
И смертью — чуждой сей земли
Неуспокоенные гости.

Стихи 200-й и 201-й. Въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* 1826 г. эти стихи размѣщены иначе: сначала 201-й, затѣмъ 200-й.

Стихъ 202-й. Тамъ же:

Но опъ къ *печалямъ* жизни бѣдной

lib.pushkinskijdom.ru

Алеко.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

Стихъ 218-й. Тамъ же:

О Римъ, о *дивная* держава!

lib.pushkinskijdom.ru

Прошло два лѣта. Также бродятъ
Цыганы мирною толпой;
Вездѣ, по прежнему, находятъ
Гостепріимство и покой.
Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко воленъ, какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни.
Все тотъ же онъ, семья все та же;
Онъ прежнихъ лѣтъ не помня даже,
Къ бытью цыганскому привыкъ.
Онъ любитъ ихъ ночлеговъ сѣни,
И упоенье вѣчной лѣни,
И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
Медвѣдь, бѣглецъ родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги,
Близь Молдаванскаго двора
Передъ толпою осторожной
И тяжко пляшетъ и реветъ,
И цѣпь докучную грызетъ.
На посохъ опершись дорожной,
Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
Алеко съ пѣньемъ звѣря водитъ,
Земфира поселянъ обходитъ
И дань ихъ вольную беретъ;
Настанетъ ночь; они всѣ трое
Варятъ нежатое пшено;
Старикъ уснулъ—и все въ покоѣ...
Въ шатрѣ и тихо, и темно.

---

lib.pushkinskijdom.ru

Старикъ на вешнемъ солнцѣ грѣетъ
Ужъ остывающую кровь;
У люльки дочь поетъ любовь.
Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

Земфира.

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжъ меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни пожа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другаго люблю,
Умираю любя.

Алеко.

Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
Я дикихъ пѣсень не люблю.

Земфира.

Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсню для себя пою.

Рѣжъ меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый мужъ, грозный мужъ,
Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣе весны,
Жарче лѣтняго дня;
Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
Какъ онъ любитъ меня!

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ смѣялись тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

Алеко.

Молчи, Земфира, я доволенъ....

Земфира.

Такъ понялъ пѣсню ты мою?

Алеко.

Земфира!....

Земфира.

Ты сердиться воленъ,
Я пѣсню про тебя пою.
(Уходитъ и поетъ: старый мужъ и проч.)

Старикъ.

Такъ, помню, помню: пѣсня эта
Во время наше сложена;
Уже давно въ забаву свѣта
Поется межъ людей она.
Кочуя на степяхъ Кагула,
Ее, бывало, въ зимню ночь
Моя пѣвала Маріула,
Передъ огнемъ качая дочь.
Въ умѣ моемъ минувши лѣта
Часъ отъ часу темнѣй, темнѣй;
Но заронилась пѣсня эта
Глубоко въ памяти моей.

lib.pushkinskijdom.ru

Все тихо; ночь; луной украшенъ
Лазурный Юга небосклонъ.
Старикъ Земфирой пробужденъ:
«О, мой отецъ! Алеко страшенъ,
Послушай, сквозь тяжелый сонъ
И стонетъ и рыдаетъ онъ.»

Старикъ.

Не тронь его, храни молчанье.
Слыхалъ я русское преданье:
Теперь, полуночной порой,
У спящаго тѣснитъ дыханье
Домашній духъ: передъ зарёй
Уходитъ онъ. Сиди со мной.

Земфира.

Отецъ мой! шепчетъ онъ: Земфира!

Старикъ.

Тебя онъ ищетъ и во снѣ:
Ты для него дороже міра.

Земфира.

Его любовь постыла мнѣ;
Мнѣ скучно, сердце воли проситъ,
Ужъ я... но тише! слышишь? онъ
Другое имя произноситъ.

Старикъ.

Чье имя?

lib.pushkinskijdom.ru

Земфира.

Слышишь? хриплый стонъ
И скрежетъ ярый!... Какъ ужасно;
Я разбужу его.

Старикъ.

Напрасно,
Ночнаго духа не гони;
Уйдетъ и самъ.

Земфира.

Онъ повернулся;
Привсталъ; зоветъ меня; проснулся.
Иду къ нему.—Прощай, усни.

Алеко.

Гдѣ ты была?

Земфира.

Съ отцомъ сидѣла.
Какой-то духъ тебя томилъ,
Во снѣ душа твоя терпѣла
Мученья. Ты меня страшилъ:
Ты сонный скрежеталъ зубами
И звалъ меня.

Алеко.

Мнѣ снилась ты.
Я видѣлъ, будто между нами...
Я видѣлъ страшныя мечты.

Земфира.

Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Алеко.

Ахъ, я не вѣрю ничему:
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу твоему.

---

lib.pushkinskijdom.ru

Старикъ.

О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешъ ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубитъ.

Алеко.

Отецъ! она меня не любитъ.

Старикъ.

Утѣшься, другъ; она дитя,
Твое унынье безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.
Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льётъ она.
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озаритъ,
И вотъ, ужъ перешла въ другое
И то не долго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись?
Утѣшься!

lib.pushkinskijdom.ru

Алеко.

Какъ она любила!
Какъ нѣжно преклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ
Иль упоительнымъ лобзаньемъ,
Мою задумчивость она
Въ минуту разогнать умѣла!
И что жъ? Земфира не вѣрна!
Моя Земфира охладѣла.

Старикъ.

Послушай, разскажу тебѣ
Я повѣсть о самомъ себѣ.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожалъ еще Москаль—
(Вотъ видишь: я припоминаю,
Алеко, старую печаль.)*
Тогда боялись мы Султана;
А правилъ Буджакомъ Паша
Съ высокихъ башенъ Акермана—
Я молодъ былъ; моя душа
Въ то время радостно кипѣла,
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще сѣдинка не бѣлѣла;
Между красавицъ молодыхъ
Одна была.... и долго ею
Какъ солнцемъ любовался я,
И наконецъ назвалъ моею.

---

* Скобки Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрѣе: только годъ
Меня любила Маріула.

Однажды, близь Кагульскихъ водъ
Мы чуждый таборъ повстрѣчали;
Цыганы тѣ, свои шатры
Разбивъ близь нашихъ у горы,
Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Маріула.
Я мирно спалъ; заря блеснула;
Проснулся я — подруги нѣтъ!
Ищу, зову — пропалъ и слѣдъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ!.... съ этихъ поръ
Постыли мнѣ всѣ дѣвы міра;
Межъ ними никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги,
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

Алеко.

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотъ часъ во слѣдъ неблагодарной,
И хищнику и ей, коварной,
Кинжала въ сердце не вонзилъ?

Старикъ.

Къ чему? вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?

lib.pushkinskijdom.ru

Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.

Алеко.

Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеньемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя;
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Молодой цыганъ.

Еще одно, одно лобзанье!

Земфира.

Пора: мой мужъ ревнивъ и золъ.

Цыганъ.

Одно..... но долѣ! на прощанье.

Земфира.

Прощай, покамѣстъ не пришёлъ.

Цыганъ.

Скажи — когда жъ опять свиданье?

Земфира.

Сего дня; какъ зайдетъ луна,
Тамъ, за курганомъ надъ могилой....

Цыганъ.

Обманетъ! не придетъ она.

Земфира.

Бѣги — вотъ онъ. Приду, мой милый.

---

lib.pushkinskijdom.ru

Алеко спитъ. Въ его умѣ
Видѣнье смутное играетъ;
Онъ съ крикомъ пробудясь во тмѣ,
Ревниво руку простираетъ;
Но обробѣлая рука
Покровы хладные хватаетъ —
Его подруга далека.....
Онъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ...
Все тихо: страхъ его объемлетъ,
По немъ текутъ и жаръ и хладъ;
Встаетъ онъ, изъ шатра выходитъ,
Вокругъ телѣгъ, ужасенъ, бродитъ;
Спокойно все; поля молчатъ;
Темно; луна зашла въ туманы,
Чуть брежжетъ звѣздъ невѣрный свѣтъ,
Чуть по росѣ примѣтный слѣдъ
Ведетъ за дальные курганы:
Нетерпѣливо онъ идётъ,
Куда зловѣщій слѣдъ ведётъ.

Могила на краю дороги
Вдали бѣлѣетъ передъ нимъ,
Туда слабѣющія ноги
Влачитъ, предчувствіемъ томимъ,
Дрожатъ уста, дрожатъ колѣни,
Идетъ... и вдругъ... иль это сонъ?
Вдругъ видитъ близкія двѣ тѣни
И близкій шопотъ слышитъ онъ
Надъ обезславленной могилой.

lib.pushkinskijdom.ru

1-й Голосъ.

Пора —

2-й Голосъ.

Постой!

1-й Голосъ.

Пора, мой милый.

2-й Голосъ.

Нѣтъ, нѣтъ! постой, дождемся дня.

1-й Голосъ.

Ужъ поздно.

2-й Голосъ.

Какъ ты робко любишь.
Минуту!

1-й Голосъ.

Ты меня погубишь.

2-й Голосъ.

Минуту!

1-й Голосъ.

Если безъ меня
Проснется мужъ.....

Алеко.

Проснулся я.
Куда вы? Не спѣшите оба;
Вамъ хорошо и здѣсь у гроба.

Земфира.

Мой другъ, бѣги, бѣги!

lib.pushkinskijdom.ru

Алеко.

Постой!
Куда, красавецъ молодой?
Лежи!
(Вонзаетъ въ него ножъ).

Земфира.

Алеко!

Цыганъ.

Умираю!

Земфира.

Алеко! ты убьешь его!
Взгляни: ты весь обрызганъ кровью!
О, что ты сдѣлалъ?

Алеко.

Ничего.
Теперь дыши его любовью....

Земфира.

Нѣтъ, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю,
Твое убійство проклинаю.

Алеко.

Умрижъ и ты! *(Поражаетъ ее).*

Земфира.

Умру любя.

---

lib.pushkinskijdom.ru

Востокъ, денницей озаренный,
Сіялъ. Алеко за холмомъ,
Съ ножемъ въ рукахъ, окровавленный
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
Два трупа передъ нимъ лежали;
Убійца страшенъ былъ лицемъ;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу въ сторонѣ копали,
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ цѣловали.
Старикъ отецъ одинъ сидѣлъ
И на погибшую глядѣлъ
Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали;
Подняли трупы, понесли
И въ лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрѣлъ
На все. Когда же ихъ закрыли
Послѣдней горстію земной,
Онъ молча, медленно склонился,
И съ камня на траву свалился.

Тогда старикъ, приближась, рекъ:
«Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишъ хочешь воли;

lib.pushkinskijdom.ru

Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ; — оставь же насъ,
Прости! да будетъ миръ съ тобою.»

Сказалъ и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телѣга,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда передъ зимою,
Туманной утренней порою
Когда подъемлется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется,
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ телѣгѣ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ЭПИЛОГЪ.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу Рускій указалъ,
Гдѣ старый нашъ Орелъ двуглавый
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей,
Надъ рубежами древнихъ становъ,
Телѣги мирныя Цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.
Но щастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!

lib.pushkinskijdom.ru

И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны,
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

lib.pushkinskijdom.ru

XXV.

КОВАРНОСТЬ.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ;
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содроганьемъ;
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою;
Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою;»
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ»...
Уже ль ты правъ? Уже ли ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;

lib.pushkinskijdom.ru

Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей —
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

(18-го октября 1824. Михайловское.)

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXVI.

МЛАДЕНЦУ.

Дитя, не смѣю надъ тобой
Произносить благословенья,
Ты тихій ангелъ утѣшенья,
Да будетъ ясенъ жребій твой...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXVII.

ПРИЗНАНІЕ.

Къ Александрѣ Ивановнѣ О — ой.

Я васъ люблю, — хоть я бѣшусь,
Хоть это трудъ, и стыдъ напрасной:
И въ этой глупости несчастной
У вашихъ ногъ я признаюсь!
Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ...
Пора, пора мнѣ быть умнѣй!
Но узнаю по всѣмъ примѣтамъ
Болѣзнь любви въ душѣ моей:
Безъ васъ мнѣ скучно, — я зѣваю;
При васъ мнѣ грустно, — я терплю;
И, мочи нѣтъ, сказать желаю,
Мой ангелъ, какъ я васъ люблю!
Когда я слышу изъ гостиной
Вашъ легкій шагъ, иль платья шумъ,
Иль голосъ дѣвственный, невинной,
Я вдругъ теряю весь свой умъ.
Вы улыбнетесь, — мнѣ отрада;
Вы отвернетесь, — мнѣ тоска;
За день мученія — награда
Мнѣ ваша блѣдная рука.

lib.pushkinskijdom.ru

Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я въ умиленьи, — молча, — нѣжно, —
Любуюсь вами какъ дитя!...
Сказать ли вамъ мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, въ ненастье,
Вы собираетеся въ даль?
И ваши слезы въ одиночку,
И рѣчи въ уголку вдвоемъ,
И путешествіе въ Опочку,
И фортепьяно вечеркомъ?..
Алина, сжальтесь надо мною!
Не смѣю требовать любви:
Быть можетъ за грѣхи мои,
Мой ангелъ, я любви не стою!
Но притворитесь: этотъ взглядъ
Все можетъ выразить такъ чудно!
Ахъ, обмануть меня не трудно:
Я самъ обманываться радъ!...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXVIII.

Презрѣвъ и шопотъ укоризны,
И зовъ (обманутыхъ) надеждъ,
Иду въ чужбину, прахъ отчизны
Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ.
Умолкни, сердца шопотъ сонный,
Привычки и довольства гласъ!
Прости предѣлъ неблагосклонный,
Гдѣ свѣтъ узрѣлъ я въ первый разъ!
Простите, сумрачныя сѣни,
Гдѣ дни мои прошли въ тиши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивыхъ души...
(А ты — въ опасный день разлуки)
(Забылъ для брата о себѣ!)
Соединимъ же братски руки
И покоримся мы судьбѣ.
Благослови побѣгъ поэта...

. . . . . .

Умолкнетъ онъ подъ небомъ дальнымъ,
Умолкнетъ въ чуждой сторонѣ.....

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXIX.

1 Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

2 Вотъ взошла луна златая,
Тише... чу... гитары звонъ...
Вотъ Испанка молодая
Оперлася на балконъ.

3 Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

4 Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркой день!

lib.pushkinskijdom.ru

Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXX.

Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку.
Какъ жениться задумалъ царскій Арапъ,
Межъ боярынь арапъ похаживаетъ,
На боярышень арапъ поглядываетъ,
Что выбралъ арапъ себѣ сударушку,
Черный воронъ бѣлую лебедушку,
А какъ онъ арапъ чернешенекъ
А она то душа — бѣлешенька...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXI.

[ИЗЪ ПИСЬМА КЪ А. Г. РОДЗЯНКѢ].

Прости, украинской мудрецъ,
Намѣстникъ Феба и Пріапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойнѣй чемъ иной вѣнецъ;
Твой Римъ — деревня; ты — мой Папа,
Благословижъ меня, пѣвецъ!

8 дек.

lib.pushkinskijdom.ru

XXXII.

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ;
На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
Давно твоей иглой узоры и цвѣты
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали,
Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
Любви не утаишь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними,
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными?... Краснѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродитъ
Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
Ты втайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
Никто на праздникѣ блистательнаго мая,
Межъ колесницами роскошными летая,
Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXIII.

Напрасно ахнула Европа:
Не унывайте, не бѣда!
Отъ петербургскаго потопа
Спаслась «Полярная Звѣзда».
Бестужевъ, твой ковчегъ на брегѣ!
Парнаса блещутъ высоты —
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди, и скоты.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXIV.

[КЪ БРАТУ.]

(Что же? Будетъ ли) вино,
(Лайонъ? Жду) его давно.
Знаешь ли, какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно,
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ винъ!
Погребъ мой гостепріимной
Радъ мадерѣ золотой,
И подъ пробкой смоляной
Сенъ-Пере бутылкѣ длинной.
Въ лѣта юныя мои
Поэтическій Аи
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви,
Или юности безумной,
И дымящійся бокалъ
Я всему предпочиталъ.
Но бургонское густое
Мнѣ понравилось потомъ;
Нынѣ нѣтъ во мнѣ пристрастья
Разсудительный умомъ
Безъ разбора...
Вина обхожу кругомъ...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXV.

Сказали разъ Царю, что наконецъ
Мятежный вождь, Ріэго былъ удавленъ. —
«Я очень радъ», сказалъ усердный льстецъ:
«Отъ одного мерзавца міръ избавленъ».
Всѣ смолкнули всѣ потупѝли взоръ
Всѣхъ удивилъ проворный приговоръ.
Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я — но онъ за то повѣшенъ.
Пристойно ли, скажите, съ горяча
Ругаться намъ надъ жертвой палача?
Самъ Государь такого доброхотства
Не захотѣлъ улыбкой ободрить.
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И въ подлости осанку благородства.

lib.pushkinskijdom.ru

XXXVI.

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
Читалъ я сладостный Коранъ,
Внезапно Ангелъ Утѣшенья,
Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ.
Его таинственная сила....
. . . . . .
Слова святыя начертила
На немъ безвѣстная рука.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXVII.

Забылъ и рощу и свободу,
Невольникъ чижикъ надо мной:
Зерно клюетъ и брызжетъ воду,
И пѣснью тѣшится живой...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXVIII.

Пока супругъ тебя красавицу младую
Между шести другихъ еще не заключилъ —
Ходи къ фонтану близъ могилъ
И черпай воду ключевую —
И думай милая моя:
Какъ невозвратная струя
Блеститъ, бѣжитъ — и изчезаетъ
Такъ жизнь и юность убѣгаетъ
Въ гаремѣ такъ изчезну я —

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXIX.

Блаженъ, кто щастливъ безъ волненья,
Кто наслаждаться могъ одинъ
И былъ невольнаго влеченья
Самолюбивый властелинъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XL.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ[1].

(Посвящено П. А. Осиповой).

I.

1 Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечемъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой[2]:

2 Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

3 Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

4 Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ, и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

Въ изданіи 1826 г. въ посвященіи поставлена полная фамилія П. А. Осиповой; въ изданіи 1829 г. только три буквы: П. А. О.

Строфа 1-я, стихъ 3-й изданія 1826 г.: Клянуся утренней *зарёй*.

lib.pushkinskijdom.ru

II.

1 О, жены чистыя пророка,
Отъ всѣхъ вы женъ отличены:
Страшна для васъ и тѣнь порока.
Подъ сладкой сѣнью тишины
Живите скромно: вамъ пристало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для пѣгъ законныхъ и стыдливыхъ,
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица.

2 А вы, о гости Магомета,
Стекаясь къ вечери его,
Брегитесь суетами свѣта
Смутить пророка моего.
Въ парении думъ благочестивыхъ,
Не любитъ онъ велерѣчивыхъ
И словъ нескромныхъ и пустыхъ:
Почтите пиръ его смиреньемъ,
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ.[3]

Строфа 2-я, стихъ 2-й изданія 1826 г.: Стекаясь къ *трапезѣ* его.

lib.pushkinskijdom.ru

III.

1 Смутясь, нахмурился пророкъ,
Слѣпца послышавъ приближенье[4]:
Бѣжитъ, да не дерзнетъ порокъ
Ему являть недоумѣнье.

2 Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ;
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждая нечестивыхъ!

3 Почто жъ кичится человѣкъ?
За то ль, что нагъ на свѣтъ явился,
Что дышитъ онъ недолгій вѣкъ,
Что слабъ умретъ, какъ слабъ родился?

4 За то ль, что Богъ и умертвитъ
И воскреситъ его по волѣ?
Что съ неба дни его хранитъ
И въ радостяхъ и въ горькой долѣ?

5 За то ль, что далъ сму плоды
И хлѣбъ и финикъ и оливу,
Благословивъ его труды
И вертоградъ и холмъ и ниву?

lib.pushkinskijdom.ru

6 Но дважды ангелъ вострубитъ;
На землю громъ небесный грянетъ:
И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ.

7 И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ:
И нечестивые падутъ,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

IV.

Съ Тобою древле, о Всесильный,
Могучій состязаться мнилъ,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подьята длань моя.
Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
Съ Тобою, Боже, равенъ я.
Но смолкла похвальба порока
Отъ слова гнѣва Твоего:
Подьемлю солнце я съ востока;
Съ заката подыми его.

---

lib.pushkinskijdom.ru

V.

1 Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой.[5]

2 Зажегъ Ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ ленъ, елеемъ напоенной,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.

3 Творцу молитесь; Онъ могучій:
Онъ правитъ вѣтромъ; въ знойный день
На небо насылаетъ тучи;
Даетъ землѣ древесну сѣнь.

4 Онъ милосердъ: Онъ Магомету
Открылъ сіяющій коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту,
И да падетъ съ очей туманъ.

lib.pushkinskijdom.ru

VI.

1 Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

2 Внемлите радостному кличу,
О дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ младыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

3 Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

4 Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекутъ: возмите насъ съ собою;
Но вы скажите: не возмемъ.

5 Блаженны падшіе въ сраженьи:
Теперь они вошли въ эдемъ
И потонули въ наслажденьи,
Неотравляемомъ ничѣмъ.

lib.pushkinskijdom.ru

VII.

Возстань, боязливый:
Въ пещерѣ твоей
Святая лампада
До утра горитъ.
Сердечной молитвой,
Пророкъ, удали
Печальныя мысли,
Лукавые спы!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

lib.pushkinskijdom.ru

VIII.

1 Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь своихъ даровъ расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
О сѣятель благополучной,
Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.

2 Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань;
Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Что съ камня моетъ дождь обильной,
Исчезнутъ, Господомъ отверженная дань.

lib.pushkinskijdom.ru

IX.

1 И путникъ усталый на Бога ропталъ:
Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.
Въ пустынѣ блуждая три дня и три ночи,
И зноемъ и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
И кладязь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

2 И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:
И многіе годы надъ нимъ протекли
По волѣ Владыки небесъ и земли.

3 Насталъ пробужденья для путника часъ;
Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
«Давно ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?»
И онъ отвѣчаетъ: ужъ солнце высоко
На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
Съ утра я глубоко проспалъ до утра.

4 Но голосъ: «о путникъ, ты долѣе спалъ;
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Ужъ пальма истлѣла, а кладязь холодной
Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости бѣлѣютъ ослицы твоей.»

5 И горемъ обьятый мгновенный старикъ,
Рыдая, дрожащей главою поникъ....
И чудо въ пустынѣ тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется пальма тѣнистой главой;
Вновь кладязь наполненъ прохладой и мглой.

6 И ветхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

Въ изданіи 1826 г. строфа 5-я, стихъ 3-й: И *странное чудо* тогда совершилось:

lib.pushkinskijdom.ru

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. «Нечестивые, пишетъ Магометъ (глава *Награды*), думаютъ, что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басень.» Мнѣніе сихъ *нечестивыхъ* конечно справедливо; но, несмотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ или третьемъ лицѣ.

2. Въ другихъ мѣстахъ корана Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелію и порокомъ, ангелами и человѣкомъ и проч. Странный сей реторическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ поминутно.

3. «Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, ибо онъ весьма учтивъ и скроменъ; но я не имѣю нужды съ вами чиниться» и проч. Ревность Араба такъ и дышитъ въ сихъ заповѣдяхъ.

4. Изъ книги: *Слѣпецъ*.

5. Плохая физика; но за то какая смѣлая поэзія!

Въ изданіи 1826 г. 4-е примѣчаніе изложено такъ: Изъ книги *Слѣпецъ (Тифля)*. Вотъ почему слово сіе почитается у Турковъ за жесточайшую брань.

lib.pushkinskijdom.ru

ПРИМѢЧАНІЯ.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

1821.

I.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ

(стр. 3).

Печатается по изданію 1829 г., т. I, стр. 129.

Впервые напечатано въ *Новостяхъ Литературы* 1825 г., I, стр. 27.

Вошло въ изданіе 1826 г., стр. 133.

Въ *Новостяхъ Литературы* сравнительно съ текстомъ 1829 г. два указанныхъ выше въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ отличія: одно въ заглавіи, другое въ стихѣ 18-мъ. Это послѣднее отличіе — „игралищѣ“ вмѣсто „игралище“, заключающееся въ различіи всего въ одной буквѣ, можетъ зависѣть, конечно, просто отъ опечатки, но возможно, что это есть дѣйствительный варіантъ: по чтенію журнала — „игралищѣ“ относится къ словамъ „на утломъ челнѣ“, а по изданію 1829 г. — къ слову „онъ“ (рыбакъ суровый). Въ автографѣ: „игралище“. Текстъ изданія 1826 г. отличается отъ текста изданія 1829 г. только разстановкой знаковъ препинанія. Въ оглавленіи обоихъ изданій при заглавіи пьесы сдѣлана отмѣтка: „идилія Мосха“.

Пьеса сохранилась въ двухъ автографахъ. Одинъ, болѣе ранній, находится въ альбомѣ Н. Н. Раевскаго,

lib.pushkinskijdom.ru

принадлежащемъ теперь М. Г. Раевской. Варіанты этого автографа впервые были напечатаны въ „Матеріалахъ“ Майкова, стр. 79, а полный текстъ совершенно точно напечатанъ Б. Л. Модзалевскимъ во II выпускѣ изданія „Пушкинъ и его современники“, стр. 15—16. Приводимъ его варіанты.

Стихъ 2-й: первоначально было написано: „*нѣжно* вѣетъ“, но затѣмъ „нѣжно“ зачеркнуто и поправлено — „тихо“, какъ въ печатномъ.

Стихъ 4-й: И челны *робкіе* лелѣетъ;

Стихи 7-й и 8-й: И забываю *важныхъ* Музъ:
Мнѣ *волны мирныя* милѣе.

Стихъ 12-й: И молніи *въ пучинѣ* блещутъ

Стихи 13-й — 20-й: На утломъ онъ челнѣ живетъ
Его труды среди пучины . . .
Я внемлю шумъ веселыхъ водъ
Ручья текущаго въ долинѣ.

Никакого заглавія въ рукописи Раевскаго пьеса не имѣетъ.

Въ рукописи Румянцовскаго музея № 2367 пьеса находится въ записи болѣе поздней, чѣмъ текстъ въ альбомѣ Раевскаго. Снимокъ съ рукописи приложенъ во II томѣ, при стр. 356, л. 2 и 3. Здѣсь пьеса имѣетъ заглавіе „Морской берегъ“ и тутъ же подзаголовокъ: „Идилія Мосха“. Приводимъ варіанты.

Стихъ 4-й былъ написанъ такъ же, какъ въ рукописи Раевскаго, но затѣмъ слово „робкіе“ зачеркнуто и сверху надписано: „на волнахъ“, какъ въ печатномъ.

Стихъ 5-й написанъ, какъ въ печатномъ текстѣ, затѣмъ первыя слова его — „Заботъ и думъ“ зачеркнуты и сверху начата поправка: „(тог) Тогда“, но больше ничего не написано, поправка осталась неконченною, и

lib.pushkinskijdom.ru

стихъ вошелъ въ печатный текстъ въ первоначальной редакціи.

Стихъ 7-й былъ написанъ такъ же, какъ въ рукописи Раевскаго, затѣмъ слово „важныхъ“ зачеркнуто и сверху надписана поправка: „голосъ“, но и это слово зачеркнуто и тутъ же приписано: „пѣсни“, что̀ и вошло въ окончательную редакцію.

Стихъ 8-й былъ написанъ съ нѣкоторымъ отличіемъ отъ рукописи Раевскаго:

Мнѣ волны смирныя милѣе.

Затѣмъ въ словѣ „смирныя“ первая буква зачеркнута, и получилась редакція альбома Раевскаго; но послѣ этого сдѣланы еще поправки: зачеркнуты слова „волны (с)мирныя“ и сверху надписано: „моря тихой видъ“, но въ этой поправкѣ два послѣднія слова опять зачеркнуты, причемъ они зачеркнуты не сразу, отдѣльно, и очевидно, что прежде было зачеркнуто слово „видъ“, вмѣсто котораго приписано: „шумъ“, что̀ составило вмѣстѣ новую редакцію — „моря тихой шумъ“; затѣмъ уже зачеркнуто и слово „тихой“ и снизу стиха приписана поправка — „сладкій“, и такимъ образомъ составилась четвертая (а если принять въ расчетъ варіанты — „смирныя“ и „мирныя“, то — пятая) и окончательная редакція этого стиха.

Стихъ 12-й, какъ въ рукописи Раевскаго: „въ пучинѣ“.

Стихи 17-й — 20-й первоначально были написаны такъ:

Въ опасномъ онъ челнѣ живетъ
Его труды среди пучины
Я внемлю шуму смирныхъ водъ
Подъ темнымъ яворомъ долины.

Эта редакція близка къ тексту Раевскаго, но все-таки съ разночтеніями въ стихахъ 17-мъ и 19-мъ, и стихъ 20-й

lib.pushkinskijdom.ru

совсѣмъ иной. Приведенная редакція тутъ же подверглась измѣненію:

Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины
Я (въ безопасной) тишинѣ
(Внимаю шумъ ручьевъ) долины.

Поэтъ остался недоволенъ и этой редакціей; въ рукописи онъ зачеркнулъ нѣкоторыя слова въ ней, но не далъ поправокъ. Окончательная, печатная редакція очень близка къ приведенной, но въ стихахъ 19-мъ и 20-мъ сдѣланы измѣненія. При передѣлкѣ этихъ стиховъ, около стиха 19-го, въ которомъ изъ первоначальной редакціи осталось незачеркнутымъ только первое слово, сбоку приписано: „внемлю“, но дальше поправка эта не продолжена.

Въ рукописи Румянцовскаго музея въ концѣ пьесы помѣта: „8 февр. 1821 *Кіевъ*“. При печатаніи помѣта была Пушкинымъ откинута.

Изъ подзаголовка, сдѣланнаго въ рукописи Румянцовскаго музея и перенесеннаго въ оглавленіе изданій 1826 г. и 1829 г., мы знаемъ, что пьеса „Земля и море“ представляетъ переводъ изъ греческаго поэта Мосха. Въ *Новостяхъ Литературы* подзаголовокъ былъ пропущенъ при печатаніи издателемъ, и Пушкинъ писалъ брату (февраль — мартъ 1825 г.): „Надъ или подъ „Моремъ и землею“ должно было поставить: Идиллія Мосха. Отъ этого я бы не удавился, а Біонъ старикъ при своемъ остался бъ“ (Переписка Пушкина, I, стр. 183).

Л. Н. Майковъ въ примѣчаніяхъ къ I тому Сочиненій Пушкина (стр. 186 — 187) указалъ, что поэтъ заимствовалъ эту пьесу изъ книги Кошанскаго „Цвѣты греческой поэзіи“ (М. 1811), гдѣ между прочимъ даны въ подлинникѣ, съ комментаріемъ и въ переводѣ произведенія Біона и Мосха. Мнѣніе Н. О. Лернера (*Русскій Архивъ* 1899 г.,

lib.pushkinskijdom.ru

№ 11, стр. 451), что Пушкинъ могъ познакомиться съ идилліей Москва изъ перевода Мосальскаго, хотя и напечатаннаго только въ 1825 г. (*Сѣверные Цвѣты* на 1825 г., стр. 278), но сдѣланнаго въ 1820 г., вовсе не представляется само по себѣ вѣроятнымъ и вполнѣ устраняется тѣмъ, что въ процитированномъ выше письмѣ Пушкинъ говоритъ не только о Москвѣ, но и о Біонѣ (считая ихъ за одно лицо), тогда какъ о послѣднемъ при стихотвореніи Мосальскаго вовсе не упоминается.

Переводъ, точнѣе — передѣлка, въ общемъ близко передаетъ подлинникъ. См. С. Любомудровъ, „Античные мотивы въ поэзіи Пушкина“ М., 1901 г. (2-е изд.), стр. 32—34; П. Черняевъ. „А. С. Пушкинъ какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ“, Казань 1899, стр. 50.

II.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ

(стр. 5).

Печатается по изданію 1829 г., т. I, стр. 131.

Впервые напечатано въ *Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія* 1825 г., ч. 29, № 3, стр. 295, за подписью „А. Пушкинъ“, а вмѣсто заглавія поставлено: „Мила и пр.“, т.-е. взято начало перваго стиха въ той редакціи, какъ онъ напечатанъ въ журналѣ: „*Мила красавица*, когда свое чело“. Въ изданіи 1826 г. (стр. 134) четверостишіе напечатано уже въ окончательной редакціи съ заглавіемъ, какъ оно вошло и въ изданіе 1829 года.

Пьеса извѣстна въ двухъ рукописяхъ. Одна запись находится въ тетради Румянцовскаго музея, № 2367, л. 2. (Факсимиле приложено во II томѣ, въ примѣчаніяхъ,

lib.pushkinskijdom.ru

стр. 356, л. 3). Здѣсь четверостишіе написано безъ помарокъ, имѣетъ журнальную редакцію, безъ всякаго заглавія. Напротивъ того, въ рукописи гр. П. И. Капниста (см. „Матеріалы“ Майкова, стр. 83) текстъ пьесы совпадаетъ съ текстомъ изданій 1826 и 1829 гг.

Къ 1821 году четверостишіе отнесено изданіями 1826 г. и 1829 г. Въ рукописи Румянцовскаго музея № 2367 оно написано вслѣдъ за окончаніемъ идилліи „Земля и море“; мы поэтому и напечатали эти двѣ пьесы рядомъ.

III.

„Я ПЕРЕЖИЛЪ СВОИ ЖЕЛАНЬЯ“

(стр. 6).

Печатается по изданію 1829 г., ч. I, стр. 107.

Впервые напечатано въ *Новостяхъ Литературы* 1823 г., кн. VI, № 48, стр. 144, подъ заглавіемъ „Элегія“, что̀ не отмѣчено выше при текстѣ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, гдѣ приведены варіанты журнальной редакціи (съ опечаткой въ годѣ журнала: надо 1823 г., а не 1825 г.).

А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому („Остаф. Архивъ“, III, стр. 29), посылая французскій переводъ этой пьесы, даетъ ей заглавіе — „Запоздалый листъ“.

Въ изданіе 1826 г. (стр. 14) пьеса перешла уже въ измѣненномъ видѣ; текстъ 1826 г. отличается отъ текста 1829 г. только разстановкой знаковъ препинанія.

Пьеса извѣстна въ трехъ рукописяхъ.

Въ тетради Румянцовскаго музея № 2365, л. 13, мы находимъ набросокъ двухъ первыхъ строфъ, на поляхъ „Кавказскаго Плѣнника“, въ такомъ видѣ:

lib.pushkinskijdom.ru

Я пережилъ мои жел
Я раз
Остались мнѣ одни страд
Плоды душ
Безмолв ж
Вл
Живу
И жд

См. факсимиле въ II томѣ, примѣчанія, стр. 460.

Редакція этого наброска близка къ тексту *Новостей Литературы* и совпадаетъ съ текстомъ другой рукописи, о которой сейчасъ будемъ говорить, но съ однимъ разночтеніемъ въ 1-мъ стихѣ: „*мои* желанья“. Хотя приведенный набросокъ написанъ другими чернилами, чѣмъ текстъ поэмы, но все-таки можно признать, что онъ долженъ былъ или замѣнить стихи 54-й и слѣдующіе II пѣсни поэмы,— около которыхъ онъ написанъ сбоку, — или быть вставленнымъ въ соотвѣтствующее мѣсто рѣчи Плѣнника. На это указываетъ и помѣта въ другой рукописи, что эта „элегія“ взята „изъ поэмы Кавказъ“: извѣстно, что такъ назывался прежде „Кавказскій Плѣнникъ“.

Написаніе стиховъ безъ окончаній, иногда одними первыми буквами начальнаго слова, — нерѣдкій примѣръ у Пушкина.

Въ тетради Румянцовскаго музея № 2367, л. 3 и 3 об., находимъ эту пьесу въ такомъ видѣ:

ЭЛЕГІЯ (изъ поэмы Кавказъ).

Я пережилъ свои желанья
Я разлюбилъ свои мечты,
мнѣ одни
Остались (хладныя) страданья
сердечной
Плоды (душевной) пустоты;

lib.pushkinskijdom.ru

Безмолвно, жребію послушный
Влачу страдальческій вѣнецъ —
печальный
Живу (забытый) равнодушный
придетъ-ли мой
И жду (печальныхъ дней) конецъ — ?
Такъ позднимъ хладомъ пораженный
бури
Какъ вѣтровъ слышенъ зимній свистъ
Одинъ на вѣткѣ обнаженн(ы)ой
Трепещетъ запоздалый листъ.

Каменка 22 Февр.
1821.

Такимъ образомъ, первоначальный текстъ этого наброска совпадаетъ съ записью двухъ строфъ, выше приведенныхъ (кромѣ указаннаго выше разночтенія въ 1-мъ стихѣ); исправленный же текстъ рукописи совпадаетъ съ текстомъ *Новостей Литературы* (кромѣ подзаголовка). Итакъ, мы имѣемъ здѣсь три послѣдовательныхъ текста, предшествующихъ окончательной редакціи 1826 г.

Эта послѣдняя редакція занесена въ тетрадь гр. П. И. Капниста (Майковъ, „Матеріалы“, стр. 86 и 87).

Помѣта, находящаяся въ рукописи № 2367, была откинута Пушкинымъ при печатаніи, и потому напечатана въ настоящемъ изданіи подъ текстомъ элегіи въ скобкахъ. Этой помѣтой и опредѣляется для пьесы третье мѣсто среди стихотвореній 1821 г.

lib.pushkinskijdom.ru

IV.

ДЕЛЬВИГУ

(стр. 7).

Печатается по тексту *Москвитянина* 1854 г. № 5, съ дополненіями по *Библіографическимъ Запискамъ* 1858 г., № 12, стр. 369.

Стихотвореніе это послано было Пушкинымъ въ письмѣ къ Дельвигу отъ 21 марта 1821 г. изъ Кишинева; въ составѣ этого письма оно и напечатано въ *Москвитянинѣ* и затѣмъ въ „Матеріалахъ“ Анненкова, стр. 81—82. *Библіографическія Записки* дополнили пропускавшіеся раньше стихи 13-й и 14-й и 29-й — 32-й.

Автографъ этого стихотворенія находится еще въ тетради Румянцовскаго музея № 2367, л. 19 и 19 об. Здѣсь пьеса имѣетъ заглавіе съ помѣтой: „Дельвигу (1821 въ мартѣ)“. Хотя очевидно, что здѣсь запись сдѣлана позднѣе, но тотъ текстъ, который былъ данъ въ письмѣ, былъ какъ бы опубликованъ Пушкинымъ, почему мы и должны признать его основнымъ. Поэтому мы приводимъ здѣсь только разночтенія изъ рукописи.

Стихи 5-й и 6-й: Ты знаешь *самъ:* въ минувши годы
(И) *я на брегу парнасскихъ* водъ

Стихъ 8-й: *И даже* зрѣлъ меня народъ

Стиха 10-го въ рукописи нѣтъ.

Стихъ 13-й: *Объ* чемъ цензуру *не* прошу

здѣсь *не* — описка, вмѣсто *ни*.

Въ 14-мъ стихѣ вмѣсто фамиліи Тимковскаго стоитъ: „Т . . . .“.

Стихъ 15-й: Теперь *едва, едва* дышу

lib.pushkinskijdom.ru

Въ рукописи между 17-мъ и 18-мъ стихами рядъ точекъ; съ 18-го стиха чернила болѣе черныя.

Стихи 18-й—28-й: Къ *невѣрной Славѣ* я хладѣю
И *по привычкѣ лишь* одной
(На) *лѣниво* волочусь за нею
Какъ мужъ за *гордою* женой —
Я позабылъ ея обѣты,
Одна свобода мой кумиръ,
Но всю люблю мои поэтъ[1])
Щастливый голосъ вашихъ лиръ.

Стихи 30-й и 31-й: Проказы *младости своей*
Глядитъ *съ улыбкой* ваша сводня

Полный текстъ посланія по рукописи Румянцовскаго музея напечатанъ въ „Матеріалахъ“ Л. Н. Майкова, стр. 93 — 94. Полный текстъ письма по оригиналу напечатанъ въ Перепискѣ, томъ I, стр. 27: текстъ стиховъ здѣсь отличается отъ напечатаннаго нами только знаками препинанія.

V.

[Г Н Ѣ Д И Ч У]

(стр. 9).

Текстъ взятъ изъ Переписки Пушкина (томъ I, стр. 29), гдѣ стихотвореніе, какъ и письмо, въ которомъ приведено стихотвореніе, свѣрено по автографу, принадлежавшему П. Я. Дашкову. Впервые напечатано въ *Складчинѣ* 1874 г.; затѣмъ вошло въ изданіе 1880 г., I, 359. См. примѣчанія къ указанному письму къ Гнѣдичу.

---

1) Описка: вмѣсто — «поэты».

lib.pushkinskijdom.ru

VI.

„ИНОЙ ИМѢЛЪ МОЮ АГЛАЮ“

(стр. 11).

Написано Пушкинымъ въ письмѣ къ брату 24 января 1822 г. По оригиналу этого письма эпиграмма и напечатана здѣсь (Рум. музей, № 1254). При печатаніи сдѣлано одно отступленіе отъ подлинника, гдѣ въ концѣ 2-го стиха нѣтъ запятой. Сравнительно съ текстомъ, какъ онъ напечатанъ въ Перепискѣ Пушкина (томъ I, стр. 39), здѣсь введено только одно отличіе: прописная буква въ началѣ слова „Французъ“ (стихъ 4-й). Пушкинъ повторилъ эту эпиграмму въ письмѣ къ Вяземскому (конецъ 1822 или начало 1823 г.) вмѣстѣ съ другими стихами (это письмо извѣстно только по копіи).

Впервые напечатано вмѣстѣ съ письмомъ въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 г., № 1, откуда внесено въ изданіе 1880 г., I, стр. 388.

Въ письмѣ къ Вяземскому стихъ 7-й данъ съ варіантомъ:

Скажи теперь, *мой другъ* Аглая,

Въ письмѣ 24 января предшествуютъ стихамъ слова: „Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую, ради Христа, не разпускай, въ ней каждый стихъ — правда.“ Въ примѣчаніяхъ къ этому письму см. свѣдѣнія объ Аглаѣ Антоновнѣ Давыдовой, объ отношеніи къ ней Пушкина, объ ея мужѣ А. В. Давыдовѣ, „рогоносцѣ величавомъ“.

Къ этому же году относится стихотвореніе Пушкина, прямо обращенное къ А. А. Давыдовой — „Кокеткѣ“ (стр. 58), а къ ея мужу Пушкинъ написалъ въ 1824 г. посланіе: „Нельзя, мой толстый Аристипъ“ (стр. 205).

lib.pushkinskijdom.ru

Въ письмѣ къ Вяземскому Пушкинъ проситъ никому не показывать эпиграмму, „ни Денису Давыдову“.

Такъ какъ эпиграмма послана Л. С. Пушкину въ письмѣ отъ 24 января 1822 г., то П. А. Ефремовъ отнесъ ее въ изданіи 1880 г. къ концу 1821 г., чему слѣдовали и позднѣйшія изданія; Н. О. Лернеръ („Труды и дни Пушкина“, второе изданіе, стр. 74) считаетъ, что эпиграмма писана, по датѣ письма, въ январѣ 1822 г. Мы полагаемъ, что эпиграмму эту правильнѣе, вмѣстѣ съ эпиграммой на Каченовскаго, отнести къ началу 1821 г. Очень часто случается, что Пушкинъ сообщаетъ въ своихъ письмахъ стихи черезъ годъ, черезъ два послѣ ихъ написанія, — какъ и печаталъ онъ стихи спустя годы послѣ ихъ созданія. Такимъ образомъ, дата письма сама по себѣ, если нѣтъ прямого указанія на время написанія приведенныхъ въ письмѣ стиховъ, ничего не значитъ; въ данномъ случаѣ мы видимъ, что эпиграмма дана въ письмѣ начала 1822 г. и въ другомъ письмѣ — не раньше конца года. Есть основаніе относить слѣдующую эпиграмму, на Каченовскаго, къ началу 1821 г. (см. слѣдующее примѣчаніе); къ этому же времени можно отнести и эпиграмму „Иной имѣлъ мою Аглаю“: какъ-разъ конецъ 1820 г. и первые мѣсяцы 1821 г. Пушкинъ провелъ въ Каменкѣ и ѣздилъ съ ея обитателями въ Кіевъ, откуда опять вернулся въ Каменку; кажется, было бы правильно при этомъ заключить, что эпиграмма „Иной имѣлъ мою Аглаю“ должна была сложиться раньше стиховъ „Кокеткѣ“. См. ниже, примѣчаніе къ этому стихотворенію.

---

lib.pushkinskijdom.ru

VII.

ЭПИГРАММА

(На Каченовскаго)

„КЛЕВЕТНИКЪ БЕЗЪ ДАРОВАНЬЯ“

(стр. 12).

Печатается по тексту тетради № 2367 Румянцовскаго музея, л. 3 об. Текстъ здѣсь совпадаетъ съ тѣмъ, который написанъ Пушкинымъ въ письмѣ къ брату отъ 24 января 1822 г. Здѣсь, приведя эпиграмму „Иной имѣлъ мою Аглаю“ (см. примѣчаніе къ этой эпиграммѣ на предшествующей страницѣ), Пушкинъ продолжаетъ: „Хочешь еще? На Каченовскаго“, — дальше и слѣдуетъ эта эпиграмма. Пушкинъ повторилъ ее въ письмѣ къ Вяземскому (конецъ 1822 г. или начало 1823 г.): см. Переписку, томъ I, стр. 61 — 62.

Напечатано впервые въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 г., № 1, вмѣстѣ съ письмомъ Пушкина, а отсюда перенесено въ изданіе 1870 г., т. I, стр. 262.

Въ изданіи 1870 г. эпиграмма пріурочена, по датѣ письма, къ 1822 г. П. А. Ефремовъ въ изданіи 1880 г. перенесъ ее въ 1821 г., въ конецъ года. Такая хронологія соблюдена и всѣми позднѣйшими изданіями. Намъ кажется, что мѣсто въ тетради № 2367 даетъ основаніе помѣстить эпиграмму въ началѣ 1821 г. Ср. примѣчаніе къ предыдущей пьесѣ.

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Каченовскому см. во II томѣ, въ примѣчаніяхъ, стр. 24—30, а также примѣчанія къ Перепискѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

VIII.

ДѢВА

(стр. 13).

Печатается по изданію 1829 г., т. I, стр. 127. Текстъ изданія 1826 г. (въ отдѣлѣ „Подражанія древнимъ"), стр. 130, отличается отъ изданія 1829 г. только орѳографіей. Впервые было напечатано въ *Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія* 1825 г., ч. 29, № 3, стр. 295, съ первыми словами въ заглавіи, за подписью: „А. Пушкинъ". Варіанты журнала приведены выше, при текстѣ, но по недосмотру пропущенъ варіантъ 10-го стиха: „И, очи *опустя*".

Въ рукописи Румянцовскаго музея № 2367, л. 4 об., эта пьеса написана въ первоначальномъ видѣ, съ варіантами:

Ст. 2-й — 4-й: *Увы!* она сердца влечетъ невольной силой,
Она волшебница; нельзя, нельзя при ней
Другую замѣчать...

Варіантъ 4-го стиха остался въ журнальномъ текстѣ.

Стихъ 6-й: *Томится* близъ нея задумчивая младость.

вокругъ нея ревнивыя

Стихъ 8-й: Жужжатъ (у ногъ ея напрасныя) мольбы

Въ журналѣ стихъ 8-й данъ въ исправленной редакціи рукописи.

Въ рукописи гр. Капниста данъ текстъ, помѣщенный въ изданіи 1826 г. (Майковъ, „Матеріалы", стр. 81).

Л. Н. Майковъ полагалъ, на основаніи словъ А. Ѳ. Вельтмана, что эти стихи писаны Пушкинымъ къ Пульхеріи Варѳоломей. Намъ это предположеніе не представляется достаточно обоснованнымъ. Въ запискахъ Вельтмана сказано: „Въ то время Пульхерія Варѳоломей была

lib.pushkinskijdom.ru

въ цвѣтѣ лѣтъ, во всей красѣ дѣвственной, которой посвятилъ и Пушкинъ нѣсколько восторженныхъ стиховъ.“ Эти слова и вызвали предположеніе Майкова (*Л. Майковъ*. „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки“, стр. 105 — 106); но въ запискахъ Вельтмана находимъ дальше такое мѣсто: „Пушкинъ часто бывалъ у Варѳоломея. Добрая таинственная дѣвушка ему нравилась, нравилось и гостепріимство хозяевъ. Пушкинъ посвятилъ нѣсколько стиховъ Пульхерицѣ, *которые я однакоже не припомню*“ (тамъ же, стр. 124). Очевидно, что въ обоихъ случаяхъ Вельтманъ говоритъ о тѣхъ же самыхъ стихахъ Пушкина въ честь Пульхеріи Варѳоломей; очевидно также, что наврядъ-ли *забытые Вельтманомъ стихи* можно отождествлять съ „Дѣвою“, трижды напечатанною при жизни Пушкина и вошедшею въ посмертное изданіе, которое не могло не быть у Вельтмана, писавшаго свои воспоминанія вскорѣ послѣ кончины Пушкина.

Къ 1821 г. пьеса отнесена изданіемъ 1826 года, а мѣсто ея среди другихъ стихотвореній этого года согласовано съ указаніями рукописи.

IX.

ОСТАВЯ ЧЕСТЬ СУДЬБѢ НА ПРОИЗВОЛЪ

(стр. 14).

Печатается по рукописи Румянцовскаго музея № 2367, л. 4 об. Впервые напечатано въ *Русской Старинѣ* 1884 г., май, стр. 340. Вошло въ „Матеріалы“ Майкова (стр. 180) и въ изданія 1903 г.

Рукопись содержитъ одинъ черновой, тутъ же измѣненный варіантъ—стихъ 4-й: И вдругъ бѣда: *грызетъ* ее Меркурій.

lib.pushkinskijdom.ru

Эта эпиграмма приведена была Пушкинымъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (конецъ 1822 г. — начало 1823 г.; „Переписка“, I, стр. 62) въ нѣсколько иной редакціи. Приводимъ варіанты.

Стихъ 2-й:

***, живая жертва фурій

Стихъ 6-й — 8-й:

Она *лежитъ*, глазъ пухнетъ по немногу,
Вдругъ лопнулъ онъ; что-жъ *курва?* «Слава Богу!»
«Все къ лучшему: вотъ *новая* дыра!»

Письмо къ Вяземскому дошло до насъ только въ копіи, впервые напечатанной В. Я. Брюсовымъ въ книгѣ „Письма Пушкина и къ Пушкину“ (М., 1903, стр. 13—15). Здѣсь стихъ 2-ой начинается иначе: вмѣсто *** стоитъ N. N.

Л. Н. Майковъ и П. А. Ефремовъ относятъ эпиграмму къ 1822 г. Въ изданіи П. О. Морозова она отнесена къ 1821 г., и это согласно съ мѣстомъ, какое она занимаетъ въ рукописи Румянцовскаго музея. Нахожденіе эпиграммы въ письмѣ 1822 — 1823 г. не можетъ имѣть само по себѣ значенія для опредѣленія времени ея сочиненія. Ср. примѣчаніе къ эпиграммѣ „Иной имѣлъ мою Аглаю“.

Сообщеніе этихъ двухъ эпиграммъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому подъ-рядъ одна за другою и приписка: „*Этихъ двухъ* не показывай никому“ даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что обѣ онѣ относятся къ одной и той же особѣ — А. А. Давыдовой. Это предположеніе и высказано *Н. О. Лернеромъ* (Соч. Пушкина, изд. Брокгаузъ-Эфрона, т. II [Спб. 1908], стр. 582), замѣтившимъ, что настоящая эпиграмма „выдѣляется среди пушкинскихъ своей исключительной грубостью“.

lib.pushkinskijdom.ru

X.

НАПЕРСНИЦА ВОЛШЕБНОЙ СТАРИНЫ

(стр. 15).

Печатается по автографу, находящемуся въ принадлежащей Императорской Академіи Наукъ Пушкинской коллекціи Л. Н. Майкова (см. „Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 3, № 5).

Этотъ бѣловой списокъ, на листкѣ синей бумаги въ 4-ку, на которомъ среди текста выставлена красными чернилами цифра „49“, представляетъ слѣдующіе *первоначальные* варіанты:

Стихъ 5-й: *Въ тѣ времена* въ вечерней тишинѣ
„ 9-й: Ты *мирную* качал колыбель
„ 18-й: Какъ мило ты *въ то время* измѣнилась!
„ 24-й: *Прелестная* глава благоухала

Къ 1821 году это стихотвореніе отнесено Анненковымъ, впервые его напечатавшимъ (не совсѣмъ точно) по той же рукописи въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“ (Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 41; ср. тамъ же, т. II, стр. 313). Въ указателѣ стихотвореній при VII томѣ Анненковъ далъ этой пьесѣ произвольное заглавіе: „Муза“. Мы помѣстили ее передъ стихотвореніемъ „Муза“ — по внутренней близкой связи между обоими произведеніями.

XI.

М У З А

(Въ младенчествѣ моемъ она меня любила)

(стр. 17).

Печатается по изданію 1829 г., I, 125. Передъ этимъ было напечатано уже дважды: въ изданіи 1826 г.,

lib.pushkinskijdom.ru

стр. 123 (въ отдѣлѣ „Подражанія древнимъ“), и раньше еще въ *Сынъ Отечества* 1821 г., № 23, стр. 132 — 133, съ подписью: „А. Пушкинъ“ и съ помѣтою, приведенною нами подъ текстомъ. Текстъ во всѣхъ изданіяхъ одинаковый, безъ варіантовъ; отличія только орѳографическія.— Кромѣ того, „Муза“ при жизни Пушкина была перепечатана въ *Новыхъ Аонидахъ* на 1823 г., стр. 109, и въ Новомъ собраніи сочиненій, II, 276.

Въ тетради гр. Капниста пьеса только упомянута („Матеріалы“ Майкова, стр. 84), но намъ извѣстны четыре ея автографа. Одинъ изъ нихъ находится въ тетради Румянцовскаго музея № 2367, л. 4. Здѣсь имѣемъ нѣсколько варіантовъ:

Стихъ 2-й:

Она трествольную цѣвницу мнѣ вручила,

Стихи 6-й и 7-й:

И гимны важные, *любимые* богами,
И пѣсни *легкія*...

Оба эти варіанта исправлены тутъ же, въ рукописи, согласно уже съ окончательной редакціей.

Стихи 12-й — 14-й:

Сама изъ рукъ моихъ *тростникъ* она брала,
И дивно оживленъ божественнымъ дыханьемъ,
Онъ волновалъ меня святымъ очарованьемъ.

Другой автографъ былъ въ распоряженіи Анненкова и нынѣ принадлежитъ Его Императорскому Высочеству Великому князю Константину Константиновичу. Анненковъ приложилъ къ I тому своего изданія факсимиле этого автографа (факсимиле это, какъ и другія приложенія, повторено и при второмъ изданіи „Матеріаловъ“ 1873 г.). Въ немъ мы видимъ слѣдующіе варіанты:

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 2-й и стихъ 6-й какъ въ музейной рукописи. Затѣмъ:

Стихъ 7-й:

легкія
И пѣсни (мирныя) веселыхъ * пастуховъ

Въ стихѣ 11-мъ, повидимому, первое слово было сначала написано: „Раскинувъ“, а затѣмъ передѣлано: „Откинувъ“. Стихъ 13-й, какъ въ музейной рукописи.

Стихъ 14-й:

плѣнялъ
Тростникъ меня томилъ святымъ очарованьемъ.

Слово „томилъ“ не зачеркнуто.

Сохранился еще третій автографъ пьесы. Въ альбомъ Н. Д. Иванчина-Писарева, названный владѣльцемъ „Мои Пенаты“, Пушкинъ вписалъ „Музу“ 30 декабря 1828 г. Въ настоящее время альбомъ этотъ принадлежитъ гр. С. Д. Шереметеву („Остафьевскій Архивъ“, т. I, стр. 560; Старина и Новизна, книга X, М. 1905, стр. 482). Пушкинъ, готовя въ то время къ выпуску въ свѣтъ новое изданіе своихъ стихотвореній, взялъ „Музу“ для альбома Иванчина-Писарева. Послѣдній въ статьѣ своей „Альбомныя памяти“ (*Москвитянинъ* 1842 г., № 3, стр. 147) разсказываетъ, что когда Пушкинъ написалъ ему въ альбомъ „Музу“, онъ спросилъ, почему поэтъ вспомнилъ именно это стихотвореніе, а не другое; Пушкинъ сказалъ: „Я люблю его — оно отзывается стихами Батюшкова.“

Наконецъ, въ недавнее время найденъ еще одинъ автографъ „Музы“ — въ альбомѣ Анны Евграфовны Шиповой, рожденной графини Комаровской (1806 — 1872). Альбомъ этотъ описанъ и автографъ воспроизведенъ, съ приложеніемъ снимка, Б. Л. Модзалевскимъ въ сборникѣ: „Пушкинъ и его современники“, вып. XI (1909 г.), стр.

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

80—81. Пушкинъ вписалъ сюда свою „Музу“, вѣроятно, около того же времени, когда записалъ ее въ альбомѣ Иванчина-Писарева. Объ альбомныя записи почти одинаковы: въ обѣихъ стихъ 4-й читается:

По звонкимъ скважинамъ *пустова* тростника,

а стихъ 14-й:

Онъ душу наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Разночтеніе — только въ стихѣ 7-мъ: въ альбомѣ Иванчина-Писарева — И пѣсни *нѣжныя*, а въ альбомѣ Шиповой — *мирныя*.

„Муза“ заслужила самые лестные отзывы въ критикѣ, какъ современной созданію пьесы, такъ и болѣе поздней. П. А. Плетневъ напечаталъ разборъ этого стихотворенія въ *Трудахъ Вольнаго Общества любителей русской словесности* 1822, т. XIX, стр. 17 и слл. (Сочиненія Плетнева, Спб. 1885, т. I, стр. 53). Здѣсь, между прочимъ, говорится: „Въ четырнадцати стихахъ заключено все, что можетъ требовать воображеніе и чувство. Нѣтъ ни одного слова лишняго, ни одного стиха невыдержаннаго, ни одной картины недодѣланной. Нужно ли прибавлять, что гармонія стиховъ въ семъ сочиненіи представляетъ пріятнѣйшую музыку для слуха?... Какая вѣрность въ выраженіяхъ и свѣжесть въ подборѣ эпитетовъ!... Это стихотвореніе въ русской антологіи останется отпечаткомъ первыхъ картинъ природы, которыя питали юное воображеніе поэта. Читая оное, каждый почувствуетъ, что стихотворецъ увидѣлъ въ первый разъ свою Музу не въ блестящей столицѣ, не въ шумномъ кругу свѣта, но въ мирномъ сельскомъ уединеніи“ и пр. Бѣлинскій отмѣтилъ „Музу“, какъ произведеніе „чисто-пушкинское“. — „Посмотрите“, говоритъ критикъ, — „какъ эллински или какъ артистически (это одно и то же) разсказалъ Пушкинъ о своемъ художественномъ призваніи, почувствованномъ

lib.pushkinskijdom.ru

имъ еще въ лѣта отрочества... Не смотря на счастливые опыты Батюшкова въ антологическомъ родѣ, такихъ стиховъ еще не бывало на Руси до Пушкина!... Нельзя не дивиться въ особенности тому, что онъ умѣлъ сдѣлать изъ шестистопнаго ямба, этого несчастнаго стиха, доведеннаго до пошлости русскими эпиками и трагиками добраго стараго времени. За него уже было отчаялись, какъ за стихъ неуклюжій и монотонный, а Пушкинъ воспользовался имъ словно дорогимъ паросскимъ мраморомъ для чудныхъ изваяній, *видимыхъ слухомъ*"...

Не всѣ, однако, литераторы того времени смотрѣли такъ сочувственно на эту пьесу. А. А. Бестужевъ писалъ 22 октября 1821 г.: „*Муза* есть пріятная бездѣлка."

По указанію С. Любомудрова („Античные мотивы въ поэзіи Пушкина", изданіе 2-е, Спб. 1901, стр. 24), матеріаломъ для этого стихотворенія послужилъ отрывокъ III изъ идиллій А. Шенье:

Toujours ce souvenir m'attendrit et me touche,
Quand lui-même, appliquant la flûte sur ma bouche,
Riant et m'asseyant sur lui, près de son coeur,
M'appelait son rival et déjà son vainqueur.
Il façonnait ma lèvre inhabile et peu sûre
A souffler une haleine harmonieuse et pure,
Et ses savantes mains prenaient mes jeunes doigts,
Les levaient, les baissaient, recommençaient vingt fois,
Leur enseignant ainsi, quoique faibles encore,
A fermer tour à tour les trous du buis sonore.

„При передѣлкѣ Пушкинъ замѣняетъ какого-то неизвѣстнаго учителя французскаго оригинала граціознымъ образомъ Музы, — и пьеса оживаетъ: обыкновенный урокъ на флейтѣ обращается въ группу античнаго стиля. Что рисуетъ намъ Шенье? Тѣсная комната, пюпитръ съ нотами, любящій учитель, прилежный ученикъ; какъ это все прозаично, какъ это все приглядѣлось! Посмотрите,

lib.pushkinskijdom.ru

что вышло у Пушкина: въ тѣни дубовъ геніальный ученикъ наигрываетъ дѣтскими перстами свои первыя пѣсни; съ улыбкой внимаетъ муза своему любимцу; вотъ, она беретъ его свирѣль, — чудныя пѣсни льются изъ тростника и наполняютъ очарованіемъ душу мальчика. Какъ все здѣсь дышитъ непринужденностью и легкостью, этими всегдашними спутниками таланта! Это — урокъ Моцарта, подобно тому, какъ въ пьесѣ Шенье — урокъ Сальери...“

Мы видѣли выше, что съ „Музой“ связаны три даты. Одна изъ нихъ — 30 декабря 1828 г., въ альбомѣ Иванчина-Писарева, обозначаетъ, несомнѣнно, только день вписанія пьесы въ альбомъ; затѣмъ остаются двѣ помѣты: одна на рукописи Анненкова — 14 февраля 1821 г., другая въ *Сынѣ Отечества* — „Кишиневъ, Апрѣля 5, 1821“. Такъ какъ есть всѣ основанія считать, что помѣта подъ журнальнымъ текстомъ сдѣлана самимъ поэтомъ, то мы и предпочитаемъ именно эту помѣту: вѣроятно, она обозначаетъ время окончательной отдѣлки пьесы, а дата „14 февраля“ обозначаетъ время, когда была набросана данная первоначальная редакція.

XII.

КАТЕНИНУ

(стр. 18).

Печатается по изданію 1829 г., т. I, стр. 135. Въ изданіи 1826 г., стр. 155, текстъ данъ съ варіантомъ въ 12-мъ стихѣ; объ этомъ варіантѣ будетъ сказано ниже.

Въ рукописи Румянцовскаго музея № 2367, л. 5, имѣется конецъ этого посланія, послѣдніе шесть стиховъ: предыдущій листъ вырванъ, на немъ, очевидно, было на-

lib.pushkinskijdom.ru

чало посланія; здѣсь въ 12-мъ стихѣ текстъ изданія 1826 г.

Въ записной тетради Пушкина, хранящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ, л. 61, имѣется черновой набросокъ этого стихотворенія въ такомъ видѣ:

Въ чаду кадилъ
Но оскорбилъ я красоту
(Въ досадѣ) (несправедливой)
Въ доадѣ *, можетъ быть, неправой!...
(И) (я виноватъ)
При звукахъ
лиръ Когда блиста(ла)я славой
Въ вѣнцѣ любви
пылающихъ
Въ дыму кадилъ
Въ досадѣ м. б.
Хвалы я свистомъ заглушилъ

Набросокъ соотвѣтствуетъ стихамъ 5-му — 8-му.

Это посланіе Катенину стоитъ въ связи съ эпиграммою Пушкина на Колосову въ 1819 г. (см. т. II, стр. 25, и примѣчанія, стр. 60 — 63). Стихотвореніе это было послано Пушкинымъ въ письмѣ къ Катенину, но письмо до него не дошло, такъ что Катенинъ удивился, когда увидѣлъ стихи въ изданіи 1826-го года и безъ полнаго своего имени (письмо его отъ 8-го февраля 1826 г., „Переписка“ Пушкина, т. I, стр. 322). На его вопросъ по этому поводу Пушкинъ отвѣчалъ ему: „Стихи о Колосовой были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полнаго твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою показалось бы немного страннымъ“ (февраль 1826 г., „Переписка“, т. I, стр. 326). О примиреніи Пушкина съ Коло-

* Описка: досадѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

совой въ это время см. въ той же „Перепискѣ“ письма Катенина къ Пушкину (стр. 348 и 355), а также примѣчанія къ этимъ письмамъ.

Въ стихѣ 12-мъ по первоначальной редакціи упомянута одна изъ первыхъ ролей Колосовой: она на второмъ дебютѣ своемъ 30 декабря 1818 г. исполняла роль Моины въ трагедіи Озерова „Фингалъ“; рядомъ съ указаніемъ на Моину Пушкинъ поставилъ Мельпомену, какъ богиню сценическаго искусства. Когда онъ писалъ стихотвореніе, когда онъ даже печаталъ его, онъ, отсутствуя съ 1820 г. изъ Петербурга, не зналъ о другихъ выдающихся роляхъ талантливой артистки; но, пересматривая въ 1828 г. свои стихи для новаго изданія, Пушкинъ замѣнилъ Мельпомену *Селименой:* это названіе роли въ комедіи Скриба „Валерія или слѣпая“, которую В. А. Жуковскій перевелъ для А. М. Колосовой. Комедія шла 17 декабря 1823 г. Колосова имѣла громадный успѣхъ въ роли Селимены (по Жуковскому — „Прелестиной“. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, стр. 348). Подъ тѣмъ же именемъ „Прелестиной“ является, впрочемъ, и мольеровская Селимена въ „Мизантропѣ“, переведенномъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ. Эту роль А. М. Колосова исполнила 24 октября 1824 г. на сценѣ московскаго Малаго театра (тамъ же стр. 360).

Къ 1821 г. посланіе „Катенину“ отнесено въ изданіи 1826 г., какъ и въ изданіи 1829 г. Музейная рукопись, (№ 2367) гдѣ сохранилось окончаніе посланія, вполнѣ подтверждаетъ эту хронологію и даетъ возможность ближе опредѣлить дату: въ рукописи посланіе помѣчено 5 апрѣля; такъ какъ Пушкинъ при печатаніи откинулъ указаніе дня, то оно помѣщено подъ текстомъ посланія въ скобкахъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XIII.

ХОТЬ ВПРОЧЕМЪ ОНЪ ПОЭТЪ ИЗРЯДНЫЙ

(стр. 19).

Печатается по изданію 1829 г., т. II, стр. 165. Впервые помѣщено въ изданіи 1826 г., стр. 114. Текстъ обоихъ изданій одинаковъ; различіе только въ знакахъ препинанія, причемъ въ концѣ перваго стиха въ изданіи 1829 г. поставлена точка съ запятою (;), но мы при печатаніи замѣнили ее запятою (,), лучше подходящею.

Въ тетради Румянцовскаго музея № 2367, л. 5, находится первоначальная редакція этой эпиграммы:

Ты правъ: хоть онъ поэтъ изрядный,
Людмилинъ — человѣкъ пустой.
— А ты, мой князь, мой шутъ нарядный,
Ты вѣчно полонъ самъ собой,
Ты полонъ глупости большой.

Въ рукописи гр. Каннста эпиграмма дана въ окончательной, печатной редакціи, но послѣдній стихъ былъ здѣсь написанъ такъ, какъ въ музейной рукописи, а затѣмъ исправленъ такъ, какъ въ печатномъ текстѣ (Майковъ, „Матеріалы“, стр. 180).

П. О. Морозовъ (I, стр. 622) указываетъ, что Людмилинъ первоначальной редакціи — самъ Пушкинъ.

Эпиграмма напечатана въ 1826 г. безъ указанія года; въ изданіи 1829 г.—въ отдѣлѣ „разныхъ годовъ“. Въ изданіи Анненкова и въ обоихъ изданіяхъ Геннади эпиграмма напечатана среди стихотвореній „неизвѣстныхъ годовъ“; въ изданіи 1880 г. она отнесена къ 1817 г., что было сохранено во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ, включая и изданіе Литературнаго Фонда. Но въ новѣйшихъ изданіяхъ хронологія измѣнена: П. А. Ефремовъ (1903, I, 378) помѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

стилъ эпиграмму подъ 1820 г., П. О. Морозовъ (1903, I, 316)—подъ 1821 г., а Майковъ („Матеріалы“, стр. 180)—подъ 1822 г. Музейная рукопись опредѣленно рѣшаетъ вопросъ въ пользу 1821 г.: эпиграмма написана на одной страницѣ съ концомъ посланія Катенину, а со слѣдующей страницы начинается посланіе къ Чаадаеву. Такимъ образомъ, по рукописи опредѣляется не только годъ эпиграммы, но и мѣсто ея среди произведеній 1821 г.

XIV.

[В. Л. ДАВЫДОВУ]

„МЕЖЪ ТѢМЪ, КАКЪ ГЕНЕРАЛЪ ОРЛОВЪ“

(стр. 20).

Печатается по рукописи Румянцовскаго музея № 2365, л. 30 и 31, съ дополненіями. Впервые отрывки изъ этого посланія были даны Анненковымъ въ его изслѣдованіи „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, сначала въ *Вѣстникѣ Европы* 1874 г., № 1, затѣмъ въ отдѣльномъ изданіи (Спб., 1874, стр. 183 и 184); въ такомъ видѣ посланіе было напечатано въ изданіяхъ 1880 г. (I, стр. 361) и 1882 г. (I, стр. 518). Въ *Русской Старинѣ* 1884 г. (мартъ, стр. 92 и 93) напечатаны значительныя дополненія, а также исправленія къ тексту Анненкова. Въ изданіи Литературнаго Фонда 1887 г. текстъ данъ уже весь по Анненкову и по *Русской Старинѣ*, съ новымъ дополненіемъ изъ рукописи. Полнѣе текстъ по музейной рукописи напечатанъ Л. Н. Майковымъ въ „Матеріалахъ“ (стр. 101) и П. О. Морозовымъ (I, 312). П. А. Ефремовъ далъ (т. I, 433 и т. VII, стр. 31) текстъ еще болѣе полный, такъ какъ пользовался копіей Анненкова: въ руко-

lib.pushkinskijdom.ru

писи № 2365 нѣкоторыя мѣста отмѣчены сбоку синимъ карандашемъ и потомъ зачеркнуты или, вѣрнѣе, замазаны чернилами, такъ что этихъ замазанныхъ строкъ теперь прочесть уже нельзя. Изъ копіи Анненкова П. А. Ефремовъ привелъ стихъ 22-й, стихи 32-й — 40-й. Въ нашъ текстъ эти стихи внесены изъ изданія П. А. Ефремова.

Слѣдуетъ оговорить, что послѣдніе четыре стиха въ тетради № 2365 написаны не въ концѣ, — они перенесены нами въ конецъ по смыслу, вслѣдъ за П. О. Морозовымъ и Л. Н. Майковымъ.

Приводимъ изъ рукописи № 2365 черновые, откинутые варіанты.

Ст. 1-й—10-й: Межъ тѣмъ какъ Генералъ Орловъ —
Обритый
(Недавный) рекрутъ (Гименея), —
подойти готовъ
(Идетъ) подъ мѣру (Гименея) —
(А ты) (Любовью нѣжной пламенѣя)
(А ты весельемъ пламенѣя)
ихъ
(Въ пиру домашн(емъ) веселясь)
(Въ приютъ отъ скуки удалясь)
(А ты) Межъ тѣмъ какъ ты проказникъ умной
(За ужиномъ) Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной
(Съ) И за бутылками Ан
ie
(Съ моимъ) Раевск(имъ)
Сидятъ мои —
(И твой любезный братъ)
(Межъ тѣмъ какъ) Когда вездѣ весна младая
(По всюду) Съ улыбкой разпустила грязь...

Хочу зать
Стихъ 15-й: Ска(жу) тебѣ два слова
пощусь молюсь и твердо
„ 24-й: (Говѣетъ Инзовъ)—(п я) вѣрю

lib.pushkinskijdom.ru

мои
Стихъ 25-й: Что богъ проститъ (ему) грѣхи

Говѣетъ Инзовъ и
Ст. 27-й—29-й: (Я промѣнялъ) намѣдни
(*нерзб.*) Парни
Я промѣлъ (sic!) (Вольтера) бредни
грѣшный
И лиру (тайный) даръ судьбы

Послѣ стиха 40-го можно еще разобрать:

(Но я крѣщусь и Сатанѣ)
Тебѣ же (право) не здарово
И шу . . . (?) переварить

молюсь
Стихъ 41-й: Но я (крѣщусь) и воздыхаю

(другая) (прямая)
Ст. 45-й и 46-й: Вотъ Эвхаристія (другая) (прямая)

и ты и
Когда (твой) милый братъ (и ты)

ой
Ст. 50-й—52-й: Безпенн(ымъ), (хладною) мерзлою струей
И за здоровенье (sic!) *тѣхъ* и *той*
(И трюфлемъ) (И въ) до капли выпивали
до дна
(И трюфлемъ) (О ей дано)

тамъ
Ст. 54-й и 55-й: А та едва ли (вновь) воскреснетъ
(Цари) (Народы) (Народы) (*нерзб.*) (устоятъ)

Ст. 57-й—60-й: (О ты) (Ужели) Ужель надежды лучь изчезъ
(Придутъ ли вновь) Но нѣтъ мы щастьемъ
насладимся
(Приду ль)
Кровавой чаши причастимся
(Вновь грѣшной, причаститься)
И я
(И вамъ) скажу Христосъ воскресъ—

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ извѣстно, сосланный на югъ, Пушкинъ захворалъ въ Екатеринославѣ и былъ оттуда взятъ проѣзжавшимъ генераломъ Раевскимъ на Кавказъ. Вмѣстѣ съ Раевскими онъ переѣхалъ затѣмъ въ Крымъ. Первыя впечатлѣнія поэта отъ южной природы, отъ кавказскаго и крымскаго быта были неразрывно связаны съ значеніемъ для него дружескихъ отношеній его съ членами семьи Раевскихъ. Съ ними же для Пушкина соединились и впечатлѣнія еще одного мѣста, именно Каменки, имѣнія Давыдовыхъ, близкихъ родныхъ Раевскому (его единоутробные братья). Каменка была дорога Пушкину по его дружескимъ отношеніямъ къ Раевскимъ и Давыдовымъ, по тѣмъ условіямъ жизни и общества, которыя ему давала она. Его отношенія, связанныя съ Каменкою и ея обитателями, находили себѣ постоянное выраженіе въ его стихахъ и въ письмахъ. 4 декабря 1820 г. онъ писалъ Гнѣдичу изъ Каменки: „Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму, въ Молдавіи, а теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевскаго. Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демократическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно — разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ.“ И вотъ, эта жизнь въ Каменкѣ, описанная въ письмѣ къ Гнѣдичу, до извѣстной степени отразилась и въ посланіи къ В. Л. Давыдову, написанномъ изъ любви къ памяти Каменки и къ ея обитателямъ.

Генералъ Орловъ (ст. 1-й — 4-й), обритый рекрутъ Гименея — М. Ѳ. Орловъ, въ это время женихъ Ек. Н. Раевской; Раевскіе мои (ст. 8-й) — братья Александръ и

lib.pushkinskijdom.ru

Николай Раевскіе; послѣднему посвященъ „Кавказскій Плѣнникъ“, а къ первому относится „Демонъ“. В. Л. Давыдова поэтъ называетъ „проказникъ умной“ (ст. 5-й), а его „милый братъ“ — А. Л. Давыдовъ (посланіе къ нему Пушкина см. на стр. 205. См. въ примѣчаніяхъ II тома, стр. 358, 359, 487, 488). Стихъ 12-й: Бунтуетъ нашъ безрукой князь—кн. Александръ Ипсиланти, вождь греческаго возстанія. Обо всѣхъ нихъ см. примѣчанія къ первому тому „Переписки“ и „Архивъ Раевскихъ“, т. I, С.-Пб. 1908.

Стихи 17-й — 20-й — кончина кишиневскаго митрополита Гавріила Банулеско. О похоронахъ его, бывшихъ 1-го апрѣля 1821 г., Пушкинъ сдѣлалъ запись въ своемъ кишиневскомъ дневникѣ подъ 3-мъ апрѣля.

Стихъ 23-й и слѣдующіе касаются вынужденнаго пощенія и говѣнія Пушкина великимъ постомъ 1821 г., при настроеніи не особенно набожномъ, отразившемся также въ пьесѣ „Христосъ воскресъ, моя Реввека“ (стр. 27).

Стихи 50-й, 53-й и 54-й: За здоровье *тѣхъ* и *той*... Но *тѣ* въ Неаполѣ шумятъ, а *та* едвали тамъ воскреснетъ. *Та* — свобода, *тѣ* — неаполитанскіе карбонары. Кн. П. А. Вяземскій потомъ вспоминалъ: „Во время Неаполитанскаго возстанія, разумѣется, былъ я за Неаполитанцевъ и вѣровалъ въ побѣду ихъ“ (Соч., т. II, стр. XVII).

У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, кончилъ ли, отдѣлалъ ли Пушкинъ свое посланіе къ В. Л. Давыдову. Такъ какъ оно оставалось совершенно неизвѣстнымъ до извлеченія отрывковъ изъ него Анненковымъ, то скорѣе можно думать, что посланіе не было кончено, не было послано. Рукопись не содержитъ прямого указанія, къ которому изъ братьевъ Давыдовыхъ писано посланіе, но по самому посланію Анненковъ опредѣлилъ, что оно писано къ Василью Львовичу, а не къ Александру Львовичу, о которомъ здѣсь только упоминается, какъ о „миломъ братѣ“.

lib.pushkinskijdom.ru

По мѣсту, занимаемому посланіемъ въ тетради № 2365, оно должно быть относимо къ апрѣлю 1821 г.; прибавляя къ этому соображенія по содержанію посланія, мы можемъ опредѣлить, что оно писано, вѣроятно, на Страстной недѣлѣ 1821 г., между 5 и 11 апрѣля, — черезъ нѣсколько дней послѣ кончины митрополита Гавріила (похороны 1-го апрѣля), въ тѣ дни, когда говѣлъ Инзовъ и, можетъ быть, самъ Пушкинъ. Слѣдующее въ тетради непосредственно за посланіемъ къ Давыдову стихотвореніе „Къ чернильницѣ“ помѣчено 11-мъ апрѣля.

Быть можетъ, именно къ этому же времени, когда Пушкинъ повидимому говѣлъ, относится его посланіе къ его слугѣ Никитѣ; до насъ дошло только начало посланія:

Дай, Никита, мнѣ одѣться,
Въ митрополіи звонятъ.

Стихи эти приводитъ Липранди.

XV.

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ

(стр. 23).

Печатается на основаніи черновой рукописи въ тетради Румянцовскаго музея № 2365, л. 31 об. — 33 об. Впервые было напечатано въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 245, но съ большими неточностями. Анненковъ (т. II, стр. 281 и 308 — 309) не исправилъ текста, а только далъ въ примѣчаніяхъ пропущенное посмертнымъ изданіемъ четверостишіе, но почему-то не ввелъ его въ текстъ и неправильно указалъ его мѣсто въ пьесѣ. Послѣдующія изданія пользовались текстомъ Анненкова. Ни П. И. Бартеш.

lib.pushkinskijdom.ru

невъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1881 г., № 1, ни „Описаніе рукописей Пушкина“ въ *Русской Старинѣ* 1884 г., № 3, не свѣрили текста пьесы и не дали полнаго его исправленія. Честь изданія полнаго и правильнаго текста пьесы „Къ моей чернильницѣ“ принадлежитъ всецѣло Л. Н. Майкову, въ „Матеріалахъ“ котораго находимъ (стр. 103 — 107) и точно исправленный текстъ, и указаніе на всѣ черновые варіанты и особенности рукописи. Въ изданіяхъ 1903 г. П. А. Ефремова (I, 404) и П. О. Морозова (I, стр. 286) текстъ этой пьесы данъ въ прежнемъ, неисправленномъ видѣ. Въ примѣчаніяхъ (т. VIII, стр. 157 — 158) П. А. Ефремовъ привелъ всѣ исправленія, данныя Майковымъ, а у П. О. Морозова исправленный текстъ приложенъ въ III томѣ (стр. 668).

Вотъ варіанты рукописи.

Стихъ 4-й: *Съ* тобою *прожилъ* я
Стихъ 9-й: Подъ сѣнью хаты *темной,*

Стихъ 20-й составленъ изъ двухъ зачеркнутыхъ стиховъ, изъ которыхъ въ первомъ можно разобрать: На дѣ... волною, а второй читается:

Волшебной чередою
Стихъ 27-й: Съ тобой *извѣстенъ сталъ*
Стихъ 31-й: *Въ рукѣ моей* всегда
Стихъ 36-й: То вѣрныя сравненья
Стихъ 40-й: То правды стихъ суровой

Послѣ стиха 42-го зачеркнуто:

(Наперсница) (прислужница) Любовница свободы
Ты съ нею заодно
Прославила вино
И прелести природы
Ты смѣху обрекла

lib.pushkinskijdom.ru

Пустыхъ любимцевъ моды
И рѣчи и дѣла.

Стихъ 50-й: *Сердечной* простоты.
Стихъ 55-й: Ужели *я* забуду.
Стихъ 58-й: Оставь, *забудь* порой
Стихъ 62-й: *Скорѣй* минуты скуки
Стихъ 88-й: *Къ себѣ* Чадаевъ милой

Зачеркнуто карандашомъ „Къ себѣ“, сверху вставлено надъ „милой“ — „другъ мой“. Карандашомъ же указана перестановка: стихъ 87-й былъ написанъ послѣ стиха 88-го.

Стихъ 93-й: *Всегда*, *всегда* нѣмая,

Стихи 91-й — 94-й въ рукописи написаны послѣ окончательной помѣты, какъ добавленіе, причемъ указано мѣсто вставки. Эти стихи были пропущены посмертнымъ изданіемъ; впервые они напечатаны П. И. Бартеневымъ, не указавшимъ мѣста вставки, такъ что это четверостишіе помѣщалось въ самомъ концѣ пьесы. Его мѣсто указано было въ *Русской Старинѣ*.

Стихъ 97-й: Но *друга* и поэта

Между 31 и 32 листами листъ вырванъ, что и даетъ пропускъ послѣ 20-го стиха. Пропускъ очень значительный, стиховъ около сорока; по содержанію эти стихи были очень интересны: они должны были давать описаніе ряда образовъ, которые вились около чернильницы, когда поэтъ призывалъ Музу на пиръ воображенья. Но и то, что̀ сохранилось дальше, даетъ замѣчательную картину самой манеры творческой работы и общую характеристику особенностей поэзіи Пушкина (стихи 21-й—52-й); въ стихахъ 63-мъ — 72-мъ дано краткое, но вѣрное изображеніе почтовой прозы, т.-е. писемъ Пушкина къ

lib.pushkinskijdom.ru

друзьямъ. На послѣднее было указано П. И. Бартеневымъ въ его давней работѣ „Пушкинъ въ южной Россіи“, (стр. 67).

Посмертное изданіе, напечатавъ столь неисправно текстъ цьесы, допустило неожиданную ошибку въ хронологическомъ отношеніи: оно отнесло пьесу къ лицейскимъ стихотвореніямъ, тогда какъ въ рукописи дана совершенно ясная дата — 11 апрѣля 1821 г.

XVI.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ

(стр. 27).

Печатается по рукописи въ тетради Румянцовскаго музея № 2367, л. 8. Вошло въ изданіе 1880 г., I, 369, безъ послѣднихъ трехъ стиховъ, въ изданіе 1882 г., I, 519, съ пропускомъ одного стиха. Полный текстъ данъ изданіями 1903 г.

Въ рукописи послѣ 3-го стиха имѣется еще стихъ:

(Погибшаго за міръ земной)

Но стихъ этотъ зачеркнутъ.

Эта же пьеса имѣется еще въ тетради № 2365, л. 24 об. Это черновой набросокъ. Здѣсь 1-й стихъ читается: „Христосъ воскресъ, моя *Реввека*“; 4-й стихъ: „Погибшаго за міръ земной.“ Стихи 5-й—9-й съ большими поправками:

	въ вѣру
За поцалуй не сожалѣя	А завтра (вѣрою твоею) Моисея
(За поцалуй готовъ)	(И то во власть твою)

lib.pushkinskijdom.ru

(вступить) (Плѣнясь) (готовъ тебѣ) вручить
(тебѣ)
(Приму, Еврейка) *нерзб.* (И набожно) я (самъ) то готовъ вручить

Эту пьесу въ числѣ другихъ „пакостей“ сообщилъ Пушкинъ кн. Вяземскому въ письмѣ изъ Кишинева въ концѣ 1822 г. или въ началѣ 1823 г. Письмо это извѣстно только въ копіи („Переписка“, томъ I, стр. 60); мы уже не разъ ссылались на это письмо, содержащее пять пьесъ Пушкина. Въ этомъ письмѣ въ пьесѣ „Христосъ воскресъ“ есть варіантъ противъ напечатаннаго выше текста, именно стихъ 9-й:

И даже то тебѣ вручить,

По указанію Анненкова, пьеса „Христосъ воскресъ“ должна быть относима къ содержательницѣ одного изъ постоялыхъ дворовъ въ Кишиневѣ. („Пушкинъ“, стр. 178). О настроеніи Пушкина см. въ примѣчаніи къ посланію В. Л. Давыдову.

У Майкова, а также у П. А. Ефремова, пьеса „Христосъ воскресъ“ отнесена къ 1822 г., но мѣсто ея въ тетрадяхъ Пушкина, особенно въ № 2367, заставляетъ относить ее къ 1821 г., какъ это дѣлаютъ П. О. Морозовъ (I, стр. 602) и Н. О. Лернеръ („Труды и дни Пушкина“, 2-е изд., стр. 66).

XVII.

КТО ВИДѢЛЪ КРАЙ...

(Стр. 28).

Печатается по автографу Майковскаго собранія, находящемуся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ (см. „Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV (1906), стр. 4, № 6, и представляющему бѣловой

lib.pushkinskijdom.ru

списокъ съ позднѣйшими поправками. Черновыя редакціи этого стихотворенія находятся: 1) въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, лл. 25, 25 об. и 26 и 2) въ записной книжкѣ 1820—21 гг., хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (лл. 43 об.—45).

Напечатано впервые въ посмертномъ изданіи, т. IX (1841), стр. 125—127, подъ заглавіемъ: „Желаніе“, котораго нѣтъ въ рукописяхъ, и съ нѣкоторыми отличіями отъ рукописнаго текста. Затѣмъ повторено въ изданіи Анненкова, т. II (1855), стр. 284—286, съ варіантами по Майковской рукописи и съ оговоркою: „Можетъ быть, посмертное изданіе имѣло другой списокъ, чѣмъ тотъ, который остался въ бумагахъ“. Дѣйствительно, нѣкоторые черновые варіанты этого стихотворенія даютъ основаніе заключать, что отличія посмертнаго текста основаны не на случайныхъ или произвольныхъ измѣненіяхъ, внесенныхъ въ пьесу постороннею рукою.

Всѣ разночтенія указанныхъ выше рукописей, а также и посмертнаго печатнаго текста, будутъ приведены въ дополнительномъ томѣ.

Стихотвореніе, первымъ своимъ стихомъ, а также и размѣромъ, напоминающее извѣстную пѣсню Миньоны: „Kennst du das Land...“, написано въ воспоминаніе о жизни поэта въ Крыму. Въ сокращенномъ видѣ тѣ же мотивы въ 1823 г. повторены въ заключительныхъ строкахъ „Бахчисарайскаго Фонтана“ (см. стр. 175—176). Но въ 1822 году Пушкинъ задумывалъ въ честь Тавриды еще другое, большое стихотвореніе, отрывокъ котораго приведенъ на стр. 116, а раньше, въ концѣ 1820 г., писалъ брату: „Щастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая вообра-

lib.pushkinskijdom.ru

женье; горы, сады, море; другъ мой—любимая моя надежда—увидѣть опять полуденный берегъ...“ (Переписка, томъ I, стр. 21).

Къ 1821 году стихотвореніе отнесено Анненковымъ. Это подтверждается и тетрадями Пушкина. По мѣсту, занимаемому черновикомъ въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, эта пьеса слѣдуетъ непосредственно за стихотвореніемъ: „Христосъ воскресъ“.

XVIII.

ВЪ ЮРЗУФѢ БѢДНЫЙ МУЗУЛЬМАНЪ...

(Стр. 30).

Печатается по рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, лл. 34 об. — 35 об., по которой впервые напечатано *В. Е. Якушкинымъ* въ *Русской Старинѣ* 1884 г., т. 42, апрѣль, стр. 94; затѣмъ повторено, съ нѣкоторыми разночтеніями, изданіемъ Литературнаго Фонда (I, 266—267) и *Л. Н. Майковымъ*—въ Матеріалахъ для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина (Спб. 1902), стр. 143—145. Рукопись представляетъ черновой набросокъ, весь исчерканный и крайне неразборчивый, а потому и допускающій нѣкоторыя различія въ чтеніи. Полный текстъ отрывка, насколько его удалось разобрать, будетъ данъ въ дополнительномъ томѣ.

Отрывокъ этотъ есть не что иное, какъ незаконченная попытка отчасти перевести, отчасти — передѣлать стихотворную сказочку французскаго поэта Antoine Bauderon de *Sénécé* (1643—1737): „Le Kaïmak, ou la Confiance perdue“ (см. Contes et Nouvelles en vers par MM. Voltaire, Vergier, Sénécé, Perrault, Moncrif et le

lib.pushkinskijdom.ru

P. Ducerceau, tome III, à Londres MDCCLXXVIII, pp. 171—187). Пушкинъ сохранилъ не только многія выраженія французскаго оригинала и даже риѳму: „Музульманъ—Алькоранъ“, но перенесъ дѣйствіе съ азіатскаго Востока въ Юрзуфъ. Приводимъ начало сказки Сенесэ:

Dans le coin d'un fauxbourg, à Burse en Bithynie,
Demeuroit à l'étroit un pauvre Musulman,
Bon homme de qui la manie
Etoit de calculer les mots de l'Alcoran
Et d'en savoir par coeur toute la litanie...

Мусульманинъ въ сказкѣ носитъ имя Mahmoud; жена его упоминается безъ имени: Пушкинъ сначала назвалъ ее Селимой, а въ дальнѣйшихъ стихахъ—Фатимой. Вообще нашъ поэтъ неточно воспроизводитъ подлинникъ, сокращая, а иногда и измѣняя его; но нѣкоторыя мѣста переданы почти буквально. Ср., напримѣръ, стихи 21—24 и 29—30 съ слѣдующими строками Сенесэ:

J'ai, disoit-elle, un feu dans l'estomac,
Qui me dévore, et suis sûre, je gage,
Sans me regarder au miroir,
Qu'il y paroit à mon visage.
Mon cher mari, mon cher bon, mon espoir,
Fais-moi manger du Kaïmak ce soir!

Странное выраженіе (стр. 27): „чтобъ крошку не родить съ *сметаной* на носу“ объясняется изъ сопоставленія съ словами Махмуда женѣ:

Observe bien tes mains: car, dis-moi, quel dommage,
Si, te grattant partout où le hazard voudra,
Tu nous allois planter *un morceau de fromage*
Droit sur le bout du nez du poupon qui viendra?

lib.pushkinskijdom.ru

Трудно сказать, почему нашъ поэтъ заинтересовался далеко не совершенной въ художественномъ отношеніи сказочкой забытаго французскаго стихотворца и вздумалъ пересказать ее по-русски. Впрочемъ, онъ остановился въ самомъ началѣ этой работы, вообще не умѣя подчиняться чужому вдохновенію (ср. попытки переводовъ „Pucelle“, Chénier, Southey и др.). Дальнѣйшее содержаніе сказки слѣдующее.

Пока Мехметъ спалъ, изъ дупла вылѣзла большая змѣя, съѣла каймакъ и положила въ пустую жестянку золотой цехинъ. Проснувшись, изумленный татаринъ не вѣритъ своимъ глазамъ, но змѣя появляется снова и говоритъ ему, что каймакъ ей очень понравился и что если онъ, никому не болтая о происшедшемъ, будетъ ежедневно приносить ей такую же порцію, то ежедневно будетъ получать по цехину. Обрадованный Мехметъ соглашается и даетъ обѣтъ совершить странствіе въ Мекку, если змѣя сдержитъ свое слово въ теченіе пяти лѣтъ. Мехметъ каждый день носилъ змѣѣ любимое лакомство, накопилъ денегъ и, наконецъ, рѣшилъ исполнить свой обѣтъ. Но, чтобы не лишиться ежедневнаго дохода за время своего странствованія, онъ упросилъ змѣю позволить носить каймакъ его 20-лѣтнему сыну. Змѣя, хоть и неохотно, согласилась на эту замѣну. Сынъ Мехмета цѣлый годъ аккуратно доставлялъ ей каймакъ, но затѣмъ рѣшилъ убить ее, чтобы сразу овладѣть всѣмъ ея золотомъ,—и ударилъ ее топоромъ. Змѣя, однако, увернулась, такъ что потеряла только часть хвоста,—бросилась на татарина и задушила его. Мехметъ, какъ разъ въ это время вернувшійся изъ Мекки, узнавъ о случившемся, бѣжитъ къ змѣѣ и умоляетъ ее о прощеніи; но змѣя отвѣчаетъ, что примиреніе невозможно: „До тѣхъ поръ, пока ты будешь помнить, что я убила твоего сына, а я буду

lib.pushkinskijdom.ru

вспоминать о своемъ отрубленномъ хвостѣ, между нами не можетъ быть дружбы:

Dès que la confiance est une fois perdue,
Ne comptez plus de la ravoir.
On peut, par amitié réelle ou prétendue,
En montrer le phantôme et le faire valoir:
Mais que du fond du coeur elle soit bien rendue,
Cela passe l'humain pouvoir.

Рукопись указываетъ на принадлежность пьесы къ 1821 г. и даетъ возможность опредѣлить ея мѣсто среди стихотвореній этого года.

XIX.

КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

(„язвительный поэтъ, острякъ замысловатый“)

(стр. 32).

Печатается по рукописи Румянцовскаго музея № 2365, л. 36.

Впервые было напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1881 г. и тогда же въ сборникѣ, изданномъ редакціей: „Пушкинъ“, I, стр. 167. Вошло въ изданіе 1882 г., VII, стр. 5. Неточное исправленіе сдѣлано въ *Русской Старинѣ* 1884 г., томъ 41, мартъ, стр. 95. Съ исправленіями по рукописи печаталось затѣмъ въ изданіяхъ Литературнаго Фонда (I, 283), Л. Н. Майкова („Матеріалы“, 171), П. О. Морозова 1903 г. (I, 332). Рукопись въ началѣ очень исчеркана, чѣмъ и объясняется

lib.pushkinskijdom.ru

различное чтеніе издателей. Не приводимъ этихъ разночтеній; печатаемъ въ полномъ видѣ текстъ рукописи, изъ котораго видна будетъ ихъ причина.

(поэтъ) (острякъ)
Язвительный поэтъ (поэтъ) (острякъ)
(Поэтъ блистательный всегда замысловатый)
И блескомъ (вольн) (колкихъ словъ) и (мыслями)
(И смѣлой вольностью) и шутками * богатый
(*нерзб.*)
Щастливый В — завидую тебѣ
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой
Невѣжество разить Анаѳемой игривой
(И во...) (*нерзб.*)
(И глупость) (*нерзб.*) умомъ!

Среди рукописей, пожертвованныхъ въ библіотеку Императорской Академіи Наукъ А. А. Майковой, имѣется листокъ (см. „Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV (1902), стр. 5, № 12), содержащій черновую этого посланія: здѣсь оно длиннѣе, но также не кончено и еще болѣе исчеркано. Приводимъ то, что разбираемъ:

блистательный поэтъ
(Язвительный) острякъ замысловатой
насмѣшками (и слово) умомъ
(Завидую тебѣ) и шутками богатой
Умомъ) (Веселостью, умомъ)
Весел Умомъ и смѣл (смѣл)
В — завидую тебѣ, сатирой молодой (*нерзб.*)
сатирикъ
Щастливый и,
умомъ
(веселой) смѣлостью, *нерзб.*
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ

lib.pushkinskijdom.ru

весело злобою ревнивой
Смѣяться (падъ Вражд) надъ глупостью * (ревнивой)
игривой
Невѣжество разить Анафемой (шутливой)

—

И въ глупомъ бѣшенствѣ кричу я наконецъ
Хв(остову) ты дуракъ — а Стурдзѣ ты подлецъ —
а
(По) шутку не могу придумать я другую
слать слать
Какъ только (отослать) (его) Толст(ого) къ . . .
(Жеманн) пошлою
(Жеманн) Климъ (*нерзб.*) меня
(Задорн) (споръ)
Щекотитъ (меня) (остротой)
ничтожн задорн
ничтожн шутъ
(нев)
Кто Фирсъ красавецъ (невѣжда) молодой
жемап Задорный говорунъ, когда-то бывшій въ модѣ
Толсто(ва) (тайный) другъ — по Греческой методѣ
му вѣрный
Ну можно ли глупцу себя (*нерзб.*) не побранить
Но (можно ли)
(Но) (во зло его) камара (тотчасъ) не раздавить
грязь словцомъ однимъ
а тут (п) (и) И въ пыль глупца не превратить

—

Камаръ . . . золъ
Такъ точно тру . . . буянъ обшпякомъ
рѣшитъ въ харчевнѣ споръ *нерзб.* кулакомъ

Весь приведенный набросокъ занимаетъ одну страницу въ 4^0; здѣсь извѣстный намъ по Румянцовскому № 2365 текстъ перепутанъ съ другими стихами, которые, можетъ быть, принадлежатъ къ тому же посланію, а можетъ быть, относятся и къ другому стихотворенію; во

lib.pushkinskijdom.ru

всякомъ случаѣ, они имѣютъ отношеніе къ наброску, который имѣется на оборотѣ.

Блаженъ стократъ
(Когда бъ ще я былъ) риѳмачь миролюбивый
предъ знатью (предъ) (Парнаской) учтивый
(Никѣмъ незнаемый), (смиренный молчаливой)
хвал
добро готовый пламенно (Смиренный какъ добра)
союзникъ (записной,
хвалить любезникъ
Довольный изрѣдка журнальной похвалой
Союзникъ записной невинной (всегда) (учтивый)
(Иль) фабулистъ (покорный) смиренный лирикъ
или
(Но Ѳебъ во гнѣвѣ) мнѣ промолвилъ: будь сатирикъ
(Съ тѣхъ[1] безплодный жаръ въ груди м(оей))
горитъ
Браниться жажду я — рука моя сербитъ[2]
твой (пробѣжитъ)
Едва суровый ум... твой (лукавый) (ум)
поймаетъ звукъ
Онъ риѳму грозную невольно затвердитъ

На оборотѣ того же листка, среди исчерканныхъ и почти не поддающихся чтенію строкъ, можно разобрать слѣдующія отрывочныя фразы:

Повѣдай мнѣ тайну смѣло
Я проклинаю *нерзб.* и бѣшусь
(Когда)
Еще когда бъ я могъ польз...
. . . . но я . . .
Блаженъ и Ломоновъ (*такъ* — вм. Ломоносовъ)

---

[1] Пропущено слово: Съ тѣхъ *поръ*.
[2] Пропущена буква: свербитъ.

lib.pushkinskijdom.ru

(Знатокъ) (Профессоръ и)
(Профессоръ) (Фонъ-Визинъ)
Наставникъ (*нерзб.*) насмѣшки
Я былъ (И послѣ . . .)
(И глупости) и хитеръ умомъ
Казнить
. . . или покой поповъ
дивныхъ
Иль (мирныхъ) мертвецовъ сатирикъ
. . . . . , . . .

Далѣе еще нѣсколько неразборчивыхъ словъ карандашемъ: темное названіе... (предъ знатью)... услужливый, учтивый...

Приведенный набросокъ, съ присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ строкъ съ предыдущей страницы, представляетъ описаніе тяжелаго положенія сатирика. Можетъ быть, тутъ есть противоположеніе Вяземскаго, счастливаго блескомъ и силою дарованія, сатирику, у котораго безплодный жаръ горитъ въ груди по волѣ Феба. Набросокъ интересенъ для характеристики взглядовъ Пушкина на тогдашнюю литературу и, въ частности, его отношеній къ извѣстному „Американцу“ графу Ѳедору Ивановичу Толстому, о которомъ см. въ примѣчаніяхъ къ тому II, стр. 29, 311 — 312, 339 и 450, и къ „Перепискѣ“ Пушкина. Поэтъ, видимо, долго не могъ успокоиться послѣ своей ссоры съ Толстымъ. Ср. ниже, примѣчанія къ посланію Чаадаеву.

Въ изданіи 1882 г. было высказано предположеніе, что настоящее посланіе можетъ быть отнесено къ 1822 г. Это опредѣленіе такъ и принято во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ; между тѣмъ, мѣсто, занимаемое наброскомъ въ тетради № 2365, заставляетъ отнести его къ 1821 году.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XX.

„КРАСЫ ЛАИСЪ, ЗАВѢТНЫЕ ПИРЫ".

(Стр. 33).

Печатается, по тетради Румянцовскаго Музея № 2365, л. 36 об. Впервые напечатано (не вполнѣ) въ *Русской Старинѣ* 1884 г., т. 42, № 3, стр. 95. Вошло (уже въ полномъ видѣ) въ изданіе Литературнаго Фонда, I, стр. 287.

Варіанты этого отрывка въ музейной рукописи читаются такъ:

(нерзб.) завѣтные пиры
Стихъ 1-й: Красы лаисъ, (пировъ) (бор . . .)
я
Стихи 5-й—12-й: (Въ нихъ) разоблачивъ
(Но) (я) (обнаживъ плѣнитель)
(Все скучно мнѣ) (я обн . . .) кумиръ
Я вижу
(Увидѣлъ) призракъ безобразной —
теперь
Но что-жъ тревожитъ хладной миръ
Души безчувственной и праздной —

Любилъ (я) (жизнь) и славу и любовь
И многому (повѣри) я въ жизни
(И дружбѣ) вѣрилъ —
(Мечты)
(И долго) (про . . .)
(Когда еще кипѣла въ сердцѣ) кровь —
И (Я) самъ съ собой я лицемѣрилъ

Въ изданіи Литературнаго Фонда и во всѣхъ позднѣйшихъ пьеса отнесена къ 1822 г. По мѣсту, которое она занимаетъ въ тетради № 2365, мы отнесли ее къ

lib.pushkinskijdom.ru

1821 году. Л. Н. Майковымъ („Матеріалы для изданія сочиненій Пушкина“, стр. 176) высказано вполнѣ допустимое предположеніе, что настоящій отрывокъ принадлежитъ къ стихотворенію: „Ты правъ, мой другъ“... См. ниже.

XXI.

„РАЗЗѢВАВШИСЬ ОТЪ ОБѢДНИ“.

(Стр. 34).

Печатается по рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, л. 37. Впервые напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1881 г. № 1 (также въ сборникѣ, изданномъ тою же редакціею, „Пушкинъ“, I, 129). Дополненія даны въ „Русской Старинѣ“ 1884 г. № 3. Вошло въ изданіе 1882 г., I, 523. Печаталось во всѣхъ изданіяхъ съ разными пропусками. Въ настоящемъ изданіи пропущено только два слова — въ 5-мъ стихѣ 1-й строфы и въ 3-мъ стихѣ второй строфы. Въ томъ-же 3-мъ стихѣ въ подлинникѣ стоитъ одно М.: фамилію *Мавроген*ій далъ П. А. Ефремовъ на основаніи показаній Данзаса, сохранившихся въ тетради Анненкова. Въ строфѣ 4-й стихъ 4-й долженъ читаться: *Рыло* на ея лицѣ.

Приводимъ объясненія именъ, сообщенныхъ Данзасомъ (изд. Ефремова 1903 г., I, 444 и VIII, 177), присоединяя къ этому нѣкоторыя показанія изъ другихъ источниковъ.

Строфа 1-я, стихъ 2-й. К. А. Катакази — губернаторъ Бессарабіи, женатый на Ипсиланти. Любопытно отмѣтить, что въ воспоминаніяхъ И. П. Липранди опредѣленно говорится, будто бы Пушкинъ никогда не бывалъ въ домѣ у Катакази (*Русскій Архивъ* 1866,

lib.pushkinskijdom.ru

стр. 1235); это свидѣтельство Липранди безусловно опровергается стихомъ Пушкина — „Къ Катакази ѣду въ домъ“: изъ этого стиха можно заключить, что Пушкинъ бывалъ у Катакази не очень рѣдко.

Строфа 2-я, стихъ 8-й. Маврогеній — молдаванинъ, женатый на Стурдзѣ.

Строфа 3-я, стихъ 1-й. Круглая сосѣдка—М-me Богданъ, вдова молдавскаго боярина (по словамъ Данзаса). Она держала открытый домъ, гдѣ также играла.

Строфа 4-я, стихъ 1-й. Еврейка — по мнѣнію иныхъ коментаторовъ, это г-жа Эйхфельдтъ, которую за еврейскій типъ называли Еврейкой и Ревеккой, по воображаемому сходству съ Ревеккой изъ романа Вальтеръ Скотта„ Айвенгѣ“. Но то, что мы знаемъ о Маріѣ Егоровнѣ Эйхфельдтъ, рожденной Мило, и объ отношеніи къ ней Пушкина, заставляетъ признать невѣроятнымъ, чтобы Пушкинъ разумѣлъ ее въ этихъ грубыхъ стихахъ; можно думать, что здѣсь Еврейка — другое лицо. Данзасъ такъ и объясняетъ: „одна еврейка содержала въ старомъ городѣ chambres garnies, и дочка ея была предметомъ стиховъ и страсти Пушкина и многихъ его пріятелей“.

Въ томъ-же стихѣ Тадарашка (т. е. Тодорашка, отъ Тодоръ) — Ѳедоръ Егоровичъ Крупенскій, братъ бессарабскаго вице-губернатора М. Е. Крупенскаго.

Данзасъ предполагаетъ, что въ 5-й строфѣ имѣется въ виду опять М-me Богданъ.

Въ послѣдней строфѣ подъ именемъ Кишиневской Жанлисъ разумѣется Тарсисъ Катакази, сестра губернатора, — по словамъ Липранди, „дѣва лѣтъ сорока, не красивая, но образованная и прозванная Кишиневской Жанлисъ“. (*Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 1235).

О другихъ лицахъ, упоминаемыхъ въ пьесѣ, мы не находимъ указаній.

lib.pushkinskijdom.ru

А. Ѳ. Вельтманъ даетъ такую общую характеристику Пушкина, имѣя въ виду именно его эпиграммы. „Происходя изъ арапской фамиліи, въ нравѣ Пушкина отзывалось восточное происхожденіе. Въ немъ проявлялся навыкъ отцовъ его къ независимости, въ его пріемахъ — воинственность и безстрашіе, въ отношеніяхъ—справедливость, въ чувствахъ — страсть благоразумная, безъ восторговъ, и чувство мести всему, что отступало отъ природы и справедливости. Эпиграмма была его кинжаломъ. Онъ не щадилъ ни враговъ правоты, ни враговъ собственныхъ, поражалъ ихъ прямо въ сердце, не щадилъ и всегда готовъ былъ отвѣчать за удары свои“ (Майковъ, „Пушкинъ“, стр. 124). По словамъ того-же Вельтмана, „Пушкинъ вскорѣ покорилъ и вниманіе молдавскаго общества; все оригинально-странное не ушло отъ его колючихъ эпиграммъ, не смотря на то, что онъ ихъ бросалъ въ разговоры какъ будто только по одной привычкѣ: память молодежи ихъ ловила на лету и носилась съ ними по городу“ (тамъ-же, стр. 121).

До насъ дошло нѣсколько „кишиневскихъ эпиграммъ“ Пушкина, но, вѣроятно, ихъ было гораздо больше. По приведенному сейчасъ свидѣтельству Вельтмана, молодежь подхватывала и разносила по городу стихи Пушкина; тѣмъ не менѣе, невозможно признать за пушкинскіе стихи то, что, будто бы со словъ своего отца, стараго Кишиневца, сообщила въ своихъ воспоминаніяхъ г-жа Францева въ *Русскомъ Обозрѣніи* 1894 г.

Хронологія пьесы опредѣляется по мѣсту ея въ тетради № 2365.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXII.

ТАДАРАШКА ВЪ ВАСЪ ВЛЮБЛЕНЪ.

(Стр. 36).

Печатается по рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, л. 43.

Первоначально напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1881 г. № 1 и въ сборникѣ „Пушкинъ“, I, стр. 525. Вошло въ изданіе сочиненій 1882 г.

Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что стихи обращены къ г-жѣ Эйхфельдтъ; но это мнѣніе основано только на томъ, что въ пьесѣ „Раззѣвавшись отъ обѣдни“ предполагаютъ, что Тодорашка (у Пушкина Тадарашка) соединенъ съ Еврейкой, въ которой хотятъ видѣть г-жу Эйхфельдтъ. Такъ какъ послѣднее заключеніе не представляется основательнымъ (см. выше примѣчаніе къ названной пьесѣ), то и данную эпиграмму нѣтъ основаній относить къ г-жѣ Эйхфельдтъ. Но вполнѣ возможно, что оно относится къ той еврейкѣ, о которой вмѣстѣ съ Тодорашкой упоминаетъ одинъ изъ куплетовъ названной пьесы.

Хронологія эпиграммы опредѣляется мѣстомъ ея въ тетради № 2365.

XXIII.

Г-ЖѢ ЭЙХФЕЛЬДТЪ.

(Стр. 37).

Печатается по тексту, сообщенному В. П. Горчаковымъ въ его дневникѣ, „Москвитянинъ“, 1850 г., № 1, стр. 157.

Вошло въ изданіе 1870, I, стр. 547.

lib.pushkinskijdom.ru

О М. Е. Эйхфельдтъ упоминалось выше. Изъ словъ В. П. Горчакова слѣдуетъ, что она, желая скрыть свои отношенія къ Н. С. Алексѣеву, кишиневскому чиновнику, старалась окружать себя своими молдавскими и греческими родственниками. Зоя, о которой упоминаетъ стихотвореніе, была племянницею г-жи Эйхфельдтъ. Объ отношеніяхъ Алексѣева къ г-жѣ Эйхфельдтъ говоритъ другое стихотвореніе этого-же года — Алексѣеву, см. стр. 55 и примѣчанія къ нему.

Къ 1821 г. стихотвореніе отнесено П. А. Ефремовымъ въ изданіи 1880 г.

XXIV.

П. С. ПУЩИНУ.

(Стр. 38).

Печатается по копіи, сохранившейся въ бумагахъ П. В. Анненкова и находящейся теперь въ библіотекѣ Академіи Наукъ, въ собраніи Л. Н. Майкова. Стихи 5-й—12-й даны первоначально въ статьѣ П. В. Анненкова, „Вѣстникъ Европы“ 1874 г., № 1 (отдѣльное изданіе „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ стр. 199). Вошло въ изданіе 1880 г., т. I, стр. 388.

Анненковъ сообщаетъ, что экспромптъ былъ обращенъ къ Павлу Сергѣевичу Пущину, бригадному генералу въ дивизіи, которою командовалъ М. Ѳ. Орловъ. Пущинъ былъ предсѣдателемъ и основателемъ масонской „Овидіевой ложи“ въ Кишиневѣ. Свѣдѣнія о Пущинѣ и о масонской ложѣ приведены у И. П. Липранди (*Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 1248, 1249, 1285). См. также оффиціальную переписку Инзова о томъ-же (*Русская Старина* 1883 г., № 12, стр. 654—657). Инзовъ сообщаетъ,

lib.pushkinskijdom.ru

что Пущинъ заявлялъ ему о своемъ желаніи открыть, по предложенію петербургской ложи Астреи, въ Кишиневѣ „Символическую ложу“, но Инзовъ ему этого не дозволилъ; а по неоткрытію этой ложи, поясняетъ Инзовъ, и Пушкинъ не можетъ въ ней дѣйствовать, „хотя бы и желаніе его къ тому было“. Инзовъ ошибался: масонская ложа была открыта подъ названіемъ: „Овидій № 25“, и Пушкинъ былъ ея членомъ до ея закрытія въ ночь на 9 декабря 1821 г. Позднѣе, въ январѣ 1826 г., поэтъ писалъ Жуковскому: „Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ, съ генераломъ Пущинымъ и Орловымъ. Я былъ масонъ въ кишиневской ложѣ“... (См. Переписку Пушкина, т. I, стр. 318 и примѣчанія къ этому письму).

Въ стихѣ 4-мъ Пушкинъ иронически называетъ генерала Пущина нашимъ грядущимъ Квирогой. Антоніо Квирога (правильнѣе: Кирога, 1784 — 1841) — испанскій генералъ и политическій дѣятель, участвовавшій въ національной войнѣ противъ Наполеона. Въ 1815 г. онъ пытался установить въ Испаніи конституціонное правленіе и за это былъ арестованъ. Получивъ свободу, онъ принялъ участіе въ мятежныхъ планахъ коменданта Кадикса, графа Абосбаля, и вторично былъ заключенъ въ тюрьму, изъ которой его освободилъ въ 1820 г. „мятежный вождь“ Ріэго, провозгласившій конституцію. Въ 1821 г. Кирога былъ избранъ депутатомъ отъ Галисіи въ кортесы, а затѣмъ былъ намѣстникомъ въ этой провинціи. Въ масонской ложѣ, гдѣ Пущинъ былъ „мастеромъ“, вѣроятно, бывали иногда разговоры о возможности въ Россіи вооруженнаго возстанія и революціи въ родѣ испанской и греческой...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXV.

ЧААДАЕВУ.

(Стр. 39).

Находится въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея, № 2365, лл. 26 об.—29 и № 2367, лл. 5 об.—7 об., въ первой—въ видѣ чернового наброска, безъ заглавія, а во второй—въ болѣе обработанномъ видѣ, подъ заглавіемъ: „Къ Чедаеву“ и съ помѣтою: „6 апрѣля 1821. Кишиневъ“.

Печатается по изданію 1829 г., т. I, стр. 137, съ дополненіями по *Сыну Отечества* и по черновымъ рукописямъ Румянцовскаго Музея.

Впервые напечатано въ *Сынѣ Отечества* 1821, ч. 72, № 35, стр. 82—84 съ помѣтой: „20 апрѣля 1821. Кишеневъ“ и съ подписью: *Александръ Пушкинъ*, затѣмъ въ изданіи 1826 г., стр. 169; здѣсь текстъ данъ уже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ помѣщенъ въ изданіи 1829 г., съ отличіемъ только въ знакахъ препинанія. Отличія журнальнаго текста указаны выше, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. На стр. 41 пропущенъ варіантъ *Сына Отечества* къ стиху 60-му: *безвреднымъ* лаемъ.

Въ *Сынѣ Отечества* есть лишніе стихи: 53-й и 55-й — 60-й, отсутствующіе въ изданіяхъ 1826 г. и 1829 г. Изъ писемъ Пушкина мы узнаемъ исторію этого мѣста.

Стихи 55-й — 58 представляютъ эпиграмматическую выходку противъ графа Ѳ. И. Толстого — Американца. Въ журналѣ, по цензурнымъ соображеніямъ, пропустили стихъ 53-й и поэтому нельзя было начать 54-й стихъ словами: „*Или* философа...“ Редакція замѣнила слово „Или“ словомъ: „Глупца“. По этому поводу Пушкинъ писалъ Гречу 21-го Сентября 1821 г. изъ Кишинева: „Вчера видѣлъ я въ С. О. мое посланіе къ Ч—у....

lib.pushkinskijdom.ru

Тамъ напечатано *глупца философа;* зачѣмъ глупецъ? стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда". Нельзя сомнѣваться, что Пушкинъ былъ недоволенъ указанною замѣной, и старался лишь смягчить свое замѣчаніе въ письмѣ къ издателю „Сына Отечества". Князь П. А. Вяземскій, въ недошедшемъ до насъ письмѣ къ Пушкину, высказалъ свое неодобреніе этой злой выходкѣ противъ Толстого. „Ты говоришь что стихи мои никуда не годятся", отвѣчалъ поэтъ (1 сентября 1822 г.). „Знаю, но мое намѣреніе было не заводить остроумную литературную войну, но рѣзкой обидой отплатить за тайныя обиды человѣка съ которымъ разстался я пріятелемъ и котораго съ жаромъ защищалъ всякой разъ какъ представлялся тому случай. Ему показалось забавно сдѣлать изъ меня непріятеля и смѣшить на мой щетъ письмами чердакъ К. Шаховскова, я узналъ обо всемъ будучи уже сосланъ, и почитая мщеніе одной изъ первыхъ христіанскихъ добродѣтелей въ безсиліи своего бѣшенства закидалъ издали Толстова журнальной грязью. Уголовное обвиненіе, по твоимъ словамъ, выходитъ изъ предѣловъ поэзіи; я не согласенъ: куда не досягаетъ мечь законовъ, туда достаетъ бичь сатиры", и пр. (*Огонекъ* 1910, № 41). Приведенный выше (стр. 43—46) черновой набросокъ посланія къ Вяземскому („Язвительный поэтъ..."), такъ и оставшагося ненаписаннымъ, повидимому, заключаетъ въ себѣ тѣ же мысли, какія развиты въ позднѣйшемъ прозаическомъ письмѣ. Подготовляя къ печати изданіе 1826 г., Пушкинъ выкинулъ изъ посланія къ Чаадаеву стихи 53-й — 60-й. Онъ писалъ по этому поводу кн. Вяземскому въ срединѣ апрѣля 1825 г. изъ Михайловскаго: „Изъ посланія къ Чаадаеву вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились—единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ—

lib.pushkinskijdom.ru

а не потому, что они другимъ не по нутру". Повидимому, этотъ пропускъ, сдѣланный согласно мнѣнію кн. Вяземскаго, не понравился брату поэта, принимавшему участіе въ подготовкѣ изданія вмѣстѣ съ Плетневымъ. Пушкинъ писалъ брату 23-го апрѣля: „О посланіи къ Чаадаеву скажу тебѣ, что пощечины повторять не нужно".

По цензурнымъ соображеніямъ, какъ въ журналѣ, такъ и въ обоихъ изданіяхъ было сдѣлано нѣсколько пропусковъ. Такъ, „Сынъ Отечества" пропустилъ, какъ уже было сказано, стихъ 54-й:—„холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ", — обозначивъ его точками. Далѣе журналъ пропустилъ стихъ 82-й: „Вольнолюбивыя надежды оживимъ". По поводу этого пропуска Пушкинъ писалъ въ цитированномъ уже выше письмѣ къ Гречу: „Ужь эта мнѣ цензура! жаль мнѣ, что слово *вольнолюбивый* ей не нравится, оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral, оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ"...

Въ изданіяхъ 1826 г. и 1829 г. указанные пропуски были сохранены. Посмертное изданіе (III, 148) сохранило текстъ 1829 г. (съ пропускомъ, по недосмотру, одного стиха). Тотъ-же текстъ сохраненъ и въ изданіи Анненкова (II, 298), но въ примѣчаніи здѣсь даны стихи 59-й — 60-й (стр. 314). Въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 г., № 11, стр. 349, напечатанъ стихъ 54-й. Онъ, однако, не былъ включенъ въ изданіе 1859 г., которое внесло только стихи 55-й — 60-й. Въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1861 г., № 9, стр. 275, напечатанъ стихъ 82-й. Изданіе 1870 г. (I, 229) сохранило текстъ 1859 г., и только изданіе 1880 г. (I, стр. 364) дало полный текстъ посланія.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ журналѣ, въ изданіяхъ 1826 г. и 1829 г. въ стихѣ 84-мъ вмѣсто собственнаго имени поставлены ***; въ изданіи 1859 г. поставлены буквы: Шёп — га; въ изданіи 1880 г. напечатана вся фамилія: „Шеппинга". Такъ эта фамилія повторяется во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и у П. О. Морозова въ изданіи Литературнаго Фонда; но въ изданіи „Просвѣщенія" 1903 г. П. О. Морозовъ поставилъ „Шенингъ", (I, стр. 286, 566 и 600), ссылаясь на рукопись. Объ этомъ будетъ сказано ниже.

Въ журналѣ, въ изданіяхъ 1826 и 1829 г. въ заглавіи нѣтъ полной фамиліи Чаадаева, которая дана только въ изданіи 1859 г.

Варіанты изъ рукописей Румянцовскаго Музея №№ 2365 и 2367 будутъ даны въ дополнительномъ томѣ.

Это третье посланіе Пушкина къ Чаадаеву: первое относится къ 1818 г. (см. т. II, 18 и прим. 35 — 45), второе къ 1820 г. (II, стр. 203, прим. 326); въ 1817 г. Пушкинъ сочинилъ надпись къ портрету Чаадаева (см. т. I, стр. 257; 2-ое изд., стр. 246). Въ этомъ третьемъ посланіи всего лучше и подробнѣе очерчиваются дружескія отношенія Пушкина къ Чаадаеву. Стихи 33-й — 50-й, 69-й — 83-й, непосредственно посвященные живому изображенію тѣсной связи между поэтомъ и его „неизмѣннымъ другомъ", разсказываютъ о нравственномъ и умственномъ вліяніи Чаадаева на Пушкина. См. въ Перепискѣ Пушкина письма его къ Чаадаеву и письма къ нему Чаадаева, а также примѣчанія къ нимъ. Въ письмахъ Пушкина къ кн. Вяземскому и къ брату находимъ упоминанія о Чаадаевѣ, также указывающія на дружбу къ нему Пушкина (Переписка, т. I, стр. 69 и 139). Стихи 44-й и 45-й указываютъ на помощь, какую Чаадаевъ оказалъ Пушкину при его ссылкѣ въ 1820 г.

lib.pushkinskijdom.ru

(см. т. II, стр. 306; см. также разсказъ Чаадаева, въ Дневникѣ Бодянскаго, *Русская Старина* 1889 г., октябрь, стр. 129, и въ біографіи Чаадаева, написанной М. Жихаревымъ, *Вѣстникъ Европы* 1871, № 7, стр. 191—199). Съ своей стороны, и Чаадаевъ всегда съ удовольствіемъ и гордостью вспоминалъ о своемъ удачномъ заступничествѣ за Пушкина. Убѣждаемый Погодинымъ, онъ собирался написать воспоминанія о Пушкинѣ, но, къ сожалѣнію, не исполнилъ этого намѣренія, потому что не зналъ, „какъ быть съ тѣмъ, чего сказать нельзя". Въ 1854 году, прочитавъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* статьи о Пушкинѣ П. И. Бартенева, Чаадаевъ увидѣлъ въ нихъ „умышленное забвеніе" своихъ отношеній къ поэту и былъ этимъ очень обиженъ. „Давно ли его не стало", писалъ онъ С. П. Шевыреву,—„и вотъ какъ правдолюбивое потомство, въ угодность своимъ взглядамъ, хранитъ преданія о немъ! Пушкинъ *гордился дружбою моею,* онъ говорилъ, что я *спасъ отъ гибели его и его чувства*, что я *воспламенялъ въ немъ любовь къ высокому*, а г. Б. находитъ, что до этого никому нѣтъ дѣла... Надѣюсь, однако жь, что будущіе біографы поэта заглянутъ и въ его стихотворенія. Не пустое тщеславіе побуждаетъ меня говорить о себѣ, но уваженіе къ памяти Пушкина, котораго дружба принадлежитъ къ лучшимъ годамъ жизни моей, къ тому счастливому времени, когда каждый мыслящій человѣкъ питалъ живое сочувствіе къ всему доброму, какого бы цвѣта оно ни было, когда каждая разумная и безкорыстная мысль чтилась выше самаго безпредѣльнаго поклоненія прошедшему и будущему..." (*Вѣстникъ Европы* 1871, № 11, стр. 342—343; ср. *Л. Н. Майковъ*, „Пушкинъ", Спб. 1899, стр. 326—328).

Стихи 17-й — 21-й говорятъ о работѣ Пушкина надъ самообразованіемъ. Послѣднее является характер-

lib.pushkinskijdom.ru

ною чертою въ жизни Пушкина. Онъ писалъ своему брату: „Чтеніе—вотъ лучшее ученіе“ (Переписка, томъ I, стр. 49). О работѣ Пушкина надъ собою Я. К. Гротъ („Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, изданіе 2-ое, стр. 53) говоритъ: „Мы знаемъ, какъ высоко, въ минуты особенныхъ возбужденій, было душевное настроеніе Пушкина, знаемъ, какъ неутомимо онъ работалъ надъ собою, какъ самъ себя перевоспиталъ размышленіемъ и чтеніемъ. Конечно, онъ представляетъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ самообразованія въ Россіи. Нѣтъ спора, что Пушкинъ въ молодости нерѣдко для краснаго словца, для острой эпиграммы забывалъ лучшія правила и чувства. Но именно въ такихъ случаяхъ онъ и казался хуже, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ (въ чемъ, впрочемъ, сознаются и строгіе судьи его); самимъ же собою онъ являлся тогда, когда выходилъ изъ-подъ вліянія внѣшнихъ соблазновъ“.

Стихъ 54-й въ первоначальной своей редакціи (Рум. Муз. № 2365) читается:

Холопа знатнаго *въ Андреевской* звѣздѣ;

едва-ли, однако, можно видѣть въ этихъ словахъ намекъ на какую-нибудь опредѣленную личность, — тѣмъ болѣе, что въ позднѣйшей черновой (Рум. Муз. № 2367) стихъ этотъ выражаетъ уже иную, болѣе общую мысль:

Холопа знатнаго, *грабителя* въ звѣздѣ

и, наконецъ, „грабитель“ замѣняется „невѣждой“. Послѣдній, конечно, болѣе умѣстенъ въ разсужденіи о любви къ высокому, просвѣщеніи и самосовершенствованіи.

Стихи 55-й—58-й относятся, какъ уже указано выше, къ Ѳ. И. Толстому, а два слѣдующіе стиха, въ которыхъ говорится объ „ораторѣ Лужниковѣ“ — къ М. Т. Каченовскому, подписывавшему нѣкоторыя свои критическія замѣтки въ *Вѣстникѣ Европы* псевдомимомъ: „Лужницкій

lib.pushkinskijdom.ru

старецъ“ (Лужники — часть Москвы, гдѣ жилъ Каченовскій). Въ 1828 г. въ Москвѣ вышла небольшая книжка, неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: „Разсказы Лужницкаго старца и мои воспоминанія о немъ“ (125 стр. in 12°), о которой данъ отзывъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1828, ч. 20, № 8, стр. 512 — 513. Въ этой рецензіи, между прочимъ, говорится: „Въ то время, когда пустынникъ Жуи*) началъ славиться описаніями современныхъ нравовъ, вездѣ явились пустынники, передразнивавшіе его... Въ Москвѣ они заселили окрестности и предмѣстія; одинъ изъ нихъ жилъ въ Лужникахъ и передѣлывалъ описанія Жуи на русскій ладъ. Уже давно ничего не слышно о Лужницкомъ старцѣ. Теперь только отъ времени до времени являются письма къ нему, и письма эти пишутся обыкновенно въ такомъ случаѣ, когда хотятъ побранить романтизмъ или новыхъ поэтовъ, подтвердить какое-нибудь обветшалое повѣрье и пр. Разсказчикъ о Лужницкомъ старцѣ описываетъ какого-то желтолицаго старичка, впрочемъ — добраго и любезнаго, который жилъ въ Лужникахъ, имѣлъ нѣкоторыя странности, не любилъ буквы *э*, любилъ греческій языкъ до того, что на собакъ кричалъ по-гречески, и пр... Вообще, все описаніе забавно и хорошо разсказано“. Рецензентъ не упомянулъ, что „старецъ“, описанный въ книжкѣ, отказывается отъ своего тождества съ „Лужницкимъ старцемъ“ — литераторомъ.

Стихъ 63-й былъ принятъ Катенинымъ за намекъ на его комедію: „Сплетни, подражаніе Грессетовой комедіи Le Méchant“, представленную въ первый разъ на С.-Петербургскомъ Большомъ театрѣ 31 декабря 1820 г. и напечатанную въ Спб. 1821. Объ этой комедіи кѣмъ-то

*) Victor-Joseph *Jouy* (1764 — 1846), авторъ цѣлаго ряда нравоописательныхъ очерковъ: „L'Hermite de la Chaussée d'Antin“ и пр.

lib.pushkinskijdom.ru

былъ пущенъ слухъ, что въ лицѣ ея героя Зельскаго выведенъ на сцену Пушкинъ. Катенинъ обидѣлся на поэта за то, что онъ могъ повѣрить этому вздору, и написалъ Пушкину „полу-кислое“ письмо. „Ума не приложу“, отвѣчалъ ему Пушкинъ, — „какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ:

И сплетней разбирать игривую затѣю.

„Это простительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ я былъ жертвою, и не твоей ли дружбѣ (по крайней мѣрѣ такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю, задѣлъ ли меня Зельской. Можетъ быть да, вѣроятнѣе — нѣтъ. Во всякомъ случаѣ не могу сердиться. Еслибъ я имѣлъ что-нибудь на сердцѣ, сталъ ли бы я говорить о тебѣ на ряду съ тѣми, о которыхъ упоминаю? Лица и отношенія слишкомъ различны. Еслибъ ужъ на то рѣшился, написалъ ли [бы] стихъ столь слабый и неясный, выбралъ ли [бы] предметомъ эпиграммы прекрасный переводъ комедіи, которую почиталъ я непереводимою?“ (Переписка, томъ I, стр. 48; ср. стр. 49).

Содержаніе комедіи Катенина заключается въ слѣдующемъ: богатый помѣщикъ Варягинъ, старый холостякъ, человѣкъ добрый, но нѣсколько странный, живетъ въ усадьбѣ, устроенной по его собственному плану, и ждетъ молодого Лидина, жениха своей племянницы Настеньки, за которою намѣренъ укрѣпить все свое имѣніе. Его сестра Крашнева, мать Настеньки, знаетъ, что эта свадьба прекратитъ разорительную для нея тяжбу съ матерью Лидина, но, поддаваясь внушеніямъ *отставного полковника* Зельскаго, противится намѣренію своего брата. Зельской — домашній другъ Варягина, но злой сплетникъ,

lib.pushkinskijdom.ru

употребляющій всѣ средства, чтобы вызвать семейную распрю. Онъ старается отбить у Лидина невѣсту и въ то же время ухаживаетъ за ея матерью, притворяясь влюбленнымъ въ нее. Главнымъ орудіемъ для возбужденія ссоры между Варягинымъ и Лидиной служатъ анонимныя письма, которыя онъ заставляетъ писать своего слугу. Но слуга выдаетъ его — и вся интрига разоблачается.

Въ тирадахъ Зельскаго есть, между прочимъ, злыя выходки противъ Московскаго общества, до нѣкоторой степени предвосхищающія монологи Чацкаго:

(Мнѣ Москва до смерти надоѣла.)
Что жъ въ ней оставлю я? Большой нашъ модный свѣтъ.
Ахъ! прожилъ за грѣхи я въ немъ пятнадцать лѣтъ;
Успѣлъ его узнать. Пустѣйшая наука!
Бываетъ весело: за то какая скука!
Кого ни встрѣтишь, глядь — несносный человѣкъ!
Всѣ взапуски кричатъ, что просвѣтился вѣкъ,
Что слишкомъ всѣ умны,— а умъ съ дня на день рѣже:
Дуракъ на дуракѣ! невѣжа на невѣжѣ!
Безъ шутокъ,— совѣстно, какъ въ общество войдешь:
Безъ правилъ старики; безъ толку молодежь;
Всѣ гонятся — за чѣмъ? Спроси, — не знаютъ сами;
Кто въ случаѣ, — бранятъ; а бредятъ орденами...
Пріѣдешь на вечеръ — и мѣста не найдешь:
Шумъ въ залѣ, пляшутъ вальсъ, — чуть ноги унесешь!
Протрешься далѣе, гдѣ карты, гдѣ газеты,
Гдѣ умницъ дамъ въ кругу ихъ милые поэты,—
Хоть слово бъ путное сказали невзначай...
Божусь, по мнѣ въ сто разъ умнѣе человѣкъ,
Который свой живетъ въ деревнѣ цѣлый вѣкъ,
Не связанъ мнѣніемъ, во всѣхъ поступкахъ воленъ,
Ни въ комъ не ищетъ и, чѣмъ Богъ послалъ, доволенъ,
Чѣмъ весь блестящій кругъ Московскихъ богачей,

lib.pushkinskijdom.ru

Запутанныхъ въ долгахъ, усталыхъ отъ связей,
Которые, чтобъ жить и слыть благополучны,
Скучаютъ отъ всего и сами очень скучны („Сплетни“, стр. 21 — 22).

Въ разговорѣ съ горничной Аннушкой Зельской, между прочимъ, такъ отзывается о Крашневой:

...съ печали
Всѣ наши дамы вдругъ по-русски зачитали;
На силу чувствъ—ихъ нѣтъ, за то жеманства тьма!
Страсть чѣмъ-то въ свѣтѣ быть свела ее съ ума;
Набравшись пустяковъ и вышла пустомелей;
Авдотьей крещена, а пишется Аделей! (тамъ же, стр. 88).

Само собою разумѣется, что ни въ этихъ тирадахъ Зельскаго, ни въ другихъ его словахъ нѣтъ намековъ на Пушкина. Комедія Катенина хотя и вызвала нѣкоторую полемику по вопросу о степени ея близости къ французскому оригиналу, но, въ общемъ, критикѣ и публикѣ понравилась (см. *Сынъ Отечества* 1821 г., ч. 67, стр. 226—229; ч. 68, стр. 220—227; ч. 71, стр. 325). Однако нигдѣ въ тогдашней литературѣ мы не могли отыскать какихъ либо указаній на слухи, связывающіе имя Пушкина съ фигурой Зельскаго, совершенно на него не похожей ни по возрасту, ни по общественному положенію, ни по характеру. Скорѣе можно допустить, наоборотъ, что Пушкинъ, ознакомившись, впослѣдствіи, съ произведеніемъ своего „преображенскаго пріятеля“, вспомнилъ нѣкоторыя мѣста изъ этой комедіи, когда писалъ *Онѣгина*.

Стихъ 84-й: Гони ты *Шепинга* отъ нашего порога.

Шепшингъ, Оттонъ Дмитріевичъ (Отто-Густавъ, въ формулярныхъ спискахъ до 1824 года назывался Дмитріемъ Андреевичемъ, род. 1790, ум. 1874), племянникъ П. А. Палена, воспитывался въ пансіонѣ аббата Николя,

lib.pushkinskijdom.ru

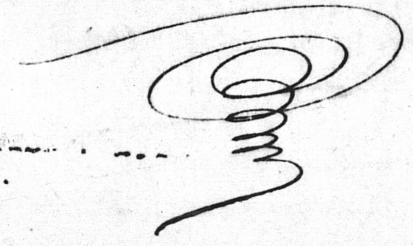
служилъ съ 1805 г. въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ былъ причисленъ къ посольству въ Берлинѣ. Въ 1812 г. поступилъ на военную службу, участвовалъ въ кампаніяхъ 1813, 1814 и 1815 гг., а въ 1819 г. былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба гвардейскаго корпуса. Въ 1824 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора и поселился въ Москвѣ, а послѣднія 20 лѣтъ своей жизни проводилъ преимущественно въ Парижѣ. Онъ былъ женатъ (съ 1822 г.) на дочери богатаго помѣщика и Воронежскаго губернскаго предводителя дворянства Марьѣ Дмитріевнѣ Чертковой. Съ Чаадаевымъ онъ былъ давно и хорошо знакомъ. И. Д. Якушкинъ, въ черновомъ письмѣ къ Герцену по поводу I-го выпуска *Полярной Звѣзды*, разсказываетъ, что по возвращеніи Чаадаева изъ поѣздки въ Лайбахъ къ Императору Александру I по дѣлу Семеновскаго полка „Шеппингъ и многіе другіе поздравляли его съ будущимъ счастьемъ, пророча, что онъ непремѣнно будетъ флигель-адъютантомъ; чтобъ доказать Шеппингу и другимъ, какъ онъ мало дорожитъ такого рода счастіемъ, Чаадаевъ вышелъ въ отставку“ (*Былое* 1906, апрѣль, стр. 189). О Шеппингѣ см. *Остафьевскій Архивъ*, томъ III, примѣчанія (СПБ. 1908), стр. 685; *А. Е. Розенъ,* Записки декабриста (Лейпцигъ 1870), стр. 27; *Русскій Архивъ* 1895, II, 197; 1897, II, 188; 1903, I, 296, 308; 1906, III, 616—617; *Вѣстникъ Европы* 1887, декабрь, стр. 456.

Въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 7 об. фамилія названнаго лица написана такъ, что ее скорѣе можно прочесть: „Шенинга“, чѣмъ „Шепинга“. Поэтому П. О. Морозовъ въ изданіи сочиненій Пушкина 1903 г. (товарищества „Просвѣщеніе“), томъ I, стр. 566 и 600, поставилъ „Шенинга“ какъ въ посланіи къ Чаадаеву, такъ и въ посланіи 1819 г. къ князю А. М. Горчакову. Съ чтеніемъ Морозова относительно перваго изъ этихъ посланій со-

lib.pushkinskijdom.ru

Волнами свободы надежды оправдаю,
И счастливы буду ли; но только, радивого,
Боги тебя Шишкова от нашего порога.

в апреле
1821.
Кишинев.

* смотрю было стоновать о тяготах изгнанья,
О сиротстве дать, волнах и глушине,
И стихом разбирать горькую участь;
Когда отвлекаешь дружбой твоей?

Рум. Муз. № 2367, л. 7 об.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

гласился и С. А. Венгеровъ (Сочиненія Пушкина, изд. товарищества „Брокгаузъ-Эфронъ“, томъ II [1908], стр. 566), оставившій, впрочемъ, „Шепинга“ въ посланіи къ кн. Горчакову. Внимательное разсмотрѣніе рукописи показываетъ, однако, что чтеніе Морозова едвали можетъ быть доказано: Пушкинъ нерѣдко писалъ букву *п* похоже на *н*. Притомъ, *Шенингъ* — лицо совершенно неизвѣстное, между тѣмъ какъ *Шепингъ* несомнѣнно принадлежалъ къ кругу знакомыхъ Чаадаева. Относительно того, что именно Шеппинга слѣдуетъ разумѣть подъ тремя звѣздочками даннаго стиха, мы имѣемъ прямое указаніе П. А. Плетнева, который на вопросъ Я. К. Грота, о комъ тутъ говорится, отвѣчалъ: о Шеппингѣ, съ поясненіемъ, что это былъ „какой-то офицеръ“ (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, томъ III, стр. 401, 412). Наконецъ, стихи Пушкина относилъ къ тебѣ и самъ Шеппингъ. „Schoepping“, говоритъ его біографъ, „fut l'un des cavaliers les plus élégants du grand monde de St.-Pétersbourg dans les premières années qui suivirent la paix. Cette royauté mondaine lui valut du célèbre poète Pouchkine une épigramme qu'il se plaisait souvent dans sa vieillesse à citer en riant“ (Сборникъ біографій кавалергардовъ, 1801—1826, Спб. 1906, стр. 427).

„Гнать“ Шеппинга Пушкинъ совѣтовалъ, вѣроятно, потому, что онъ, по свидѣтельству А. О. Смирновой (*Русскій Архивъ* 1895,II, 197), „только и зналъ, что сплетничалъ“.

Посланію Пушкина подражалъ Е. А. Боратынскій въ своемъ посланіи къ Гнѣдичу: „Такъ, для отрадныхъ чувствъ еще я не погибъ“ (напеч. въ *Новостяхъ Литературы* 1823 г.):

Я мыслю, чувствую; дня духа нѣтъ оковъ;
То вопрошаю я преданія вѣковъ,
Всемірныхъ перемѣнъ читаю въ нихъ причины;

lib.pushkinskijdom.ru

Наставленъ давнею превратностью судьбины,
Учусь покорствовать судьбинѣ я своей;
То, занятъ свойствами и нравами людей,
Поступковъ ихъ ищу прямыя побужденья...
То вдохновеніе, Парнаса благодать,
Мнѣ душу радуетъ восторгами своими;
На мигъ обвороженъ, на мигъ обманутъ ими,
Дышу свободнѣе — и, лиру взявъ свою,
И дружбу, и любовь, и нѣгу я пою.
. . . . . .
Съ тобой желалъ бы я бесѣдовать опять,
Мужъ, дарованьями, душою превосходный,
Въ стихахъ возвышенный и въ сердцѣ благородный! *)

XXVI.

ПѢВЕЦЪ-ГУСАРЪ, ТЫ ПѢЛЪ БИВАКИ.

(Стр. 43).

Черновой набросокъ въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, л. 38 и 38 об., очевидно — начало посланія къ поэту-партизану Д. В. Давыдову. Напечатаннымъ въ текстѣ стихамъ въ рукописи предшествуютъ строки:

Я слушаю тебя — и сердцемъ молодѣю
(Пировъ и радости блистательный пѣвецъ)
(Д. Пѣвецъ —) Гусаръ
(Ты пѣлъ вино), ты пѣлъ биваки

Далѣе набросокъ представляетъ слѣдующіе *первоначальные* варіанты:

---

*) Ср. второе посланіе Пушкина къ цензору (выше, стр. 235):
И помогалъ ему Магницкой *благородный*,
Мужъ твердый въ правилахъ, *душою превосходный*.

lib.pushkinskijdom.ru

ухорскихъ
Стихъ 2-й: Раздолье (любви) (пировъ) (подъ сѣн) (красы воинственн) пировъ
„ 3-й: И *пылкую забаву* драки
„ 6-й: Походную *стирая* пыль
7-й: *Досуговъ* мирную бутыль

Послѣ этого стиха были написаны и зачеркнуты еще три:

(подъ сѣнью мира)
Твоя проказливая лира
Бряцала радость и любовь
своевольная
И своенравная сатира

А въ концѣ страницы, среди исчерканныхъ строкъ, можно еще прочесть:

(Люблю я) (донынѣ)
(Ты пѣлъ любовь, ты пѣлъ измѣну)
Въ печальной сѣверной пустынѣ
(Въ) (Любовь) (разлуку ты) воспѣлъ
(Ты пѣлъ) Гдѣ [бъ] ни былъ ты тебя донынѣ
Люблю

Напечатано впервые П. И. Бартеневымъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1881, I, 218 (см. также сборникъ „Пушкинъ“, М. 1881, I, 130), откуда взято въ изданіе 1882 г. (I, 524). Въ болѣе правильномъ чтеніи явилось въ *Русской Старинѣ* 1884, т. 42, стр. 97, и въ изданіи Литературнаго Фонда, I, 264, а также въ „Матеріалахъ“ Л. Н. Майкова, стр. 142.

Извѣстный поэтъ-партизанъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ (род. 6 іюня 1784, ум. 22 апрѣля 1839), двоюродный братъ пріятелей Пушкина, Александра и Василія Львовичей Давыдовыхъ, съ 1816 года былъ членомъ „Арзамаса“ (подъ именемъ Армянина) и дружилъ съ Вя-

lib.pushkinskijdom.ru

земскимъ, Жуковскимъ и Александромъ Тургеневымъ. Знакомство съ нимъ и его гусарскими стихотвореніями въ годы юности Пушкина, несомнѣнно, имѣло извѣстное вліяніе на мечты о гусарскомъ ментикѣ и вообще о военной службѣ, которою одно время увлекался молодой поэтъ. Объ этихъ-то „прежнихъ дняхъ“ и вспоминаетъ Пушкинъ въ настоящемъ отрывкѣ. Цѣня поэтическую самобытность Давыдова, Пушкинъ впослѣдствіи ссылался на его стихи, какъ на образцы, по которымъ онъ учился не поддаваться чужому вліянію (*Русскій Архивъ* 1874, II, 732; 1880, III, 444).

Жуковскій охарактеризовалъ военную и поэтическую дѣятельность Давыдова въ слѣдующихъ стихахъ:

Давыдовъ, пламенный боецъ, —
Онъ вихремъ въ бой кровавый,
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы!

Характеристика, данная въ настоящемъ отрывкѣ Пушкинымъ, ближе и реальнѣе опредѣляетъ содержаніе поэзіи Давыдова.

XXVII.

ДІОНЕЯ.

(Стр. 44).

Находится въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея № 2365, лл. 34 и 39 об. и № 2367, л. 9 об., — въ послѣдней подъ заглавіемъ: „Идиллія“, а также въ рукописи графа П. И. Капниста, лл. 4 и 4 об., подъ заглавіемъ: „Діонея“.

Напечатано въ *Новостяхъ Литературы* 1825, кн. II, апрѣль, стр. 50, подъ заглавіемъ: „Антологическій отры-

lib.pushkinskijdom.ru

вокъ", и съ подписью: *А. Пушкинъ;* въ изданіи 1826 г., стр. 128, и въ изданіи 1829 г., часть I, стр. 126, озаглавлено: „Діонея".

Музейныя рукописи и журналъ даютъ первую, распространенную, редакцію стихотворенія, а рукопись графа Капниста и изданія 1826 и 1829 гг. — вторую, сокращенную. Въ рукописи графа Капниста, по сравненію съ печатными изданіями, имѣется только одинъ варіантъ — въ ст. 4-мъ:

Твой взоръ потупленный *любовію* горитъ.

Что касается рукописей Румянцовскаго Музея, то № 2365 заключаетъ въ себѣ (л. 39 об.) первоначальный набросокъ стихотворенія — еще въ совершенно необработанномъ видѣ:

Подруга милая, я знаю, для чего
прошлою весной
Ты (съ нынѣшней зимы) отъ нашихъ игръ отстала
Я тайну сердца твоего
Давно угадала
и не разъ
я замѣчала васъ
Ты слушаешь его въ безмолвіи краснѣя
Твой взоръ потупленный любовію горитъ
И долго послѣ, Гала
Улыбку

А на л. 34-мъ отдѣльно записано:

И долго послѣ, (о Нерида) Хризеида
Улыбку нѣжную лиц твое хранитъ.

Въ № 2367, л. 9 об., находимъ уже полный текстъ первой редакціи, съ слѣдующими отличіями отъ напечатаннаго въ *Новостяхъ Литературы:*

Стт. 1-й и 2-й: я знаю *для* чего
Ты съ нынѣшней *весны*...
Кромидъ въ тебя влюбленъ, онъ молодъ

lib.pushkinskijdom.ru

Ст. 5-й: (Видала я тебя съ Кромидомъ) — и не разъ
„ 8-й: *любовію* горитъ

Въ воспоминаніяхъ М. В. Юзефовича *(Русскій Архивъ* 1880, III, 440) разсказывается, что Пушкинъ принесъ это стихотвореніе Александру Николаевичу Раевскому, а тотъ прочелъ его за обѣдомъ, при гостяхъ, намѣренно перевирая 2-й стихъ:

Ты нынѣшней весной отъ нашихъ игръ *удрала.*

„Эта вздорная шутка невольно всѣхъ разсмѣшила, и ея было достаточно, чтобы Пушкинъ во всю жизнь не рѣшался напечатать вполнѣ этого стихотворенія, и оно оставалось въ печати укороченнымъ". Очевидно, автору воспоминаній было неизвѣстно, что полный текстъ стихотворенія самимъ авторомъ напечатанъ въ журналѣ.

Антологическій характеръ настоящей пьесы роднитъ ее съ аналогичными произведеніями Батюшкова, а также можетъ быть отнесенъ къ вліянію Шенье, которымъ Пушкинъ особенно интересовался въ первой половинѣ 20-хъ годовъ. Замѣчательно колебаніе поэта въ выборѣ женскаго имени: сначала онъ написалъ: „Галатея", затѣмъ: „о Нерида" (Noeris), „Хризеида" и, наконецъ, „Діонея". Всѣ эти имена встрѣчаются и у Шенье.

Бѣлинскій отнесъ „Діонею" къ „чисто-пушкинскимъ" пьесамъ „переходнаго періода", къ антологическимъ произведеніямъ, которыя всегда любилъ Пушкинъ, особенно въ молодости: „созерцаніе любви и наслажденій жизни въ духѣ древнихъ особенно соотвѣтствуетъ эпохѣ юности каждаго человѣка". Анненковъ (Матеріалы для біографіи Пушкина, изд. 2-е, Спб. 1873, стр. 83) видитъ въ этой пьесѣ одинъ изъ тѣхъ „художественно-спокойныхъ образовъ" пушкинской поэзіи, въ которыхъ „очень полно отражается артистическая натура поэта".

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXVIII.

„ВОТЪ МУЗА, РѢЗВАЯ БОЛТУНЬЯ“.

(Стр. 45).

Черновой набросокъ въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, л. 39. Напечатанъ впервые П. Н. Бартеневымъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1881, I, 218 (см. также сборникъ „Пушкинъ“, вып. I, стр. 130). На той же страницѣ рукописи, въ связи съ этимъ четверостишіемъ, читаются еще слѣдующіе исчерканные и неразборчивые стихи (отчасти напечатанные В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, т. 42, стр. 97):

(Прими въ залогъ воспоминанья)
(Мои завѣтные стихи)
(потаенною)
(И) Подъ завѣтною* печатью
(опасные)
Прими (завѣтные) стихи —
(Мнѣ встрѣча) (непо)
(. . .) (милый другъ)
(Вотъ Муза добрая душою)
испугайся (милый мой)
Не (удивляйся) милый другъ*
Ея израильскому платья — (*такъ*)
(Прости) ей (новые) прежніе грѣхи
(Она небесной благодатью)
Ее Всевышній (освятилъ) осѣнилъ
Своей небесной благодатью —
(смир.)
(благо) (И) Она духовному занятью
(Опредѣлилъ) (звѣздой)
Опасной
(Преступной жертвуетъ игрой)

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

Кромѣ того, въ стихѣ 4-мъ отрывка вмѣсто „придворный тонъ“ было первоначально написано: „Престижъ двора“.

П. А. Ефремовъ (Сочиненія Пушкина, изд. Суворина, 1905 г., томъ VIII, стр. 185) высказалъ предположеніе, раздѣляемое также и Н. О. Лернеромъ (Сочиненія Пушкина, изд. Брокгаузъ-Эфронъ, 1908, томъ II, стр. 585), что эти стихи представляютъ посвященіе „Гавриліады“ одному изъ друзей поэта (по мнѣнію Ефремова—Алексѣеву, то, можетъ быть, и князю Вяземскому, которому Пушкинъ одному изъ первыхъ послалъ свою „прекрасную шалость“). Это предположеніе мы признаемъ весьма правдоподобнымъ.

XXIX.

ОТРЫВКИ ИЗЪ КОМЕДІИ.

(Стр. 46).

Первый изъ отрывковъ находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, лл. 40—41 об.; второй—въ принадлежащемъ Императорской Академіи Наукъ собраніи пушкинскихъ автографовъ Л. Н. Майкова (см. „Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 4, № 8). Въ печати явился прежде всего второй отрывокъ—въ изданіи Анненкова, томъ I, стр. 352 (ср. „Матеріалы для біографіи Пушкина“, изд. 2-е, стр. 343), съ пропускомъ начальнаго стиха, напечатаннаго только въ 1906 г. В. И. Срезневскимъ („Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 4), безъ конца и съ произвольными искаженіями текста. Затѣмъ Анненковъ же, въ своей книгѣ: „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ (Спб. 1874, стр. 160—162) напечаталъ программу, которая въ рукописи непосредственно предшествуетъ отрывку пер-

lib.pushkinskijdom.ru

вому, но не далъ изъ самаго отрывка ни одного стиха. Лишь нѣсколько стиховъ были приведены П. И. Бартеневымъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1881, I, 218—219 (ср. сборникъ „Пушкинъ“, выпускъ I, стр. 130—131); въ полномъ же видѣ отрывокъ былъ напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, апрѣль, стр. 98—99. Къ 1821 г. второй отрывокъ отнесенъ П. А. Ефремовымъ въ изданіи 1882 г., I, 522—523; дата перваго отрывка опредѣляется его положеніемъ въ рукописи среди произведеній 1821 г. и помѣтою на л. 40 об.: „4 іюня ночью. 5 іюня поутру“.

Какъ уже сказано выше, въ музейной рукописи первому отрывку предшествуетъ краткая *программа*, въ которой дѣйствующія лица комедіи обозначены именами актеровъ:

(Со) Вальберхова вдова—(Бря) Сосницкой ее братъ—Брянской любовникъ Вальберховой—Рамазановъ Боченковъ,—С. даетъ завтракъ—Брянской принимаетъ гостей. (В) Рамазановъ узнаетъ Брянскаго—изъясненія. Пополамъ—Начинается игра—С. все проигрываетъ гнетъ Величкина на карту—(от) отчаянье его

В. Игралъ?—игралъ—(игралъ). С. и В. (съ бала, а тутъ) долго ли тебѣ быть—(не) быть богъ знаетъ гдѣ. Добро либералы да ты то что———(вотъ) За чемъ не въ свѣтѣ—да всѣ молодежь—вы всѣ бранчивы—скучно то ли дѣло ночь играть—(ты) скоро ли отстанешь—никогда—сестрица, милая, уѣзжай у меня будетъ завтракъ—игра? нѣтъ.—Прощай

С. и (В).

С. карты—Величкинъ—проиграетесь—С. полно врать—(не) я поспѣю—В. и Бр.—Бр. и Вальб.—Бр. и Рамазановъ узнаютъ уговариваются

---

lib.pushkinskijdom.ru

Вал. Что за шумъ, Величкинъ — играютъ. Поди за Бр. — Ва. И Бр. (И пополамъ) такъ же — Бр. и Вальб. Я пополамъ — ему урокъ — онъ проигрываетъ — — С. въ отчаяніи Бр. — Вел. уговариваетъ тотъ его ставитъ на карту — проигрываетъ — Вел. плачетъ — С. также. Бр. и Рам. Конецъ. —

Бр. Рам. С. всѣ здѣсь а мнѣ ничего не сказали
— мочи нѣтъ усталъ проигрался —

Пора въ театръ, нашъ другъ даетъ послѣдній завтр онъ застрелится —

Я шелъ къ тебѣ сестра. Покорно благодарю въ одномъ домѣ мы недѣлю невидались что ты дѣлалъ — занятъ былъ—сегодня я дома; пріѣзжай пожалуйста тебѣ надо быть у тетки — я даю завтракъ — (вѣчно) (играть—нѣтъ) (за чемъ бы) (за чемъ же) богъ знаетъ какое общество за чемъ тебя нѣтъ въ свѣтѣ и проч.

Далѣе въ рукописи начинается исполненіе послѣднихъ строкъ этой программы:

(милый мой)
(Насилу) Скажи, какой судьбой другъ другу мы [попались?
(Жив) Въ одномъ дому, и пр.

Полная транскрипція отрывка будетъ дана въ дополнительномъ томѣ.

Второй отрывокъ представляетъ лишь небольшое количество первоначальныхъ варіантовъ:

Стихъ 4-й: Я *какъ-то* (чудо) отыскалъ за *Троицкимъ*
„ 8-й: *Ахъ*, здравствуйте. . . [мостомъ.
„ 16-й: *Иль некогда тебѣ* съ женою посидѣть?

Пушкинъ еще въ Лицеѣ пробовалъ сочинить комедію въ стихахъ, подъ названіемъ: „Философъ“, и читалъ ея начало своимъ товарищамъ, которымъ она очень нравилась („планъ довольно удаченъ, и начало обѣщаетъ нѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

что хорошее; стихи — и говорить нечего, а острыхъ словъ сколько хочешъ!“ писалъ А. Д. Илличевскій П. Н. Фуссу 16 января 1816 г., см. Грота, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники,“ изд. 2-е, стр. 67). Но отъ этой комедіи ничего не осталось. Только уже въ Кишиневѣ у поэта явилась мысль о комедіи изъ петербургской свѣтской жизни, — и онъ набросалъ программу и относящійся къ ней первый отрывокъ. По объясненію Анненкова (Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 162 — 163), дѣло должно было заключаться въ томъ, что вдова-аристократка, имѣющая любимаго брата, желаетъ спасти его отъ несчастной страсти къ картамъ. Она совѣтуется съ своимъ любовникомъ — тоже изъ высшаго свѣта и тоже игрокомъ, но уже опытнымъ и знакомымъ съ продѣлками шулеровъ. Онъ обѣщаетъ ей содѣйствіе — и на первомъ же игорномъ собраніи у „Сосницкаго“ встрѣчаетъ шулера „Рамазанова“ и заставляетъ его обыграть хозяина пополамъ съ собою, но въ шутку. Такъ и дѣлается. Подъ конецъ сеанса они заставляютъ „Сосницкаго“ поставить на карту его крѣпостного дядьку „Величкина“. Происходитъ раздирающая сцена, кончающаяся наставленіями, поученіями и пр. Въ этой же пьесѣ Пушкинъ, по мнѣнію Анненкова, хотѣлъ „выставить въ позорномъ свѣтѣ безобразіе крѣпостничества, а вмѣстѣ съ тѣмъ показать и темныя стороны образованнаго общества нашего“. Дѣйствительно, наряду со сценою проигрыша въ карты преданнаго стараго слуги, мы видимъ (въ текстѣ перваго отрывка) намеки на либеральную военную молодежь александровскаго времени, съ которою Пушкинъ, какъ извѣстно, находился въ близкихъ отношеніяхъ. Эти люди, скучая пустотою окружающаго ихъ „отборнаго“ общества, въ которомъ „не найдешь живого человѣка“, предпочитаютъ свѣтскимъ удовольствіямъ вольное препровожденіе времени въ холостой компаніи, на-

lib.pushkinskijdom.ru

распашку, въ халатахъ, съ трубками и — за картами, которыми увлекался въ молодости и самъ Пушкинъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, „въ кругу своемъ они о дѣльномъ говорятъ, читаютъ Жомини“. Баронъ Генрихъ Jomini (1779—1869) — извѣстный военный писатель, авторъ сочиненій: „Traité des grandes opérations militaires“ (1804, сравнительное изложеніе кампаній Фридриха Великаго и генерала Бонапарта), „Histoire critique et militaire des guerres de la Révolution, de 1792 à 1801“ и др., въ 1813 г. перешелъ на русскую службу, въ чинѣ генералъ-лейтенанта и званіи генералъ-адъютанта, и принялъ участіе въ разработкѣ различныхъ военныхъ проектовъ. Его сочиненіями увлекались въ свое время даже гусары, къ досадѣ ихъ пѣвца, Дениса Давыдова, стихи котораго: „Жомини да Жомини, а объ водкѣ — ни полслова! “обратились въ пословицу.

Впослѣдствіи Пушкинъ вновь пытался отмѣтить эти характерныя черты своихъ военныхъ друзей — въ „Отрывкѣ изъ романа въ письмахъ“ и въ программѣ оставшагося ненаписаннымъ романа „Русскій Пеламъ“.

Что касается второго отрывка, то Анненковъ, а вслѣдъ за нимъ — и другіе издатели сочиненій Пушкина (Ефремовъ, Морозовъ) считали допустимымъ, что онъ принадлежитъ къ той же комедіи, только вмѣсто брата и сестры здѣсь выведены на сцену мать и сынъ. Съ этимъ мнѣніемъ несогласенъ С. А. Венгеровъ (Соч. Пушкина, изд. Брокгаузъ-Эфронъ, томъ II, стр. 587), указывая на то, что во второмъ отрывкѣ не только новыя лица, но и совсѣмъ иные мотивы: постылая жена, исканіе новыхъ связей, увлеченіе свѣтскою жизнью. Дѣйствительно, содержаніе второго отрывка никакъ не вяжется съ программой той комедіи, къ которой относится отрывокъ первый, — и ихъ нельзя разсматривать, какъ части одного цѣлаго. Сохранился еще третій отрывокъ, не имѣющій ничего общаго

lib.pushkinskijdom.ru

съ этими двумя. Мы помѣщаемъ его среди произведеній 1825 года (см. томъ IV).

XXX.

ЭПИГРАММА.

(Стр. 49).

Печатается по рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, л. 41 об., по которой была впервые напечатана П. И. Бартеневымъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1881, I, 219 (ср. сборникъ „Пушкинъ“, вып. I, стр. 131) и оттуда внесена въ изданіе 1882 г., томъ I, стр. 525.

Въ концѣ 1822 или началѣ 1823 г. Пушкинъ послалъ эту эпиграмму, въ числѣ другихъ своихъ „пакостей“, кн. Вяземскому, измѣнивъ первые два стиха:

Льчись — иль быть тебѣ Панглосомъ
Ты *жертва вредной красоты*

(см. Переписку, томъ I, стр. 62).

Докторъ Панглоссъ — одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ повѣсти Вольтера „Кандидъ или оптимизмъ“, поклонникъ ученія Лейбница о „предустановленной гармоніи“. Онъ проповѣдуетъ, что „все направлено къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ“, и не покидаетъ этого убѣжденія даже тогда, когда заболѣваетъ болѣзнью, однимъ изъ послѣдствій которой является потеря носа.

XXXI.

ВЪ ТВОЮ СВѢТЛИЦУ, ДРУГЪ МОЙ НѢЖНЫЙ.

(Стр. 50).

Черновой набросокъ, сильно исчерканный, находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, л. 42 об.

lib.pushkinskijdom.ru

Здѣсь можно прочесть слѣдующіе отброшенные поэтомъ варіанты:

Къ стиху 1-му: (Смири твой страхъ) (о)
„ „ 3-му: (Восторговъ) (Любви щастливой)
„ „ 4-му: (Я провожу)
„ „ 5-му и слѣд.: (Не жди меня)
(Прости — впередъ)
(Не зажигай свѣчи)
(Не жди меня во мракѣ ночи)
(меня всю ночь)
(Впередъ)
(Впередъ до утренняго свѣта)
(Не жди) (Впередъ во мракѣ тихой ночи)
(Не жги)
(Не)
(Во мракѣ) (впередъ во мракѣ)
(Не жди) (впередъ во мракѣ ночи)
Впередъ меня средь темной ночи,
Смыкая сномъ унылы очи —
(Въ дѣвичьей комнатѣ твоей)
печальной

Въ записной книжкѣ Пушкина 1820 — 1821 гг., хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, на л. 49 об. чисто переписаны первые 4 стиха, съ варіантомъ въ стихѣ 3-мъ:

Любви *щастливой*, безмятежной

Впервые напечатано, по музейной рукописи, В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, т. 42, стр. 99.

lib.pushkinskijdom.ru

XXXII.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

(Стр. 51).

Печатается по изданію 1829 г., ч. I, стр. 109 — 111.

Черновыя этого стихотворенія находятся въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея № 2365, лл. 43 об. — 45 об. (безъ всякаго заглавія) и № 2366, лл. 2 — 3 об. (подъ заглавіемъ: „Элегическій отрывокъ"), а также въ рукописи графа П. И. Капниста, лл. 2 об. — 3 об., подъ заглавіемъ: „Гробъ юноши (отрывокъ)", написаннымъ вмѣсто другого, зачеркнутаго: „Отрывокъ изъ Элегіи" и съ помѣтой: „1821" (*Майковъ*, Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина, стр. 121). Напечатано въ изданіяхъ 1826 г. (стр. 16 — 18) и 1829 г. (I, 109 — 111).

„Такъ какъ изъ трехъ рукописныхъ текстовъ піесы (говоритъ Л. Н. Майковъ) два носятъ уже названіе отрывка, то, очевидно, въ нихъ нельзя искать первоначальной редакціи стихотворенія; дѣйствительно, она находится въ рукописи № 2365 и представляетъ собою весь исчерканный набросокъ; но въ этомъ наброскѣ уже виденъ весь планъ піесы до конца, не смотря даже на то, что ея послѣднія строки не могутъ быть вполнѣ прочтены; сравненіе же этого наброска съ остальными текстами піесы показываетъ, что ея планъ не измѣнился при дальнѣйшей обработкѣ и былъ выполненъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Поэтому понятно, что авторъ, въ концѣ концовъ, откинулъ названіе *отрывка*".

Въ рукописи № 2365 стихотвореніе читается такъ:

(Онъ дремлетъ)
Увы! навѣки (Тихій) мракъ
(въ сырой могилѣ дремлетъ онъ)
(постелѣ онъ лежитъ)

lib.pushkinskijdom.ru

(Забавъ и нѣгъ)
(Питомецъ лиры)
Любви, забавъ (питомецъ нѣжный)—
(кругомъ)
Онъ (И вкругъ) его глубокой сонъ—
сѣнь могилы
И (тѣнь) (дубравы) безмятежной
(Былъ)
И (гдѣ) пѣлъ
(Пѣвалъ онъ съ на) (онъ) (пѣсн) на свободѣ
Любилъ онъ игры юныхъ дѣвъ
(Веселый праздникъ въ хороводѣ)
Когда весной въ тѣни деревъ
Онѣ кружились на свободѣ
(теперь въ) (теперь) (на свободѣ)
(Бывало пѣлъ) (Но нынче)
(съ ними)
Но нынчѣ, въ рѣзвомъ хороводѣ—
(Теперь въ вечернемъ хороводѣ)
Не слышенъ ужъ его припѣвъ
Давно ли старцы любовались
(Бывало взоры стариковъ)
Его веселости живой
(И улыб)
Полу-печально улыбались
И говорили межъ собой:
И мы любили хороводы,
И наши искрились умы
(Шути, безпечный, придутъ годы)
Но погоди: приспѣютъ годы
(Ты) И будешь то чемъ нынѣ мы
(чемъ стали мы) (теперь)
И также, міра гость игривый
(Остынетъ твой минутный)
Изчезнетъ твой забытый слѣдъ—
(Забыт) (тогда)
Теперь играй! Но старцы живы
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.

lib.pushkinskijdom.ru

И безъ него друзья пируютъ
(Среди веселыхъ дѣвъ)
Ужъ многихъ полюбить успѣвъ
(И рѣдко рѣдко межъ собою)
(Въ бесѣдахъ)
И друга рѣдко именуютъ
(Любимца)
Въ бесѣдѣ черноокихъ дѣвъ.
Изъ вѣтреницъ, которыхъ очи
Опъ преждѣ въ тайнѣ привлекалъ,
Которымъ онъ во мракѣ ночи
Младыя бдѣнья посвящалъ,
Изъ милыхъ женъ, его (манившихъ)
Одна быть можетъ слезы льетъ (иногда)
И въ память радостей почившихъ
(Любимца) Привычной думою зоветъ
(Въ ночныхъ безсонницахъ зов)
Надгробный стонъ не воззоветъ —
(Не воззоветъ! его гробница
Уединенна и темна,
Надъ нею спитъ ночная птица,
Вблизи ея журчитъ волна)
Къ чему?
Надъ ясными водами
(Березы рощи гробовой)
Гробницы въ рощѣ вѣковой
Съ ихъ суевѣрными крестами
Таятся тихою семьей
(Хранятъ)
(Межъ ими)
За ними, на краю дороги
(Одна могила — тамъ навѣкъ)
(Почили радости, тревоги)
(И все чемъ дышетъ человѣкъ)
Въ тѣни березъ одна стоитъ —
Нашъ бѣдный юноша (лежитъ) сокрытъ.
Ласкается ли лучъ денницы
(Взойдетъ ли мѣ)
Луна ли ходитъ средь (ночей) небесъ

lib.pushkinskijdom.ru

И вкругъ безчувственной гробницы
(Осеребритъ) . . . . . (ручей)
(Ручей)
Волна журчитъ и шепчетъ лѣсъ
Не выдетъ онъ взглянуть на (нивы) горы
Осеребренныя луной
(Не улыбнется онъ) и взоры
Не встрѣтятъ* утра надъ рѣкой.
Напрасно (сельская дѣвица)
(Съ корзинкой въ ближній лѣсъ идетъ)
(И отдыхаетъ у гробницы)
. . . . . .
Одной рукой приподнимаетъ
(Одежду) (И въ прохладу водъ)
. . . . . въ лоно водъ
(Тихонько)
Пугливо ногу опускаетъ
(И съ берега идя поетъ)
Напрасно рощу оглашаетъ
(Охотника веселый рогъ)
(Охоты звонкія рога)
(И стая гончихъ)
Охотника веселый рогъ
(И стая гончихъ пробѣгаетъ)
Напрасно
Трубитъ охотникъ за
(Напрасно)
(Трубитъ охотникъ молодой)
Надъ облаками скачутъ лани

Рукопись № 2366 повторяетъ этотъ текстъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и сокращеніями и представляетъ, по сравненію съ окончательной (печатной) редакціей, слѣдующіе варіанты:

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 4-й: И *тѣнь* могилы безмятежной
„ 15-й: И *наши искрились* умы
„ 17-й: И будешь то, *чемъ стали* мы
„ 18-й: (И также) *Ты щастливъ*, міра гость игривый
„ 19-й: *А намъ постылъ ужъ* бѣлый свѣтъ *)
„ 23-й: *Ужъ многихъ* полюбить успѣвъ
„ 24-й: *И друга* рѣдко имянуютъ
„ 25-й: *Въ бесѣдѣ* (черноокихъ) *златовласыхъ* дѣвъ

Послѣ этого стиха слѣдуютъ стихи, исключенные въ печатномъ текстѣ:

Изъ вѣтрениць, которыхъ очи
Онъ преждѣ втайнѣ привлекалъ
Которымъ онъ (во мракѣ) и дни и ночи
(Младыя бдѣнья)
И думы сердца посвящалъ

Стихъ 29-й: *Тоской привычною* зоветъ
„ 31-й: Гробницы (тихою) *мертвою* семьей
„ 32-й: Подъ *суевѣрными* **) крѣстами

Далѣе *зачеркнуто:*

Утихли, онѣмѣвъ навѣкъ
радостей
Надеждъ и горестей тревоги
страждетъ
И все чемъ дышетъ человѣкъ

Стихъ 38-й: *Блеститъ ли яркой* лучь денницы ***)
„ 39-й: *Луна ли ходитъ* средь небесъ
„ 40-й: И вкругъ *оставленной* гробницы

Конецъ стихотворенія, начиная съ стиха 42-го, читается въ этой рукописи такъ:

---

*) Первоначальная (зачеркнутая) редакція этихъ двухъ стиховъ:
И также, міра гость игривый,
Изчезнетъ твой печальный слѣдъ.

**) Послѣ „суевѣрными“ приписано *въ скобкахъ:* наклоненными.

***) Зачеркнуто и исправлено: Напрасно *свѣтитъ* лучь денницы.

lib.pushkinskijdom.ru

Напрасно утромъ за малиной
(Идетъ) Спѣшитъ красавица съ корзиной
Къ ручью, и въ холодъ ключевой
(Пугливо) Тихонько ногу опускаетъ
И озабоченной рукой
Края одежды подбираетъ

Но послѣдніе два стиха зачеркнуты, и надъ ними написано:

Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой.

Рукопись гр. Капниста, по свидѣтельству Л. Н. Майкова („Матеріалы“, стр. 124), содержитъ въ себѣ текстъ, согласный съ печатнымъ, причемъ, однако, нѣкоторыя строки написаны поверхъ зачеркнутыхъ, принадлежащихъ еще первой или второй редакціи. П. А. Ефремовъ (Соч. Пушкина, изд. Суворина, т. VIII, стр. 160 — 161), видѣвшій эту рукопись, приводитъ изъ нея слѣдующіе *первоначальные* варіанты:

Стихъ 1-й: *Навѣкъ*, *навѣкъ* сокрылся онъ
„ 10-й: *Бывало*, старцы любовались
„ 17-й — 19-й: И будешь то, что *стали* мы.

Будь веселъ, міра гость игривый,
А намъ постылъ ужъ бѣлый свѣтъ

„ 38-й: Напрасно *свѣтитъ* лучь денницы
„ 46-й — 47-й: И озабоченной рукой

Края одежды (подымаетъ) подбираетъ

„Превосходное стихотвореніе“, говоритъ П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (томъ II, стр. 311) „навѣяно, быть можетъ, извѣстіемъ о смерти одного изъ лицейскихъ товарищей Пушкина, Корсакова, скончавшагося во Флоренціи; но частный случай, каковъ

lib.pushkinskijdom.ru

бы онъ ни былъ, является здѣсь въ свѣтломъ отраженіи поэзіи искусства.“ Это предположеніе Анненкова повторялось всѣми позднѣйшими комментаторами уже въ категорической формѣ. Между тѣмъ, Н. А. Корсаковъ скончался (26 сентября 1820 г.) и похороненъ во Флоренціи, — а гробница пушкинскаго юноши и весь окружающій ее пейзажъ несомнѣнно находятся въ Россіи, въ русской помѣщичьей усадьбѣ: здѣсь и березовая роща, и дѣвушка, идущая къ ручью за малиной, и участіе юноши въ хороводахъ, и охотники съ гончими... Такимъ образомъ, если стихотвореніе и могло быть „навѣяно“ вѣстью о смерти Корсакова, то мысль о преждевременно угасшемъ товарищѣ уступила мѣсто другому, болѣе родному и близкому образу. Да и есть ли какая-нибудь необходимость разыскивать подъ поэтической оболочкой мысли — реальный фактъ? Вѣдь побужденіемъ для поэтическаго созданія могло быть и простое представленіе.

Бѣлинскій находилъ, что „изъ переходныхъ пьесъ Пушкина лучшія — тѣ, въ которыхъ болѣе или менѣе проглядываетъ чувство грусти. Сколько этой поэтической грусти, этого поэтическаго раздумья въ прелестномъ стихотвореніи „Гробъ юноши“! Все окончаніе этой прекрасной пьесы, заключающее въ себѣ картину гроба юноши, дышетъ такой свѣтлой, ясной и отрадной грустью, какую знала и дала знать міру только поэтическая душа Пушкина“. Б. В. Никольскій („Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина“, СПБ. 1899, стр. 9) указалъ на сходство (по настроенію) этой пьесы съ лицейскимъ стихотвореніемъ — 1816 г. „Наѣздники“. Н. О. Лернеръ (Соч. Пушкина, изд. Брокгаузъ-Эфронъ, томъ II, стр. 571) замѣтилъ, что вопросъ: „Къ чему?“ которымъ поэтъ обрываетъ разсказъ о скорби дѣвушки, любившей юношу, — „чрезвычайно характеренъ для жизнерадостнаго міроощущенія Пушкина, который не любилъ подолгу задерживаться на тяжелыхъ

lib.pushkinskijdom.ru

чувствахъ и, отдавъ имъ должное, легко и просто оставлялъ ихъ. Такъ же въ *Онѣгинѣ* (VII, 14) обрываетъ онъ слова о томъ, что о Ленскомъ „два сердца, можетъ быть, грустятъ... на что грустить?“ Вся пьеса проникнута жаждой мира и покоя. Смерть юноши такъ же прекрасна и легка, какъ была легка и прекрасна его жизнь, въ которой не довелось ему узнать ни измѣны въ дружбѣ и любви, ни холода черствой старости“.

Отброшенные Пушкинымъ стихи первоначальной редакціи: „Изъ вѣтреницъ, которыхъ очи“ и пр. были впослѣдствіи, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, повторены въ черновомъ наброскѣ 21-й строфы II главы *Онѣгина,* гдѣ говорится о любви Ленскаго:

Кто жъ та была, которой очи
Онъ безъ искусства привлекалъ,
Которой онъ и дни, и ночи,
И думы сердца посвящалъ?
Меньшая дочь сосѣдей бѣдныхъ, и пр.

Примѣры подобнаго пользованія ранѣе написанными стихами нерѣдко встрѣчаются у нашего поэта.

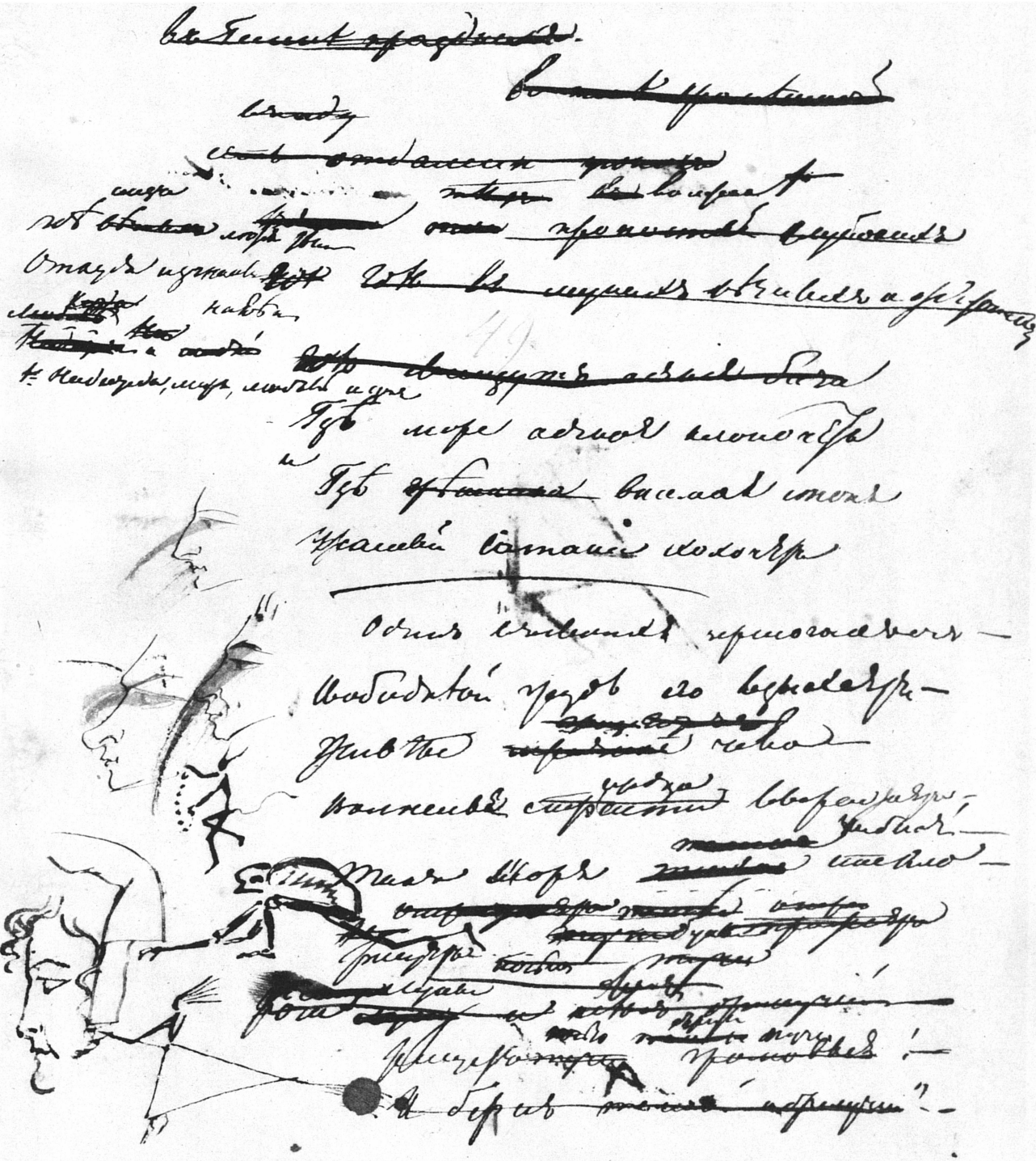
XXXIII.

ВЪ ГЕЕННѢ ПРАЗДНИКЪ...

(Стр. 53).

Весь исчерканный черновой набросокъ находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, л. 50, по которой впервые напечатанъ (неточно) Анненковымъ, въ его книгѣ: „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, Спб. 1874, стр. 176. Въ рукописи послѣ 1-го стиха есть еще зачеркнутыя слова: „въ аду“; стихъ 3-й первоначально былъ написанъ: „Гдѣ вѣчныхъ слезъ...“ затѣмъ слово „вѣчныхъ“

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru
Рум. Муз. № 2365, л. 50.

lib.pushkinskijdom.ru

зачеркнуто. Кромѣ того, начальные стихи имѣютъ варіанты (тоже зачеркнутые):

Во мракѣ пропастей глубокихъ,
Гдѣ въ мукахъ вѣчныхъ и жестокихъ...
Гдѣ свищутъ адскіе бичи...

Анненковъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ другіе издатели сочиненій Пушкина, соединили этотъ отрывокъ, несомнѣнно писанный въ 1821 году, съ тремя другими, находящимися въ музейной же рукописи № 2370, лл. 54 об. — 55: „Что козырь?“, „Кто тамъ“ и „Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье“. Но въ указанной рукописи этимъ тремъ отрывкамъ предшествуютъ и непосредственно за ними слѣдуютъ произведенія 1825 г.: первоначальная редакція 40-й строфы IV-й главы *Онѣгина*, отрывокъ: „Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны“ и первоначальная редакція сцены Пимена съ Григоріемъ. Такимъ образомъ, указанные отрывки, по времени ихъ написанія, должны быть пріурочены къ 1825 году и, слѣдовательно, никакъ не могутъ быть соединены съ первымъ. Съ другой стороны, по своему содержанію всѣ эти наброски представляются какъ бы осколками одного и того же замысла, который такъ и не нашелъ себѣ художественнаго выполненія. Анненковъ видѣлъ въ нихъ попытку большой политической и общественной сатиры, дѣйствіе которой должно было происходить въ аду, при дворѣ сатаны. Можно предположить, что Пушкинъ въ 1825 г. на минуту вспомнилъ объ этомъ своемъ кишиневскомъ планѣ и набросалъ въ томъ же духѣ нѣсколько стиховъ, но потомъ, отвлеченный другими мыслями и планами, оставилъ эти наброски безъ дальнѣйшей обработки.

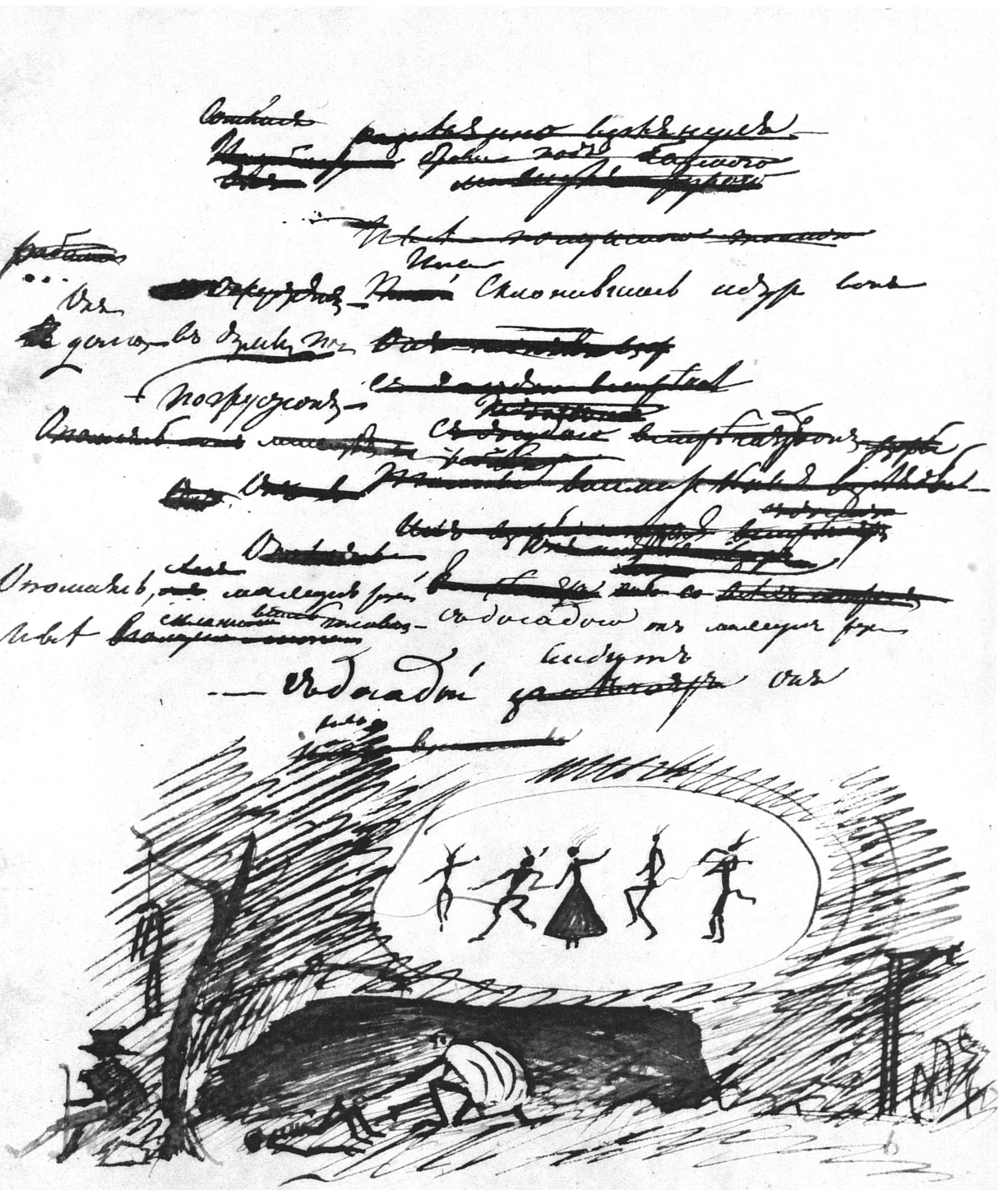
Въ рукописи № 2365 отрывокъ „Въ Геенѣ праздникъ“ находится среди рисунковъ, занимающихъ лл. 49 об. и 50 об. и служащихъ какъ бы иллюстраціями къ

lib.pushkinskijdom.ru

задуманной Пушкинымъ адской поэмѣ. На первомъ изъ этихъ рисунковъ подъ скрипку маленькаго бѣса съ хвостикомъ танцуютъ три чорта съ чертовкой. На поляхъ этой картинки, справа и слѣва, видны два „глаголя“ (висѣлицы); подъ одной изъ нихъ, съ повѣшеннымъ человѣкомъ, сидитъ, задумавшись мужчина въ большой круглой шляпѣ и съ тростью въ рукѣ; подъ другой видно колесо и орудія пытки. Внизу картинки, какъ будто въ пещерѣ, распростертъ скелетъ, передъ которымъ стоитъ на колѣняхъ какая-то фигура, какъ будто старающаяся отыскать въ немъ признаки жизни. На другомъ рисункѣ изображенъ пригорюнившійся бѣсъ, сидящій у рѣшетки и грѣющій ноги у костра. Далѣе видимъ чортика, распростертаго на желѣзной рѣшеткѣ, подъ которую подложенъ огонь, усердно раздуваемый другимъ, приникшимъ къ землѣ, чортикомъ. Затѣмъ является опять танцующая пара чертей, вѣдьмы верхомъ на помелѣ и пр.

Эти рисунки, по отзыву С. А. Венгерова (Соч. Пушкина, изд. Брокгаузъ-Эфронъ, томъ II, стр. 87), принадлежатъ къ лучшимъ образчикамъ несомнѣннаго художническаго таланта Пушкина. „Въ рисункахъ Пушкина совсѣмъ нѣтъ изящества, но ихъ выразительность — временами прямо первоклассная. Сколько движенія въ компаніи пляшущихъ чертей, во взмахѣ смычка чорта-скрипача, и самое поразительное — какими ничтожными средствами все это достигнуто! Простымъ росчеркомъ пера, безъ всякаго детализированія, однимъ уловленіемъ самой сущности поворотовъ, изгибовъ и т. п. Въ этой силѣ и твердости рисунка сказалась общая черта творчества Пушкина: никакой запутанности, полная ясность и опредѣленность“.

lib.pushkinskijdom.ru

Рум. Муз. № 2365, л. 49 об.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

XXXIV.

ЛИДѢ СТРАШНО ПОЛЮБИТЬ.

(Стр. 54).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 10 об.

Анненковъ, впервые напечатавшій это стихотвореніе въ VII-мъ томѣ своего изданія (стр. 100), вмѣсто совершенно ясно написаннаго „Лидѣ“ поставилъ „Лизѣ“ — и эта ошибка повторена всѣми послѣдующими изданіями.

Стихотвореніе написано также, въ нѣсколько иной редакціи, въ тетради Румянцовскаго Музея № 2370, л. 41 об. Здѣсь оно читается такъ:

Лида — новая Діана
(Воскресить желаетъ)
Полно нѣтъ ли тутъ
Говорятъ мои друзья
ей
Отступиться (мнѣ) нельзя
(Можетъ быть она очами
гордо
Ищетъ (робко) между
Кто

Быть можетъ — переводъ или подражаніе французскому.

Анненковъ не датировалъ этого стихотворенія. Въ изданіи 1859 г. (I, 566) оно было отнесено къ 1828 г., въ изданіи 1870 г. (I, 510 — 511) — также; П. А. Ефремовъ (изд. 1880, I, 415) отнесъ его къ 1822 г.; П. О. Морозовъ (изд. 1887 и 1903 гг.) и С. А. Венгеровъ (изд. Брокгаузъ-Эфронъ, II, 581) по положенію этой пьесы среди черновыхъ стихотвореній Пушкина относятъ ее къ 1821 году.

lib.pushkinskijdom.ru

XXXV.

АЛЕКСѢЕВУ.

(Стр. 55).

Печатается по изданію 1829 г., ч. I, стр. 132 — 134.

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, лл. 13 и 14, подъ заглавіемъ: „А — ву“ и съ помѣтой: „1821“ Напечатано въ *Полярной Звѣздѣ* на 1825 годъ, стр. 109 — 110, подъ заглавіемъ: „А — ву“, а затѣмъ въ изданіяхъ 1826 (стр. 153 — 154) и 1829 гг. — подъ заглавіемъ: „Алексѣеву“.

Въ рукописи текстъ еще не вполнѣ обработанъ и пространнѣе печатнаго. Приводимъ зачеркнутые поэтомъ первоначальные варіанты и другія отличія отъ печатаемаго нами текста.

Стихъ 4-й: И *взглядъ* опасной красоты
„ 9-й: Ихъ *нѣжный* взоръ...
„ 11-й: Забыло сердце *нѣжной* трепетъ

Стихи 17-й — 22-й въ текстѣ не находятся, но на полѣ отмѣчено, что ихъ слѣдуетъ вставить.

Послѣ стиха 26-го слѣдуетъ не зачеркнутое въ рукописи, но исключенное впослѣдствіи четверостишіе:

Вдали штыковъ и барабановъ
Такъ точно старой инвалидъ
Встрѣчаетъ молодыхъ улановъ
И имъ о битвахъ говоритъ.

Стихъ 27-й: Когда любовникъ *изтупленный*
„ 31-й: Когда, въ жару своихъ *мечтаній*
„ 34-й: *Обманчивой*, но сладкій сонъ
„ 43-й: И говорю: такъ было *прежде*

Въ стихѣ 44-мъ слова: „Во время оно“ *подчеркнуты*. За этимъ стихомъ въ рукописи слѣдуетъ еще продолже-

lib.pushkinskijdom.ru

ніе, въ которомъ нѣкоторые стихи снабжены поправками, а иные перечеркнуты. Приводимъ все это продолженіе, причемъ продолжаемъ и счетъ стиховъ.

Я былъ рожденъ для наслажденья;
Въ моей утраченной веснѣ
Какъ мало нужно было мнѣ
Для милыхъ сновъ воображенья!
За чемъ же въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ
стало чуждо
Мнѣ (измѣнило) сладострастье?
За чемъ же вдругъ увяло щастье
стремленья
И ни къ чему (надежды) нѣтъ?
И что жъ — измѣной хладнокровной
Я ль стану дружеству вредить
И снова тактики любовной
хитрые
Уроки (тайные) твердить.
Нѣтъ, милый, если голосъ томной,
Обманъ улыбки, нѣжный взоръ,
Умильный видъ печали скромной
Тобой владѣютъ до сихъ поръ —
Люби; ласкай свои желанья
взору слѣпо
Надеждѣ (и Еврейкѣ) вѣрь —
увы
(Какъ тѣнь) пройдутъ любви мечтанья
то
И станешь (тѣмъ), что я теперь.

Но послѣ поправокъ стихи 45-й — 52-й и 57-й — 60-й перечеркнуты, какъ подлежащіе исключенію.

Николай Степановичъ Алексѣевъ былъ старше Пушкина лѣтъ на десять. Онъ родился въ Москвѣ, учился во французскомъ пансіонѣ Форлевиль, былъ одно время въ военной службѣ и участвовалъ въ бородинскомъ сраже-

lib.pushkinskijdom.ru

ніи. Онъ приходился родственникомъ П. Д. Киселеву, начальнику штаба второй арміи; Киселевъ содѣйствовалъ его опредѣленію въ штатъ намѣстника Бессарабской области Бахметева, гдѣ онъ и служилъ съ 1818 года, такъ что Пушкинъ, пріѣхавшій въ Кишиневъ при преемникѣ Бахметева Инзовѣ, уже засталъ тамъ Алексѣева. По словамъ Вигеля (Записки, VI, 114-116), это былъ типичный москвичъ, „со степеннымъ, благороднымъ видомъ". Онъ бывалъ у М. Ѳ. Орлова, къ которому „проникъ посредствомъ легонькаго московскаго оппозиціоннаго духа. Для него, по крайней мѣрѣ, знакомство сіе было полезно, ибо оно сблизило его съ Пушкинымъ, который и писалъ ему извѣстныя посланія въ стихахъ". Они подружились и даже нѣкоторое время жили вмѣстѣ. На внутренней сторонѣ переплета одной изъ кишиневскихъ тетрадей Пушкина (рукопись Румянцовскаго Музея № 2369) оба пріятеля оставили свою запись въ такомъ видѣ: „27 мая 1822, Кишиневъ, Pouschkin, Alexeef, Пушкинъ". Вельтманъ разсказывалъ, что у Алексѣева былъ полный сборникъ произведеній Пушкина, изъ которыхъ многія не могли быть изданы (*Л. Майковъ*, „Пушкинъ", стр. 124, 125). И. П. Липранди (*Русскій Архивъ* 1866, ст. 1123) свидѣтельствуетъ, что Алексѣевъ „былъ вполнѣ достоинъ дружескихъ къ нему отношеній Александра Сергѣевича. У нихъ были общіе знакомые въ Петербургѣ и Москвѣ; и въ Кишиневѣ Алексѣевъ, будучи старожиломъ, ввелъ Пушкина во всѣ общества. Русская и французская литература не были ему чужды. Словомъ, онъ изъ гражданскихъ чиновниковъ былъ одинъ, въ лицѣ котораго Пушкинъ могъ видѣть въ Кишиневѣ подобіе образованнымъ столичнымъ людямъ, которыхъ онъ привыкъ видѣть". Онъ обладалъ хладнокровіемъ и тактомъ: при столкновеніи Пушкина съ полковникомъ Старовымъ онъ способствовалъ примиренію противниковъ и успокоилъ Пушкина во

lib.pushkinskijdom.ru

время скандала съ бояриномъ Тодоромъ Балшемъ, которому Пушкинъ далъ пощечину. И впослѣдствіи, когда Пушкинъ переселился изъ Кишинева въ Одессу, Алексѣевъ навѣщалъ его тамъ, а въ серединѣ марта 1824 г. Пушкинъ пріѣхалъ въ Кишиневъ и двѣ недѣли прожилъ у Алексѣева (*Вигель*, VI, 152; *Русскій Архивъ* 1866, ст. 1212, 1479 — 1480; Переписка Пушкина, томъ I, стр. 105). Въ октябрѣ 1826 г. Алексѣевъ написалъ Пушкину дружеское письмо съ сообщеніями о кишиневскихъ знакомыхъ, гдѣ, между прочимъ, говоритъ: „Мы нѣкогда жили вмѣстѣ, часто одно думали, одно дѣлали и почти одно любили, иногда ссорились, но разстались друзьями... Не смотря на названія *лукаваго соперника* и *чернаго друга,* я могу сказать, что мы были друзья-соперники и жили пріятно!“ Пушкинъ отвѣчалъ на это письмо 1-го декабря того же года — и между прежними пріятелями началась переписка, хотя и не особенно оживленная. Въ одномъ изъ своихъ писемъ (20 марта 1827 г.) Алексѣевъ, между прочимъ, писалъ: „Я намѣренъ объяснить тебѣ давнишнее мое неудовольствіе на Цензуру и на издателей за твое посланіе ко мнѣ: литера А не показываетъ еще Алексѣева, а выкинутые лучшіе стихи испортили всю піесу. Именемъ всего прошу тебя исправить эту ошибку; мое самолюбивое желаніе было, чтобъ черезъ нѣсколько лѣтъ сказали: Пушкинъ былъ пріятель Алексѣева, который, не равняясь съ нимъ ни въ славѣ, ни познаніяхъ, превосходилъ всѣхъ чувствами привязанности къ нему“ (Переписка, томъ I, стр. 377 — 378 и 388 — 389; томъ II, стр. 13).

Алексѣевъ умеръ въ концѣ 50-хъ или въ началѣ 60-хъ годовъ. О немъ см. „Выдержки изъ дневника В. П. Горчакова“, *Москвитянинъ* 1850, № 2 (январь, кн. 2), стр. 150 — 151 и 156—157; *Московскія Вѣдомости* 1858, № 19, стр. 80; *И. П. Липранди*, Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля,

lib.pushkinskijdom.ru

М. 1873, стр. 120, 143, 186—187; Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, томъ III, стр. 401 и 402; *Л. Н. Майковъ,* Пушкинъ (Спб. 1899), стр. 124, 125, 127.

По объясненіямъ Вигеля (VI, 116) и Липранди (*Русскій Архивъ* 1866, ст. 1225), Алексѣевъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Марьей Егоровной Эйхфельдтъ, которую прозвали „Еврейкой“ за ея воображаемое сходство съ Ревеккой изъ романа Вальтеръ-Скотта „Айвенго“. Ради нея Алексѣевъ и оставался въ Кишиневѣ, не желая воспользоваться заманчивой возможностью перейти на службу въ Одессу, къ гр. Воронцову. По словамъ Липранди, Пушкинъ, „зная связь Алексѣева, не посягнулъ бы на его права“; но самъ Алексѣевъ не довѣрялъ своему пріятелю и даже не хотѣлъ его знакомить съ „Еврейкой“. Въ письмѣ отъ 26 декабря 1830 г., начинающемся стихомъ: „Мой милый, какъ несправедливы“, Пушкинъ напоминаетъ Алексѣеву „о Еврейкѣ, которую такъ долго и такъ упорно таилъ ты отъ меня, своего чернаго друга“ (Переписка, томъ II, стр. 203, 204). Въ посланіи Пушкинъ увѣряетъ Алексѣева въ своей безопасности, такъ какъ онъ уже пережилъ пору любви и недоступенъ новымъ увлеченіямъ.

Стихъ 19-й — 21-й: Какъ Баратынскій я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нѣжной?
«Нельзя ль найти любви надежной?

относятся къ одному изъ посланій Баратынскаго Коншину („Пора покинуть, милый другъ“), гдѣ, впрочемъ, есть только одинъ изъ приводимыхъ Пушкинымъ стиховъ — „Нельзя ль найти подруги нѣжной?“, а второго стиха какъ въ этомъ посланіи, такъ и вообще у Баратынскаго нѣтъ.

Четверостишіе, вычеркнутое послѣ стиха 26-го, — „Вдали штыковъ и барабановъ“ и пр. — нѣсколько напоминаетъ стихи 18-й строфы II-й главы *Онѣгина:*

lib.pushkinskijdom.ru

Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятежный,
И намъ онъ сердце шевелитъ;
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонитъ слухъ прилежный
Разсказамъ юныхъ усачей...

Въ черновыхъ примѣчаніяхъ къ *Онѣгину* Пушкинъ выписалъ французскіе стихи, почти дословно воспроизведенные въ настоящемъ посланіи:

Et je ressemble au vieux guerrier
Qui rencontre ses frères d'armes
Et leur parle encor du métier.

(*Брюсовъ*, Письма Пушкина и къ Пушкину, М. 1903, стр. 140).

Въ современной Пушкину критикѣ посланіе къ Алексѣеву встрѣчено было нѣкоторымъ, хотя и очень осторожнымъ, осужденіемъ. Въ статьѣ: „Четвертое письмо на Кавказъ“, въ *Сынъ Отечества* 1825 г., ч. 101, № 10, стр. 197, подписанной буквами: *Д. Р. К.*, читаемъ: „Посланіе къ А. принадлежитъ къ тому роду Поэзіи, который г. Кюхельбекеръ весьма удачно обозначилъ въ 3-й части *Мнемозины* подъ именемъ *тоски о погибшей молодости*. Признаюсь тебѣ, я не люблю этого рода; не люблю слышать Поэтовъ, во цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ блескѣ славы твердящихъ намъ о своей горькой опытности, о разочарованьѣ въ жизни, объ увядшей душѣ и т. п. Впрочемъ, это посланіе имѣетъ свое поэтическое достоинство и найдетъ своихъ читателей и почитателей“. Бѣлинскій отнесъ это стихотвореніе къ „чисто-пушкинскимъ“, въ которыхъ „чистая поэзія, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы“.

lib.pushkinskijdom.ru

XXXVI.

ПРИМѢТЫ

(Стр. 57).

Печатается по изданію 1829 г., ч. I, стр. 128.

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 17, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ“, и въ рукописи графа П. И. Капниста, лл. 5 и 5 об., подъ заглавіемъ „Примѣты“ (*Л. Н. Майковъ*, Матеріалы, стр. 149). Напечатано въ изданіяхъ 1826 (стр. 132) и 1829 гг., въ обоихъ подъ заглавіемъ „Примѣты“ и съ отнесеніемъ къ 1821 году, хотя самъ же Пушкинъ, въ перечнѣ своихъ произведеній на л. 53 музейной рукописи № 2365, отнесъ это стихотвореніе (подъ заглавіемъ: „Старайся“ и пр.) къ 1822 году. Мы приняли хронологію печатныхъ пушкинскихъ изданій.

Музейная рукопись представляетъ слѣдующія отличія отъ печатнаго текста:

Стихъ 2-й: Пастухъ и *рыболовъ*...
„ 5-й: И *вешніе* дожди... (исправлено, какъ въ печатномъ)
„ 6-й: И *поздный* хладъ *росы*, *опасной* винограду (тоже)
„ 7-й: *Знай*, если лебеди *у брега* тихихъ водъ (тоже)
„ 10-й: Знай, завтра *юныхъ* дѣвъ... (тоже)
„ 11-й: Иль бьющій въ *окны*...
„ 12-й: Готовясь ужъ косить *высокой* злакъ долинъ

Рукопись графа Капниста, по свидѣтельству Л. Н. Майкова, въ стихѣ 2-мъ также сохраняетъ слово *рыболовъ*, но оно тутъ же исправлено на *земледѣлъ*. Кромѣ того, въ этой рукописи стихъ 3-й читается:

Взглянувъ на небеса, на западную *сѣнь*

поэтому Л. Н. Майковъ предполагалъ, что издатели стихотвореній 1826 г. допустили въ этомъ стихѣ опечатку,

lib.pushkinskijdom.ru

повторенную и всѣми послѣдующими изданіями. Однако въ музейной рукописи стоитъ не *сѣнь*, а *тѣнь*, и Пушкинъ, если бы считалъ это ошибкой, могъ бы внести исправленіе въ изданіе 1829 г., но не сдѣлалъ этого.

Въ изданіи 1826 г. эта пьеса помѣщена въ отдѣлѣ: „Подражанія древнимъ". Какъ и всѣ прочія антологическія стихотворенія нашего поэта, написанныя въ 20-хъ годахъ, оно написано александрійскимъ размѣромъ. Въ этомъ произведеніи, по словамъ *С. Любомудрова* („Античные мотивы въ поэзіи Пушкина", изданіе 2-е Спб. 1901, стр. 27), „въ необыкновенно величавой и спокойной формѣ выражено чувство природы... Особенное вниманіе обращаетъ на себя стиль стихотворенія — созданіе самого Пушкина". По поводу этого стиля *Л. И. Поливановъ* (Сочиненія Пушкина, М. 1887, т. I, стр. 104) говоритъ: „Установляя новыя формы поэзіи и при этомъ отыскивая выраженія для передачи античныхъ представленій, русскіе поэты первой четверти XIX вѣка охотно прибѣгали къ славянизмамъ. Пушкинъ собственнымъ примѣромъ подтвердилъ это избраніе и сумѣлъ сообщить своеобразную прелесть русскому стиху античнаго пошиба. Славянизмы и многостопный размѣръ придаютъ ему характеръ „важныхъ пѣсенъ"; стихъ льется не только спокойно, но и чрезвычайно свободно". Что касается выбора словъ, то по этому стихотворенію еще лучше, нежели по „Музѣ", можно прослѣдить отношеніе Пушкина къ своему учителю Батюшкову. „Въ лучшихъ сочиненіяхъ Батюшкова Пушкинъ учуялъ элементы художественной антологіи и нашелъ надлежащій для нея языкъ, пользуясь и сокращенными прилагательными, но весьма осторожно, и со свойственнымъ ему вкусомъ избирая изъ церковно-славянскаго языка такія слова, которыя не лишали бы картину античнаго колорита и не вытѣсняли бы его колоритомъ библейскимъ (таковы, напр., слова: земледѣлъ [а не ора-

lib.pushkinskijdom.ru

тай], вѣтръ, мразъ, хладъ, лоно, дѣва, селянинъ, злакъ) и искусно сплавляя ихъ съ чисто-русскими словами (какъ: пастухъ, окличутъ, яркое, ревучій. лѣнивую дремоту). Но главное, что отличаетъ стихъ Пушкина, это — его благозвучіе и въ паденіи ударенiй, и въ сочетаніи гласныхъ и согласныхъ (противъ чего часто погрѣшаетъ Батюшковъ). Соединяя поэзію картины съ поэтическимъ языкомъ, Пушкинъ далъ въ своихъ антологическихъ произведеніяхъ то неуловимое нѣчто, которое внесъ и въ русскую поэзію, пользуясь стихотворными формами, уже до него введенными во всеобщее употребленіе и считавшимися истасканными отъ бездарнаго ихъ употребленія".

Бѣлинскій, говоря объ антологическихъ стихотвореніяхъ Пушкина, замѣчаетъ, что „простота и обаяніе ихъ красоты выше всякаго выраженія: это — музыка въ стихахъ и скульптура въ поэзіи. Пластическая рельефность выраженія, строгій классическій рисунокъ мысли, полнота и оконченность цѣлаго, нѣжность и мягкость отдѣлки въ этихъ пьесахъ обнаруживаютъ въ Пушкинѣ счастливаго ученика мастеровъ древняго искусства. А между тѣмъ, онъ не зналъ по-гречески, и вообще многосторонній, глубокій художническій инстинктъ замѣнялъ ему изученіе древности, въ школѣ которой воспитываются всѣ европейскіе поэты. Этой поэтической натурѣ ничего не стоило быть гражданиномъ всего міра и въ каждой сферѣ жизни быть какъ у себя дома; жизнь и природа, гдѣ бы ни встрѣтилъ онъ ихъ, свободно и охотно ложились на полотнѣ подъ его кистью" (Сочиненія Бѣлинскаго, томъ VIII, М. 1892, стр. 368 — 369).

lib.pushkinskijdom.ru

XXXVII.

КОКЕТКѢ.

(Стр. 58).

Печатается по рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, лл. 23 — 24. Другой списокъ, подъ заглавіемъ: „Къ Аглаѣ“, находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ записной книжкѣ 1820 — 1821 гг., лл. 46 об. — 47. Напечатано впервые по библіотечной рукописи въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 27 — 29, откуда перешло и въ послѣдующія изданія; въ изданіи Литературнаго Фонда подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ, внесеннымъ изъ музейной рукописи; въ изданіи П. О. Морозова 1903 г. (I, 279) напечатанъ текстъ библіотечный, съ варіантами изъ музейной рукописи; С. А. Венгеровъ (II, 59) далъ текстъ музейный.

Обѣ рукописи — музейная и библіотечная — содержатъ въ себѣ текстъ уже перебѣленный, но каждый разъ снова подвергавшійся передѣлкѣ; притомъ, въ музейной рукописи пьеса значительно сокращена, такъ какъ въ ней уже зачеркнуты многія строки, находящіяся въ рукописи библіотечной и не подвергавшіяся тамъ никакимъ измѣненіямъ. Поэтому редакцію музейной рукописи слѣдуетъ считать болѣе позднею, хотя и она осталась, повидимому, безъ окончательной отдѣлки. Приводимъ библіотечный текстъ въ полномъ его видѣ:

И вы повѣрить мнѣ могли
семи
Какъ (пяти) лѣтняя Агнеса?
Въ какомъ романѣ вы нашли
Чтобъ умеръ отъ любви повѣса?
Помилуйте, вамъ тридцать лѣтъ,
Да, тридцать лѣтъ — не многимъ болѣ —

lib.pushkinskijdom.ru

Мнѣ за двадцать: я видѣлъ свѣтъ,
Кружился долго въ немъ на волѣ;
Ужъ* клятвы,* слезы мнѣ смѣшны,
Проказы (прав) утомить успѣли
Вамъ также съ вашей стороны
Тревоги сердца
(Давно мущины) надоѣли —
Давно
(Умы) сердца въ насъ охладѣли,
Не къ стати намъ учиться вновь —
Мы знаемъ — вѣчная любовь
едва ли три
Живетъ (не болѣе) недѣли.
точно
Я вами (право) былъ плѣненъ
Къ тому же скука, мужъ ревнивый . . .
Я притворился что влюбленъ
Вы притворились что стыдливы,
поклялись
Мы (сблизились); потомъ — увы!
Потомъ забыли клятву нашу —
Себѣ Гусара взяли вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись
(Разстались мы); до этихъ поръ
Все хорошо, благопристойно.
дикихъ
Могли бы мы безъ (глупыхъ) ссоръ
дружно и
Жить мирно, (весело, с)покойно
Но нѣтъ въ трагическомъ жару
Вы мнѣ сегодня поутру
Такую воскресили древность,
Вы проповѣдуете вновь
Покойныхъ рыцарей любовь

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

и грусть
Учтивый жаръ, (печаль) и ревность —
Помилуйте, нѣтъ, право нѣтъ,
Я не дитя, хотя поэтъ.
Оставимъ юный пылъ страстей,
мы клонимся
Когда (склонились мы) къ закату
Вы — старшей дочери своей,
Я моему меньшому брату.
(Любить)
(Дурачиться) еще пристало имъ любить
(А намъ пора себя готовить)
(Пора приняться намъ)
(Пора)
А намъ уже пора злословить
(съ разумомъ)
Имъ можно (съ жизнію) шалить
(А мы)
(Совѣты) (имъ) (за) готовить —
(Себѣ разкаянья) впредь себѣ
И слезы (для себя)

Въ музейной рукописи стихотвореніе сперва начиналось такъ же, какъ въ библіотечной (съ варіантомъ во 2-мъ стихѣ: „Какъ (семилѣтняя) *простодушная* Агнеса“), затѣмъ начальное четверостишіе было зачеркнуто. По сравненію съ печатнымъ текстомъ, музейная рукопись представляетъ слѣдующіе *первоначальные* (зачеркнутые) варіанты:

Стихъ 6-й: *Измѣны* утомить успѣли
„ 12-й: *Мужчинъ проказы* надоѣли
„ 16-й: *И* притвори*лись вы* стыдливой
„ 19-й: *Себѣ Клеона взяли* вы

Послѣ стиха 24-го слѣдовали стихи, потомъ перечеркнутые:

lib.pushkinskijdom.ru

Но нѣтъ! Сегодня поутру
Вы вдругъ въ трагическомъ жару
Сѣдую воскресили
(Такую изьявили) древность
Вы проповѣдуете вновь
Покойныхъ рыцарей любовь
Учтивый жаръ, и грусть, и ревность
И
Помилуйте — нѣтъ, право нѣтъ
Я не дитя, хоть и поэтъ —

Стихъ 32-й: А намъ *пора давно* злословить.

Объ Аглаѣ Антоновнѣ Давыдовой (рожд. графиня Грамонъ), женѣ „величаваго рогоносца“ Александра Львовича, одинъ современникъ (*Русская Старина* 1872, томъ V, стр. 632) писалъ: „Она была магнитомъ, привлекающимъ къ себѣ всѣхъ желѣзныхъ дѣятелей александровскаго времени. Отъ главнокомандующихъ до корнетовъ, все жило и ликовало въ Каменкѣ, но главное — умирало у ногъ прелестной Аглаи. . .“ Подробности см. въ примѣчаніяхъ къ I-му тому „Переписки.“

XXXVIII.

ТЫ ПРАВЪ, МОЙ ДРУГЪ.

(Стр. 60).

Печатается по рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, лл. 56 об. — 58. Напечатано, не вполнѣ и неточно, въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 88—89 (ср. „Матеріалы“, изд. 1873 г., стр. 82), и въ этомъ видѣ повторялось послѣдующими изданіями, до 1882 г. включительно. Исправленія и дополненія сообщены В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 104 — 105, въ изданіи

lib.pushkinskijdom.ru

Литературнаго Фонда, т. I, стр. 286 — 288, и въ „Матеріалахъ“ Л. Н. Майкова, стр. 174—177.

Рукопись представляетъ черновой набросокъ, сильно исчерканный и очень трудно разбираемый. Приводимъ *первоначальные* варіанты напечатанныхъ пяти строфъ.

Строфа 1-я, стихъ 3-й: Я зналъ досугъ, *безпечности* удѣлъ

„ 2-я, стихи 1-й, 2-й: Я дружбу зналъ — *и дружбѣ посвятилъ*
Моей весны златые годы

Между 2-ю и 3-ю строфами печатнаго текста находится еще одна строфа, вся исчерканная, въ которой можно прочесть:

(веселою душой)
Я зналъ любовь прелестною мечтой
(Не страстную) (мрачную) мечту
Не безнадежнымъ заблужденьемъ
(прелестную мечту) (и красоту)
. . . . . .
(Ума и сердца) (прелестнымъ жизни)
Очарованьемъ, упоеньемъ

(Я зналъ)

Строфа 3-я, стихъ 1-й: Младыхъ *пировъ* оставя блескъ и шумъ

„ „ 3-й: *И полноту кипучихъ* жаркихъ думъ

„ 4-я: И жизнь, и *свѣтъ*, и дружбу, и любовь
Въ ихъ наготѣ *теперь я* вижу —
Прошли мечты, остыла въ сердцѣ кровь,
Чего искалъ, *то* ненавижу
(или: *Угрюмый* опытъ ненавижу),

„ 5-я, стихъ 3-й: *Не знаю слезъ*. Такъ легкой (нѣжный) листъ дубравъ

lib.pushkinskijdom.ru

На томъ же листѣ рукописи, на которомъ написано это стихотвореніе, находится и нѣчто въ родѣ его программы:

„Ко всѣму была охота — ко всѣму охладѣлъ; вѣтреный, я сталъ безчувств... теперь кого упрекну... и это смѣшно. Хочу возобновить дружбу — какъ мертвецъ, не въ силахъ... любовь, труды — не могу". Кромѣ того, въ рукописи (л. 57 об.) стихотвореніе еще продолжается въ цѣломъ рядѣ перечеркнутыхъ строкъ, изъ которыхъ можно прочесть слѣдующія:

Разоблачивъ плѣнительной кумиръ
(Я вижу)

. . . . . .

Какъ бьется лань пронзенная свинцомъ
И силится
Ужели онъ казался преждѣ мнѣ
(Твореньемъ столь величавымъ)
Столь величавымъ и прекраснымъ?
Ужель въ презрѣнной (разврата) [?] глубинѣ
Я наслаждался сердцемъ яснымъ?
(Кого любить?)
(Чего искалъ)
Что жъ видѣлъ въ немъ безумецъ молодой?
Кого любилъ, къ чему стремился
(И для кого жъ)
(И передъ чѣмъ) Кого жъ, кого возвышенной
[мечтой]
(Онъ у) Боготворить не постыдился.
л. 58. (Онъ) Я говорилъ предъ хладною толпой
(Живымъ и) Истины свободной
(Устами) (правды и)
Языкомъ (пламенной свободы)
Но для толпы (надменной) (хол) ничтожной и глухой
гласъ сердца благородной
(сердечный)
Смѣшонъ (языкъ души высокой)

lib.pushkinskijdom.ru

Я замолчалъ (съ веселостью моей)
(И встрѣтилъ) (видѣлъ)
(для избранныхъ судей)
(Я видѣлъ)
(И встрѣтилъ я то малое число)
(встрѣтилъ)
(Я видѣлъ тѣхъ, котор)
(Встречались мнѣ наперсники Молвы)
(Ничтожный блескъ) и
жъ
Но что въ избранныхъ (я) увидѣлъ
(Повсюду,) (нашелъ)
(Ничтожный блескъ) (одежду) (обманъ)
(Есть) (есть) (конечно) (Вездѣ яремъ)
(Порабощенію) послушной
(Ничтожный) и предразсужденьямъ
(Вездѣ) (Вездѣ яремъ) (сѣкира)
(Одежда лѣни малодушной)
Вездѣ яремъ, сѣкира иль вѣнецъ
Вездѣ злодѣй иль малодушной
Предразсужденій
(Что) (А человѣкъ)
тиранъ — льстецъ
Иль предразсудковъ рабъ послушной

Кромѣ того, въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2366, л. 41, находится опять отрывокъ изъ той же пьесы:

Чего, мечтатель молодой,
Ты въ немъ искалъ, къ чему стремился, и пр.,

но связанный уже съ стихотвореніемъ 1823 года:„ Свободы сѣятель пустынный“. См. ниже примѣчаніе къ этому стихотворенію.

По мнѣнію Л. Н. Майкова, печатаемый отрывокъ, вѣроятно, составлялъ часть большого стихотворенія, въ со-

lib.pushkinskijdom.ru

ставъ котораго входили также и помѣщенныя выше (стр. 33) строфы: „Красы лаисъ, завѣтные пиры“. Въ настоящемъ изданіи онъ выдѣленъ только потому, что въ рукописи находится 20-ю листами ранѣе (л. 36). Въ этомъ стихотвореніи, имѣющемъ (судя по обращенію въ первомъ стихѣ) форму посланія, Пушкинъ, конечно, хотѣлъ изобразить, „это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души“, которая, по его собственнымъ словамъ въ написанномъ около того же времени письмѣ къ В. П. Горчакову (Переписка, томъ I, стр. 36), „сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка“. Съ подобнымъ же настроеніемъ мы встрѣчаемся и у Байрона,—напримѣръ, въ 166-й строфѣ II пѣсни *Донъ-Жуана:* „Что касается англійскихъ женщинъ, то о нихъ я ничего не могу сказать въ отдаленіи отъ британскаго моднаго свѣта, въ которомъ я въ свое время блисталъ, подобно другимъ шелопаямъ, и даже имѣлъ кое-какія страстишки. Но все это прошло, какъ прошло многое другое. Всѣ эти глупцы, которыхъ я прежде могъ бичевать, враги, друзья, мущины, женщины, все это для меня теперь — только сонъ, который прошелъ и не вернется“. По мнѣнію Анненкова, задуманное Пушкинымъ посланіе, можетъ быть, было вызвано письмомъ, полученнымъ отъ неизвѣстнаго и сохранившимся въ бумагахъ поэта: „Когда видишь того, кто долженъ покорять сердца людей, раболѣпствующимъ передъ обычаями и привычками толпы,—останавливаешься и спрашиваешь самого себя: почему преграждаетъ мнѣ дорогу тотъ, кто идетъ впереди меня и кому слѣдовало бы сдѣлаться моимъ вождемъ? Подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю о васъ много, даже до усталости. Позвольте же мнѣ идти, сдѣлайте милость. Если некогда вамъ узнавать требованія наши, то углубитесь въ самого себя и въ собственной груди почерпните огонь,

lib.pushkinskijdom.ru

который несомнѣнно присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша“.*

Весь отрывокъ, по своему общему настроенію, а отчасти и по формѣ, представляетъ нѣкоторое сходство съ начальными строфами посланія Батюшкова „Къ другу“ (кн. П. А. Вяземскому), напечатаннаго въ его *Опытахъ* 1817 г.:

Скажи, мудрецъ младой, что прочно на земли,
Гдѣ постоянно жизни счастье?
Мы область призраковъ обманчивыхъ прошли,
Мы пили чашу сладострастья...
Но гдѣ минутный шумъ веселья и пировъ,
Въ винѣ потопленныя чаши?
Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ умовъ?
Гдѣ твой Фалернъ и розы наши?

5-я строфа отрывка, въ нѣсколько иной редакціи, впослѣдствіи повторена въ *Альбомѣ Онѣгина:*

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручьѣ кавказскомъ каменѣетъ:
Въ волненьи жизни такъ мертвѣетъ
И вѣтреный, и нѣжный нравъ.

По вопросу о хронологіи нашего отрывка см. ниже, примѣчаніе къ стихотворенію: „Свободы сѣятель пустынный“.

---

* Французскій подлинникъ этого письма, переведенный Анненковымъ, въ настоящее время неизвѣстно гдѣ находится.

lib.pushkinskijdom.ru

XXXIX.

ВЪ ЛѢСАХЪ ГАРГАРІИ ЩАСТЛИВОЙ.

(Стр. 61).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, л. 56 об. — Напечатано въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 84.

Рукопись представляетъ нѣсколько *первоначальныхъ* варіантовъ:

Стихъ 2-й: (Вотще) За ланью быстрой, *боязливой*

послѣ стиха 3-го *зачеркнуто:*

Съ утра до ночи молчаливой
Вотще за нею гнался онъ

Стихъ 4-й: Уже на *темный* небосклонъ
„ 7-й: Стрѣлу *послѣднюю* колчана.

Гаргарія — собственно Гаргаръ или Гаргара — одна изъ вершинъ горы Иды, въ предѣлахъ троянскихъ. Актеонъ — ѳиванскій герой и охотникъ, воспитанникъ кентавра Хирона. Разгнѣванная Артемида, которую онъ подсмотрѣлъ во время купанья, превратила его въ оленя, и Актеонъ былъ растерзанъ собаками.

Въ майковской коллекціи автографовъ Пушкина, принадлежащихъ Императорской Академіи Наукъ („Пушкинъ и его современники", вып. IV, стр. 22, планы и программы, № 1), находится листокъ сѣроватой бумаги въ 8-ку съ слѣдующей программой:

Актеонъ.

Морфей влюбленъ въ Діану — Его дворъ — онъ усыпляетъ Ендиміона — Діана (пр.) назначаетъ ему свиданіе и находитъ его спящимъ — .... * Актеонъ это (видитъ)

* Точки Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

узнаетъ отъ Θеоны, Наяды, не спитъ, наконецъ видитъ Діану въ источникѣ.

(Кто)

Актеонъ un fat, après avoir séduit Théone, Naïade, lui demande l'histoire scandaleuse de Diane — Théone médit Morphée etc. etc. Актеонъ voit Diane, en devient amoureux, la trouve au bain, meurt dans la grotte de Théone. —

Быть можетъ, нашъ отрывокъ представляетъ приступъ къ исполненію этой программы. Анненковъ отнесъ этотъ отрывокъ къ 1820 году, П. О. Морозовъ (изд. 1903, I, 339) и С. А. Венгеровъ (II, 613) — къ 1822 г. По мѣсту, занимаемому имъ среди черновиковъ, кажется, правильнѣе пріурочить его къ концу 1821 г.

XL.

КИНЖАЛЪ.

(Стр. 62).

Черновой набросокъ этого стихотворенія находится въ записной книжкѣ Пушкина 1820 — 1821 гг., хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (лл. 45 об., 46 и 64); текстъ, перебѣленный, но не Пушкина рукою (Пушкинымъ написаны только двѣ послѣднія строфы), находится въ принадлежавшемъ С. Д. Полторацкому рукописномъ сборникѣ (альбомѣ) Румянцовскаго Музея № 3015, стр. 104—106, подъ заглавіемъ: „Кинжалъ“ и съ собственноручною подписью: *Не А. Пушкинъ.*

Напечатано впервые въ *Полярной Звѣздѣ* 1856 г., книга II, стр. 8—9; затѣмъ появилось въ *Русскомъ Архивѣ* 1876, книга III, стр. 211—212, откуда перешло въ изданія

lib.pushkinskijdom.ru

1880 г. (I, 370—371) и слѣдующія. Въ изданіи Литературнаго Фонда (I, 239 — 240) напечатано по библіотечной рукописи, не вполнѣ удовлетворительно разобранной. Музейный текстъ воспроизведенъ въ „Матеріалахъ“ Л. Н. Майкова, стр. 107—108, и въ изданіяхъ 1903 и 1908 гг.

Этотъ послѣдній текстъ едва-ли правильно считается авторитетнымъ, равносильнымъ автографу. Въ немъ первыя семь строфъ написаны писарской рукой, съ грубыми ошибками, лишь отчасти исправленными Полторацкимъ— можетъ быть, по указанію Пушкина; поэтъ, всегда возмущавшійся искаженіемъ своихъ стиховъ, не могъ признать этого текста правильнымъ — и потому подписался: „*Не* А. Пушкинъ“, не ради шутки и, конечно, не для того, чтобы скрыть свое авторство (какъ полагалъ П. А. Ефремовъ, изд. Суворина, VIII, 156), а для того, чтобы показать, что за этотъ списокъ онъ не ручается и не считаетъ „Кинжалъ“ въ такомъ видѣ своимъ произведеніемъ. Дѣйствительно, невозможно допустить, чтобы Пушкинъ могъ подписаться подъ стихами: „Ты пе́рстомъ жертвы назначалъ, но вышній судъ *ему* послалъ“ (т. е. персту? или Аиду?).

Такимъ образомъ, единственно авторитетнымъ текстомъ „Кинжала“ можетъ считаться только автографъ. Но имѣющійся въ нашемъ распоряженіи автографъ, къ сожалѣнію, — первоначальный черновикъ, и потому не могъ быть принятъ основою для изданія текста. Слѣдовательно, оставалось только напечатать стихотвореніе (первыя семь строфъ) по первому печатному его изданію — въ *Полярной Звѣздѣ*, основанному на спискахъ, близкихъ по времени къ самому сочиненію, съ которыхъ А. И. Герценъ, еще мальчикомъ, тайкомъ переписывалъ запрещенные стихи Пушкина въ свою завѣтную тетрадку (Сочиненія А. И. Герцена, Спб. 1905, томъ II, стр. 44). Въ этотъ первоначальный текстъ нами введено только два

lib.pushkinskijdom.ru

измѣненія: 1) въ 3-мъ стихѣ 2-й строфы выпущено слово „вездѣ“ * и 2) въ 3-мъ стихѣ 7-й строфы и слова: „И вышній“ замѣнены словами: „Но высшій“. Эти исправленія сдѣланы на основаніи изданія Н. В. Гербеля („Русскій“): „Стихотворенія А. Пушкина, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій“, Берлинъ 1861, стр. 18—19, и оправдываются сопоставленіемъ пушкинскаго черновика съ наиболѣе достовѣрными списками.

Что касается упомянутаго черновика, то здѣсь дается возможно точная его транскрипція.

л. 45 об.

(безсмертной)
(Символъ Немезиды)
(Злодѣйства)
Свободы тайный стражъ недремлющій кинжалъ—
(Привѣтствую тебя)
(Надежда) (за)
(Ты мститель) (обиды)
Послѣдній судія
(За древнія) позора и
(И Власти древнія) обиды
Для рукъ безсмертной Немезиды
(Лемносскій богъ тебя сковалъ)
(Супругъ божественной Киприды)
адскій лучь какъ
Какъ молнія боговъ
(Среди) (пировъ)
(Среди)
Злодѣйства
Нѣмое лезвее (Въ глазахъ Тирана) блещетъ
И (посреди) пировъ
(Тиранъ)
(Тиранъ блѣднѣетъ)
(Схвативъ) злодѣй (его) трепещетъ —

---

* Въ текстѣ, по недосмотру, осталась опечатка: «кроишься» вм. «кроешься».

lib.pushkinskijdom.ru

(Нигдѣ, нигдѣ неизбѣжитъ)
Вездѣ его найдетъ нежданный* твой ударъ —
На стогнахъ Въ семьѣ
шатрами
(Въ театрахъ, пр. . .) подъ (замками)
На . . . . . .
(На сушѣ, на водахъ), стогнахъ
За потаенными замками
(сна) въ семьѣ родной
На ложе нѣгъ*, (въ толпѣ глухой)
л. 46. (О)
(Твой взоръ)
(Во прахѣ Римъ) — (сенатъ)
(полу-богъ) (Державн Кесарь)
(Сенатъ и Римъ упалъ) (душой)
(Онъ) (*нерзб.*) Надъ міромъ
(Уногъ фортуны)
(Вѣнца) (Вѣнчанный)
(У ногъ фортуны) (начинаетъ)
Сенатъ и Римъ
(У ногъ фортуны горделивой)
Воздвигся Брутъ волнолюбивый
(Гдѣ)
(Кинжалъ)
(кровь) (кровь)
(Ты палъ)
Подъ Кесаремъ шумитъ завѣтный Руб
(и слезъ)
(и кровь)
(кровью воду)
Кинжалъ ты кровь излилъ —
(Кинжалъ)
и мертвъ объемлетъ онъ

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

Помпея мраморъ горделивый*
Зевса молчитъ дремлетъ
Гдѣ громъ (Зев) — (Гдѣ) мечь закона
Тамъ ты, свершитель надеждъ —
Таишься подъ сѣнью трона
блескомъ
Подъ (златомъ) праздничнымъ* одеждъ —
л. 64. (Презрѣнный) (Мужъ)
грозный
(Мятежная толпа) подъемлетъ крикъ
(Во имя Вольности) (презрѣнный Царь) возникъ
безчестный
(кичится) (славой)
(Маратъ) возникъ надъ
(Надъ Гильотиною кровавой)
(Кто возсѣлъ надъ плахой Гильотины)
ѣ
На (дъ) труп(омъ) Вольности безглавой
(Вокругъ)
(Все тихо какъ гробы) — (слышитъ)
Марата
Щитаетъ жертвы онъ —
(Ты) Не дремлешь ты св
(Но дѣва) (Но дѣва славная) (тебя коснулась)
возстала Эвм
(И палъ Маратъ) (и палъ)

По свидѣтельству самого Пушкина, „Кинжалъ“ написанъ въ 1821 г. (списокъ стихотвореній этого года въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, л. 53) — и, по всей вѣроятности, лѣтомъ, такъ какъ среди произведеній этого времени въ рукописи Музея № 2365, л. 46, на той самой страницѣ, гдѣ набросана программа *Братьевъ Разбойниковъ* и поэмы изъ русской исторіи, дважды нарисованъ

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

профиль Марата, съ головой, повязанной платкомъ и съ подписью „Marat“, а рядомъ съ нимъ — профиль длиннокудраго юноши, съ подписью „Sand“ (*Русская Старина* 1884, томъ 42, стр. 100, 103). На л. 64 записной книжки есть помѣта: „22 іюня“; но нельзя съ увѣренностью сказать, что она относится именно къ настоящему стихотворенію. Графъ Д. Н. Блудовъ разсказывалъ П. И. Бартеневу, что Пушкинъ „прислалъ Карамзину не раньше 1821 г., изъ Бессарабіи, безъ подписи, стихи свои *Кинжалъ*. У Карамзиныхъ тотчасъ догадались, кто авторъ“... (*Русскій Архивъ* 1866, ст. 1099). Эти стихи явились выраженіемъ того „вольнолюбиваго“ настроенія, какое переживалъ поэтъ въ пору своей юности, по выходѣ изъ Лицея, и которымъ былъ внушенъ цѣлый рядъ произведеній 1819 — 1821 гг. (см. настоящаго изданія томъ II, стр. 303 — 305). Въ пору революціонныхъ движеній въ Италіи и Испаніи, въ пору зарожденія борьбы грековъ за независимость, — борьбы, которая такъ воспламенила „властителя думъ“ тогдашней молодежи, Байрона, наконецъ, — въ пору восторженныхъ бесѣдъ будущихъ декабристовъ о „свободѣ“, которая должна была, подобно миѳической Астреѣ, слетѣть съ неба и водворить на землѣ золотой вѣкъ, негодованіе на „тирановъ“ являлось однимъ изъ общихъ мѣстъ, и прославленіе Брута, Шарлоты Кордэ и Занда вполнѣ отвѣчало тогдашнимъ либеральнымъ вѣяніямъ. Тюбингенскій студентъ Карлъ-Людвигъ Зандъ (1795—1820), увлекаясь господствовавшими въ средѣ тогдашней молодежи политическими идеями, убилъ въ Мангеймѣ, 23 марта 1819 г., состоявшаго при русскомъ посольствѣ извѣстнаго писателя Августа Коцебу (1761 — 1819), который своими постоянными издѣвательствами надъ „академической свободой“ навлекъ на себя подозрѣніе въ томъ, что путемъ доносовъ враждебно настраиваетъ нѣмецкихъ государей и

lib.pushkinskijdom.ru

русское правительство противъ нѣмецкой молодежи. Зандъ былъ преданъ суду и казненъ 26 мая 1820 г. Еще ранѣе убійства Коцебу нѣкоторыя его сочиненія подверглись торжественному сожженію на извѣстномъ Вартбургскомъ праздникѣ нѣмецкихъ студентовъ. Пушкинъ восторгался „подвигомъ“ Занда, точно такъ же, какъ и дѣяніемъ фанатика Пьера Лувеля (1783—1820), который, рѣшивъ „искоренить“ родъ Бурбоновъ, какъ враговъ Франціи, убилъ 13 февраля 1820 г. герцога Шарля Беррійскаго (1778 — 1820), второго сына графа д'Артуа и отца извѣстнаго впослѣдствіи претендента на французскій престолъ графа Шамбора. Четыре года спустя, когда это настроеніе было уже пережито Пушкинымъ, и онъ сталъ искать примиренія съ правительствомъ, онъ писалъ Жуковскому (въ концѣ мая или началѣ іюня 1825 г.): „Вяземскій пишетъ мнѣ что друзья мои въ отношеніи Властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я обѣщалъ Н. М. (Карамзину) два года ничего не писать противу Правительства и не писалъ. *Кинжалъ* не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь же все это мнѣ надоѣло...“ (Переписка, томъ I, стр. 222).

В. Д. Спасовичъ, въ *Вѣстникѣ Европы* 1888, № 3, стр. 61, указалъ на близость нѣкоторыхъ стиховъ *Кинжала* къ одѣ А. Шенье: „A Charlotte Corday“ (у Пушкина—„дѣва Эвменида“):

Et des choeurs sur ta tombe, en une sainte ivresse,
Chanteraient Némésis, la tardive déesse,
Qui frappe le méchant sur son trône endormi.

. . . . . .

O Vertu! Le poignard, seul espoir de la terre,
Est ton arme sacrée, alors que le tonnerre
Laisse venger le crime et le rend à ses lois.

lib.pushkinskijdom.ru

Это стихотвореніе — одинъ изъ „смѣлыхъ гимновъ возвышеннаго галла“, конечно, было извѣстно Пушкину.

XLI.

НЕ ТѢМЪ ГОРЖУСЬ Я, МОЙ ПѢВЕЦЪ.

(Стр. 64).

Печатается по записной книжкѣ 1820 — 1821 гг., находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (лл. 48 — 49). Впервые напечатано въ изданіи Литературнаго Фонда, томъ I, стр. 264.

Рукопись представляетъ весьма исчерканный и трудно разбираемый черновикъ. Приводимъ его въ полномъ видѣ:

Не тѣмъ горжусь я мой пѣвецъ
(Что звуковъ)
(Узналъ) Что (звукъ) (мой стихъ)
Что (возбуждать) умѣлъ стихами
(Владѣлъ доступн)
(Волненье) (Смятенье)
быстрыя
(Вниманье) (Движенья томныя сердецъ)
(Волненье пламенныхъ)
Играя
(Владѣя) смѣхомъ и слезами
горжусь
Не тѣмъ что иногда
коварные
Мои (небрежные) напѣвы
Смиряли въ мысляхъ юной
(Вливали нѣгу) (въ сердце) (милой) дѣвы
Волненье страха
(Порывы тайнаго) стыда
Не тѣмъ что мой *нрзб.*)

lib.pushkinskijdom.ru

(Казнилъ презрѣннаго злодѣя)
у а
Не тѣмъ что (на) столб(ѣ) сатиры
Развратъ и злобу я казнилъ
что грозящій голосъ
И (звукъ) (моей) лиры
Тирана
(Безумье)
(Неправду) въ ужасъ приводилъ
Не* тѣмъ* что пылкимъ (дерзновеньемъ) (вдохнов)
(жизнію суровой)
И бурной* ью
(Мятежной) (юности моей)
стр (жаждой) воли
И (страстью) (правды) и гоненьемъ
Я сталъ извѣстенъ межъ людей
(Нѣтъ нѣтъ) (не суетной награды)
высшая
(Нѣтъ нѣтъ) (высокая награда)
(Судьбою)
Была мнѣ Рокомъ суждена —
награда*
Иная, (высшая) (отрада)
Была мнѣ рокомъ суждена
(Отнынѣ) мой (пѣвецъ)
(Отнынѣ)
(и духъ мой)
(И да) Мнѣ будетъ слава и отрада
(слава)
(До гроба) (щастье) (отнынѣ)
(Самолюбивыхъ думъ отрада!)
(Мечтанья суетнаго) сна!...

Набросокъ остался совершенно неотдѣланнымъ. Впослѣдствіи Пушкинъ взялъ изъ него четыре стиха въ „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ (стр. 226):

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

Мои слова, мои напѣвы
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда.

XLII.

ВЕЧЕРНЯ ОТОШЛА ДАВНО.

(Стр. 65).

По записной книжкѣ 1820 — 1821 гг., находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (лл. 51 об. — 52) впервые напечатано П. О. Морозовымъ въ изданіи 1903 г., томъ I, стр. 306 — 307. Повторено, въ нѣсколько иной редакціи, С. А. Венгеровымъ въ изданіи 1908 г., томъ II, стр. 81.

Исчерканный и трудно разбираемый текстъ представляетъ слѣдующіе *первоначальные* варіанты:

Стихи 1-й — 3-й: *Вечерня отошла давно,*
По м
(Но въ) келья(х)ъ тихо и темно;
Монахи спятъ. Игуменъ строгой

Стихъ 4-й: И *тихо голову* склонилъ
„ 7-й: Но *въ* церкви дверь отворена
„ 8-й: *Печально теплятся* лампады
„ 11-й: И *позлащенные* оклады
„ 21-й: *Злодѣя* исповѣдь *ужасна*
„ 23-й: Тому, кто *злобой* пламенѣя
„ 26-й: Молись! *разкайся!* время, время
„ 27-й: Я разрѣшу тебя — *смирись*

Послѣднее слово въ стихѣ 16-мъ: „монахъ“ и риѳма къ нему въ стихѣ 18-мъ: „мертвецъ“ заставляютъ предполагать, что *монахъ* — описка, вмѣсто *чернецъ*.

lib.pushkinskijdom.ru

Повидимому, набросокъ этотъ представляетъ начало какой-то поэмы,—можетъ быть, въ родѣ *Чернеца* Козлова. Двумя стихами изъ этого оставленнаго черновика Пушкинъ воспользовался въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ* (стр. 175, ст. 551 — 555):

Безумецъ! *полно, перестань,*
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись!

Стихи эти при жизни Пушкина не печатались.

XLIII.

НАПЕРСНИЦА МОИХЪ СЕРДЕЧНЫХЪ ДУМЪ.

(Стр. 67).

По той же записной книжкѣ, что и предыдущій отрывокъ (л. 56 об.), напечатано впервые П. О. Морозовымъ (I, 306) и повторено С. А. Венгеровымъ (II, 81).

Рукопись представляетъ слѣдующіе *первоначальные* варіанты:

Стихъ 3-й: *Утѣшить могъ* (Не въ первый разъ) страстей порывъ мятежный

„ 4-й: И *утѣшалъ порою мрачный* умъ.

Обращеніе къ лирѣ, какъ „напершицѣ“, напоминаетъ начало II-й строфы въ стихотвореніи 1816 г. „Уныніе“ (см. томъ I, стр. 209), которое не было напечатано Пушкинымъ:

И ты со мной, о лира, пріуныла,
Наперсница души моей больной, и пр.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XLIV.

К. Г — СО МНОЮ НЕЗНАКОМЪ.

(Стр. 68).

По той же записной книжкѣ (л. 59 об.) напечатано П. О. Морозовымъ въ изданіи Литературнаго Фонда, томъ I, стр. 263, и повторено, въ исправленномъ видѣ, въ изданіи 1903 г., томъ I, стр. 305. Отсюда перешло въ изданіе Брокгаузъ-Ефрона, томъ II, стр. 78. Здѣсь печатается въ болѣе правильномъ и полномъ чтеніи.

Приводимъ текстъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится въ рукописи:

К. Г — со мною незнак (давно) я (вовсе, незнаком)
Я не (видалъ) (люблю) * такой негодной смѣси;
(Мишурный князь,) (составъ) видалъ
(Въ) Составленъ онъ изъ (глупости) подлости и спѣси
Но (глупости) подлости побольше спѣси въ н
(Онъ въ полѣ брани) Въ сраженьи трусъ — (на улицѣ бурлакъ) въ трахтирѣ онъ бурл
Въ передней онъ подлецъ, въ гостиной онъ дуракъ (трусъ)

Повидимому, эта рѣзкая эпиграмма направлена противъ какого-то князя, — быть можетъ, молдаванскаго, которыхъ много было въ ту пору въ Кишиневѣ. Въ первоначальной редакціи эпиграммы: „Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный“ упоминается также „мой князь, мой шутъ нарядный“, полный „глупости большой“; можетъ быть, — одно лицо съ „мишурнымъ княземъ“ Г —.

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

XLV.

НАПОЛЕОНЪ.

(Стр. 69).

Автографы этого стихотворенія находятся въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея № 2365, лл. 62 — 65 об., — въ видѣ чернового наброска безъ заглавія и съ эпиграфомъ: „Ingrata patria“, и № 2367, лл. 20 — 22 об., — въ перебѣленномъ видѣ, но съ новыми поправками и подъ заглавіемъ: „На смерть Наполеона“. Кромѣ того, строфы 4-я, 5-я, 6-я и 15-я были сообщены Пушкинымъ А. И. Тургеневу въ письмѣ изъ Одессы, 1 декабря 1823 г. (Переписка, томъ I, стр. 90), автографъ котораго также сохранился. — Стихотвореніе напечатано въ изданіи 1826 г., стр. 91 — 95, и въ изданіи 1829 г., часть I, стр. 118—124, — съ пропускомъ строфъ 4-й, 5-й, 6-й и 8-й и стиха 3-го строфы 10-й. Добавленія сдѣланы въ изданіи Анненкова, томъ II, стр. 316 (пропущенный стихъ въ строфѣ 10-й) и томъ VII, стр. 57 и 58 (первые 6 стиховъ строфы 5-й и цѣликомъ строфы 6-я и 8-я), въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858, № 11, стр. 349 (первые 4 стиха строфы 4-й и 2 послѣдніе стиха строфы 6-й) и въ изданіи 1870 г. (еще 3 стиха строфы 4-й); полный текстъ впервые напечатанъ П. А. Ефремовымъ въ изданіи 1880 г., томъ I, стр. 371 — 375 (см. также *Русскую Старину* 1880, т. 27, стр. 541 — 542).

Въ музейной рукописи № 2365 черновой текстъ стихотворенія сопровождается *программой:* „Народы спрашиваютъ: тотъ ли, который — Гдѣ онъ — Угасъ тотъ, который то и то — и Россію... Но да не упрекнетъ его Рускій... Россія спасена — бѣдная Франція въ униженіи — онъ объ ней мыслилъ — остр. Ел. * — тамъ онъ

* Островъ Елены.

lib.pushkinskijdom.ru

думалъ объ Россіи". Однако, какъ замѣтилъ уже Л. Н. Майковъ („Матеріалы", стр. 115), черновой текстъ, идущій рядомъ съ этой программой и весь покрытый помарками, не вполнѣ ей соотвѣтствуетъ и по своему плану ближе подходитъ къ окончательной редакціи стихотворенія. Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что этотъ текстъ сохранился не вполнѣ: изъ тетради, въ которой онъ находится, вырванъ листъ, содержавшій въ себѣ (вѣроятно) наброски строфъ 3-й и 4-й. Вообще, изъ этого черновика, гдѣ многіе стихи недописаны или повторяются въ новой формѣ, можно выдѣлить въ первоначальномъ видѣ только отдѣльныя строфы, а не все стихотвореніе. Приводимъ этотъ текстъ, въ порядкѣ листовъ рукописи, полностью, такъ какъ онъ даетъ возможность прослѣдить ходъ и постепенныя измѣненія мыслей поэта.

л. 62.
Томясь въ угрюмомъ
(въ своемъ) (уныломъ) заточенье
(Ты въ день страда)
Ты жаждалъ
(Ты Франціи своей) Франціи своей
И слышу (*такъ!*) смерти приближенье
(жаркой) къ
(Къ ней) думой (улетѣлъ)
Летѣлъ послѣдней думой къ ней
(Ея) Судьба страны гдѣ

л. 62 об.
Чудесный жребій совершился
великой
Угасъ (чудесный) человѣкъ
(Молва летитъ)
пустынѣ мрачной
Въ (молчаньи мрачномъ) закатился
Наполеоновъ грозной* вѣкъ.
(Молва проснулась)
(Молва гремитъ и отлетаетъ)

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

(Молва проснулась — снова міръ)
(Наполненъ именемъ злодѣя)
(И ей внимаетъ міръ)
губитель
(преступникъ) осужденный
Изчезъ (Властитель) (незабвенный)
Могучій баловень (сынъ) побѣдъ
страшилища
И для (изгнанника) вселенной
Уже настаетъ
Потомство (мудрое встаетъ)
(Съ тобою ненависть уснула)
(Се примиренная) Великолѣпная могила!
урной укрытъ
Надъ (гробомъ) гдѣ твой прахъ (лежитъ)
Народовъ почила
(Съ тобою) ненависть (уснула)
свѣтъ безсмертія блеститъ
И (славы яркой лучь) горитъ.
надеждахъ благородныхъ
л. 63. Въ своихъ (высокихъ помышленьяхъ)
Ты человѣчество презрѣлъ —
(И свѣточь разума горѣлъ)
Въ свое губительное щастье
(Ты вѣрилъ) (славѣ)
Въ свое торжественное щастье
(Ты вѣрить) *(нерзб.)* дерзнулъ
(Тебя плѣнило) самовластье —
И къ трону руку протянулъ
(нерзб.) (въ сраженьяхъ) (свой)
Во браняхъ (Ты предвидѣлъ твой удѣлъ)
Въ шумѣ битвъ (средь бурь) народныхъ
(Когда)
Тебя плѣнило самовл
(Ужъ голосъ разума гремѣлъ)
Тогда (въ) средь шума бурь
(Среди шатровъ, средь) бурь
(Уже провидя свой удѣлъ)

lib.pushkinskijdom.ru

(Презрѣлъ и)
Желанья смѣлыя внезапно
(взоръ)
л. 63 об. (Но тщетно жадный тронъ возводишь)
(На выс...)
(Свершилось ты на тронъ восходишь)
(И *нрзб.)* обновленнаго
(Свершилось —) гордаго народа
(Ты зиждишь)
(И) (и воздвигая)
ность
Ты буй(ство) юн смирилъ
Едва вост (И востающая) (Забыта юная)
(Отъ сна возставшая) свобода
(Лишилась) Вдругъ онѣмѣвъ лишилась силъ
Прославилъ Галловъ униженье
(Средь упоеннаго народа)
(Ихъ)
(Ты) цѣпи лаврами обвилъ
(Среди людей) до упоенья (и безумства)
(Среди упоеннаго народа)
Средь рабовъ...
жажду
Ты (славу) власти утолилъ
Въ побѣдахъ
(въ бояхъ)
Къ боямъ помчалъ ихъ ополченья
Страна свой (И Франція) добыча славы
устремила взоръ
(Забывъ преданья величавы)
(Любила блещущій позоръ)
Европа гибла — (и Россія)
(Склоняла гордую главу)
(Порабощенную)
звалъ мечи на пиръ
л. 64. Ты .... (жертвою обильной)
(Мечамъ готовя пиръ обильный)

lib.pushkinskijdom.ru

Европа гибла — сонъ могильной
Носился* надъ ея главой
Европа гибла предъ тобой
дремотой
(Все стало тѣнью гробовой)
Сбылось — въ величіи
Тилзитъ... при звукѣ семъ...
(теперь мы не краснѣя)
(Произнесемъ постыдный звукъ)
надменнаго
Тилзитъ (могущаго) Героя
Послѣдней (ща) славою вѣнчалъ
Улыбкой
(гдѣ) (гдѣ сила) (гдѣ ея защита)
Сбылось!*
Ступилъ
(Неколебимо) на грудь ея колоссъ
(вознесся такъ)
Но скучный міръ, но хладъ покоя
Щастливца
(Безумца) душу возмущалъ
Идетъ на Русь — —
На Русь племенъ
л. 64 об. (Идетъ на Русь) — возстань, Царица —
(Возставъ идетъ! возстань Россія) —
прежнія
Вспомни (древнія) права!
Померкни солнце Австерлица
Пылай великая Москва!
Настали времена другія
Изчезни — краткій нашъ позоръ:
Въ Москвѣ не Царь
(Вражда, вражда)
Война по гробъ! нашъ дог[оворъ]!

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

(Губитель)
(Щастливецъ)
(Безумецъ!) — Кто* тебя* подвигнулъ*
(И ты съ Кремля)
дивный
(грозный)
Кто убуялъ *(такъ!)* твой (гордый) умъ —
Какъ (Н) (Ты сердца русскихъ непост)
Ты съ высоты надменныхъ думъ
Кремля
Не понялъ ты (Москвы) пожара
Ты въ ослѣпленіи мечталъ
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара!..
И поздно рускихъ разгадалъ.
Оцѣпенѣлыми
(Оцѣпенѣвъ схватилъ) руками
(Самодержавную главу)
Схвативъ невѣрный свой вѣнецъ
бездну видишь
Ты (гибель зришь) предъ очами
Губитель!
(И самъ) гибнешь наконецъ
ополченья
Бѣгутъ безстрашныхъ (легіоны)
л. 65. (Падутъ) (ужасныя) (дружины)
(И хладъ) (и мечь и хладъ вездѣ)
Падутъ на чуждые брега
возгласили ихъ паденье
И (возглашаютъ намъ спасенье)
(Скрывая) Окровавленные снѣга!...
И таетъ

И ты съ лица земли сокрылся
(Ты) (Онъ палъ)
(Онъ палъ — и въ слѣдъ ему народовъ)
(Гремятъ) и раздалися

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

И возгремѣли надъ тобою
(Во слѣдъ) (проклятія во слѣдъ)
(И раздалися надъ тобою)
племенъ
Проклятія земныхъ (племенъ)—
(Ты палъ — возторгомъ)
возмутилось
Все (пробудилось), возшумѣло
(Узрѣвъ....твоихъ знаменъ)
Европа свой разторгла плѣнъ —
Какъ громъ небесный
(И надъ тобою) загремѣло
(Проклятіе) (Но) (Ты палъ)—
Рука великой Немезиды
(Разбила гордый истуканъ)
Простерлась — (трепещи) тиранъ
Онъ
(Ты) палъ — умолкни гласъ укора
Лежитъ во прахѣ
(Великъ и падшій) Великанъ
л. 65 об. (Не руской лиры звукъ свободной)
Да будетъ онъ казненъ позоромъ
Тотъ малодушный (кто) въ сей день
Твою развѣнчанную тѣнь
Безумнымъ (Ревнивымъ)
(Ужаснымъ) возмутитъ укоромъ
Хвала! Ты рускому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Съ утесовъ Эльбы завѣ
А ты

Въ рукописи № 2367 стихотвореніе уже значительно болѣе отдѣлано, и для большей части строфъ могутъ быть указаны только отдѣльные варіанты, отброшенные при окончательной обработкѣ пьесы:

lib.pushkinskijdom.ru

Строфа 1-я:

Ст. 3-й: Въ *пустынѣ дальной* закатился

Строфа 3-я:

Ст. 2-й: Надъ *обезчещенной* землей

„ 4-й: При громахъ *власти* роковой

„ 6-й: *Войны* шумѣли знамена

Строфа 4-я:

Ст. 8-й: Свободы *свѣтлой* день вставалъ

Строфа 6-я:

Ст. 3-й: *Едва воскресшая* свобода

Строфа 8-я:

Ст. 1-й: *И се!* Въ величіи постыдномъ

Эти слова поставлены вмѣсто зачеркнутаго: *Сбылось!* но въ окончательной редакціи это послѣднее слово опять возстановлено.

Строфы 9-я и 10-я сначала были написаны въ обратномъ порядкѣ, но затѣмъ перемѣчены цифрами для перестановки.

Строфа 9-я:

Ст. 1-й: *Губитель!* кто тебя подвигнулъ?

Стт. 4-й—7-й: Ты съ высоты *надменныхъ* думъ
(Не предузнавъ Москвы)
Въ чаду Кремлевскаго пожара
Ты позабылся, возмечталъ

Строфа 10-я:

Ст. 1-й: *На Русь!* . . . *Возстань, племенъ* Царица!

Строфа 11-я:

Стт. 3-й—5-й: *Ты* бездну *видишь* предъ очами
Губитель гибнетъ наконецъ.
Бѣжитъ Европы *ополченье!*

Строфа 12-я:

Все пробудилось, закипѣло;
Европа свой разторгла плѣнъ;
Какъ громъ ужасный загремѣло

lib.pushkinskijdom.ru

Проклятіе *земныхъ* племенъ.
Рука великой Немезиды
Простерлась... Трепещи, тиранъ!
Омыты кровью ихъ обиды,
Во прахъ низвергнутъ великанъ.

Строфы 13-я и 14-я находятся въ рукописи послѣ заключительной строфы, потому что онѣ были написаны вновь при окончательной отдѣлкѣ стихотворенія.

Строфа 13-я:

Онъ искупилъ свои стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Мученьемъ тяжкаго изгнанья
Подъ сѣнью *душной тъхъ* небесъ.
И нынѣ островъ заточенья
Полнощный *путникъ* * посѣтитъ
И *тихо* слово примиренья
(томъ онъ)
На *грозномъ* камнѣ начертитъ.

Строфа 14-я:

Ст. 8-й: *Съ улыбкой грусти* думалъ онъ.

Строфа 15-я:

(Съ своихъ утесовъ)
Ст. 8-й: *Со скалъ Елены* завѣщалъ.

Вѣсть о смерти Наполеона, послѣдовавшей 23 апрѣля (5 мая) 1821 г., дошла до Пушкина только черезъ три мѣсяца: въ той же тетради Румянцовскаго Музея № 2365, въ которой находится первый черновой набросокъ стихотворенія (л. 45 об.), записано: „18 juillet 1821 nouvelle de la mort de Napoléon. Bal chez l'archevêque arménien 1821.“— „Намъ теперь трудно составить понятіе, какъ поразительна была эта вѣсть для тогдашнихъ людей“, говоритъ П. И. Бартеневъ („Пушкинъ въ южной Россіи“, *Русскій*

* На полѣ противъ этого стиха написано и зачеркнуто: Руской.

lib.pushkinskijdom.ru

Архивъ 1866, ст. 1152—1153). „Цѣлая эпоха, цѣлый міръ событій и воспоминаній сосредоточивались и олицетворялись въ одномъ этомъ человѣкѣ, который и въ далекой ссылкѣ, съ своего острова, продолжалъ занимать современниковъ своими отзывами и мнѣніями. Люди все еще прислушивались къ голосу великаго властелина. При немъ все необыкновенное казалось возможнымъ... Роковое значеніе Наполеона въ судьбахъ нашего отечества еще сильнѣе приковало къ нему вниманіе лучшихъ русскихъ людей. Пушкинъ привыкъ съ дѣтства останавливать свои думы на немъ... Теперь, когда не стало этого властителя его думъ, онъ соединилъ въ одномъ произведеніи все, что накопилось въ теченіе лѣтъ отъ размышленій и отъ разнообразнаго чтенія о Наполеонѣ. Стихи: „Чудесный жребій совершился“ по внѣшнимъ пріемамъ вышли чѣмъ-то вродѣ оды. Что касается внутренняго содержанія, то можно смѣло утверждать, что нигдѣ въ Европѣ, ни тогда, ни долго послѣ, не было сказано о Наполеонѣ ничего лучшаго и благороднѣйшаго. Надо припомнить, что Пушкину въ этомъ случаѣ предстояла особенная трудность. Кто не писалъ о Наполеонѣ, кто не клялъ его памяти? Можно собрать цѣлые томы русскихъ стихотвореній о немъ,—и Пушкину пришлось писать на эту, повидимому, избитую тему. Надо было или вовсе не приниматься, или создать что-нибудь особенное...“

Дѣйствительно, Наполеону посвящалось у насъ, особенно со времени Отечественной войны, много ругательныхъ стиховъ, и *Сынъ Отечества* еще въ 1814 г. иронически совѣтовалъ наказать „изверга“ неслыханно-лютымъ образомъ: „На Эльбѣ виршами до смерти зачитайте, — ручаюсь, съ двухъ стиховъ у васъ зачахнетъ онъ“ (Соч. Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, томъ II, стр. 574). Самъ Пушкинъ, въ лицейскую пору, поддаваясь общему настроенію, „казнилъ“ Наполеона риторическими сти-

lib.pushkinskijdom.ru

хами, которые впослѣдствіи казались Бѣлинскому „забавно дѣтскими“ („Наполеонъ на Эльбѣ“, см. томъ I, стр. 104). Здѣсь поэтъ заставлялъ Наполеона „свирѣпо прошептать“ разныя ругательства на самого себя, превозносить своихъ враговъ, „а о себѣ самомъ отзываться какъ объ ужасномъ mauvais sujet“ (Сочиненія В. Бѣлинскаго, часть VIII, изд. 2-е, М. 1865, стр. 321). Такими же чертами рисуется „хищникъ“, „губитель“, „злодѣй“ Наполеонъ и въ другихъ произведеніяхъ нашего поэта 1815—1816 гг. („Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, „На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа“, „Къ принцу Оранскому“, „Бова“). „Чему удивляться“, говоритъ Бѣлинскій, „что 16-лѣтній мальчикъ такъ смотрѣлъ на Наполеона въ то время, какъ на него такъ же точно смотрѣли и престарѣлые и возмужавшіе поэты! Гораздо удивительнѣе, что этотъ мальчикъ, черезъ пять лѣтъ послѣ того, сказалъ о Наполеонѣ:

Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучь безсмертія горитъ.
. . . . . .
Да будетъ омраченъ позоромъ, и пр.

„Эти стихи, и особенно этотъ взглядъ на Наполеона, какъ освѣжительная гроза раздались въ 1821 году надъ полемъ русской литературы, заросшимъ сорными травами общихъ мѣстъ, и многіе поэты, престарѣлые и возмужалые, прислушивались къ нему съ удивленіемъ, поднявъ встревоженныя головы вверхъ, словно гуси на громъ“ (тамъ-же, стр. 322).

Первые наброски „Наполеона“, находящіеся въ музейной рукописи № 2365, написаны, судя по мѣсту, занимаемому ими въ этой тетради, въ концѣ сентября или въ октябрѣ 1821 г., и потому стихотвореніе правильнѣе было

lib.pushkinskijdom.ru

бы помѣстить не передъ слѣдующими за нимъ двумя элегіями, написанными въ августѣ, а послѣ нихъ. Въ первоначальной редакціи еще обильно разсѣяны укоризненные эпитеты: „губитель“, „преступникъ“, „страшилище вселенной“, „безумецъ“ и пр., такъ часто повторявшіеся въ произведеніяхъ русскихъ стихотворцевъ 10-хъ годовъ минувшаго вѣка; но тутъ же внесены уже и смягчающія поправки: „страшилище“ замѣнено „изгнанникомъ“; „гордый“, „грозный“ умъ обратился въ „дивный“; наконецъ, укоръ развѣнчанной тѣни объявляется „безумнымъ“ малодушіемъ:

Онъ палъ, — умолкни, гласъ укора!
Великъ и падшій великанъ.

Съ каждой новой строфой, съ каждой новой поправкой риторическое осужденіе уступаетъ мѣсто примиренію, — и въ окончательной редакціи изъ всѣхъ порицательныхъ выраженій остаются только „надменный“ и „тиранъ“ да указаніе на презрѣніе Наполеона къ человѣчеству. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что въ этой послѣдней мысли Пушкинъ сошелся съ Байрономъ, который въ своемъ дневникѣ, подъ 18 февраля 1814 г., говоритъ о Наполеонѣ: „How should he, who knows mankind well, do other than despise and abhor them?“ (The Life, Letters and Journals of Lord Byron, by Thomas Moore, Lond. 1901, p. 227). Можетъ быть, на примирительное настроеніе Пушкина въ отношеніи къ развѣнчанному герою, погибшему въ изгнаніи, до нѣкоторой степени повліяли стихи Жуковскаго, пѣтые на празднествѣ англійскаго посла лорда Каткарта, въ присутствіи Государя Императора Александра Павловича, 28 марта 1816 г., въ годовщину отреченія Наполеона отъ престола („Сей день есть день суда и мщенья“). По крайней мѣрѣ, Пушкинъ хорошо зналъ и помнилъ эти стихи и по памяти записалъ

lib.pushkinskijdom.ru

нѣсколько строфъ изъ нихъ въ одной изъ своихъ тетрадей (Румянцовскаго Музея № 2370, л. 8). Здѣсь, между прочимъ, читаемъ:

Гдѣ тотъ, предъ кѣмъ гроза не смѣла
Валовъ покорныхъ воздымать,
Когда ладья его летѣла
Съ фортуной къ берегу пристать?
. . . . . .
И гдѣ онъ? Міръ его не знаетъ,
Забытъ разбитый истуканъ,
Лишь предъ изгнанникомъ зіяетъ
Неумолимый океанъ.
И все, что рушилъ онъ, природа
Уже красою облекла,
И по слѣдамъ его свобода
Съ дарами жизни протекла, и проч.

Послѣдняя строфа напоминаетъ послѣдніе стихи пушкинской оды. 12 ноября 1821 г. Ек. Ник. Орлова (урожденная Раевская), въ домѣ которой Пушкинъ бывалъ чуть ли не ежедневнымъ гостемъ, писала своему брату Александру: „Пушкинъ... только что кончилъ *оду на Наполеона,* которая, по моему скромному мнѣнію, хороша, — сколько я могу судить, слышавъ ее частью одинъ разъ". — „Его теперешній конекъ", читаемъ въ ея же письмѣ отъ 23 ноября, — *„вѣчный миръ аббата Сенъ-Пьера.* Онъ убѣжденъ, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворятъ вѣчный и всеобщій миръ"... (*Былое* 1906, октябрь, стр. 308). Можетъ быть, поэтъ думалъ, что человѣчество, утомленное безконечными войнами, теперь, когда главный ихъ виновникъ сошелъ въ могилу, рѣшитъ отказаться отъ дальнѣйшаго кровопролитія, — и именно въ этомъ смыслѣ понималъ и завѣтъ „вѣчной свободы", данный Наполеономъ „изъ мрака ссылки", и

lib.pushkinskijdom.ru

„высокій жребій“, указанный имъ русскому народу, — содѣйствовать упроченію мира... „Этотъ стихъ Пушкина“, говоритъ В. Я. Стоюнинъ (Историческія сочиненія Часть II. Пушкинъ. Спб. 1881, стр. 143), „можно назвать истинно вдохновеннымъ, и вылился онъ прямо изъ русской души, неспособной долго ненавидѣть за зло и склонной мириться съ человѣкомъ ради его несчастія, хотя бы и заслуженнаго“.

Послѣдняя обработка стихотворенія относится, вѣроятно, къ 1824—1825 гг. Въ 1823 г. поэтъ былъ еще не вполнѣ доволенъ своимъ произведеніемъ: „Вы желали видѣть оду на смерть N.“, писалъ онъ изъ Одессы, 1 декабря 1823 г., А. И. Тургеневу. „Она не хороша, вотъ вамъ самыя сносныя строфы“ (выписаны строфы 4-я, 5-я и 6-я, см. Переписку, томъ I, стр. 90). Выписавъ, затѣмъ, заключительную строфу, Пушкинъ прибавляетъ: „Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ* 1821 года — впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ“... Подготовляя къ печати изданіе своихъ стихотвореній 1826 г., поэтъ, между прочимъ, писалъ брату (въ началѣ апрѣля 1825 г.): „Богатая мысль — напечатать *Наполеона,* да Цензура... Лучшія строфы потонутъ“. Онъ, однако, на это рѣшился, — и его предсказаніе оправдалось: именно тѣ строфы, которыя онъ признавалъ „самыми сносными“, и не появились въ печати. Такимъ образомъ, современная Пушкину критика лишена была возможности оцѣнить произведеніе поэта во всей его полнотѣ. Тѣмъ не менѣе, основная его мысль была понята и усвоена въ тогдашней литературѣ. „Можетъ быть“, писалъ, напримѣръ, Н. А. Полевой въ своемъ разборѣ *Бориса Годунова* (*Московскій Телеграфъ* 1833, ч. 49, №№ 1 и 2), „не всякій понялъ то высокое благородство, съ какимъ

* Конечно—ошибка: слѣдовало сказать «въ концѣ 1821 г.».

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкинъ привѣтствовалъ тѣнь Наполеона. Еще до сихъ поръ на могилѣ великаго человѣка раздаются вопли близорукаго мщенія; мнимое усердіе къ Отечеству до сихъ поръ бросаетъ еще грязью въ незыблемый истуканъ безсмертнаго; до сихъ поръ, и въ стихахъ, и въ прозѣ, и въ Исторіи, и въ мнимо-патріотическихъ Романахъ, Наполеона представляютъ намъ какимъ-то Пугачевымъ, или много-много, если Тамерланомъ и Аттилою. А Пушкинъ, въ самыя минуты Наполеоновой кончины, смѣло говорилъ ему, угадывая голосъ потомства и безсмертіе Наполеона:

Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!...

„Поэтъ задумчиво сливаетъ потомъ съ памятью Байрона память Наполеона, летитъ мыслію на дикую скалу среди пустынь моря, къ одному предмету, могущему поразить душу, — гробницѣ славы, гдѣ въ мрачный сонъ погрузились величавыя воспоминанія, гдѣ угасалъ и почилъ среди мученій Наполеонъ...“

Нѣмецкій критикъ Фарнгагенъ фонъ-Энзе, въ статьѣ о Пушкинѣ, помѣщенной въ берлинскомъ журналѣ „Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik“ и тогда же переведенной въ *Сынъ Отечества* (1839, т. VII), говоритъ, что „стихотвореніе Пушкина на смерть Наполеона есть одно изъ самыхъ высокихъ и полныхъ содержанія, которыя только были посвящены сему предмету, воспѣтому поэтами всѣхъ народовъ. Онъ представляетъ величіе павшаго героя величественными чертами, называя его разорителемъ, не понимавшимъ свободы и народовъ и не узнавшимъ русскихъ; въ то же время не позволяетъ ни малѣйшаго порицанія противъ него, величественно искупившаго свои заблужденія, и, наконецъ, возглашаетъ ему славу и честь, какъ вызвавшему русскій народъ къ

lib.pushkinskijdom.ru

высшему развитію и изъ мрака заточенія завѣщавшему міру вѣчную свободу.“

Среди произведеній европейской литературы, вызванныхъ смертью Наполеона, первое мѣсто принадлежитъ знаменитой одѣ Алессандро *Манцони* (1785 — 1873) „Пятое мая“ (Il cinque Maggio), получившей громкую извѣстность, между прочимъ, благодаря превосходному переводу Гете, и прозванной „одою вѣка“ (l'ode del secolo). Пушкинъ, написавшій „Наполеона“ полугодомъ позже Манцони, конечно, не зналъ о существованіи его оды, которая въ то время была запрещена цензурой и явилась въ печати лишь нѣсколько лѣтъ спустя; тѣмъ не менѣе, въ мысляхъ обоихъ поэтовъ, навѣянныхъ однимъ и тѣмъ же событіемъ, есть извѣстное сходство, проявившееся въ отдѣльныхъ образахъ и даже выраженіяхъ. Такъ, напримѣръ, Манцони, подобно Пушкину, рисуетъ думы павшаго императора въ изгнаніи: „О, сколько разъ при нѣмомъ закатѣ празднаго дня, склонивъ молніеносные взоры, скрестивъ руки на груди, стоялъ онъ, и имъ овладѣвало воспоминаніе минувшихъ дней!...“ Точно такъ же, какъ и Пушкинъ, итальянскій поэтъ заключаетъ свою оду словомъ примиренія: „Да смолкнетъ предъ этимъ прахомъ всякое дерзкое слово! Богъ, возвышающій и низвергающій людей, посылающій имъ страданія и утѣшеніе, почилъ рядомъ съ нимъ на его пустынномъ смертномъ одрѣ!“

О „Наполеонѣ“ можно безъ всякихъ измѣненій повторить слова, сказанныя *Фр. де-Санктисомъ* о „Пятомъ мая“: „Каждыя нѣсколько строфъ по обширности перспективы представляютъ собою точно маленькій міръ... Здѣсь эпическими чертами, своеобразными обобщеніями, неожиданными сравненіями и образами удивительно кратко и сжато отчеканена, такъ сказать, жизнь великаго полководца. Онъ стоитъ предъ нами во весь ростъ, какъ

lib.pushkinskijdom.ru

въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и во внутренней жизни своей, въ своихъ несчастіяхъ, паденіи и смерти“ *. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы ода Пушкина въ свое время стала извѣстна Европѣ, она вызвала бы не менѣе восторженныя похвалы, чѣмъ ода Манцони, и, можетъ быть, еще съ бо́льшимъ правомъ была бы названа „одою вѣка“...

Изъ произведеній французской поэзіи на ту же тему особенною извѣстностью пользуются: „Messénienne“ Казиміра *Делавиня* „A Napoléon“ и „Méditation“ *Ламартина* „Bonaparte“. Первое изъ этихъ стихотвореній, также неизвѣстное Пушкину въ пору созданія „Наполеона“, начинается великолѣпнымъ рядомъ контрастовъ:

De lumière et d'obscurité,
Du néant et de gloire étonnant assemblage,
Astre fatal aux rois comme à la liberté;
Au plus haut de ton cours porté par un orage,
Et par un orage emporté,
Toi qui n'as rien connu, dans ton sanglant passage,
D'égal à ton bonheur que ton adversité...
.....

но во второй своей части испорчено искусственнымъ паѳосомъ. Что касается „Размышленія“ Ламартина, написаннаго гораздо позже и притомъ—подъ замѣтнымъ вліяніемъ Манцони, то нѣкоторыя его строфы по мысли также совпадаютъ съ Пушкинымъ. Напримѣръ:

Ne crains pas cependant, ombre encore inquiète,
Que je vienne outrager ta majesté muette.
Non. La lyre aux tombeaux n'a jamais insulté.
La mort de tout temps fut l'asile de gloire...
.....
Les dieux étaient tombés, les trônes étaient vides,

* *Francesco de Sanctis*, Due discorsi premessi all'edizione dei Promessi Sposi.

lib.pushkinskijdom.ru

La victoire te prit sur ses ailes rapides,
D'un peuple de Brutus la gloire te fit roi.
Ce siècle dont l'écume entrainait dans sa course
Les moeurs, les rois, les dieux... refoulé vers sa source,
Recula d'un pas devant toi.
. . . . . .
Superbe, et dédaignant ce que la terre admire,
Tu ne demandais rien au monde que l'empire.
Tu marchais... tout obstacle était ton ennemi...

Образъ Наполеона и впослѣдствіи нѣсколько разъ возникалъ въ воображеніи Пушкина. О немъ, какъ уже сказано выше, поэтъ вспоминалъ въ своемъ прощаніи съ моремъ (1824); въ деревенскомъ кабинетѣ Онѣгина Татьяна нашла, вмѣстѣ съ портретомъ Байрона, — этого другого „властителя думъ“ современнаго поэту поколѣнія, —

Столбикъ съ куклою чугунной,
Подъ шляпой съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

(„Евгеній Онѣгинъ“, гл. VII, XIX).

Тотъ же образъ мы и находимъ въ стихотвореніи 1830 г. „Герой“ и въ отрывкахъ изъ уничтоженной Пушкинымъ X-й главы *Онѣгина* („Пушкинъ и его современники“, выпускъ XIII, стр. 1 — 12), и т. д. Въ 1823 г. поэтъ, видимо, желалъ еще разъ вернуться къ темѣ *Наполеона* (можетъ быть, подъ вліяніемъ Ламартина): см. ниже, примѣчанія къ отрывку „Недвижный стражъ“...

---

lib.pushkinskijdom.ru

XLVI.

УМОЛКНУ СКОРО Я...

(Стр. 74).

Находится въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея № 2365, л. 47, и № 2367, лл. 10—10 об., въ обѣихъ съ помѣтой: „23 авг. 1821“ (въ № 2365 число „23“ переправлено изъ „24“), а также въ рукописи гр. П. И. Капниста, л. 18 об., съ помѣтой: „1821“ (Л. Н. Майковъ, Матеріалы, стр. 125). Напечатано въ изданіяхъ 1826 (стр. 15) и 1829 (ч. I, стр. 108).

Въ музейной рукописи № 2365 мы имѣемъ первоначальную, черновую редакцію не всего стихотворенія, а только послѣдней его части, — въ слѣдующемъ видѣ:

И сердца (юнаго) пылкаго
(И ты души моей) языкъ любила страстной
Но если напр...)
Но если (люб) я любимъ (Позволь узн) Позволь одушевить прощальный * лиры звукъ
Позволь от) Священнымъ именемъ (любовницы прекрасной)
Не бойся вѣтрен(ыхъ невѣждъ)ой молвы
Не бойся клеветы ревнивой; —
Не обмани моихъ надеждъ —
И скромностью души стыдливой
(Не разрушай моихъ надеждъ)
(Но робостью)
(Переживи меня)
(Переживи меня)
(Скажи) (Скажи) (Скажи безъ робости)
Онъ мною былъ любимъ (и) онъ мнѣ былъ одолженъ
(Послѣдней)
(Послѣднимъ щастіемъ)

---

* Поправка не разобрана.

lib.pushkinskijdom.ru

(*нрзб.*) (*нрзб.*)
(И) (Славою) (Послѣдней, позднею отрадой)
Послѣдней радостью, послѣднимъ вдохнов[еньемъ]

(Переживи)
(Когда утратишь ты) (когда меня)
(Переживи меня, и нѣкогда) (не будетъ)
(Тогда я) (Тогда)
(уже)
И скоро (ль) милая — (когда) меня небудетъ —
Но сердце чье нибудь поэта незабудетъ —
(мой *нрзб.*)
(Скажи:) Когда (на) меня навѣкъ обниметъ (пр) хладный
(покроетъ вѣч) (вѣчный) сонъ
(Когда)
(И урну)
пережи
(Переживи меня) и молви съ умиленьемъ

2(4)3 авг.
1821

Рукопись № 2367 представляетъ перебѣленный, но снова исправленный, текстъ въ полной редакціи:

(Нѣтъ, поздно, милый другъ, узналъ я наслажденье:)
(Ничто души моей уже не воскреситъ)
(сердца)
(Мнѣ сердца) (Ей чуждо страсти упоенье) (Мнѣ)
(Твой взоръ, твой нѣжный взоръ)
(И щастье тихое) (меня не веселитъ)
(Увялъ я въ цвѣтѣ лѣтъ!)
Умолкну скоро я! Но если въ дни печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали,
(Когда то)
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью
(нѣжному)
И дѣвы, томному предавшись умиленью,

lib.pushkinskijdom.ru

читали
Печальные стихи (твердили) въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любили страстной,
Но если я любимъ... позволь, о милый другъ,
завѣтный
Позволь одушевить (прощальный) лиры звукъ
Щастливымъ именемъ любовницы прекрасной!
(Не бойся вѣтреныхъ невѣждъ,)
(Не бойся клеветы ревнивой,)
(Не обмани моихъ надеждъ)
(Своею скромностью пугливой)
Когда меня навѣкъ обыметъ хладный сонъ
пусть молвятъ
Надъ ранней урною (промолви) съ умиленьемъ —
Лидой
Онъ (мною) былъ любимъ, онъ мнѣ былъ одолженъ
Послѣдней радостью, послѣднимъ вдохновеньемъ.

Въ рукописи гр. П. И. Капниста, по свидѣтельству Л. Н. Майкова, стихи 9-й, 10-й и 13-й имѣли еще первоначальную редакцію („нѣжному“... „твердили“... „завѣтный“, см. Матеріалы, стр. 126).

П. А. Ефремовъ (Соч. Пушкина, изд. 1880 г.) и слѣдовавшіе за нимъ издатели относили это (и слѣдующее) стихотвореніе къ княгинѣ Маріи Аркадіевнѣ Голицыной, урожденной Суворовой. М. О. Гершензонъ пытался обосновать это пріуроченіе въ особой статьѣ: „Сѣверная любовь Пушкина“ (*Вѣстникъ Европы* 1908, январь, 275 — 302). Но П. Е. Щеголевъ, весьма обстоятельно и подробно разсмотрѣвшій этотъ вопросъ, вполнѣ убѣдительно доказалъ, что для предположенія объ увлеченіи Пушкина кн. Голицыной не имѣется совершенно никакихъ фактическихъ основаній, и что „легендѣ, столь красиво разсказанной Гершензономъ, не мѣсто въ біографіи Пушкина“

lib.pushkinskijdom.ru

(„Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина“, *Пушкинъ и его современники*, выпускъ XIV, Спб. 1911, стр. 52—193). По мнѣнію П. Е. Щеголева, пьеса „Умолкну скоро я“ обработана Пушкинымъ „вполнѣ въ томъ условно-элегическомъ родѣ, въ которомъ Пушкинъ писалъ въ годы лицейской юности и петербургской молодости по образцамъ французской до-романтической элегіи, представленной въ лирикѣ Парни, Лебрена, Бертена, Мильвуа. Здѣсь на лицо всѣ тѣ общія мѣста, детали и мотивы, которые въ изобиліи можно указать, въ тѣхъ или иныхъ соединеніяхъ, въ элегіяхъ названныхъ поэтовъ и въ произведеніяхъ самого Пушкина. Тутъ и лира, отвѣчающая страданіямъ поэта; юноши, внимающіе его пѣснямъ, или (въ варіантѣ) дѣвы, читающія его стихи, или *она*, твердящая эти стихи; посмертная урна и утѣшеніе, что *она* вспомнитъ надъ этой урной о любви поэта. Цѣлый рядъ условностей, далекихъ отъ конкретныхъ указаній на факты“. Изслѣдователь приводитъ параллельныя мѣста изъ стихотворенія 1816 г. „Уныніе“, изъ „Кавказскаго Плѣнника“, элегіи „Я видѣлъ смерть“, изъ „Разговора книгопродавца съ поэтомъ“ и пр. По указанію Н. О. Лернера, еще въ 1830 г. въ петербургской французской газетѣ „Le Furet“ (23 марта, № 24, стр. 95), по поводу выпущеннаго подъ иниціалами L. — G. D. Z. „Almanach littéraire polonais, russe et français“, гдѣ былъ помѣщенъ очень недурной и близкій къ подлиннику переводъ настоящей элегіи, было замѣчено, что въ послѣднихъ ея стихахъ видно вліяніе Ламартина:

Et qu' au moins tu puisses te dire:
Ces vers qui m'ont ému, c'est moi qui les inspire,
Et sa muse est mon souvenir.

Бѣлинскій относилъ эту пьесу къ „чисто-пушкинскимъ“ произведеніямъ, въ которыхъ „найдете чистую

lib.pushkinskijdom.ru

поэзію, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы". Анненковъ замѣтилъ, что здѣсь „глубокое чувство выразилось въ удивительно величавой и спокойной формѣ и что „изящество внѣшней формы" находится въ удивительной гармоніи съ свѣтлымъ, кроткимъ чувствомъ, какое предназначено ей содержать" (Матеріалы, изд. 2-е, стр. 83, и Сочиненія Пушкина, томъ II, стр. 314).

XLVII.

МОЙ ДРУГЪ, ЗАБЫТЫ МНОЙ...

(Стр. 75).

Находится въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея № 2365, лл. 47 об.—48, безъ заглавія, съ помѣтой: „24 Авг. въ ночь", и № 2367, лл. 11—11 об., подъ заглавіемъ: „Элегія" и съ помѣтой: „25 авг. 1821", а также въ рукописи графа П. И. Капниста, съ тѣмъ же заглавіемъ и помѣтой: „1821" (Л. Н. Майковъ, Матеріалы, стр. 127).—Напечатана въ *Новостяхъ Литературы* 1825, книга XI, мартъ, стр. 149, подъ заглавіемъ: „Къ ***", и въ изданіяхъ 1826 (стр. 8) и 1829 (ч. I, стр. 103—104)—безъ заглавія.

Обѣ музейныя рукописи представляютъ первоначальную редакцію стихотворенія, но по времени написанія рукопись № 2365 — болѣе ранняя, почему и заключаетъ въ себѣ больше отличій отъ окончательнаго печатнаго текста. Приводимъ текстъ рукописи № 2365:

(л. 47 об.) слѣды минувшихъ дней (лѣтъ)
Мой другъ! не узнавай (минувшаго слѣды)
(Мятежныхъ)
И прошлыхъ дней) моихъ мятежное теченье

lib.pushkinskijdom.ru

(поздней)
И юности моей* (сердечныя бѣды)
Не спрашивай меня о томъ чего ужъ нѣтъ...
(долго)
Что долго (прежде) было мнѣ (мнѣ въ) печаль и наслажденье
(Что взяло мертвое забвенье)
Что (было)
(О томъ) (что я) любилъ, что измѣняло мнѣ —
(Не спрашивай меня о томъ что)
(кого) (я любилъ)
(Что душу) (Что душу ве) (наконецъ)
Что взяло (мертвое) (хладное) забвенье...
Пускай я щастіе вкушаю (въ тишинѣ) невполнѣ —
Но ты невинная — ты рождена для щастья
(Не думай, не грусти)
Безпечно вѣрь ему, веселья мигъ лови
дружбы
Душа твоя жива (для чувства) (для нѣги) для любви —
(для радости живой)
Для поцелуевъ сладострастья — —
страстей (и думъ) (и думъ)
Къ чему тебѣ внимать (безумства и)
(Незанимательную)
И гибельныхъ страстей томительную повѣсть;
Душа твоя чиста —
щастливыя (и)
Твои (желанья и) мечты
(Твоя)... ... (Твоя душа чиста)
(ясный)
(какъ вешній) (Ясна) (ясна) какъ (вешній) свѣтлый день
(л. 48) (Чиста младенческая совѣсть) —
(Къ забавамъ)
(сонной)
(За радостью) незнаетъ (легкой) умъ
(Унынья) *(нрзб.)* (хладныя) тяжкія *(нрзб.)*
Тебѣ
(Печаль) чужда печаль — (печаль)

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

(Съ унылой) (Уныло)
тихой
Она твой *(нрзб.)* умъ невольно возмутитъ
(Ты слезы будешь лить) —
(Въ моихъ объятіяхъ) ты сердцемъ содрогнешься
(без) *(нрзб.)* съ *(нрзб.)*
Довѣренность любви (увы!) (быть можетъ) улетитъ
И ты моей любви (моей), быть можетъ ужаснешься
(Быть можетъ отъ) (Довольно) (быть)
Нѣтъ! (нѣтъ) милая моя — — —
Страшусь утратить я послѣднихъ наслажд[еній]
Не *(нрзб.)* требуй отъ меня печальныхъ откровеній —
Сегодня я люблю
Сегодня щастливъ я
(Люби меня теперь) —
(Довольно)
Какъ я не требую невѣрныхъ увѣреній

Рукопись № 2367 представляетъ слѣдующія отличія отъ окончательнаго печатнаго текста:

Стихъ 1-й: Мой другъ, *не узнавай* слѣды минувшихъ лѣтъ*
послѣ ст. 3-го: *(Что взяло мертвое забвенье)*
Стихъ 6-й: Пускай я *щастіе* вкушаю невполнѣ*
„ 8-й: Безпечно вѣрь ему — *веселья* мигъ лови
„ 9-й: *Мой другъ, ты создана* для дружбы, для любви*
„ 19-й: (только:) Нѣтъ, милая моя
„ 20-й: *Страшусь утратить* я послѣднихъ наслажденій*

Такъ же, какъ и предыдущая элегія, это стихотвореніе впервые было связано съ именемъ княгини М. А. Голицыной въ изданіи Ефремова, 1880 г., и такъ же П. Е. Щеголевымъ (въ указанной статьѣ) доказано, что

---

* Исправлено какъ въ печатномъ.

lib.pushkinskijdom.ru

для такого пріуроченія нѣтъ основаній. По замѣчанію Щеголева, эта элегія „кажется отрывкомъ, выхваченнымъ изъ романтической поэмы. На разнообразныхъ путяхъ души показывалъ Пушкинъ своего героя; одинъ изъ путей запечатлѣнъ и въ этомъ стихотвореніи. Тема элегіи — противоположеніе двухъ образовъ, двухъ характеровъ. Кто такой „онъ“ элегіи? Этотъ „онъ“ пережилъ мятежное теченіе молодости, измѣны и любовь. Его прошлая жизнь — повѣсть безумства и страстей, таящая опасныя откровенія; его любовь такова, что ей можно ужаснуться... Женскій образъ, вдохновлявшій поэта,... проступаетъ ярко изъ легкихъ очертаній, набросанныхъ элегіей, и изъ скрытаго, но чувствуемаго противоположенія этого образа только что очерченному образу героя. „Она“—невинная, рожденная для счастья, съ душой чистой, живой для дружбы, свободной отъ унынья, съ младенческой совѣстью, свѣтлой, какъ ясный день, съ безпечной довѣрчивостью... Вскрывая сущность элегіи, мы видимъ, что ея герой близокъ къ романтическому герою поэмъ, а героиня — къ женскому образу *Кавказскаго Плѣнника* и къ Маріи въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ*... Весьма любопытна постепенность, съ какою развивается исторія сердца въ *Плѣнникѣ*, въ элегіи и въ *Фонтанѣ*. Въ первой поэмѣ герой, послѣ бурно прожитой жизни,... не въ состояніи даже просто вдохновиться искреннимъ и сильнымъ чувствомъ. Поздно пришла къ нему любовь черкешенки: онъ безъ упованья, безъ желаній, увядалъ жертвою страстей, онъ умеръ для счастья. Въ элегіи положеніе мѣняется. Герой смягчается; онъ готовъ вкусить, хоть и не вполнѣ, радости... Но между нимъ и невиннымъ, непорочнымъ существомъ — его прошлое, съ безумствомъ и страстями... Наконецъ, въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ* невозможность соединенія обнаруживается со всей яркостью. Герой страшно жаждетъ раздѣленной любви, но Маріи

lib.pushkinskijdom.ru

непонятенъ языкъ мучительныхъ страстей. Герой отвергнутъ".

П. Е. Щеголевъ склоненъ видѣть въ этой романтической исторіи „бытовую основу", — отголосокъ реальныхъ фактовъ изъ жизни самого поэта, и припоминаетъ, что именно въ эту пору (1820 — 1823) Пушкинъ проходилъ періодъ „противоборства страстей". Отраженіемъ такого противоборства и являются, между прочимъ, обѣ элегіи. „Умолкну скоро я" проникнуто, можно сказать, настроеніемъ Ленскаго, а „Мой другъ, забыты мной" подходитъ къ настроенію Онѣгина.

XLVIII.

ЗАЧѢМЪ БЕЗВРЕМЕННУЮ СКУКУ.

(Стр. 77).

Автографъ этого стихотворенія, съ помѣтой: „1 ноября 1826 г. Москва", находится въ б. Чертковской библіотекѣ, куда поступилъ въ 1866 г. отъ В. П. Зубкова, и представляетъ *первоначальный* варіантъ въ ст. 2-мъ: „Зловѣщей *грустію* питать". Стихотвореніе было напечатано, вполнѣ согласно съ этимъ автографомъ, въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827, ч.. I, № 2, стр. 91, подъ заглавіемъ: „Къ ***" и затѣмъ вошло въ изданіе 1829 г. (ч. I, стр. 142), гдѣ отнесено къ 1821 году. Подъ тѣмъ же 1821 г. напечаталъ его и Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (томъ II, стр. 288), замѣтивъ, что оно „попало въ сборникъ 1829 г., миновавъ изданіе 1826 г., и по рукописи видно, что писано было къ Пле-еву" (*тамъ же*, стр. 310). Слѣдуя Анненкову, Г. Н. Геннади, въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина 1859 г. (томъ I, стр. 234), включилъ это стихотвореніе въ число произведеній

lib.pushkinskijdom.ru

1821 г., подъ заглавіемъ: „Къ Плещееву“. Въ пушкинскомъ спискѣ стиховъ 1821 г., находящемся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, л. 53, В. Е. Якушкинъ, — вѣроятно, также слѣдуя Анненкову, прочелъ заглавіе: „Плешѣеву“ и, печатая этотъ списокъ, замѣтилъ: „Вѣроятно, надо читать: „Плещѣеву“; если такъ, то здѣсь отмѣчено стихотвореніе: *Зачѣмъ безвременную скуку...*“ (*Русская Старина* 1884, томъ 42, стр. 103). Изъ послѣдующихъ издателей П. А. Ефремовъ сначала (1880) помѣстилъ пьесу подъ 1821 г., а потомъ, основываясь на помѣтѣ чертковскаго автографа, перенесъ въ 1826; П. О. Морозовъ (1887 и 1903) отнесъ ее, на томъ же основаніи, къ 1826 г.; подъ этимъ же годомъ она помѣщена и С. А. Венгеровымъ (изд. Брокгаузъ-Ефронъ, томъ II, стр. 406), но съ позднѣйшимъ (томъ IV, стр. X—XI) примѣчаніемъ Н. О. Лернера, доказывающаго пріуроченіе пьесы къ 1821 году, какъ пріурочивалъ ее и самъ авторъ. Несоотвѣтствіе между пушкинской датировкой и помѣтой чертковскаго автографа объяснено П. И. Бартеневымъ: „Мы думаемъ“, говоритъ онъ, „что, можетъ быть, стихи дѣйствительно написаны въ 1821 году, а въ 1826 Пушкинъ написалъ ихъ просто кому-нибудь въ знакъ памяти; его тогда часто просили писать въ альбомы и, чтобы отдѣлаться, онъ иногда писалъ свои старые стихи“ (*Русскій Архивъ* 1866, стт. 1171 — 1172).

Н. О. Лернеръ, посвятившій настоящему стихотворенію особую статью („Загадочное стихотвореніе Пушкина“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1909, январь, стр. 99 — 105), сопоставилъ его съ находящимся въ записной книжкѣ Пушкина 1820—21 гг. (л. 7) черновымъ наброскомъ, полная транскрипція котораго дана въ настоящемъ изданіи (см. томъ II, стр. 319—320) и который, несомнѣнно, представляетъ раннюю, первоначальную редакцію нашей пьесы. Такимъ образомъ, есть полное осно-

lib.pushkinskijdom.ru

ваніе отнести ее къ 1821 году, а не къ 1826, въ которомъ она, можетъ быть, получила только окончательную обработку.

Что касается лица, которому посвящено это стихотвореніе, то указаніе Анненкова и Якушкина на „Плешѣева“ основывалось, какъ объяснилъ П. Е. Щеголевъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XIII, стр. 164) на ошибочномъ чтеніи: въ спискѣ стиховъ 1821 г. первая буква фамиліи подъ перомъ Пушкина сначала приняла было форму П, но онъ, тотчасъ перерѣзавъ ее горизонтальной черточкой, передѣлалъ ее въ А и написалъ не „Плешѣеву“, а „Алексѣеву“—очевидно, имѣя въ виду свое посланіе 1821 года къ этому кишиневскому другу. Анненковъ, усмотрѣвшій по рукописи, что пьеса обращена къ Плещееву, въ алфавитномъ указателѣ при VII томѣ своего изданія (отд. II, стр. 165) отнесъ ее къ „К—керу“, т. е. къ В. К. Кюхельбекеру; никакихъ указаній на причину такого пріуроченія мы не имѣемъ. Судя по положенію чернового наброска въ записной книжкѣ Пушкина, стихи могли быть написаны, въ первоначальномъ видѣ, еще въ 1820 г. въ Петербургѣ; такимъ образомъ, если искать для нихъ непремѣнно реальной подкладки, то допустимо предположеніе, что поэтъ имѣлъ въ виду сердечную исторію кого-нибудь изъ своихъ петербургскихъ друзей; вѣроятнѣе, однако, что стихи, отдѣланные только уже въ 1821 г. въ Кишиневѣ, были обращены къ мѣстному пріятелю, — напримѣръ, къ тому же Н. С. Алексѣеву. Во всякомъ случаѣ, приходится признать правильнымъ замѣчаніе Н. Н. Лернера: „Что касается біографическаго значенія пьесы, то, конечно, навсегда останется тайной, кѣмъ и чѣмъ она вызвана“.

Приведенною выше исторіею созданія этого стихотворенія устраняется предположеніе, высказанное А. Ѳ. Кони и поддержанное Б. Л. Модзалевскимъ (*Пушкинъ и его*

lib.pushkinskijdom.ru

современники, выпускъ IV, стр. 105), будто здѣсь поэтъ имѣлъ въ виду свои отношенія къ С. Ѳ. Пушкиной.

XLIX.

ВОЙНА.

(Стр. 78).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, лл. 12 — 12 об., и въ рукописи пр. П. И. Капниста, лл. 17—17 об., въ обѣихъ съ помѣтой: „1821"; отрывокъ— въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ (собраніе Л. Н. Майкова), съ помѣтой: „29 ноября 1821" (раньше было написано: „окт."). Напечатано въ *Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ,* изд. 2-е, ч. VI, Спб. 1822, стр. 221—222, безъ подписи и подъ заглавіемъ: „Мечта воина". Перепечатано въ *Полярной Звѣздѣ* на 1823 годъ, стр. 338 — 339, причемъ вмѣсто подписи поставлены двѣ звѣздочки; затѣмъ, подъ заглавіемъ: „Война", вошло въ изданія 1826 (стр. 12 — 13) и 1829 (ч. I, стр. 105 — 106).

Музейная рукопись представляетъ слѣдующіе *первоначальные* (большею частью тутъ же исправленные) варіанты:

Стихъ 1-й: Война! *Развиты* наконецъ

„ 4-й и 5-й: Засвищетъ вкругъ меня *погибельный*
свинецъ.
И сколько *новыхъ* впечатлѣній

„ 7-й и 8-й: *Движенье ратныхъ* ополченій
Тревоги стана, *громъ* мечей

„ 10-й: Паденье грозное *Беллониныхъ друзей.*

„ 16-й: И смерти *близкой* ожиданье.

„ 22-й: *Свобода пылкихъ чувствъ*, къ высокому стремленье

„ 26-й: Ни *грозные* труды, ни ропотъ гордой славы

lib.pushkinskijdom.ru

Академическій отрывокъ представляетъ слѣдующія отличія отъ музейнаго:

грозное Беллониныхъ *дѣтей*

Стихъ 10-й: Паденье *(ратныхъ и вождей)*

„ 13-й: Все *будетъ ново* мнѣ...

„ 15-й и 16-й: *Призывный* барабанъ, громъ пушки,
трескъ ядра
И *страшной битвы* ожиданье

„ 19-й: *(Двойно)* Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется
на часть?

„ 30-й: *Томленье тяжкое* душою овладѣло.

Кромѣ того, слова: „Славы“ и „Героевъ“ здѣсь написаны съ прописныхъ буквъ.

Рукопись гр. Капниста, по указанію Л. Н. Майкова (Матеріалы, стр. 130), заключаетъ въ себѣ текстъ, уже исправленный.

Текстъ *Образцовыхъ сочиненій* и *Полярной Звѣзды* содержитъ слѣдующіе варіанты:

Стихъ 1-й: Война!.. *Развиты* наконецъ

„ 14-й: . . . . чуждое *призванье*

„ 23-й: Воспоминанія и *братьевъ*, и друзей

„ 26-й: Ни *грозные* труды...

„ 27-й: . . . . . моихъ *тревожныхъ* думъ

По поводу этихъ варіантовъ Пушкинъ писалъ брату Льву, 30 января 1823 г.: „*Мечта воина* привела въ задумчивость воина, что служитъ въ иностранной Коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской Канцеляріи. — Эта Мечта напечатана съ ошибочнаго списка: призванье вмѣсто взыванье; тревожныхъ думъ — слово, употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, но которое по-русски ничего не значитъ;

Воспоминаніе и брата, и друзей —

lib.pushkinskijdom.ru

стихъ трогательный, а въ Звѣздѣ просто плоскій“ (Переписка, томъ I, стр. 65).

По мнѣнію Л. Н. Майкова („Пушкинъ“, стр. 119 — 120), первыя строки стихотворенія намекаютъ на освященіе знаменъ Александра Ипсиланти въ Яссахъ, о которомъ Пушкинъ писалъ А. Н. Раевскому въ *мартѣ* 1821 г. (см. Переписку, томъ I, стр. 24 — 25). Но это предположеніе было высказано, когда Л. Н. Майковъ еще не видѣлъ автографа „Войны“ съ помѣтою: „29 *ноября*“. П. И. Бартеневъ въ своемъ изслѣдованіи: „Пушкинъ въ Южной Россіи“ (*Русскій Архивъ* 1866, стт. 1159 — 1160) говоритъ, что *осенью* 1821 г. въ Кишиневѣ носились слухи о предстоящемъ объявленіи войны Турціи: „Этой войны тогда нѣсколько разъ ожидали. И за границей, и у насъ всѣ были увѣрены, что наши напряженныя отношенія съ Турціей должны неминуемо повести къ взрыву, и что императоръ Александръ открытымъ образомъ вступится за грековъ“. * Н. О. Лернеръ (Сочиненія Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, томъ II, стр. 186) замѣчаетъ, что военная служба и война всегда привлекали Пушкина. Попавъ въ Бессарабію, онъ жадно слѣдилъ за ходомъ греческаго возстанія. Въ томъ же 1821 г. онъ просилъ А. И. Тургенева похлопотать о прекращеніи его ссылки, но вскорѣ затѣмъ (21 августа) писалъ его брату, Сергѣю Ивановичу: „если есть надежда на войну, ради Христа оставьте меня въ Бессарабіи“ (Переписка, томъ I, стр. 34). Въ томъ же августѣ, на сѣверѣ, М. П. Погодина и Ѳ. И. Тютчева занималъ слухъ о мнимомъ побѣгѣ Пушкина къ греческимъ повстанцамъ (В. Я. Брюсовъ, „Лѣтопись жизни Тютчева“, *Русскій Архивъ* 1903, томъ III, стр. 486), и Погодинъ передавалъ этотъ слухъ В. Д. Кор-

* А. И. Тургеневъ, въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому отъ 24 ноября 1822 г., называетъ настоящее стихотвореніе «Ожиданіе войны».

lib.pushkinskijdom.ru

нильеву (Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина“, томъ I, стр. 109). Анненковъ („Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 209) говоритъ, что Пушкину „нужно было дать исходъ природной удали и отвагѣ, которыя, по справедливому замѣчанію И. П. Липранди, такъ преобладали у него, что давали ему видъ военнаго человѣка, не отгадавшаго своего настоящаго призванія. Онъ даже не могъ слушать разсказа о какомъ-либо подвигѣ мужества безъ того, чтобъ не разгорѣлись его глаза и не выступила краска на его лицѣ“... По словамъ Липранди (*Русскій Архивъ* 1866, стт. 1453—1454), Пушкинъ „всегда восхищался подвигомъ, въ которомъ жизнь ставилась, какъ онъ выражался, на карту. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ разсказы о военныхъ эпизодахъ; лицо его краснѣло и изображало жадность узнать какой-либо случай самоотверженія, глаза его блистали, и вдругъ часто онъ задумывался. Не могу судить о степени его славы въ поэзіи, не могу утвердительно сказать, что онъ созданъ былъ для поприща военнаго, и на немъ, конечно, онъ былъ бы лицомъ замѣчательнымъ“. Воинственное настроеніе, охватившее Пушкина на югѣ Россіи, отразилось, между прочимъ, и въ эпилогѣ *Кавказскаго Плѣнника*. Но и въ этотъ воинственный періодъ своей жизни поэтъ, все-таки, осудилъ „зло воинственныхъ чудесъ“ Наполеона, а впослѣдствіи, въ болѣе зрѣлые годы, вовсе не былъ пѣвцомъ войны. См. замѣтку С. Ашевскаго: „Пушкинъ и война“, въ журналѣ *Міръ Божій* 1899, № 6, отдѣлъ II, стр. 14 — 20.

---

lib.pushkinskijdom.ru

L.

КЪ ОВИДІЮ.

(Стр. 80).

Черновое стихотвореніе находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, лл. 53 — 56 (безъ заглавія); перебѣленный, но опять снабженный поправками, текстъ — въ № 2367, лл. 14 об. — 16 (подъ заглавіемъ: „Овидію“ и съ помѣтою: „1821 дек. 26“); отдѣльные стихи посланія встрѣчаются на л. 66 об. № 2365 („Овидій, *я брожу по тѣмъ же берегамъ*, Которымъ *нѣкогда ты* пепелъ свой оставилъ“) и на л. 18 № 2366 (не находящіеся въ другихъ двухъ рукописяхъ) стихи 99 — 101:

Здѣсь лирой сѣверной *пустыню* оглашая
(Тебя) Скитался я въ тѣ дни какъ на брега Дуная
Великодушный Грекъ свободу *призывалъ*

Въ перебѣленномъ видѣ стихотвореніе имѣется также въ находящемся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ автографѣ, принадлежавшемъ Е. А. Масальской-Суриной, рожд. Шахматовой (см. „Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 40 — 41). Напечатано въ *Полярной Звѣздѣ* на 1823 годъ, стр. 81—84, подъ заглавіемъ: „Овидію“ и съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи (какъ и въ академическомъ автографѣ). „Ради Бога, люби двѣ звѣздочки“, писалъ Пушкинъ брату, 30 января 1823 г.: „онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылѣеву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ“ (Переписка, томъ I, стр. 65). Затѣмъ стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Къ Овидію“, вошло въ изданія 1826 (стр. 39 — 43) и 1829 (ч. I, стр. 112 — 117). Два заключительные стиха, измѣненные Пушкинымъ ради цензуры, возстановлены по рукописи только въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858, № 11, стр. 342.

lib.pushkinskijdom.ru

Черновой текстъ (Рум. Муз. № 2365) написанъ очень неразборчиво, со множествомъ помарокъ и недописанныхъ словъ и строкъ, такъ что полная его транскрипція представляется крайне затруднительною. Тѣмъ не менѣе, изъ него можно извлечь слѣдующіе первоначальные варіанты, весьма интересные, между прочимъ, и по той разборчивости, съ какою Пушкинъ взвѣшивалъ отдѣльныя выраженія и особенно — эпитеты:

Стихи 3-й — 8-й:

Ты нѣкогда принесъ и *гдѣ* свой (слѣдъ) *прахъ* оставилъ.
Твой безотрадный плачь *сіи брега* прославилъ,
И лиры *сладкій* гласъ еще не онѣмѣлъ;
(Слѣды твои хранитъ печальный)
Еще тобою полнъ угрюмый сей предѣлъ.
Здѣсь любитъ находитъ мое воображенье
Уединеннаго поэта заточенье.

Стихи 11-й — 12-й:

Какъ часто, увлеченъ *волшебныхъ* струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою
(На берегахъ Невы) (Невы)

Стихъ 15-й:

Тамъ ждетъ пѣвца любви жестокая *отрада.*

Стихъ 17-й — 18-й:

Рожденные въ снѣгахъ *средь* ужасовъ войны
Тамъ хладной Скиѳіи *суровые* сыны

Стихъ 22-й:

И по льду *хрупкому* безтрепетно *бѣгутъ.*

Стихи 24-й — 26-й:

Ты, съ юныхъ *дней своихъ презрѣвшій мечь булатный,*
Привыкшій миртами вѣнчать свои власы
И въ *ложь* провождать безпечные часы

Стихъ 30-й:

Ни музы легкія *на старости твоей*

lib.pushkinskijdom.ru

Стихи 32-й — 33-й:

Напрасно граціи *(чело тебѣ)* вѣнчали
Напрасно юноши *ихъ шепчутъ* наизусть

Стихъ 38-й: Въ отчизнѣ варваровъ *ты скученъ* и одинъ

„ 40-й: Ты въ тяжкой горести *друзьямъ далекимъ* пишешь

„ 49-й: Чье сердце *строгое*, презрѣвшее харитъ

„ 52-й: *Сіи послѣднія живыя пѣснопѣнья*

Стихи 54-й — 60-й:

Я грубый Славянинъ — я слезъ не проливалъ,
Но *зналъ нещастіе!* Изгнанникъ самовольный,
Забытый дружествомъ, собою недовольный,
Страстьми растерзанный, задумчивъ я бродилъ
Въ странѣ, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Тамъ, ожививъ тобой *огонь* воображенья,
Я *повторялъ* твои *живыя* пѣснопѣнья

Стихъ 96-й:

Быть можетъ вспомнитъ онъ печальное преданье
(О Муза, передай)

или: *О лира, сохрани жъ правдивое* преданье

Стихъ 104-й:

Ни *сердца гордаго*, ни *Музы (благородной)* непреклонной.

Кромѣ того, въ началѣ л. 54 об. отмѣчены особой скобкой стихи, не нашедшіе себѣ мѣста въ дальнѣйшей обработкѣ пьесы:

Пловецъ обманутый (пловецъ) и вѣтромъ и волнами
(привѣтнымъ) (дружится)
Съ надежнымъ берегомъ мирится наконецъ
(Съ покоемъ берега)

Текстъ № 2367 уже немногимъ отличается отъ печатнаго. Вотъ эти отличія*:

Стихи 24-й и 25-й:

Ты, съ юныхъ лѣтъ *своихъ прозрѣвшій мечь булатной*,
Привыкшій розами вѣнчать свои власы

---

* Варіанты, тутъ же исправленные какъ въ печатномъ, отмѣчены скобками.

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 28-й: И *праздный* мечь...
„ 53-й: Гдѣ ты свой *долгій* стонъ потомству передалъ
„ 67-й: На *(чуждыхъ)* берегахъ переселенецъ новый
„ 79-й: *(Въ той)* день, замѣченный *безсмертнымъ* вдохновеньемъ
„ 82-й: И по льду *(въ тишинѣ),* казалось, предо мной
„ 89-й: Съ *(минутной)* жизнію, съ минутною молвой

Въ академическомъ автографѣ стихъ 24-й читается: „Ты, съ юныхъ *дней* своихъ презрѣвшій мечь булатный“ и стихъ 46-й: „И *ввѣкъ* мнѣ не видать тебя, великій Римъ“.

Въ музейной рукописи № 2367 (л. 14 об.) находится также небольшая замѣтка, не попавшая въ печать вмѣстѣ съ стихотвореніемъ, но напечатанная впослѣдствіи, съ незначительными поправками, въ видѣ примѣчанія къ строфѣ VIII главы I-й *Евгенія Онѣгина:*

„Мнѣніе будто бы Овидій былъ сосланъ въ нынѣшній Акерманъ ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ назначаетъ онъ ясно (описываетъ) мѣсто своего пребыванія городъ Томы (Tomi) при самомъ устьѣ Дуная. Столь же несправедливо и мнѣніе Вольтера, полагающаго причиной его изгнанія слишкомъ нѣжную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія за 10 лѣтъ (ужъ) тому прежде, была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Впрочемъ, догадки ученыхъ ничто иное какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово и тайна его съ нимъ умерла. Alterius culpa facti (causa) silenda mihi. *Ov.*“.

Пушкинъ отослалъ свое стихотвореніе А. А. Бестужеву при письмѣ отъ 21 іюня 1822 г., въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „Посылаю вамъ мои Бессарабскія бредни и желаю чтобъ они вамъ пригодились...

lib.pushkinskijdom.ru

Отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе — предвижу препятствія въ напечатаніи стиховъ къ Овидію — но старушку [цензуру] можно и должно обмануть, ибо она очень глупа — по видимому ее настращали моимъ именемъ; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно, (напримѣръ услужливаго Плетнева или какого нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по *Таврида*). Повторяю вамъ она ужасно безтолкова, но впроччемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ — чтобъ имя мое до нее недошло и все будетъ слажено" (Переписка, томъ I, стр. 45). Этимъ и объясняется, почему въ *Полярной Звѣздѣ* стихотвореніе появилось безъ подписи, хотя Пушкинъ очень имъ дорожилъ и заботился о томъ, чтобы оно было напечатано скорѣе и исправнѣе. Въ письмѣ къ брату отъ 4 сентября 1822 г. (тамъ же, стр. 51) онъ сообщилъ исправленную редакцію стт. 23 — 25, а 18 октября, говоря о своихъ стараніяхъ выбраться изъ ссылки и о письмахъ къ Жуковскому и къ гр. Нессельроде, прибавилъ:

О други, Августу мольбы мои несите!

„Но августъ смотритъ сентябремъ... Къ стати: получено ли мое посланіе къ Овидію? Будетъ ли напечатано? Что Бестужевъ? Жду календаря его" (тамъ же, стр. 57—58). Получивъ, наконецъ, „календарь", т. е. альманахъ Бестужева съ своимъ посланіемъ, поэтъ спрашивалъ брата: „Каковы стихи Къ Овидію? Душа моя, и Русланъ, и Плѣнникъ, и Noël, и все дрянь въ сравненіи съ ними" (тамъ же, стр. 65).

Знакомство Пушкина съ Овидіемъ началось еще на лицейской скамьѣ,—въ ту пору, когда онъ называлъ Батюшкова, за его любовныя стихотворенія, „младымъ Назономъ" (см. посланіе 1814 г. въ томѣ I настоящаго изданія, стр. 53). Въ тѣ годы Пушкинъ, конечно, читалъ

lib.pushkinskijdom.ru

Овидія во французскомъ переводѣ,—а можетъ быть, и въ подлинникѣ. Въ частности, судьба Овидія въ изгнаніи, можетъ быть, уже и тогда интересовала Пушкина съ поэтической стороны, какъ интересовала она и Батюшкова, писавшаго Гнѣдичу въ іюлѣ 1817 г.: „Овидій въ Скиѳіи: вотъ предметъ счастливѣе самаго Тасса“ (Л. Н. Майковъ. Пушкинъ, Спб. 1899, стр. 288). Переселившись въ Бессарабію, Пушкинъ сейчасъ же вспомнилъ о ссыльномъ римскомъ поэтѣ и въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу отъ 24 марта 1821 г. (см. выше, текстъ, стр. 9) сообщилъ о томъ, какъ онъ проводитъ время

> въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
> и хитрымъ Августомъ изгнанный
> Овидій мрачны дни влачилъ...

О сосѣдствѣ „Овидіева праха“ вспоминаетъ поэтъ и въ посланіи къ Чаадаеву (стр. 39), а въ стихотвореніи „Желаніе“ (стр. 29) говоритъ о своемъ намѣреніи подражать римскому пѣвцу:

> Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
> Щастливая пѣвица красоты,
> Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
> Найдетъ ли вновь свои живые звуки?

Въ Бессарабіи Пушкинъ ознакомился и съ мѣстными темными преданіями объ Овидіи, и съ разсказами о томъ, будто римскій поэтъ былъ сосланъ въ нынѣшній Аккерманъ или въ расположенный противъ него, на лѣвомъ берегу Днѣстра, Овидіополь. По разсказу И. П. Липранди (*Русскій Архивъ* 1866. стт. 1267 — 1268), Пушкинъ часто бесѣдовалъ объ Овидіи съ В. Ѳ. Одоевскимъ и К. А. Охотниковымъ и однажды отпросился у Инзова сопровождать Липранди въ его служебной поѣздкѣ, во время которой они посѣтили, между прочимъ, и Аккерманъ, гдѣ нашъ поэтъ осматривалъ развалины стариннаго генуэзскаго

lib.pushkinskijdom.ru

замка. По поводу этого посѣщенія создалась даже цѣлая легенда о томъ, какъ Пушкинъ, будто бы, провелъ цѣлую ночь въ одной изъ прибрежныхъ башенъ Аккермана, погруженный въ созерцаніе (Н. И. Надеждинъ, Прогулка по Бессарабіи, *Одесскій Альманахъ* 1840, стр. 332). Конечно, Пушкинъ зналъ также и о существованіи, вблизи Аккермана, такъ называемаго „Овидіева“ озера (lacul Ovidului), которое, однако, ближайшими къ нему мѣстными жителями называется „Давидовымъ“ (Davidului),—по имени какого-то будто бы жившаго тутъ старца (А. И. Яцимирскій, Румынскіе параллели и отрывки въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Варшава, 1901, стр. 8 — 16). Хотя онъ, какъ видно изъ его примѣчанія, и не вѣрилъ этимъ росказнямъ, зная, что Овидій былъ сосланъ вовсе не въ Бессарабію (древній городъ Томи, по мнѣнію археологовъ, стоялъ на мѣстѣ нынѣшней Констанцы, въ Добруджѣ, при самомъ устьѣ Дуная), но его поэтическое воображеніе было такъ настроено, что ему, по словамъ Анненкова („Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, Спб. 1875, стр. 166), „пріятно было думать“, что онъ „бродитъ по тѣмъ же берегамъ“, что между нимъ и римскимъ поэтомъ есть, кромѣ сходства талантовъ, еще разительное сходство въ судьбѣ и общественномъ положеніи,—„что на разстояніи тысячъ двухъ лѣтъ онъ испытываетъ одинаковую участь и страдаетъ одинаковыми нравственными страданіями съ изгнанникомъ перваго римскаго императора. Онъ оплакивалъ судьбу Овидія, трогательно взывалъ къ его тѣни“... и находилъ черты сходства съ своимъ положеніемъ даже въ разныхъ мелочахъ. Такъ, Овидій „въ тяжкой горести далекой дружбѣ пишетъ“, а нашъ поэтъ пишетъ брату, 24 января 1822 г.: „Представь себѣ, что до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружній голосъ, что друзья мои какъ нарочно рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію“ (Пе-

lib.pushkinskijdom.ru

реniска", томъ I, стр. 38). Посылая, 29 апрѣля того же года, Гнѣдичу рукопись *Кавказскаго Плѣнника*, онъ начинаетъ свое письмо стихами изъ Овидіевой элегіи (тамъ же, стр. 40), а 27 іюня пишетъ ему: „Пожалѣйте обо мнѣ: живу межъ Гетовъ и Сарматовъ; никто не понимаетъ меня... "(тамъ же, стр. 46).* „Въ тяжелыя минуты одиночества", говоритъ П. Черняевъ („Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ", Казань 1899, стр. 66), „въ тѣлѣ Пушкина жила душа Овидія".

Анненковъ („Пушкинъ въ Александровскую эпоху", стр. 166—167) останавливается на вопросѣ о томъ, „какъ могъ горделивый образъ Байрона мирно уживаться въ душѣ Пушкина рядомъ съ образомъ бѣднаго римскаго денди, лишеннаго всякой нравственной энергіи, разливавшагося постоянно въ лести, жалобахъ и мольбахъ къ Августу изъ надежды возвратиться опять въ Римъ, къ мѣсту своихъ прежнихъ подвиговъ?" Отвѣчая на этотъ вопросъ, Анненковъ высказываетъ мнѣніе, что „и Байронъ, и Овидій были олицетвореніемъ противоположныхъ стремленій самого Пушкина въ ту эпоху. Онъ жилъ тогда двойной жизнью, именно — потребностью отрицанія современныхъ условій общественнаго быта, которая въ удаленіи отъ главныхъ административныхъ центровъ находила себѣ большій просторъ. Это настроеніе хорошо уживалось съ Байрономъ, питаясь духомъ и мыслію британскаго поэта, но вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ жилъ еще надеждами и планами, прямо противоположными этому настроенію, діаметрально исключавшими его. Пушкинъ жаждалъ именно, на подобіе своего предшественника

---

* Ср. Tristia. III, IV, 5—6:

Quem mihi nunc animum dira regione jacente
Inter Sauromatas esse Getasque putes?

lib.pushkinskijdom.ru

Овидія, наслажденій столичнаго жителя, свѣтскихъ и блестящихъ литературныхъ успѣховъ, которые тянули его въ Петербургъ, гдѣ они преимущественно обрѣтались и раздавались... Цѣли его двоились, какъ и самая мысль: Байронъ и Овидій призваны были выражать тѣ силы, которыя боролись въ собственной его душѣ...“ По замѣчанію В. Я. Стоюнина („Пушкинъ“, Спб. 1881, стр. 140—141), нашъ поэтъ „и не подозрѣвалъ, что его геній выше того, кто за восемнадцать столѣтій страдалъ на дунайскихъ берегахъ за какія-то любовныя интриги; не останавливался на мысли, что причина его собственной ссылки имѣетъ болѣе историческаго значенія, возбуждаетъ къ себѣ большее сочувствіе, чѣмъ любовное увлеченіе. Онъ только страдалъ, связывая свою мысль съ воспоминаніемъ о родной странѣ и объ оставленныхъ друзьяхъ, и, какъ артистъ, нашелъ выраженіе своей души въ образѣ, прославленномъ исторіей. Вотъ отчего онъ такъ привязался къ тѣни Овидія, соединяя мечтанія съ дѣйствительностью.“

Посланіе къ Овидію свидѣтельствуетъ о близкомъ знакомствѣ Пушкина съ произведеніями римскаго поэта, въ особенности — съ его элегіями Tristia, о которыхъ Пушкинъ говоритъ:

Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
Сіи элегіи, — послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?

образы, мысли и даже нѣкоторыя отдѣльныя выраженія этихъ элегій „живо впечатлѣлись“ въ воображеніи нашего поэта и нашли себѣ отголосокъ въ его посланіи. Какъ изъ элегій, такъ и изъ посланій Овидія Ex Ponto, можно привести длинный рядъ параллельныхъ мѣстъ къ пушкинскому стихотворенію. Ограничиваемся лишь наиболѣе характерными, располагая ихъ въ порядкѣ стиховъ нашей пьесы.

lib.pushkinskijdom.ru

Стихи 9-й — 10-й:

Nix jacet, et jactam ne sol pluviaeque resolvent,
Indurat boreas perpetuamque facit.
(Trist. III, x, 13, 14).

Стихъ 16-й:

Non hic pampinea dulcis latet uva sub umbra.
(Ibid., 71).

Nam procul a Getico litore vitis abest. (Ib. xii, 14).

Стихи 17-й — 20-й:

. . . aequato siccis aquilonibus Histro,
Invehitur celeri barbarus hostis equo,
Hostis equo pollens longeque volante sagitta
Vicinam late depopulatus humum.
Diffugiunt alii, nullisque tuentibus agros
Incustoditae diripiuntur opes.
(Ib. x, 53 — 58).

Стихи 21-й — 22-й:

. . . . ubi frigore constitit Hister,
Dura meant celeri terga per amnis equo.
(Ex Ponto, I, ii, 81, 82).

Стихи 23-й — 28-й:

Aspera militiae juvenis certamina fugi,
Nec nisi lusura movimus arma manu;
Nunc senior gladioque latus scutoque sinistram
Canitiem galeae subjicioque meam.
(Trist. IV, i, 71 — 74).

Стихи 29-й — 31-й:

Non qui soletur, non qui labentia tarde
Tempora narrando fallat, amicus adest.
(Ib. III, iii, 11, 12).

Utque sit exiguum poenae, quod conjuge cara,
Quod patria careo pignoribusque meis?
(Ib., xi, 15, 16).

lib.pushkinskijdom.ru

Urbis abest facies, absunt, mea cura, sodales,
Et, qua nulla mihi carior, uxor abest.
(Ib. IV, VI, 45, 46).

Me quoque Musa levat Ponti loca jussa petentem:
Sola comes nostrae perstitit illa fugae.
(Ib. I, 19, 20).

Стихъ 35-й:

Carmina nil prosunt...
(Ex Ponto, IV, XIII, 41).

Стихи 38-й — 39-й:

Barbarus hic ego sum, qui non intellegor ulli,
Et rident stolidi verba latina Getae.
(Trist. V, X, 37, 38).

Nulla mihi cum gente fera commercia linguae.
(Ib. III, XI, 9).

Sed neque, cui recitem, quisquam est, mea carmina, nec qui
Auribus accipiat verba latina suis.
(Ib. IV, I, 89, 90).

Omnia barbariae loca sunt vocisque ferinae,
Omniaque hostilis plena timore soni.
(Ib. V, XII, 55, 56).

Стихи 43-й — 44-й:

Vox, precor, Augustas pro me tua molliat aures.
(Ex Ponto I, II, 117).

Стихи 45-й — 48-й:

Si tamen implevit mea sors, quos debuit, annos,
Et mihi vivendi tam cito finis adest,
Quantum erat, o magni, morituro parcere, divi,
Ut saltem patria contumularer humo?
. . . . . .
Ossa tamen facito parva referantur in urna,
Sic ego non etiam mortuus exul ero.
(Trist. III, III, 29 — 32, 65, 66).

lib.pushkinskijdom.ru

Saepe precor mortem, mortem quoque deprecor idem,
Ne mea Sarmaticum contegat ossa solum.

(Ex Ponto I, II, 59, 60).

Стихи 78-й — 81-й:

Vidimus ingentem glacie consistere pontum,
Lubricaque inmotas testa premebat aquas.
Nec vidisse sat est: durum calcavimus aequor,
Undaque non udo sub pede summa fuit.

(Trist. III, X, 37 — 40).

Сравнивая себя съ римскимъ поэтомъ, Пушкинъ назвалъ себя *самовольнымъ* изгнанникомъ. Хотя изгнаніе и не совпадало съ его собственными желаніями, однако нашъ поэтъ нерѣдко придавалъ своему вынужденному удаленію изъ Петербурга видъ добровольнаго отъѣзда. Такъ, напримѣръ, въ стихотвореніи „Погасло дневное свѣтило“ (томъ II, стр. 201) онъ говоритъ: „Искатель новыхъ впечатлѣній, *я васъ бѣжалъ,* отечески края“, а въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 24 марта 1821 г. (см. выше, стр. 10) упоминаетъ о своемъ уединеніи, гдѣ онъ „*сокрылся* отъ гоненья“. Съ другой стороны, сопоставляя жалобы Овидія на суровую участь и мольбы о пощадѣ съ собственнымъ положеніемъ, Пушкинъ съ гордостью говоритъ о томъ, что онъ, какъ „суровый славянинъ“, не проливалъ слезъ и не унижался до моленій, находясь въ равной долѣ съ римскимъ изгнанникомъ, т. е., слѣдовательно, имѣя всѣ тѣ же причины жаловаться на свою судьбу.

Память объ Овидіи жива была у Пушкина не только въ пору его пребыванія въ Бессарабіи, но и впослѣдствіи. Въ 1822 г. онъ писалъ Баратынскому, что часто бродитъ съ тѣнью Назона при лунѣ, вдоль крутого берега; а два года спустя, находясь уже въ Одессѣ (а, можетъ быть, даже и въ Михайловскомъ) вложилъ въ

lib.pushkinskijdom.ru

уста стараго цыгана превосходный разсказъ о жизни римскаго изгнанника-поэта на Дунайскихъ берегахъ, — разсказъ, по всей вѣроятности, слышанный еще въ Бессарабіи: румынскій поэтъ и ученый К. К. Стамати († 1869) въ статьѣ о древнихъ городахъ и крѣпостяхъ Бессарабіи (*Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей,* томъ II, стр. 809) приводитъ древнее преданіе о томъ, что „пріѣхалъ изъ Рима человѣкъ необыкновенный, который былъ невиненъ какъ дитя и добръ какъ отецъ. Этотъ человѣкъ всегда вздыхалъ, а иногда самъ съ собой говорилъ, но когда онъ разсказывалъ что-либо, то казалось, — истекаетъ изъ устъ его медъ.“ И еще много лѣтъ спустя, въ 1836 г., разбирая *Θρακίйскія элегіи* Теплякова и останавливаясь на замѣчаніи Гроссэ:

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Me chanter, pleureur insipide,
Des longues lamentations, —

Пушкинъ писалъ: „Книга Tristium не заслужила такого строгаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидія (кромѣ *Превращеній*). Героиды, элегіи любовныя и самая поэма Ars amandi, мнимая причина его изгнанія, уступаютъ элегіямъ Понтійскимъ. Въ сихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простодушія, болѣе индивидуальности и менѣе холоднаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! сколько живости въ подробностяхъ! и какая грусть о Римѣ! какія трогательныя жалобы!“

Современная поэту критика, въ лицѣ Бѣлинскаго, нашла, что „пьеса *Къ Овидію* въ цѣломъ сбивается нѣсколько на старинный дидактическій тонъ посланій, но въ ней много прекраснаго, и особенно — начиная со стиха: „Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ“ и до стиха:

lib.pushkinskijdom.ru

„Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки“, и лучшую сторону этого стихотворенія составляетъ его элегическій тонъ“.

LI.

ВСЕГДА ТАКЪ БУДЕТЪ И БЫВАЛО.

(Стр. 84).

Въ рукописи неизвѣстно. Напечатано въ Альманахѣ *Листки Граціи*, М. 1829, стр. 56, и въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 97. Въ альманахѣ 1-й стихъ читается:

Всегда такъ будетъ *какъ* бывало.

Къ 1821 году отнесено изданіемъ Геннади (1859) и всѣми послѣдующими, но безъ объясненія основаній.

lib.pushkinskijdom.ru

1821—1822.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ.

(Стр. 85—94).

Печатается по тексту, помѣщенному въ книгѣ: „Поэмы и повѣсти Александра Пушкина“, часть вторая, Спб. 1835, стр. 1 — 11.

Напечатано впервые въ *Полярной Звѣздѣ* на 1825 годъ, стр. 359 — 367, а въ 1827 г. вышло отдѣльной книжкой въ Москвѣ, въ типографіи Августа Семена, подъ заглавіемъ: „Братья разбойники А. Пушкина (писано въ 1822 году)“,—15 страницъ текста въ 8-ю долю листа, съ обозначеніемъ на 16-й (ненумерованной) страницѣ: „Цѣна 105 копѣекъ“. Это изданіе было допущено къ печати цензоромъ Ив. Снегиревымъ 28 марта 1827 г., а вслѣдъ за тѣмъ, 9 іюня, тѣмъ же цензоромъ было разрѣшено и отпечатано въ той же типографіи изданіе въ 14 страницъ текста въ 8-ку, на заглавномъ листѣ котораго обозначено: „Второе изданіе“, а на послѣдней страницѣ: „Цѣна 42 копѣйки“. Текстъ обоихъ этихъ изданій одинаковъ. Это почти одновременное появленіе двухъ изданій разъяснено въ *Сѣверной Пчелѣ* 1827, № 101 (23 августа). Здѣсь, въ отдѣлѣ: „Новыя книги“, помѣщено библіографическое извѣстіе о *Братьяхъ Разбойникахъ*, въ которомъ говорится:

„Одно обстоятельство удерживало насъ доселѣ объявлять о напечатаніи сей Поэмы особою книжкою: намъ

lib.pushkinskijdom.ru

обѣщали, вмѣсто одного изданія, два, и мы не знали, которое изъ нихъ будетъ подлинное, и тѣмъ болѣе, что самъ сочинитель Поэмы, совершенно посторонній въ дѣлѣ изданія оной, дивился и не могъ разгадать, что это значитъ. Вотъ, въ короткихъ словахъ, сіе дѣло: Московскій книгопродавецъ, пріобрѣтшій все изданіе сего стихотворенія, вмѣсто того, чтобы продавать оное по объявленной на оберткѣ цѣнѣ: **105 коп.**, публиковалъ оное по **2 р.** Это вызвало издателя напечатать въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, что скоро появится новое изданіе стихотворенія *Братья Разбойники*, и будетъ продаваться по **42 коп.** Г. книгопродавецъ, объявляя снова въ тѣхъ же вѣдомостяхъ о продажѣ сего стихотворенія по назначенной прежде имъ цѣнѣ, 2 руб., прибавилъ что, по выходѣ въ свѣтъ новаго изданія, сіе, прежнее, будетъ у него продаваться по **21 коп.**

„Конечно, такія объявленія смѣшатъ публику; но черезъ нихъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, страждетъ личность Автора, какъ мы уже сказали, вовсе неприкосновеннаго къ этому дѣлу, и даже не бывшаго тогда въ Москвѣ.“

Книгопродавцемъ, купившимъ первое изданіе *Братьевъ разбойниковъ* и устранившимъ конкурента угрозою понизить цѣну, оказался коммисіонеръ Московскаго университета Ширяевъ. Что касается объявленнаго второго изданія, то оно, повидимому, не было выпущено въ свѣтъ, или если и появилось впослѣдствіи въ продажѣ, то съ выскобленнымъ на оберткѣ обозначеніемъ цѣны (одинъ такой экземпляръ мы имѣли въ рукахъ). Ни въ 1827 г., ни позже, нигдѣ въ объявленіяхъ книгопродавцевъ цѣна *Братьевъ разбойниковъ* не показывалась ниже 80 коп. (См. статью В. И. Чернышева: „О двухъ изданіяхъ Братьевъ разбойниковъ“ — *Пушкинъ и его современники*, выпускъ VI, стр. 133—156). Наконецъ, въ послѣдній разъ при жизни

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкина, поэма была напечатана во второй части *Поэмъ и повѣстей*. Затѣмъ она появилась въ Посмертномъ изданіи (томъ II, стр. 191 — 202), съ добавленіемъ слѣдующихъ 16-ти заключительныхъ стиховъ, которые при жизни Пушкина не печатались, и быть можетъ, взяты изъ недошедшей до насъ рукописи, а можетъ быть, прибавлены и Жуковскимъ, внесшимъ, какъ извѣстно, немало измѣненій въ посмертный пушкинскій текстъ:

Умолкъ и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горючею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
Ты плачешь! полно, брось печали,
Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать,
Ну, подчивай сосѣдъ сосѣда!
И кружка вновь пошла кругомъ;
Намигъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ;
У всякаго своя есть повѣсть,
Всякъ хвалитъ мѣткій свой кистень.
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть:
Она проснется въ черный день.

Бѣловая рукопись *Братьевъ разбойниковъ* неизвѣстна. Сохранились только въ тетради Румянцовскаго Музея № 2365, лл. 46 и 61 об., наброски плана поэмы, да на лл. 51 и 52 черновые отрывки разсказа разбойника; въ тетради № 2366, лл. 19 и 19 об.,—нѣсколько исчерканныхъ черновыхъ набросковъ, вошедшихъ потомъ въ печатный текстъ, и, наконецъ, въ записной книжкѣ 1820—1821 гг.

lib.pushkinskijdom.ru

(въ Императорской Публичной Библіотекѣ), на л. 49 об.,— черновые стихи, въ печатный текстъ не вошедшіе. Приводимъ всѣ эти наброски.

№ 2365, л. 46:

I. разбойники, исторія двухъ братіевъ —
(нрзб.)
II. Атаманъ и съ нимъ дѣва; пѣснь на Волгѣ —
III. Купеческое судно, дочь купца —
IV. Сходитъ съ ума

Эта краткая программа дополняется и объясняется другою, находящеюся на л. 61 об. той же рукописи:

Поэма.

Вечеромъ дѣвица плачетъ подговариваетъ, (она пла) (р) молодцы готовы отплыть; Есаулъ — гдѣ то нашъ атаманъ — они плывутъ и поютъ...

Подъ Астраханью разбиваютъ корабль купеческій; онъ беретъ себѣ (въ) другую —[1] та* сходитъ* съ* ума*; (та) новая не любитъ (и) умираетъ — онъ пускается на всѣ злод (Товарищи) Есаулъ предаетъ его — —

Первый набросокъ разсказа разбойника написанъ не тѣмъ стихотворнымъ размѣромъ, къ которому Пушкинъ обратился впослѣдствіи (размѣромъ „Черной шали“). На л. 51 № 2365 сверху страницы находится недописанное и неразборчивое слово, которое можно прочесть: „Молд...“, а затѣмъ слѣдуютъ стихи:

Насъ было два брата — мы вмѣстѣ росли —
(Мы вмѣстѣ) (суровую) И жалкую (мы) въ нуждѣ про
(И въ бѣдности жалкой) младость вели —
алчная
(жадн) (нрзб.)
Но (жажда) страсть* (овладѣла) душой

---

[1] Буква *д* передѣлана изъ *н* (въ наложницы).

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

(тайный)
вышли (братскій)
И вмѣстѣ (пошли) мы на первый разбой.
ясной
(Мы ночью глухою) *нрзб. нрзб.* при (яркой) лунѣ
(Въ тиши на...) *(нрзб.)*
(Ѣздокъ запоздалой) скакалъ
Купецъ
(Ѣздокъ) обробѣлый скакалъ на конѣ —
Его
(Купца) мы настигли — (прон.)
(нрзб.)
омыли
И первою кровью кинжалъ (обагрили)
Мы (жили) къ убійству привычнымъ ножомъ
И стали (въ) селеньямъ ужасны кругомъ.

На л. 52 этотъ разсказъ изложенъ уже иначе и другимъ размѣромъ:

Насъ было двое — братъ и я —
Въ родномъ селеньи нашу младость
(Взросли мы въ бѣдности суровой)
Взростила чуждая семья
(мало)
(Мы рѣдко, рѣдко знали) (Намъ дѣтямъ жизнь была не въ)
(Намъ рѣдко выдавалась) радость
(отъ колыбели малолѣтной)
Ни лаской, ни хвалой (не) утѣшить
Никто (насъ) сиротъ (не утѣшалъ)
Хвалой иль ласкою привѣтной (ласкою)
Учиться
(Въ нуждѣ суровой) Родясь для (нуж) горя
(Всегда въ нуждѣ средь) заботъ
перво
Отъ колыбели (мало)лѣтной
(Привыкли мы)
(Не видѣли мы)
выкали
(Въ унынъи) Къ унынью при(учились) мы

lib.pushkinskijdom.ru

(Завидовали мы) (Забавъ)
(Своихъ ровесниковъ) (втайнѣ) (рано) невольно
Забавъ младенческихъ чуждались
(Своихъ ровесниковъ бѣжали)
(Невольно) юные умы
(нерзб.) (печальной) (привычной)
(Суровой) думой омрачались
И (юн) наши юные умы
И (страстью) *(нрзб.)* (омрачались) —
Бывало — намъ одна отрада —
(Вкругъ отдыхающаго стада)
(Бродить — и сыпать градъ камней)
(блеянье) (ягнятъ)
Пр... бродить у стада
И градъ камней въ него метать
(кругомъ) Бродить (и камнями разить)
(На кровлѣ горлицы)
(Иль гнѣзда горлицы домашней)
Или гнѣзда домашней птицы
(Съ) (руко) срывать
(л. 52 об.) (*нрзб.)* (биться)
Забавы* (скучны были намъ)
(Мы сельскихъ дѣвочекъ пугали)
Намъ скученъ былъ веселья
(Мы въ сельскихъ праздникахъ)
Мы знали (жалость и презрѣнье)
суровой
(И) нужды не знали мы (суровой)
(Намъ тяжко было выносить)
горькое
(Уже) сносили (мы) презрѣнье *(нрзб.)*
(Уже узнали мы презрѣнье)
И въ тайнѣ волновало насъ
(И) тайной зависти мученье*

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

(Въ младенчествѣ томило)
(Младенцевъ возмутило насъ)
Знакомо * рано * стало * намъ
Враждебной зависти мученье
(Наскуча жизнью) (бѣдн) (раб)
(И) (Мы наконецъ)
Наскуча барскою сохою
нрзб. работою
(Оставили чужую кровлю)
И (жизнь) *(нрзб.)* (оставя) *(нрзб.)* (работ) *(нрзб.)*
Пошли на дальной * сторонѣ (чужой)
иную —
Испытывать судьбу (иную) (другую)
(страхи) робость
Заботы, (совѣсть) и печали
И совѣсть
(И страхи) полетѣли прочь
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ, да темну ночь — [1]
пустынную
Въ жилье (зеленую) дубраву —
(....ой) (намъ жизнь воровъ)
(въ) *(нрзб.)* (разбой)
(удалой)
И стали жить *нрзб.*
(разбой) (разбой)
(разбой) (пр...) (намъ) по праву —
Нашъ промыселъ (при)
(А на) Кистень пришолъ намъ по рукѣ —

Въ тетради № 2366 находятся строки, соотвѣтствующія стт. 12 — 40 поэмы, въ слѣдующемъ видѣ и порядкѣ:

(л. 19.) (Насилье) развратъ (граб) (развратъ)
(кровь) грабежъ обманъ
(Добыча) кровь
(Насилье) (кровь) (обманъ)
Погибель, кровь

[1] Эти два двустишія сначала были написаны въ обратномъ порядкѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Суть
(Вотъ) узы страшнаго семейства
(хладною)
Тотъ ихъ, кто съ каменной * душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства
Уби... *нрзб.*
грабитъ
Кто (рѣжетъ) хладною рукой
съ бѣдной *(нрзб.)*
вдов(иц)у, (старца) сиротой —
Кому смѣшно дѣтей стенанье
Кто лѣтъ ни пола не щадитъ
(жадно)
(Кто смѣло на грабежъ летитъ)
убійство
Кого (погибель) (опасность) веселитъ
Какъ тайное любви свиданье
(Кто оживаетъ и дрожитъ)
Огонь потухъ — теперь луна
(И кровъ соломенный) луна
(Теперь)
(Огонь потухъ) — (на нихъ) луна
свой блѣдный
На нихъ (невѣрный) свѣтъ наводитъ
ковшъ зеленаго вина
И (скрыла тѣнь)
(Изъ рукъ въ другія переходитъ)
(кругомъ обходитъ)
(Ихъ) (кругомъ)
И кружка полная вина
друга
Отъ (брата) къ другу переходитъ
Прост...
Иныя
И сны

---

1 Эти два двустишія сначала были написаны въ обратномъ порядкѣ.

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

(л. 19 об.)

сокращаетъ
Друз(ей)ьямъ бесѣда (занимаетъ)
(Друзья) (Намѣсто)
Ненастной
(Угрюмой) ночи праздный часъ
(Товарищамъ) (ихъ)
(И новый имъ начинаетъ)
(ихъ)
Свой_____разказъ —
(Товарищей) (новыхъ) толпа внимаетъ
(внимаетъ)
(И ихъ) (ихъ мысли занимаетъ)
(И новыхъ)
Пришельца новаго разказъ
Теперь ихъ мысли занимаетъ
(Онъ) И все кругомъ ему внимаетъ
На ти
Насъ было двое братъ и я

Нѣсколько ниже набросана первоначальная редакція стт. 12 — 17:

Дона
И *(нрзб.)* (изъ) (Еврей)
и сынъ полуденныхъ степей
Башкирецъ хитрый безобр
И *(нрзб.)*
И (рыжій финъ) (и злой) Еврей
И праздной
вездѣ

Дальше нѣсколько листовъ тетради *вырвано* ранѣе ихъ перенумерованія, т. е., вѣроятно, самимъ Пушкинымъ, а за вырванными листами начинаются черновыя *Бахчисарайскаго Фонтана.*

Наконецъ, въ записной книжкѣ 1820—1821 гг., на л. 49 об., находится отрывокъ, представляющій, повидимому,

lib.pushkinskijdom.ru

приступъ къ исполненію *второй* части приведенной выше программы:

На Волгѣ, въ темнотѣ ночной
Вѣтрило блѣдное
(Плыветъ ладья) белѣетъ
(Струи) (въ бразды)
попутный вѣтеръ тихо вѣетъ
(бѣлѣетъ)
(Чуть озаренное луной)
(Недвижны веслы)
(Съ подъятыхъ веселъ каплетъ)
Недвижны веслы, руль заснулъ —
Плыветъ (*такъ!*) ребяты удалые
И стоя есаулъ
пѣсню

Въ собраніи рукописей Пушкина, находящемся въ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина въ Парижѣ, имѣется сложенный пополамъ полулистъ писчей бумаги съ водянымъ знакомъ фабрики Хлюстиныхъ и годомъ ...8 (т. е. 1818): см. „Пушкинъ и его современники“, выпускъ XII, стр. 20, № 53. Здѣсь на двухъ страницахъ находятся черновые наброски начала *Братьевъ Разбойниковъ* — въ слѣдующемъ видѣ:

На первой страницѣ полулиста:

Не стая вороновъ слеталась
Вкругъ изтлѣвающихъ (Кругомъ оставленныхъ)
(На груды тлѣющихъ) костей
(вкругъ)
За Волгой ночью, средь* огней*
Удалыхъ шайка собиралась
(Добыча въ руки имъ досталась)
(Казна въ добычу имъ досталась)
(Они дѣлились межъ собой)

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

(Они дѣлилися казной)
(слѣды)
(мрачной)
(На лицахъ яркою чертой)
(ихъ изображалась)
Корысть изображалась
(изображалась)

тутъ же, сбоку:

Они плащи на землю стелятъ
Кругомъ огней —
(Они)
Садятся шумною толпой —
И (въ *нрзб.*) (дѣлятъ межъ собой)
И дружелюбно межъ собой
(Сложивъ) (Кровавую) добычу дѣлятъ
(Ужасный видъ)
(Кругомъ огн) (Вокругъ огней)
(стелятъ)
(Они толпой)

На 4-й страницѣ полулиста:

(Картина странная)
(Разнообразный, чудный видъ) —
(Одежды лица — все различно)
Какая смѣсь одеждъ и лицъ
И лѣтъ племенъ и состояній
(Они)
(Сюда стеклись)
земли
(всѣхъ племенъ) (изъ) (со всѣхъ границъ)
(Со всякихъ странъ) (Сюда)
Они (Стеклись)
(Они сюда)
сбѣжались
Они * (стеклися) — для стяжаній
(И) (Вотъ вольный) (Вотъ казакъ) *(нрзб.)*

lib.pushkinskijdom.ru

(вольный)
(Вотъ житель береговъ)
(Днѣпра — Дона)
(Вотъ казакъ) (Вотъ въ рубищѣ суровый финъ)
(Вотъ финъ) (Вотъ финъ)
(Въ *нрзб.*) (въ буркѣ)
(Имъ нѣтъ вла) (имъ нѣтъ)
Живутъ безъ власти безъ закона
(Здѣсь — казакъ) (бѣглецъ)
(Вотъ казакъ) Донецъ
Въ *(нрзб.)* Кавказкой буркѣ
(Киргизъ) (Калмыкъ)
воинственнаго Дона (донской станицы)
(Вотъ) бѣглецы (Днѣпра и Дона)
(сбѣжавшій)
Вотъ финъ, б... (Вотъ финъ) — (сибирякъ)
рыбакъ (сѣверный ловецъ)
(Вотъ финъ)
(Вотъ финъ)
(Вотъ финъ, полу)
(Вотъ финской)
(И)
(Бѣглецъ воинственный)
(Вотъ выходецъ Донскихъ станицъ)
(Калмыкъ)
(Степей питомецъ безобразный)
И финъ —

сбоку:
Изъ селъ, пустынь (изъ) темницъ
(Всѣмъ видится одинъ конецъ)
(У всѣхъ одинъ) вѣнецъ
Живутъ безъ власти безъ зак
(Они)

Первое извѣстіе о *Братьяхъ Разбойникахъ* находится въ письмѣ Пушкина къ Гнѣдичу, изъ Кишинева, отъ

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

13 мая 1822 г.: „Есть у меня готовая поэмка“, читаемъ здѣсь, — „да NB. Цензура“ (Переписка, томъ I, стр. 43). Такимъ образомъ съ достаточною точностью опредѣляется время написанія поэмы, задуманной тотчасъ вслѣдъ за окончаніемъ *Кавказскаго Плѣнника*. Для этого новаго своего произведенія Пушкинъ рѣшилъ взять краски изъ русской народной жизни, изъ быта русскихъ разбойниковъ, — конечно, созерцаемаго сквозь тотъ „магическій кристаллъ“ романтической поэзіи, который въ ту пору признавался единственнымъ средствомъ для поэтическаго воззрѣнія на жизнь. Сохранившіеся въ тетрадяхъ поэта наброски программы даютъ возможность судить объ общемъ планѣ и характерѣ разсказа, дѣйствіе котораго должно было происходить въ средѣ волжскихъ разбойниковъ, а содержаніемъ служила исторія во вкусѣ „разбойничьихъ“ романовъ. Въ виду того, что Пушкинъ въ эту пору находился подъ извѣстнымъ вліяніемъ Байрона, допустимо предположеніе, что общее настроеніе поэмы должно было отражать въ себѣ и политическій мотивъ — протеста противъ общественныхъ условностей, и что герой ея являлся до нѣкоторой степени сроднымъ Карлу Моору или байроновскому Корсару; этотъ мотивъ отвѣчалъ и личному чувству поэта, какъ обиженнаго и разсерженнаго своимъ изгнаніемъ. Но, приступая къ исполненію своей программы, поэтъ вспомнилъ о реальномъ фактѣ, котораго онъ былъ, можно сказать, свидѣтелемъ въ 1820 году, въ бытность свою въ Екатеринославѣ, когда два разбойника, закованные вмѣстѣ, бѣжавъ изъ тюрьмы, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись *. Онъ и началъ поэму исторіей этихъ двухъ братьевъ, — исторіей, въ которую вве-

* Объ этомъ Пушкинъ говоритъ также и въ своихъ *Критическихъ замѣткахъ*: «Не помню, кто замѣтилъ мнѣ, что невѣроятно, чтобы скованные вмѣстѣ разбойники могли переплыть рѣку. Все это происшествіе справедливо и случилось въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославѣ».

lib.pushkinskijdom.ru

дены даже такія реальныя подробности, какъ отдыхъ на островкѣ и потопленіе одного изъ стражей (Переписка, томъ I, стр. 86). Идя отъ такого начала къ развитію романической исторіи, ему предстояло слить въ одномъ художественномъ образѣ реальный типъ бѣглаго арестанта съ поэтическимъ обликомъ идеализированнаго разбойника — Моора или Корсара, и представить этого героя во власти любви,—любви нераздѣленной и недостижимой, наполняющей его сердце отчаяніемъ. Можетъ быть, эта задача и была имъ выполнена, — вѣдь „поэмка", по его словамъ, была готова въ началѣ мая 1822 г., — но онъ остался ею недоволенъ, вырвалъ изъ тетради исписанные листы и уничтожилъ ихъ. „*Разбойниковъ* я сжегъ—и подѣломъ", писалъ онъ, 13 іюня 1823 г., А. А. Бестужеву (тамъ же стр. 71). Однако образъ дикаго, обуреваемаго сильными страстями, человѣка, испытывающаго надъ собою могущество идеальной любви, не пропалъ у нашего поэта: вслѣдъ за уничтоженіемъ поэмы, ея герой, разбойникъ, превратился въ Крымскаго хана, отвергнутая любовница назвалась Заремой, а взятая въ набѣгѣ купеческая дочь, которая не можетъ любить своего похитителя и тихо умираетъ, обратилась въ княжну Марію, послѣ смерти которой Гирей, точно такъ же, какъ и атаманъ пушкинской программы, „пускается во всѣ злодѣйства". Такимъ образомъ, *Бахчисарайскій Фонтанъ* явился только новой обработкой темы, которая уже ранѣе занимала Пушкина, но для которой первое найденное имъ воплощеніе оказалось неудачнымъ.

Прежде, чѣмъ сжечь *Разбойниковъ*, Пушкинъ сообщилъ первую главу своей поэмы Н. Н. Раевскому *, увидѣв-

* Е. Н. Орлова писала изъ Кишинева, 8 декабря 1822 г., своему брату А. Н. Раевскому: «Пушкинъ послалъ Николаю отрывокъ поэмы, которую не думаетъ ни печатать, ни кончать». (*Былое* 1906, октябрь, стр. 308).

lib.pushkinskijdom.ru

шему въ этомъ отрывкѣ прекрасные образцы „простой и естественной рѣчи, которой наша публика еще не понимаетъ“ (Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ“, стр. 145). Этотъ отзывъ Раевскаго, сужденіямъ котораго Пушкинъ вообще очень довѣрялъ, спасъ отрывокъ для печати. „Какъ сюжетъ, c'est un tour de force“, писалъ поэтъ кн. Вяземскому, посылая ему отрывокъ: — „это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ я ничего лучше не писалъ“ (Переписка, томъ I, стр. 78). Нѣсколько ранѣе (13 іюня 1823 г.) онъ предложилъ Бестужеву напечатать отрывокъ въ *Полярной Звѣздѣ*, — „если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ не испугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ“ (тамъ же, стр. 71). Повидимому, цензура возражала противъ нѣкоторыхъ стиховъ, такъ какъ годъ спустя, 29 іюня 1824 г., Пушкинъ писалъ Бестужеву: „Я думалъ, что Цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ — а вижу что и при старомъ по старому. Если согласіе мое не шутя тебѣ нужно для напечатанія Разбойниковъ — то я никакъ его не дамъ если не пропустятъ *грезъ* и *харчевни* (скоты! скоты! скоты!) а *попа* къ чорту его“ (тамъ же, стр. 122). *Грезы* и *харчевня* явились въ печати, а слова „иль попъ“ замѣнены были словомъ: „или“.

При своемъ появленіи въ печати новое произведеніе Пушкина было встрѣчено сужденіями, въ общемъ похвальными. „Прислушиваясь къ различнымъ толкамъ о нашей Поэзіи“, писалъ критикъ *Сына Отечества* (1825, часть 101, № 10, стр. 196 — 197, „Четвертое письмо на Кавказъ“), „я слышалъ довольно рѣзкіе приговоры отрывку изъ поэмы *Братья разбойники*. Главнѣйшее изъ обвиненія есть то, что разсказывающій разбойникъ не вездѣ говоритъ свойственнымъ ему языкомъ, часто сбивается на возвышенную Поэзію, употребляетъ слова, разрушающія очарованіе правдоподобія и такъ сказать, показывающія своего суфлера. Отчасти замѣчаніе это справед-

lib.pushkinskijdom.ru

ливо; но нѣсколько несвойственныхъ простотѣ разсказа выраженій нимало не ослабляютъ достоинства піесы. Чувствованія, положенія, звѣрскія забавы и ужасы списаны съ натуры. Какая пестрота дѣйствія и разсказа, какое картинное описаніе разбойничьяго притона, какія ужасныя мѣстности! Ты спросишь меня: какая цѣль этой піесы? Прочти описаніе угрызеній совѣсти, изображеніе смерти младшаго брата: вотъ мой отвѣтъ".

Подобные же отзывы были даны въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1825, часть II, № 8, стр. 329 — 332, *Сынѣ Отечества* 1827, часть 114, № 16, стр. 399—402, и *Славянинѣ* 1827, часть II, стр. 456 — 457. Въ обозрѣніи русской словесности за 1827 годъ, напечатанномъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828, часть VII, № 1, было указано, что въ *Братьяхъ Разбойникахъ* „еще не совсѣмъ исчезли слѣды глубокихъ впечатлѣній Байрона: на характерахъ еще замѣтенъ отпечатокъ меланхоліи Британскаго Поэта. Въ разбойникѣ старшемъ виденъ также голодъ души, ненасыщаемой преступленіями, и за удары судьбы, къ нему непріязненной, неправо мстящей всему человѣчеству; разбойникъ младшій напоминаетъ своею участью меньшаго брата Шильонскому Узнику". Это указаніе на Байрона было еще рѣзче подчеркнуто И. В. Кирѣевскимъ, который въ одной изъ своихъ статей 1827 г. писалъ, что „*Братья Разбойники*—больше каррикатура Байрона, нежели подражаніе. Бониваръ (герой *Шильонскаго Узника*) страдаетъ для того, чтобы „спасти души своей любовь", и, какъ ни жестоки его мученія, но въ нихъ есть какая-то поэзія, которая принуждаетъ насъ къ участію; между тѣмъ какъ подробное описаніе страданій пойманныхъ разбойниковъ поселяетъ въ душѣ одно отвращеніе, — чувство подобное тому, какое произвелъ бы видъ мученія преступника, осужденнаго къ заслуженной казни" (Сочиненія Кирѣевскаго, томъ I, стр. 12). То же было повторено и въ

lib.pushkinskijdom.ru

вообще неблагопріятной для Пушкина статьѣ *Галатеи* (1839, часть III, № 24, стр. 482 — 485). Въ отношеніи *Шильонскаго Узника* самъ Пушкинъ, въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 11 ноября 1823 г., говоритъ: „Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ *Шил. Узн.* Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно, отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года", т. е. ранѣе выхода въ свѣтъ перевода Жуковскаго (Переписка, томъ I, стр. 86). Такимъ образомъ, мысль о подражаніи этой поэмѣ Байрона не имѣетъ достаточнаго основанія и, какъ замѣтилъ академикъ Н. А. Котляревскій (Сочиненія Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, томъ II, стр. 125), „не будетъ никакой натяжки, если мы предположимъ, что Пушкинъ очень смутно помнилъ поэму Байрона или вовсе не зналъ ея, когда писалъ своихъ *Братьевъ разбойниковъ*... Поэту и въ голову не приходило сравнивать свою поэму съ *Шильонскимъ Узникомъ*". Професоръ А. И. Незеленовъ, въ своемъ сочиненіи „А. С. Пушкинъ въ его поэзіи" (стр. 100 — 105), проводя параллель между произведеніями Байрона и поэмой Пушкина, останавливается на мысли о томъ, что дальнѣйшее содержаніе этой поэмы, насколько можно догадываться по сохранившимся программамъ, должно было до нѣкоторой степени сблизить ее съ *Корсаромъ:* и тамъ, и здѣсь мѣсто дѣйствія—разбойничій станъ; въ обѣихъ поэмахъ картины грабежа; въ обѣихъ герои поставлены между двухъ женщинъ... Еще больше сходства въ нравственномъ обликѣ героевъ: оба они — порочные люди, враги общества, убійцы; но оба сдѣлались разойниками, чтобъ отплатить людямъ за ихъ безсердечіе. Л. Н. Майковъ, признавая извѣстную долю зависимости нашего поэта отъ Байрона — въ общемъ настроеніи, обращаетъ вниманіе на самостоятельность въ творчествѣ Пушкина: „герой Байрона можетъ, пожалуй, внушить къ себѣ удивленіе; герой Пушкина вызываетъ

lib.pushkinskijdom.ru

состраданіе; такіе люди слывутъ въ нашемъ народѣ подъ именемъ *несчастненькихъ*. Встъ, въ этой-то сердечной чуткости, проявленной Пушкинымъ въ изображеніи разбойника, и сказалась самобытная сторона его замысла. Ей не нашлось бы мѣста, если бы русскій поэтъ только покорно слѣдовалъ за своимъ образцомъ; возможность ея объясняется тѣмъ, что образъ разбойника сложился въ фантазіи Пушкина не только подъ вліяніемъ Байрона, но и подъ живыми впечатлѣніями, вынесенными поэтомъ изъ его непосредственныхъ наблюденій надъ народною жизнью“ („Пушкинъ“, стр. 159).

Изъ современныхъ Пушкину критиковъ слѣдуетъ отмѣтить еще отзывъ Бѣлинскаго, которому поэма вообще не понравилась. Онъ увидѣлъ въ ней „не болѣе, какъ ученическій опытъ“, въ которомъ „все ложно, все натянуто, все мелодрама, и ни въ чемъ нѣтъ истинны, отчего эта поэма очень удобна для пародій. Будь она написана въ одно время съ *Русланомъ и Людмилой*, — она была бы удивительнымъ фактомъ огромности таланта Пушкина, ибо въ ней стихи бойки, рѣзки и размашисты, разсказъ живой и стремительный. Но какъ произведеніе, современное *Цыганамъ* *, эта поэма — неразгаданная вещь. Ея разбойники очень похожи на Шиллеровыхъ удальцовъ третьяго разряда изъ шайки Карла Моора, хотя по внѣшности событія и видно, что оно могло случиться только въ Россіи. Языкъ разсказывающаго повѣсть своей жизни разбойника слишкомъ высокъ для мужика, а понятія слишкомъ низки для человѣка изъ образованнаго сословія; отсюда и выходитъ декламація, проговоренная звучными и сильными стихами. Грезы больного разбойника и монологи, обращаемые имъ въ бреду къ брату, — рѣшительно мелодрама. Поэмка бѣдна поэзіей, которой

* Бѣлинскій ошибочно относилъ *Братьевъ Разбойниковъ* къ 1824 г.

lib.pushkinskijdom.ru

такъ богато все, что ни выходило изъ-подъ пера Пушкина... Есть даже плохіе стихи и прозаическіе обороты, какъ, напримѣръ: „Межъ ними *зрится* и бѣглецъ“, „Насъ *другъ ко другу* приковали“.

Вскользь брошенное Бѣлинскимъ замѣчаніе, что поэма Пушкина „удобна для пародій“, вскорѣ оправдалось на дѣлѣ: въ концѣ 30-хъ или въ началѣ 40-хъ годовъ быстро распространилась въ рукописяхъ очень удачная и злая шутка Н. И. Куликова: „Братья журналисты“, въ которой были выведены Булгаринъ и Гречъ. Она напечатана только въ 1885 г., въ *Русской Старинѣ*, № 2.

Къ 1821 — 1822 г. относятся, по всей вѣроятности, еще слѣдующіе черновые наброски:

I.

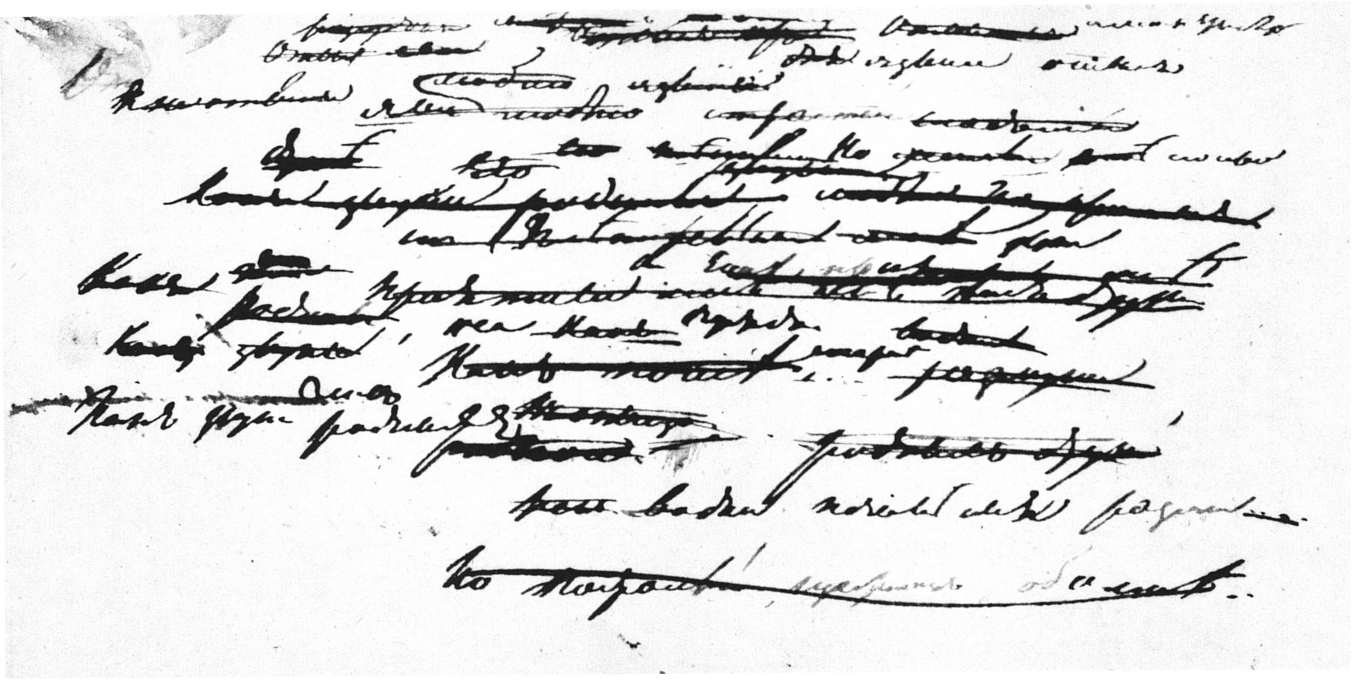
Не даромъ ты ко мнѣ воззвалъ
Изъ глубины глухой темницы
(Записная книжка 1820 — 1821 гг.).

II.

Тѣснится средь толпы
(Тѣснятся) _____ Еврей трудолюбивый
(Подъ бурк) (Черкесъ) Кавказа дикій властелинъ
Болтливый Грекъ и Турокъ молчаливый
И важный Персъ и хитрый Армянинъ —
(И злой Черкесъ) (*нрзб.*) (*нрзб.*)
(Мнѣ)

(Рукопись Румянцовскаго Музея № 2365, л. 26 об. Тутъ же, ниже, начато посланіе къ Чаадаеву). По размѣру и содержанію подходитъ къ отрывку: „Я видѣлъ Азіи безплодные предѣлы“, см. настоящаго изданія томъ II, стр. 368 — 369.

lib.pushkinskijdom.ru

Рум. Муз. № 2365, л. 38 об.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

III.

(Во времена царя Дадона)
(Въ какой то дальной сторонѣ)
Былъ монастырь гдѣ въ тишинѣ
(Въ монастырѣ) во дни
(Въ монастырѣ, во времена) Дадона
(когда то)
(Святые) (жили) чернецы
гдѣ чернецы
Былъ монастырь, (и въ немъ отцы)
— тамъ
(Достойны были Вавилона)
(Безъ) (Ничто) (*нрзб.*) (Не соблюдали)
(правилъ) (И правилъ)
—— безъ правилъ, безъ закона
(Такъ)

(Тамъ же, л. 43). Повидимому — начало какой-то сказки.

IV.

(въ)
(Часы протекшіе) въ* живомъ* очарованьи
Вы дни
(Вы промелькнувшіе)
сладостныхъ надеждъ, восторговъ)
Вы (дни пылкихъ радостей надежды в...)
Теките медленнѣй въ моемъ воспоминаньи
Въ безпечныхъ радостяхъ, въ живомъ очарованьи

(Тамъ же, л. 43 об.). Дальше — черновое стихотвореніе „Гробъ юноши“.

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

V.

Одна черта руки моей
Тебѣ
(И ты) довольна другъ мой нѣжный —

(Тамъ же, л. 46, между программами *Братьевъ Разбойниковъ* и поэмы изъ русской исторіи: „Олегъ — въ Византію — Игорь и Ольга — походъ").

Кромѣ того въ музейной рукописи № 2365 находятся два французскихъ стихотворенія, можетъ быть, только записанныя Пушкинымъ на память, а можетъ быть, имъ и сочиненныя:

1.

Eglé
A son amant (Laïs) sans résistance
Avait cédé — mais lui pâle et perclus
déménait (n'en pouv)
Se (tenait coi) — enfin n'en pouvant plus
Tout essouflé tira... sa révérence —
plus qu'arrogant
Lui Eglé d'un ton (de nonchalance)
Parlez, Monsieur: pourquoi donc mon aspect
Vous glace-t-il? m'en direz vous la cause
dégout Mon Dieu
Est-ce (infamie) — (du tout): c'est autre chose
Excès d'amour? Non, excès de respect.

Стихъ 5-й съ поправкою написанъ сбоку. Эпиграмма была впервые напечатана въ *Русскомъ Архивѣ* 1881, т. I и въ сборникѣ П. И. Бартенева „А. С. Пушкинъ", М. 1881, выпускъ I, стр. 130. По мнѣнію Н. О. Лернера (Сочиненія Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, томъ II,

lib.pushkinskijdom.ru

стр. 586), стихи могутъ относиться къ Аглаѣ Антоновнѣ Давыдовой, о которой см. выше, стр. 13, прим. къ эпиграммѣ: „Иной имѣлъ мою Аглаю“. Надо, однако, замѣтить, что имя „Эгле“—одно изъ обычныхъ условныхъ именъ во французской „легкой“ поэзіи XVII — XVIII столѣтій.

2.

maîtresses
J'ai possédé (femmes) honnêtes
Je les servais le
(J'ai eu des femmes) comme il faut
Mais je n'ai point tourné de tête,
Je n'ai jamais visé si haut.

Здѣсь характерна поправка въ 1-мъ стихѣ, — замѣна двухсложнаго femmes трехсложнымъ maîtresses. Такой просодической ошибки, конечно, не могъ сдѣлать французъ, и, казалось бы, трудно было ожидать ея отъ Пушкина.

Въ рукописи Онѣгинскаго музея, упомянутой выше, на той же страницѣ, гдѣ написанъ черновой набросокъ начальныхъ стиховъ *Братьевъ Разбойниковъ*, находятся еще слѣдующіе стихи, внушенные, вѣроятно, вѣстями о греческомъ возстаніи:

вѣрная
Гречанка (смѣлая!) не плачь онъ палъ Героемъ
въ его
Свинецъ врага (пронзилъ ему) вонзился грудь —
ему
Не плачь — не ты ль сама предъ первымъ боемъ
(Ему) назначила кровавой чести путь —
(Быть можетъ) въ часъ (быть можетъ втайнѣ) (онъ
угадывалъ)
Тогда тяжелую предчувствуя
(Такъ) онъ угадывалъ (разлуку)

lib.pushkinskijdom.ru

(Твой другъ) (Супругъ тебѣ простеръ)
торжественную
(Когда въ послѣдній разъ тебѣ простеръ онъ) руку
Младенца своего въ слезахъ благословилъ
Но я ое о
Знам(ена) черн(ые) свободой возшумѣл(и)
Какъ Аристогитонъ онъ миртомъ мечь обвилъ —
(Возставъ)
(битвы)
(Онъ въ) (сѣчу) ринулся —
(Свершить) Великое, святое дѣло —
и
(Брань) — падшій совершилъ —
(Мы за)

Въ той же рукописи записанъ слѣдующій отрывокъ, свидѣтельствующій о томъ, что Пушкинъ въ 1821 г. задумывалъ перевести Байроновскаго *Гяура:*

TRADUCTION LITTERALE.

Pas un souffle d'air pour briser ce flot, qui roule sur la
élevée
greve d'Athenes; près de cette tombe (qui apparait haut) sur le rocher (стремнина)[1] (sur la) (de) sur cette terre qu'il sauva en vain premier objet (et) que salue (le premier) le vaisseau qui s'en revient: quand revivra un tel *héros?*

. . . . . , , , . . .

Doux climat! où chaque saison sourit doucement sur ces (bel) îles benies qui vues des hauteur[s] de *Colonna* enchantent le coeur, qui rejouit l'oeil et (l'on croit) le plonge (sur) dans une contemplation rêveuse.

Là la surface riante de l'Ocean réflecte

[1] Скобки Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

(синяя)
(Нѣтъ вѣтра — тихая волна)
(Аѳины) (прахъ)
(На прахъ Аѳинъ) (орошаетъ)
(Тамъ) — На прахъ Аѳинъ — катится
(Въ могилѣ)
Туда —
(Высокая)
(Возвышенно) могила зрится

„Буквальный“ французскій переводъ начальныхъ стиховъ *Гяура* сдѣланъ неточно; между прочимъ, выраженіе: Athenian's grave (рѣчь идетъ о могилѣ Ѳемистокла) переведено: la grève d'Athènes. Дальнѣйшая попытка переложить французскую прозу въ русскіе стихи оказалась съ самаго же начала настолько неудачной, что поэтъ тутъ же бросилъ ее, зачеркнувъ широкими росчерками пера.

lib.pushkinskijdom.ru

1822.

I.

У КЛАРИСЫ ДЕНЕГЪ МАЛО.

(Стр. 97).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 11 об., съ помѣтой: „1822 генв.,“ и въ рукописи графа П. И. Капниста, л. 11 об., подъ заглавіемъ: „Совѣтъ“. Напечатано въ изданіяхъ 1826 (стр. 101) и 1829 (ч. I, стр. 158).

Въ музейной рукописи стихъ 2-й читается:

Ты богатъ — иди *жъ* къ вѣнцу

а стихъ 3-й:

И богатство *къ ней* пристало.

С. А. Венгеровъ (Соч. Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, томъ II, стр. 589) высказываетъ предположеніе, что эта эпиграмма, „направлена противъ дочери разоренаго эмигранта Аглаи Давыдовой и ея злополучнаго мужа“. Но въ ту пору, когда Пушкинъ познакомился съ Давыдовымъ, послѣдній уже былъ женатъ; а эпиграммы „заднимъ числомъ“ были не въ обычаѣ у нашего поэта (да и вообще не имѣютъ смысла).

---

lib.pushkinskijdom.ru

II.

НЕДАВНО Я ВЪ ЧАСЫ СВОБОДЫ.

(Стр. 98).

Черновой автографъ этого стихотворенія, не получившаго окончательной отдѣлки, находится въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ (собраніе Л. Н. Майкова). Напечатано (всего 20 стиховъ) въ Посмертномъ изданіи, томъ IX, стр. 128, подъ заглавіемъ: „Сѣтованіе“ и съ пропускомъ 8-го стиха, возстановленнаго только П. А. Ефремовымъ въ Соч. Пушкина, изд. Суворина, томъ I, стр. 397 и томъ VIII, стр. 626. Окончаніе (со стиха: „И вдругъ растрепанную тѣнь“) напечатано *впервые* въ настоящемъ изданіи.

Рукопись испещрена поправками, замѣнившими слѣдующіе *первоначальные* варіанты:

Ст. 3-й и 4-й: И *хоть и* ясно понималъ
Краснорѣчивые доводы
„ 7-й и 8-й: *И* перевертывалъ листы,
Но, признаюсь, ропталъ на Бога.
„ 9-й—13-й: Я думалъ: новаго кумира
Со скуки ищетъ мой пѣвецъ —
(Аполлона жрецъ,
Не сотвори себѣ кумира)
Перебѣсилась наконецъ
Его проказливая лира
И (видно) сердцемъ охладѣвъ
Онъ *нынѣ* сталъ въ угоду міра
Благоразумный человѣкъ,
А муза, присмирѣвъ на вѣкъ,
Пошла въ отставку безъ мундира.
Ст. 14-й: *Увы!* промолвилъ я сквозь слезы
„ 16-й: Оставить *лавры, мирты,* розы

lib.pushkinskijdom.ru

Ст. 18-й: Вѣнчанный *славою* поэтъ
„ 20-й: И *тѣни* Бурцова угрозы?
Стт. 21 — 26-й:
(Сія разгнѣванная)
Его разтрепанная тѣнь
(Является передо)
Сама явилась предо мною
(Она) (Она)
Блестящій киверъ на бекрень
И *чудо* ментикъ за спиною
Пьяна — какъ въ самой *смертный* день

Этотъ набросокъ шуточнаго посланія къ Д. В. Давыдову вызванъ появленіемъ его книги: „Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія“, М. 1821, которую Пушкинъ называетъ здѣсь „уставомъ наѣздника“. Однополчанинъ и пріятель Давыдова, Алексѣй Петровичъ Бурцевъ, умершій въ 1813 г. въ Брестѣ Литовскомъ, былъ, по отзыву С. П. Жихарева („Записки“, М. 1890, стр. 60), „величайшій гуляка и самый отчаянный забулдыга изъ всѣхъ гусарскихъ поручиковъ“. Ему Давыдовъ посвятилъ нѣсколько „залихватскихъ“ стихотвореній, одно изъ которыхъ оканчивается стихами:

Нутка, *киверъ на бекрень*
И — ура! счастливый день!

Въ другомъ своемъ стихотвореніи: „Пѣсня стараго гусара“ Давыдовъ вспоминаетъ „коренныхъ гусаръ“,

сидящихъ вкругъ огня
Съ красносизыми носами.
. . . . . .
. . . . . дымъ гуляетъ
На *закрученныхъ вискахъ*. . .
Но едва проглянетъ день —

lib.pushkinskijdom.ru

Каждый по полю порхаетъ,
Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ въ вихрями играетъ...

Эти давыдовскія выраженія и примѣнены Пушкинымъ въ изображеніи тѣни Бурцова.

III.

МОЙ ДРУГЪ, УЖЕ ТРИ ДНЯ...

(Стр. 99).

Печатается по рукописи Румянцовскаго Музея № 2366, л. 8, по которой впервые было напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, т. 42, стр. 328. Пропускъ послѣ ст. 20-го, означенный точками, происходитъ оттого, что въ рукописи уголъ листа оборванъ. Рукопись представляетъ слѣдующіе первоначальные, зачеркнутые варіанты:

Ст. 1-й:	*Уже прошло* три дня какъ подъ
„ 4-й:	*Еще* съ моимъ Орестомъ
„ 5-й:	*Хранитель* молдованъ
Стт. 9 — 10:	*Презрѣвъ* мой свѣтлый *родъ*
	И что я Ѳеба крестникъ
	(*Что я Волтера* крестникъ)
Ст. 13-й:	*Подъ шалевой* чалмою
Стт. 14 — 15-й:	*И глупой* бородою,
	Подлецъ и грубіянъ
„ 17 — 18-й:	*За то*, что *я* пугнулъ
	Орду бояръ тревогой
	(*Нежданною* тревогой)
„ 21 — 22-й:	.....*пустую*,
	А именно — *рисую*

lib.pushkinskijdom.ru

Стт. 26—27-й: *Тяжелыя* фигуры
Куконовъ, куконицъ
Ст. 29-й: Обритыхъ *бородатыхъ*.

Въ этомъ стихотвореніи, обращенномъ, по всей вѣроятности, къ Н. С. Алексѣеву, котораго поэтъ называетъ своимъ Орестомъ, разсказывается о взысканіи, которому подвергся Пушкинъ, по распоряженію И. Н. Инзова (назначеннаго исправляющимъ должность намѣстника Бессарабской области вмѣсто Алексѣя Николаевича Бахметева), за пощечину, данную молдованскому „кукону" (боярину) Тодору Балшу. Въ воспоминаніяхъ Вельтмана, Липранди и другихъ кишиневскихъ жителей того времени эта исторія обрисовывается слѣдующимъ образомъ:

Тодоръ Балшъ, человѣкъ уже пожилой, былъ бояриномъ перваго ранга и членомъ Верховнаго Совѣта, почему и имѣлъ право носить бороду, между тѣмъ какъ бояре низшихъ ранговъ обязаны были бриться. Его жена, Марія Егоровна, довольно красивая и словоохотливая дама лѣтъ тридцати, хорошо владѣла французскимъ языкомъ и склонна была думать, что Пушкинъ ею заинтересованъ. Обиженная предпочтеніемъ, которое, какъ ей казалось, Пушкинъ началъ оказывать другой дамѣ, г-жа Балшъ стала говорить ему рѣзкости и, между прочимъ, намекнула, что въ недавней его дуэли съ полковникомъ Старовымъ, не имѣвшей результатовъ, Пушкинъ велъ себя не такъ, какъ бы слѣдовало. Пушкинъ оскорбился этимъ замѣчаніемъ и сказалъ, что если бы на ея мѣстѣ былъ ея мужъ, то онъ сумѣлъ бы съ нимъ поговорить; поэтому ничего не остается больше дѣлать, какъ узнать, такъ ли и онъ думаетъ: и, подойдя къ карточному столу, за которымъ сидѣлъ Балшъ, Пушкинъ отозвалъ его въ сторону и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Балшъ пошелъ переговорить съ женой, но та ему отвѣтила, что Пушкинъ наговорилъ

lib.pushkinskijdom.ru

ей дерзостей. „Какъ же вы требуете отъ меня удовлетворенія, а сами позволяете себѣ оскорблять мою жену?“ сказалъ возвратившійся Балшъ. Слова эти были произнесены съ такимъ высокомѣріемъ, что Пушкинъ не стерпѣлъ, схватилъ подсвѣчникъ и замахнулся на Балша. Подоспѣвшій Алексѣевъ удержалъ его, и противниковъ кое-какъ развели. На другой день, по настоянію Крупенскаго, въ домѣ котораго произошелъ этотъ скандалъ, и П. С. Пущина, Балшъ согласился извиниться передъ Пушкинымъ, который нарочно для этого пришелъ къ Крупенскому. Но Балшъ, вмѣсто извиненія, сказалъ: „Меня упросили извиниться передъ вами; какого извиненія вамъ нужно?“ Пушкинъ, не говоря ни слова, далъ ему пощечину, и за это былъ посаженъ Инзовымъ подъ арестъ на двѣ недѣли (см. Бартеневъ, „Пушкинъ въ Южной Россіи“, *Русскій Архивъ* 1866, стл. 1166—1169, 1242, 1246; И. П. Липранди, *тамъ же,* стл. 1416—1423; Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ“, стр. 8, 127). Впослѣдствіи, въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 14 іюня 1824 г., вспоминая объ этомъ случаѣ, Пушкинъ говорилъ: „Старичекъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякой разъ какъ мнѣ случалось побить Молдавскаго Боярина. Правда — но за то добрый мистикъ въ то-же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ Гишпанской революціи...“ (Переписка, томъ I, стр. 124).

IV.

[ЗАПИСКА КЪ ПРІЯТЕЛЮ].

(Стр. 101).

Родъ заглавіемъ: „Записка къ пріятелю“ напечатано въ изданіи Анненкова, томъ VII, стр. 84—85. Автографъ находится въ майковскомъ собраніи Императорской Ака-

lib.pushkinskijdom.ru

деміи Наукъ (*Пушкинъ и его современники,* выпускъ IV, стр. 5, № 13); это—четвертушка грубой сѣрой бумаги съ водянымъ знакомъ „182..“ Стихи здѣсь не имѣютъ заглавія, и текстъ одинаковъ съ печатнымъ; стихъ 6-й начатъ былъ словомъ: „Достой“, но это слово осталось недописано и зачеркнуто; вслѣдъ за нимъ такъ же недописано и зачеркнуто: „Тар“.

Упомянутый въ этой запискѣ Тардифъ — извѣстный въ свое время петербургскій ресторатеръ. До начала отечественной войны онъ держалъ Hôtel de l'Europe, помѣщавшійся въ зданіи нынѣшняго Главнаго Штаба, ближе къ Невскому проспекту. „Роскошь, богатство убранства и пространство помѣщенія были огромны. Два посланника, баварскій и шведскій, постоянно жили тутъ. По внезапномъ выступленіи гвардіи въ мартѣ 1812 г., на гвардіи осталось много долговъ; это было еще ничего, но Тардифъ былъ кутила; прелестная жена его вдругъ исчезла съ кирасирскимъ полковникомъ, забравъ все, что было цѣннѣе, и всю кассу. Тардифъ скрылся отъ описи и былъ увезенъ тайно однимъ фельдъ-егеремъ къ собрату своему Отону, въ Одессу, но уже совершенно спившимся и чуть не голымъ. Онъ пробовалъ брать мѣста, но его выгоняли. Одно время онъ былъ у Пав. Дм. Киселева въ Тульчинѣ, и отъ него былъ прогнанъ, посидѣвъ прежде на гауптвахтѣ“. Въ 1822—1825 гг. онъ проживалъ въ Кишиневѣ, служилъ нѣкоторое время поваромъ у Ф. Ф. Вигеля, В. П. Горчакова, И. П. Липранди, но его страсть къ вину всюду являлась причиною отказа отъ мѣста. Нерѣдко его приглашали въ кишиневскіе дома готовить званые обѣды и ужины. Въ 1825 г. ему помогли открыть “одну комнату“ для завтраковъ; но вскорѣ онъ сильно запилъ и пропалъ безъ вѣсти. См. воспоминанія Липранди въ *Русскомъ Архивѣ* 1866, стл. 1458—1459, и Записки Вигеля, часть VI, стр. 105.

lib.pushkinskijdom.ru

Коленкуръ — французскій посолъ въ Петербургѣ, 1807—1811.

V.

ДРУЗЬЯМЪ.

(Стр. 102).

Напечатано въ *Полярной Звѣздѣ* на 1824 годъ, стр. 24—25, и оттуда перепечатано въ *Новостяхъ Литературы* 1824, кн. VII, № 10, стр. 159. Затѣмъ вошло въ изданія 1826 (стр. 81—82) и 1829 (ч. I, стр. 153—155).

Извѣстно два автографа этой пьесы: одинъ, принадлежавшій Е. А. Масальской-Суриной, рож. Шахматовой, и находящійся нынѣ въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ, первоначально былъ озаглавленъ: „Вакхическая пѣснь“; затѣмъ это заглавіе было зачеркнуто и замѣнено заглавіемъ: „Друзьямъ“. Этотъ автографъ представляетъ варіанты:

Строфа 1-я, стихъ-4 й: При *блескѣ* чашъ...
„ 3-я, „ 2-й: Не ослѣпляя *вашихъ* глазъ

Другой автографъ, озаглавленный: „К—у, П—имъ и Г—ву“ (т, е. „Кеку, Полторацкимъ и Горчакову“), находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ и напечатанъ въ ея *Отчетѣ* за 1888 г., стр. 177. Въ немъ имѣются слѣдующіе варіанты:

Строфа 1-я, стихъ 4-й: При *блескѣ* чашъ, при *звукахъ* лиръ
„ 4-я, „ 2-й: Что жажду (пылкую) (вѣчную) юноши поя
6-я, стихи 2 — 4-й:

Скорбь *изчезала* предо мной,
Какъ *изчезала* въ чашахъ пѣна
Надъ зашипѣвшею струей.

lib.pushkinskijdom.ru

Стихотвореніе написано послѣ прощальнаго обѣда, даннаго въ Кишиневѣ, у М. А. Полторацкаго, по случаю отъѣзда одного изъ общихъ знакомыхъ, свитскаго офицера Валерія Тимоѳеевича Кека. На обѣдѣ Пушкина „отличили почетной чашей", т. е. поднесли ему шампанское въ самомъ большомъ изъ складныхъ походныхъ стакановъ, вставлявшихся одинъ въ другой. См. статью В. П. Горчакова въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1858, № 19, и *Русскій Архивъ* 1866, стб. 1188—1189. Пушкинъ отослалъ стихи въ Петербургъ, гдѣ они были прочитаны А. А. Бестужевымъ въ публичномъ засѣданіи Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, 22 мая 1823 г. См. *Труды* названнаго Общества, часть XXII, стр. 296 — 297.

Бѣлинскій (Сочин., М. 1892, томъ VIII, стр. 329—330) призналъ эту пьесу образцомъ „переходныхъ" стихотвореній Пушкина, въ которыхъ нашъ поэтъ „является счастливымъ ученикомъ прежнихъ мастеровъ, особенно Батюшкова, — ученикомъ, побѣдившимъ своихъ учителей". Отмѣчая въ этихъ стихахъ переходъ отъ веселости къ грусти, критикъ говоритъ, что „грусть Пушкина не есть сладенькое чувствованьице нѣжной, но слабой души; это всегда грусть души мощной и крѣпкой, и тѣмъ обаятельнѣе дѣйствуетъ она на читателя, тѣмъ глубже и сильнѣе отзывается въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ его сердца и тѣмъ гармоничнѣе потрясаетъ его струны. Пушкинъ никогда не раскаивается въ грустномъ чувствѣ; оно всегда звенитъ у него, но не заглушая гармоніи и другихъ звуковъ души и не допуская его до монотонности. Иногда, задумавшись, онъ какъ будто вдругъ встряхиваетъ головою, какъ левъ гривою, чтобъ отогнать отъ себя облако унынія, и мощное чувство бодрости, не изглаживая совершенно грусти, даетъ ей какой-то особенный, освѣжительный и укрѣпляющій душу характеръ. Такъ и

lib.pushkinskijdom.ru

въ приведенной пьесѣ внезапное чувство мгновенной грусти тотчасъ же смѣнилось у него бодрымъ и широкимъ размахомъ просвѣтлѣвшей души".

VI.

ГРЕЧАНКѢ.

(Стр. 104).

Напечатано въ *Полярной Звѣздѣ* на 1823 годъ, стр. 107 — 108, откуда перешло въ „Собраніе новыхъ русскихъ стихотвореній, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1823 годъ", часть I, Спб. 1824, стр. 276 — 277. Затѣмъ повторено въ изданіяхъ 1826 (стр. 164 — 165) и 1829 (часть I, стр. 156 — 157), а также въ Посмертномъ (часть III, стр. 152 — 153).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, лл. 17 об. и 18, и въ автографѣ на отдѣльномъ листкѣ, принадлежавшемъ Е. А. Масальской-Суриной и находящемся нынѣ въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ. Въ музейной рукописи есть два варіанта:

Стихъ 18-й: Узналъ, *увидѣлъ* какъ во снѣ
„ 30-й: И *грустью тайною* томимъ

Въ академическомъ автографѣ варіантовъ нѣтъ, кромѣ написанія въ стихѣ 15-мъ: „въ дальн*ой* сторонѣ" (какъ въ *Полярной Звѣздѣ*) вмѣсто „дальней" (какъ въ слѣдующихъ изданіяхъ). Кромѣ того, къ стиху 10-му, гдѣ упоминается имя Леилы, сдѣлано примѣчаніе: „См. поэму лорда Байрона Гяуръ (а не Джауръ, какъ пишутъ нѣкоторые)".

Стихотвореніе относится къ одной изъ кишиневскихъ знакомыхъ Пушкина, гречанкѣ Калипсо Полихрони, свѣдѣнія о которой сообщаются въ воспоминаніяхъ Вигеля и Липранди. Калипсо, вмѣстѣ съ своею матерью, бѣжала

lib.pushkinskijdom.ru

послѣ возстанія гетеріи изъ Константинополя въ Одессу, а оттуда въ 1821 г. переселилась въ Кишиневъ. Мать ея, вдова „логофета“ (чиновника) во время бѣгства лишилась всего своего имущества, такъ что обѣ онѣ жили въ Кишиневѣ очень бѣдно, занимая двѣ маленькія комнаты. Въ обществѣ онѣ не бывали, но молодежь, въ томъ числѣ и Пушкинъ, заглядывала къ нимъ, — можетъ быть, въ особенности потому, что мать Калипсо, какъ говоритъ Вигель, умѣла „смягчать сердца недоступныхъ женщинъ и обезпечивать успѣхъ отчаявшимся любовникамъ“, т. е., по-просту, была посредницей въ любовныхъ дѣлахъ. Сама Калипсо была дѣвушка очень маленькаго роста, съ едва замѣтною грудью, съ длиннымъ, сухимъ лицомъ, всегда, по восточному обычаю, нарумяненнымъ, большимъ носомъ и огромными „огненными“ глазами. „У ней былъ голосъ нѣжный, увлекательный, не только когда она говорила, но даже когда съ гитарой пѣла ужасныя, мрачныя турецкія пѣсни. Кромѣ турецкаго и греческаго, она знала арабскій, молдавскій, итальянскій и французскій языки. Ни въ ея обращеніи, ни въ поведеніи не видно было ни малѣйшей строгости; если бы она жила въ вѣкъ Перикла,—исторія вѣрно сохранила бы намъ имя ея вмѣстѣ съ именами Фрины и Лаисы“ (Вигель). О ней разсказывали, будто она была когда-то любовницей Байрона. Объ этомъ говоритъ и Пушкинъ какъ въ своемъ стихотвореніи, къ ней обращенномъ, такъ и въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 5 апрѣля 1823 г., гдѣ, приглашая его въ Кишиневъ, обѣщаетъ познакомить „съ Гречанкою, которая цаловалась съ Байрономъ“ (Переписка, томъ I, стр. 69). Увлекаясь Байрономъ, онъ идеализировалъ и предполагаемыя отношенія англійскаго поэта къ легко доступной гречанкѣ. Липранди свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ вовсе не былъ влюбленъ въ Калипсо, такъ какъ „были экземпляры несравненно лучше“; притомъ, по его сло-

lib.pushkinskijdom.ru

вамъ, „ни одна изъ всѣхъ бывшихъ тогда въ Кишиневѣ не могла въ немъ порождать ничего болѣе временнаго каприза“. Вигель, пріѣхавшій въ Кишиневъ въ 1822 г., „былъ представленъ Пушкинымъ Калипсѣ и ея родительницѣ“, но не замѣтилъ въ поэтѣ „и остатковъ любовнаго жара, которымъ онъ прежде горѣлъ къ Калипсо“. См. *Русскій Архивъ* 1866, стл. 1246 — 1247, и Записки Вигеля, часть VI, стр. 152 — 154.

О дальнѣйшей судьбѣ Калипсо мы узнаемъ изъ письма къ Пушкину Н. С. Алексѣева отъ 30 октября 1826 г., гдѣ онъ сообщаетъ, что „Калипсо въ чахоткѣ“ (Переписка, томъ I, стр. 378). О ней же существуетъ романическій разсказъ румынскаго писателя Негруци, въ его книгѣ: „Pacatele Fineretilorû“ (Грѣхи юности), изданной въ 1857 году. Разсказъ этотъ переведенъ въ *Бессарабскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ* 1866, № 44 и въ статьѣ Х. С. Кирова: „Пушкинская гречанка“ — въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1884, томъ 15, стр. 337—340 (см. поправку *тамъ же*, томъ 16, стр. 240). Негруци разсказываетъ о своей встрѣчѣ въ Кишиневѣ съ красавицей-гречанкой и Пушкинымъ, который въ городскомъ саду декламировалъ ей и ему свои стихи, тутъ же переводя ихъ на французскій языкъ. Затѣмъ, лѣтъ черезъ пять послѣ этой встрѣчи, въ монастырѣ Нямцу, въ Молдавіи, внезапно умеръ молодой послушникъ, круглый сирота, отличавшійся строгимъ благочестіемъ. Онъ пришелъ въ этотъ монастырь въ одну изъ дождливыхъ осеннихъ ночей и прожилъ тамъ три года. Когда онъ умеръ, на его груди нашли записку, изъ которой обнаружилось, что послушникъ былъ—Калипсо. По словамъ Негруци, въ его время еще можно было видѣть въ катакомбахъ монастыря черепъ „пушкинской гречанки“. . .

Въ кишиневской же тетради — Румянцовскаго Музея № 2365, л. 34, находится черновой набросокъ стихотво-

lib.pushkinskijdom.ru

ренія, обращеннаго также къ гречанкѣ, но, повидимому, не реальной, а аллегорической, которой поэтъ даетъ имя „Эллеферія“ (Ἐλευθερία — свобода):

(моя) Эллеферія
(Гречанка, прелесть!)
(Моя богиня) предъ тобой
прелести
Затмились (красоты) другія —
(Гречанка я люблю тебя)
Горю тобой въ любви
(Горю) (дышу) тобой
(и вѣчно) (вѣчно)
Навѣкъ я твой
Я твой
(Моя) навѣкъ, Эллеферія!
(блескъ) (свѣтъ)
Пускай иныхъ плѣняетъ умъ
(Придворный) Придворный блескъ драгія
И ласки Музъ, и свѣта шумъ.
Милѣе мнѣ Эллеферія

Сверху страницы приписано еще:

пугаетъ свѣта шумъ
Его страшитъ придворный шумъ —
Придворный блескъ
Столичный блескъ
(Невнятный твой) непрочный
(И только одному)
дрожитъ
тебѣ ясный
Люблю въ (ней) пылкій (рѣзвый) умъ
И (тамъ) сердцу и (внятенъ) (твоей)
На югѣ въ мирной темнотѣ
(Со мной)
Жива сама Эллеферія
красотѣ
Вредна холодная Россія
Привыкнешь тамъ

lib.pushkinskijdom.ru

Можетъ быть, этотъ отрывокъ относится также къ 1821 г., когда Пушкинъ горячо заинтересовался судьбою греческаго возстанія и сочувствовалъ борцамъ за освобожденіе Греціи.

VII.

БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБІИ.

(Стр. 106).

Напечатано въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1826 годъ, стр. 29, затѣмъ вошло въ изданія 1826 (стр. 29) и 1829 (часть I, стр. 166).

Подлинникъ — въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея № 2366, л. 1 об. и № 2367, л. 24 об. Первая изъ этихъ рукописей представляетъ черновой набросокъ, а вторая — текстъ уже перебѣленный, но опять съ поправками. Въ № 2366 сверху страницы написано:

Изгнанье славно спору* нѣтъ
Но промѣнялъ бы

затѣмъ идутъ стихи:

пустыня
Сія (печальная) страна

и т. д. какъ въ печатномъ, съ варіантомъ въ стихѣ 6-мъ:

Сихъ дальныхъ
(Дунайскихъ) дунайск ищетъ
(Дуная любитъ берега)

Стихотвореніе кончается такъ:

(Но призна) (промѣнялъ)
(Но признаюсь)
(Но духъ Овидія)

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

Но другъ
(Въ тебѣ) Овидія живова
Въ тебѣ
Обнять — милѣе (будетъ) мнѣ.

Перебѣленный текстъ № 2367 представляетъ слѣдующіе варіанты:

сладкій
Стихи 7-й и 8-й: Она летитъ на (*лирный*) зовъ
лиры
Питомцевъ *гордыхъ* Аполлона
Стихъ 10-й: Брожу *близъ* берега крутова

VIII.

ЕМУ ЖЕ.

(Стр. 107).

Напечатано въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1826 годъ, стр. 29 (второго счета), и въ изданіи 1829 г., часть I, стр. 167.

Въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 25, помѣщено вслѣдъ за предыдущимъ стихотвореніемъ. Рукописный текстъ не имѣетъ отличій отъ печатнаго, кромѣ написанія „*Θеба*“, котораго всегда держался Пушкинъ.

Евгеній Абрамовичъ Боратынскій (1800 — 1844) въ 1818 г. поступилъ въ л.-гв. егерскій полкъ рядовымъ и вскорѣ свелъ знакомство съ Дельвигомъ, а черезъ него — съ Плетневымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Съ Дельвигомъ онъ особенно подружился и даже одно время жилъ вмѣстѣ. Пушкинъ также очень полюбилъ Боратынскаго и, уѣхавъ изъ Петербурга на югъ, часто вспоминалъ о немъ въ своихъ письмахъ. „Отъ брата давно не получалъ извѣстія, о Дельвигѣ и Баратынскомъ также — но я люблю ихъ и лѣнивыхъ“, писалъ поэтъ Гнѣдичу, 13 мая

lib.pushkinskijdom.ru

1822 г. „Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь — и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго“, читаемъ въ письмѣ къ брату отъ 21 іюля того же года. „Читалъ стихи Кюхельбекера... Что бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ? Но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій?“ (4 сентября). „Дельвигу и Баратынскому буду писать“ и пр. (Переписка, томъ I, стр. 44, 50, 51, 55). Изъ обращенныхъ къ Боратынскому стихотвореній въ первомъ слышится отголосокъ волновавшаго въ ту пору Пушкина стремленія возвратиться въ Петербургъ: какъ ни „священна для поэта“ Бессарабія, нѣкогда пріютившая Овидія и воспѣтая Державинымъ въ его одѣ на взятіе Измаила, но „стократъ милѣе“ было бы обнять „живого Овидія“ на берегахъ Невы... Во второмъ стихотвореніи рѣчь идетъ, вѣроятно, о тетради стиховъ, которую Боратынскій обѣщалъ переслать Пушкину. Письма Боратынскаго къ Пушкину не сохранились.

IX.

ПРІЯТЕЛЮ.

(Стр. 108).

Напечатано въ изданіи 1826 г., стр. 118, и въ изданіи 1829 г., часть I, стр. 155. Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 24, представляющій одинъ зачеркнутый варіантъ:

Стихъ 7-й: *Она къ несчастію* не дура

Стихъ 3-й былъ начатъ словами: „Въ люб“, которыя тутъ же зачеркнуты и написано: „Тебѣ“. Кромѣ того, обращаетъ на себя вниманіе орѳографія: „широкоплѣчій“.

Относится, по всей вѣроятности, къ Н. С. Алексѣеву, который писалъ Пушкину, 30 октября 1826 г.: „Не смотря

lib.pushkinskijdom.ru

на названія *лукаваго соперника* и *чернаго друга*, я могу сказать, что мы были друзья — соперники и жили пріятно“ (Переписка, томъ I, стр. 377 — 378).

X.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

(Стр. 109).

Напечатана въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1825 годъ, стр. 253 — 257, затѣмъ — въ изданіяхъ 1826 (стр. 59 — 64) и 1829 (часть I, стр. 145 — 150), Посмертномъ (часть IV, стр. 12 — 16) и во всѣхъ послѣдующихъ.

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2366, лл. 4 — 6, съ помѣтою: „1 марта 1822“. Рукопись представляетъ слѣдующіе первоначальные варіанты:

Строфа 1-я, ст. 6-й: . . . . . на *смирномъ* конѣ.
„ 2-я, „ 2-й: Идетъ *просторѣчный* кудесникъ
„ „ „ 6-й: И къ *гордому* старцу . . . . .
„ 3-я, „ 4-й: Могильной *покроюся тьмою*
„ 4-я, „ 5-й: *День смерти для многихъ таится*
во мглѣ

За строфою 5-ю слѣдовала еще строфа, совсѣмъ зачеркнутая:

И вновь какъ на тризну стремишся на брань
вновь вознесенъ и
И (новой побѣдой) прославленъ
Твой мечь собираетъ кровавую дань,
во прахѣ
Твой недругъ (лукавый) раздавленъ
Незримый
(И тайный) хранитель могущему данъ,
А
(Но) ты подъ бронею не вѣдаешь ранъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Строфа 6-я, ст. 2-й: И *вѣтеръ* въ часы непогоды
,, 6-я, стт. 5 — 6-й:
Не знаю но вижу паденье твое,
Запомни же нынѣ ты слово мое.
,, 7-я, ст. 1-й: Твой конь *былъ товарищъ* опасныхъ трудовъ
,, 7-я, ,, 5-й: *Трудъ, голодъ* и сѣча ему ничего
,, 8-я, ,, 1-й: .....*но скоро* чело
,, 8-я, ,, 3-й: *И молча*, рукой опершись на сѣдло
,, 8-я, ,, 5-й: *Онъ* вѣрнаго друга.....
,, 9-я, ,, 2-й: Трудился ты *долгое* время
,, 9-я, ,, 4-й: Въ твое *заслуженное* стремя
,, 9-я, ,, 6-й: Вы, отроки, *тотчасъ* возмите коня!
,, 11-я, ,, 4-й: Надъ *(гордой) ветхой* главою кургана
,, 11-я, ,, 6-й: И битвы, гдѣ *(дружно) славно* рубились они
,, 12-я, стт. 4 — 6-й:
Все тотъ же ль онъ *борзый*, игривый?
(Давно ужъ) Тоскуя заснулъ непробуднымъ онъ сномъ
И кости бѣлѣютъ на холмѣ крутомъ.
,, 13-я, ст. 2-й: .....Что же *сказанья?*
,, 13-я, ст. 4 — 6-й:
Презрѣть бы *мнѣ было гаданья*
Мой конь *до могилы* носилъ бы меня.
И хочетъ *самъ видѣть могилу* коня.
,, 14-я, ст. 1-й: *И* ѣдетъ.....
,, 14-я, ,, 3-й: *Вотъ* видятъ: на холмѣ, *близъ тока* Днѣпра
,, 14-я, ,, 6-й: *Надъ ними струится сѣдая* ковыль.

lib.pushkinskijdom.ru

Строфа 15-я, ст. 2-й: .....Спи, *конь* одинокой
,, 15-я, ,, 5-й: Не ты *надо мною* ковыль обагришь
,, 16-я, ,, 5-й: *На ногу* какъ черная лента *вiясь*
,, 17-я: Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина *играетъ* у брега
Ковши круговые запѣнясь *кипятъ*
На тризнѣ плачевной Олега.
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

М. Л. Михайловъ, въ *Современникѣ* 1854 (т. CXXIII, январь, отдѣлъ VI, Литературная Лѣтопись, „Старыя книги“, стр. 50), замѣтилъ, что 5-й стихъ 12-й строфы былъ сначала написанъ: „И внемлетъ отвѣту .....“ Въ альманахѣ, гдѣ впервые было напечатано стихотвореніе, вмѣсто „внемлетъ“ было поставлено: „внемлютъ“; опечатка была замѣчена и оговорена въ спискѣ опечатокъ; но Пушкинъ, найдя, что съ этой опечаткой стихъ вышелъ сильнѣе и выразительнѣе, оставилъ его въ изданіяхъ 1826 и 1829 гг. безъ поправки, или, лучше сказать, съ поправкою наборщика. Дѣйствительно, „внемлетъ“ появляется только въ Посмертномъ и слѣдующихъ за нимъ изданіяхъ.

Къ стиху 4-му строфы 5-й — „Твой щитъ на вратахъ Цареграда“ — Пушкинымъ въ рукописи сдѣлана выноска: „Но не съ гербомъ Россіи, какъ нѣкто сказалъ для риѳмы къ Византіи, во-первыхъ, потому, что во времена Олега Россія не имѣла еще герба. Нашъ двуглавый орелъ есть гербъ Римской Имперіи и знаменуетъ раздѣленіе ея на Западную и Восточную; у насъ же ничего не значитъ“. То же замѣчаніе поэтъ повторилъ и въ письмѣ къ брату, въ началѣ января 1823 г. (Переписка, томъ I, стр. 63), а два года спустя передалъ и самому виновнику ошибки, Рылѣеву, автору „думы“ объ Олегѣ (тамъ же, стр. 220).

lib.pushkinskijdom.ru

В. В. Сиповскій („Пушкинъ и его современники", выпускъ III, стр. 70—71) высказалъ предположеніе, что „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ" могла быть написана подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ думы Рылѣева, напечатанной въ *Новостяхъ Литературы* 1822, № 11, но можетъ быть, извѣстной Пушкину и раньше. Въ подтвержденіе этого предположенія указывается на близость нѣкоторыхъ мѣстъ обоихъ произведеній: у Рылѣева — „горятъ деревни, села пышутъ... кровь повсюду заструилась", у Пушкина — „ихъ села и нивы... обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ"; въ обоихъ стихотвореніяхъ упоминается, далѣе объ Олеговомъ щитѣ, прибитомъ на цареградскихъ воротахъ. Но эти доводы представляются вовсе не убѣдительными. Упоминаніе объ ошибкѣ Рылѣева въ январскомъ письмѣ 1823 г. скорѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что Пушкинъ только что прочелъ его „думу", напечатанную въ журналѣ, а раньше ея не зналъ (такъ какъ иначе раньше указалъ бы и на ошибку); приведенныя два „совпаденія" касаются общихъ мѣстъ и, конечно, ничего не доказываютъ. Какъ извѣстно, Пушкинъ относился къ поэзіи Рылѣева далеко не благосклонно: онъ говорилъ, напримѣръ, что Плетневъ и Рылѣевъ „отучатъ" его отъ поэзіи, въ шутку называлъ Рылѣева „знаменитымъ" наравнѣ съ В. Панаевымъ, а въ частности о „думахъ" выражался, что онѣ — „дрянь, и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго dumm"; что онѣ „и цѣлятъ, а все не въ попадъ" (Переписка, томъ I, стр. 60, 65, 218, 223); онъ и самому ихъ автору писалъ, что „вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтѣніемъ и изложеніемъ, всѣ на одинъ покрой, составлены изъ мѣстъ, національнаго, русскаго нѣтъ въ нихъ ничего", и пр. (тамъ же, стр. 220). Такимъ образомъ, о какомъ либо вліяніи Рылѣева на Пушкина въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Съ другой стороны, извѣстно, что въ 1821 — 1822 гг. Пушкинъ осо-

lib.pushkinskijdom.ru

бенно интересовался русской исторіей, задумывалъ поэму, въ которой, между прочимъ, должны были быть изображены и походъ Олега на Византію, и Игорь, и Ольга и т. д. „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“ написана, конечно, подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго въ Исторіи Карамзина лѣтописнаго разсказа о смерти второго русскаго князя. Это впечатлѣніе обрисовалъ и самъ Пушкинъ въ письмѣ къ Бестужеву, написанномъ уже въ началѣ января 1825 г., передъ появленіемъ „Пѣсни“ въ печати: ,,Тебѣ, кажется, Олегъ не нравится; напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ—есть черта трогательнаго простодушія, да и происшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго“ (тамъ же, стр. 174).

При появленіи ,,Пѣсни“ въ печати *Сынъ Отечества* (1825, ч. 99, стр. 309) отозвался, что она ,,холодна, безъ чувства и воображенія“. Плетневъ, возмущавшійся этимъ отзывомъ (Переписка, томъ I, стр. 176), напечаталъ въ *Трудахъ Вольнаго Общества Любителей россійской словесности* рецензію, въ которой говоритъ: ,,Истинный геній съ перваго раза чувствуетъ поэзію своего новаго предмета, поэзію его изложенія, не отнимая отъ него красокъ времени и мѣста... Имена лицъ, вѣрность происшествія, мѣсто дѣйствія, упоминаемыя въ стихотвореніи, только прозаически дѣлаютъ его національнымъ... Кто въ состояніи оживить все это и оживить цѣлую картину необходимыми для поэзіи подробностями избраннаго имъ времени и мѣста, тотъ не напрасно будетъ воскрешать давно минувшія событія; они сдѣлаются священными для современниковъ и потомковъ. Таково стихотвореніе Пушкина“ (Сочиненія П. А. Плетнева, томъ I, стр. 210). Бѣлинскій призналъ это стихотвореніе ,,превосходнымъ образцомъ народности во взглядѣ и выраженіи“ и, отдавая ему рѣшительное преимущество передъ *Вадимомъ*, замѣтилъ, что

lib.pushkinskijdom.ru

„поэтъ умѣлъ набросить какую-то поэтическую туманность на эту болѣе лирическую, чѣмъ эпическую пьесу,— туманность, которая очень гармонируетъ съ исторической отдаленностью представленнаго въ ней героя и событія и съ неопредѣленностью глухого преданія о нихъ. Оттого пьеса эта исполнена поэтической прелести, которую особенно возвышаетъ разлитый въ ней элегическій тонъ и какой-то чисто русскій складъ изложенія. Пушкинъ умѣлъ сдѣлать интереснымъ даже коня Олегова — и читатель раздѣляетъ съ Олегомъ желаніе взглянуть на кости его боевого товарища... Вся пьеса удивительно выдержана въ тонѣ и въ содержаніи: послѣдній куплетъ удачно замыкаетъ собой поэтическій смыслъ цѣлаго и оставляетъ на душѣ читателя полное впечатлѣніе“.

XI.

ЦАРЬ НИКИТА.

(Стр. 113).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2366, л. 9 об., по которой и напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 328. Рукопись представляетъ слѣдующіе первоначальные варіанты:

Стихъ 1-й: Царь *Василій* жилъ когда-то
„ 5-й: *Такъ угодно было* Богу
(Онъ подъ старость)
„ 7-й: И *на старости своей*
„ 12-й: Что за глазки — Боже мой
Тутъ замѣтитъ и слѣпой
Ножки стройныя...
Стихи 23 — 26-й:
Какъ бы это *объяснить*,
Что могла бы пропустить

lib.pushkinskijdom.ru

Наша строгая цензура,
Слишкомъ чопорная дура?

Кромѣ того, въ стихѣ 24-мъ сдѣлана поправка: „Чтобы *мнѣ* не прогнѣвить“. Начиная съ слѣдующаго листа рукописи вырвано нѣсколько листовъ, на которыхъ, вѣроятно, находилось продолженіе сказки, печатавшееся въ заграничныхъ изданіяхъ („Русская Библіотека“ 1858, томъ I, стр. 29 — 32; „Запрещенныя стихотворенія Пушкина“, Берл. 1861, стр. 30 — 33 и 167 — 173) по записи, сдѣланной со словъ Л. С. Пушкина, — причемъ, какъ замѣтилъ Н. В. Гербель, „конечно, только немногіе стихи Пушкина уцѣлѣли во всей первобытной своей чистотѣ; все остальное, очевидно, присочинено самимъ возстановителемъ текста и передаетъ одно игривое содержаніе сказки, не передавая ея поэтическихъ красотъ... Среди наноснаго сора попадаются чисто-пушкинскіе стихи, горящіе подобно алмазу среди навозной кучи“. Надо думать, что сказка дѣйствительно была окончена Пушкинымъ и была хорошо извѣстна его брату и Плетневу, которымъ онъ, подготовляя отдѣльное изданіе своихъ стихотвореній, писалъ 15 марта 1825 г.: „Довольно ли будетъ для 1 тома? Не прислать ли вамъ для наполненія Царя Никиту и 40 его дочерей?“ (Переписка, томъ I, стр. 193).

Сказка эта, судя по ея „продолженію“, весьма нескромнаго содержанія, по всей вѣроятности, представляла вольный пересказъ одной изъ народныхъ сказокъ, можетъ быть, слышанныхъ Пушкинымъ на югѣ. Она замѣчательна тѣмъ, что въ ней впервые употребленъ тотъ стихотворный размѣръ, которымъ впослѣдствіи написаны сказки „О Царѣ Салтанѣ“, „О спящей Царевнѣ“ и „О золотомъ пѣтушкѣ“.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XII.

ПТИЧКА.

(Стр. 115).

Печатается по изданію 1829 г., часть II, стр. 147.

Было прислано Н. И. Гнѣдичу при письмѣ отъ 13 мая 1822 г., съ припиской: „Знаете ли вы трогательный обычай русскаго мужика въ Свѣтлое Воскресеніе выпускать на волю птичку? вотъ вамъ стихи на это (слѣдуютъ стихи). Напечатаютъ ли безъ имени въ С. О.?“ (Переписка, томъ I, стр. 44). Напечатано было не въ *Сынѣ Отечества*, а въ *Литературныхъ Листкахъ* Булгарина, 1823, № 2, стр. 28, къ примѣчаніемъ издателя: „Сіе относится къ тѣмъ благодѣтелямъ человѣчества, которые употребляютъ свои достатки на выкупъ изъ тюрьмы невинныхъ должниковъ и проч.“ Вошло въ изданія 1826 (стр. 119), 1829 и Посмертное (томъ IV, стр. 220).

Текстъ, сообщенный Гнѣдичу, по сравненію съ текстомъ *Литературныхъ Листковъ,* представляетъ варіантъ въ стихѣ 8-мъ:

Могу я волю даровать.

Стихотвореніе, безъ сомнѣнія, навѣяно мыслью поэта о собственной неволѣ, въ которой онъ утѣшается возможностью избавить отъ неволи хотя бы птичку... Ср. однородное по настроенію стихотвореніе „Узникъ“.

XIII.

ЛЮБЛЮ ВАШЪ СУМРАКЪ НЕИЗВѢСТНОЙ.

(Стр. 116).

Печатается по изданію 1829 г., часть I, стр. 168—169.

Впервые напечатано въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1826, часть VII, отдѣлъ 2, стр. 5 — 6.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2366, лл. 14—15 об., находится первоначальная редакція этого стихотворенія, безъ заглавія, а въ рукописи № 2369, л. 1 об., таже редакція, перебѣленная, но съ новыми поправками. Этотъ послѣдній текстъ напечатанъ въ Посмертномъ изданіи, томъ IX (1841), стр. 168—170, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ“, и перепечатанъ въ изданіи Анненкова, томъ VII, стр. 324 — 326. Приводимъ по возможности точную транскрипцію текста № 2366:

(л. 14) Ты, сердцу непонятный мракъ,
Пріютъ отчаянья слѣпова,
Пустой призракъ
Ничтожество! (Печальный мракъ)
Не алчу твоего покрова.
Веселья жизни разлюбя,
Щастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка,
Я все
(Душой) не вѣрую въ тебя —
(Ты чуждо сердцу мосму)
Ты чуждо мыслямъ
(Безсмертной мысли) человѣка
Тебя страшится гордый
(Ты ужасаешь дерзкій) умъ —
Такъ путникъ съ вышины внимая
Ручьевъ Кавказкихъ вѣчный
(Альпійскихъ водъ немолчный) шумъ
И взоръ свой въ бездны погружая
(л. 14 об.) (Блѣднѣетъ) (Слабѣетъ вдругъ)
о
Внезапн(ымъ) ужасомъ томимъ
(Вдругъ) (блѣдн)
(Слабѣетъ) (чувства) въ немъ* нѣмѣютъ
Дрожитъ, шатается — предъ нимъ
Предметы движутся, темнѣютъ —

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

(Слабѣя чувства въ немъ нѣмѣютъ)
Вотще
(Кругомъ) оплота ищетъ онъ —
все во взорахъ
И (все предъ нимъ ужъ) изчезаетъ
И обморокъ какъ смертный сонъ
На край горы его бросаетъ.
(Конечно, духъ безсмертенъ мой) —
Но улетѣвъ въ міры иные
Ужели съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждъ мнѣ будетъ міръ земной?
вшихъ
Мину(тныхъ) жизни
(Ужели и) (минувшихъ)
(Ужели прежнихъ) впѣчатленій
Не сохранитъ душа моя
(И тамъ) (не знать) (сожалѣ) и знать
(Ужели не) (питать) не буду я —
(Убѣжитъ) *(нрзб.)*
(Объ жизни) (привычныхъ) сожалѣній
(Питать)
Не буду вѣдать* сожалѣній
(Тоску) (любви) забуду я
Мою любовь

(Сбоку приписано:)

Конечно тамъ гдѣ все
(Ужели)
(Быть можетъ,) плѣняетъ
Нетлѣнной славой и красой
(безднѣ) (вѣчномъ) (изчезаетъ)
Гдѣ въ блескѣ (новомъ) (утопаетъ)
(Быть можетъ)
(Ужели тамъ) тамъ гдѣ изчезаетъ
(Когда)

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

Несовершенство бытія
(л. 15) (Златыя, нѣжныя мечты)
(Поэ) Мечты поэзіи прелестной
Благословенныя мечты —
(Я васъ люблю)
Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной
милые
И ваши тайные * цвѣты —
(ы)
(Люблю забывчивую) (Лету)
(струи)
(И тѣнь) (и кровъ)
(Люблю) (Элизіи святой) —
Вы увѣряете
(Вы) насъ увѣрили
(Сказали) Поэты
тайною
Что тѣни легкою толпой
Отъ береговъ печальной Леты
Слетаются на брегъ земной
(Онѣ уныло) Съ унылой думой
(Что въ тайнѣ снова) посѣщаютъ
Мѣста гдѣ слѣдъ (гдѣ ихъ) (которыхъ) (жизн)
(Имъ въ жизни милыя мѣста)
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
(Объ нихъ) (полныя)
(Объ нихъ) *(нрзб.)* сердца
(И) мѣста (находитъ) гдѣ слѣдъ
(Сердца) гдѣ (образъ ихъ живетъ)
(Гдѣ)
Мѣста гдѣ жизнь была милѣй —
(зоветъ)
(грусть)
(Сердца гдѣ скорбь объ нихъ живетъ)
(Того чье сердце къ)
потерянныхъ
Сердца покинутыхъ друзей —

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

(л. 15 об.) Я вѣрю вамъ мнѣ
Такъ если (будетъ) можно
(За гробомъ) (Оттолѣ)
Оттолѣ удаляться *(нрзб.) (нрзб.)*
(Имъ отдѣляться)
(Оттоль гдѣ вѣчный свѣтъ го)
(Гдѣ наши) щастье (безсмертно)
Оттоль гдѣ (все) вѣчно* непреложно
(Моя душа) (къ Юрзуфу) сюда *(нрзб.)*
(Мой духъ) (на землю) (прилетитъ)
влетитъ въ *нрзб.*
Туда гдѣ

(И ждутъ когда на *нрзб.*)
(Сберется полная семья)
(Пока за вѣчными)
(Толпа)
(Ещ) (щастливыхъ)
(она)
(она)
(Еще не собралась она)

(Забыть) Забыть любовь!
(Мою любовь!) но что же за могилой
(Меня еще) еще меня
Переживетъ (еще меня) —
Онъ мой, онъ вѣченъ обр
(она) (Она со мной)
(Нѣтъ обр) образъ милой,
Что безъ (любви) него
(Безсмертенъ какъ) душа моя! —

(Семья родная)
Онѣ (безсмертіе вкушая)
Въ Элизій ожидаютъ ихъ —
(Какъ ждетъ) (ждетъ) въ праздникъ
(Какъ) родная
На праздникъ такъ семья (родная
(Такъ) (ждетъ) (За *нрзб*) (ждетъ го) своихъ

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

Замѣдлившихъ (гостей) своихъ —
(л. 16) (Надежда вѣчности!) —
(другая)

Текстъ № 2369, уже перебѣленный, но вновь исправленный, читается слѣдующимъ образомъ:

Ты сердцу непонятный мракъ,
Приютъ отчаянья слѣпова,
Ничтожество! пустой призракъ,
Не жажду твоего покрова!
(Веселья)
Мечтанья жизни разлюбя,
Щастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка,
Я все не вѣрую въ тебя,
Ты чуждо мысли человѣка
Тебя страшится гордый умъ!
Такъ путникъ, съ вышины внимая
Ручьевъ Алпійскихъ вѣчный шумъ
(И взоромъ бездну измѣряя)
И взоры въ бездны погружая
Внезапнымъ ужасомъ томимъ
колеблется
Дрожитъ, (шатается) — предъ нимъ
Предметы движутся, темнѣютъ
Въ немъ чувства хладныя нѣмѣютъ
Кругомъ
(Вотще) оплота ищетъ онъ
Все мчится,
(Въ очахъ все) меркнетъ, изчезаетъ,
Хладный
И обморок(ъ)а (какъ смертный) сонъ
На край горы его бросаетъ...
Но если духъ безсмертенъ мой
Ужели
(Конечно) тамъ гдѣ все блистаетъ
Нетлѣнной славой и красой
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія [1])
(Конечно духъ безсмертенъ мой)
Но улетѣвъ въ міры иные
Ужели съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждъ мнѣ станетъ міръ земной?

[1]) Эти 5 стиховъ зачеркнуты вдоль тремя чертами.

lib.pushkinskijdom.ru

Ужели тамъ, гдѣ все блистаетъ
Нетлѣнной славой и красой
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранитъ душа моя —
Не буду вѣдать сожалѣній
Тоску любви забуду я?
Любви! но что же за могилой
Переживетъ еще меня?
Во мнѣ безсмертна память
(Онъ мой, онъ вѣченъ, образъ) милой
е
Что безъ не(го) душа моя?
. . . . . .
+ Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни тайною толпой
Отъ береговъ печальной Леты
Слетаются на брегъ земной
Онѣ уныло
(Что съ умиленьемъ) посѣщаютъ
Мѣста, гдѣ жизнь была милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей
Онѣ безсмертіе вкушая
Въ Элизій поджидаютъ ихъ,
Какъ въ праздникъ ждетъ семья родная
Замедлившихъ гостей своихъ...
. . . . . .
Мечты поэзіи прелестной,
Благословенныя мечты!
Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной
И ваши тайные цвѣты.
+ За чемъ не вѣрить вамъ поэты

Стихотвореніе въ томъ видѣ, какъ оно напечатано самимъ Пушкинымъ, было сообщено его братомъ Львомъ Сергѣевичемъ Соболевскому, въ письмѣ изъ Петербурга, отъ 26 октября 1825 года, — съ однимъ варіантомъ въ стихѣ 9-мъ: „И *невидимы* навѣщаютъ“ *(Остафьевскій Архивъ)*.

Мысли о загробной жизни и о любви, переживающей смерть, нерѣдко встрѣчаются у Пушкина. Для примѣра достаточно указать хотя бы на ближайшее по времени со-

lib.pushkinskijdom.ru

чиненія къ настоящей пьесѣ стихотвореніе „Война“, гдѣ въ стт. 20 — 25-мъ звучитъ тотъ же мотивъ, а также—на отрывокъ: „Надеждой сладостной младенчески дыша“, написанный въ томъ же 1823 году и, по нашему мнѣнію, неправильно принятый Анненковымъ за „образецъ стиховъ Ленскаго“ (см. ниже). Весьма вѣроятно также, что въ моментъ созданія настоящей пьесы Пушкинъ руководился аналогичнымъ оборотомъ мысли Байрона (Childe Harold's Pilgrimage, canto II, st. VII — IX):

Pursue what Chance or Faith proclaimeth best;
Peace waits us on the shores of Acheron...
Yet if, as holiest men have deem'd, there be
A land of souls beyond that sable shore,
To shame the doctrine of the Sadducee
And sophists, madly vain of dubious lore;
How sweet it were in concert to adore
With those who made our mortal labours light!
To hear each voice we fear'd to hear no more!...
There, thou! whose love and life together fled,
Have left me here to love and live in vain—
Twined with my heart, and can I deem thee dead
When busy Memory flashes on my brain?
Well—I will dream that we may meet again,
And woo the vision to my vacant breast:
If aught of young Remembrance then remain,
Be as it may Futurity's behest,
For me't were bliss enough to know thy spirit blest!.

Высказанное П. И. Бартеневымъ („Пушкинъ въ Южной Россіи“, *Русскій Архивъ* 1866, стл. 1189 — 1190) предположеніе, что „стихи эти, можетъ быть, были написаны наканунѣ одного изъ поединковъ“, представляется, въ виду сказаннаго, излишнимъ.

Въ первоначальной редакціи пьесы особеннаго вниманія заслуживаетъ отброшенный поэтомъ стихъ:

Мой духъ *къ Юрзуфу* прилетитъ,-

какъ указаніе на мѣсто, „гдѣ жизнь была милѣй“, гдѣ она скрашивалась увлеченіемъ поэта одною изъ юныхъ

lib.pushkinskijdom.ru

Раевскихъ, по всей вѣроятности, — Маріей Николаевной (впослѣдствіи княгиней Волконской), воспоминанію о которой посвящены строфы XXX, XXXI и XXXIII первой главы *Евгенія Онѣгина,* кстати сказать, набросанныя начерно въ той же тетради № 2366, л. 13 об. Объ отношеніяхъ Пушкина къ М. Н. Раевской мы будемъ еще говорить впослѣдствіи.

XIV.

ПОКОЙНЫ ЧУВСТВА, ЯСЕНЪ УМЪ.

(Стр. 118).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2366, лл. 13, 13 об., 16 и 16 об., впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 331. Въ рукописи этотъ набросокъ, очень исчерканный, имѣетъ слѣдующій видъ:

(л. 13.) ТАВРИДА.

1822.

Gieb meine Jugend mir zurück.
Strop 4 croisés, 4 de suite, 1. 2. 1 et deux

(л. 13 об.) Страсти мои утихаютъ, тишина царитъ въ душѣ моей — ненависть, разкаянье все изчезаетъ — любовь одушевл

(л. 16)
(Я пью) ясенъ
Покойны чувства — (веселъ) умъ
(Я пью) — томленье
(Я вновь) (Здѣсь ждутъ меня воспоминанья)
(Пью въ)
(И Муза)
(Я пью прохладу и томленье) (съ воздухомъ)
Пью съ воздухомъ любви томленье

lib.pushkinskijdom.ru

Въ* душѣ * (въ сердцѣ)
Утихло — мрачныхъ думъ
Однообразное волненье,
(Какой то нѣгой неизвѣстной,
Какой то грустью полонъ я!)
Холмы
(Поля) Тавриды*, край прелестный
Одушевленныя поля
(Ужель)
(И вновь) (Опять узналъ я)
(со мною) Ты * вновь * со * мною, * наслажденье,
(Спокойны чувства, ясенъ умъ)
(*нрзб.*)
(Въ душѣ) утихло мрачныхъ думъ
Однообразное волненье!
Воскрѣсли
(Спокойны) чувства, ясенъ умъ —
(Пью съ воздухомъ любви томленье)
(здѣсь) — (уединенье)
(Все мило) (мнѣ въ уединеньѣ)
Лазурь небесъ
(Холмы поля) и тѣнь и шумъ!...
Какой то нѣгой неизвѣстной
Какой то грустью полонъ я —
Одушевленныя поля
Холмы Тавриды край прелестной
я посѣщаю вновь
(л. 16 об.) (Тебя я снова) (васъ вижу вновь)
(Я снова посѣщаю васъ...)
(Томл)
(Пью въ воздухѣ любви томленье)
жадно
будто Пью вослодухъ[1] сладострастья
И слышу (И слышу вашъ знакомый гласъ)
близкій (Вездѣ мнѣ слышенъ тайный гласъ

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

[1] Описка вм. *воздухъ*.

lib.pushkinskijdom.ru

(Знакомыхъ водъ мнѣ внятенъ гласъ)
за
Давно (по) терянnаго щастья

Щастливый гдѣ
(Зна) край — (здѣсь) блещутъ воды
Лаская пышные брега
и
(Гдѣ) свѣтлой роскошью природы
Озарены
(Оживл) холмы луга —
(И) (Гдѣ) скалъ (лавро) (лавровые своды)
Гдѣ (лавровъ) нахмуренные своды

По своему содержанію этотъ неотдѣланный набросокъ близокъ къ стихотворенію 1821 г. „Желаніе“ (стр. 28), изъ котораго сюда внесены даже нѣкоторыя выраженія, какъ напримѣръ: „Гдѣ роскошью природы оживлены... луга, гдѣ... блещутъ воды, лаская... берега, гдѣ... лавровые своды“ и пр. Въ болѣе раннемъ стихотвореніи выражается только стремленіе поэта вновь посѣтить „счастливый край“; въ настоящемъ отрывкѣ онъ уже воображаетъ, что это желаніе исполнилось, и что онъ снова обрѣлъ свое „давно затерянное счастье“... Слишкомъ еще живы были въ его сердцѣ воспоминанія 1820 года, отразившіяся и въ новой поэмѣ „Бахчисарайскій Фонтанъ“, къ созданію которой онъ теперь приступалъ.

XV.

[ПИРЫ, ЛЮБОВНИЦЫ, ДРУЗЬЯ].

(Стр. 119).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2366, лл. 16 об.—17 впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 332.

lib.pushkinskijdom.ru

На оборотѣ л. 16-го рукописи находится весь исчерканный и трудно разбираемый черновикъ, а на л. 17-мъ—уже перебѣленный текстъ, съ немногими поправками. Первоначальная редакція пьесы представляется въ слѣдующемъ видѣ:

мои любовницы
(Едва узналъ ихъ) (едва) (увидѣлъ ихъ)
(Когда) друзья
(Сокрылась) (бѣжалъ) (навѣкъ)
Померкла Молодость моя (померкла)
(жизнь моя) (мнѣ)
Съ ея (Съ ея) (Съ свободой буйныхъ пированій)
(Про...) померкла
Пиры, любовницы
(Ушли) (Сокрылись легкіе) друзья
изчезли
(И) (Люб)
(буй) (св) (такъ)
(ночью)
(ночью) (Такъ) (св) (лампа)
(на пиру) буйныхъ * пированій
Такъ свѣчи (юныхъ)
(Такъ свѣчи)
(въ) (юныхъ) въ долгу ночь
(буйныхъ)
(Въ срединѣ ночи до)горѣвъ
(Средь юношей и дѣвъ усталыхъ)
(Средь юношей и) вольныхъ
(Среди)
(Въ концѣ) (безумныхъ) пированій
Средь
Въ концѣ постыдныхъ (сіяньи дня)
Блѣднѣетъ при лучахъ * зари *

Въ бѣловомъ текстѣ л. 17-го стихъ 6-й сначала былъ написанъ:

Такъ свѣчи, въ долгу ночь горѣвъ

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

затѣмъ слова: *въ долгу ночь* были зачеркнуты и надъ ними написано: *на столахъ;* эта поправка, однако, опять зачеркнута, и возстановлено прежнее выраженіе.

Первоначальная редакція стиха 7-го:

Для юношей и *вольныхъ* дѣвъ

Послѣдній стихъ былъ начатъ такъ:

Блѣднѣютъ *при*

но *при* тутъ же, на ходу письма, зачеркнуто и замѣнено словомъ: *предъ.*

Кромѣ того, стихъ: *Одинъ, одинъ остался я,* написанный между строками, помѣченъ въ началѣ крестикомъ, и такой же крестикъ поставленъ сверху стихотворенія; такимъ образомъ указано, что стихотвореніе должно начинаться этимъ стихомъ.

Въ этомъ наброскѣ, какъ и въ другихъ написанныхъ около того же времени стихотвореніяхъ и въ перепискѣ поэта, нашло себѣ выраженіе разочарованіе, испытанное имъ въ „минутныхъ друзьяхъ своей минутной молодости", забывшихъ о немъ, какъ только онъ удалился изъ ихъ круга. Сходный по настроенію мотивъ видимъ въ строфѣ 166 второй пѣсни байроновскаго *Донъ-Жуана*:

„Что касается англійскихъ женщинъ, то о нихъ я ничего не могу сказать въ отдаленіи отъ британскаго моднаго свѣта, въ которомъ я въ свое время блисталъ подобно другимъ шалопаямъ, и даже имѣлъ кое-какія страстишки. Но все это прошло, какъ прошло многое другое. Всѣ эти глупцы, которыхъ я прежде могъ бичевать, враги, друзья, мущины, женщины,—все это для меня теперь только сонъ, который прошелъ и не вернется. . .„

---

lib.pushkinskijdom.ru

XVI.

НА ТИХИХЪ БЕРЕГАХЪ МОСКВЫ.

(Стр. 120).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2366, л. 18 об., впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ, въ *Русской Старинѣ* 1884, т. 42, стр. 333.

Рукопись представляетъ черновой отрывокъ, со многими помарками, среди которыхъ можно разобрать слѣдующіе первоначальные варіанты:

Послѣ стиха 1-го *зачеркнуто:*

(Среди дубовъ)

Стихъ 3-й: *Златыя свѣтятся* главы

„ 6-й: *Густѣютъ сумрачныя* рощи

„ 9-й: *Щедротою Царей,* Царицъ (моленья)

Далѣе три стиха зачеркнуты и не поддаются чтенію, а конецъ листа оборванъ.

Отрывокъ напоминаетъ стихи 23 — 26-й изъ посланія Батюшкова къ Д. В. Дашкову (1812 г.):

И тамъ, гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ...

На поляхъ своего экземпляра *Опытовъ* Батюшкова, противъ этихъ стиховъ, Пушкинъ написалъ: „Прелесть!“ (Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ“, стр. 297).

lib.pushkinskijdom.ru

XVII.

ЧУГУНЪ КАГУЛЬСКІЙ ТЫ СВЯЩЕНЪ.

(Стр. 121).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2366, л. 30 об., впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, т. 42, стр. 334.

Очевидно, — обращеніе къ осколку бомбы, найденному на полѣ сраженія при Кагулѣ (21 іюля 1770 г.), когда Румянцовъ разбилъ чуть ли не вдесятеро сильнѣйшую турецкую армію.

XVIII.

КАКЪ НАШЕ СЕРДЦЕ СВОЕНРАВНО.

(Стр. 122).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2366, лл. 34 и 34 об., впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, т. 42, стр. 336.

Рукопись представляетъ набросокъ, сдѣланный карандашемъ, съ немногими поправками. Первоначальныя чтенія поддаются разбору только въ двухъ мѣстахъ:

Стихъ 5-й: Участьемъ, *томностью* притворной
„ 10-й: (Сіяетъ твой) Наполнился твой *чудный* взоръ

Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что стихъ 2-й начатъ съ полустроки, и слово „томимый“ написано поверхъ зачеркнутаго; „Желаніемъ“.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XIX.

[БРАТУ].

(Стр. 123).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, л. 4, въ видѣ чернового наброска безъ окончанія. Напечатано въ изданіи Анненкова, томъ I, стр. 234, и въ изданіи 1859 г., томъ I, стр. 234, съ отнесеніемъ къ 1821 году; но въ рукописи находится между набросками 1822 г. Нѣсколько стиховъ въ дополненіе къ тексту Анненкова сообщено В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, т. 42, стр. 552. Но вообще это — отрывокъ совершенно неотдѣланный, и нѣкоторыя слова въ приведенныхъ стихахъ уже были зачеркнуты, но другими не замѣнены, почему и пришлось помѣстить ихъ въ текстъ. Среди помарокъ можно прочесть слѣдующіе первоначальные варіанты:

Стихъ 1-й: *Другъ* милый...
„ 2-й: *Невидимо мелькнули* годы
„ 4-й: *Ты жаждешь* радостей
„ 5-й: Какое поприще *отверзто* предъ тобой!
„ 6-й: (Какъ много *прелести*)
Какъ много для тебя *прелестныхъ обольщеній*
„ 8-й: *Твой* юный *умъ*....
„ 9-й: Ты *чувства* пробуешь *съ надеждой торопливой*
(Торопишься)
(Зовешь) (ввѣря) (и дружбу и любовь)
(Ввѣряясь то любви, то дружбѣ)
(Ввѣряешься мечтамъ и дружбѣ)
(Ввѣряешься) (безпечною душой)
(мечтамъ, и дружбѣ)
Ввѣряешься любви —

---

lib.pushkinskijdom.ru

„Дружеское расположеніе поэта къ Льву Сергѣевичу“, говоритъ Анненковъ („Матеріалы“, изд. 2-е, стр. 227 — 228), началось весьма рано и долго продолжалось. Какъ старшій въ семьѣ, А. С. часто обращался къ брату съ совѣтами, дѣятельною помощью, иногда — выговорами и упреками, въ которыхъ чувство нѣжности и любви, можетъ быть, выражалось еще сильнѣе, чѣмъ въ положительномъ изъявленіи его“. Настоящее посланіе, можетъ быть, набросано одновременно съ письмомъ отъ 21 іюля 1822 г., въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Скажи мнѣ, выросъ ли ты? Я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? Что ты дѣлаешь, что ты пишешь?“ (Переписка, томъ I, стр. 49).

XX.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ ЦЕНЗОРУ.

(Стр. 124).

Печатается по изданію 1880 г., томъ I, стр. 465 — 468.

Впервые было напечатано въ изданіи Анненкова, томъ VII, стр. 30 — 33, съ большими пропусками и подъ вынужденнымъ заглавіемъ: „Первое посланіе къ Аристарху“. Нѣкоторыя дополненія были сообщены А. Н. Аѳанасьевымъ въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858, № 11, стл. 347 — 348. Въ полномъ видѣ, по другому списку, напечатано въ *Полярной Звѣздѣ* 1858, книжка IV, стр. 268—270, подъ заглавіемъ: „Цензору“.

Изъ рукописей извѣстенъ только небольшой черновой отрывокъ, сохранившійся въ майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ („Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 5, № 15). Это — восьмушка

lib.pushkinskijdom.ru

сѣроватой бумаги, на обѣихъ сторонахъ которой набросана первоначальная редакція стиховъ 6—43-го. Въ виду значительныхъ отличій этого отрывка отъ печатнаго текста, приводимъ черновикъ цѣликомъ.

Потребности ума не всюду таковы
(Умы Россійскіе мы знаемъ каковы)
намъ
Сегодня разрѣши свободу (имъ) тисненья
Что завтра выдетъ въ свѣтъ: Баркова сочиненья.

рифмача
Иного (Автора) единственный читатель

Парнасскую толпу
(Писателей) нелегкая встревожитъ
Тотъ
Тотъ слѣпитъ водевиль, тотъ
Другой трагедію состряпаетъ шутя
бѣсися
До нихъ намъ дѣла нѣтъ—а ты (читай) (возися)
Зѣвая разбирай и дремля подпишися
(Дѣльцомъ) ——— (пора)
(онъ хотѣлъ)
(быть можетъ) (хочетъ онъ)
(Умъ)
Провѣдать дѣльное
(Умъ) иль сердце
(Умъ) чтеньемъ* освѣжить; — можетъ быть
И чтеньемъ его
(Романъ или журналъ) обновить (души) существованье
А долженъ посвятить безплодное
И въ нихъ ища его
То личность дерзкую, то площадную брань
Наемной критики завистливую дань

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ сердцемъ почитать
отличаетъ
(Но мнѣній не тѣснитъ) но правду (терпитъ онъ)
(Онъ с) умыселъ (видитъ онъ)
правдѣ
Но (онъ) (истинѣ) добраго пути не заграждаетъ
Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ
Принять отвѣтственность умѣетъ на себя
Закону преданный, отечество любя
Онъ другъ писателю — не низокъ, не трусливъ
прозорливъ
Благораз твердъ (справедливъ)
А ты глупецъ и трусъ что —
прозы нѣтъ —

Анненковъ, а за нимъ и другіе издатели, относили это посланіе къ 1824 году; между тѣмъ, въ пушкинскомъ спискѣ стихотвореній, находящемся на л. 53 рукописи Румянцовскаго Музея № 2365,* оно поставлено подъ 1822 годомъ, а въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 6 февраля 1823 г. Пушкинъ писалъ: „Стыдно, что благороднѣйшій классъ народа, классъ мыслящій какъ бы то ни было, подверженъ самовольной разправѣ трусливаго дурака—мы смѣемся, а кажется лучше было бы дѣльно приняться за

---

* Приводимъ, кстати, этотъ списокъ:

въ 1821	1822
Конецъ Кавказкаго Плѣнника	братья разбойники
Я пережилъ	Олегъ
Кинжалъ	Царь Никита
Чедаеву	Цензору
Чернильницѣ	Θ. Г. — [Θ. Глинкѣ].
3 элегіи	Старайся пр... [Примѣты]
Алексѣеву	Гречанкѣ
Наполеонъ	
Овидію	
Л	

lib.pushkinskijdom.ru

Бируковыхъ; пора дать вѣсъ своему мнѣнію и заставить правительство уважать нашимъ голосомъ — презрѣніе къ Рускимъ писателямъ нестерпимо; подумай объ этомъ на досугѣ, да соединимся — дайте намъ цензуру строгую, согласенъ, но не безсмысленную — Читалъ ли ты мое посланіе Бирукову? если нѣтъ, вытребуй его отъ брата или отъ Гнѣдича". Такимъ образомъ, посланіе въ началѣ февраля 1823 г. находилось уже въ Петербургѣ; а въ концѣ декабря 1822 г. Пушкинъ писалъ тому же кн. Вяземскому: „Думаю скоро связаться съ Бируковымъ и стану доѣзжать его... но за 2000 верстъ мудрено щелкать его по носу" (Переписка, томъ I, стр. 67, 61). Этими датами приблизительно опредѣляется время сочиненія посланія, — конецъ 1822 года. Письма Пушкина въ это время, можно сказать, пестрятъ жалобами на притѣсненія цензуры, которая къ нему, какъ „неблагонадежному", относилась строже, чѣмъ къ другимъ писателямъ, такъ что приходилось, для проведенія своихъ стиховъ въ печать, прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, представлять ихъ въ цензуру подъ чужимъ именемъ, печатать безъ подписи и т. п. Поэтъ опасался даже, что цензура „заградитъ путь второму пришествію" *Руслана и Людмилы*; по требованію цензора, ему пришлось многое перемѣнить—и не къ лучшему — въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ*, и т. д. (тамъ же, стр. 43, 45, 46—47, 54, 60—61). „Признавъ свободу творчества за главное основаніе истинной поэзіи, Пушкинъ не могъ и стѣснять свою поэтическую мысль какими бы то ни было цензурными требованіями. Онъ не думалъ о цензурѣ въ то время, когда обработывалъ свое произведеніе. Ему было все равно, будетъ ли оно напечатано или нѣтъ, лишь бы только вполнѣ выразило то, что создавалось въ его артистической душѣ. Нѣкоторыя произведенія онъ писалъ съ полной увѣренностью, что цензура не позволитъ ихъ напечатать; но это нисколько не ослаб-

lib.pushkinskijdom.ru

ляло его творчества; онъ всегда былъ далекъ отъ мысли поддѣлываться подъ цензуру“ (Стоюнинъ, „Пушкинъ“, стр. 237).

Въ посланіи Пушкина выразилось общее настроеніе тогдашней литературной среды. Въ 1823 г. благонамѣреннѣйшій изъ „арзамасцевъ“ Д. В. Дашковъ писалъ къ благонамѣреннѣйшему изъ стихотворцевъ И. И. Дмитріеву: „Цензоры съ бѣдными авторами суровѣе, нежели когда-нибудь. Одна отъ нихъ бываетъ поживка, а именно — когда Бируковъ поссорится съ товарищемъ своимъ Красовскимъ: тогда онъ пропускаетъ, на зло, между позволеннымъ иногда и сомнительное. Но у Красовскаго всякая вина виновата: самому Агамемнону въ Иліадѣ запрещается говорить, что Клитемнестра вышла за него замужъ *дѣвою*, и если какой-нибудь риѳмачъ заговоритъ въ восторгѣ о *чуждой* землѣ и *чуждомъ* небѣ, разсудительный цензоръ тотчасъ остановитъ его, напомнивъ, что небо одно и земля одна. Такихъ анекдотовъ много“ (тамъ же, стр. 238). Князь П. А. Вяземскій предложилъ даже всѣмъ литераторамъ „собраться и жаловаться на Бируковыхъ“; но Пушкинъ остановилъ его напомнивъ, что „на основаніи военнаго устава если болѣе двухъ офицеровъ въ одно время подаютъ рапортъ, таковой поступокъ приемлется за бунтъ“, и что „общая жалоба съ нашей стороны можетъ навлечь на насъ ужасныя подозрѣнія и причинить большія безпокойства“. Болѣе вѣрнымъ способомъ казалось поэту — „соединиться тайно, но явно дѣйствовать въ одиночку“ (Переписка, томъ I, стр. 60 — 61). Посланіе къ Бирукову, очевидно, предназначенное не для печати, а для рукописнаго распространенія (ст. стихи 79 — 80), и было одной изъ попытокъ такого „дѣйствія въ одиночку“:

Со всею братіей гонимый совокупно,
Отнесся я къ тебѣ по долгу своему,

lib.pushkinskijdom.ru

говоритъ поэтъ, подражая канцелярскому слогу того времени, во второмъ своемъ посланіи: „мнѣ было не въ терпежъ“...

Объ Александрѣ Степановичѣ Бируковѣ (род. 2 іюня 1772, ум. 31 мая 1844) Пушкинъ впослѣдствіи отзывался, что благодаря ему и Красовскому, въ послѣднее пятилѣтіе царствованія Императора Александра I вся русская литература сдѣлалась рукописною. А. С. Шишковъ, находившій, что „цензоры во всѣ времена были у насъ большею частью худы“, обвинялъ Бирукова въ излишней строгости и боязни, „соединенной съ неразумѣніемъ силы языка“ (*Остафьевскій Архивъ*, томъ II, стр. 521). Бируковъ началъ службу въ Харьковскомъ коллегіумѣ, учителемъ, затѣмъ служилъ въ Главномъ Правленіи училищъ, а съ 2 апрѣля 1821 по 2 октября 1826 г. былъ цензоромъ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета.

Въ посланіи упоминается нѣсколько именъ старыхъ и новыхъ писателей: графъ Д. И. Хвостовъ — извѣстный метроманъ; Анна Петровна Бунина (1774 — 1829) — почетный членъ Бесѣды любителей россійскаго слова, издавшая въ 1819 — 1821 гг. три части собранія своихъ стихотвореній, которыя были поднесены Императору Александру I, назначившему Буниной ежегодную пенсію въ 2000 р. (о ней см. статью М. Д. Хмырова: „Русскія писательницы прошлаго времени“ въ журналѣ *Разсвѣтъ* 1861, № 11, стр. 213 — 229); Александръ Петровичъ Куницынъ (1783 — 1841), бывшій въ пушкинское время профессоромъ нравственныхъ и политическихъ наукъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ и въ 1821 г. уволенный отъ должности профессора С.-Петербургскаго университета по постановленію Главнаго Правленія училищъ, признавшаго, согласно мнѣнію Д. П. Рунича, книгу Куницына „Право естественное“ (Спб. 1818) противорѣчащею явно истинамъ христіанства и клонящеюся къ ниспроверженію

lib.pushkinskijdom.ru

всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ". Куницыну посвящено Пушкинымъ восторженное четверостишіе въ лицейской годовщинѣ 1825 г. (см. настоящаго изданія томъ IV); пѣвецъ „Пировъ", — авторъ поэмы „Пиры" (1821) извѣстный поэтъ Е. А. Боратынскій; стихотворецъ кн. Петръ Ив. Шаликовъ (1768—1852), издатель *Московскаго Зрителя* (1806), *Аглаи* (1808—1812) и *Дамскаго Журнала* (1823 — 1833), надъ которымъ многіе молодые писатели, въ томъ числѣ и Пушкинъ, часто потѣшались (см. настоящаго изданія томъ I, изд. 2-е, примѣчанія, стр. 330); „наперсникъ Душеньки" — Ип. Ѳед. Богдановичъ; аббатъ Миллотъ (Claude-François Millot, 1726—1785), котораго „Всеобщая Исторія", въ 14-ти частяхъ, была издана въ русскомъ переводѣ въ Спб. 1820 и, повидимому, пострадала отъ цензуры, и др. Вспоминая (въ стихѣ 100-мъ) „дней Александровыхъ прекрасное начало", Пушкинъ, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду цензурный уставъ, составленный въ 1804 г. академиками Озерецковскимъ и Фусомъ и отличавшійся большою терпимостью. Представляя проектъ устава министру народнаго просвѣщенія, Озерецковскій писалъ: „Благо, проистекающее изъ благоразумной свободы печати, такъ велико и прочно, зло же, сопровождающее злоупотребленіе этою свободою, такъ рѣдко и мимолетно, что нельзя не сожалѣть о необходимости, въ которую становится правительство, во всѣхъ прочихъ дѣлахъ рѣшительно вступившее на почву либеральныхъ принциповъ, полагать границы этой свободѣ..."

lib.pushkinskijdom.ru

XXI.

КТО, ВОЛНЫ, ВАСЪ ОСТАНОВИЛЪ.

(Стр. 129).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, л. 9, впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 555.

На указанной страницѣ рукописи, съ самаго ея верха, карандашомъ написаны стихи:

Но былъ ли щастливъ нашъ Евгеній
Среди блистательныхъ побѣдъ
Среди вседневныхъ наслажденій
Во цвѣтѣ юныхъ пышныхъ лѣтъ, —

вошедшіе въ составъ XXXVI строфы 1-й главы *Онѣгина*. Вслѣдъ за ними начатъ, карандашомъ же, настоящій набросокъ, доконченный и исправленный уже перомъ. Здѣсь послѣ 1-го стиха можно еще прочесть зачеркнутыя слова: „Кто васъ“, „Скажите“; въ стихѣ 3-мъ „Кто“ написано (зачеркнуто и возстановлено) вмѣсто зачеркнутаго „И“; стихъ 4-й первоначально начатъ былъ словами: „Потокъ *вашъ*“. Далѣе, на мѣсто точекъ могутъ быть поставлены написанные съ правой стороны страницы, чернилами, стихи:

(Скажите мнѣ) (Чей жезлъ могучій)
поразилъ
Чей жезлъ волшебный (усыпилъ)
Во мнѣ надежду, скорбь и радость
(Мятежный)
(Усталый)
(И нынѣ)
(И душу) *(нрзб.)* *(нрзб.)* (бурн) (преждѣ)
усыпилъ
(Одной) (дремотой) (лѣнью) (осѣнилъ)

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 7-й былъ сперва начатъ словами: „Ты, буря, гдѣ“; нѣсколько ниже написано и зачеркнуто: „Въ пылу“. Непосредственно вслѣдъ за этимъ наброскомъ, послѣ тире, начата нынѣшняя XV строфа 1-й главы *Онѣгина*:

Едва (проснется онъ бывало)
Ему несутъ записокъ рядъ
Зовутъ на балъ зовутъ на

Положеніе отрывка въ рукописи, какъ указано П. Е. Щеголевымъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XIII, стр. 166 — 169), съ очевидностью свидѣтельствуетъ о томъ, что его нельзя относить къ 1822 году: „онъ находится, такъ сказать, въ сердцѣ 1-й главы *Онѣгина*, а извѣстно, что она начата 9 мая 1823 г. и кончена 22 октября того же года“. Въ частности, строфа XXXIII помѣчена: „16 августа“; приблизительно ко второй половинѣ августа долженъ быть отнесенъ и нашъ отрывокъ. П. Е. Щеголевъ полагаетъ, что отрывокъ этотъ не случайно набросанъ послѣ вопроса, являющагося въ концѣ XXXVI строфы и передъ отвѣтомъ на него, который находится въ строфѣ XXXVII: „совершенно очевидна внутренняя (по содержанію) связь отрывка съ вопросомъ, былъ ли счастливъ Онѣгинъ, и съ отрицательнымъ отвѣтомъ, указывающимъ на его охладѣвшія, остывшія чувства. Отрывокъ этотъ запечатлѣлъ одинъ изъ моментовъ творческой работы поэта: онъ, въ сущности, и заключаетъ отвѣтъ на поставленный вопросъ, сохраняя слѣды размышленій Пушкина на любезную ему одно время тему объ омертвѣлости чувствъ“.

По нашему мнѣнію, изъ того, что этотъ отрывокъ находится „въ сердцѣ“ 1-й главы *Онѣгина*, неопровержимо слѣдуетъ только то, что онъ долженъ быть отнесенъ къ 1823 году; но внутренняя связь его съ указанными мѣстами 1-й главы остается совершенно недоказанною.

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ увидимъ въ свое время (въ примѣчаніяхъ къ IV тому настоящаго изданія), „въ самомъ сердцѣ“ *Андрея Шенье* (рукопись Румянцовскаго Музея № 2370, л. 63, внизу) находится отрывокъ, начинающійся стихомъ: „Заступники кнута и плети“, не имѣющій съ содержаніемъ названнаго стихотворенія ничего общаго: поэтъ, просто, усталъ думать все объ одномъ и томъ же предметѣ, его мысль скользнула въ сторону, — и перомъ, можетъ быть, еще не обсохшимъ отъ послѣдне-написаннаго стиха „Шенье“, онъ пишетъ тутъ же эпиграмматическій набросокъ, въ которомъ, — какъ и въ интересующемъ насъ теперь отрывкѣ, — говоритъ *о себѣ* и *отъ себя* (здѣсь: „чей жезлъ поразилъ *во мнѣ*...“ тамъ: „когда *меня* позовутъ...“). Намъ кажется поэтому, что видѣть въ отрывкѣ одно изъ многочисленныхъ въ *Онѣгинѣ* лирическихъ отступленій было бы только натяжкой. П. Е. Щеголевъ замѣчаетъ далѣе, что „въ этомъ наброскѣ и помину нѣтъ о революціонныхъ грозахъ и буряхъ; поэтъ говоритъ исключительно о явленіяхъ въ области сердца“; полагая, что заключенное нами въ скобки слово въ стихѣ 7-мъ „ни въ коемъ случаѣ не можетъ читаться какъ *свободы*“, онъ предлагаетъ чтеніе: *стихіи*. „Правда, *стихіи* не риѳмуютъ съ словомъ *воды*, но на то вѣдь и отрывокъ-то только черновой“. На это можно возразить, что у Пушкина и въ черновыхъ отрывкахъ не бываетъ стиховъ нериѳмующихъ тамъ, гдѣ риѳма необходима; наоборотъ, нерѣдко вмѣсто одной риѳмы является нѣсколько, такъ сказать, запасныхъ; затѣмъ, непонятно, что значитъ: *символъ стихіи*. Но догадка г. Щеголева невѣрна и по существу: дѣло въ томъ, что слово: *свободы* вовсе не „прочитано“ нами въ рукописи, а *присочинено*, какъ подходящее по риѳмѣ, почему и поставлено въ прямыя скобки; въ рукописи нѣтъ ни этого слова, ни другого, его замѣняющаго: тамъ было написано: *сгмволъ*, зачерк-

lib.pushkinskijdom.ru

нуто и опять повторено, а стихъ остался недописаннымъ, и его пришлось дополнить по догадкѣ.

Что касается „революціонности“ этихъ стиховъ, то, разумѣется, рѣчь идетъ не о политической „грозѣ“, а именно о такой внутренней „встряскѣ“, которая могла бы вновь пробудить „усыпленныя“ чувства поэта,—хотя бы она явилась и результатомъ внѣшнихъ событій. Вспомнимъ слова тоскующаго отъ однообразной монастырской жизни Отрепьева: „Хоть бы ханъ опять нагрянулъ, хоть Литва бы поднялась!“

XXII.

[ЗАВИДУЮ ТЕБѢ...]

(Стр. 130).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, л. 12, впервые напечатано П. В. Анненковымъ въ его изданіи Сочиненій Пушкина, томъ I, стр. 353 („Матеріалы“, изд. 2-е, стр. 344), подъ заглавіемъ: „Къ М*“ (котораго въ рукописи нѣтъ). По той же рукописи набросокъ напечатанъ П. И. Бартеневымъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1881, томъ I, стр. 222, и Л. Н. Майковымъ въ *Матеріалахъ*, стр.141.

Анненковъ считалъ этотъ набросокъ началомъ посланія къ одному изъ лицейскихъ товарищей Пушкина, Ѳ. Ѳ. Матюшкину; Бартеневъ и слѣдовавшіе за нимъ издатели опредѣлили временемъ его написанія 1821 г. и, имѣя въ виду, что въ ту пору 20-лѣтній Матюшкинъ никакъ не могъ быть названъ „въ буряхъ посѣдѣлымъ“, отказались отъ пріуроченія отрывка именно къ этому лицу. Что касается датировки отрывка, то Л. Н. Майковъ отнесъ его къ 1821 г. на томъ основаніи, что онъ „находится въ рукописи между черновыми строфами I-й главы

lib.pushkinskijdom.ru

Онѣгина“,—писанной, какъ извѣстно, въ 1823 году; Н. О. Лернеръ (Сочиненія Пушкина, изд. Брокгаузъ-Эфронъ, томъ II, стр. 583), на томъ же основаніи, но, конечно, правильнѣе, отнесъ отрывокъ къ 1823 году. П. Е. Щеголевъ (*Пушкинъ и его современники,* выпускъ XIII, стр. 169—174), припомнивъ, что Пушкинъ пользовался своими тетрадями внѣ всякаго порядка и системы и что, слѣдовательно, заключенія объ одновременности созданія разныхъ стихотвореній, записанныхъ на одной и той же страницѣ, должны приниматься послѣ осторожнаго критическаго разбора, замѣтилъ, что отрывкомъ занято начало страницы, а за нимъ уже идутъ черновые наброски къ I-й главѣ *Онѣгина*. „Это положеніе отрывка можетъ дать намъ только одну достовѣрную дату, *позже* которой онъ не былъ написанъ, — а дату, *раньше* которой онъ не былъ написанъ, придется уже разыскивать по другимъ даннымъ.“ Въ тетради № 2369 нѣтъ произведеній 1821 г., а заведена она, какъ можно думать, судя по надписи на внутренней сторонѣ передней крышки переплета: „27 мая 1822, Кишиневъ, Pouschkin, Alexeef, Пушкинъ“, — въ маѣ 1822 г. Такимъ образомъ, періодъ написанія отрывка можно опредѣлить годовымъ срокомъ — отъ мая 1822 до мая 1823 г. Не приводя подробныхъ доказательствъ и основываясь только на „внутренней связи“ отрывка съ L-й строфой I-й главы *Онѣгина*, П. Е. Щеголевъ утверждаетъ, что отрывокъ „писанъ въ 1823 году, въ Одессѣ“. Это утвержденіе, однако, не является достаточно убѣдительнымъ для того, чтобы измѣнить принятую В. Е. Якушкинымъ въ настоящемъ изданіи датировку отрывка.

Въ отношеніи текста слѣдуетъ замѣтить, что онъ написанъ крайне неразборчиво и потому прочитанъ и возстановленъ не вполнѣ точно. Приводимъ по возможности полную его транскрипцію, — насколько намъ удалось его разобрать.

lib.pushkinskijdom.ru

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый:
Спокойной
(Желанной) пристани давно ли ты достигъ —
Давно ли тишины вкусилъ отрадный мигъ —
(И вновь тебя зовутъ заманчивыя волны)
(въ надеждѣ)
(единой страстью полны)
Дай * руку * — (для тебя) [меня?] (насталъ)
дальняго
Для неба (новаго) для (новыхъ) (неизвѣстныхъ) странъ
И снова ты бѣжишь
(Оставивъ Евро) Европы обвѣтшалой
Ищу остылой [?] [1]
Стихій другихъ (ищу) — земли жилецъ (усталой)
Привѣтствую тебя свободный Океанъ —

Кажется, слѣдуетъ видѣть въ этомъ наброскѣ отраженіе мысли, не разъ посѣщавшей Пушкина во время его пребыванія на югѣ, — о возможности побѣга моремъ. И его, какъ того моряка, къ которому онъ обращается, „зовутъ заманчивыя волны“ (ср. въ стихотвореніи: „Къ морю“: „Ты ждалъ... ты звалъ...“); оба они „единой страстью полны“ — оставить скучный берегъ для новыхъ, неизвѣстныхъ странъ, и поэту кажется, что для него уже насталъ желанный мигъ отрѣшиться отъ земли и поискать „другихъ стихій“...

---

[1] Кажется, написано: «осталый», т. е. возстановлено, съ опискою, зачеркнутое «усталый».

lib.pushkinskijdom.ru

XXIII.

У З Н И К Ъ.

(Стр. 131).

Печатается по изданію 1880 г. Впервые напечатано въ III-й части Стихотвореній А. Пушкина, Спб. 1832, стр. 185, въ отдѣлѣ стихотвореній „разныхъ годовъ".

Черновой набросокъ находится въ записной книжкѣ Пушкина 1820—1821 гг., хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, л. 58. Снимокъ съ него помѣщенъ въ „Сборникѣ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825", изд. *Русской Старины* и Ѳ. К. Опочинина, Спб. 1873, л. 30. Этотъ автографъ представляетъ первоначальную редакцію пьесы, съ поправками, но безъ заглавія. Приводимъ его цѣликомъ.

(Ненастно и мрачно въ темницѣ моей)
(Гляжу я въ окошко темницы сырой)
И тихо и грустно въ темницѣ (глухой)
(Орелъ обезкрыленный узникъ)
Плѣненъ, обезкрыленъ, орелъ молодой
(Мой вѣрный)
(Единый) товарищъ въ изгнаньи моемъ
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ
Клюетъ и бросаетъ и смотритъ въ окно,
(Онъ)
И вымолвить (хочетъ) мнѣ слово одно —
Мой вѣрный.....давай улетимъ!
Зоветъ меня взоромъ и крикомъ своимъ —
Давай, встрепенемся! пора намъ, пора!
(Острогъ намъ не ближній тюрьма не сестра)
синѣетъ и
Туда, гдѣ (за тучами) блещетъ гора
Мы вольныя птицы — ты, братъ мой, и я —
Гдѣ соколъ летаетъ, тамъ наша семья —

lib.pushkinskijdom.ru

По свидѣтельству П. А. Ефремова (Сочиненія Пушкина, изданіе Суворина, томъ VIII (Спб. 1905), стр. 179), у В. П. Гаевскаго была тетрадь, процензурованная 20 января 1832 г., въ которой почти всѣ стихотворенія были исправлены, а многія цѣликомъ написаны рукою Пушкина, причемъ подъ каждымъ стихотвореніемъ самимъ поэтомъ выставлены годы, — что, къ сожалѣнію, не попало въ печать. Листокъ съ *Узникомъ* писанъ весь рукою Пушкина, съ пятью помарками и помѣтою внизу: „Кишиневъ 1822.“ Стихъ 1-й сначала былъ написанъ:

Гляжу я въ окошко темницы сырой

Стихъ 8-й: *Онъ* вымолвить хочетъ. . .

„ 10-й: Туда, гдѣ *синѣетъ и блещетъ* гора,

(исправлено) Туда, гдѣ *за тучами блещетъ* гора

„ 12-й: Туда, гдѣ *гуляютъ* . . . . .

Въ изданіи 1880 г. стихотвореніе напечатано по этому автографу, въ которомъ стихъ 2-й безъ всякихъ помарокъ читался:

Вскормленный *на волѣ* орелъ молодой,

между тѣмъ какъ въ печатномъ текстѣ 1832 г. читается: „Вскормленный *въ неволѣ*“ . . .

Стихотвореніе, несомнѣнно, имѣетъ автобіографическое значеніе: въ письмахъ Пушкина 1822 г. постоянно выражается страстное желаніе свободы и надежда на скорое возвращеніе въ Петербургъ. См., напр., письма къ брату отъ 24 января, 21 іюля, 6 октября; къ Катенину — 19 іюля; къ Толстому — 26 сентября, и др. Любопытный примѣръ простонародной передѣлки *Узника* приведенъ въ ст. г. Дурново, въ *Пушкинскомъ Сборникѣ* Московскаго университета (М. 1899), стр. 237 — 254.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXIV.

Я. Н. ТОЛСТОМУ.

(Стр. 132).

Это посланіе вошло въ письмо къ Якову Николаевичу Толстому изъ Кишинева, отъ 26 сентября 1822 г. (Переписка, томъ I, стр. 52 — 54). Впервые напечатано въ неполномъ видѣ въ изданіи Анненкова, томъ I, стр. 187 („Матеріалы“, изд. 2-е, стр. 179); дополненія сообщены М. Н. Лонгиновымъ въ *Современникѣ* 1857, № 4, Смѣсь, стр. 265, и оттуда повторены въ изданіи Анненкова, томъ VII, стр. 58 — 59. Въ полномъ видѣ посланіе напечатано въ изданіи 1870 г., томъ I, стр. 260 — 261.

Черновой отрывокъ этого стихотворенія находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, лл. 48 об. и 49; другой отрывокъ, также черновой,—въ записной книжкѣ 1820 — 1821 гг. въ Императорской Публичной Библіотекѣ, лл. 60, 60 об. и 65. Наброски изъ музейной рукописи напечатаны В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 101 — 102, а изъ библіотечной — П. О. Морозовымъ въ изданіи Литературнаго Фонда (1887) томъ I, стр. 40 — 41.

Приводимъ транскрипцію музейной рукописи.

л. 48 об. до меня доходятъ —
и мнѣ
И (милый) звукъ знакомыхъ струнъ
Печаль на душу мнѣ навод(и)ятъ

(Нрзб.) (Молвой покинутый)
(А я) (Потерян) (изгнанникъ)
(Въ степяхъ Молдавіи забытъ)
(Давно съ)
(Непримиримою) судьбою

lib.pushkinskijdom.ru

Пѣвцы давно разлучены. . .
(Ихъ Музы сладостн)
(давно)
(Дни наши)
(Не будятъ чувства)
(Окрѣстъ) (угрюмой тишины)
(Не ———— радостной игрою)
вѣтреной
Ихъ лиры (щастливой) игрою
(Пировъ) (Любви)
Не славятъ щастья чередою,
Умы
(Сердца) тоской устрашены!
(Молчатъ пиры) тихли
л. 49. (Младыхъ пировъ) у(молкли) смѣхи
ья
Утихъ безум(ства) вольный гласъ
Любовницы
(Цирцеи по)забыли насъ
И разлетелися утѣхи —
Въ изгн. . .
Горя. . .
Я къ вамъ. . .
Воображ. . .
Горишь ли ты. . .
. . . .
Гдѣ ты. . .

Изъ библіотечной рукописи можно извлечь слѣдующія строки:

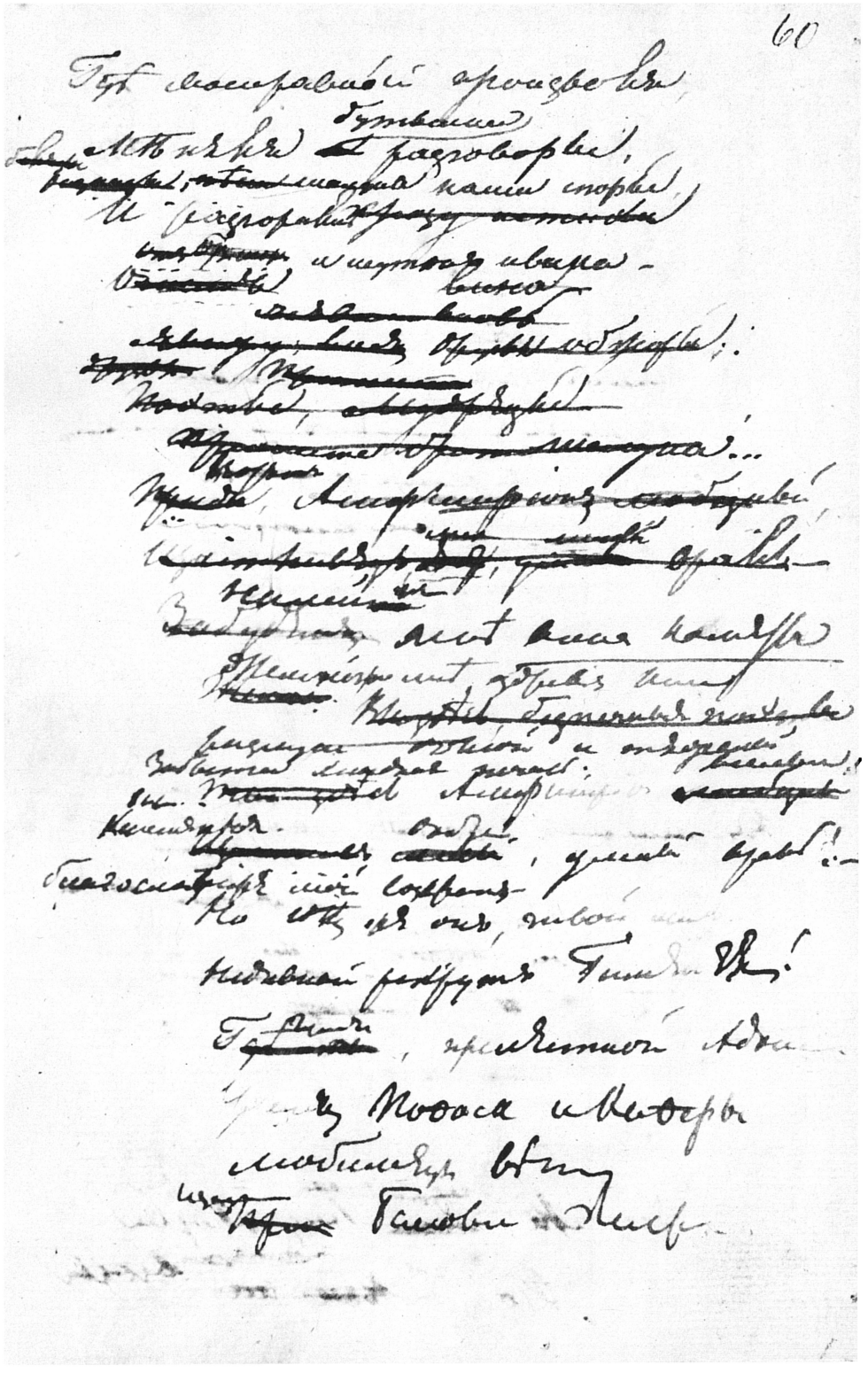
И разгорались наши споры
Отъ брашнъ, и шутокъ, и вина. . .
Я вижу васъ, друзья-обжоры!
Примите брата-шалуна. . .
Услышу ль я, мои поэты,
Боговъ торжественный языкъ?

lib.pushkinskijdom.ru

Налейте мнѣ вина кометы!
Желай мнѣ здравія, Колмыкъ!
Разлуки долгой и тяжелой
Забыта хладная печаль;
Ты здѣсь, амфитріонъ веселый,
Щастливецъ, добрый, умный враль!
. . . . . .
Благословите мой возвратъ!
Но гдѣ же онъ, твой милый братъ,
Недавній рекрутъ Гименея?
Гдѣ ты, прелестный Адонисъ,
Жилецъ Пафоса и Киѳеры,
Любимецъ вѣтренныхъ Лаисъ,
Щастливый баловень Венеры?
Приди, (щастливый царь) кулисъ,
Театра злой лѣтописатель,
Очаровательныхъ
(Младыхъ трагическихъ) актрисъ
Непостоянный обожатель!
Вы оба въ прежни времена
Любимой лестью баловали
Пѣвца свободы и вина
. . . . . .
Забывъ и лиру, и покой,
Бѣгу за милою мечтой. . .
. . . . . любовь
И сердца пылъ неосторожный,
Забуду посохъ мой дорожный
И равнодушенъ буду вновь.
А вы, товарищи младые,
Друзья, — готовьте шумный пиръ,
Готовьте чаши круговыя,
Вѣнки пировъ и гимны лиръ.

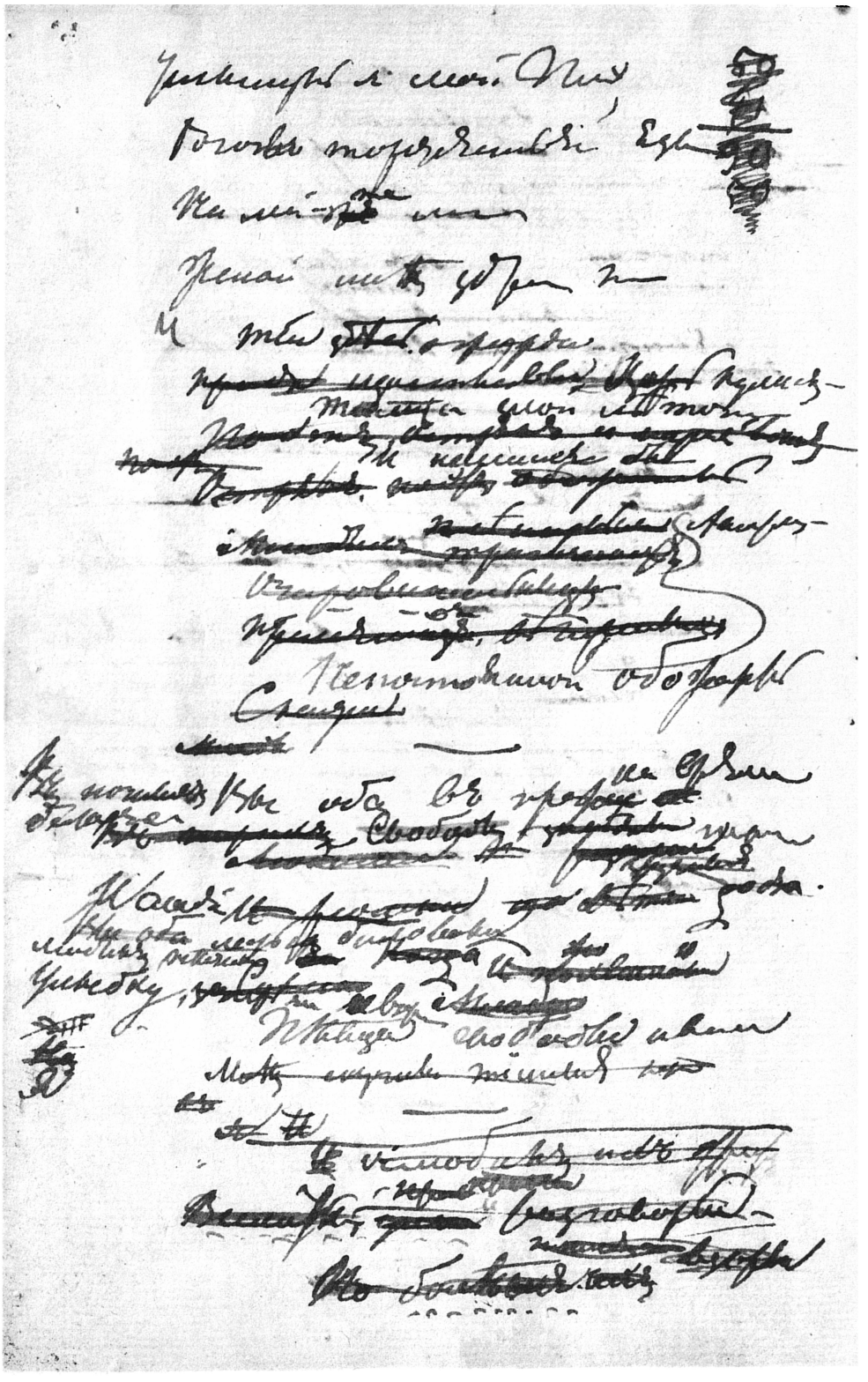
lib.pushkinskijdom.ru

Записная книжка 1820—1821 гг., л. 60.

lib.pushkinskydom.ru

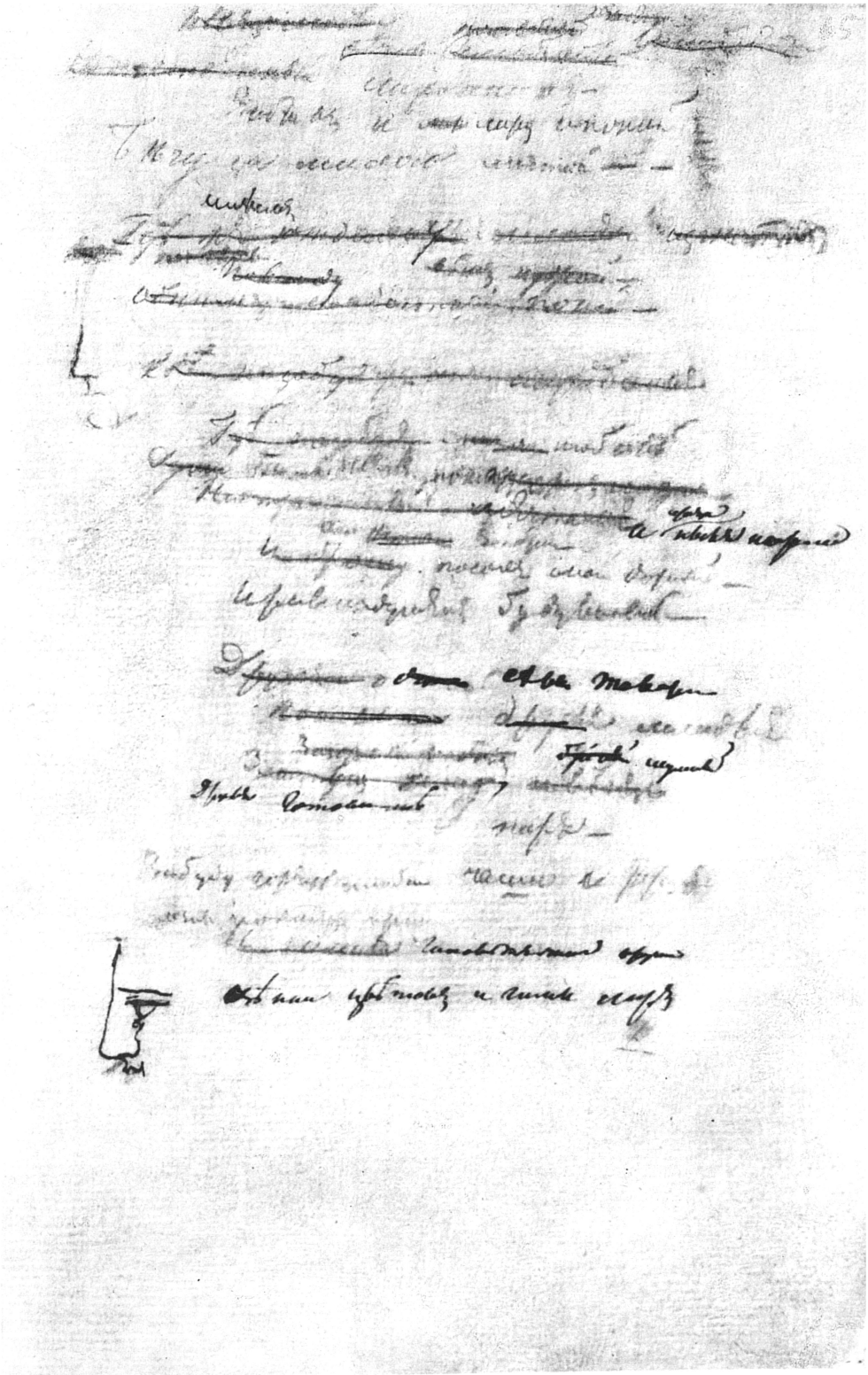
lib.pushkinskijdom.ru

Записная книжка 1820—1821 гг., л. 60 об.

lib.pushkinskydom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Записная книжка 1820—1821 гг., л. 65.

lib.pushkinskydom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Объ Яковѣ Николаевичѣ Толстомъ и его отношеніяхъ къ Пушкину см. настоящаго изданія томъ II, стр. 94—95, и біографическій очеркъ Толстого, составленный Б. Л. Модзалевскимъ, въ *Русской Старинѣ* 1899, томъ 99, стр. 587 — 614 и томъ 100, стр. 175 — 199, а также примѣчанія къ Перепискѣ Пушкина. Въ настоящемъ посланіи поэтъ вспоминаетъ объ обществѣ „Зеленой Лампы", къ которому онъ принадлежалъ вмѣстѣ съ Толстымъ и о которомъ см. статью П. Е. Щеголева въ сборникѣ: „Пушкинъ и его современники", выпускъ VII, стр. 19—39. „Вино кометы" упоминается Пушкинымъ также и въ XVI-й строфѣ I-й главы *Онѣгина:* „Вина кометы брызнулъ токъ". Есть повѣрье, что лучшее шампанское получается изъ винограда, уродившагося въ годъ появленія кометы, отчего и на внутренней сторонѣ пробки изображается комета (см. Сочиненія А. И. Герцена, Спб. 1905, томъ I, стр. 454). „Калмыкъ" былъ мальчикъ, слуга Всеволожскаго, прислуживавшій на засѣданіяхъ Зеленой Лампы. Послѣдній стихъ посланія намекаетъ на обычай „лампистовъ", о которомъ М. Н. Лонгиновъ сообщаетъ со словъ Я. Н. Толстого *(Современникъ* 1857, № 4, Смѣсь, стр. 226): „какъ скоро кто-нибудь отпускалъ пошлое красное словцо, калмыкъ нашъ улыбался насмѣшливо, и наконецъ мы рѣшили, что этотъ мальчикъ всякій разъ, какъ услышитъ пошлое словцо, долженъ подойти къ тому, кто его отпуститъ, и сказать: „Здравія желаю!" Съ удивительной смѣтливостью калмыкъ исполнялъ свою обязанность. Впрочемъ, Пушкинъ ни разу не подвергался калмыцкому желанію здравія. Онъ иногда говорилъ: „Калмыкъ меня балуетъ, — Азія протежируетъ Африку". Вспоминая въ письмѣ къ брату, 27 іюня 1821 г., о Зеленой Лампѣ (Переписка, томъ I, стр. 33), Пушкинъ писалъ: „пожелай здравія калмыку" (Н. О. Лернеръ, въ Соч. Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, томъ II, стр. 599). Въ

lib.pushkinskijdom.ru

библіотечныхъ варіантахъ упоминаются: „амфитріонъ веселый“ — Никита Всеволодовичъ Всеволожской, въ домѣ котораго присходили собранія „лампистовъ“; его братъ Александръ; „любимецъ вѣтреныхъ Лаисъ“ — Ѳедоръ Филипповичъ Юрьевъ, посланіе къ которому 1819 г. было начато именно этимъ стихомъ (см. томъ II, примѣчанія, стр. 33 — 34).

Толстой отвѣчалъ на письмо Пушкина и, между прочимъ, писалъ ему:

Ахъ! Лампа погасла:
Не стало въ ней масла!

„Масломъ“ Зеленой Лампы Пушкинъ, какъ видно изъ письма его къ П. Б. Мансурову (Переписка, томъ I, стр. 11), называлъ „шампанское нашего друга“ — Всеволожскаго.

XXV.

[ВОИСТИНУ ЕВРЕЙКИ МОЛОДОЙ].

(Стр. 134—141).

Печатается по старинной копіи, принадлежащей В. Е. Якушкину.

„Пушкинъ прислалъ мнѣ одну свою прекрасную шалость“, писалъ кн. П. А. Вяземскій А. И. Тургеневу 10 декабря 1822 г., сопровождая это сообщеніе выпискою 19-ти стиховъ (*Остафьевскій Архивъ*, томъ II, стр. 287). Этою „шалостью“ была небольшая поэма, которая въ рукописяхъ называется *Гавріліадою*, хотя самъ авторъ называлъ ее также *Благовѣщеніемъ* (см. письмо къ А. А. Бестужеву отъ 13 іюня 1823 г., Переписка, томъ I, стр. 70, 72). Точно опредѣлить время ея сочиненія невозможно, такъ какъ въ подлинной рукописи она неизвѣстна; есть, однако,

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

основаніе думать, что эта рукопись существуетъ: на экземплярѣ берлинскаго изданія стихотвореній Пушкина 1870 г. княземъ Вяземскимъ было написано: „У меня долженъ быть въ старыхъ бумагахъ полный собственноручный Пушкина списокъ Гавриліады, имъ мнѣ присланный. Должно сжечь его, что и завѣщаю сдѣлать сыну моему“ („Старина и Новизна“, кн. VIII, стр. 9). Въ тетради Румянцовскаго Музея № 2365, л. 28, среди черновыхъ стиховъ посланія къ Чаадаеву, помѣченнаго 6 апрѣля 1821 г., имѣется набросокъ програмы: „С. Д. призываетъ Г., открываетъ ему свою любовь и производитъ въ сводники. (Г. влюбленъ) С. и Марія“ (*Русская Старина* 1884, томъ 42, стр. 91). Въ той же тетради, л. 39, въ связи съ четверостишіемъ: „Вотъ Муза, рѣзвая болтунья“, находятся стихи: „Прими въ залогъ воспоминанья“, вѣроятно, представляющіе посвященіе *Гавриліады* одному изъ друзей поэта (см. выше, стр. 71 — 72). Наконецъ, тамъ же, на л. 23, записаны слѣдующіе стихи:

Примите новую тетрадь
(Друзья стиховъ) Вы, юноши и вы, дѣвицы
(Красавицы, мои Царицы —)
веселѣе ль
Не (правда ль легче) вамъ читать
(Моей) Игривой Музы
(Мои простыя) небылицы
Чемъ пиндарическихъ похвалъ
Высокопарныя
(Непостижимыя) страницы —
(ежемѣсячный)
Иль усыпительный * журналъ
ввѣкъ не зная цѣли
Который (былъ когда то въ модѣ)
Усердно
(А нынче) такъ тяжелъ и грубъ

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

И ровно каждыхъ двѣ недѣли
(Который вопреки природѣ)
Быть хочетъ золъ и только глупъ — — —

О вы которыя любили
Парнаса тайные
(Мои парнаскіе) цвѣты
(Мой) (Музы вѣтреной)
(И грѣшной) (И грѣшной) младости мечты
слабымъ
Вниманьемъ (тай) (обратили) наградили
Спасите трудъ небрежный мой
мой
И своевольный подвигъ [?] слова
Отъ рукъ Невѣжества слѣпова
Отъ взоровъ Зависти косой
картины
(разсказы) (думы) вымыслы (и были) разсказы
я вновь
Для васъ (опять) перемѣшалъ —
(мои проказы)
Смѣшное съ важнымъ состечаталъ [1]
бѣшеной
И (вѣтреной) (нѣж) любви проказы —
ея а
Въ Архивахъ ад(скихъ) отыскалъ — —

Эти наброски написаны вслѣдъ за эпилогомъ *Кавказскаго Плѣнника*; потому Анненковъ, впервые (невполнѣ и неточно) ихъ напечатавшій въ VII-мъ томѣ своего изданія (стр. 85), озаглавилъ ихъ: „Приписки къ Кавказскому Плѣннику“. Съ тѣхъ поръ эти „приписки“ такъ и печатались во всѣхъ изданіяхъ, между тѣмъ какъ по своему содержанію онѣ вовсе не подходятъ къ названной поэмѣ

[1] Описка вмѣсто: «сочеталъ».

lib.pushkinskijdom.ru

и скорѣе всего должны быть отнесены къ *Гавриліадѣ* (см. настоящаго изданія томъ II, примѣчанія, стр. 488, и замѣтку Н. О. Лернера: „Нѣчто новое о Пушкинѣ въ Кишиневѣ“ — въ *Бессарабскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1902, № 88).

Такъ какъ приведенные наброски несомнѣнно относятся къ 1821 году, то, по всей вѣроятности, и *Гавриліада* была начата въ этомъ же году, а окончена осенью 1822 г., когда авторъ и отослалъ ее кн. Вяземскому и, вѣроятно, Бестужеву.

Шесть лѣтъ спустя, въ половинѣ 1828 г., по поводу распространенія списковъ поэмы возникло дѣло, грозившее Пушкину серьезными непріятностями. Крѣпостные люди отставного штабсъ-капитана Митькова „принесли къ высокопреосвященнѣйшему митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Серафиму прошеніе, что господинъ ихъ развращаетъ ихъ въ понятіяхъ православной, ими исповѣдуемой, христіанской вѣры, прочитывая имъ изъ книги его рукописи нѣкое развратное сочиненіе, подъ заглавіемъ *Гавриліада*, и представили митрополиту и ту самую рукопись“. Сообщая объ этомъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу П. А. Толстому, статсъ-секретарь Его Величества Ник. Наз. Муравьевъ увѣдомилъ его, 29 іюня 1828 г., что для производства по этому дѣлу слѣдствія Государю Императору угодно было образовать особую коммисію, въ составъ которой вошли: гр. В. П. Кочубей, гр. П. А. Толстой и кн. А. Н. Голицынъ. Въ засѣданіи 25 іюля 1828 г. коммисія опредѣлила поручить С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору призвать къ себѣ Пушкина и спросить: а) имъ ли написана поэма *Гавриліада*? б) въ которомъ году? в) имѣетъ ли онъ у себя оную, и если имѣетъ, то потребовать, чтобы онъ вручилъ ему свой экземпляръ; г) обязать Пушкина подпискою впредь подобныхъ богохульныхъ сочиненій не

lib.pushkinskijdom.ru

писать, подъ опасеніемъ строгаго наказанія. Въ августѣ того же года С.- Петербургскій военный генералъ-губернаторъ донесъ коммисіи, что Пушкинъ на допросѣ рѣшительно отвѣчалъ, что сія поэма писана не имъ, что онъ въ первый разъ видѣлъ ее въ Лицеѣ въ 1815 или 1816 году и переписалъ ее, но не помнитъ, куда дѣвалъ сей списокъ, и что съ того времени онъ не видалъ его. Объ этомъ доложено было Государю, который приказалъ снова призвать Пушкина и спросить, отъ кого получилъ онъ въ 1815 или 1816 году упомянутую поэму, изъяснивъ, что открытіе автора уничтожитъ всякое сомнѣніе по поводу обращающихся экземпляровъ сего сочиненія подъ именемъ Пушкина. Рапортомъ отъ 20 августа 1828 г. военный генералъ-губернаторъ донесъ: „Извѣстный стихотворецъ Пушкинъ былъ призванъ ко мнѣ и вопрошаемъ, отъ кого получилъ извѣстную поэму? Я поставилъ ему притомъ на видъ, что открытіе сочинителя поэмы сей уничтожитъ всякое о немъ сомнѣніе. Пушкинъ вслѣдствіе этого изложилъ собственноручно слѣдующее показаніе:

„1828 года августа 19 дня, нижеподписавшійся 10-го класса Александръ Пушкинъ, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго г. главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ, бывъ призванъ къ С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору и спрашиванъ, отъ кого именно получилъ поэму подъ заглавіемъ *Гавріліады,* показалъ:

„Рукопись ходила между офицерами гусарскаго полку, но отъ кого изъ нихъ именно я досталъ оную, я никакъ не упомню. Мой же списокъ сжегъ я, вѣроятно, въ 1820 году. Осмѣливаюсь прибавить, что ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже въ тѣхъ, въ коихъ я особенно разкаиваюсь, нѣтъ слѣдовъ духа безвѣрія или кощунства надъ религіею. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе,

lib.pushkinskijdom.ru

приписывающее мнѣ произведеніе столь жалкое и постыдное. — 10-го класса *Александръ Пушкинъ*."

На всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ временной коммисіи послѣдовала, 28 августа 1828 г., Высочайшая резолюція: „Г. Толстому призвать Пушкина къ себѣ и сказать ему Моимъ именемъ, что, зная *лично* Пушкина, *Я его слову вѣрю*. Но желаю, чтобъ онъ помогъ Правительству открыть, кто могъ сочинить подобную мерзость и обидѣть Пушкина, выпуская оную подъ его именемъ?"

Вслѣдствіе этой резолюціи гр. Толстой опять призвалъ Пушкина и потребовалъ отъ него, „чтобы онъ, видя такое къ себѣ благоснисхожденіе Его Величества, не отговаривался отъ объявленія истины". Пушкинъ, „по довольномъ молчаніи и размышленіи", спрашивалъ: позволено ли будетъ написать прямо Государю Императору? И, получивъ на сіе удовлетворительный отвѣтъ, тутъ же написалъ Его Величеству письмо и, запечатавъ оное, вручилъ графу Толстому. Коммисія опредѣлила: „Не раскрывая письма сего, представить оное Его Величеству" (7 октября 1828).

Содержаніе этого письма остается неизвѣстнымъ, но есть основаніе предполагать, что Пушкинъ призналъ свое авторство. Въ программѣ записокъ, продиктованной кн. А. Н. Голицынымъ въ 1837 году, подъ 30 декабря отмѣчено слѣдующее:

„Гавріліада" Пушкина. Отпирательство Пушкина. *Признаніе*. Обращеніе съ нимъ Государя. Важный отзывъ самого князя, что не надобно осуждать умершихъ" (*Русскій Архивъ* 1886, книга II, стр. 327).

Какъ бы то ни было, послѣ письма Пушкина къ Государю дальнѣйшее разслѣдованіе о *Гавріліадѣ* было прекращено. Дѣло это очень тревожило Пушкина, и въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 1 сентября, которое, какъ онъ предполагалъ, будетъ прочитано на почтѣ, онъ писалъ:

lib.pushkinskijdom.ru

„Ты зовешь меня въ Пензу, а того и гляди что я поѣду далѣе, прямо, прямо на востокъ. Мнѣ навязалась на шею преглупая шутка. До Правительства дошла наконецъ Гавриліада; приписываютъ ее мнѣ; донесли на меня, и я вѣроятно отвѣчу за чужія проказы, если Кн. Дм. Горчаковъ не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собственность. Это да будетъ между нами". Кн. Вяземскій понялъ намекъ и въ письмѣ, посланномъ уже не по почтѣ, а „съ оказіей", отвѣчалъ: „Сердечно жалѣю с твоихъ хлопотахъ по поводу Гавріила; но надѣюсь, что послѣдствій худыхъ не будетъ и что фонъ-Фокъ [начальникъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи] скажетъ Музѣ твоей: Стихородица дѣво, радуйся, благословенна ты въ женахъ и прочее" (Переписка, томъ II, стр. 74, 77). Тревоги Пушкина, вызванныя этой непріятной исторіей, отразились, между прочимъ, въ стихотвореніи 1828 г. „Предчувствіе".

Подлинные документы по дѣлу о *Гавриліадѣ* напечатаны въ сборникѣ „Старина и Новизна", книга V-я, Спб. 1902, стр. 3 — 6 и книга XIII-я, стр. 1 — 3. Основываясь на отреченіи Пушкина отъ своей поэмы и на его ссылкѣ на кн. Д. П. Горчакова, Н. П. Барсуковъ („Старина и Новизна", книга VIII-я) и В. В. Каллашъ („Литературный Вѣстникъ" 1902, книга II, стр. 101 — 103) желали, вопреки очевидности, доказать, что *Гавриліада* написана не Пушкинымъ, а кѣмъ-то другимъ, — можетъ быть, и кн. Горчаковымъ, въ числѣ произведеній котораго было нѣсколько фривольныхъ сказочекъ, переведенныхъ изъ Лафонтена и др. (напр. „Соловей"), а также — по свидѣтельству весьма вообще недостовѣрныхъ записокъ Селивановскаго („Библіографическія Записки" 1858, стр. 518 — 519) — „переведенная съ французскаго поэма *Гавриліада*".

По мнѣнію П. В. Анненкова („Пушкинъ въ александровскую эпоху", стр. 145 — 146), поэма Пушкина была

lib.pushkinskijdom.ru

написана „въ видѣ отвѣта на корыстное торжество клерикальной партіи“,—какъ извѣстно, особенно усилившейся въ началѣ 20-хъ годовъ. Кажется, однако, не слѣдуетъ въ данномъ случаѣ приписывать Пушкину какую-нибудь предвзятую полемическую цѣль, точно такъ же, какъ трудно согласиться и съ мнѣніемъ П. И. Бартенева (*Русскій Архивъ* 1866, ст. 1179), будто Пушкинъ „позволилъ себѣ сочинить поэму просто изъ молодого литературнаго щегольства: ему захотѣлось показать своимъ пріятелямъ, что онъ можетъ въ этомъ родѣ написать что-нибудь лучше стиховъ Вольтера и Парни“. Въ пору сочиненія этой поэмы Пушкинъ переживалъ полосу „демонизма“ и крайняго отрицанія всѣхъ „предразсудковъ“, которая и оставила свой слѣдъ въ его произведеніяхъ (ср., напримѣръ, посланіе къ В. Л. Давыдову 1821 г.); что касается Вольтера и Парни, давно и хорошо ему знакомыхъ, то они, конечно, служили только литературнымъ образцомъ. Въ частности, *Гавріліада* несомнѣнно навѣяна двумя произведеніями Парни: „Les galanteries de la Bible“ и „La guerre des dieux“, изъ которыхъ къ ней можно было бы привести немало параллельныхъ стиховъ. Едва ли Пушкинъ придавалъ своей поэмѣ какое-нибудь особое значеніе: мы знаемъ, что люди гораздо болѣе умѣренные въ своемъ либерализмѣ, каковы были кн. Вяземскій и А. Тургеневъ, усмотрѣли въ его поэмѣ не больше, какъ „шалость“,—да еще „прекрасную“, потому что поэтъ, дѣйствительно, довелъ ея отдѣлку до высокаго художественнаго совершенства.

Нѣкоторые стихи поэмы близко подходятъ къ болѣе раннимъ произведеніямъ Пушкина. Такъ, напримѣръ, стт. 113—116 являются почти повтореніемъ стт. 5—8 изъ стихотворенія 1816 г.: „Любовь одна—веселье жизни хладной“ (см. томъ I, стр. 198):

lib.pushkinskijdom.ru

Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
Сей быстрый *мигъ поймаетъ на лету,*
Кто *къ радостямъ* и нѣгѣ неизвѣстной
Стыдливую преклонитъ красоту.

Стихъ 111-й: „Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей“ повторяется въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ* (ст. 426): „Языкъ мучительныхъ страстей“; стихи 329—355 своимъ содержаніемъ напоминаютъ стихотвореніе 1819 г. „Платоническая любовь“ (см. томъ II, стр. 68), а также указанные П. А. Ефремовымъ (Сочиненія Пушкина, изд. Суворина, томъ VIII, стр. 394) стихи Парни:

Toi dont le nom est encor dans mon coeur,
Premier objet dont j'ai tenté les charmes,
Pardonne-moi mon crime et mon bonheur, и пр.

Полный текстъ *Гавріліады* напечатанъ въ сборникѣ Н. П. Огарева: „Русская потаенная литература XIX столѣтія“, Лондонъ 1861, часть I, стр. 40—59. Въ Россіи впервые явился въ печати небольшой отрывокъ, стт. 101—120, въ журналѣ „Время“ 1861, № 7, подъ заглавіемъ: „Неизданное стихотвореніе Пушкина“ (сообщено Н. В. Гербелемъ); другіе отрывки были напечатаны П. А. Ефремовымъ въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1861 г. и въ изданіи 1880 г.; наконецъ, нѣсколько дополнительныхъ стиховъ помѣщено въ *Русскомъ Архивѣ* 1881, книга III-я, стр. 476. Въ *Новомъ Времени* 1903, №№ 9874 и 9877, было указано, что полный списокъ поэмы имѣется въ Собственной Его Величества библіотекѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

XXVI.

Я ГОВОРИЛЪ ПРЕДЪ ХЛАДНОЮ ТОЛПОЙ.

(Стр. 142).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2364, л. 58. См. выше, стр. 102—107, примѣчанія къ стихотворенію: „Ты правъ, мой другъ“.

XXVII — XXVIII.

В А Д И М Ъ.

(Стр. 143).

Отрывокъ изъ драмы явился въ печати только въ изданіи Анненкова, томъ VII, стр. 66, а отрывокъ изъ поэмы былъ напечатанъ частью, отъ стиха 71-го до 108-го включительно и съ добавленіемъ стиховъ, приведенныхъ внизу стр. 148 — 149, въ альманахѣ Бориса Ѳедорова: „Памятникъ Отечественныхъ Музъ“ 1827 г., стр. 253, и перепечатанъ въ Посмертномъ изданіи, томъ IX, стр. 386 — 388, подъ заглавіемъ: „Сонъ (Отрывокъ изъ Новгородской повѣсти: Вадимъ)“. Весь отрывокъ, въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ нами въ текстѣ, былъ данъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827, № 17, стр. 3 — 7, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ неоконченной поэмы (Писано въ 1822 году)“, съ полною подписью Пушкина и съ примѣчаніемъ: „Нѣсколько стиховъ изъ сего отрывка напечатано было въ Памятникѣ Отечественныхъ Музъ 1827 года“. Наконецъ, стихи 1-й — 70-й явились въ Посмертномъ изданіи подъ заглавіемъ: „Два путника“.

Отрывокъ изъ поэмы въ рукописи неизвѣстенъ, а отрывокъ изъ драмы находится въ рукописи Румянцов-

lib.pushkinskijdom.ru

скаго Музея № 2365, лл. 59 об. и 60, гдѣ можно прочесть слѣдующіе первоначальные варіанты:

Стихъ 4-й: *Жива ль въ ихъ памяти* славянская свобода?
„ 6-й: Рѣшились оправдать *проклятіе* судьбы

Послѣ стиха 16-го слѣдовало:

Явись — и перемѣнъ ударитъ грозный часъ!

Вадимъ.

Безумные! Давно ль *въ восторгѣ звалъ я васъ*,
Когда судьбу свою варягамъ поручили
И вольныя главы подъ иго *преклонили?*

Затѣмъ Пушкинъ зачеркнулъ эти стихи и написалъ отвѣтъ Вадима, какъ напечатано. При этомъ стихи 17-й и 18-й первоначально читались:

Давно ль (*невѣрные*) *несчастные* они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали *съ* торжествомъ Властителей чужихъ

Въ той же рукописи, на л. 59-мъ об., находится слѣдующая программа поэмы (и трагедіи):

„(Ночь) Вечеръ, руской берегъ—ладья (рыбакъ спитъ) Вадимъ — не спитъ — но утромъ засыпаетъ — рыбакъ хочетъ его убить — Вадимъ (его) видитъ во снѣ Новгородъ набѣги Гостомысла Рюрика Рогнѣду — вновь идетъ къ Новгороду (Нева) рыбакъ —

„(Старикъ) (Другъ его) Могила Гостомысла — онъ находитъ тамъ друга: (изъ) 1 сцена трагедіи — заговорщики собираются — клянутся умереть за свободу Новгорода. *Тризна.* Обряды. Вадимъ назначаетъ свиданіе Рогнѣдѣ.

„(Рюрикъ) Свадебный пиръ. Рюрикъ выдаетъ свою дочь за Стемида—искуснаго полководца—гости садятся

lib.pushkinskijdom.ru

за столы, скатерти — женихъ видитъ Вадима въ числѣ гостей.

„Пьютъ здоровье Рюрика, братьевъ, жениха и невѣсты, Варяговъ. Вадимъ пьетъ здоровье гражданъ и Новгородцевъ — почему?“

Въ записной книжкѣ 1820 — 1821 г., хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, находятся еще другія программы:

„Вадимъ влюбленъ. Рогнѣда, дочь Гостомысла. Она невѣста Громвала, славянина Рюрика. Вадимъ и его шайка таятся близь могилы Гостомысла. Вадимъ былъ во дворцѣ и въ городѣ и назначилъ свиданье Рогнѣдѣ.

„Рюрикъ и Громвалъ — презрѣніе къ народу самовластія. Громвалъ его защищаетъ. Рогнѣда, различныя ея воспоминанія. Является Вадимъ. Рогнѣда, Рюрикъ и Громвалъ.

„Вадимъ въ Новгородѣ на вѣчѣ. Вѣстникъ — толпа— Рюрикъ. Рогнѣда открываетъ заговоръ — бунтъ — бой— Вадимъ передъ Рюрикомъ.

„Вадимъ и Громвалъ — свиданье — друзья дѣтства.

„*Преданія:* Славенъ оснуетъ городъ Славянскъ. Вандалъ, сынъ его. Гардоринъ и Гунигаръ, завоеватели. Изборъ, Столпосвятъ и Влад., женатый на Адвиндѣ. Сыновья его. Буривой, сынъ Влад., отецъ Гостомысла.

„Вадимъ въ мрачную ночь сокрытый у гробницы Гостомысла.

„Карамзинъ, т. II, стр. 158. Путеш. Даніила въ Іерусалимъ при царств. Святополка. (Мономахъ, Половцы)“.

На указанной страницѣ „Исторіи Государства Россійскаго“ говорится объ основаніи Ладоги. Послѣднія строки программы идутъ уже гораздо дальше эпохи Вадима и, повидимому, относятся къ какому-нибудь другому замыслу.

---

lib.pushkinskijdom.ru

Въ одномъ изъ нашихъ лѣтописныхъ сборниковъ („Никоновская Лѣтопись“) сохранилось темное преданіе о томъ, что вскорѣ послѣ призванія славянами варяжскихъ князей новогородцы, недовольные правленіемъ Рюрика, возстали противъ него подъ предводительствомъ Вадима: „Въ лѣто 863 уби Рюрикъ Вадима Храбраго и иныхъ многихъ изби новгородцевъ, совѣтниковъ его“. Разбирая это сказаніе, В. Н. Татищевъ (Исторія Россійская, 1768, I, 35 и II, 13) высказалъ догадку, что Вадимъ, какъ и Рюрикъ, былъ внукомъ Гостомысла, но, происходя отъ одной изъ старшихъ дочерей послѣдняго, имѣлъ больше правъ на власть, въ борьбѣ за которую и погибъ вмѣстѣ съ своими приверженцами. Сказаніе о Вадимѣ въ свое время привлекало многихъ нашихъ писателей. Екатерина II воспользовалась имъ въ своемъ „Историческомъ представленіи изъ жизни Рюрика“ (1786), гдѣ Вадимъ представленъ честолюбивымъ бунтовщикомъ противъ законной „самодержавной“ власти перваго русскаго князя. Княжнинъ сдѣлалъ Вадима героемъ своей знаменитой трагедіи „Вадимъ Новгородскій“, напечатанной уже только по смерти автора, въ 39-й части „Россійскаго Ѳеатра“ 1793 г. и затѣмъ, по распоряженію генералъ-прокурора гр. Самойлова, вырванной изъ всѣхъ экземпляровъ этой части за обнаруженныя въ ней „нелѣпыя выраженія“ (*Русская Старина* 1871, томъ VI, стр. 91—92). Десять лѣтъ спустя, въ *Вѣстникѣ Европы* 1803 (части 23-я и 24-я) появилось начало исторической повѣсти Жуковскаго „Вадимъ Новгородскій“, оставшейся, однако, неоконченною. Въ романтическую пору нашей поэзіи Вадимъ представлялся героемъ народнаго освобожденія отъ иноплеменнаго ига. Такимъ является онъ въ „думѣ“ Рылѣева, впервые напечатанной только въ 1871 г., въ *Русской Старинѣ*, томъ III, стр. 74:

lib.pushkinskijdom.ru

Не смотря на хладъ убійственный
Согражданъ къ правамъ своимъ,
Ихъ отъ бѣдъ спасти насильственно
Хочетъ пламенный Вадимъ.
«До какого насъ безславія
«Довели вражды гражданъ!
«Насылаетъ Скандинавія
«Властелиновъ для славянъ!
«Грозенъ князь самовластительный!
«Но наступитъ мракъ ночной,
«И настанетъ часъ рѣшительный,
«Часъ для гражданъ роковой!»

Для Рылѣева и его товарищей Вадимъ являлся желаннымъ героемъ, русскимъ Брутомъ,—своего рода паролемъ для радикаловъ александровской эпохи, подобно тому, какъ Псковъ и Новгородъ были синонимами „древнеславянской“ свободы (Щеголевъ, „Первый декабристъ Владиміръ Раевскій“, Спб. 1905, стр. 60).

Мы не знаемъ, извѣстна ли была Пушкину дума Рылѣева, но трагедію Княжнина онъ хорошо зналъ и въ одной изъ своихъ историческихъ замѣтокъ вспоминалъ о томъ, какъ ея авторъ, будто бы, „умеръ подъ розгами Шешковскаго“. Эта-то трагедія, по всей вѣроятности, и внушила ему мысль обработать ту же тему въ новомъ стилѣ. „Пушкинъ замышлялъ написать картину заговора и возстанія славянскихъ племенъ противъ иноплеменнаго ига, напомнить именемъ Вадима трагедію Княжнина и, наконецъ, открыть въ русской литературѣ эру мужественныхъ альфіеріевскихъ трагедій на мѣсто любовныхъ классическихъ. При этомъ „славянскія племена“ и „иноплеменники“ составляли только весьма прозрачную аллегорію, въ которой легко было разобрать настоящихъ дѣятелей и настоящихъ враговъ, подразумѣваемыхъ трагедіей. Пушкинъ такъ ясно хотѣлъ выразить свою истинную цѣль, что стихъ, вложенный имъ въ уста Рогдая, одного изъ заговорщиковъ, описывающихъ всеобщій ропотъ новогородцевъ, былъ написанъ

lib.pushkinskijdom.ru

такъ, какъ будто дѣло шло о событіи очень близкомъ и современномъ:

Вражду *къ правительству* я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ. . .

(Анненковъ, Пушкинъ въ алекс. эпоху, стр. 164).

Но трагедія не пошла дальше маленькаго отрывка. Пушкинъ оставилъ ее и обратился къ формѣ, въ ту пору болѣе для него привычной, — къ поэмѣ. Вскорѣ, однако, и поэма была заброшена, хотя Пушкинъ, видимо, много о ней думалъ и не разъ принимался за составленіе ея плана. Здѣсь онъ доходилъ до древнѣйшихъ представленій язычниковъ варяговъ и славянъ, съ ихъ морской жизнью, употребленіемъ кремней, съ обстановкой, какъ будто взятой изъ Калевалы, намѣчалъ бытовыя картины съ обрядами тризны, свадебнаго пира и пр.

При появленіи отрывка изъ поэмы въ печати Бѣлинскій обратилъ на него вниманіе, замѣтивъ, что стихъ его „хорошъ, но прозаиченъ“ и что изображаемые Пушкинымъ славяне — „очевидно, не тѣ славяне, которые втихомолку отъ исторіи и украдкой отъ человѣчества жили да поживали-себѣ въ степяхъ, болотахъ и дебряхъ нынѣшней Россіи, но славяне карамзинскіе, которыхъ существованіе и образъ жизни не подвержены ни малѣйшему сомнѣнію. только въ Исторіи Государства Россійскаго. Изъ такихъ славянъ нельзя было сдѣлать поэмы, потому что для поэмы нужно дѣйствительное содержаніе, и ея героями могутъ быть только дѣйствительные люди, а не ученыя фантазіи и не историческія гипотезы. Кто видалъ славянскіе мечи? Дреколья и теперь можно видѣть... Кто видалъ славянскую боевую одежду временъ баснословнаго Вадима или баснословнаго Гостомысла? Лапти и сермяги можно и теперь видѣть...“ (Сочиненія Бѣлинскаго, томъ VIII, стр. 329 — 330). Тутъ же критикъ отмѣтилъ съ похвалою стихъ: „Но тынъ оросъ крапивой

lib.pushkinskijdom.ru

дикой“: „слово *тынъ,* взятое прямо изъ міра славянской и новгородской жизни, поражаетъ сколько своей смѣлостью, столько и поэтическимъ инстинктомъ поэта. Изъ прежнихъ поэтовъ едва ли бы кто не испугался пошлости и прозаичности этого слова... Теперь странно видѣть какую-то смѣлость въ употребленіи слова *тынъ;* но... что легко теперь, то было трудно прежде. Теперь всякій риѳмачъ смѣло употребляетъ въ стихахъ всякое русское слово; но тогда слова, какъ и слогъ, раздѣлялись на высокія и низкія, и фальшивый вкусъ строго запрещалъ употребленіе послѣднихъ. Нуженъ былъ талантъ могучій и смѣлый, чтобъ уничтожить эти австралійскія табу въ русской литературѣ. Теперь смѣшно читать нападки тогдашнихъ аристарховъ на Пушкина, — такъ они мелки, ничтожны и жалки; но аристархи упрямо считали себя хранителями чистоты русскаго языка и здраваго вкуса, а Пушкина — исказителемъ русскаго языка и вводителемъ всяческаго литературнаго и поэтическаго безвкусія...“

XXIX.

А Д Е Л И.

(Стр. 150).

Напечатано въ *Полярной Звѣздѣ* на 1824 годъ, стр. 60, подъ заглавіемъ: „Въ альбомъ малюткѣ“ и съ полною подписью; въ изданіяхъ 1826 (стр. 70) и 1829 (часть I, стр. 151 — 152) — подъ заглавіемъ: „Адели“.

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 8 об. Въ рукописи графа П. И. Капниста, л. 9 об., упомянуто въ такомъ видѣ: „Аделѣ (а не Въ альбомъ малюткѣ)“.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ рукописи вмѣсто стиховъ 9—11-го сперва читалось:

Для наслажденій,
Для упоеній
Ты рождена,
Живую радость,
Минуты сладость

Кромѣ того, стихъ 11-й сперва былъ исправленъ такъ:

Мигъ упоенья,

а въ послѣднемъ стихѣ начальное *И* поправлено на *Но*.

Отношенія Пушкина къ Аглаѣ Антоновнѣ Давыдовой (о которой см. выше, стр. 102) отразились и на ея дочери, Адели, дѣвочкѣ лѣтъ 12-ти. По разсказу И. Д. Якушкина, Пушкинъ „вообразилъ себѣ или, вѣрнѣе, напустилъ на себя видъ, что онъ въ нее влюбленъ, безпрестанно на нее заглядывался и, подходя къ ней, шутилъ съ ней очень неловко. Однажды за обѣдомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня и, раскраснѣвшись, смотрѣлъ такъ ужасно на хорошенькую дѣвочку, что она, бѣдная, не знала, что дѣлать, и готова была плакать. Мнѣ стало ее жалко, и я сказалъ Пушкину вполголоса: „Посмотрите, что вы дѣлаете; вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бѣдное дитя“. — „Я хочу наказать кокетку“, отвѣчалъ онъ: „прежде она со мною любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочетъ взглянуть на меня“. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ обратить все это въ шутку и заставить его улыбнуться...“ (Записки И. Д. Якушкина, Лейпцигъ 1874, стр. 70). Дальнѣйшая судьба дѣвочки не оправдала пожеланій поэта, высказанныхъ въ стихотворномъ къ ней обращеніи: Аглая Антоновна послѣ смерти мужа переселилась въ Парижъ, гдѣ вышла замужъ за генерала Себастьяни и обратила двухъ своихъ дочерей въ католичество, и Адели, вмѣсто наслажденій большого

lib.pushkinskijdom.ru

свѣта, выпало на долю уединеніе монастыря (А. М. Лобода, „Пушкинъ въ Каменкѣ“, въ сборникѣ профессоровъ университета Св. Владиміра „Памяти Пушкина“, Кіевъ 1899, стр. 98).

XXX.

КЪ Ѳ. Н. ГЛИНКѢ.

(Стр. 151).

Печатается по тексту, сообщенному Пушкинымъ въ письмѣ къ брату, въ началѣ января 1823 г. (Переписка, томъ I, стр. 63 — 64).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 16 об., подъ заглавіемъ: „Ѳ. Н. Г — кѣ“, и л. 47, подъ заглавіемъ: „Гл.“ Впервые напечатанъ былъ отрывокъ изъ этой пьесы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1855, № 145, въ статьѣ П. И. Бартенева, а вся пьеса появилась въ *Современникѣ* 1856, № 7, въ „Библіографическихъ Запискахъ“ М. Н. Лонгинова, стр. 9 — 10, затѣмъ въ изданіи Анненкова, томъ VII, стр. 29. Вездѣ въ основу изданія положенъ текстъ письма къ брату. Л. Н. Майковъ („Матеріалы“, стр. 169 — 170), сравнивая между собою сохранившіеся автографы, замѣтилъ, что пьеса подвергалась неоднократнымъ передѣлкамъ. Въ рукописи № 2367, на л. 16-мъ, наполовину оборванномъ, сохранилось только восемь начальныхъ стиховъ посланія, и изъ нихъ пять первыхъ перечеркнуты вдоль, да кромѣ того въ двухъ изъ нихъ сдѣланы поправки: первоначальныя чтенія были слѣдующія:

Стихъ 1-й: Когда *въ весельяхъ* жизни шумной
„ 5-й: *Вздохнувъ* оставилъ я съ досадой

На листѣ же 47-мъ той же рукописи посланіе является уже переработаннымъ: изъ зачеркнутыхъ стиховъ первой

lib.pushkinskijdom.ru

редакціи первые четыре совсѣмъ отброшены, а въ 5-мъ, который сталъ теперь 1-мъ, вмѣсто зачеркнутаго *Вздохнувъ* читается: *Давно*; въ стихѣ 7-мъ начальное *Но* зачеркнуто и замѣнено словомъ *Гдѣ;* далѣе, стихи 11-й и 12-й поставлены раньше 9-го и 10-го, причемъ въ стихѣ 11-мъ сдѣлана поправка:

Пускай мнѣ *слава* измѣнила

наконецъ, стихъ 13-й читается:

хладный
Какъ (гордый) *киникъ, я забуду*

Въ виду этихъ поправокъ Л. Н. Майковъ заключилъ, что текстъ посланія на л. 47 слѣдуетъ считать *окончательнымъ*.

Это посланіе написано въ отвѣтъ на поэтическое привѣтствіе Ѳ. Н. Глинки, напечатанное вскорѣ послѣ высылки Пушкина изъ Петербурга, въ *Сынѣ Отечества* 1820, часть 64, стр. 231:

О Пушкинъ, Пушкинъ! Кто тебя
Училъ плѣнять въ стихахъ чудесныхъ?
. . . . . .
Судьбы и времени сѣдого
Не бойся, молодой пѣвецъ!
Слѣды исчезнутъ поколѣній,
Но живъ талантъ, безсмертенъ геній!

Пушкинъ добродушно подтрунивалъ надъ Глинкой, какъ стихотворцемъ, но любилъ и уважалъ его какъ человѣка за прекрасныя качества его души. Извѣстно, что Глинка, познакомившійся съ Пушкинымъ вскорѣ послѣ выпуска поэта изъ Лицея, оказалъ ему услугу въ дни, предшествовавшіе его высылкѣ (см. объ этомъ его разсказъ въ томѣ II, примѣчанія, стр. 306—308). „Если ты его (Глинку) увидишь“, писалъ Пушкинъ брату 27 іюня 1821 г., —

lib.pushkinskijdom.ru

„обними его братски, скажи ему, что онъ славная душа и что я люблю его какъ должно“. Сообщая брату свое посланіе къ Глинкѣ, онъ приписываетъ: „Покажи Глинкѣ, обними его за меня и скажи ему, что онъ — все-таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра“, а получивъ извѣстіе о томъ, что посланіе понравилось, пишетъ: „Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи — это была моя цѣль. Въ отношеньи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ приятели...“ И впослѣдствіи, сообщая кн. Вяземскому 25 января 1825 г. свою эпиграмму на „Ѳиту Глинку“, онъ прибавляетъ: „Не выдавай меня, милый, не показывай этого никому: Ѳита бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляяйся отъ всякія скверны“ (Переписка, томъ I, стр. 32 — 33; 64, 65, 170 — 171).

Ѳедоръ Николаевичъ Глинка (1788 — 1880) въ молодости служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ заграничныхъ походахъ 1805 — 1806 гг. и въ сраженіи при Аустерлицѣ и былъ адъютантомъ графа М. А. Милорадовича; затѣмъ, выйдя въ отставку, поселился въ Смоленской губерніи и сталъ помѣщать свои стихотворенія и прозаическія статьи въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, издателемъ котораго былъ его братъ Сергѣй. Въ 1808 г. онъ издалъ „Письма Русскаго Офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи, съ подробнымъ описаніемъ похода Россіянъ противъ французовъ въ 1805 — 1806 годахъ“, въ двухъ частяхъ. Въ началѣ Отечественной войны Глинка снова поступилъ въ дѣйствующую армію, участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи и въ походѣ черезъ всю Европу и, по возвращеніи въ Петербургъ, издалъ (1815 — 1816) вновь свои Письма, съ прибавленіемъ подробнаго описанія военныхъ дѣйствій 1812 — 1814 годовъ. Въ эту пору онъ былъ членомъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, а съ 1819 г. — предсѣдателемъ этого общества, въ которомъ часто

lib.pushkinskijdom.ru

встрѣчался съ Пушкинымъ, Дельвигомъ, Николаемъ и Александромъ Бестужевыми, Рылѣевымъ и др. Онъ принималъ также участіе въ кружкѣ Зеленой Лампы и былъ дѣятельнымъ членомъ Союза Благоденствія, что впослѣдствіи отразилось на его судьбѣ: вскорѣ послѣ окончанія суда надъ декабристами Глинка, занимавшій должность правителя канцеляріи С.-Петербургскаго генералъ-губернатора, былъ исключенъ изъ военной службы и переведенъ въ Петрозаводскъ, на должность совѣтника Олонецкаго губернскаго правленія. Въ 1830 г. онъ перевелся на такую же должность въ Тверь, гдѣ и прожилъ всю остальную свою жизнь. Въ 1837 г. Глинка напечаталъ „Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина“, въ стихахъ (В. Каллашъ, „Русскіе поэты о Пушкинѣ“, М. 1899, стр. 6, 94).

О Глинкѣ и его литературной дѣятельности см. статьи: Н. В. Путяты и А. А. Котляревскаго въ *Бесѣдахъ Общества любителей россійской словесности* 1867, томъ I, стр. 33 и слл.; А. П. Милюкова—въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1880, №№ 3 и 7; А. К. Жизневскаго — „Ѳ. Н. Глинка“, Тверь 1890.

XXXI.

НѢТЪ НИ ВЪ ЧЕМЪ ВАМЪ БЛАГОДАТИ.

(Стр. 152).

Сообщено Пушкинымъ князю П. А. Вяземскому въ письмѣ изъ Михайловскаго, въ началѣ декабря 1825 г.: „Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ, у меня ихъ пропасть, избираю невиннѣйшихъ“. Здѣсь стихотвореніе носитъ заглавіе: „Мадригалъ“ (Переписка, томъ I, стр. 310 — 311). Съ этимъ заглавіемъ стихотвореніе и было на-

lib.pushkinskijdom.ru

печатано въ альманахѣ М. П. Погодина „Уранія“ на 1826 годъ, стр. 109; затѣмъ вошло безъ измѣненій, но уже безъ заглавія, въ изданіе 1829 г., часть II, стр. 169.

XXXII.

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

(Стр. 153).

Впервые напечатано въ *Опытѣ русской антологіи* М. Л. Яковлева, Спб. 1828, стр. 181; затѣмъ перепечатано Н. М. Лонгиновымъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1856, № 153, стр. 653 и въ изданіи Анненкова, томъ VII, стр. 101. Въ рукописи неизвѣстно, а къ 1822 году отнесено Анненковымъ — можетъ быть, потому, что около этого времени въ письмахъ Пушкина упоминается имя „знаменитаго“ Панаева, „Идилліи“ котораго изданы въ Спб. 1820.

Владиміръ Ивановичъ Панаевъ (1792—1859), товарищъ по Казанской гимназіи С. Т. Аксакова, которому посвятилъ первое свое стихотвореніе, по окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ поступилъ на службу въ Петербургѣ и сталъ помѣщать свои идилліи въ *Сынѣ Отечества* и *Благонамѣренномъ,* начиная съ 1817 года. Въ 1818 г. въ послѣднемъ изъ названныхъ журналовъ (№ 10) было напечатано его „Разсужденіе о пастушеской поэзіи“, въ которомъ Панаевъ превозносилъ идилліи г-жи Дезульеръ и нѣмецкаго поэта Соломона Геснера (1730—1787). Россійская Академія удостоила Панаева, за его литературные труды, малой золотой медали, но уже въ концѣ 20-хъ годовъ его имя почти совсѣмъ исчезло изъ печати. Его „Воспоминанія“ напечатаны въ *Вѣстникѣ Европы* 1867, №№ 9 и 12. См. о немъ въ *Русской Старинѣ* 1892, №№ 11 и 12, и 1893, №№ 2 и 5; Б. М. Ѳедоровъ,

lib.pushkinskijdom.ru

„В. И. Панаевъ. Воспоминаніе, съ обозрѣніемъ его идилліи“, Спб. 1860.

XXXIII.

ВЪ ГОЛУБОМЪ ЭѲИРА ПОЛѢ.

(Стр. 154).

Напечатано въ изданіи Анненкова, томъ VII, стр. 99, причемъ первые два стиха читаются иначе:

Ночь свѣтла; въ небесномъ полѣ
Ходитъ Весперъ золотой.

Тотъ же текстъ данъ М. Н. Лонгиновымъ въ *Современникѣ* 1856, № 7, Библіографическія записки, стр. 11, и въ разсказѣ Б. М. Маркевича, въ книгѣ Л. Н. Майкова „Пушкинъ“, стр. 29. Автографъ, нынѣ утраченный, былъ у редактора *Библіографическихъ Записокъ* 1858, № 1, который прочелъ и напечаталъ:

Догорала молодая.
Въ голубомъ эѳирѣ
Блещетъ мѣсяцъ золотой.
Старый Дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ догарессой молодой.

Далѣе было еще около десяти или двѣнадцати изчерканныхъ стиховъ, оставшихся неразобранными. Ошибочное чтеніе бросается въ глаза, но изъ него легко возстановляется текстъ четырехъ стиховъ, нами напечатанныхъ. Что касается первой строчки, то она, очевидно, должна относиться къ второму куплету и читаться не „Догорала“, а „Догаресса“ молодая.

Основанія, по которымъ этотъ отрывокъ относится къ 1822 году, намъ неизвѣстны. Мотивъ „стараго дожа и

lib.pushkinskijdom.ru

молодой догарессы“ могъ быть навѣянъ и чтеніемъ „венеціанскихъ“ произведеній Байрона (ср. Соч. Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, томъ II, стр. 613). А. Н. Майковъ вдохновился пушкинскимъ отрывкомъ и написалъ къ нему „продолженіе“. См. Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова, изд. Маркса, Спб. 1903, томъ II, стр. 125 — 128.

lib.pushkinskijdom.ru

1822 — 1823.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

(Стр. 155—180).

Черновыя этой поэмы, начатой, по всей вѣроятности, еще въ 1821 году, находятся въ тетради Румянцовскаго Музея № 2366, лл. 20 — 29, гдѣ, однако, многое вырвано,—повидимому, самимъ Пушкинымъ. Полная транскрипція этихъ набросковъ будетъ дана въ дополнительномъ томѣ, здѣсь же приводится точное ихъ описаніе, сдѣланное П. Е. Щеголевымъ въ сборникѣ: „Пушкинъ и его современники", выпускъ XIV, стр. 152 — 157, съ транскрипціей лишь тѣхъ стиховъ, которыми уясняется вопросъ о происхожденіи поэмы.

На листахъ 20 и 21 находятся черновыя къ стихамъ: 31 — 42; 43 — 58; 59 — 65; 80 — 86; 68 — 79. Тутъ листы вырваны, и дальше идутъ стихи 166 — 180, и опять листы вырваны. На листахъ 23 и 23 об. находимъ развитіе темы: „положеніе Маріи въ гаремѣ хана"— приблизительно въ рамкахъ стиховъ 211 — 232; точнаго соотвѣтствія печатному тексту нѣтъ. Затѣмъ вновь пропускъ, и съ оборота листа 24-го идутъ черновики къ послѣдней части поэмы: ханъ, возратясь съ набѣга, воздвигнулъ фонтанъ и т. д., стт. 482 и слл. На оборотѣ 24-го листа—перечеркнутые наброски къ стихамъ 485—494, на листѣ 25-мъ — продолженіе, стт. 495 — 500.

lib.pushkinskijdom.ru

Стиховъ 499 — 500, содержащихъ сравненіе слезъ фонтана со слезами матери, — нѣтъ. Послѣ стиха 504-го:

И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ (уже) (его) его назвали

пушкинскій заключительный знакъ, послѣ котораго записаны отдѣльные стихи къ предыдущему, между прочимъ, 468 — 469, 486 — 487. Тутъ, въ этой первоначальной редакціи, очевидно, оканчивалась чисто-повѣствовательная, историческая часть поэмы. Что же слѣдовало дальше?

На оборотѣ 25-го листа находимъ новую редакцію стиховъ 482 — 492, уже записанныхъ раньше на оборотѣ листа 24-го, а на листѣ 26-мъ Пушкинъ продолжалъ поэму. Сообщивъ на листѣ 25-мъ о томъ, что младыя дѣвы узнали преданье старины, поэтъ въ послѣдующемъ хотѣлъ сказать, какъ это преданье дошло до него. На листѣ 26-мъ читаемъ:

(Когда) (онѣ) (повѣдали)
(Я видѣлъ памятникъ печальной)
(давно минувшее преданье) (Ког) (разказали мнѣ)
(давно) (Когда мнѣ) (повѣдали)
(плачевное)
(Мнѣ стало грустно умъ)
сердцемъ
(Я тогда) я приунылъ
И на минуту позабылъ
Безумныхъ (пировъ и дружбы) огріи (*такъ!*) ликованье—*

Среди этихъ варіантовъ обращаетъ на себя вниманіе: „*онѣ* (т. е. младыя дѣвы) повѣдали преданье“. Но тутъ же

* Наше чтеніе приводимыхъ отрывковъ не вездѣ сходится съ чтеніемъ г. Щеголева, вообще очень точнымъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкинъ даетъ набросокъ въ исправленной версіи и отчасти съ новымъ содержаніемъ:

(Мой другъ я кончилъ свой разказъ)
Онъ конченъ вѣрный мой разказъ
друзей
Исполнилъ я (твое) желанье
Давно я слышалъ
(Ты мнѣ повѣдалъ) въ 1 разъ
Сіе печальное преданье

Первоначальная, черновая редакція этой версіи, имѣющая характеръ не эпилога, а вступленія къ поэмѣ, находится въ тетради № 2369, л. 1 об., и читается слѣдующимъ образомъ:

(Н. Н. Р.)

Исполню я твое желанье,
Начну обѣщанный разказъ.
(Давно печальное преданье)
(Ты мнѣ ъ) Давно, когда мнѣ
Повѣдал(и мнѣ) въ первый разъ
Повѣдали сіе преданье
(Тогда я въ) думы углубился;
Въ унылы
юный
2 {Но не надолго (рѣзвый) умъ
{Забывъ веселыхъ оргій шумъ
Тогда я
1 (Невольной) грустью омрачился. —
(О возрастъ легкой и живой)
Какою быстрой чередой
ю игрой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья:
Восторги
(Веселье) — тихою тоской,
порывомъ упоенья
Печаль — (восторгомъ наслажденья!)

lib.pushkinskijdom.ru

Ниже въ безпорядкѣ набросаны еще нѣкоторыя поправки къ этому тексту:

(былъ увлеченъ) (стѣснился) (былъ омра)
былъ омраченъ невольной
пылкій
Мнѣ стало грустно (рѣзвый) умъ
Минутной * *(нрзб.)* (минутной думой)
(Мгновенной) думой омрачился
(Но вскорѣ юныхъ) пылкихъ
Но скоро (юныхъ) оргій шумъ
(Развѣялъ прахъ унылыхъ думъ)
(Развеселилъ мой сонъ) угрюмой —
(И кубокъ) (душъ)
Мнѣ стало грустно; на мгновенье
Забылъ я оргій шумъ —
(Но) Но (въ) *нрзб.* (наслажденья)
(разсѣялъ) (опять разсѣялъ)

Тутъ же, сбоку, намѣчена въ шести строчкахъ и программа поэмы:

Гаремъ
Марія
Гирей *нрзб.*
Монахъ. Зарема и Марія
Ревность. Смерть М. и З.
Бахчисарай Ф.

Послѣдняя буква написана такъ, что ее можно принять и за *Ф,* и за *Р.* Первыя пять строкъ программы *зачеркнуты.*

Приведенный выше отрывокъ, но уже въ перебѣленномъ видѣ, находится въ майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ и въ свое время, былъ напечатанъ Анненковымъ („Матеріалы“, изд. 2-е, стр. 99).

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

Здѣсь въ заглавіи сначала было поставлено: „Эпилогъ“, но потомъ зачеркнуто и написано: „вступленье“ и соотвѣтственно исправленъ первый стихъ:

будетъ
Печаленъ (вѣрный) мой разказъ —
мнѣ
Давно, когда (я) въ первый разъ
Любви
Повѣдали (сіе) преданье —
Я въ шумѣ радостномъ унылъ
И на минуту позабылъ
Роскошныхъ оргій ликованье.
(И возрастъ легкой и живой)
Но быстрой
(Какою) быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья!
Веселье — тихою тоской
Печаль — восторгомъ упоенья!

На оборотѣ этого листка написаны стихи 505 — 525 (съ первоначальнымъ варіантомъ въ ст. 518-мъ: „*На изукрашенныхъ* стѣнахъ“), составляющіе непосредственное его продолженіе по первоначальной мысли автора, т. е. какъ эпилога. И въ тетради № 2366, на л. 26 об., за приведеннымъ выше наброскомъ „эпилога“ слѣдуютъ стихи, отвѣчающіе стихамъ 505 — 510 окончательной редакціи:

(оставя край)
Но бросивъ наконецъ
Надолго сѣверъ покидая
Я посѣтилъ Бахчисарая
(Забытый славою) (забвенно преданный)
дремлющій
Въ забвеньи (тлѣющій) дворецъ

Буквы: „Н. Н. Р.“, поставленныя въ заголовкѣ „эпилога“ въ тетради № 2369, указываютъ, несомнѣнно,

lib.pushkinskijdom.ru

на Николая Николаевича Раевскаго, отъ котораго, такимъ образомъ, Пушкинъ и узналъ впервые легенду о Бахчисарайскомъ фонтанѣ, — будучи еще въ Петербургѣ.

Содержаніе дальнѣйшихъ черновыхъ набросковъ тетради № 2366 слѣдующее:

Листъ 26 об. захватываетъ стихи 505 — 515 окончательной редакціи; листъ 27 соотвѣтствуетъ стихамъ 516—526, а листъ 27 об.—стихамъ 527 — 530. Стихи 531—532 набросаны дважды. Сначала было написано:

Но (занятъ) — не тѣмъ
въ то время сердце полно было. . .
Я (вкругъ себя смотрѣлъ) (бродилъ уныло)

а затѣмъ— въ такомъ видѣ:

(Все измѣнилось) (Но н) но не тѣмъ
(Въ то)
я думалъ (о другомъ)
Иныя волновали
(Другія) думы (занимали)
(Лишь мнѣ извѣстныя) мечты
(Меня глубоко занимали —)

Такимъ образомъ стихи 531 — 532 получали развитіе, слѣдовъ котораго печатный текстъ не сохранилъ. Къ сожалѣнію, черновая рукопись не сохранила продолженія, такъ какъ слѣдующій за 27-мъ листъ вырванъ. Далѣе, начиная съ нынѣшняго 28-го листа, идутъ слѣдующіе стихи:

(л. 28). *(нрзб.)* Или — но кто пойметъ меня
страданья
(Надеж) Печали (Мятежныя) желанья
И безнадежныя страданья
(плѣнительной)
(Или томительной) предметъ
(Или) (Но полно) ихъ ужъ нѣтъ

lib.pushkinskijdom.ru

Во глубинѣ души остылой
(Иль страданья)
(любви унылой)
Иль только сладостный предмѣтъ
Любви таинственной унылой —
(нрзб). Тогда. . . но полно! васъ ужъ [нѣтъ]
(То) Мечты (любви безумной)
(Мечты безумн) (юныхъ) [лѣтъ]
невозвратимыхъ
Во глубинѣ души остылой
(Не тлѣетъ вашъ безумный слѣдъ)
(л. 28 об.) Мечтатель! полно! перестань
(Забудь) (Пора забыть) (звукъ)
(Тебя никто не понимаетъ)
(Забудь) Не пробуждай тоски напрасной
(Иль мало ты)
(Слѣпой любви) (т) нещастной
(Мечтамъ) (тоскѣ)
(Принесъ) (любви) (пр) (о)
(Платилъ безумства дань)
(безумныхъ слезъ) (мечтѣ безумной) любви
Заплачена тобою дань
слѣпой
(Тебя никто не понимаетъ)
(доволенъ будь)
рабъ послушн. . .
(ослѣпл) поэту
(малодушной)
Опомнись! Долголь (въ упоен)
(въ унынь) (неволи)
Тебѣ цѣпь лобзать
(И въ мірѣ) (И) (лирой) (послушной)
(въ унынь робкомъ)
(по свѣ) (въ свѣтѣ) по свѣту
(Свой стыдъ)

lib.pushkinskijdom.ru

И (праздной лирою) *(нрзб).*
Свое безумство разглашать
(Тебя никто) не понимаетъ —
два сердца въ мірѣ можетъ быть
ы у
л. 29. (тво) Кому понятн(ѣй) буд(е)тъ

Забудь
(Тос) мучительный предмѣтъ
(Любви отверженной и вѣчной)
(Невозвратимыхъ заблужденій
(Забудь) (Чего ты жаждешь —) (наслажденій)
(Забудь) *(нрзб.)*
(Чего ты) (Забудь —)
раннихъ
(И слабость отроческихъ) лѣтъ
Ты возмужалъ средь испытаній
(Забудь) Загладь проступки раннихъ лѣтъ
2 Забудь мучительный предмѣтъ
воспоминаній
1 Постыдныхъ слезъ, (нѣмыхъ желаній)
(Уединен)
(Уединенныхъ) И безотрадныхъ ожиданій.

На 29-мъ листѣ кончаются черновики поэмы; на оборотѣ этого листа написано только одно слово: „Теперь“; на листѣ 30-мъ набросано французское письмо къ неизвѣстной намъ женщинѣ, любовнаго содержанія, напечатанное въ 1-мъ томѣ Переписки подъ № 43 (стр. 59—60). Въ другой тетради — № 2369, л. 3 об., находится конецъ поэмы, отъ стиха 547-го. Здѣсь стихи 549 — 558-й, откинутые Пушкинымъ при печатаніи поэмы, читаются такъ:

Всѣ думы сердца къ ней летятъ
(Она *нрзб.*) (Ее зову)
Объ ней въ изгнаніи тоскую. . .
(Ужели) (Мятеж)
(Безумецъ) (Ужели) полно! перестань

lib.pushkinskijdom.ru

Не оживляй
(Не разтравляй) тоски напрасной
Мятежнымъ снамъ
(Любви слѣпой) (пустой) любви нещастной
Заплачена твбою дань и проч.

Эти стихи впервые напечатаны, не вполнѣ точно, Анненковымъ въ VII-мъ томѣ его изданія, стр. 68.

Кромѣ приведенныхъ выше набросковъ, въ рукописи Румянцевскаго Музея № 2365 находимъ еще нѣсколько стиховъ, относящихся къ первоначальному замыслу поэмы и написанныхъ, по всей вѣроятности, еще въ 1821 году:

въ (мечтаньяхъ упоенный)
(л. 39) Тамъ нѣкогда, (задумчивый въ унынь̀и)
(Бахчи-Сарай!) (обитель гордыхъ Хановъ)
дворецъ (Бахчи-Сарая) уединенный
Я посѣтилъ (пустынный твой дворецъ)

Девлетъ-Гирей
(л. 48 об.) (Безмолвный Ханъ) задумчиво сидитъ
(устахъ)
(Въ его рукахъ) драгой янтарь въ устахъ его
дымится
(Въ) (Его) (чубукъ) (янтарь)
Угрюмый молчитъ
(Безмолвный) дворъ кругомъ его (стоитъ)

(л. 49 об.) (Сошлися)
(разсѣянно взглянулъ)
(Нахмуривъ) (брови подъ чалмою)
(Онъ) (махнулъ рукою)
(И всѣ послушною толпою)
(Толпой) (И всѣ) Склонившись идутъ вонъ
(рабами) (окруженъ)
(И) Онъ долго, въ думы погружонъ

lib.pushkinskijdom.ru

(Онъ поднялъ взоръ)
(Съ досадою встрѣчалъ)
(Съ досадою встрѣчаетъ онъ)
(взоры)
(Онъ въ) (Толпы внимательные взгляды)
(Опомнясь)
(Ихъ взоръ встрѣчая) (встрѣчаетъ)
(онъ со всѣхъ сторонъ)
Съ досадой онъ махнулъ рук
видитъ
Съ досадой (замѣчаетъ) онъ
(Ханъ)
Опомнясь, онъ* махнулъ рукою
(склони(лись)вшись головою
И всѣ (послушною толпою)
(л. 50) Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ —
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ —
гордое
Живѣе (мрачное) чело
сердца
Волненье (страсти) выражаетъ
зыбкое
Такъ моря (тихое) (темное) стекло
(Отражаетъ) (тучи) (бури) (отражаетъ)
Рога луны (луну и лѣсъ дремучій)
ночью бурны
Рисуетъ (тучи) (темны) тучи (громовыя)
(И берегъ темный и дремучій).

Изъ приведенныхъ черновыхъ набросковъ оказывается, что легенда о „фонтанѣ слезъ“, послужившая внѣшнею основою для поэмы, была разсказана Пушкину еще въ Петербургѣ, Н. Н. Раевскимъ. Поэтъ „на минуту“ задумался надъ этимъ грустнымъ сказаніемъ, но въ ту

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

пору быстрой смѣны разнообразныхъ впечатлѣній разсѣянной жизни не могъ на немъ сосредоточиться. Впослѣдствіи, когда судьба привела его на южный берегъ Крыма, „младыя дѣвы“ — сестры его пріятеля — снова напомнили ему о Бахчисарайскомъ фонтанѣ. Вспоминаніе объ этомъ разсказѣ, въ связи съ глубокимъ, затаеннымъ въ душѣ чувствомъ къ той дѣвушкѣ, которая такъ „поэтически описывала“ ему фонтанъ слезъ, и вызвало Пушкина на созданіе поэмы, въ которой онъ, во-первыхъ, желалъ „суевѣрно переложить въ стихи“ слышанный имъ разсказъ, — „aux douces lois des vers plier les accents de sa bouche aimable et naïve“ (Переписка, томъ I, стр. 99), а во-вторыхъ, лирически передалъ свое душевное состояніе — въ видѣ того „любовнаго бреда“, который былъ имъ писанъ „единственно для себя“ и съ сожалѣніемъ отброшенъ, когда поэтъ рѣшился напечатать свое произведеніе. Точныхъ данныхъ о томъ, когда именно Пушкинъ задумалъ поэму и когда началъ ее писать, у насъ нѣтъ. Мы знаемъ, что *Кавказскій Плѣнникъ* былъ законченъ вчернѣ въ началѣ 1821 года, а 23 марта этого года Пушкинъ, извѣщая Дельвига объ окончаніи *Плѣнника*, писалъ: „Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы — но что теперь ничего не пишу — я *переваріваю воспоминанія* и надѣюсь набрать вскорѣ новыя“ (тамъ же, стр. 28); на другой день, въ письмѣ къ Гнѣдичу, поэтъ „молитъ Феба и Казанскую Богоматерь“ дать ему возвратиться въ Петербургъ „съ молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой“ (стр. 31). Весьма правдоподобно предположеніе П. Е. Щеголева, что въ приведенныхъ словахъ Пушкинъ имѣлъ въ виду именно *Бахчисарайскій Фонтанъ*. Вѣроятно, для подготовительныхъ работъ понадобились ему и книги: „Таврида“ Боброва, которую онъ требовалъ отъ брата 27 іюня 1821 г. и которою онъ дѣйствительно и воспользовался, и „Histoire de Crimée“, о возвращеніи ко-

lib.pushkinskijdom.ru

торой онъ просилъ В. Ѳ. Раевскаго въ запискѣ, датируемой концомъ того же года (тамъ же, стр. 33, 36). Повидимому, поэма была начата въ 1821 году, а писалась, главнымъ образомъ, въ 1822 и въ началѣ 1823 года. Первоначально Пушкинъ хотѣлъ назвать свою поэму *Гаремомъ*, но, какъ самъ онъ говоритъ въ одной изъ позднѣйшихъ своихъ замѣтокъ, его соблазнилъ „меланхолическій эпиграфъ“ изъ Саади: „Многіе, такъ же, какъ и я, посѣщали сей фонтанъ; но иныхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далече“. Это изреченіе персидскаго поэта запомнилось Пушкину и было впослѣдствіи повторено въ *Онѣгинѣ* (строфа LI-я главы VIII-й):

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.

Кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу 30 апрѣля 1823 г.: „На дняхъ получилъ я письмо отъ Бѣса-Арабскаго Пушкина. Онъ скучаетъ своимъ безнадежнымъ положеніемъ, но, по словамъ пріѣзжаго, пишетъ новую поэму *Гаремъ* о Потоцкой, похищенной которымъ-то ханомъ, событіе историческое...“ („Пушкинъ и его современники“, выпускъ XIV, стр. 125). Четыре мѣсяца спустя, 25 августа, уже самъ Пушкинъ писалъ брату, что онъ прочелъ отрывки изъ *Бахчисарайскаго Фонтана* В. И. Туманскому, который не удержался, чтобы не сообщить объ этой новости, съ разными прикрасами, въ Петербургъ. Надо думать, что Вяземскій, уже ранѣе знавшій о поэмѣ, просилъ Пушкина прислать ее: „Такъ и быть, я Вяземскому пришлю Фонтанъ, выпустивъ любовный бредъ,—а жаль!“ приписалъ поэтъ въ концѣ того же письма. Затѣмъ, 14 октября того же года, онъ писалъ и Вяземскому: „Бахчисарайскій Фонтанъ, между нами, дрянь, но эпиграфъ его прелесть (въ черновикѣ письма прибавлено: „не говори этого однако никому, я скоро

lib.pushkinskijdom.ru

пришлю тебѣ соч.“). Дѣйствительно, 4 ноября онъ отослалъ Вяземскому поэму, называя ее „безсвязными отрывками“ и сообщая, что выбросилъ изъ нея то, что цензура выбросила бы и безъ него, а также и то, чего не хотѣлъ „выставить передъ публикою“. Выраженіе: „безсвязные отрывки“ повторяется также и въ письмѣ къ Дельвигу отъ 16 ноября: „Ты просишь Бахчисарайскаго фонтана — онъ на дняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь“ (Переписка, томъ I, стр. 75, 76, 78, 79, 82, 87). Между тѣмъ, отрывки изъ новой поэмы Пушкина какимъ-то путемъ попали въ Петербургъ еще раньше отсылки Вяземскому (въ Москву) полнаго ея текста. Тургеневъ еще 26 сентября писалъ Вяземскому, что досталъ два отрывка, „стиховъ тридцать“ (*Остафьевскій Архивъ*, томъ II, стр. 352), а 1 ноября Рылѣевъ прочелъ одинъ отрывокъ въ засѣданіи С.-Петербургскаго Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ (*Русская Старина* 1899, томъ 98, стр. 473). Наконецъ, въ статьѣ А. А. Бестужева: „Взглядъ на Русскую словесность въ теченіе 1823 года“ — въ вышедшей въ самомъ концѣ декабря этого года книжкѣ *Полярной Звѣзды* на 1824 (стр. 18) было сообщено извѣстіе о томъ, что *Бахчисарайскій Фонтанъ* уже печатается въ Москвѣ. Въ февралѣ слѣдующаго года Булгаринъ распечаталъ письмо Пушкина къ Бестужеву и напечаталъ въ своихъ *Литературныхъ Листкахъ* (№ 4) тѣ строки этого письма, гдѣ поэтъ проговорился о вдохновительницѣ *Фонтана* (Переписка, томъ I, стр. 121). Пушкинъ былъ крайне огорченъ этимъ неожиданнымъ разглашеніемъ происхожденія поэмы и въ письмѣ къ Дельвигу, написанномъ уже изъ Михайловскаго, въ декабрѣ 1824 г., отрывокъ изъ котораго былъ помѣщенъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1826 годъ (стр. 101—106) и

lib.pushkinskijdom.ru

затѣмъ приложенъ къ отдѣльному изданію поэмы 1830 г. (см. въ текстѣ настоящаго тома стр. 179 — 180), далъ другое объясненіе своего замысла, именно, — что онъ слышалъ о фонтанѣ еще прежде поѣздки на югъ и что какая-то К*** (надо понимать—въ Петербургѣ) „поэтически описывала“ ему этотъ памятникъ Гирея. Въ этой К*** комментаторы видѣли Ек. Ник. Раевскую-Орлову (см. настоящаго изданія томъ II, стр. 346); но П. Е. Щеголевъ, въ статьѣ, уже цитированной въ настоящемъ примѣчаніи, вполнѣ убѣдительно доказалъ, что Пушкинъ нарочно поставилъ „неожиданную букву“ для того, чтобы „отвести любопытствующихъ съ того пути, по которому можно было бы добраться до его вдохновительницы“. Въ той же статьѣ П. Е. Щеголева съ исчерпывающею вопросъ подробностью объяснено, что дѣйствительною вдохновительницею поэмы, внушившей Пушкину и его „любовный бредъ“, была *Марія Николаевна Раевская.* Поэтъ, по собственному его сознанію, былъ „влюбленъ безъ памяти“, „очень долго и очень глупо“ (Переписка, томъ I, стр. 75, 121), и это чувство нашло себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ лирическихъ изліяній, начиная съ элегіи: „Рѣдѣетъ облаковъ воздушная гряда“ и продолжая стихотворными набросками, которыхъ поэтъ, ревниво оберегавшій свою тайну отъ посторонняго взора, не отдѣлывалъ и не назначалъ для печати, „любовнымъ бредомъ“ *Бахчисарайскаго Фонтана*, также исключеннымъ изъ поэмы при отсылкѣ ея Вяземскому, лирическими отступленіями въ *Онѣгинѣ* и въ предпосланномъ ему *Разговорѣ* и т. д.

Посылая *Фонтанъ* Вяземскому, Пушкинъ просилъ его не уступать цензурѣ, „отгрызываться за каждый стихъ“ и, кромѣ того, приписать предисловіе или послѣсловіе, и для этого, въ качествѣ матеріала, приложилъ какое-то „полицейское посланіе“, изъ котораго можно было почерпнуть свѣдѣнія о Бахчисараѣ. Вяземскій сообщилъ

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкину нѣкоторыя замѣчанія касательно отдѣльныхъ выраженій, ему не понравившихся,—и поэтъ согласился на исправленія: „язвительныя“ лобзанія въ ст. 152-мъ были замѣнены „пронзительными“; „это будетъ ново“, писалъ Пушкинъ: „дѣло въ томъ, что моя Грузинка кусается, и это непремѣнно должно быть извѣстно публикѣ“. Далѣе, поэтъ соглашался уничтожить „хладнаго скопца“ и предложилъ къ стихамъ 471—474 слѣдующій варіантъ:

Не зритъ лица его гаремъ;
Тамъ, обреченныя мученью
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены.

Вяземскій, однако, оставилъ въ неприкосновенности первоначальный текстъ. „Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ“, писалъ по поводу этого мѣста Пушкинъ,—„онъ говоритъ въ своей *Таврида:* „Подъ стражею скопцовъ Гарема“. Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть, а къ тому же я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую похабность...“

„Таврида, или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонисѣ, лирико-эпическое пѣснотвореніе, сочиненное капитаномъ Семеномъ Бобровымъ“ (Николаевъ, 1798) было хорошо извѣстно Пушкину, дѣйствительно воспользовавшемуся нѣкоторыми его мотивами. Мѣсто, на которое онъ сослался въ письмѣ къ Вяземскому, читается у Боброва такъ:

Иль заключенныя сидятъ,
Какъ бы Данаи въ мѣдныхъ башняхъ,
Подъ стражею скопцовъ въ Гарамахъ.
Имъ неизвѣстны тѣ бесѣды,
Гдѣ съ недостаткомъ совершенство
Открыто въ просвѣщенномъ мірѣ;
Лишь мыльня въ вкусѣ Азіатскомъ
Роскошнымъ служитъ имъ гульбищемъ,
Свиданья мѣстомъ, и бесѣдъ. —

lib.pushkinskijdom.ru

Кромѣ того, имя *Заремы*, по всей вѣроятности, заимствовано у Боброва же, который свои лирическія отступленія посвящаетъ прекрасной *Зарентъ*. Отмѣтимъ, кстати, любопытное совпаденіе, которое, между прочимъ, показываетъ, во что могли обращаться у Пушкина „допотопные“ стихи Боброва:

О миловидная Зарена!
Всѣ звѣзды въ сѣверѣ блестящи,
Всѣ дщери сѣвера прекрасны;
Но ты одна средь ихъ луна,
Твои небесны очи влажны
Блестятъ — какъ утреннія звѣзды;
Въ твоихъ живутъ ланитахъ алыхъ
Улыбки нѣжныя весны;
А розовые поцѣлуи
Въ устахъ любезныхъ разцвѣтаютъ;
Но грудь — — — о Скромность, — помоги!

Съ этимъ описаніемъ красавицы интересно сравнить не только пушкинское изображеніе Заремы, но и написанную гораздо позже, пять-шесть лѣтъ спустя, строфу LII-ю VII-й главы *Онѣгина:*

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ,
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна
Средь женъ и дѣвъ блеститъ одна.
Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томенъ взоръ ея чудесной!
Но полно, полно, перестань,
Ты заплатилъ безумству дань.

lib.pushkinskijdom.ru

Два послѣдніе стиха, впервые — въ нѣсколько иной формѣ—встрѣчающіеся въ черновомъ наброскѣ: „Вечерня отошла давно“ (стр. 65 — 66), повторены также и въ „любовномъ бредѣ“ (стихи 553 и 554-й).

Пушкинъ остановился также на стихахъ 417 — 418:

Но *вѣрой* матери моей
Была твоя. . .

„Если найдешь удачную перемѣну“, писалъ онъ, — „то подари меня ею; если же нѣтъ, оставь такъ, оно довольно понятно.“ Впослѣдствіи самъ поэтъ измѣнилъ стихъ 417-й, поставивъ вмѣсто „вѣрой“ — „вѣра“. По-видимому, его нѣсколько смущало и согласованіе въ стихѣ 144-мъ: „Кто . . . *равенъ* красотою“, и онъ думалъ поставить: „*Равна,* Грузинка, красотою“, но остановился передъ некрасивымъ сочетаніемъ согласныхъ: „*инка кр*“. Наконецъ, вѣроятно, Вяземскій находилъ недостаточно ясными стихи 491 — 492-й:

Символъ конечно дерзновенный,
Незнанья жалкая вина.

Пушкинъ пояснилъ ихъ: „*Вина*, culpa, faute. Symbole téméraire, faute déplorable de l'ignorance. У насъ слово *вина* имѣетъ два значенья; одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла. Оставь эти стихи, пускай они aux Saumaise futurs préparent des tortures.“

Вяземскій хотѣлъ также приложить къ изданію поэмы рисунокъ фонтана, но Пушкинъ уговаривалъ его печатать скорѣе, — „не ради славы, а ради Мамона“, а также не пускаться въ заочное описаніе Бахчисарая, тѣмъ болѣе ненужное, что въ эпилогѣ поэмы „описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно“ (Переписка, томъ I, стр. 84 — 85, 92 — 93).

Съ просьбой о предисловіи Пушкинъ обращался къ Вяземскому еще раньше, для предполагавшагося второго

lib.pushkinskijdom.ru

изданія *Руслана* и *Кавказскаго Плѣнника*, причемъ далъ и программу статьи: „Не хвали меня, но побрани Русь и русскую публику, стань за нѣмцевъ и англичанъ, уничтожь этихъ маркизовъ классической поэзіи“ (тамъ же, стр. 74). Эта программа и была выполнена Вяземскимъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Вмѣсто предисловія. — Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны, или съ Васильевскаго острова“, приложенной къ *Бахчисарайскому Фонтану,* первое изданіе котораго, съ цензурною помѣтою А. Ѳ. Мерзлякова 10 декабря 1823 г., вышло въ Москвѣ, въ типографіи Августа Семена, 1824 (82, XX и 48 стр.). Кромѣ этой статьи Вяземскаго, къ поэмѣ была приложена выписка изъ *Путешествія по Тавридѣ* И. М. Муравьева-Апостола, а въ концѣ книжки, на особой страницѣ, помѣщено двѣ замѣтки: „ Стр. 3: *Гяуру сердце отдала* — тѣ ошибаются, которые пишутъ джяуръ. Стр. 20: *Кивотъ печалью озаренный*. Должно читать: Кивотъ *печально* озаренный“.

Въ *Разговорѣ* Классикъ сѣтуетъ на то, что „нынѣ завелась какая-то школа новая, никѣмъ не признанная, кромѣ себя самой, не слѣдующая никакимъ правиламъ, кромѣ своей прихоти, искажающая языкъ Ломоносова, пишущая наобумъ, щеголяющая новыми выраженіями, новыми словами...“ Издатель возражаетъ ему указаніемъ на необходимость и неизбѣжность литературнаго развитія и на несостоятельность рабскаго подражанія старымъ образцамъ. Далѣе, излагая кратко содержаніе поэмы Пушкина, онъ обращаетъ вниманіе на то, что „цвѣтъ мѣстности сохраненъ въ повѣствованіи со всею возможною свѣжестью и яркостью, есть отпечатокъ восточный въ картинахъ, въ самыхъ чувствахъ, въ слогѣ... Разсказъ Пушкина живъ и занимателенъ. Въ произведеніи его движенія много. Въ раму довольно тѣсную вложилъ онъ дѣйствіе полное, не отъ множества

lib.pushkinskijdom.ru

лицъ и сцѣпленія различныхъ приключеній, но отъ искусства, съ какимъ поэтъ умѣлъ выставить и оттѣнить главныя лица своего повѣствованія", и т. д.

Статья кн. Вяземскаго вызвала обширную полемику, въ которую счелъ себя вынужденнымъ вмѣшаться и самъ Пушкинъ (Переписка, томъ I, стр. 107, 122), писавшій Вяземскому по полученіи книжки: ,,Не знаю какъ тебя благодарить; разговоръ прелесть, какъ мысли такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ". М. А. Дмитріевъ напечаталъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1824, № 5, ,,Второй разговоръ между Классикомъ и Издателемъ Бахчисарайскаго Фонтана", по своимъ выводамъ противоположный первому; впрочемъ, о поэмѣ Пушкина было сказано, что это — ,,стихотвореніе прекрасное, исполненное чувствъ живыхъ, картинъ вѣрныхъ и плѣнительныхъ, и все это облачено въ слогъ цвѣтущій, невольно привлекающій свѣжестью и разнообразіемъ." Кн. Вяземскій отвѣчалъ статьею ,,О литературныхъ мистификаціяхъ" — въ *Дамскомъ Журналѣ* 1824, № 7, и отдѣльной брошюрой; Дмитріевъ помѣстилъ въ № 7 *Вѣстника Европы* свой ,,Отвѣтъ на статью о литературныхъ мистификаціяхъ"; Вяземскій напечаталъ въ № 8 *Дамскаго Журнала* ,,Разборъ второго Разговора", вызвавшій новыя возраженія Дмитріева въ № 8 *Вѣстника Европы,* на которыя Вяземскій опять отвѣчалъ въ № 9 *Дамскаго Журнала* статьею: ,,Мое послѣднее слово". Затѣмъ, въ № 10 *Вѣстника Европы* явились: ,,Мое первое и послѣднее слово" Юста Ферулина и ,,Короткій отвѣтъ издателю Дамскаго Журнала" М. Дмитріева, а въ *Дамскомъ Журналѣ*, № 13, — ,,Отгадочное слово перваго, послѣдняго и пустого слова" князя П. И. Шаликова. Н. И. Надеждинъ впослѣдствіи, въ статьѣ по поводу *Онѣгина* (*Вѣстникъ Европы* 1830, № 7), иронически вспоминая эту журнальную войну, писалъ: „Явленіе

lib.pushkinskijdom.ru

Бахчисарайскаго Фонтана, снабженное лихимъ *Предисловіемъ* отъ извѣстнаго Автора *Предисловій* къ пріятельскимъ сочиненіямъ, произвело такую тревогу въ нашемъ литературномъ муравейникѣ, какой не производила въ Германіи Клопштокова *Мессіада*. Загорѣлась жестокая война на перьяхъ: и *Предисловщикъ*, изувѣченный смертельно стрѣлами Логики, изнесенъ былъ съ поля сраженія подъ щитомъ *Дамскаго Журнала*, купивъ однако своей неудачей Пушкину — почетное имя *Романтическаго Поэта*. Вскорѣ выстроился *Телеграфъ*, зажужжала *Пчела*. И тотъ и другая наперерывъ старались расхваливать Пушкина, дабы прикрыть его *романтическою* славою *антиклассическое* невѣжество...“ Вся эта полемика имѣла своимъ предметомъ не *Бахчисарайскій Фонтанъ*, а общій вопросъ о литературныхъ направленіяхъ, — о „классицизмѣ“ и „романтизмѣ“. Это былъ первый у насъ принципіальный споръ между защитниками старинныхъ французскихъ „правилъ стихотворства“ и поборниками свободы поэтическаго творчества. Что касается собственно поэмы Пушкина, то отзывы о ней, по замѣчанію Анненкова (Матеріалы, изд. 2-е, стр. 97), „слились въ одну похвалу неслыханной еще дотолѣ гармоніи языка, небывалой у насъ роскоши стиховъ и описаній...“ Въ поэмѣ „видѣли торжество русскаго языка... Критика ограничилась робкой замѣткой о недостаткѣ движенія, хода въ новомъ созданіи“*). Кн. Шаликовъ писалъ, между прочимъ, что „это — фонтанъ, бьющій розовой водою, которая разливаетъ благоуханіе въ чистѣйшей атмосферѣ прелестнаго Востока и утоляетъ пламенную жажду чувства и воображенія“; В. Олинъ, въ *Литературныхъ Листкахъ*, 1824, № 7, указывая

*) Большая часть критическихъ отзывовъ о *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ* перепечатана въ книгѣ В. А. Зелинскаго: «Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина», ч. I. М. 1897, а статьи кн. Вяземскаго — въ *Остафьевскомъ Архивѣ*, томъ III, стр. 392, 399, 405, 415.

lib.pushkinskijdom.ru

на недостатки „плана“ поэмы, замѣтилъ, что изображеніе евнуха „слишкомъ сильно выставлено“ и что „стихотворецъ довольно часто вдругъ прерываетъ окончаніе и смыслъ начатыхъ идей и переходитъ къ новымъ, оставляя читателя въ совершенномъ незнаніи того, что хотѣлъ сказать онъ... Это дѣлаетъ то, что всѣ сіи мѣста, кромѣ того, что оныя совершенно неудовлетворительны, кажутся, такъ сказать, разноцвѣтными и вшитыми лоскутками“. Критика обратила также вниманіе на нѣкоторое сходство пушкинскаго Гирея съ героями Байрона: разочарованность, неудовлетворенность окружающимъ, сила страсти, непреклонность передъ внѣшними врагами, мщеніе людямъ за личныя несчастія, — всѣ эти черты напомнили *Гяура* и *Корсара,* точно такъ же, какъ въ лицахъ Маріи и Заремы мелькнули уже знакомые почитателямъ Байрона образы Гюльнары („Корсаръ“) и Зюлейки („Абидосская Невѣста“). Карамзинъ, въ письмѣ къ Дмитріеву, высказалъ, что въ поэмѣ „слогъ живъ, черты прекрасныя, но въ цѣломъ не довольно силы и связи; о евнухѣ слишкомъ много; рѣчь Заремы слаба, кромѣ пяти или шести стиховъ; окончаніе хорошо“ (Письма Карамзина къ Дмитріеву, Спб. 1866, стр. 370). О Гнѣдичѣ Анненковъ (Матеріалы, изд. 2-е, стр. 75) передаетъ анекдотъ, что по прочтеніи стиховъ:

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи,

будущій переводчикъ *Иліады*, одинъ глазъ котораго, какъ извѣстно, былъ пораженъ давнею болѣзнью, говорилъ, шутя, что готовъ за нихъ отдать и послѣднее свое око.

Самъ Пушкинъ считалъ *Бахчисарайскій Фонтанъ* слабѣе другихъ своихъ произведеній. Въ своихъ позднѣйшихъ критическихъ замѣткахъ онъ говоритъ объ этой поэмѣ слѣдующее:

lib.pushkinskijdom.ru

„*Б. Ф.* слабѣе *Пльнника* и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. Ал. Раевскій хохоталъ надъ слѣдующими стихами:

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю — и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Блѣднѣетъ etc.

„Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама“.

Кромѣ критическихъ отзывовъ о поэмѣ Пушкина, въ журналахъ 1824 г. появилось также нѣсколько замѣтокъ о *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ* „не въ литературномъ отношеніи“. Подъ такимъ заглавіемъ была напечатана въ 8-й книжкѣ *Новостей Литературы* Воейкова статья кн. Вяземскаго (*Остафьевскій Архивъ,* III, 392—393), въ которой говорилось, что „появленіе *Бахчисарайскаго Фонтана* достойно вниманія не однихъ любителей поэзіи, но и наблюдателей успѣховъ нашихъ въ умственной промышленности... Рукопись маленькой поэмы *Пушкина* была заплачена три тысячи рублей; въ ней нѣтъ шестисотъ стиховъ; итакъ, стихъ (и еще какой же! замѣтимъ для биржевыхъ оцѣнщиковъ — мелкій четырестопный стихъ) *обошелся* въ пять рублей съ излишкомъ. Стихъ *Бейрона*, Казимира *Лавиня,* строчка *Вальтеръ Скотта* приноситъ процентъ еще значительнѣйшій: это правда! Но вспомнимъ и то, что иноземные капиталисты взыскиваютъ проценты со всѣхъ образованныхъ потребителей на земномъ шарѣ, а наши капиталы обращаются въ тѣсномъ и домашнемъ

lib.pushkinskijdom.ru

кругу... Примѣръ, данный книгопродавцемъ *Пономаревымъ*, купившимъ манускриптъ поэмы, заслуживаетъ, чтобы имя его... сдѣлалось извѣстнымъ: онъ обратилъ на себя признательное уваженіе друзей просвѣщенія, оцѣнивъ трудъ ума не на мѣру и не на вѣсъ. Къ удовольствію нашему можемъ также прибавить, что онъ не ошибся въ расчетахъ и уже вознагражденъ прибылью за смѣлое покушеніе торговли".

По поводу этой статьи въ *Благонамѣренномъ* (часть XXVI, № 9, стр. 175 — 178) и въ *Дамскомъ Журналѣ* (часть VI, № 9, стр. 119 — 123) появилась замѣтка съ подписью: *И. П-в*, гдѣ къ сообщенію кн. Вяземскаго сдѣланы были поправки: *Бахчисарайскій Фонтанъ* былъ купленъ не Пономаревымъ, а книгопродавцемъ *А. С. Ширяевымъ;* Пономаревъ же былъ только посредникомъ между нимъ и кн. Вяземскимъ, за что и получилъ 500 р. Ширяевъ купилъ рукопись за 3000 р., принявъ на свой счетъ печатаніе (500 р.) и плату Пономареву за посредничество. Такимъ образомъ, каждый стихъ поэмы обошелся ему не въ пять, а почти въ восемь рублей. См. еще примѣчанія къ Перепискѣ.

Второе изданіе поэмы вышло въ Спб. 1827 (16°, XIX и стр. 52), съ 4-мя гравюрами Галактіонова, помѣщенными. также и въ *Невскомъ Альманахъ* на 1827 годъ: Гирей, Игры женъ, Переходъ Заремы къ Маріи и Сцена между ними. Здѣсь были уничтожены строки точекъ, находившіяся въ первомъ изданіи, и внесены исправленія въ стихахъ 66-мъ, 152-мъ, 306-мъ и 417-мъ. *Третье* изданіе вышло также въ Спб., 1830 (8°, 46 стр.); здѣсь нѣтъ ни гравюръ, ни „Разговора" Вяземскаго, но къ выпискѣ изъ книги Муравьева прибавленъ отрывокъ изъ письма къ Дельвигу. Это изданіе Пушкинъ хотѣлъ посвятить кн. Вяземскому, какъ свидѣтельствуетъ сохранившійся въ его бумагахъ и находящійся нынѣ въ майковскомъ собраніи

lib.pushkinskijdom.ru

Императорской Академіи Наукъ черновой набросокъ посвященія:

«(Е. С.) К. П. А. В. (сію) въ знакъ уваженія къ его
и
характеру любви* (къ его) (прекр) таланту и (благодарности за)
Посвящаю тебѣ стихотвор
«(Позволь мнѣ по) (поэму) нѣкогда явившуюся подъ твоимъ
тебѣ большею частію
покровительствомъ и* которое* обязано было своимъ успѣхомъ.
залогомъ моей неизмѣнной дружбы и моего
(шуму) Да будетъ она скромнымъ памятникомъ *(нрзб.)* уваженія
къ ному
(моего) (твердости и) благород(ству) характеру любви къ твоему
(неизмѣнной)
прекрасному таланта. (и нашей дружбы независящей отъ обстоятельствъ).

А. П.

сего ознаменов
«Появленіе (сего мал) стихотворенія (произвело)(замѣчательно) (въ Ист. Руск. первымъ)»

Въ послѣдній разъ при жизни Пушкина *Бахчисарайскій Фонтанъ* былъ напечатанъ въ собраніи его „Поэмъ и повѣстей“, Спб. 1835, часть 1-я.

О второмъ изданіи появились небольшія рецензіи въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1827, часть XVIII, стр. 234 — 235, *Сѣверной Пчелѣ* 1827, № 152 (письмо Порфирія Фалалеевича Байскаго—Ор. Сомова) и *Славянинѣ* 1828, часть V, № 13, стр. 510—511 (отвѣтъ на это письмо). О третьемъ изданіи напечатана замѣтка въ *Литературной Газетѣ* 1830, томъ I, № 22, стр. 177 — 178.

Въ 1826 году вышло три перевода поэмы на иностранные языки:

„La Fontaine des pleurs, poème de M. A. Pouchkine, traduit librement du russe par S. M. *Chopin*“, Paris 1826

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

(съ нотами татарскойпѣсни); „Der Trauerquell.—Бахчисарайскій Фонтанъ. Verfasst von A. Puschkin, übersetzt von A. *Wulffert*“, St. Petersburg 1826; „Fontana w Bakczyseraju, poema Alex. Puszkina“, Wilno 1826.

Князь А. А. Шаховской заимствовалъ изъ поэмы Пушкина „романтическую трилогію“ въ пяти дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ: „Керимъ-Гирей, Крымскій ханъ“, съ пѣніемъ, хорами и танцами. Эта пьеса, представленная въ первый разъ въ Петербургѣ 28 сентября 1825 г., имѣла большой успѣхъ, особенно благодаря Семеновой, игравшей Зарему (Араповъ, Лѣтопись русскаго театра, Спб. 1861, стр. 373 — 375).

„Татарская пѣсня“ съ музыкой князя В. Ѳ. Одоевскаго напечатана въ приложеніи къ III-й книгѣ *Мнемозины* 1824 г. Первоначальный текстъ этой пѣсни въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2365, л. 69, читается такъ:

(Съ турецкаго).

Даруетъ небо человѣку
Часы отрадъ въ замѣну бѣдъ;
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости суровыхъ лѣтъ —
Блаженъ, кто Рускихъ поражая
Собой умножитъ мертвыхъ рядъ:
Къ нему навстрѣчу дѣвы рая
Толпою страстной полетятъ —
Но всѣхъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто миръ и нѣгу возлюбя
Въ прохладѣ тайнаго Гарема
Обниметъ радостно тебя.

Восточный характеръ послѣдней строки въ стихотвореніи „Мнѣ бой знакомъ“ 1820 г., — что трусъ „милыхъ женъ лобзаній недостоинъ“, — даетъ проф. Н. Ѳ. Сумцову

lib.pushkinskijdom.ru

поводъ думать, что мотивъ Татарской пѣсни въ душѣ Пушкина былъ намѣченъ задолго до 1822 года и что въ основѣ этого мотива лежитъ какое-то литературное вліяніе, несомнѣнно — восточное и, вѣроятно, вліяніе Корана („А. С. Пушкинъ, изслѣдованія", Харьковъ 1900, стр. 180).

По поводу стиховъ 147 — 148 княгиня М. Н. Волконская (Раевская) говоритъ въ своихъ *Запискахъ* (Спб. 1904, стр. 24), что Пушкинъ относилъ ихъ къ ней. Очень вѣроятнымъ представляется также, что нѣкоторыя черты Маріи Николаевны запечатлѣлись и въ изображеніи Маріи Потоцкой, любимой дочери сѣдого отца:

Все въ ней плѣняло: тихій нравъ,
Движенья стройныя, живыя...
Природы милые дары
Она искусствомъ украшала;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла...

Извѣстно, что Марія Николаевна очень любила музыку и была хорошей музыкантшей; вѣроятно, она играла также и на арфѣ, которая въ тѣ времена была вообще модньшъ инструментомъ.

Слѣдующіе затѣмъ стихи 149 — 152, въ первоначальной редакціи, находятся еще въ записной книжкѣ Пушкина 1820 — 1821 гг.:

Чей голосъ выразитъ *ясньй*
И нѣжность, и тоску желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній?

Извѣстно, что и въ поэмѣ первоначально было написано также „язвительныхъ", и что Пушкинъ только по на-

lib.pushkinskijdom.ru

стоянію Вяземскаго поставилъ „пронзительныхъ“, но затѣмъ, во второмъ изданіи поэмы, опять возстановилъ прежній эпитетъ. Послѣдній, однако, былъ отмѣченъ А. А. Перовскимъ въ статьѣ о поэмѣ, въ *Сынѣ Отечества* 1824, часть 92, № 13 (подписанной буквами: *ъый — ъ — iй*): „Не знаю“, говоритъ онъ, — “почему здѣсь встрѣчается извѣстная читателю перемѣна? Между поцѣлуемъ страстнымъ и язвою Поэтъ усмотрѣлъ соотношеніе смѣлое, новое, но справедливое. Язва и пламень удобнѣе сравниваются, нежели пронзительность и пламень. Если словомъ *пронзительныя* лобзанія хотя не близко переведемъ baisers pénétrants, то словомъ *язвительныя* лобзанія неподражаемо выразимъ другой эпитетъ изобрѣтенія Руссо. Что я говорю? baisers âcres холодны предъ огненнымъ выраженіемъ Пушкина. Быть можетъ, что замѣченная перемѣна сдѣлана въ угожденіе принятому словоупотребленію. Ахъ, сей тиранъ и такою жертвою не будетъ доволенъ!“

Стихъ 508-й напоминаетъ стихъ изъ оды „Вольность“:

Забвенью брошенный дворецъ.

Стихи 559 — 578 повторяютъ мотивъ стихотворенія 1821 г.: „Кто знаетъ край...“ (см. выше, стр. 28 — 29).

Позднѣйшая критика, въ лицѣ Бѣлинскаго, отнеслась къ *Бахчисарайскому Фонтану* съ такими же похвалами, какъ и первые его цѣнители. Бѣлинскій не согласился съ мнѣніемъ Пушкина, будто *Фонтанъ* слабѣе *Плѣнника*, и нашелъ, напротивъ, что здѣсь „замѣтенъ значительный шагъ впередъ со стороны формы: стихъ лучше, поэзія роскошнѣе, благоуханнѣе. Въ основѣ этой поэмы лежитъ мысль дотого огромная, что она могла бы быть подъ силу только вполнѣ развившемуся и возмужавшему таланту;

lib.pushkinskijdom.ru

очень естественно, что Пушкинъ не совладалъ съ нею— и, можетъ быть, оттого-то и былъ къ ней уже слишкомъ строгъ... Мысль поэмы—перерожденіе (если не просвѣтлѣніе) дикой души черезъ высокое чувство любви. Мысль великая и глубокая! Но молодой поэтъ не справился съ нею, и характеръ его поэмы въ ея самыхъ патетическихъ мѣстахъ является мелодраматическимъ... Въ монологѣ Заремы есть эта аффектація, это театральное наступленіе страсти, въ которыя всегда впадаютъ молодые поэты и которыя всегда восхищаютъ молодыхъ людей. Если хотите, эта сцена обнаружила тогда сильные драматическіе элементы въ талантѣ молодого поэта, но не болѣе, какъ элементы, развитія которыхъ слѣдовало ожидать въ будущемъ.... Не смотря на то, въ поэмѣ много частностей, обаятельно прекрасныхъ. Портреты Заремы и Маріи (особенно Маріи) прелестны, хотя въ нихъ и проглядываетъ наивность нѣсколько юношескаго одушевленія. Но лучшая сторона поэмы — это описанія или, лучше сказать, живыя картины магометанскаго Крыма: онѣ и теперь чрезвычайно увлекательны. Въ нихъ нѣтъ этого элемента высокости, который такъ проглядываетъ въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ* въ картинахъ дикаго и грандіознаго Кавказа; но онѣ непобѣдимо очаровываютъ этой кроткой и роскошной поэзіей, которыми запечатлѣна соблазнительно-прекрасная природа Тавриды; краски нашего поэта всегда вѣрны мѣстности. Картина гарема, дѣтскія шаловливыя забавы лѣнивой и уныло-однообразной жизни одалискъ, татарская пѣсня — все это и теперь еще такъ живо, такъ свѣжо, такъ обаятельно... Музыкальность стиховъ, сладострастіе созвучій нѣжатъ и лелѣютъ очарованное ухо читателя.... При этой роскоши и невыразимой сладости поэзіи, которыми такъ полонъ *Бахчисарайскій Фонтанъ*, въ немъ плѣняетъ еще эта легкая, свѣтлая грусть, эта поэтическая задумчивость,

lib.pushkinskijdom.ru

навѣянная на поэта чудно-прозрачными и благоуханными ночами Востока и поэтической мечтой, которую возбудило въ немъ преданіе о таинственномъ фонтанѣ во дворцѣ Гиреевъ. Описаніе этого фонтана дышитъ глубокимъ чувствомъ. Слѣдующіе стихи, до конца, составляютъ превосходнѣйшій музыкальный финалъ поэмы; словно résumé, они сосредоточиваютъ въ себѣ всю силу впечатлѣнія, которое должно оставить въ душѣ читателя чтеніе цѣлой поэмы: въ нихъ и роскошь поэтическихъ красокъ, и легкая, свѣтлая, отрадно сладостная грусть, какъ бы навѣянная немолчнымъ журчаніемъ „Фонтана Слезъ“ и представляющая разгоряченной фантазіи поэта таинственный образъ мелькавшей летучею тѣнью женщины... Гармонія послѣднихъ двадцати стиховъ упоительна. Вообще, *Бахчисарайскій Фонтанъ* — роскошно поэтическая мечта юноши, и отпечатокъ юности лежитъ равно и на недостаткахъ его, и на достоинствахъ. Во всякомъ случаѣ, это — прекрасный, благоухающій цвѣтокъ, которымъ можно любоваться безотчетно и безтребовательно, какъ всѣми юношескими произведеніями, въ которыхъ полнота силъ замѣняетъ строгую обдуманность концепціи и роскошь щедрой рукой разбросанныхъ красокъ — строгую отчетливость выполненія“ (Сочиненія Бѣлинскаго, часть VIII, М. 1860, стр. 444—450). Еще ранѣе этой оцѣнки, писанной въ 1844 году, Бѣлинскій писалъ В. П. Боткину (27 февраля — 1 марта 1840): „Въ послѣднее время мнѣ открылся *Бахчисарайскій Фонтанъ;* мнѣ кажется, я въ состояніи написать объ этой крошечной пьескѣ цѣлую книгу — великое міровое созданіе!“ (А. Н. Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, изд. 2-е, Спб. 1908, стр. 293).

Академикъ Н. А. Котляревскій („Литературныя направленія александровской эпохи“, Спб. 1907, стр. 100—101) видитъ въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ* „пѣснь любви,

lib.pushkinskijdom.ru

пѣснь личныхъ, интимныхъ воспоминаній, — своего рода перлъ любовной лирики, вставленный въ оправу художественныхъ описаній природы. Поэма цѣнна какъ очень колоритная картина Востока, списанная съ натуры, а не съ иностранной гравюры. Но что касается самого драматическаго положенія, то для той эпохи жизни Пушкина... въ немъ мало характернаго. Если не считать вообще мрачнаго колорита всей поэмы, то душевная тревога дѣйствующихъ лицъ не таитъ въ себѣ ничего особеннаго: обычная женская ревность, обычное мрачное настроеніе человѣка, любовь котораго отвергнута, и сентиментальный силуэтъ угнетенной невинности. Субъективность художника сказывается въ глубокомъ пониманіи психологіи любви, любви то страстной, то примиренной съ отказомъ, то нѣжной и воздушной, неуловимо тонкой. Характерно лишь то, что среди всѣхъ до сихъ поръ пропѣтыхъ Пушкинымъ любовныхъ пѣсенъ это — первая съ глубоко трагической развязкой. Въ этомъ только и сказалась та тревога духа, какою художникъ былъ временно охваченъ."

Къ этому можно было бы еще прибавить, что „тревога духа" поэта, сказавшаяся въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ,* въ значительной мѣрѣ обусловливалась тою глубоко затаенною, „глухою и нѣмою" его любовью, которая надолго оставила свой жгучій слѣдъ въ его душѣ и не могла не отразиться въ его лирикѣ...

Къ 1822—1823 гг. относятся еще слѣдующіе черновые наброски, находящіеся въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея:

Рук. № 2366, л. 33 об.:

Народъ (котор) гремятъ народа клики
Народъ (веселый) предъ теремомъ
Грознаго владыки

lib.pushkinskijdom.ru

(Въ Арменію, въ палаты Зензевея)
ются
Съѣзжа(лися) могучіе цари
Царевичи, Князья, Богатыри
(Царь Зензевей)
(Грузинскій)
(Армянскій) (Царь) ихъ ласково встрѣчаетъ
(За пышные столы свои сажаетъ)
Готовитъ пиръ! и ровно 40 дней
(пиръ горой!)
И (шумъ и крикъ) и* ровно* сорокъ* дней*
(Три дня поитъ)
(Царь поитъ своихъ гостей)
И съ ними добрый Зензевей
Пируетъ ровно 40 дней.

тамъ же, л. 18 об.:

раздался громъ войны
(войны раздался)
(оружіе звучитъ)
За чемъ (война гремитъ)
Во славномъ царствѣ Зензевея?
(ретивой)
(За чемъ Армянской конь свирѣпѣя)
(Храп) (Армянской конь храпитъ)
Поля и селы зажжены —

Рук. № 2365, л. 58 об.:

(Кого)
(Кого) Себѣ ты выбралъ
(Кого избралъ себѣ ты другомъ)
(Скажи могучій) Зензевей
Кого союзникомъ и другомъ
Кто будетъ щастливымъ супругомъ

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

Царевны
(Прелестной) дочери твоей —
(скромна)
Она мила * какъ (ландышъ) мая
(Рѣзва) рѣзва
(Нѣжна) какъ лань Кавказкихъ горъ
(Она)
(Невинна такъ)

Эти наброски впервые были напечатаны В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 105, 333 и 335.

lib.pushkinskijdom.ru

1823.

I.

В. П. ГОРЧАКОВУ.

(Стр. 183).

Рукопись этого стихотворенія неизвѣстна. Напечатано оно В. П. Горчаковымъ въ статьѣ: „Воспоминаніе о Пушкинѣ“, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1858, № 19, литературный отдѣлъ, стр. 81. По словамъ Горчакова, въ концѣ января 1823 г., въ четвергъ, Пушкинъ былъ на вечерѣ у Е. К. Варѳоломея, гдѣ находился и отставной полковникъ А. П. Алексѣевъ, хорошій знакомый поэта. „По связямъ съ хозяиномъ, Алексѣевъ провѣдалъ, что въ первый понедѣльникъ Варѳоломей намѣренъ дать балъ на славу... На другой день мы видѣлись съ Пушкинымъ, потолковали объ импровизированномъ вечерѣ и обѣщанномъ Алексѣевымъ балѣ; но состоится ли самый балъ, мы нисколько не были увѣрены. Встрѣчаясь съ Пушкинымъ всякій день и по нѣскольку разъ, мы въ остальную часть этого дня почему-то не видались, а на другой день я получилъ его записку слѣдующаго содержанія (приведены стихи). Продолженіе этой записки принадлежитъ собственно къ дневнику нашему.“ Дневникъ Горчакова не изданъ и неизвѣстно гдѣ находится.

Владиміръ Петровичъ Горчаковъ, питомецъ основаннаго Н. Н. Муравьевымъ Училища Колонновожатыхъ, былъ прапорщикомъ генеральнаго штаба и служилъ въ Киши-

lib.pushkinskijdom.ru

невѣ подъ начальствомъ М. Ѳ. Орлова, у котораго и познакомился съ Пушкинымъ. По словамъ Липранди, „онъ вмѣстѣ съ Н. С. Алексѣевымъ были неразлучны съ Пушкинымъ, оба были поклонниками поэтическихъ дарованій и прекрасной душевной натуры, и онъ не оставался къ нимъ равнодушнымъ."

Впослѣдствіи Горчаковъ, оставивъ службу, жилъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 18 февраля 1867 г. Его воспоминанія о жизни Пушкина въ Кишиневѣ напечатаны въ *Москвитянинѣ* 1850, январь, книга 2-я, стр. 146 — 182, февраль, книга I-я, стр. 233 — 264, и апрѣль, книга I-я, 169 — 198. О немъ см. *Русскій Архивъ* 1866, стл. 1132—1134, 1140, 1177 — 1178, 1211, 1225, 1238, 1249, 1251, 1255; 1899, книга II, стр. 340 и 1900, книга I, стр. 403; *Московскія Вѣдомости* 1867, № 42; графъ С. Д. Шереметевъ: „В. П. Горчаковъ", Спб. 1891.

Егоръ Кирилловичъ Варѳоломей, богатый молдованскій бояринъ, членъ областного совѣта, давалъ балы и вечера, на которыхъ бывалъ и Пушкинъ, одно время ухаживавшій за хорошенькою дочкою Варѳоломея, Пульхерицей. См. въ *Русскомъ Архивѣ* 1866 статьи П. И. Бартенева и И. П. Липранди о пребываніи Пушкина въ Южной Россіи; Записки Ф. Ф. Вигеля, часть VI; бессарабскія воспоминанія А. Ѳ. Вельтмана — въ книгѣ Л. Н. Майкова: „Пушкинъ".

Объ отставновъ гусарскомъ полковникѣ А. П. Алексѣевѣ, съ которымъ у Пушкина вышло однажды столкновеніе, см. *Русскій Архивъ* 1866, стл. 1413 — 1416; Липранди, Замѣчанія на воспоминанія Вигеля, стр. 143; Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ 78, стр. 85. Братъ его жены, Н. И. Павлищевъ, впослѣдствіи женился на сестрѣ Пушкина, Ольгѣ Сергѣевнѣ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

II.

ПРОСТИШЬ ЛИ МНѢ РЕВНИВЫЯ МЕЧТЫ.

(Стр. 184).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, лл. 15 об. и 16, затѣмъ — въ автографѣ, принадлежавшемъ Е. А. Масальской-Суриной и переданномъ ею въ библіотеку Императорской Академіи Наукъ („Пушкинъ и его современники", выпускъ IV, стр. 41 — 42) и, наконецъ, въ тетради гр. П. И. Капниста (Л. Н. Майковъ: „Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту", Спб. 1896, стр. 3). Въ двухъ послѣднихъ рукописяхъ имѣетъ заглавіе: „Элегія", а въ послѣдней, кромѣ того, помѣту: „1823".

Напечатано въ *Полярной Звѣздѣ* на 1824 годъ, стр. 314 — 315, также подъ заглавіемъ: „Элегія" и съ одною звѣздочкой вмѣсто подписи; затѣмъ — въ *Литературныхъ Листкахъ* Булгарина, 1824, февраль, № IV, стр. 134—135, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя: „Авторъ сихъ стиховъ прислалъ оные ко мнѣ для помѣщенія въ Литературныхъ Листкахъ по той причинѣ, что они были напечатаны въ другомъ изданіи съ нѣкоторыми ошибками." Съ новыми исправленіями, и уже безъ заглавія, повторено въ изданіяхъ 1826 (стр. 19 — 20) и 1829 (часть I, стр. 173 — 175), гдѣ отнесено къ 1823 году.

Въ музейной рукописи мы имѣемъ первоначальную, черновую редакцію пьесы; здѣсь она написана такъ, что на листѣ 16-мъ находится ея начало, а на листѣ 15 об.— окончаніе; въ серединѣ пьесы нѣкоторые стихи еще не имѣютъ полнаго счета стопъ, и риѳмы не приведены въ порядокъ. Приводимъ изъ этого наброска стихи, впослѣдствіи отброшенные или измѣненные въ окончательной редакціи:

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 2-й: Моей *души нещастное* волненье
„ 7-й: *За чемъ* даритъ...
Стт. 9 — 12-й: *Плѣнивъ меня*, мой разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей *безумной*,
Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ
шумной
Бесѣдѣ чуждъ, *угрюмъ* и молчаливъ
„ 18-19-й: *Когда со мной* красавица другая
Двусмысленный *заводитъ* разговоръ
(лукавый)
„ 21-22-й: А между тѣмъ Соперникъ мой *надменный*
Предательски тобою ободренный
(тебя)
Вездѣ, всегда преслѣдуетъ меня
Онъ вѣчно тутъ, колѣна преклоня.
Являюсь я—(за чѣмъ) блѣднеетъ онъ**
(А ты меня привѣтствуешь лукаво)
Иль иногда, предупрежденный мной
Стихъ 29-30-й: Но *ты вѣрна*,—тебя я понимаю
(Мою любовь ты хочешь искушать)
Не искушай, не мучь меня, молю

Въ академическомъ автографѣ стихотвореніе является въ томъ видѣ, какъ оно напечатано въ *Литературныхъ Листкахъ;* въ тетрадь гр. Капниста оно внесено уже въ окончательной редакціи.

Въ *Полярной Звѣздѣ* стихотвореніе было напечатано въ редакціи академическаго автографа, причемъ стихи 26 — 28-й не были исключены и, кромѣ того, допущены слѣдующія искаженія:

Стихъ 6-9-й: Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой
И всѣхъ *даришь* надеждою пустой?
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то
унылой,
Мной *овладѣлъ*, мнѣ чувства омрачивъ.
Стихъ 15-й: Хочу ль уйти: съ *болѣзнью* и мольбой

lib.pushkinskijdom.ru

Посылая элегію въ исправленномъ видѣ Булгарину, Пушкинъ исключилъ изъ нея три стиха, 26-28-й. Относительно той женщины, къ которой могутъ быть примѣнены эти стихи, среди комментаторовъ установилось мнѣніе, впервые высказанное К. П. Зеленецкимъ („Г-жа Ризничъ и Пушкинъ“ — *Одесскій Вѣстникъ* 1856; *Русскій Вѣстникъ* 1856, томъ III, № 11, іюнь, книга I-я, современная лѣтопись, стр. 203 — 209; „Отзывы о Пушкинѣ съ Юга Россіи“, сборникъ В. А. Яковлева, Од. 1887, стр. 137 — 148), что поэтъ обращается здѣсь къ Амаліи Ризничъ, въ которую онъ страстно былъ влюбленъ въ одесскій періодъ своей жизни (новый пересмотръ вопроса объ этихъ отношеніяхъ см. въ статьѣ П. Е. Щеголева: „Амалія Ризничъ въ поэзіи Пушкина“, *Вѣстникъ Европы* 1904, январь). Только П. О. Морозовымъ (въ изданіи 1903 г., томъ I, стр. 651 — 652) высказано было сомнѣніе въ возможности относить это стихотвореніе къ Ризничъ, въ виду того, что „здѣсь говорится о матери той особы, къ которой обращена элегія, а Ризничъ жила въ Одессѣ не съ матерью, а съ мужемъ“. На это Н. О. Лернеръ (въ изданіи Брокгаузъ-Ефронъ, томъ II, стр. 624) возражалъ, что, по словамъ все того же Зеленецкаго, „мать г-жи Ризничъ въ первые шесть мѣсяцевъ жила съ нею“, такъ какъ Ризничъ привезъ въ Одессу свою молодую жену вмѣстѣ съ ея матерью. Но это возраженіе ничего не опровергаетъ, потому что г-жа Ризничъ, все-таки, находилась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ не матери своей, а именно мужа, который, по показанію знавшаго его профессора Сречковича, „внимательно слѣдилъ за поведеніемъ своей жены, заботливо оберегая ее отъ паденія“ и приставилъ къ ней „вѣрнаго слугу, который зналъ каждый шагъ жены своего господина“ (статья М. Г. Халанскаго въ Харьковскомъ университетскомъ сборникѣ въ память Пушкина, Харьк. 1900, стр. 425). Вслѣдъ за

lib.pushkinskijdom.ru

Морозовымъ въ справедливости показаній Зеленецкаго усомнился и П. А. Ефремовъ (изданіе Суворина, томъ VIII, Спб. 1905, стр. 193—194), назвавшій всю статью одесскаго автора „сплошнымъ вымысломъ какъ относительно общей обстановки, такъ и относительно самой Ризничъ, начиная отъ изображенія ея личности до поведенія и до поклонниковъ, между которыми счастливцемъ былъ будто бы Пушкинъ, имѣя, однако, соперникомъ Собанскаго", богатаго поляка, „на сторонѣ котораго было золото". Оказывается, однако, что Собанскій тутъ рѣшительно ни при чемъ: когда г-жа Ризничъ заболѣла чахоткой и уѣхала къ себѣ на родину, во Флоренцію (а не въ Вѣну, какъ говоритъ Зеленецкій), то за нею туда послѣдовалъ одинъ изъ ея поклонниковъ, князь Яблоновскій, и тамъ добился ея взаимности. „О связи ея съ кн. Яблоновскимъ Пушкинъ не могъ знать, и потому образъ ея оставался въ его памяти свѣтлымъ и чистымъ, если только впослѣдствіи не помутилъ его Туманскій, сообщивъ городскіе слухи послѣ ея смерти, отчего, можетъ быть, и явился стихъ въ извѣстной элегіи „Подъ небомъ голубымъ..." о бѣдной, *легковѣрной* тѣни. Такимъ образомъ, разсказъ Зеленецкаго, считавшійся долгое время, почему-то, во всѣхъ своихъ подробностяхъ совершенно непререкаемымъ, является источникомъ далеко не безусловнымъ. Если же отрѣшиться отъ этого разсказа и читать элегію Пушкина безъ всякаго предвзятаго мнѣнія, просто какъ она написана, то что мы въ ней увидимъ? Поэтъ обращается, несомнѣнно, къ своей любовницѣ, которая наединѣ съ нимъ очень нѣжна и награждаетъ его „пламенными лобзаніями", а при другихъ обнаруживаетъ полное равнодушіе, возбуждая муки ревности. У поэта есть „надменный" соперникъ, котораго любимая женщина почему-то *должна* принимать въ отсутствіи своей матери (можетъ быть, по ея приказанію?) въ

lib.pushkinskijdom.ru

легкомъ костюмѣ, — соперникъ, который „вѣчно“ преслѣдуетъ поэта, блѣднѣетъ при встрѣчѣ съ нимъ или „лукаво“ его привѣтствуетъ и тѣмъ еще болѣе раздражаетъ его ревнивое чувство. О мужѣ — ни слова, потому что его, очевидно, и нѣтъ: красавица живетъ съ матерью, которая ищетъ для нея подходящей партіи и, видимо, предпочитаетъ поэту его соперника. Что же тутъ общаго съ Амаліей Ризничъ, кромѣ развѣ того, что особа, къ которой обращена элегія, „окружена поклонниковъ толпой“ и со всѣми любезничаетъ? Но на этомъ одномъ, слишкомъ общемъ, указаніи едва ли можно строить рѣшительныя заключенія. Вообще, искать въ поэтическомъ произведеніи отраженій дѣйствительности можно лишь при условіи крайней осторожности; въ частности же вокругъ имени Пушкина сложилось столько легендъ, усердно подхватываемыхъ и раздуваемыхъ легковѣрными искателями „фактовъ“, что осмотрительность въ біографическихъ примѣненіяхъ никогда не можетъ быть излишней. Лучше вовсе отказаться отъ надежды проникнуть въ личную, интимную жизнь поэта, чѣмъ, руководствуясь какими-то „городскими слухами“ или, попросту, сплетнями, принимать на вѣру всякія выдумки. Поэтому мы не имѣемъ возможности въ настоящее время сказать съ увѣренностью, къ кому именно обращено Пушкинымъ настоящее стихотвореніе.

Эту пьесу, вмѣстѣ съ стихотвореніями: „Ненастный день потухъ“ и „Ночь“, Анненковъ относилъ къ лирическимъ пѣснямъ, выражающимъ сильно возбужденное состояніе души поэта. Эти стихотворенія „исполнены бурь сердца, сомнѣній страсти и сильнаго драматическаго движенія. Они вылились изъ-подъ пера того человѣка, который въ мученіяхъ ревности и досады могъ пробѣжать пять верстъ безъ шляпы, по палящему жару въ 35°, какъ это разъ случилось съ Пушкинымъ въ Одессѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Но.... какъ ни великолѣпенъ еще этотъ ураганъ уязвленнаго сердца въ поэтическомъ своемъ направленіи, — здѣсь, какъ и всегда у Пушкина, порывы его умѣряются требованіями искусства, и выраженіе его столь же изящно, какъ и выраженіе задумчивости и граціозныхъ образовъ въ другихъ произведеніяхъ поэта. Вообще, поэтическое творчество было у Пушкина какъ будто поправкой волненій жизни. Оно сглаживало рѣзкія ея проявленія, смягчало и облагороживало все, что было въ нихъ случайно грубаго, неправильнаго и жесткаго. По неизмѣнному закону отраженія творческаго произведенія на самомъ художникѣ, умѣрялся и въ послѣднемъ пылъ увлеченія, и замолкали струны, которыя безъ того звучали бы тревожно и несогласно, можетъ быть, еще долгое время. Вотъ почему Пушкинъ могъ выходить изъ всѣхъ порывовъ еще свѣжѣе прежняго, и вотъ почему въ теченіе всей его жизни мы не видимъ, чтобы онъ остановился на какомъ-нибудь исключительномъ направленіи и окаменѣлъ въ какомъ-нибудь любимомъ представленіи“ („Матеріалы“, изд. 2-е, стр. 88). Бѣлинскій (Сочиненія, изд. Венгерова, томъ VI, стр. 101 — 102) видѣлъ въ этомъ стихотвореніи „одно изъ лучшихъ, задушевнѣйшихъ созданій лирической музы“ Пушкина: „большая часть ихъ безъ названія и означается первымъ стихомъ: это свойство лирическихъ произведеній, содержаніе которыхъ неуловимо для опредѣленія, какъ музыкальное ощущеніе“.

III.

НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ ПОТУХЪ.

(Стр. 186).

Въ рукописи неизвѣстно. Напечатано въ изданіи 1826 г., стр. 25 — 26, гдѣ отнесено къ элегіямъ и въ

lib.pushkinskijdom.ru

оглавленіи прибавлено: „Отрывокъ“. Затѣмъ вошло въ изданіе 1829 г., часть I, стр. 176—177. Въ этомъ послѣднемъ изданіи пьеса помѣчена 1823 г. Такая же помѣта сдѣлана и въ составленномъ Плетневымъ спискѣ стихотвореній, предназначенныхъ для сборника 1826 г. (Переписка, томъ I, стр. 293). Нельзя, однако, не обратить вниманія на то, что въ первыхъ четырехъ стихахъ изображается мрачный вечеръ послѣ ненастнаго дня, съ восходомъ туманной луны за сосновой рощей, — пейзажъ, наводящій на душу поэта „мрачную тоску“, которому противопоставляется въ слѣдующихъ стихахъ далекій край, гдѣ луна восходитъ въ яркомъ сіяніи, гдѣ воздухъ напоенъ вечерней теплотой и гдѣ, наконецъ, движется море. Всего этого поэтъ былъ лишенъ въ то время, когда писалъ свое стихотвореніе; все это осталось „далеко, тамъ“, на миломъ югѣ, который ему пришлось покинуть для непривѣтливаго, сумрачнаго сѣвера съ его непрерывными осенними дождями и туманами... „Все, что напоминаетъ мнѣ море, печалитъ меня“, писалъ онъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской въ первой половинѣ октября 1824 г.,—„шумъ фонтана буквально причиняетъ мнѣ боль; мнѣ кажется, что прекрасное небо заставило бы меня заплакать отъ бѣшенства, но слава Богу: небо у насъ сивое, а луна — точно рѣпа“ (Переписка, томъ I, стр. 137). Очевидно, что и стихотвореніе не могло быть написано на югѣ, а создалось тамъ же, гдѣ написаны и приведенныя строки письма, т. е. въ Михайловскомъ, а слѣдовательно — не въ 1823, а осенью 1824 г., въ ненастный вечеръ, когда съ особенною горечью въ душѣ поэта пробудились воспоминанія о далекихъ голубыхъ небесахъ и о роскошной пеленѣ моря съ его шумящими волнами, и о той любимой женщинѣ, которая осталась тамъ „печальна и одна“...

О томъ, кто была эта женщина, изслѣдователями,

lib.pushkinskijdom.ru

желавшими непремѣнно пріурочивать лирическія настроенія поэта къ фактамъ личной его жизни, были высказаны различныя догадки. П. А. Ефремовъ (изданіе 1880, томъ I, стр. 566), В. П. Гаевскій („Перстень Пушкина“, *Вѣстникъ Европы* 1888, февраль, стр. 522) и С. Н. Южаковъ („Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина“, Одесса 1895, стр. 53—54) указывали на Ризничъ, не приводя для такого указанія никакихъ основаній; Н. Ѳ. Сумцовъ („А. С. Пушкинъ“, Харьк. 1900, стр. 212—213) склоненъ относить стихотвореніе къ Маріи Николаевнѣ Раевской, обращая вниманіе, какъ и М. О. Гершензонъ („Пушкинъ и графиня Е. К. Воронцова“, *Вѣстникъ Европы* 1909, февраль, стр. 539), на „крымскій“ характеръ изображеннаго здѣсь южнаго пейзажа; П. Е. Щеголевъ („Амалія Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина“, *Вѣстникъ Европы* 1904, январь, стр. 312—313, 315) связываетъ „Ненастный день“ съ именемъ графини Воронцовой; наконецъ, Н. О. Лернеръ (изд. Брокгаузъ-Ефронъ, томъ III, стр. 525), усматривая нѣкоторое внутреннее сродство между даннымъ стихотвореніемъ и отрывкомъ: „Все кончено, — межъ нами связи нѣтъ...“, на вопросъ о томъ, какъ произошли оба стихотворенія, личныя ли переживанія Пушкина отразились въ вдохновенныхъ творческихъ переживаніяхъ поэта, отвѣчаетъ: „ignorabimus!“ И этотъ отвѣтъ нельзя не признать наиболѣе основательнымъ.

По вопросу о датировкѣ стихотворенія (впервые измѣненной въ изданіи „Просвѣщенія“, томъ I, Спб. 1903, стр. 673) изъ названныхъ изслѣдователей приняли наше мнѣніе только П. Е. Щеголевъ и М. О. Гершензонъ; П. А. Ефремовъ и Н. О. Лернеръ, приводя наши же доказательства, все-таки, не видятъ основаній измѣнять дату, установленную самимъ Пушкинымъ. Но, вѣдь, извѣстно, что Пушкинъ далеко не всегда точно указывалъ даты

lib.pushkinskijdom.ru

своихъ произведеній, а иногда и намѣренно относилъ ихъ не къ тѣмъ годамъ, когда они были написаны. Въ данномъ случаѣ самое содержаніе стихотворенія служитъ, думается намъ, вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ того, что оно не могло быть написано ранѣе осени 1824 года.

Бѣлинскій, помѣстившій настоящее стихотвореніе въ число „чисто-пушкинскихъ“ пьесъ, въ которыхъ „виденъ уже зрѣлый талантъ, истинный художникъ“, говоритъ: „Вглядитесь и вслушайтесь въ этотъ стихъ, въ этотъ оборотъ мысли, въ эту игру чувства: во всемъ найдете чистую поэзію, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы, какъ старое крѣпкое вино безъ малѣйшей примѣси воды... Въ пафосѣ стихотворенія сколько жизни, страсти, истины! ... Не ревность, а страсть, трепещущая за свое блаженство, заставляетъ его успокоивать себя мыслью, что она одна, и что ему должно быть спокойнымъ... И сколько жизни, какой энергическій порывъ страсти высказывается въ словѣ: „но если“, отрывисто заключающемъ пьесу! Все это такъ просто, такъ естественно, во всемъ этомъ столько глубокой страсти, столько истины чувства... А форма? Какая легкость, какая прозрачность! На каждомъ стихѣ, даже отдѣльно взятомъ, такъ и виденъ слѣдъ художническаго рѣзца, оживлявшаго мраморъ!“ (Сочиненія Бѣлинскаго, изд. Венгерова, томъ VI, стр. 101—102; изд. 1892 г., томъ VIII, стр. 332—333, 377—381, 383—384).

lib.pushkinskijdom.ru

IV.

ДЕМОНЪ.

(Стр. 187).

Печатается по изданію 1829 г., часть I, стр. 178—179. Впервые было напечатано въ *Мнемозинѣ* В. К. Кюхельбекера и кн. В. Ѳ. Одоевскаго, книга III-я, стр. 11—12, подъ заглавіемъ: „Мой Демонъ“ и съ ошибками, на которыя Пушкинъ сердился: „Не стыдно ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего Демона! моего Демона!“ писалъ онъ брату 4 декабря 1824 г.: „Послѣ этого онъ и Вѣрую напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни Моря, ни капли стиховъ отъ меня!“(Переписка, томъ I, стр. 154—155). Въ исправленной и нѣсколько измѣненной редакціи, и уже подъ заглавіемъ: „Демонъ“, стихотвореніе было перепечатано въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1825 годъ, стр. 275, и затѣмъ вошло въ изданія 1826 и 1829 гг.

Въ *Мнемозинѣ* были слѣдующія отступленія отъ позднѣйшаго печатнаго текста:

Стт. 1, 2: *Когда еще* мнѣ были новы
Всѣ *наслажденья* бытія
„ 8, 9: *Мнѣ* сильно волновали кровь,
Въ часы надеждъ и *упоеній*
Ст. 12: Сталъ *втайнѣ* навѣщать меня
„ 22: На жизнь *съ насмѣшкою* глядѣлъ

Въ бѣловомъ автографѣ „Демонъ“ неизвѣстенъ, черновые же наброски находятся въ тетрадяхъ Румянцовскаго Музея № 2366, лл. 41 об. и 42, и № 2369, лл. 29 об. и 40 об. Первый изъ этихъ набросковъ написанъ такъ, что Пушкинъ, повернувъ тетрадь верхомъ направо, воспользовался обѣими ея страницами, какъ

lib.pushkinskijdom.ru

одной продольной, вслѣдствіе чего на л. 42 пришлось начало наброска, а на л. 41 об. — его конецъ. Начало писано карандашемъ и читается такъ:

Таковъ онъ былъ
спокойное
(М) Мое (безпечное) незнанье
Строптивый (лукавый) демонъ
(Онъ размышленьемъ) возмущалъ
демонъ
И я (съ своимъ) его существованье
Съ (своимъ) невиннымъ сочеталъ
Я видѣлъ міръ его глазами
Не при... (*нрзб.*)
— онъ обѣщалъ
волненье
(Непостижимое стремленье)
(къ лукавому)
(Меня) (невольно) (увлекло) —
(обѣщалъ)
(Онъ) (Онъ) (Меня) (*нрзб.*) (Какъ) (Хо)
мнѣ все
(Ж) Желанье изтолкать[1] творенье
И разгадать добро и зло
И (*нзрб.*) стремленье

На л. 41 об. сначала написаны карандашемъ двѣ строчки, зачеркнутыя чернилами:

(Мое спокойное незнанье)
(Страстями демонъ возмущалъ)

тутъ же, сбоку, и опять карандашемъ, приписано:

Непостижимое (вол) стремленье
Меня къ лукавому влекло

---

[1] Описка вмѣсто: «изтолковать».

lib.pushkinskijdom.ru

(И я люб) (желалъ)
И разгадать добро и зло

далѣе опять двѣ строки написаны карандашемъ, но уже съ чернильными поправками:

онъ мое
И (я) (съ) существованнье
своимъ (невольно) навѣки соединилъ
Съ (моимъ) (навѣки сочеталъ)

затѣмъ чернилами:

(Природы вольной)
(моей) сть и
Души* безпечно(е) незнанье
нрзб.
(Строптивый) демонъ возмутилъ
Мою
(Мою) (задумчивую младость)
Я сталъ взирать его глазами
(Невольно все къ нему влекло)
Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ
(Мнѣ) (бѣдн) (открылась)
(Онъ мнѣ прочелъ) (дался) кладъ
неясными
Съ его словами
я душа а
Мо (и) (слова) звучал (и) въ ладъ
(увидѣвъ) въ зеркалѣ (я взоромъ яснымъ)
(Взглянувъ на) (міръ) (уже я вѣрилъ)
(Я понялъ) міръ — я (*нрзб.*) въ тишинѣ
(и изьяснитъ)
(Я)
(И усмѣхнулся) (изумился) —
(И) (И молвилъ) (въ тишинѣ)
(Ужели) (какъ онъ) (ужель)
(Ужели мнѣ казался онъ (мнѣ казаться могъ)

---

* Зачеркнуто и возстановлено

lib.pushkinskijdom.ru

Ужели онъ казался мнѣ
Столь величавымъ и пре[краснымъ]

Послѣдніе два стиха взяты, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, изъ наброска 1821 г.: „Ты правъ, мой другъ...“ (см. выше, стр. 104). См. также примѣчанія къ стихотворенію: „Свободы сѣятель пустынный“.

Въ тетради № 2369, л. 29 об., находится другой черновой набросокъ, повидимому, также имѣющій отношеніе къ *Демону:*

Мнѣ было грустно, тяжко больно,
меня*
Но одолѣвъ (мой умъ) въ борьбѣ
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ —
Я сталъ взирать его очами,
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ...

Наконецъ, въ той же тетради, л. 40 об., записаны еще стихи:

Мою (бунтующую) (довѣрчивую) задумчивую*
младость
(Онъ усыпилъ)
Онъ для мечтаній охладилъ —
Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ —
Я сталъ взирать его очами,
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ,
нрзб.
(Открылъ) я жизни бѣдной кладъ
(При немъ) (мнѣ было тяжко, больно)

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

(Къ себѣ какъ будто) (Какъ о себѣ)
прежнихъ
Въ замѣну (прошлыхъ) заблужденій
Въ замѣну вѣры и надеждъ
(Бедъ ропота, безъ сожалѣній)
(Имъ обреченныхъ для невѣждъ)
Для легкомысленныхъ невѣждъ.

Послѣдніе два наброска находятся среди черновыхъ I-й главы *Онѣгина* и по своему содержанію тѣсно связаны съ строфами XLV и XLVI-й этой главы, гдѣ поэтъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ героемъ романа и, между прочимъ, говоритъ:

Мнѣ нравились его черты —
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба,
Томила жизнь обоихъ насъ,
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ
. . . . . .
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его язвительному спору
И къ шуткѣ съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.

Такимъ образомъ, Демонъ какъ бы объединяется съ Онѣгинымъ. Съ другой стороны, начальные стихи печатной редакціи *Демона* находятъ себѣ параллельныя строки въ черновыхъ наброскахъ *Кавказскаго Плѣнника*, не попавшихъ въ свое время въ печать:

Я наслаждался — блескъ и шумъ
Плѣняли мой безпечный умъ,
Но сердце тайно тосковало... (томъ II, прим., стр. 426).
Въ тѣ дни, когда луга, дубравы,
Морей и бури вольный шумъ,
Дѣвичій голосъ, гимны славы
Еще плѣняли жадный умъ... (тамъ же, стр. 461).

lib.pushkinskijdom.ru

А этими набросками Пушкинъ воспользовался для характеристики Ленскаго въ VII-й строфѣ II-й главы *Онѣгина:*

Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.

Итакъ, если Демонъ является съ нѣкоторыми чертами Онѣгина, то самъ поэтъ, въ видѣ контраста, изобразилъ себя, до извѣстной степени, чертами Ленскаго. Анненковъ („Матеріалы", изд. 2-е, стр. 223) видѣлъ въ черновыхъ наброскахъ къ *Демону* „сознаніе Пушкина, что представляемый имъ идеалъ дѣйствовалъ болѣзненно на него самого", и замѣтилъ, что „въ жизни поэта вліяніе подобной личности могло быть только минутнымъ, скоропреходящимъ случаемъ". Для людей, близко знавшихъ Пушкина, имя этой личности не составляло загадки: въ лицѣ Демона они узнавали Александра Николаевича Раевскаго, старшаго сына знаменитаго генерала. Извѣстно, что Пушкинъ, встрѣтившійся съ Раевскими въ Екатеринославѣ и отправившійся вмѣстѣ съ ними на Кавказъ, во время этой поѣздки особенно близко сошелся съ своимъ тезкой, и „съ самаго начала возымѣлъ весьма высокое понятіе о качествахъ своего друга. Онъ прямо писалъ брату, что старшій сынъ Раевскаго будетъ болѣе, нежели извѣстенъ; а на словахъ... выражался еще рѣшительнѣе. При тогдашнемъ всеобщемъ ожиданіи политическихъ перемѣнъ во всѣхъ углахъ Европы, Пушкинъ говорилъ объ Александрѣ Николаевичѣ, какъ о человѣкѣ, которому предназначено, можетъ быть, управлять ходомъ весьма важныхъ событій. Друзья часто сиживали, какъ вспоминаетъ самъ поэтъ въ другой, позднѣйшей своей поѣздкѣ на югъ (Путешествіе въ Арзрумъ, 1829) на берегахъ Подкумка, въ виду величаваго Бешту, и долго бесѣдовали..." (Анненковъ, „Пушкинъ

lib.pushkinskijdom.ru

въ Александровскую эпоху", стр. 151—152). Между прочимъ, за А. Раевскимъ въ близкомъ его кругу установилось прозвище: „Мельмотъ",—можетъ быть, данное ему и Пушкинымъ, — по воображаемому сходству его съ героемъ извѣстнаго въ свое время романомъ Матюрэна: „Мельмотъ-Скиталецъ", который Пушкинъ признавалъ геніальнымъ произведеніемъ (см. примѣчаніе его къ XII-й строфѣ III-й главы *Онѣгина*). Въ черновыхъ отрывкахъ *Странствія Онѣгина* поэтъ говоритъ, что его герой наскучилъ „слыть Мельмотомъ" и замѣчаетъ, что „неловко

Среди людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Мельмотомъ, квакеромъ, масономъ,
Иль доморощеннымъ Байрономъ,
Иль даже *Демономъ* моимъ.

Въ этихъ стихахъ, написанныхъ нѣсколькими годами позднѣе *Демона*, слышится уже ироническое указаніе на то, что Онѣгинъ-Раевскій притворялся, „щеголялъ маской" того или иного „интереснаго" героя. На то же притворство указывается и въ разсказѣ Я. К. Грота („Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники", Спб. 1901, стр. 52), записанномъ со словъ Екатерины Николаевны Раевской-Орловой: „А. Раевскій, замѣтивъ свое вліяніе на Пушкина, вздумалъ подтрунить надъ нимъ и сталъ представлять изъ себя ничѣмъ не довольнаго, разочарованнаго, надъ всѣмъ глумящагося человѣка. Поэтъ поддался искусной мистификаціи и написалъ своего *Демона*. Раевскій долго оставлялъ его въ заблужденіи, но, наконецъ, признался въ своей шуткѣ, и послѣ они часто и много смѣялись, перечитывая вмѣстѣ это стихотвореніе, объ источникахъ и значеніи котораго такъ много было писано и истощено догадокъ". Въ натурѣ А. Раевскаго дѣйствительно была наклонность къ мистификаціи и „шуткѣ съ желчью пополамъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ были

lib.pushkinskijdom.ru

и черты непритворной душевной сухости. „Какъ онъ холоденъ“, говорилъ о немъ отецъ: „я ищу въ немъ проявленій любви, чувствительности, — и не нахожу ихъ... Я думаю, что онъ не вѣритъ въ любовь, такъ какъ самъ ея не испытываетъ и не старается ее внушить, Я дѣлаю для него все, когда только есть случай, но я скрываю чувство, которое побуждаетъ меня къ этому, потому что онъ равнодушно принимаетъ все, что бы я ни дѣлалъ для него... У него умъ наизнанку: онъ философствуетъ о вещахъ, которыхъ не понимаетъ, и такъ мудритъ, что всякій смыслъ испаряется... Онъ не разсуждаетъ, а споритъ, и рѣчь его полна сарказмовъ“ (М. О. Гершензонъ, „Семья декабристовъ“, *Былое* 1906, № XI, стр. 162 и слл.). Съ другой стороны, женихъ его сестры Маріи Николаевны, князь С. Г. Волконскій, писалъ Пушкину, 18 октября 1824 г.: „Неправильно вы сказали о Мельмотѣ, что онъ въ природѣ *ничего не благословлялъ*; прежде я былъ съ вами согласенъ, но по опыту знаю, что онъ имѣетъ чувства дружбы благородной и неизмѣнной обстоятельствами“ (Переписка, томъ I, стр. 138). Въ немъ, однако, преобладали настроенія холоднаго, разсудочнаго скептицизма, который не могъ не дѣйствовать рѣзко охлаждающимъ образомъ на пылкую, воспріимчивую душу юнаго поэта, подобно тому, какъ дѣйствовали на Ленскаго споры о всевозможныхъ предметахъ во время его уединенныхъ прогулокъ съ Онѣгинымъ. По словамъ Вигеля („Записки“, часть VI, стр. 171), для Раевскаго „поэзія было дѣло вовсе чуждое, равномѣрно и нѣжныя чувства, въ которыхъ видѣлъ онъ одно смѣшное сумасбродство“; въ этомъ отношеніи онъ представлялъ, слѣдовательно, полную противоположность Пушкину; но, можетъ быть, именно этою чертою ума Раевскаго и обусловливалось то „непостижимое стремленье“, которое влекло поэта къ „лукавому“ другу... Мы знаемъ, напримѣръ, о на-

lib.pushkinskijdom.ru

смѣшкахъ Раевскаго надъ романтическимъ изображеніемъ преувеличенныхъ страстей, надъ тѣми героями, которые „всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч.“, — знаемъ, что эти насмѣшки касались иногда и самого Пушкина, такъ какъ Раевскій „хохоталъ“ надъ нѣкоторыми стихами *Бахчисарайскаго Фонтана*, и поэтъ впослѣдствіи соглашался съ нимъ, говоря: „все это смѣшно, какъ мелодрама“. Нѣтъ сомнѣнія, что въ поэтическомъ зеркалѣ *Демона* отразилось и лично пережитое Пушкинымъ настроеніе, и нѣкоторыя особенности характера его друга; но, вѣдь, не этимъ однимъ исчерпывается содержаніе стихотворенія, гораздо болѣе глубокое. Между тѣмъ, Дельвигъ былъ совершенно правъ, когда писалъ поэту, что „толпа“ не пойметъ всей красоты Демона (Переписка, томъ I, стр. 131): тогдашняя публика прежде всего старалась отыскивать въ поэтическихъ произведеніяхъ личныя черты, и Пушкину уже не разъ приходилось слышать и даже читать въ печати свое отождествленіе, напримѣръ, съ *Кавказскимъ Плѣнникомъ*. Мнѣніе о томъ, что и *Демонъ* также списанъ съ живого и существующаго оригинала, было высказано не только въ близкой поэту средѣ, но и въ тогдашней критикѣ, — и Пушкинъ, недовольный такимъ узкимъ истолкованіемъ его мысли, собирался послать въ журналы, безъ подписи своего имени и какъ бы отъ посторонняго лица, замѣтку, которая, однако же, не попала въ печать и находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, лл. 58 об. и 59, въ слѣдующемъ видѣ:

(л. 58 об.)

(Многіе) (Многіе)
(Думаю что критикъ ошибся.) (Демонъ П)
(видѣли) многіе того же мнѣнія даже
(извѣстный) (въ демонѣ и лице истинное) иные (называ) указывали
лицо ое ть
на (того) котор(аго) (поэ) Пушкинъ будто бы хотѣлъ изобрази(лъ)

lib.pushkinskijdom.ru

(этомъ) своемъ
въ странномъ (свое) стихотвореніи (но) кажется они неправы
вижу въ демонѣ
по крайнѣй мѣрѣ (толкую) я цѣль иную, болѣе нравственную.
(Ничто такъ не убиваетъ)
(Поэтъ) (Не хотѣлъ ли поэтъ олицетворить *Сомнѣніе?* или
(Если)
Разладъ можетъ быть обоихъ вмѣстѣ)

Въ лучшее время жизни, (нѣжное) сердце (юноши) еще не
для (нѣжнаго)
охлажденное опытомъ, доступно (ко) (всему высокому и) прекра-
аго Оно легковѣрно и нѣжно
сн(ому). (Ему нужно вѣрить).

(л. 59).

(Но) мало по малу вѣчныя противурѣчія существенности, рождаютъ въ немъ сомнѣнія чувство мучительное, но непродолжительное. Оно изчезаетъ (и оно) уничтоживъ навсегда (всѣ)
(утѣшительныя заблужденія) надежды и поэтическіе
лучшіе предразсудки души, (оно уничтожается) Недаромъ великій Гете называетъ вѣчнаго врага человѣчества *духомъ отрицающимъ*. И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ демонѣ олицетворить
(имѣющій)
сей духъ *отрицанія или сомнѣнія?* (духъ) (коего пагубное вліяніе) и въ (приятной) *нрзб.* картинѣ (представить) (печальное вліяніе онаго на) на нравственность нашего вѣка? [1]

Л. И. Поливановъ, посвятившій разбору *Демона* особую статью „Демонъ Пушкина, на основаніи новаго пересмотра рукописей поэта“ (*Русскій Вѣстникъ* 1886, № 8, стр. 827—850), приходитъ къ заключенію, что это стихотвореніе примыкаетъ къ цѣлому циклу неоконченныхъ набросковъ, которые служатъ нитью, связующею *Кавказскаго Плѣнника* съ *Евгеніемъ Онѣгинымъ*, и занимаетъ на этомъ пути центральное мѣсто. Чувство разочарованія,

[1] Эта замѣтка напечатана, неточно, Анненковымъ, въ книгѣ: «Пушкинъ въ александровскую эпоху», стр. 152—153.

lib.pushkinskijdom.ru

такъ сильно подчеркнутое въ I-й пѣсни *Чайльдъ-Гарольда*, отразилось въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ*, въ которомъ поэтъ, по его собственнымъ словамъ, „хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка“ (Переписка, томъ I, стр. 36). Почти то же писалъ и Байронъ въ 1813 г., въ прибавленіи къ введенію *Чайльдъ-Гарольда:* „Я хотѣлъ показать, что ранняя испорченность характера и нравственности ведетъ къ пресыщенію прошедшими наслажденіями и къ разочарованію въ новыхъ“. Поливановъ старается прослѣдить „все теченіе скептическихъ идей, волновавшихъ въ теченіе двухъ лѣтъ слишкомъ душу поэта, слѣды коихъ засвидѣтельствованы его тетрадями съ февраля 1821 по іюнь 1823 г., — моментъ важный въ исторіи творчества Пушкина, не дающій права объяснять стихотвореніе „Демонъ“ слѣдствіемъ одного случая изъ его жизни“. Отмѣчая однородность настроенія, которымъ продиктованы Пушкину стихотворенія: „Ты правъ, мой другъ...“, „Сѣятель“, „Ты, сердцу непонятный мракъ“ и др., и указывая на связь набросковъ *Демона* съ соотвѣтствующими строфами I-й главы *Онѣгина*, Поливановъ приходитъ къ заключенію, что *Демонъ* „есть прекрасный эскизъ великаго художника, набросанный имъ при созданіи одной изъ знаменательныхъ картинъ своего романа, и именно въ тотъ моментъ его созданія, когда онъ окончательно опредѣлялъ фигуру героя... Наступилъ моментъ, когда Пушкину нужно было всмотрѣться въ лицо своего героя, въ его чудный взглядъ, презрительную насмѣшку, холодную неприступность... Поэтъ рѣшилъ, что, дабы не нарушить правды, его герой не долженъ быть лицомъ комическимъ. И на вогъ, отдѣльномъ полотнѣ онъ написалъ какое-то лицо; онъ довелъ искусительныя чары этого лица со всею послѣдовательностью до крайнихъ пре-

lib.pushkinskijdom.ru

дѣловъ, искренно холодѣя въ непонятной тоскѣ передъ этимъ порожденіемъ своего артистическаго каприза, — и вышелъ *Демонъ*. Потомъ онъ внесъ эту фигуру въ бытовую обстановку своего романа, гдѣ рисовалъ русскую дѣйствительность, и когда переодѣлъ ее въ соотвѣтствующій костюмъ, когда обточилъ ея красивые ногти и спрыснулъ ее духами, то увидѣлъ, что и черты лица того какъ будто преобразились; но чувство правдоподобія побудило руку его еще провести едва примѣтную черту ограниченности; онъ провелъ ее, — и вышелъ *Онѣгинъ*".

Профессоръ Н. П. Дашкевичъ („А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ" — въ научно-литературномъ сборникѣ: „Памяти Пушкина", составленномъ профессорами и преподавателями Императорскаго университета св. Владиміра, Кіевъ 1899, стр. 242) не соглашается съ этимъ выводомъ Поливанова, въ виду того, что „первыя появленія Демона", какъ видно изъ начальныхъ строкъ стихотворенія, восходили еще къ порѣ петербургскаго житья поэта, до перехода на югъ, — къ той порѣ, когда Пушкина еще не постигало разочарованіе въ грезахъ о свободѣ и славѣ. „Ясно, что въ образѣ Демона мы имѣемъ олицетвореніе мрачнаго раздумья, начавшаго посѣщать поэта уже съ послѣднихъ лѣтъ пребыванія въ Лицеѣ". Что касается литературныхъ воплощеній этого Демона, то ихъ можно искать и въ Вольтерѣ, и въ Байронѣ, — и, пожалуй, въ гетевскомъ Мефистофелѣ, съ которымъ Пушкинъ могъ быть знакомъ черезъ Кюхельбекера... Такимъ образомъ, мотивы, вызвавшіе появленіе *Демона* и въ немъ отразившіеся, оказываются весьма сложными, и стихотвореніе является слѣдствіемъ душевнаго процесса, отразившаго въ себѣ очень разнообразныя впечатлѣнія мысли и жизни.

При своемъ появленіи въ печати, *Демонъ*, по свидѣтельству Бѣлинскаго (Сочиненія, томъ VIII, стр. 396),

lib.pushkinskijdom.ru

„поразилъ всѣхъ изумленіемъ по глубокости высказанной въ немъ мысли и по совершенству художнической формы". Въ IV-й книжкѣ *Мнемозины* (стр. 35 и слл.) была напечатана статья кн. В. Ѳ. Одоевскаго: „Новый демонъ", въ которой, между прочимъ, говорится: „Съ какимъ сумрачнымъ наслажденіемъ читалъ я произведеніе, гдѣ поэтъ Россіи такъ живо олицетворилъ тѣ непонятныя чувствованія, которыя холодятъ нашу душу посреди восторговъ самыхъ пламенныхъ! Глубоко проникнулъ онъ въ сокровищницу сердца человѣческаго, изъ нея похитилъ ткани, неприкосновенныя для простолюдина, которыми облекъ онъ своего таинственнаго Демона. Но не только *внутри* существуетъ сей злобный геній: онъ находится и внѣ насъ; послѣдній не такъ опасенъ, какъ первый, но не менѣе мучителенъ..."

Жуковскій писалъ Пушкину 1 іюня 1824 г.: „Обнимаю тебя за твоего *Демона*. Къ черту черта! Вотъ пока твой девизъ. Ты созданъ попасть въ Боги — впередъ. Крылья у души есть! вышины она не побоится, тамъ настоящій ея элементъ. Дай свободу этимъ крыльямъ—и небо твое. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогрѣется надеждою на тебя. Прости, чертикъ, будь Ангеломъ" (Переписка, томъ I, стр. 113).

Изъ журналовъ того времени одинъ, московскій, хотѣлъ посвятить *Демону* особую статью, но не сдержалъ обѣщанія; другой, петербургскій, называя стихотвореніе геніальнымъ, искалъ его объясненія въ дѣйствительномъ существованіи подобнаго характера (Анненковъ, Матеріалы, изд. 2-е, стр. 88). Бѣлинскій, подыскивая Демону мѣсто въ послѣдовательной цѣпи литературныхъ явленій, видѣлъ въ немъ отраженіе того момента, когда „литература въ первый разъ еще начала быть выраженіемъ общества". „Это новое направленіе литературы", писалъ онъ въ

lib.pushkinskijdom.ru

Отечественныхъ Запискахъ 1841 года, — „вполнѣ отразилось въ дивномъ созданіи Пушкина. Это — демонъ сомнѣнія, это — духъ размышленія, рефлексіи, разрушающій всякую полноту жизни, отравляющій всякую радость. Странное дѣло: пробудилась жизнь, и съ нею объ руку пошло сомнѣніе — врагъ жизни! Демонъ Пушкина съ тѣхъ поръ остался у насъ вѣчнымъ гостемъ и съ злою, насмѣшливою улыбкою показывается то тутъ, то тамъ... Мало этого: онъ привелъ другого демона, еще болѣе страшнаго, болѣе неразгаданнаго, высказывавшагося въ стихотвореніи Лермонтова: *И скучно, и грустно...*“ (Сочиненія Бѣлинскаго, томъ IV, стр. 309). Три года спустя, въ своихъ статьяхъ 1844 г. о Пушкинѣ, Бѣлинскій находилъ *Демона* уже устарѣвшимъ. „Сказать ли? эта пьеса теперь пережила свою славу, и время изрекло надъ ней свой судъ. Есть что-то простодушно-юношеское въ ея выраженіи, и теперь нельзя безъ улыбки читать этихъ нѣкогда столь дивныхъ стиховъ. Самъ этотъ демонъ, который прекрасное звалъ мечтою, презиралъ вдохновенье, не вѣрилъ любви и свободѣ, насмѣшливо смотрѣлъ на жизнь, — самъ онъ теперь давно уже поступилъ въ разрядъ демоновъ средней руки; теперь совсѣмъ не нужно быть демономъ, чтобъ отъ души смѣяться надъ *тою* любовью, *тою* свободой, надъ которыми онъ смѣялся. Словомъ, этотъ страшный тогда демонъ теперь страшенъ развѣ только для слишкомъ юнаго чувства и неопытнаго ума; сердца возмужалыя и умы опытные теперь уже не страшатся и другого демона, пострашнѣе пушкинскаго...“ Въ позднѣйшей, XI-й, статьѣ о Пушкинѣ Бѣлинскій опять возвращается къ *Демону* для того, чтобы еще строже осудить его; „Этотъ демонъ былъ довольно мелкій изъ самыхъ нечиновныхъ. Онъ соблазнялъ однихъ юношей въ тѣ дни, когда имъ были новы всѣ впечатлѣнья бытія; поэтому ему легко было подшучивать надъ ними, и они

lib.pushkinskijdom.ru

со страхомъ смотрѣли на него... Знакомое съ демономъ другого поэта, наше время съ улыбкою смотритъ на пушкинскаго чертенка... Это—просто-на-просто острякъ прошлаго столѣтія, котораго скептицизмъ наводитъ теперь не разочарованіе, а зѣвоту и хорошій сонъ". Въ этомъ отзывѣ критикъ воспользовался пушкинскимъ *Демономъ* только для того, чтобы развить свой взглядъ на роль и значеніе „отрицанія", какъ могучаго двигателя прогресса, „вѣчнаго обновленія, вѣчнаго возрожденія", — и мимоходомъ упрекнулъ Пушкина въ излишней заботливости о „родословныхъ", т. е. въ историческомъ консерватизмѣ. Очевидно, въ словахъ критики дѣло идетъ не о литературной оцѣнкѣ поэтическаго произведенія, а объ явленіяхъ совсѣмъ иного порядка.

Анненковъ (Матеріалы, изд. 2-е, стр. 88—89) находилъ особенно замѣчательнымъ то обстоятельство, что Пушкинъ „истощилъ всю идею въ одномъ произведеніи и болѣе къ ней уже не возвращался, не смотря на общія похвалы. Такъ изъ произведенія относительно превосходнаго вышелъ онъ не въ подчиненности къ нему, а напротивъ — съ другимъ и болѣе обширнымъ взглядомъ на міръ; процессъ, безпрестанно повторяющійся и оправдывающій мнѣніе тѣхъ людей, которые поэзію Пушкина считаютъ по преимуществу существенною, реальною, приносящею съ собою бодрость для духа и свѣжесть для мысли". Послѣдній отголосокъ идеи, породившей *Демона*, Анненковъ видѣлъ въ стихотвореніи 1827 г. *Ангелъ;* „но здѣсь уже представленіе смягчается подъ дѣйствіемъ жизни и, можетъ быть, личнаго опыта".

lib.pushkinskijdom.ru

V.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ.

(Стр. 189).

Печатается по изданію 1829 г., часть I, стр. 180—181.

Сообщено Пушкинымъ кн. Вяземскому въ письмѣ отъ 29 ноября 1824 г., съ помѣтой: „1823“ и съ варіантомъ въ послѣднемъ стихѣ 2-й строфы: „Кричимъ: *валяй*, ...!“ Выписавъ стихотвореніе, Пушкинъ прибавилъ: „Можно напечатать, пропустивъ русскій титулъ“ (Переписка, томъ I, стр. 151 — 152). Вяземскій, дѣйствительно, напечаталъ стихотвореніе въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1825, часть V, № 1, стр. 49, исправивъ 2-ю строфу, какъ показано въ подстрочныхъ выноскахъ на стр. 189.

Въ журналѣ стихотвореніе озаглавлено: „Телѣга жизни“, въ изданіи 1826 г. — „Тѣлега жизни“, а въ изданіи 1829 г. — „Телега жизни“.

Образъ Времени-возницы встрѣчаемъ у Пушкина еще въ лицейскомъ посланіи къ Пущину (см. томъ I, изд. 2-е, стр. 122):

Пускай старикъ крылатый
Летитъ на почтовыхъ!

Телегѣ подражалъ Баратынскій въ своемъ стихотвореніи: „Прогоны жизни“:

Въ дорогу жизни снаряжая
Своихъ сыновъ, безумцевъ, насъ,
Сновъ золотыхъ судьба благая
Даетъ извѣстный намъ запасъ.
Насъ быстро годы почтовые
Съ корчмы довозятъ до корчмы,
И снами тѣми роковые
Прогоны жизни платимъ мы.

Бѣлинскій относилъ *Телегу* къ „переходнымъ“ пьесамъ Пушкина, считая лучшими изъ нихъ тѣ, въ которыхъ

lib.pushkinskijdom.ru

„болѣе или менѣе проглядываетъ чувство грусти". Л. И. Поливановъ (Сочиненія Пушкина, М. 1887, т. I) обращаетъ вниманіе на „простоту избранной поэтомъ аллегоріи и народнаго языка" пьесы. „Избранная Пушкинымъ форма какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ безстрастному взгляду, брошенному здѣсь поэтомъ на предметъ, служащій темою стихотворенія. Намѣренная грубость аллегоріи сообщаетъ стихотворенію характеръ глубокой иронiи, обнажающей жизнь отъ всякой иллюзіи; такая иронія не чужда русскому народному воззрѣнію".

VI.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ.

(Стр. 190).

Печатается по изданію 1859 г., томъ I, стр. 282, гдѣ воспроизведенъ текстъ, вырѣзанный на памятникѣ въ Александроневской Лаврѣ.

Впервые напечатано въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858, томъ I, № 16, стр. 496, по сообщенію брата умершаго младенца, князя Н. Н. Голицына, съ отличіями отъ текста памятника, которыя здѣсь не приводятся, какъ не имѣющія документальнаго основанія.

Князь Александръ Голицынъ, сынъ князя Николая Борисовича и княгини Елены Александровны, рожденной княжны Салтыковой, родился 15 марта 1822 г., а скончался 24 іюля 1823 г. (по показанію кн. Н. Н. Голицына— род. 22 апрѣля 1822, ум. 18 мая 1823). Принадлежность настоящей надписи Пушкину утверждается только свидѣтельствомъ князя Н. Н. Голицына, который, однако, вовсе не внесъ имени младенца Александра Николаевича въ свои „Матеріалы для полной родословной росписи князей

lib.pushkinskijdom.ru

Голицыныхъ“ (корректурное изданіе, Кіевъ 1880). Нѣтъ этого имени также и въ „Родословной книгѣ“ князя Долгорукова.

VII.

ЖАЛОБА.

(Стр. 191).

Печатается по рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, л. 22 об. — Впервые напечатано въ Посмертномъ изданіи, томъ IX, стр. 151, съ искаженіемъ стиховъ 4 и 5-го:

. . . . . не вы одинъ
Потомокъ предковъ благородныхъ.

Въ рукописи эпиграмма имѣетъ слѣдующій видъ:

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ
модный
А вы вы (знатный) господинъ
Таковъ объ васъ народный говоръ
И дива нѣтъ — не вы одинъ —
ку
Потом(окъ) предковъ благородныхъ
Увы (за то) никто
(Я бѣденъ и) въ моей роднѣ
даромъ
(Никто) не шьетъ мнѣ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

Прежними издателями эпиграмма относилась къ 1822 году; но она написана вслѣдъ за окончаніемъ I-й главы *Онѣгина*, помѣченной: „Octobre 22 1823 Одесса“, и потому должна быть пріурочена къ 1823 г. Что касается лица, къ которому она относится, то въ берлинскомъ

lib.pushkinskijdom.ru

изданіи запрещенныхъ стихотвореній Пушкина (Н. В. Гербеля), по неизвѣстнымъ намъ основаніямъ, она напечатана съ заглавіемъ: „Къ Сѣверину“ и съ варіантами:

Стихъ 2-й: А вы, вы — *знатный* господинъ
„ 4-й: *Высокородный Сѣверинъ*.

Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ (1791 — 1865), товарищъ князя П. А. Вяземскаго по іезуитскому пансіону (Сочиненія кн. Вяземскаго, томъ I, стр. XVI — XVIII) и Пушкина — по Арзамасу (гдѣ онъ носилъ прозвище *Рѣзваго Кота*), — сынъ воспитанницы баронессы А. С. Строгоновой, Анны Григорьевны Брагиной, близкой знакомой И. И. Дмитріева, вышедшей за сослуживца послѣдняго, гвардейскаго капитана П. И. Сѣверина (впослѣдствіи — витебскаго губернатора и затѣмъ сенатора). Въ 1807 г. Сѣверинъ поступилъ на службу въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а въ 1809 г. перешелъ подъ начальство Дмитріева въ министерство юстиціи; потомъ опять служилъ въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи и посланникомъ въ Баваріи. Пушкинъ встрѣтился съ нимъ въ Одессѣ, но между ними произошло какое-то недоразумѣніе: „Здѣсь Сѣверинъ, но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь“, писалъ поэтъ Вяземскому 14 октября 1823 г. (Переписка, томъ I, стр. 78). Около того же времени (25 сентября 1823) А. И. Тургеневъ писалъ кн. Вяземскому, что Пушкинъ „былъ въ Одессѣ у Сѣверина, который сказалъ, чтобы онъ не ходилъ къ нему, обошелся съ нимъ мерзко, и африканецъ едва не поколотилъ его“ (*Остафьевскій Архивъ*, томъ II, стр. 352). Эти факты даютъ основаніе предполагать, что эпиграмма дѣйствительно относится къ Сѣверину, причемъ первый ея стихъ, можетъ быть, заключаетъ въ себѣ намекъ на далеко не знатное происхожденіе матери „моднаго господина“. Забытая Пушкинымъ въ

lib.pushkinskijdom.ru

черновыхъ тетрадяхъ, эта эпиграмма любопытна въ особенности потому, что въ ней какъ бы сказалась первая мысль *Моей Родословной*.

VIII.

НОЧЬ.

(Стр. 192).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 25, безъ заглавія и съ помѣтой: „Одесса 26 октября 1823 года“, и въ рукописи графа П. И. Капниста, съ заглавіемъ: „Ночь“. — Напечатано въ изданіяхъ 1826 (стр. 131) и 1829 (часть I, стр. 182). Текстъ вездѣ одинаковъ.

Въ изданіи 1826 г. стихотвореніе было помѣщено въ отдѣлѣ: „Подражанія древнимъ“. Бѣлинскій (Сочиненія, изданіе Венгерова, томъ VI, стр. 266) упоминаетъ его въ числѣ антологическихъ стихотвореній, отличительными признаками которыхъ являются „простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простота и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація въ формѣ. Тутъ обыкновенно, въ краткой рѣчи, молніеносномъ и неожиданномъ оборотѣ, въ простыхъ и немногосложныхъ образахъ, схватывается одно изъ тѣхъ ощущеній сердца, одна изъ тѣхъ картинъ жизни, для которыхъ нѣтъ слова на вседневномъ языкѣ человѣческомъ и которыя находятъ себѣ выраженіе только на языкѣ боговъ, — въ поэзіи“.

С. Н. Южаковъ („Любовь и счастье въ произведеніяхъ Пушкина“, Одесса 1895, стр. 54) безъ всякихъ основаній связываетъ эту пьесу съ именемъ Амаліи Ризничъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

IX.

ВИГЕЛЮ.

(Стр. 193).

Этими стихами начиналось письмо Пушкина къ Ф. Ф. Вигелю, писанное изъ Одессы, вѣроятно, въ ноябрѣ 1823 г. Въ настоящемъ томѣ стихи печатаются по копіи П. В. Анненкова, находящейся въ майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ (*Пушкинъ и его современники,* выпускъ IV, стр. 37, № 5), а черновикъ письма, гдѣ стихи имѣютъ нѣсколько иную редакцію, находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, лл. 23 — 24, и помѣщенъ въ I-мъ томѣ Переписки, стр. 80 — 82. — Впервые въ печати стихи явились въ *Русскомъ Архивѣ* 1863, ст. 384, съ замѣчаніемъ, что были записаны несовсѣмъ вѣрно, „по преданіямъ“ кишиневскихъ жителей; дополненіе къ нимъ было дано въ *Русскомъ Архивѣ* 1876, книга III, стр. 234; затѣмъ они были напечатаны, по музейной рукописи, но несовсѣмъ точно, В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 558 — 559.

О Вигелѣ и его отношеніяхъ къ Пушкину см. примѣчанія къ Перепискѣ.

X.

СВОБОДЫ СѢЯТЕЛЬ ПУСТЫННЫЙ.

(Стр. 195).

Печатается по тексту, сообщенному Пушкинымъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 1 декабря 1823 г. (Переписка, томъ I, стр. 91). Находится въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея №№ 2366, л. 41, 2367, л. 25 об., и 2369, л. 25; въ послѣдней — черновикъ упомянутаго

lib.pushkinskijdom.ru

письма, съ тѣмъ же текстомъ стихотворенія; въ № 2367 — тотъ же текстъ, перебѣленный, съ варіантами:

Стихъ 2-й: Я вышелъ *утромъ,* до звѣзды
„ 6-й: Но *погубилъ* я только время
„ 10-й: *Васъ* должно рѣзать или стричь

но и здѣсь три указанныя слова исправлены, какъ въ печатномъ. Еще одинъ автографъ стихотворенія, пожертвованный И. Ѳ. Золотаревымъ въ Пушкинскій Музей Императорскаго Александровскаго Лицея, отличается отъ прочихъ лишнимъ стихомъ послѣ ст. 8-го:

Васъ не пробудитъ чести кличь.

Первоначальный текстъ послѣднихъ строкъ стихотворенія, набросанный на л. 41 рукописи № 2366, находится въ тѣсной связи съ отрывкомъ, отчасти повторенным изъ болѣе ранняго стихотворенія: „Ты правъ, мой другъ...“ (см. выше стр. 104 — 105). Вотъ по возможности точная транскрипція этой страницы:

мудрые
(Паситесь) Вы правы—(конечно)
(Что жъ) (къ)
Наслѣдство ихъ изъ рода (Чего жъ) Чего мечтатель молодой
въ роды Ты въ немъ искалъ, къ чему стремился
Ярмо съ гремушками да Кого восторж
бичь боготворить не устыдился (Къ чему)
(Ужель стадамъ) (Къ чему) стадамъ
(Ихъ) наслѣдст (Къ чему) (людямъ)
(Стадамъ не надобно свободы)
Ярмо съ гремошк *(такъ!)* (И взоръ я бросилъ) на людей
(ревнивыхъ) надменныхъ
(Какое средство) (кличь) Увидѣлъ ихъ (холодныхъ) низкихъ
(Ихъ должно рѣзать или стричь)
вѣтреныхъ судей
(стричь) Жестокихъ (подкупныхъ) (судей)
(Ихъ на) (Ужели н...) Глупцовъ всегда злодѣйству близкихъ

lib.pushkinskijdom.ru

мирные
боязливой Паситесь, народы
(стадо) Спасенье, (зачѣмъ) Предъ ихъ (ничтожною) толпой
Стадамъ не нуженъ даръ свободы
истины
(рѣзать или) (любовь) (Смѣшонъ гласъ правды) благой
строптивой
(трезвый) (Жестокой, вѣтреной, холодной)
(Ничто) (глухой)
(Спасенью) средство (на) (Толпѣ подкупленной, тупой)
(Ничтоженъ)
(ихъ) (нрзб.) (къ чему и) (Смѣшонъ) (напрасенъ) опытъ вѣковой
(На) (къ чему имъ Напрасенъ
вольный) кличь свободы
(Что) (къ чему)

Начальные стихи этого наброска сближаютъ его съ черновиками *Демона:* и здѣсь, какъ тамъ, звучитъ мотивъ разочарованія, сначала въ личности „отрицателя“ („чего ты въ *немъ* искалъ...“), потомъ — въ человѣческомъ „стадѣ“ вообще. Въ наброскахъ 1821 г. „Ты правъ, мой другъ...“ то же разочарованіе относится не къ „толпѣ“, а къ ея избранникамъ („что жъ я въ избранныхъ увидѣлъ?“...) Этотъ послѣдній мотивъ повторяется также въ строкахъ, набросанныхъ карандашемъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ приведеннымъ отрывкомъ, на оборотѣ листа 40-го рукописи № 2366:

Бывало въ сладкомъ ослѣпленьи
Я вѣрилъ избр[аннымъ] душамъ
(Я думалъ) (нрзб.) рожденье
(Я мнилъ) ихъ тай[ное] (явленье)
нрзб.
(Угодно) Угодно (нрзб.) небесамъ
(Я мнилъ) (Я думалъ) (ихъ укажетъ намъ)
(Я слушалъ) мнѣнье
(Народ) (ихъ укажетъ намъ)
(Самовластительное мнѣнье)

lib.pushkinskijdom.ru

(Народ(а) ное святое мнѣнье)
На нихъ указывало мнѣнье
(И я)
И я* приближился* (тогда)
(И) Едва приближился я къ нимъ

Такъ точно и Ленскій вѣрилъ
избраннымъ судьбами
Мужамъ, которыхъ тайный даръ —
И сердца неподдѣльный жаръ,
И геній власти надъ умами
Добру людей посвящены
И славѣ доблестью равны (Рум. Муз. № 2369, л. 26),

и думалъ,

Что ихъ безсмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь насъ озаритъ
И міръ блаженствомъ одаритъ (*Онѣгинъ*, гл. II, строфа VIII).

Но Ленскій не успѣлъ присмотрѣться ближе къ людямъ вообще и къ „избраннымъ“ въ частности, между тѣмъ какъ на долю нашего поэта выпала большая горечь житейскаго опыта, отравившая его свѣтлыя юношескія мечты. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ имѣлъ причины жаловаться на измѣны въ любви и дружбѣ; въ отношеніяхъ общественныхъ ему не разъ приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ минутныя горячія вспышки смѣнялись апатіей, застоемъ и мрачной реакціей — повсюду въ Европѣ, а особенно у насъ, въ послѣдніе годы александровскаго царствованія... Все это не могло не поколебать его вѣры и въ людей, и въ собственное призваніе трибуна. Это угнетенное состояніе духа и отразилось въ *Сѣятелѣ:* „Это — мой послѣдній либеральный бредъ“, писалъ поэтъ А. И. Тургеневу, сообщая ему лучшія строфы своего *Наполеона* и замѣчая, что заключительныя строки оды 1821 г. „нынѣ не имѣютъ смысла“: „на дняхъ я за-

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

каялся и, смотря и на западъ Эвропы, и вокругъ себя, обратился къ эвангельскому источнику, произнесъ сію притчу въ подражаніе баснѣ Іисусовой“ (Переписка, томъ I, стр. 91). „Было бы, однако, крайне ошибочно, какъ многіе, видѣть въ этой пьесѣ отреченіе отъ свободы“, замѣчаетъ Б. В. Никольскій („Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина“, Спб. 1899, стр. 44). „Ничуть не бывало. Ни отъ свободы закрѣпощеннаго народа, ни отъ своей личной свободы Пушкинъ никогда, до послѣдняго своего дыханія, не отрекался; но мысль о трибунствѣ онъ дѣйствительно оставилъ, глубоко проникнувъ въ природу трибунства... и убѣдясь во всеобщей незыблемости европейской реакціи.“ Ср. дальше, набросокъ: „Недвижный стражъ дремалъ...“

Академикъ Н. А. Котляревскій („Литературныя направленія александровской эпохи“, Спб. 1907, стр. 88) находитъ, что смыслъ стихотворенія „несовсѣмъ ясенъ: раздраженъ ли поэтъ противъ народа или противъ власти, которая держитъ народъ въ такомъ звѣриномъ состояніи? Придавалъ ли художникъ своимъ словамъ тѣсный политическій смыслъ или вообще писалъ скорбное стихотвореніе, въ которомъ оплакивалъ паденіе человѣка? Себя ли онъ разумѣлъ подъ словами „сѣятель свободы“, да и вообще — о какихъ народахъ идетъ рѣчь, о народѣ въ собирательномъ смыслѣ, или о народѣ русскомъ? Вѣроятнѣе всего, что это стихотвореніе есть отвѣтъ на начинавшую тревожить поэта мысль о томъ, что всякій народъ заслуживаетъ то правительство, которое имъ правитъ, — мысль, которая въ двадцатыхъ годахъ, въ эпоху реакціи, часто повторялась публицистами на Западѣ“.

„Сѣятель“ впервые былъ напечатанъ въ *Полярной Звѣздѣ* Герцена, Лондонъ 1856, книга II, стр. 116; затѣмъ явился въ лондонской же *Русской Библіотекѣ* 1858, часть I,

lib.pushkinskijdom.ru

стр. 33 и въ изданномъ Н. В. Гербелемъ („Русскій“) въ Берлинѣ въ 1861 г. собраніи запрещенныхъ стихотвореній Пушкина (стр. 51 и 224). Въ Россіи стихотвореніе въ первый разъ появилось въ *Русскомъ Архивѣ* 1866, стт. 655 — 656, въ письмѣ Пушкина къ Тургеневу, затѣмъ вошло въ изданіе 1880 г., томъ I, стр. 441 — 442 и (съ исправленіемъ по Золотаревскому автографу) въ изданіе 1882 г., томъ I, стр. 408.

XI.

ВЕНЕРѢ, ѲЕБУ И ѲЕМИДѢ.

(Стр. 196).

Впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 566, по рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, л. 35 об. Первое слово четверостишія исправлено, но поправка не поддается прочтенію. Стихи эти находятся среди черновыхъ строфъ II-й главы *Онѣгина*, но, повидимому, ничего общаго съ ними не имѣютъ.

XII.

НЕДВИЖНЫЙ СТРАЖЪ ДРЕМАЛЪ.

(Стр. 197).

Печатается по бѣловому съ поправками автографу, находящемуся въ майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ („Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 5, № 14).

Черновой набросокъ первыхъ двухъ строфъ находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, л. 41 об., на одномъ листѣ въ черновикомъ письма къ кн. П. А. Вязем-

lib.pushkinskijdom.ru

скому, написаннаго между 4-мъ и 11-мъ ноября 1823 г. На л. 42-мъ той же рукописи написанъ одинъ стихъ изъ 4-й строфы:

Но вновь свободою Гишпанія кипѣла

Въ печати явился сперва только отрывокъ, начиная со словъ: „И нѣкій духъ...“ и до конца, но съ пропусками, — въ *Современникѣ* 1857, № 11 („Библіографическія записки“ М. Н. Лонгинова, стр. 15 — 16) и въ дополнительномъ, VII-мъ, томѣ изданія Анненкова 1857, стр. 108 — 109, а затѣмъ въ изданіи 1859 г., томъ I, стр. 255 — 256. Въ полномъ видѣ стихотвореніе напечатано въ *Полярной Звѣздѣ* на 1859 годъ, книга 5-я, стр. 21 — 22 и въ берлинскомъ изданіи Н. В. Гербеля, 1861 г., стр. 22 — 25 и 149 — 150, а затѣмъ — въ *Русскомъ Архивѣ* 1876, книга III-я, стр. 232 — 234 и въ изданіи 1880 г., томъ I, стр. 442 — 444.

Музейная рукопись № 2369 представляетъ слѣдующіе варіанты:

Строфа 1-я, стихъ 1-й:

Какъ (вѣрный) стражъ...

„ „ стихъ 3-й:

Во мракѣ бодрствовалъ...

„ „ стихъ 4-й:

..... *(сокрытые)* лежали

„ „ стихъ 5-й:

(И ..... ожидали)

„ „ стихъ 6-й:

И *свѣту жесткую* неволю...

Строфа 2-я, стихъ 1-й:

И дѣлу своему *Властитель* улыбался

lib.pushkinskijdom.ru

Строфа 2-я, стихи 3 и 4-й:

От Вислы от Тибра до Невы
От замка Грузина до башенъ Гибралтара

Въ академической рукописи находятся слѣдующіе *первоначальные* варіанты:

Строфа 5-я, стихъ 4-й:...

О, *робкіе* витіи

Строфа 6-я, стт. 3 — 5-й:

Владыку сѣвера *холодный страхъ* объялъ,
Онъ въ оживленный тронъ вперилъ *недвижно*
очи —
Раздался *гласъ* полночи

Строфа 7-я, стихъ 1-й:

То былъ сей чудный мужъ, *сей витязь* провидѣнья

„ „ стихъ 3-й:

Сей всадникъ, передъ кѣмъ *унизились* цари

Строфа 8-я, стт. 3 — 6-й:

Ни *пламень гаснущій* нахмуренныхъ очей
Не обличали въ немъ изгнаннаго *тирана*,
Въ темницѣ Океана
Судьбой казненнаго, *во мщеніе* царей.

Строфа 10-я, стихъ 6-й:

Предъ *юношей* Царемъ...

Стихотвореніе, оставшееся совершенно неотдѣланнымъ и неконченнымъ, является плодомъ того же настроенія, какимъ былъ вызванъ „Сѣятель“, — той же „оглядки“ на западъ Европы и вокругъ себя, о которой говоритъ Пушкинъ въ письмѣ къ Тургеневу. По размѣру оно подходитъ къ *Воспоминаніямъ въ Царскомъ Селѣ* 1814 г. (см. томъ I, стр. 77 — 82), а стихъ: „Сей Царь, исчезнувшій

lib.pushkinskijdom.ru

какъ сонъ, какъ тѣнь зари“ представляетъ перифразъ стиховъ изъ названной пьесы:

Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный *сонъ!*

Тотъ же образъ, въ измѣненной формѣ, повторенъ впослѣдствіи въ стихотвореніи 1830 г. „Герой“ и въ сохранившемся отрывкѣ изъ X-й главы *Евгенія Онѣгина* („Пушкинъ и его современники“, выпускъ XIII, стр. 4):

Сей всадникъ, Папою вѣнчанный,
Изчезнувшій какъ тѣнь зари,
Сей мужъ судьбы, сей странникъ бранный,
Предъ кѣмъ унизились Цари.

Въ томъ же отрывкѣ находятся строки, близкія по содержанію къ настоящему наброску:

Тряслися грозно Пиринеи,
Волканъ Неаполя пылалъ...
.....
„Я всѣхъ уйму съ моимъ народомъ“,
Нашъ Царь въ покоѣ говорилъ
.....
Измученъ казнію покоя.

Послѣдній стихъ повторенъ также и въ *Геров.*

Мысль о Наполеонѣ въ эту пору часто занимала Пушкина. Въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, лл. 6 об. и 7, среди записей 1824 г., находится неразборчивый набросокъ, рисующій революцію 1789 г. и появленіе Наполеона. Набросокъ этотъ начинается на л. 7-мъ, а на лѣвой сторонѣ рукописи, т. е. на оборотѣ л. 6-го, находятся дополнительные къ нему стихи. Мы читаемъ его такъ (ср. *Русскую Старину* 1884, томъ 43, стр. 3 и „Матеріалы“ Л. Н. Майкова, стр. 119):

lib.pushkinskijdom.ru

послалъ
(л. 7). За чемъ ты посланъ былъ и кто тебя (послалъ)
Чего добра иль зла ты (чудный былъ) свершитель
(Земли чудесный посѣтитель)
(И к) (Куда) (явился ты) (рождая иль губя)
(Неизъяснимый) (Такъ былъ ты)
(Чего ты былъ таинственный свершитель)
За чемъ потухъ (умъ)
За чемъ (куда) (привелъ)
(Склонялись) Склонялись дряхлые прест[олы]
(Дряхлѣли) Дрожали (троны,) алтари
Надъ ними (Свободы) (буря) (туча подымалась)
собиралась
тревожились
Вѣщали (мудрецы) книжники, (смирялися) Пари
Толпа свободой волналась — (такъ!)
(Родился ты)
(л. 6 об). вѣщали книжн. тревожились
(Семья народовъ)
Толпа* предъ ними волнов[алась]
Разоблаченные пустѣли алтари
Свободы буря подымал[ась]
И вдругъ нагрянула...
Свободы тѣнь а
(Столпы) упал(и) въ прахъ и въ кровь
(Народовъ) разбились ветхія скрижали
мужъ (меча) рабы земныхъ судебъ
Явился (человѣкъ) (и все) рабы воспряли вновь
Мечи (оковы) зазвучали
И гордо.... прошелъ
И пор(?) сердца застыли
развратъ —
За злато продалъ брата братъ

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

въ отчаяніе
Отечество (рабы) забыли
Рекли безумно
(Цари сказали) нѣтъ свободы
имъ повѣрили
И (поклонились имъ) народы
(И безгранично, въ ихъ)
Добро и зло все стало тѣнью
(Созданье)
(Они лгали просвѣщенью)
(И кромѣ власти)
(Все было предано презрѣнью)
(сбоку): Все было предано презрѣнью
И всемогущимъ пал[ачамъ?]
дольній
Все было предано какъ вѣтру (преданъ) прахъ
(И царствовалъ развратъ)
Казалось измѣнилъ

На листѣ 8-мъ той же тетради Пушкинъ записалъ по памяти нѣсколько строфъ о Наполеонѣ изъ пьесы Жуковскаго: „Стихи, пѣтые на празднествѣ англійскаго посла“ (см. выше, примѣчанія къ *Наполеону*, стр. 131—132). Изъ письма поэта къ брату отъ февраля 1825 г. видно, что онъ въ то время съ большимъ интересомъ читалъ записки Наполеона и сочиненія о немъ (Переписка, томъ I, стр. 178—179). Еще раньше, въ 1824 г., онъ познакомился съ стихотвореніемъ Ламартина „Къ Наполеону“, которое ему понравилось (тамъ же, стр. 123) и, можетъ быть, отчасти отразилось въ настоящемъ наброскѣ (ср. отрывокъ, приведенный выше, на стр. 137—138).

Впослѣдствіи, въ 1830 году, Пушкинъ еще разъ вернулся къ той же темѣ, попытавшись дать, въ уничтоженной имъ X-й главѣ *Онѣгина*, характеристику общаго политическаго положенія въ послѣдніе годы царствованія Александра I, въ связи съ развитіемъ въ русскомъ обще-

lib.pushkinskijdom.ru

ствѣ тѣхъ идей, которыя привели къ 14-му декабря 1825 г. („Пушкинъ и его современники", выпускъ XIII, стр. 1 — 12). Настроеніе, отразившееся въ отрывкѣ: „Недвижный стражъ...", было въ ту пору общимъ для того либеральнаго круга, въ которомъ вращался Пушкинъ и къ которому принадлежали, какъ извѣстно, и нѣкоторые будущіе декабристы. Впослѣдствіи яркимъ истолкователемъ этого рода мыслей явился П. Г. Каховскій въ своемъ обращеніи къ новому Императору (*Былое* 1906, январь, стр. 148 — 152): „Владычество Наполеона, война 1813 и 1814 годовъ, въ которую соединились всѣ народы Европы, призванные монархами, воспламененные воззваніемъ къ свободѣ и гражданскому бытію... Свободу проповѣдывали намъ и манифесты, и воззванія, и приказы! Насъ манили — и мы, добрые сердцемъ, повѣрили, не щадили ни крови своей, ни имуществъ. Наполеонъ низринутъ! Бурбоны, призванные на престолъ Франціи, покоряясь обстоятельствамъ, дали конституцію народу храброму, великодушному, и присягнули ему забыть все прошлое. Монархи соединились въ Священный Союзъ; составились конгрессы, возвѣстили народамъ, что они съѣзжаются для совѣщанія о уравновѣшеніи классовъ и водворенія политической свободы. Но скоро цѣль конгрессовъ открылась; скоро увидѣли народы, сколь много они обмануты. Монархи лишь думали о удержаніи власти неограниченной, о поддержаніи расшатавшихся троновъ своихъ, о погубленіи и послѣдней искры свободы и просвѣщенія. Оскорбленные народы потребовали обѣщаннаго, имъ принадлежащаго, — и цѣпи и темницы стали ихъ достояніемъ!... Тюрьмы Пьемонта, Сардиніи, Неаполя, вообще всей Италіи, Германіи наполнились окованными гражданами. И судьба народовъ стала столь тягостной, что они пожалѣли время прошлое и благословляютъ память завоевателя Наполеона! Вотъ случаи, въ которыхъ

lib.pushkinskijdom.ru

образовались умы и познали, что съ царями народамъ дѣлать договоръ невозможно... Мы, русскіе, внутри своего государства кичимся, величая себя спасителями Европы: иноземцы не такъ видятъ насъ; они видятъ, что силы наши есть резервъ деспотизма Священнаго Союза... Гдѣ же, кого спасли мы, кому принесли пользу? За что кровь наша упитала поля Европы? Можетъ быть, мы принесли пользу самовластію, но не благу народному... Нѣкоторое время Императоръ Александръ казался народамъ Европы ихъ миротворцемъ и благодѣтелемъ; но дѣйствія открыли намѣренія, и очарованіе исчезло! Сняты золотыя цѣпи, увитыя лаврами, и тяжкія, ржавыя, желѣзныя давятъ человѣчество... Нѣкая тишина лежитъ теперь на пространствѣ твердой земли просвѣщенной Европы; но кто знаетъ, чему она предвозвѣстница? Не гремитъ оружіе, но умы дѣйствуютъ!..."

Стихотвореніе Пушкина осталось далеко незаконченнымъ отрывкомъ, и мы не знаемъ, какую рѣчь вложилъ бы поэтъ въ уста грозной тѣни Наполеона; но, во всякомъ случаѣ, смыслъ этой рѣчи едва ли могъ быть особенно далекъ отъ приведенныхъ разсужденій пылкаго наблюдателя современныхъ событій.

XIII.

КНЯГИНѢ ГОЛИЦЫНОЙ.

(Стр. 200).

Подъ заглавіемъ: „К. М. А. Г." находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, л. 44 об. — Напечатано въ альманахѣ Вал. Олина: „Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1830 годъ", стр. 30 — 31, подъ заглавіемъ: „Княгинѣ Голицыной

lib.pushkinskijdom.ru

урожденной Суворовой". При жизни Пушкина не перепечатывалось, а затѣмъ вошло въ Посмертное изданіе томъ IX, стр. 156, подъ заглавіемъ: „М. А. Г."

Музейная рукопись представляетъ перебѣленный текстъ, съ немногими поправками. Приводимъ замѣненныя ими первоначальныя чтенія:

Стихъ 5-й:

Твержу я стихъ...

Стихъ 9-й:

Но
Вновь лирѣ слезъ и *хладной* (мертвой) скуки*

Стт. 13, 14-й:

Умолкну въ гордости моей,
Но мыслить буду...

Въ Посмертномъ изданіи ст. 9-й читается, какъ въ рукописи:

Вновь лирѣ слезъ и *хладной скуки.*

Княгиня Марія Аркадьевна Голицына, урожденная свѣтлѣйшая княжна Суворова (род. 26 февраля 1802, ум. 16 февраля 1870), жена (съ 9 мая 1820) дѣятеля 1812 года и военнаго писателя князя Михаила Михайловича Голицына (1793—1856), до замужества была фрейлиной и познакомилась съ Жуковскимъ, а черезъ него — съ И. И. Козловымъ и, вѣроятно, съ Пушкинымъ. Между прочимъ, она, по свидѣтельству многихъ современниковъ, была замѣчательной пѣвицей и утѣшала своимъ пѣніемъ больного Козлова, который съ благодарностью упомянулъ о ней въ своемъ посланіи къ Жуковскому и ей самой посвятилъ особое посланіе, напечатанное въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1825 г. Подробныя свѣдѣнія о ней приведены въ

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

статьѣ П. Е. Щеголева: „Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина“, въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники“, выпускъ XIV (Спб. 1911), стр. 53—74 и 212 — 216; въ той же статьѣ (стр. 95 — 102) данъ и разборъ настоящей пьесы, въ связи съ опроверженіемъ мнѣнія М. О. Гершензона, будто кн. Голицына была предметомъ „сѣверной любви“ Пушкина на югѣ и будто именно къ ней относятся элегіи 1821 г.: „Умолкну скоро я...“ и „Мой другъ, забыты мной...“ (см. выше, примѣчанія къ этимъ стихотвореніямъ). Мысль о „сѣверной любви“ Пушкина была высказана еще проф. А. И. Незеленовымъ („Пушкинъ въ его поэзіи“, Спб. 1882, стр. 151 — 152); по его мнѣнію, именно чувство Пушкина къ Голицыной и было тою „могучею страстью“, очарованный которою поэтъ не рѣшился бѣжать изъ Россіи. При этомъ проф. Незеленовъ былъ склоненъ относить къ Голицыной, уже совершенно безъ всякаго основанія, и стихотворенія „Ночь“ и „Ненастный день потухъ...“ Что касается настоящей пьесы, то ея содержаніе казалось ему нѣсколько „загадочнымъ“. Приведя послѣднія ея строки, онъ говоритъ: „сердечность тона всего произведенія, сдержаннаго, но далеко не холоднаго, показываетъ, что слова эти сказаны не на вѣтеръ, не въ видѣ простой любезности, мадригала. Но они несовсѣмъ понятны, потому что темно (и, должно быть, Пушкинъ сдѣлалъ это съ намѣреніемъ) темно выраженіе: „И нынѣ ей передала свои плѣнительные звуки“. М. О. Гершензонъ также нашелъ эти слова неясными и въ поясненіе ихъ предположилъ, что княгиня Голицына прислала Пушкину свои стихи, — „вѣроятно, французскіе“. По указанію П. Е. Щеголева, дѣло объясняется гораздо проще: извѣстно, что княгиня была прекрасной пѣвицей. „Когда-то, давно, задолго до написанія посланія, она оказала *минутное* вниманіе поэту, мило повторивъ или по-просту спѣвъ его

lib.pushkinskijdom.ru

стихи. Стихъ поэта былъ зачарованъ, былъ обвороженъ для него звуками ея голоса. Теперь, въ 1823 году, она снова подарила вниманіемъ его лиру и передала ей свои плѣнительные звуки, т. е. опять спѣла его стихи. И въ первый разъ минутное вниманіе княгини было долгой отрадой поэту, и онъ повторялъ свой стихъ, услышанный изъ ея устъ. А теперь онъ будетъ гордъ и станетъ считать себя обязаннымъ ей за свою славу, а быть можетъ — и за вдохновенье, если оно придетъ“ (указ. статья, стр. 97). Г. Щеголевъ, кстати, сближаетъ приведенное выше двустишіе съ стихами изъ пьесы 1817 г.: „Къ ней“:

И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
Мои задумчивые звуки,

а эти стихи сопоставляетъ съ выраженіями Парни: „L'Echo solitaire de ma voix douloureuse a prolongé le son“ и Лебрена: „Une sauvage Echo... prolongeait mes accens“.

Такимъ образомъ, посланіе становится совершенно яснымъ. „Въ немъ нѣтъ рѣшительно ни одного слова, которое свидѣтельствовало бы о какомъ-либо, даже самомъ легкомъ, увлеченіи поэта пѣвицей... Правда, это не обычный мадригалъ... Поэтъ дѣйствительно сердечно тронутъ такимъ вниманіемъ художницы голоса и искренно благодаритъ пѣвицу. Посланіе, быть можетъ, выросло не только изъ чисто внѣшняго желанія отдарить княгиню Голицыну, а возможно и изъ внутреннихъ побужденій: поэта могла заинтересовать связь двухъ искусствъ въ одной темѣ... наблюденіе, какъ его звуки оживаютъ новой жизнью въ музыкѣ голоса...“ (Щеголевъ, тамъ же).

Пушкинъ хотѣлъ включить это посланіе въ изданіе своихъ стихотвореній 1826 г., но, не имѣя у себя бѣловой рукописи и наскоро отдавая распоряженія относительно состава подготовляемой книги, приписалъ въ письмѣ къ брату отъ 27 марта 1825 г.: „Тиснуть еще стихи К. Голиц.-

lib.pushkinskijdom.ru

Суворовой; возьми ихъ отъ нея“ (Переписка, томъ I, стр. 199). Стихи, однако, не попали въ книгу, — можетъ быть, потому, что Л. С. Пушкинъ не могъ ихъ достать, за отсутствіемъ княгини въ Петербургѣ. Въ составленномъ довольно безпорядочно въ хронологическомъ отношеніи спискѣ 52-хъ стихотвореній, обнимающемъ произведенія 1817 — 1828 гг. и находящемся нынѣ въ майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ („Пушкинъ и его современники“ выпускъ IV, стр. 7, № 26; ср. Анненкова, Матеріалы, изд. 2-е, стр. 145), подъ № 17-мъ стоитъ: „К. Сув. Гол.“ — очевидно, настоящее посланіе. Точно такъ же и на находящейся въ Пушкинскомъ Музеѣ А. Ѳ. Онѣгина тетрадкѣ съ первоначальнымъ текстомъ *Графа Нулина* есть карандашная помѣтка: „Къ Гал. Сув.“ Видимо, Пушкинъ самъ себѣ напоминалъ объ этомъ стихотвореніи, чтобы, при удобномъ случаѣ, его напечатать.

Въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, на лл. 29 и 30, среди черновиковъ второй главы *Евгенія Онѣгина*, находятся наброски слѣдующихъ двухъ стихотвореній:

I.

(л. 29).

Ужель (мой другъ)
(Пройдетъ) (Когда твои) (Мой другъ, когда)
Придетъ ужасный мигъ — твои небесны очи
(Когда) (Покроются), мой другъ, туманомъ вѣчной ночи —
(недвижно)
Молчанье вѣчное твои сомкнетъ уста —
(Но) (И навсегда сойдешь)
Ты навсегда сойдешь въ тѣ мрачныя мѣста,
Гдѣ прадѣдовъ твоихъ почіютъ мощи хладны;
(твой)
Но я, дотолѣ твой поклонникъ безотрадный

lib.pushkinskijdom.ru

(жадный)
Въ обитель скорбную сойду я за тобой
(недвижный) (живой)
(Я) И сяду близъ тебя (печальный) и нѣмой...
(гробъ)
Лампада блѣдная твой блѣдный трупъ освѣтитъ —
(И ноги хладныя сложу)
(Улыбка) (Недвижимъ) (Мой будетъ)
Мой *(нрзб.)* взоръ движенья не замѣтитъ,
(Ни чувства нѣжнаго, ни гнѣва на лицѣ)
(ни чувства на лицѣ)
(напрасно робкій умъ)
Не поразитъ меня судьбы моей...
(я хладныхъ) (обнявъ)
Коснусь ногъ, къ себѣ ихъ на колѣни
(Сложу) (твое лицо)
Сложу и буду ждать... (чего?) (но чего) (чтобъ на...)
Чтобъ силою мечтанья моего
(Мнѣ) У ногъ твоихъ (къ)...
Сложу —

II.

(л. 30).

(ою небесъ и вѣрою)
Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа
уноситъ (разумъ вѣчный) мысли вѣчны
(Земное) (Могилу переживъ) (хранитъ) (въ природѣ
безконечной)
И память и любовь въ пучины безконечны
Клянусь! давно бы я (покинулъ мертвый) міръ
(оставилъ этотъ)
Я сокрушилъ
(И самъ разбилъ) бы жизнь — уродливый кумиръ
И улетѣлъ въ страну свободы (восторговъ)
(Узрѣлъ) (Узналъ бы я предѣлъ свободныхъ) наслажденій,
Въ страну (нѣтъ оковъ)
(Предѣлъ), гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій

lib.pushkinskijdom.ru

живетъ (свободна) (въ свободѣ)
Гдѣ мысль одна (горитъ) въ небесной чистотѣ
тщетно предаюсь
Но (вѣрить не могу) плѣнительной мечтѣ!
надежду презираетъ
Мой умъ упорствуетъ, (не вѣритъ, негодуетъ)
(Но сердце) (Но тщетно) (гордый умъ) (и жить желаетъ)
(Ничтожество зоветъ — невольникомъ мечты) —
Ничтожество за гробомъ ожидаетъ
Меня (ничтожествомъ могила ужасаетъ)...
первая
Какъ! Ничего — ни мысль, ни (новая) любовь...
Мнѣ страшно... И на жизнь гляжу печально вновь,
И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милой
Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой!
(Такъ!) (даже) (неотразимый часъ)
(Ты безъ) (переживу) (разлучитъ)
(Мой другъ, мой нѣжный) насъ твой смертный

Анненковъ, впервые напечатавшій эти два наброска (Матеріалы, изд. 2-е, стр. 319—320), основываясь на мѣстѣ, занимаемомъ ими среди черновиковъ *Онѣгина*, и замѣчая, что въ строфѣ XVI-й второй главы романа говорится о томъ, что Ленскій читалъ Онѣгину „отрывки сѣверныхъ поэмъ“, рѣшилъ, что здѣсь Пушкинъ „вздумалъ приложить и образчики самыхъ поэмъ, въ двухъ отрывкахъ, которые уже покидали стихотворный размѣръ, принятый для *Онѣгина*, и выходили изъ рамы, такъ сказать, самаго романа...“ Оба отрывка представлялись Анненкову не чѣмъ инымъ, какъ „шуточнымъ подражаніемъ“ Макферсону, — роду поэзіи, къ какому особенно склонна была муза Ленскаго; въ частности, о второмъ отрывкѣ онъ замѣтилъ (можетъ быть, впрочемъ, и ради цензуры), что онъ „есть карикатура на макферсоновскаго Оссіана и видимо написанъ въ цѣлью осмѣять всѣ подобныя философствованія“. Не вдаваясь въ какія-либо доказательства, біографъ Пушкина категорически заявилъ, что “оба

lib.pushkinskijdom.ru

отрывка содержатъ, *какъ видно* (!), пародію на тяжелыя шестистопныя элегіи, бывшія нѣкогда въ модѣ, и вмѣстѣ — лукавую насмѣшку надъ туманными произведеніями Ленскаго.“ Тутъ же, однако, онъ не могъ не замѣтить, что „точно въ такомъ же духѣ есть нѣсколько лицейскихъ стихотвореній самого Пушкина, такъ что онъ могъ набросать свои отрывки по одному воспоминанію“, и что Пушкинъ „сообщилъ отрывкамъ Ленскаго, — полагаемъ, не безъ намѣренія, — искру чувства и души и тѣмъ отличилъ ихъ отъ подражаній другого рода, столь же тяжелыхъ и притомъ лишенныхъ уже всякой теплоты, отъ подражаній анакреонтическихъ, какія являлись у насъ вмѣстѣ съ оссіановскими элегіями и какими также обнаружилась впервые авторская дѣятельность самого Пушкина“. При этомъ Анненковъ „не безъ удивленія“ увидѣлъ, что Пушкинъ гораздо позднѣе „возвратился къ стихамъ Ленскаго и взялъ отъ нихъ отчасти мысль, которая является въ знаменитой пьесѣ: *Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье...*“

Приведенное заключеніе Анненкова, однако, не находитъ себѣ никакого подтвержденія ни въ содержаніи обоихъ отрывковъ, ни въ ихъ положеніи въ рукописи.

Лицевая сторона листа 29-го, на которой набросанъ первый изъ этихъ отрывковъ, начинается черновыми стихами, относящимися къ XVI-й строфѣ II-й главы *Онѣгина:*

Въ прогулкѣ ихъ уединенной
О чемъ не заводили споръ!
Судьба души, судьба вселенной —
На что не обращали взоръ!
И предразсудки вѣковые,
И тайны гроба роковыя,
Судьба и жизнь — въ свою чреду
Все подвергалось ихъ суду —

lib.pushkinskijdom.ru

Далѣе посреди безпорядочно разбросанныхъ и перечеркнутыхъ словъ, между которыми можно прочесть: „нѣтъ“, „что“, „Не вѣчнаго“, „что“, „Неотразимый“, проведена тонкая черта, которою Пушкинъ обыкновенно отдѣлялъ посторонніе стихи, вторгавшіеся, по прихоти его творческой фантазіи, въ черновики другихъ стихотвореній, — и подъ этою чертою началъ отрывокъ I-й, занявшій всю страницу до конца. На оборотѣ того же листа 29-го начинается XVI-я строфа II-й главы:

Межъ ими все рождало споры, и пр.

и вообще вся эта страница занята *Онѣгинымъ*. Первая страница слѣдующаго, 30-го листа начинается двумя зачеркнутыми стихами, напоминающими начало одного изъ набросковъ 1821 г., — см. выше, стр. 65:

Вечерня отошла. Монахъ
(Идетъ) (Сидитъ) Идетъ одинъ (въ) по кельѣ —

и непосредственно за этими стихами идетъ отрывокъ: „Надеждой сладостной младенчески дыша“, занимающій всю эту страницу. Наконецъ, на оборотѣ листа 30-го опять идутъ черновыя строфы II-й главы *Онѣгина:*

Любилъ ли онъ? средь испытаній и т. д.

Здѣсь же, сбоку страницы, находится помѣтка: „3 nov. 1823. Un b. d. M. R.,“ обыкновенно объясняемая: „Un billet de M-me Riznitch“.

Изъ этого описанія видно, во-первыхъ, что оба отрывка написаны въ 1823 году, ранѣе 3 ноября; во-вторыхъ, — что они совершенно случайно оказались между черновыми строфами II-й главы *Онѣгина*, съ которыми не имѣютъ ничего общаго ни по формѣ, ни по содержанію. Совершенно непонятно, какимъ образомъ на основаніи разсматриваемой рукописи Анненковъ могъ

lib.pushkinskijdom.ru

придти къ мысли, будто Пушкинъ хотѣлъ представить „образцы стиховъ Ленскаго“, да еще въ видѣ карикатурной пародіи на элегическія подражанія Оссіану. Ничего спеціально „оссіановскаго“ въ этихъ отрывкахъ нѣтъ, какъ нѣтъ въ нихъ и ничего карикатурнаго. Александрійскій стихъ, которымъ они написаны, дѣйствительно тяжелъ, и въ пору расцвѣта Пушкина сталъ уже выходить изъ моды, — хотя Пушкинъ пользовался имъ не только въ лицейскихъ своихъ стихотвореніяхъ, но и позже, напримѣръ — въ обоихъ посланіяхъ къ цензору, въ Отвѣтѣ Анониму, въ посланіи къ кн. Юсупову и пр. Говоря о сходствѣ отрывковъ, по ихъ содержанію, съ лицейскими стихотвореніями Пушкина, Анненковъ, конечно, имѣлъ въ виду „Безвѣріе“ 1817 г.; но онъ не обратилъ вниманія на произведенія, гораздо болѣе близкія и по времени, и по мысли. „Тайны гроба“ дѣйствительно занимали умъ и воображеніе нашего поэта въ кишиневскую пору его жизни. Какъ на выраженіе этихъ мыслей достаточно указать на отрывокъ: „Ты, сердцу непонятный мракъ“ (см. выше, стр. 220), содержаніе котораго почти повторяется въ наброскѣ: „Надеждой сладостной младенчески дыша“, хотя и отличается отъ него своимъ тономъ: въ болѣе раннемъ отрывкѣ поэтъ отрицаетъ загробное „ничтожество“ и скорѣе готовъ вѣрить „поэтамъ“ съ ихъ мечтаніями объ Элизіи; въ позднѣйшемъ наброскѣ онъ уже отказывался быть „невольникомъ мечты“: если бы эта мечта въ самомъ дѣлѣ могла осуществиться, то онъ давно самъ бы разбилъ „уродливый кумиръ“ своей жизни; но онъ хочетъ жить, хотя бы и этою уродливою жизнью, лишь бы только возможно дольше избѣжать ужасающаго его неотвратимаго ничтожества. Такимъ образомъ, нашъ поэтъ рѣшаетъ гамлетовскій вопросъ совершенно обратно тому рѣшенію, къ какому пришелъ датскій принцъ, отвергшій самоубійство изъ страха не передъ

lib.pushkinskijdom.ru

„ничтожествомъ“, а передъ загробными „сновидѣніями“... Серьезное настроеніе отрывка не допускаетъ и мысли о пародіи, о насмѣшкѣ, и даже Анненковъ, исходя изъ своей предвзятой идеи, все-таки долженъ былъ признать, что Пушкинъ сообщилъ „стихамъ Ленскаго“ — „искру чувства и души“.

Что касается перваго отрывка, оставшагося уже совершенно необработаннымъ, то и въ немъ нѣтъ никакихъ признаковъ пародіи. Здѣсь выражена мысль о вѣчности любви, не побѣждаемой смертью, — мысль, которую „напрасно робкій умъ“ хотѣлъ бы опровергнуть самымъ фактомъ обращенія любимой женщины въ „хладный трупъ“, не сохраняющій „ни чувства нѣжнаго, ни гнѣва на лицѣ“. Поэтъ говоритъ о возможности „силою мечтанья“ вызвать этотъ трупъ къ жизни и любви. Конечно, это безумно, но вовсе не смѣшно; это — не болѣе, какъ приподнятое, поэтическое выраженіе сильнаго чувства. Притомъ, мы не знаемъ, въ какую форму могло бы вылиться окончательно это лирическое „мечтаніе“, если бы поэтъ захотѣлъ его продолжать и предать ему художественную отдѣлку. Во всякомъ случаѣ, о карикатурѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Гораздо позже, въ VI-й главѣ своего романа, Пушкинъ далъ намъ дѣйствительный „образецъ стиховъ Ленскаго“,—но и тамъ мы не видимъ „пародіи“, хотя поэтъ и относится къ своему юному герою съ нѣкоторой ироніей. Но тѣ, настоящіе, стихи Ленскаго не имѣютъ ничего общаго съ разсматриваемыми отрывками, приписанными ему Анненковымъ просто по недоразумѣнію или потому, что они не отвѣчали требованіямъ его эстетическаго вкуса. Эти два отрывка — конечно, стихи не „Ленскаго“, а самого Пушкина, вовсе не карикатуры на подражателей Макферсона и не стихотворныя „примѣчанія“ къ второй главѣ *Онѣгина*, а совершенно самостоятельныя произведенія, отражающія въ себѣ то

lib.pushkinskijdom.ru

настроеніе, которое въ ту пору нерѣдко овладѣвало нашимъ поэтомъ. Они были брошены въ черновомъ видѣ и не получили обработки — вѣроятно, потому, что выраженныя въ нихъ мысли и чувства уступили мѣсто другимъ, и поэтъ уже не въ состояніи былъ, да и не находилъ нужнымъ, настроить себя на прежній ладъ. Слѣдовательно, этимъ отрывкамъ нужно отвести и самостоятельное мѣсто среди Пушкинскихъ стихотвореній 1823 года и исключить эти мнимые „образцы“ изъ примѣчаній къ *Онѣгину*, куда они попали только по ошибкѣ перваго ихъ издателя и по излишней довѣрчивости послѣдующихъ.

Къ 1823 году долженъ быть отнесенъ также слѣдующій черновой набросокъ, находящійся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2366, лл. 37 и 38, — тамъ же, гдѣ черновикъ письма къ А. А. Бестужеву отъ 13 іюня 1823 г., — и напечатанный впервые (не вполнѣ точно) П. О. Морозовымъ въ изданіи 1903 г., томъ I, стр. 339:

(Боже Кларскій) (Аполлонъ)
О Геліосъ, внемли, серебрянымъ лукомъ звенящій,
Внемли, о боже кларскій, моленію старца,—погибнетъ
(Бѣдный слѣпецъ, если ты да ему)
Нынѣ (онъ) ежели ты слѣпому вождемъ не предъидешь —
(садится)
Рекъ, и сѣлъ на камнѣ слѣпецъ утомленный. Но слѣдомъ
(Шли три пастыря)
Шли пастухи за нимъ, дѣти страны той пустынной
(Лаемъ собакъ привлеченный народъ)
(Шли, сбѣжавшись)
Скоро сбѣжались на лай (ихъ) собакъ, ихъ стада
стерегущихъ,
Ярость унявъ ихъ, они защитили безсиліе старца
(молвили)
Издали внемля ему, приближались и думали: кто же

lib.pushkinskijdom.ru

(ецъ)
Сей бѣлоглавый старикъ, одинокій слѣпой — ужъ не
богъ ли?
(Старецъ видомъ)
Гордъ * и * высокъ; виситъ на поясѣ бѣдномъ простая
гласа
Лира, и голосъ его чудесные звуки
возмущаютъ (движетъ) волны . . . (движутъ)
(Небо и волны)
Вотъ (ихъ) шаги онъ услышалъ — ухо клонитъ
въ смущеньи
(въ надеждѣ)
Руки простеръ для моленья, страшась нещастья —
Не бойся,
(Если жъ однако)
Если только не скрытъ въ земномъ и старѣющемъ тѣлѣ
(Нѣкій) богъ покровитель. Жизни столь величавая
прелесть
Старость твою украшаетъ — вѣщали они незнакомцу;
Если жъ ты смертный, то знай, что всегда тебя
примутъ здѣсь люди
Къ людямъ боговъ (дружелюбныхъ)

Этотъ отрывокъ — опытъ перевода гекзаметромъ идилліи Андрея Шенье: „Слѣпецъ“. Вотъ стихи, переведенные Пушкинымъ:

„Dieu dont l'arc est d'argent, dieu de Claros, écoute,
„O Sminthée-Apollon! Je périrai sans doute,
„Si tu ne sers de guide à cet aveugle errant“.
C'est ainsi qu'achevait l'aveugle en soupirant,
Et près des bois marchait, faible, et sur une pierre
S'asseyait. Trois pasteurs, enfants de cette terre,
Le suivaient, accourus aux abois turbulents

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

Des molosses, gardiens de leurs troupeaux bélants.
Ils avaient, retenant leur fureur indiscrète,
Protégé du vieillard la faiblesse inquiète;
Ils l'écoutaient de loin, et s'approchant de lui:
„Quel est ce vieillard blanc, aveugle et sans appui?
„Serait-ce un habitant de l'empire céleste?
„Ses traits sont grands et fiers; de sa ceinture agreste
„Pend une lyre informe, etiles tons de sa voix
„Emeuvent l'air et l'onde, et le ciel, et les bois".
Mais il entend leurs pas, prête l'oreille, espère,
Se trouble, et tend déjà les mains à la prière.
„Ne crains point, disent-ils, malheureux étranger,
„(Si plutôt, sous un corps terrestre et passager,
„Tu n'es point quelque dieu protecteur de la Grèce,
„Tant une grâce auguste ennoblit ta vieillesse!)
„Si tu n'es qu'un mortel, vieillard infortuné,—
„Les humains près de qui les flots t'ont amené
„Aux mortels malheureux n'apportent point d'injures".

Въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, л. 6 об., среди набросковъ I-й главы *Онѣгина*, находятся слѣдующія исчерканныя и трудно разбираемыя строки:

(Умомъ и нѣжною красой)
валась
(Ты развилась передо мной)
(Я первый)
раннія
(Твой) (умъ и нѣжныя красы)
не я ль тебя
(Не я ль) (скажи) (тебя) замѣтилъ
Въ* толпѣ* застенчивыхъ подругъ

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

(Твой первый взоръ не я ли) встрѣтилъ
былъ
Не я ли первый другъ —

Набросокъ относится, по всей вѣроятности, къ Маріи Николаевнѣ Раевской, воспоминаніямъ о которой посвящены строфы XXXIII и XXXIV первой главы *Онѣгина*, находящіяся, въ первоначальной редакціи, въ той же тетради, черезъ двѣ-три страницы. Ср. набросокъ въ тетради № 2364, л. 43 об., отнесенный В. Е. Якушкинымъ, къ 1819 году, — въ томѣ II, примѣчанія, стр. 141 — 142:

. . . . . Она при мнѣ
Красою нѣжной расцвѣтала
Въ уединенной тишинѣ. . .
Въ тѣни плѣнительныхъ дубравъ
Я былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ. . .
Она цвѣла передо мною,
Ея чудесной красоты
Уже отгадывалъ мечтою
Еще неясныя черты. . .

Этимъ наброскомъ Пушкинъ воспользовался для XXI-й и XXII-й строфъ второй главы *Онѣгина*, — какъ вообще нерѣдко пользовался старыми черновыми стихами для новыхъ своихъ произведеній; но та же самая мысль, только въ иной формѣ и другомъ примѣненіи, нашла себѣ выраженіе и въ отрывкѣ, наскоро записанномъ въ тетради № 2369. Графъ Олизаръ въ своихъ *Воспоминаніяхъ* говоритъ, что въ началѣ его знакомства съ Раевскими Марія Николаевна представлялась ему „мало интереснымъ смуглымъ подросткомъ“, но затѣмъ на его глазахъ изъ ребенка съ неразвитыми формами она превратилась въ „стройную красавицу, смуглый цвѣтъ лица которой

lib.pushkinskijdom.ru

находилъ оправданіе въ черныхъ кудряхъ густыхъ волосъ и пронизывающихъ, полныхъ огня очахъ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1893, № 9, стр. 102). То же самое, конечно, видѣлъ и Пушкинъ.

Въ той же рукописи, на оборотѣ листа 40-го, находятся слѣдующія строки:

Жуковскій ———— святой
Парнаса чудотворецъ —
царедворецъ —
Крыловъ разбитъ параличемъ —

Въ майковскомъ собраніи автографовъ Пушкина, находящемся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ („Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 20, № 81) имѣется лоскутъ грубой сѣрой бумаги съ слѣдующими строками:

Мой плѣнникъ вовсѣ не любезенъ —
Онъ хладенъ (скученъ) безполезенъ —
Все такъ — но плѣнникъ мой не я
Напрасно * славилъ
Дидло плясать его заставилъ
Мой пл слѣдст. не я

На оборотѣ этого листка — списокъ лицъ, къ которымъ Пушкинъ, вѣроятно, послалъ письма:

Стам.
Сундул.
Карп.
Кал.
Плон.

lib.pushkinskijdom.ru

Папад.
Коменд.
Евст.
Губ.
В. Губ.

Балетъ Дидло: „Кавказскій Плѣнникъ, или тѣнь невѣсты“, въ которомъ роль черкешенки исполняла А. И. Истомина, былъ представленъ въ Петербургѣ 15 января 1823 г. „Пиши мнѣ о Дидло, объ Черкешенкѣ-Истоминой, за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому Плѣннику“, писалъ Пушкинъ брату, 30 января (Переписка, томъ I, стр. 65). Набросокъ вызванъ, конечно, доходившими до Пушкина толками, въ которыхъ герой его поэмы отождествлялся съ нимъ самимъ, а также и упреками В. П. Горчакова и кн. Вяземскаго за равнодушіе Плѣнника къ погибели черкешенки-избавительницы (см. томъ II, примѣчанія, стр. 484—485). По соображенію съ перепиской Пушкина, набросокъ этотъ можетъ быть пріуроченъ къ февралю 1823 г.

Что касается списка, то въ немъ, повидимому, упоминаются кишиневскіе знакомые: *Стамо* (одинъ изъ чиновниковъ канцеляріи Инзова), *Сандулаки,* о замужествѣ которой сообщилъ Пушкину Алексѣевъ въ письмѣ отъ 30 октября 1826 г. (Переписка, томъ I, стр. 378). *Калипсо* (см. тамъ же), *Пападопуло* (въ письмѣ къ Вяземскому изъ Кишинева отъ 2 января 1822 г. Пушкинъ назвалъ его: „Попандуполо“), комендантъ, губернаторъ и вице-губернаторъ. Кого означаютъ сокращенныя наименованія: *Карп., Плон. и Евст.*, — мы не могли опредѣлить.

lib.pushkinskijdom.ru

1824.

I.

ВОСПИТАННЫЙ ПОДЪ БАРАБАНОМЪ.

(Стр. 203).

Списокъ этой программы найденъ М. И. Семевскимъ въ одномъ изъ альбомовъ, хранившихся въ селѣ Тригорскомъ. Напечатана въ статьѣ Семевскаго: „Къ біографіи Пушкина“, *Русскій Вѣстникъ* 1869, томъ 84, стр. 71, и затѣмъ вошла въ изданіе 1870 г., томъ I, стр. 340 и слѣд. Въ журналѣ стихъ 4-й читается: „Въ двѣнадцатомъ году *дремалъ*“ — очевидно ошибочно.

Графъ М. А. Корфъ, въ своей запискѣ о Пушкинѣ, говоря объ его эпиграммахъ на Александра I, приводитъ, со ссылкой на Treumund Welp (Pelz), Petersburger Skizzen, Berl. 1842, III, 70, будто бы пушкинское двустишіе:

Хотѣлъ издать Ликурговы законы —
И что же издалъ онъ? Лишь кантъ на панталоны.

См. *Русскую Старину* 1899, томъ 99, стр. 306 (въ статьѣ Л. Н. Майкова: „Пушкинъ въ изображеніи графа М. А. Корфа“). Однако, по указанію П. А. Ефремова, эта эпиграмма вовсе не принадлежитъ Пушкину и относится не къ 1824, а къ 1826 году („Мнимый Пушкинъ“, *Новое Время* 1903, № 9851).

Впослѣдствіи, уже послѣ смерти Императора Александра I, Пушкинъ писалъ Жуковскому: „Въ теченьи

lib.pushkinskijdom.ru

десяти лѣтъ его Царствованія, лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему — Никто болѣе тебя не имѣлъ право сказать: гласъ лиры гласъ народа. Слѣдственно я не совсѣмъ былъ виноватъ подсвистывая ему до самаго гроба“ (Переписка, томъ I, стр. 319). Къ этимъ словамъ мы теперь можемъ прибавить, что наиболѣе рѣзкіе отзывы даны были не „до гроба“, а спустя четыре-пять лѣтъ, — въ надписи 1829 г. „Къ бюсту Завоевателя“ и въ сохранившемся отрывкѣ изъ X-й главы *Онѣгина:*

Властитель слабый и лукавый,
Плѣшивый щеголь, врагъ труда,
Нечаянно пригрѣтый славой...

См. „Шифрованное стихотвореніе Пушкина“, *Пушкинъ и его современники*, выпускъ XIII, стр. 1 — 12.

II.

ВСЕ КОНЧЕНО! МЕЖЪ НАМИ СВЯЗИ НѢТЪ.

(Стр. 204).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, л. 43 об. Первые четыре стиха напечатаны Анненковымъ, въ Матеріалахъ для біографіи Пушкина (изд. 2-е, стр. 338); полнѣе, но съ ошибками, напечаталъ ихъ П. И. Бартеневъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1881 и въ сборникѣ: „Пушкинъ“, М. 1881, стр. 144. Наконецъ, вполнѣ согласно съ подлинникомъ стихи были напечатаны В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 569.

За приведеннымъ въ текстѣ четверостишіемъ слѣдуютъ въ рукописи еще нѣсколько строкъ, большею частью зачеркнутыхъ:

lib.pushkinskijdom.ru

Обманывать себя (слезами досаждать тебѣ) не стану
Тебя роптаніемъ преслѣдовать (умолять)
(Тебѣ скучать роптаніемъ) не буду
(невозвратное)
(И можетъ быть) быть можетъ позабуду
Я зналъ: не для меня блаженство * (любовь)
Не для меня сотворена любовь
(восторговъ, упоенья)
(Не для меня сотворено блаженство)
Ты молода, душа твоя прекрасна
И многими любима будешь ты

Кромѣ того, въ ст. 3-мъ сначала было написано: „Произношу“, но затѣмъ исправлено какъ въ печатномъ.

По мнѣнію Анненкова, этотъ отрывокъ, „можетъ быть принадлежитъ къ тѣмъ лирическимъ пѣснямъ, въ числѣ которыхъ считается *Заклинаніе*“. — П. Е. Щеголевъ („Амалія Ризничъ къ поэзіи Пушкина“, *Вѣстникъ Европы* 1904, январь, стр. 313 — 314) связываетъ набросокъ съ стихотвореніемъ 1825 г. „Желаніе славы“, относя послѣднее къ графинѣ Е. К. Воронцовой. Связь эту г. Щеголевъ усматриваетъ въ томъ, что въ обоихъ стихотвореніяхъ говорится о разлукѣ съ любимой женщиной; но характеръ и условія разлуки въ позднѣйшемъ стихотвореніи представлены совершенно иначе, и это различіе въ содержаніи, повидимому, не оправдываетъ мнѣнія г. Щеголева. Замѣтимъ еще, что отрывокъ написанъ на одной страницѣ съ черновикомъ письма къ Бестужеву отъ 8 февраля 1824 г. (Переписка, томъ I, стр. 100) и притомъ — раньше этого письма.

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

III.

А. Л. ДАВЫДОВУ.

(Стр. 205).

Бѣловой автографъ, съ датой: „1824“, находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ (витрина). — Напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1829, часть I, стр. 107, подъ заглавіемъ: „Д....у. На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крыма“. Вышло въ изданіе 1829 г., часть I, стр. 198 — 199, подъ заглавіемъ: „Д***у“ и съ приведенной выше припиской въ оглавленіи, стр. 223.

Александръ Львовичъ Давыдовъ (1773 — 1833), съ 1815 г. генералъ-маіоръ въ отставкѣ, единоутробный братъ генерала Н. Н. Раевскаго, одинъ изъ владѣльцевъ Каменки и мужъ „Аглаи“ (см. выше, стр. 99 — 102), былъ очень толстый и очень добродушный человѣкъ, любившій хорошо покушать и пріятно провести время. Пушкинъ называлъ не только толстымъ Аристиппомъ, но и величавымъ рогоносцемъ (Переписка, томъ I, стр. 139; *Евгеній Онѣгинъ*, глава I, строфа XII). Упоминаемая въ стихотвореніи ода Горація — 3-я ода I-й книги, въ которой поэтъ обращается къ кораблю, везущему въ Аѳины Виргилія:

Богиня Кипра твой да охраняетъ путь,
Елены братія, блестящія свѣтила,
И самъ отецъ вѣтровъ, не позволяя дуть
Всѣмъ прочимъ, одному Япигѣ давши крыла.
Тебя, которому Виргилій ввѣренъ самъ,
Молю тебя, корабль, снеси черезъ пучину
Его мнѣ бережно къ аттическимъ брегамъ
И сохрани души другую половину...

(Переводъ Фета).

---

lib.pushkinskijdom.ru

IV.

ПРІЮТЪ ЛЮБВИ, ОНЪ ВѢЧНО ПОЛНЪ...

(Стр. 206).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 6, впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 2. Въ рукописи читается такъ:

(Пещера дикая видна)
Пріютъ любви онъ вѣчно полнъ
сумрачной и
(Она полна) прохлады влажной
Тамъ никогда стѣсненныхъ волнъ
(Въ ней плещутъ волны — и всегда)
Не умолкаетъ гулъ протяжной

На листѣ 3-мъ той же тетради находится отрывокъ, повидимому, имѣющій непосредственную связь съ этими стихами:

Подъ (между скалъ)
(Есть у моря подъ скалой)
Пещера дикая таится
(Уединенная пещера)
Обитель нѣги, въ лѣтній зной
Она прохладной темнотой
(Полна)

V.

ИНОСТРАНКѢ.

(Стр. 207).

Находится въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея № 2367, л. 26 и 2369, л. I, въ первой — подъ заглавіемъ: „Въ альбомъ“ и съ замѣткой: „Veux tu m'aimer? 18/19 mai 1824. Pl. d. D.“, а во второй — подъ заглавіемъ: „Къ

lib.pushkinskijdom.ru

иностранкѣ". — Напечатано въ изданіяхъ 1826 (стр. 115) и 1829 (часть II, стр. 148) и въ послѣдующихъ.

Въ рукописи № 2369 пьеса представляетъ слѣдующіе варіанты:

Стихи 5 и 6-й: Мой другъ, *покамѣстъ* не увяну,
Въ разлукѣ *сердце* погубя

„ 10, 11-й: Вѣрь (только) *(вѣчно) Ангелъ* сердцу моему,
Какъ *нынче вѣришь ты* ему

Въ рукописи № 2367 текстъ отличается отъ печатнаго только однимъ варіантомъ въ стихѣ 5-мъ: „*покамѣстъ* не увяну".

Первоначальный очеркъ этого стихотворенія находится еще въ записной книжкѣ 1820 — 21 гг., л. 63 об., гдѣ оно оканчивается стихами:

Я не забуду, другъ любимый,
Во тьмѣ плѣнительныхъ [?] ночей
Твой поцѣлуй неутолимый
И жаръ томительныхъ очей.

Посылая свои указанія брату и Плетневу относительно печатанія изданія 1826 г., Пушкинъ озаглавилъ эту пьесу: „Въ альбомъ иностранкѣ" (Л. Н. Майковъ, Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту, Спб. 1896, стр. 7).

Къ кому именно относится это стихотвореніе, — неизвѣстно. Зеленецкій („Госпожа Ризничъ и Пушкинъ" въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* 1856, томъ III, № II, и въ сборникѣ В. А. Яковлева: „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи", Одесса 1887, стр. 142—143) и нѣкоторые другіе комментаторы безъ достаточнаго основанія относили его къ г-жѣ Ризничъ, которая, однако, уѣхала за границу раньше, чѣмъ записано стихотвореніе въ тетради № 2367 и въ которою Пушкинъ вовсе еще не былъ знакомъ, набрасы-

lib.pushkinskijdom.ru

вая тѣ же стихи въ кишиневской тетради 1822 г. и въ еще болѣе ранней записной книжкѣ. По разсказу Льва Сергѣевича Пушкина, „одна иностранка, оставляя Россію, просила Пушкина написать ей что-нибудь въ память самыхъ близкихъ двухлѣтнихъ ихъ отношеній. Онъ написалъ ей эту пьесу. Она очень удивилась, узнавши, что стихи собственнаго его сочиненія, просила перевода, но Пушкинъ предоставилъ ей обращаться для сего къ первому русскому, котораго она встрѣтитъ за границею“ (Л. Н. Майковъ. Пушкинъ. Спб. 1899, стр. 9 — 10). Изъ этого разсказа очевидно, что „иностранка“ была знакома съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ, — что̀ соотвѣтствуетъ и мѣстонахожденію пьесы въ тетрадяхъ поэта. Что касается замѣтки въ тетради № 2367, то она, по всей вѣроятности, къ настоящему стихотворенію и не относится, а имѣетъ самостоятельное значеніе, котораго мы теперь отгадать не можемъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ записной книжкѣ надъ первою строкою стихотворенія стоятъ буквы: „Ги“ (или, можетъ быть, „Гл“), которыя можно принять за заглавіе; въ такомъ случаѣ онѣ должны означать имя „иностранки“.

VI.

ОХОТНИКЪ ДО ЖУРНАЛЬНОЙ ДРАКИ.

(Стр. 208).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, л. 28.—Напечатано въ изданіяхъ 1826 (стр. 100) и 1829 (часть II-я, стр. 154).

Въ рукописи стихи 2-й и 3-й читаются:

Сей *утомительный* зоилъ
Разводитъ *ядъ своихъ* чернилъ

но послѣдній стихъ уже содержитъ въ себѣ и поправку, согласную съ печатнымъ текстомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ рукописи гр. П. И. Капниста, л. 11, эпиграмма отмѣчена Пушкинымъ, какъ предназначавшаяся къ включенію въ изданіе 1826 г., съ обозначеніемъ: „Другая"; а непосредственно передъ нею написана „Надпись къ портрету" — „Клеветникъ безъ дарованья", относящаяся, какъ извѣстно, къ Каченовскому. Такимъ образомъ, и „другая" эпиграмма имѣетъ въ виду то же лицо.

VII.

ЛИХОЙ ТОВАРИЩЪ НАШИХЪ ДѢДОВЪ.

(Стр. 209).

Находится въ той же музейной рукописи и на томъ же листѣ, какъ и предыдущая эпиграмма, причемъ вмѣсто заглавія поставлена цифра: „VI".—Напечатано въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 343, и въ изданіи Литературнаго фонда, томъ I, стр. 332.

Неизвѣстно, къ кому относится.

VIII.

[САРАНЧА].

(Стр. 210).

Впервые напечатано въ статьѣ К. П. Зеленецкаго: „Свѣдѣнія о пребываніи А. С. Пушкина въ Кишиневѣ и въ Одессѣ и примѣчанія къ описанію Одессы, помѣщенному въ Евгеніѣ Онѣгинѣ", *Москвитянинъ* 1854, томъ III, № 9, отдѣлъ V, стр. 11. Затѣмъ вошло въ изданіе 1859—1860 гг., „Приложенія", стр. 59.

Принадлежность Пушкину этихъ стиховъ утверждается только преданіемъ. Изъ дѣла архива бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернаторства 1824 г. №153/76 из-

lib.pushkinskijdom.ru

вѣстно, что 22 мая этого года состоялось предписаніе гр. М. С. Воронцова о командированіи коллежскаго секретаря Пушкина, вмѣстѣ съ другими чиновниками, для истребленія саранчи въ Херсонской губерніи, съ выдачею ему на путевыя издержки 400 р. ассигнаціями. Пушкинъ былъ обиженъ этой командировкой и 25 мая написалъ правителю канцеляріи генералъ-губернатора А. И. Казначееву письмо, въ которомъ говоритъ, что служба никогда не была для него цѣлью, что онъ смотритъ на свое жалованье, какъ на паекъ ссылочнаго невольника и готовъ отъ него отказаться, лишь бы сохранить свободу распоряженія своимъ временемъ и занятіями (Переписка, томъ I, стр. 108—111). И впослѣдствіи, уже въ Михайловскомъ, въ письмѣ къ одному изъ своихъ одесскихъ пріятелей, онъ вспоминалъ объ этомъ случаѣ, утѣшая себя тѣмъ, что хотя въ „далекомъ сѣверномъ уѣздѣ“ нѣтъ „ни моря, ни голубова неба полудня, ни Италіанской оперы, ни васъ, друзья мои“, — но за то нѣтъ „ни *саранчи*, ни милордовъ Уоронцовыхъ“ (тамъ же, стр. 154). К. П. Зеленецкій, въ упомянутой выше статьѣ, увѣряетъ, что Пушкинъ написалъ стихи о саранчѣ вмѣсто оффиціальнаго отчета о результатахъ своей командировки; однако, въ „дѣлѣ“, гдѣ отчетные рапорты военныхъ начальствъ и командированныхъ чиновниковъ находятся въ большомъ числѣ, нѣтъ донесенія Пушкина ни въ стихахъ, ни въ прозѣ. Быть можетъ, Пушкинымъ и была сказана эта эпиграмма, подхваченная затѣмъ одесской молвой и ею „разукрашенная“ разными варіантами, — но документальныхъ свидѣтельствъ объ этомъ у насъ нѣтъ, и если стихи все-таки здѣсь помѣщаются, то только для того, чтобы отмѣтить фактъ изъ біографіи поэта. Подробности см. въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники“, выпускъ III, стр. 98 — 104.

---

lib.pushkinskijdom.ru

IX.

[ПОЛУ-МИЛОРДЪ].

(Стр. 211).

Впервые напечатано въ берлинскомъ изданіи 1861 г., стр. 100, подъ заглавіемъ: „Графу В — ву“. Затѣмъ вошло въ изданіе 1880 г., томъ I, стр. 452, подъ заглавіемъ: „На В — ва“.

Сообщено Пушкинымъ князю П. А. Вяземскому, въ письмѣ изъ Михайловскаго, отъ 10 октября 1824 г., въ иной редакціи: „Каковъ Гр. Воронцовъ?

Полу-Герой, полу-невѣжда,
Къ тому-жъ еще полу-подлецъ!...
Но тутъ однакожъ есть надежда
Что полный будетъ наконецъ“.

(Переписка, томъ I, стр. 136). Эта редакція, вѣроятно, является варіантомъ болѣе ранней, сохранившейся только въ спискахъ и здѣсь помѣщаемой. „Полу-милордъ“, видимо, было прозвище, данное Пушкинымъ гр. Воронцову въ своемъ пріятельскомъ кругу: въ письмѣ къ Княжевичу поэтъ называетъ его „милордомъ Уоронцовымъ“, намекая на его англоманію, а Н. С. Алексѣевъ, въ своихъ письмахъ часто повторяющій пушкинскія „словечки“ и стихи, сообщаетъ, въ письмѣ къ Пушкину отъ 30 октября 1826 г., что „полу-милордъ“ благодарилъ его за исполненіе одного служебнаго порученія. Еще раньше, 29 ноября 1824 г., самъ Пушкинъ, въ письмѣ къ Жуковскому, повторилъ то же прозвище: „Полу-милордъ Воронцовъ даже не полу-герой“ (тамъ же, стр. 153, 154, 378).

Эпиграмма была въ свое время весьма извѣстна. Н. О. Лернеръ (въ Соч. Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ,

lib.pushkinskijdom.ru

томъ III, стр. 512) указалъ на подражаніе ей въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду* 1831, № 20, стр. 159, — стихотвореніе Загорскаго: „Надпись къ дому, въ которомъ жилъ поэтъ Баратынскій въ Гельзенфорсѣ“:

Случайный гость пустыни финской,
Полу-шалунъ, полу-мудрецъ,
Полу-солдатъ, полу-пѣвецъ,
Здѣсь жилъ когда-то Баратынской.

X.

ТИМКОВСКІЙ ЦАРСТВОВАЛЪ...

(Стр. 212).

Въ рукописи неизвѣстно. — Впервые напечатано въ берлинскомъ изданіи 1861 г., стр. 117, и затѣмъ вошло въ изданіе 1880 г., томъ I, стр. 451.

Цензоръ Иванъ Осиповичъ Тимковскій, между прочимъ, разрѣшилъ въ печати, въ 1820 г., *Руслана и Людмилу*. О немъ Пушкинъ упоминаетъ и въ посланіи 1821 г. къ Дельвигу:

О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ...

Александръ Степановичъ Бируковъ (род. 2 іюня 1772, ум. 31 мая 1844) — „на скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ“ — занималъ должность цензора С.-Петербургскаго цензурнаго комитета съ 1821 по 1826 г.; Александръ Ивановичъ Красовскій (род. 1776, ум. 19 ноября 1857) былъ цензоромъ съ 26 ноября 1821 г., а затѣмъ съ 11 марта 1833 г. по смерть былъ предсѣдателемъ комитета цензуры иностранной. См. *Остафьевскій Архивъ*, томъ II, стр. 520 — 521, и *Русскую Старину* 1871, томъ IV, 1872, томъ VI и 1874, томъ IX.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ томъ же 1824 году, къ которому относится и настоящая эпиграмма Пушкина, Дельвигъ посвятилъ „Петербургскимъ цензорамъ“ сатирическіе куплеты, похожіе на нее по своему содержанію:

Передъ вами — нуль Тимковскій!
Въ вашей славѣ онъ погасъ;
Вы, по совѣсти поповской
Цензируя, жмете насъ.
Славьтесь, Бируковъ, Красовскій!

(Сочиненія барона А. А. Дельвига, Спб. 1895, стр. 62—63).

XI.

КЪ МОРЮ.

(Стр. 213).

Черновые наброски этого стихотворенія находятся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, лл. 12, 12 об., 13 и 18, а перебѣленный автографъ, на отдѣльномъ листѣ, принадлежитъ В. Е. Якушкину.

Семь строкъ изъ этой пьесы, начиная со стиха: „Реви, волнуйся непогодой“, появились въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1825, часть I, стр. 39, въ „Прибавленіи“ къ статьѣ Вальтеръ-Скотта: „Характеръ лорда Бейрона“; затѣмъ въ *Мнемозинѣ* 1825 г., часть IV, стр. 102—104, было напечатано, съ полною подписью Пушкина, все стихотвореніе, но безъ раздѣленія на строфы и съ исключеніемъ строфы 13-й, изъ которой дано было только начало 1-го стиха, и къ этому мѣсту было сдѣлано слѣдующее примѣчаніе издателей: „Въ семъ мѣстѣ авторъ поставилъ три съ половиной строки точекъ. Издателямъ сіе стихотвореніе доставлено княземъ П. А. Вяземскимъ въ под-

lib.pushkinskijdom.ru

линникѣ, и здѣсь отпечатано точно въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ-подъ пера самого Пушкина. Нѣкоторые списки онаго, ходящіе по городу, искажены нелѣпыми прибавленіями". Послѣднее выраженіе относится, по всей вѣроятности, къ варіантамъ послѣдняго стиха 13-й строфы, встрѣчающимся въ рукописныхъ копіяхъ и принятыхъ нѣкоторыми издателями сочиненій Пушкина. Поэтъ говоритъ здѣсь о „просвѣщеніи" въ томъ же отрицательномъ смыслѣ, какъ и въ написанной одновременно съ этимъ стихотвореніемъ поэмѣ „Цыгане": условная ложь городской „цивилизаціи" разрушаетъ счастье людей такъ же, какъ и стѣсненіе свободы произволомъ „тирановъ". Это не было понято переписчиками стихотворенія, которые по собственному усмотрѣнію старались замѣнять „просвѣщенье" другими словами, напр.:

Непросвѣщенье иль тиранъ (*Библіографическія Записки* 1858 г.)
Коварство, злоба иль тиранъ (Изданіе 1870 г.)
Стоитъ неистовый тиранъ (рукописная копія).
Иль *самовластье*, иль тиранъ (Изданія П. А. Ефремова) и т. д.

Стихотвореніе было затѣмъ напечатано въ изданіяхъ 1826 (стр. 83—86) и 1829 (часть I, стр. 190—195). Дополненія къ строфѣ 13-й были сообщаемы въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858, № 11, стр. 343 и въ другихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, но по музейной рукописи даны только въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, стр. 6 и затѣмъ — въ изданіи Литературнаго фонда 1887 г.

Что касается упомянутой рукописи, то въ ней на листѣ 12-мъ записаны карандашемъ только три первые стиха строфы 4-й, и то не вполнѣ; затѣмъ на оборотѣ листа 12-го и на л. 13-мъ находится все стихотвореніе,

lib.pushkinskijdom.ru

подъ заглавіемъ: „Морю. 1824“, уже перебѣленное, но еще въ первоначальной редакціи, состоявшей всего изъ девяти строфъ, и съ нѣсколькими новыми поправками. Строфы этой редакціи соотвѣтствуютъ 1-й — 7-й, 14-й и 15-й строфамъ редакціи окончательной. Приводимъ отличія первой, отмѣчая скобками слова, въ ней уже зачеркнутыя.

Строфа II, стихъ 2-й: *Въ прощальный разлученья* часъ
„ „ 4-й: *(Подъемлешь ты)* въ послѣдній разъ
„ III, „ 2-й: *(Напрасно)* по брегамъ твоимъ
„ „ 4-й: *(Тоской привычною)* томимъ
Отважнымъ замысломъ томимъ
„ IV, 2-й: Глухіе звуки *(мощный)* гласъ
„ V, *Ты тихъ какъ сельская рѣка*
И бѣдный парусъ *рыбака*
Твоею прихотью хранимый
Скользитъ *поверхъ твоихъ* зыбей
Но ты взыгралъ неодолимый
И *(гибнутъ) стаи* кораблей.
„ VI, „ 2-й: *(Земли) недвижный*, скучный брегъ
„ „ 4-й: И по *зыбямъ* твоимъ направить
„ VII, „ 1-й: Ты ждалъ (меня) — я былъ окованъ
„ XIV, „ 1-й: *(Не удалось... Но)* не забуду
(И мнѣ не жаль... Но) не забуду
Прощай, *о* море — не забуду
3-й: *Но* долго, долго слышать буду
„ XV, „ 2-й: Перенесу, *(тоскою) (печали)*
любовью полнъ

Кромѣ того, на листѣ 13-мъ находится и строфа XIII-я въ слѣдующемъ видѣ:

И что жъ? О чемъ жалѣть? Куда же
Меня *бы* вынесъ океанъ —
Судьба людей повсюду та же:

lib.pushkinskijdom.ru

о уже
Гдѣ *(капля)* благ(а) тамъ на стражѣ
Иль
(Ужъ) просвѣщенье иль тиранъ

Вся строфа, однако, перечеркнута діагонально, какъ не подлежащая печати.

На листѣ 18-мъ находится крайне исчерканный и неразборчивый набросокъ дополнительныхъ строфъ VIII-й—XII-й. Здѣсь можно прочесть слѣдующія строки:

(Чтобъ далъ) (Куда)
Что бъ далъ ты мнѣ, къ чему бы нынѣ
Я (путь свой) бѣгъ безпечный устремилъ?
Одинъ предмѣтъ въ твоей пустынѣ
(Меня привлекъ)
смутно
Меня бы (живо) поразилъ
(Одна) скала — (одна гробница) гробница славы
Тамъ погружались (долго) (вѣчно) сквозь тяжелый
(сонъ)
Воспоминанья величавы
(Тамъ опочилъ Наполеонъ)
(Одна среди)
(Изгнан)
Тамъ (угасалъ) Наполеонъ
(Священный) (Померкшій)
впечатлѣнья
(И въ дерзкомъ) (заточенья)
вдохновенья
И (стихъ) слово примиренья
На (гробѣ) (грозномъ) начертитъ
(Безъ злобы рукой посѣтитъ)
(Нещастный узникъ)
(Уединенныя страданья)
(И средь безоблачныхъ небесъ)
(Онъ искупилъ завоеванья)
И (зло воинственныхъ) чудесъ —

lib.pushkinskijdom.ru

Подъ сѣнью душной тѣхъ небесъ
Тамъ устремивъ на волны очи (въ пустынѣ)
Забывъ потомство, славный тронъ
полуночи
о юномъ сынѣ
(Съ улыбкой горькой) думалъ онъ

Эти строфы были впослѣдствіи перенесены въ окончательную редакцію оды „Наполеонъ“ (см. выше, стр. 129). Далѣе слѣдуютъ нѣсколько почти не поддающихся разбору строкъ о Байронѣ:

(Ужъ нѣтъ его)
Шуми о море взволнуйся непогодой
Байронъ былъ твой пѣвецъ
Передъ воскресшею свободой
(Онъ встрѣтилъ) (гордо свой) конецъ
нашелъ онъ
. . . . . .
еще
Міръ опустѣлъ . . . куда бы

Текстъ автографа, принадлежащаго В. Е. Якушкину, представляетъ слѣдующія отличія:

Строфа IV, стихъ 1-й: Какъ я *люблю* твои отзывы
„ V, „ 2-й: Твоею *прелестью* хранимый
„ XII, „ 3-й: Какъ ты *могучь*

Въ строфѣ XIII-й послѣдній стихъ замѣненъ точками.

Строфа XV, стихъ 4-й: И блескъ, и *шумъ*, и говоръ волнъ.

Текстъ *Мнемозины* даетъ варіанты:

Строфа VI, стихъ 4-й: Мой поэтическій *набытъ*
„ XI, „ 3-й: Реви, *волнуйся* непогодой
„ XIV, „ 3-й: И долго, долго *помнить* буду

lib.pushkinskijdom.ru

Текстъ изданія 1826 г. также имѣетъ свои отличія:

Строфа V, стихъ 3-й: Скользитъ *безпечно* средь зыбей
„ VIII, „ 2-й: Я путь *отважный* устремилъ

Такимъ образомъ, текстъ установленъ окончательно только изданіемъ 1829 г., за исключеніемъ, впрочемъ, строфы XIII-й, которая въ этомъ изданіи была дана въ томъ же видѣ, какъ въ *Мнемозинѣ*, тогда какъ еще въ изданіи 1826 г. были напечатаны два первые ея стиха. Единственная полная редакція этой строфы, написанная рукою Пушкина, находится въ музейной рукописи, откуда и взята въ издаваемый текстъ.

Стихотвореніе представляетъ поэтическое „прощаніе съ моремъ“ (такъ оно первоначально и было озаглавлено, см. *Остафьевскій Архивъ* томъ III, стр. 87) и вмѣстѣ съ тѣмъ, воспоминаніе о двухъ „властителяхъ думъ“ поэта современнаго ему поколѣнія, — Наполеонѣ и Байронѣ. Пѣвецъ Чайльдъ-Гарольда скончался въ гор. Мисолонги 19(7) апрѣля 1824 г.; эта дата отмѣчена Пушкинымъ на внутренней сторонѣ переплета той тетради, въ которой написано настоящее стихотвореніе. Неожиданная смерть англійскаго поэта, явившагося борцомъ за освобожденіе Греціи, произвела очень сильное впечатлѣніе. Князь П. А. Вяземскій, получивъ извѣстіе объ этомъ событіи, писалъ А. И. Тургеневу, 26 мая: „Какая поэтическая смерть—смерть Бейрона! Онъ предчувствовалъ, что прахъ его приметъ земля возрождающаяся къ свободѣ, и убѣжалъ отъ темницы европейской. Завидую пѣвцамъ, которые достойно воспоютъ его кончину! Вотъ случай Жуковскому! Если онъ имъ не воспользуется, то дѣло кончено: знать, пламенникъ его погасъ. Грецiя древняя, Грецiя нашихъ дней и Бейронъ мертвый — это океанъ поэзіи! Надѣюсь и на Пушкина.“ Тургеневъ отвѣчалъ, что „Пушкинъ, вѣрно, схватитъ моментъ сей и восполь-

lib.pushkinskijdom.ru

зуется случаемъ". Въ то же время Вяземскій писалъ и женѣ своей, жившей въ Одессѣ, неоднократно повторяя, чтобы она требовала отъ Пушкина стиховъ на смерть Байрона *(Остафьевскій Архивъ,* томъ III, стр. 49, 51 и томъ V, стр. 11, 15, 17, 26). Писалъ онъ и самому Пушкину, между прочимъ, предлагая ему продолжать *Чайльдъ-Гарольда* и въ V-й пѣсни поэмы изобразить смерть Байрона. „По твоимъ письмамъ къ кн. Вѣрѣ вижу, что и тебѣ и кюхельбекерно, и тошно", отвѣчалъ ему Пушкинъ: „тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи... Твоя мысль воспѣть его смерть въ 5-й пѣсни его Героя прелестна, но мнѣ не по силамъ. Грецiя мнѣ огадила... Обѣщаю тебѣ однакоже вирши на смерть Его Превосходительства" (Переписка, томъ I, стр. 118—119). Въ сентябрѣ кн. Вяземскій писалъ также и Жуковскому: „Я не могу простить тебѣ твое молчаніе о Байронѣ... У насъ одинъ Кюхельбекеръ провылъ на его могилѣ. А отъ тебя и Пушкина не могъ добиться. Странные вы люди! Да будь я поэтъ, а не стихотворецъ, я почти обрадовался бы смерти Байрона, какъ поэтическому кладу, брошенному съ неба въ прозаическую лощину нашего сухого вѣка. Байронъ владѣлъ не только умозрительною поэзіею, но онъ осуществилъ и практическую поэзію. Наполеонъ на скалѣ святой Елены и Байронъ въ Миссолунги! Вотъ два поэтическіе фароса, которые освѣщаютъ нашу глубокую ночь. Тутъ есть какая-то религіозная таинственность, т. е. религіи не поповской, а той, которая была составлена изъ философіи и поэзіи. Въ ихъ смерти отзывается что-то такое смертію Эдипа. Прахъ сихъ двухъ великихъ людей долженъ былъ быть принятъ дѣвственною землею, еще чистою отъ прикосновенія того, что можетъ назваться гнилью европейскою, въ виду натуры еще не упраздненной..." Можетъ быть, тѣ же мысли высказывалъ

lib.pushkinskijdom.ru

Вяземскій и въ недошедшемъ до насъ письмѣ къ Пушкину, такъ какъ онѣ нашли себѣ отраженіе въ его стихотвореніи. Послѣднее, конечно, было написано еще въ Одессѣ, т. е. до 30 іюля 1824 г., но окончательную обработку получило уже въ Михайловскомъ, откуда Пушкинъ и послалъ его Вяземскому 10 октября: „Посылаю тебѣ", писалъ поэтъ, „маленькое поминаньеце за упокой души раба Божія Байрона — Я было и цѣлую панихиду затѣялъ, да скучно писать про себя — или справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго" (Переписка, томъ I, стр. 136). Вяземскій же, какъ уже сказано выше, передалъ стихотвореніе для напечатанія въ *Мнемозинѣ*, одинъ изъ редакторовъ которой, В. К. Кюхельбекеръ, въ III-й ея книжкѣ (стр. 189 — 199) напечаталъ свое стихотвореніе: „Смерть Байрона". Здѣсь, между прочимъ, упоминается и о думахъ Пушкина надъ моремъ:

И кто же въ сей священный часъ
Одинъ не мыслитъ о покоѣ?
Одинъ, въ безмолвіе ночное,
Въ прозрачный сумракъ погружась,
Надъ моремъ и подъ звѣзднымъ хоромъ
Блуждаетъ вдохновеннымъ взоромъ?
Пѣвецъ, любимецъ россіянъ,
Въ странѣ Назонова изгнанья,
Нѣмымъ восторгомъ обуянъ,
Съ очами, полными мечтанья,
Сидитъ на крутизнѣ одинъ;
У ногъ его шумитъ Эвксинъ...

Двѣнадцать лѣтъ спустя, откликаясь на лицейскую годовщину изъ далекой ссылки (1836), старый товарищъ Пушкина вспоминалъ о той минутѣ, когда въ Петербургѣ были получены его стихи:

Твои живыя, вѣщія мечты
Меня не забывали въ ту годину,
Какъ пилъ и ты, уединенъ, кручину.
Тогда и ты, какъ нѣкогда Назонъ,
Къ родному граду простиралъ объятья,

lib.pushkinskijdom.ru

И надъ Невой затрепетали братья,
Услышавъ гармоническій твой стонъ.
Съ сѣдого Пейпуса, волшебный, онъ
Раздался, прилетѣлъ и прервалъ сонъ,
Дремоту нашихъ мелкихъ попеченій,
И погрузилъ насъ въ волны вдохновеній...

(„Избранныя стихотворенія В. К. Кюхельбекера“, Шо-де-фонъ 1880, стр. 43 — 44).

Оду на смерть Байрона написалъ также и К. Ѳ. Рылѣевъ (напечатана, съ передѣлками, въ альманахѣ Ивановскаго: „Альбомъ сѣверныхъ музъ“ 1828, съ подписью*** и помѣтой: „1825“). Здѣсь, между прочимъ, о Байронѣ говорится:

Онъ все подъ солнцемъ разгадалъ;
Къ гоненьямъ рока равнодушенъ,
Онъ генію лишь былъ послушенъ,
Властей другихъ не признавалъ.
Съ коварнымъ смѣхомъ обнажила
Судьба предъ нимъ людей сердца,
Но пылкая душа пѣвца
Презрительныхъ не разлюбила...
Друзья свободы и Эллады
Вездѣ въ слезахъ въ укоръ судьбы;
Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады.

(„Библіотека декабристовъ“. Полное собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева, томъ первый, М. 1906, стр. 158 — 159).

Въ *Новостяхъ Литературы* 1824, книга 12-я, стр. 86 — 90, напечатано стихотвореніе И. И. Козлова „Байронъ“, посвященное Пушкину. Впослѣдствіи и кн. Вяземскій также отозвался на эту тему, напечатавъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1827 (часть 13-я, стр. 48 и слл.) свое стихотвореніе „Байронъ“. Много лѣтъ спустя, уже въ старости, вспоминая о вліяніи англійскаго поэта на его современниковъ, кн. Вяземскій писалъ:

...Что за шумъ былъ, что за праздникъ,
Когда раздастся пѣснь пѣвца!
Ея заслушивались страстно,
Съ ума сводилъ онъ цѣлый міръ,

lib.pushkinskijdom.ru

Толпой игралъ онъ самовластно,
Ея и деспотъ, и кумиръ.
Нашъ вѣкъ, два поколѣнья наши
Имъ бредили. И старъ, и младъ
Пилъ изъ его волшебной чаши
Струею сладкій медъ и ядъ...
И Пушкинъ, въ юности грѣховной
Къ нему поддѣлавшись, хромалъ,
Пока не, сбросивъ гнетъ условной,
Самъ твердымъ шагомъ зашагалъ...

(Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, томъ XII, стр. 60—61).

Въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1825, томъ I, № 1, стр. 31, помѣщена была статья: „Характеръ лорда Бейрона“, а на стр. 39 — слѣдующее „Прибавленіе къ предыдущей статьѣ“:

„Великій Бейронъ, необыкновенное явленіе въ нравственномъ мірѣ нашего времени, не долженъ быть судимъ какъ человѣкъ обыкновенный: въ немъ все превышало посредственность ума и чувствъ, столь обыкновенную въ нашемъ вѣкѣ. Никто изъ поэтовъ, принесшихъ дань памяти Бейрона, не изобразилъ его такъ правдиво и сильно, какъ нашъ Пушкинъ (въ стихахъ: „Прощаніе съ моремъ“, которые будутъ напечатаны въ 4-й части *Мнемозины*, говоря: „Реви, волнуйся непогодой!“ и пр. (приведены два послѣдніе стиха строфы XI-й и вся строфа XII-я). Вѣроятно, это „прибавленіе“ написано кн. Вяземскимъ, принимавшимъ, какъ извѣстно, близкое участіе въ первыхъ годахъ *Телеграфа*.

Черезъ годъ, въ годовщину смерти Байрона, Пушкинъ и А. Н. Вульфъ заказали по немъ заупокойныя обѣдни въ церквахъ Воронича и Тригорскаго. „Это немножко напоминаетъ la messe de Frédéric II pour le repos d'âme de M. de Voltaire“, писалъ поэтъ брату. „Мой попъ удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просвиру, вынутую за упокой раба Божія боярина Георгія“. Эту просвиру Пушкинъ отослалъ Вяземскому (Переписка, томъ I, стр. 202,

lib.pushkinskijdom.ru

204). „Въ этой идеализаціи Байрона“, говоритъ В. Я. Стоюнинъ („Историческія сочиненія. Часть II. Пушкинъ“, Спб. 1881, стр. 151 — 152), „отчасти выразился и самъ Пушкинъ, въ тѣ бурные годы своей жизни, когда въ немъ по временамъ какъ бы господствовала какая-то стихійная сила, съ которою онъ самъ не могъ справиться. Его собственное стремленіе къ безграничной личной свободѣ, чего бы она ни касалась, — свобода ли ума, чувства, страсти, — въ столкновеніи съ условіями общей жизни производила въ душѣ тотъ разладъ, который видится и въ байроновскихъ герояхъ. Отсюда и творческая мысль Пушкина настраивается на байроновскій ладъ“.

Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ комментаторовъ Пушкина видѣли въ этихъ двухъ панихидахъ по Байронѣ — стихотворной и дѣйствительной — заключительный аккордъ пушкинскаго байронизма, его отказъ отъ дальнѣйшаго подражанія Байрону (В. Я. Стоюнинъ, А. И. Незеленовъ). Дѣйствительно, съ этихъ поръ байроновскіе мотивы перестаютъ уже слышаться въ поэзіи Пушкина. Послѣднимъ ихъ отголоскомъ являются *Цыганы*. Къ другому „властителю“ своихъ думъ, — Наполеону, поэтъ еще не разъ возвращался въ позднѣйшіе годы.

Но кромѣ прощанія съ Байрономъ, и на первомъ мѣстѣ, въ стихотвореніи стоитъ прощаніе поэта съ моремъ, которое онъ успѣлъ такъ полюбить еще со времени своего пребыванія на южномъ берегу Крыма и къ которому часто обращался, какъ къ источнику вдохновенія. Наканунѣ своего вынужденнаго путешествія „въ далекій сѣверный уѣздъ“ онъ вспоминаетъ о замыслахъ, не разъ мелькавшихъ въ его умѣ и отразившихся также и въ интимной его перепискѣ, — „взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь“, — и въ строфахъ XLIX-й и L-й первой главы *Онѣгина*, изъ которыхъ послѣдняя даетъ нѣсколько вы-

lib.pushkinskijdom.ru

раженій, почти тождественныхъ съ обращеніемъ „Къ Морю“:

По вольному распутью моря
Когда жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный брегъ...

Но поэтъ былъ „окованъ“ любовью, которая и удержала его „средь непріязненной стихіи“... „Не удалось“— и осталось только грустное утѣшеніе, что бѣжать некуда: „судьба людей повсюду та же“...

Н. О. Лернеръ (Сочиненія Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, томъ III, стр. 516) сближаетъ настоящее стихотвореніе съ пьесой Ламартина „Adieux à la mer“, написанной въ 1820 — 22 гг., въ которой, между прочимъ, есть такіе стихи:

Murmure autour de ma nacelle,
Douce mer dont les flots chéris,
Ainsi qu'une amante fidèle,
Jettent une plainte éternelle...
Aussi libre que la pensée,
Tu brises le vaisseau des rois,
Et dans ta colère insensée
Fidèle au Dieu qui t'a lancée,
Tu ne t'arrêtes qu'à sa voix...
Flotte au hasard: sur quelque plage
Que tu me fusses dériver,
Chaque flot m'apporte une image,
Chaque rocher de ton rivage
Me fait souvenir ou rêver!

lib.pushkinskijdom.ru

XII.

ПУСКАЙ УВѢНЧАННЫЙ ЛЮБОВЬЮ КРАСОТЫ...

(Стр. 216).

Печатается по автографу, находящемуся въ майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ (см. „Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 20, № 87). Здѣсь въ стихѣ 6-мъ, послѣ словъ: „И ни единый даръ“ *зачеркнуто*: „любви“, а въ стихѣ 7-мъ вмѣсто „утѣха“ первоначально было: „отрада“.

Отнесено къ 1824 году потому, что именно въ эту пору поэтъ, внезапно перенесенный съ юга на сѣверъ, долженъ былъ особенно чувствовать тяжесть „часовъ томительной разлуки“ съ милыми сердцу.

XIII.

ПРОЗЕРПИНА.

(Стр. 217).

Находится въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея № 2365, лл. 29 об. и 30, безъ заглавія, и № 2367, л. 27, подъ заглавіемъ: „Прозерпина. Подражаніе Парни“ и съ помѣтой: „26 августа 1824“. — Напечатано въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1825 годъ, стр. 293 — 295, подъ заглавіемъ: „Прозерпина“ и съ полною подписью Пушкина; затѣмъ вошло въ изданія 1826 (стр. 76 — 77) и 1829 (часть I, стр. 187—189).

Въ рукописи № 2365 находится первоначальная редакція пьесы, въ слѣдующемъ видѣ:

л. 29 об. Плещутъ волны Флегетона
И брега
(Берега) его дрожатъ...

lib.pushkinskijdom.ru

Кони блѣднаго Плутона
Оставляютъ мрачный Адъ.
туманнаго
Вдоль (пустыннаго) (печальнаго) залива
(Ѣхалъ онъ путемъ глухимъ)
Прозерпина вслѣдъ за нимъ
Равнодушна и ревнива
Потекла
(Въ тайнѣ шла) путемъ однимъ —
суровой (вдали)
Предъ богинею (печальной)
Со слезами
(Вдругъ) (прелестный) (пастухъ)
(И въ богинѣ) пламень (новый)
(Разгорѣлся) потухъ
Въ ней пылаетъ пламень новый
Предъ бог
Но предъ ней склон
робко юноша
(Преклонилъ предъ ней)
амъ мила
И бог(инѣ льститъ) измѣна
Прозерпинѣ смертный
(И пастухъ богинѣ) милъ
(блѣдная)
сбоку: Ада мрачная* Царица
Тихо юношу зоветъ
обоихъ
(Мчится) (быстро) колесница
ихъ несетъ
(И) въ Элизій (ихъ) (везетъ)
. . . . . .
Льются (молча) Летскія струи
Молча страст

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

Льются молча
(Тихо плещутъ волны Леты)
Мчатся
(Видятъ) облакомъ одѣты
Видятъ вѣчные
(Элизейскіе) луга
И туманной блѣдной Леты
Усыпленные брега
Тамъ *нрзб.* дышутъ
Тамъ (вѣчное) волшебное сіянье
Тамъ утѣха
Тѣни миртъ
Тамъ волшебный вѣчный
ожидаетъ ихъ
Леты сонное теченье
миртовъ
безъ кадилъ
л. 30 Повинуется желаньямъ
(Пре) Отдаетъ его лобзаньямъ
Обнаженныя красы
. . . . . желаньямъ
Повинуясь отдаетъ
Въ сладострастьи нѣжно тонетъ
тихо
То молчитъ, то (нѣжно) стонетъ
прошли
Но (бѣгутъ) любви часы
Но (богиня) она уходитъ
И щастливца за собой
Изъ Элизія выводитъ
Потаенною тропой
И щаст отп
Остор
Дверь отк
Снов

lib.pushkinskijdom.ru

Въ рукописи № 2367 пьеса уже перебѣлена, но съ поправками, и начинается такъ:

Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожатъ, —
Кони блѣднаго Плутона
(Оставляютъ мрачный адъ)
тайно
Къ (нѣжнымъ) Нимфамъ Пеліона
Отъ Аида
Бога (смерти тайно) мчатъ.

Далѣе находимъ лишь немногіе варіанты:

Стихъ 6-й: Вдоль *туманнаго* залива
„ 12-й: И *богамъ мила* измѣна
„ 14-й: Ада *(мрачная) (грозная)* Царица
„ 15-й: *(Тихо)* юношу зоветъ
„ 17-й: Ужъ (въ Элизій) ихъ несетъ
„ 22-й: Тамъ *(утѣхи)* тамъ забвенье
„ 23-й: *(Ожидаютъ ихъ сердца)*
„ 31-й: Но *(любви прошли)* часы
„ 40-й: И *вздохнувъ онъ* отпираетъ

Настоящее стихотвореніе представляетъ вольный переводъ XXVIII-й картины изъ поэмы Парни: „Les déguisements de Vénus“. Пушкинъ опустилъ тяжелыя миѳологическія подробности и, наоборотъ, распространилъ изображеніе сладострастныхъ восторговъ адской богини. „*Прозерпина*“, писалъ Пушкину Дельвигъ, получивъ стихи для напечатанія въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*,—„не стихи, а музыка: это пѣнье райской птички, которое слушая, не увидишь, какъ пройдетъ тысяча лѣтъ. Эти двери давно мнѣ знакомы. Сквозь нихъ еще въ Лицеѣ меня часто выталкивали изъ Элизея. Какая искусная щеголиха у

lib.pushkinskijdom.ru

тебя Истина! Подобныхъ цвѣтовъ морозъ не тронетъ...“ Далѣе, въ томъ же письмѣ, Дельвигъ замѣчаетъ, что „толпа“ не пойметъ всей красоты *Прозерпины* (Переписка, томъ I, стр. 130 — 131).

XIV.

АКВИЛОНЪ.

(Стр. 219).

Автографъ этого стихотворенія находится въ майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ. Онъ написанъ на листкѣ въ 8-ю долю, на оборотѣ котораго написано стихотвореніе: „Делибашъ“, и представляетъ перебѣленный текстъ съ поправками и двумя помѣтами: „1824 [цифра 2 передѣлана изъ 3] Мих[айловское]“ и „Болд[ино] 7 сент.“ (См. „Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 11, № 41). Такимъ образомъ, стихотвореніе написано въ 1824 году, на окончательную обработку получило только 7 сентября 1830 г. Оно напечатано въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду* 1837, № 1, и затѣмъ вошло въ Посмертное изданіе, томъ IX, стр. 162.

Текстъ автографа представляетъ слѣдующіе первоначальные варіанты, тутъ же исправленные:

Строфа I-я, стихъ 3-й: Зачѣмъ на *чуждой* небосклонъ
„ „ 4-й: Ты *облако такъ бурно* гонишь?
„ II-я, „ 1-й: Недавно *бурныхъ тучь* грядой
„ „ 2-й: Сводъ неба *мрачно облегался*
„ III-я, „ 3-й: *Ты черны* тучи разогналъ
„ „ 4-й: *Ты* дубъ низвергнулъ *величавой*

„Основной мотивъ *Аквилона*“, говоритъ Л. Н. Майковъ („Историко-литературные очерки“, Спб. 1895, стр. 263),

lib.pushkinskijdom.ru

„слѣдуетъ искать въ обстоятельствахъ личной жизни поэта. Извѣстно, какъ сильно роптalъ онъ на свою ссылку въ деревню изъ Одессы, послѣдовавшую по распоряженію изъ Петербурга; стихотвореніе составляетъ какъ бы обращеніе къ Императору Александру, причемъ подъ тростникомъ, клонимымъ долу, поэтъ разумѣетъ самого себя, а подъ дубомъ — Наполеона, побѣжденнаго русскимъ царемъ. Покоя, который призывается въ послѣдней строфѣ, нѣтъ еще ни въ природѣ, ни въ душѣ поэта; онѣ еще полны тревоги. Таково именно было чувство, которое Пушкинъ переживалъ въ первое время по своемъ прибытіи въ Михайловское.

Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ...

„Такъ говорилъ поэтъ о той порѣ своей жизни впослѣдствіи, а вотъ что писалъ онъ своему брату изъ деревни, въ октябрѣ 1824 года: „Я не прошу отъ правительства полу-милостей; это было бы полу-мѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока Царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и не справедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на справедливость его.“ Принимая во вниманіе такой смыслъ *Аквилона*, можно объяснить себѣ, почему это стихотвореніе такъ долго оставалось ненапечатаннымъ“. Аллегорія могла бы быть разгадана, а этого Пушкинъ, вѣроятно, опасался. Шесть лѣтъ пролежали стихи въ его бумагахъ, пока онъ вновь переписалъ и исправилъ ихъ въ 1830 г. въ Болдинѣ, выставивъ подъ ними дату: „1824“, указывающую не только время ихъ созданія, но и настоящій ихъ смыслъ; и еще

lib.pushkinskijdom.ru

болѣе шести лѣтъ прошло до той поры, когда они явились въ печати — уже наканунѣ смерти поэта. Но и тогда появленіе *Аквилона* на столбцахъ *Литературныхъ Прибавленій* не осталось незамѣченнымъ недоброжелателями Пушкина. „Развѣ г. Краевскій не знаетъ“, говорилъ министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ предсѣдателю цензурнаго комитета, „что Пушкинъ состоитъ подъ строжайшимъ присмотромъ тайной полиціи, какъ человѣкъ неблагонадежный? Служащему у меня въ министерствѣ не слѣдуетъ имѣть сношеніе съ людьми столь вреднаго образа мыслей, какимъ отличается Пушкинъ“ (*Русская Старина* 1880, томъ 28-й, стр. 538).

В. Я. Стоюнинъ („Пушкинъ“, стр. 219—220) придаетъ *Аквилону* болѣе общій смыслъ: „Въ первую пору своего пребыванія въ Михайловскомъ поэтъ еще переживалъ впечатлѣнія отъ прежняго времени... Политическія бури послѣднихъ годовъ европейской жизни выразились въ его фантазіи въ образѣ Аквилона... Здѣсь поэтическая фантазія удачно сблизила политическія потрясенія съ бурными движеніями въ природѣ, послѣ которыхъ очищается атмосфера и настаютъ красные дни. Поэтъ и для политической жизни ждетъ того же... Такихъ дней онъ могъ желать и для себя: и онъ много потерпѣлъ отъ налетѣвшаго аквилона, и онъ такъ же, величавый русскій дубъ, былъ вполовину низвергнутъ...“

XV.

А. Н. ВУЛЬФУ.

(Стр. 220).

Этими стихами начинается письмо къ Алексѣю Николаевичу Вульфу изъ Михайловскаго, 20 сентября 1824 г. (Переписка, томъ I, стр. 131 — 132). Впервые

lib.pushkinskijdom.ru

они напечатаны Анненковымъ въ дополнительномъ, VII-мъ томѣ изданія сочиненій Пушкина, стр. 91 — 92, подъ заглавіемъ: „Изъ письма къ А. Н. В.“ и съ примѣчаніемъ: „Стихи, полученные А. Н. Вульфомъ въ Дерптѣ, вскорѣ по прибытіи Пушкина въ Михайловское въ 1824 г. Лайонъ—Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ—по прибытіи брата переставалъ быть Михайловскимъ прикащикомъ, какъ назывался прежде“. Въ собранія сочиненій Пушкина стихи стали входить, начиная съ перваго изданія Геннади, 1859 г., а письмо цѣликомъ появилось въ *Русскомъ Архивѣ* 1867, стл. 154.

Объ А. Н. Вульфѣ и его отношеніяхъ къ Пушкину см. примѣчанія къ Перепискѣ.

XVI.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

(Стр. 221).

Оригиналъ этого посланія неизвѣстенъ, но копія съ него въ полномъ видѣ находилась въ рукахъ графа М. А. Корфа. Впервые оно напечатано, безъ подписи Пушкина, въ *Литературной Газетѣ* 1830, № 16, стр. 125—126, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ посланія къ Языкову“ и съ помѣтой: „1824. Михайловское“. Здѣсь было напечатано только $33^1/_2$ стиха, за которыми слѣдовали двѣ строки точекъ; при этомъ стихъ 19-й читался:

Куда подуетъ *непогода*,

чѣмъ было нарушено соотвѣтствіе риѳмъ со стихомъ 17-мъ. Въ томъ же видѣ посланіе вошло въ изданіе 1829 — 1832 гг., часть III, стр. 187 — 189. Стихъ 19-й исправленъ только въ изданіи 1859 г., а въ полномъ

lib.pushkinskijdom.ru

видѣ посланіе напечатано, по рукописи гр. Корфа, П. А. Ефремовымъ въ *Современномъ Обозрѣніи* 1868, № 5, стр. 223 — 224, и затѣмъ въ изданіяхъ 1870 и слѣдующихъ годовъ.

Рукопись гр. Корфа помѣчена: „Михайловское, 20 сентября 1824". Такимъ образомъ, посланіе къ Языкову написано въ одинъ день съ письмомъ къ Вульфу, въ которомъ также говорится о Языковѣ, а въ припискѣ Анны Николаевны Вульфъ сказано: „Пожалуйста, отдай тутъ вложенное письмо Языкову и, ежели можешь, употреби все стараніе уговорить его, чтобы онъ зимой сюда пріѣхалъ съ тобой. Пушкинъ этого очень желаетъ".

Рукопись гр. Корфа представляла слѣдующіе варіанты:

Стихъ 10-й: Я вышелъ *раннею зарей*
„ 12-й: Понесъ *тяжелый* посохъ мой
„ 15-й: Бесѣдой *вольной вдохновенный*
„ 18-й: Давно *я бурями* ношусь
„ 33-й: *Объ милой* Африкѣ своей

Въ *Литературной Газетѣ* стихи 21-й и 22-й были передѣланы такъ:

Теперь одинъ, въ глухомъ изгнаньѣ
Влачу *томительные* дни.

Языковъ отвѣчалъ Пушкину благодарственнымъ посланіемъ:

Я благосклоннаго привѣта —
Клянусь парнасскимъ божествомъ,
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и виномъ
И вдохновенными стихами —
Въ тиши безвѣстности не ждалъ
Отъ сына музы своенравной,
Равно торжественной и славной
И высшей рока и похвалъ...
Такъ я тебя благодарю.
Богъ вѣсть, что въ мірѣ ожидаетъ

lib.pushkinskijdom.ru

Меня не зналъ въ то время свѣтъ,
Но мнѣ внимала вся природа;
Во истину я былъ поэтъ,
Но для себя — не для народа.

За этими зачеркнутыми стихами слѣдуютъ стихи 57 — 63, съ варіантами:

Стихъ 59-й: *(Поэты ждутъ себѣ награды)*
Она за вами по слѣдамъ
„ 62-й: Напрасно ждутъ *(покупщиковъ)*

Далѣе идутъ стихи 19 — 27, причемъ первые 4 стиха первоначально были написаны такъ:

Отдайте мнѣ мои дубравы,
Мои холмы, приюты скалъ,
Гдѣ я не понимая славы
Одной поэзіей дышалъ

но тутъ же зачеркнуты и поверхъ нихъ написана нынѣшняя печатная редакція стиховъ 19 — 22. Далѣе встрѣчаемъ варіантъ въ стихѣ 25-мъ:

(Разнооб) *(Новорожденною толпой)*

Пьеса продолжается затѣмъ со стиха 64-го до конца уже безъ перестановокъ, съ слѣдующими варіантами:

Стихъ 69-й: И, *славы терномъ* не увитый
„ 73-й: . . . . . Шопотъ ли *(льстеца?)*
„ 74-й: *(Хвала ли хладнаго)* невѣжды
Презрѣнье ль гордаго невѣжды
„ 75-й: *(Гоненье ль знатнаго)* глупца?
„ 82-й: Злодѣевъ громомъ *вѣрныхъ* стрѣлъ
„ 83-й: Въ потомствѣ *дальномъ* поражаетъ
„ 84-й: *Геройство* утѣшаетъ онъ
„ 87-й: *(Для васъ она кимвальный)* звонъ

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 95-й: И я средь *(оргій)* жизни шумной
„ 100-й: Волненье *(сладкаго)* стыда

Стихи 97 — 104 *зачеркнуты.*

Стихи 106 — 109-й: *(Моя душа)* не принесетъ;
Пускай ихъ *(Ш.) Б.* поетъ
(Роскошный) баловень природы
Что мнѣ до нихъ? *(пускай)* въ глуши
Стихъ 111-й: *(Звукъ лирный чувства)* не коснется
„ 114-й: *(Восторговъ не поймет)* оно
„ 115-й: И признакъ *(силы)* . . .
„ 123-й: Кого восторгомъ *(юныхъ) (пылкихъ)* думъ

Послѣ стиха 128-го слѣдовали еще два стиха:

И память злобной (гордой) *красоты*
Сокрыла бъ темная могила!

но потомъ эти стихи, вмѣстѣ съ предшествующими 125—128, были *зачеркнуты.*

Стихъ 129-й: *(Умъръте гордый гнѣвъ)*, поэтъ!
„ 131-й: *(Не знаю я)*, но изключеній

Послѣ стиха 132-го слѣдовало еще:

Ужели нѣтъ изъ нихъ единой
Которой посвят
Назвали бъ сѣверной Кориной
При плескахъ радостныхъ Молвы?

Эти стихи *зачеркнуты.*

Стихи 135 — 136-й: *(И вашей славы)* не присвоитъ
(Волшебной) красотѣ своей?
„ 144 — 146-й: *(Тоской ли* долгой *вдохновенный)*,
(Скрывалъ) я слезы въ тишинѣ
(Была ли та) *(Была одна)*, которой очи

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 148-й: *Что жизнь?* одна ли, двѣ ли ночи?
„ 149-й: *Къ чему безумныя мечтанья,*
(Докучный, слабый стонъ любви?)
(Къ чему) докучный стонъ любви?
„ 152-й: *(Ахъ)* сердце ихъ пойметъ одно
Стихи 156—157-й: Одна была—*я ей* одной
Объятый (грустнымъ) (мрачнымъ)
(дивнымъ) упоеньемъ
Съ неизъяснимою тоской

Все это *зачеркнуто* и исправлено, какъ въ печатномъ.

Стихъ 159-й: Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ *(шумъ)* чудесный
„ 162-й: *(Томимый сладостью)* любви
„ 163-й: Ахъ! мысль *(объ ней въ душѣ усталой)*
„ 164-й: Могла бы *(пламень воспалить)*
„ 166-й: *(Тревогой)* снова возмутить
„ 171-й: *(И что жъ?)* напрасныя желанья!
Стихи 174—175-й: *(Нѣтъ, наши бренныя созданья),*
Какъ божеству, не *нужны ей.*
Стихъ 179-й: Отъ *(этой)* лиры вдохновенной
„ 184-й: *(Совѣтъ пристрастный, но)* полезный
„ 185-й: *(Таковъ ужъ вѣкъ, нашъ)* вѣкъ желѣзный

Стихи 191-й и 192-й имѣли первоначально по двѣ редакціи:

Позвольте... знаю возраженье—*или:*
Я знаю—будутъ возраженья,
Но тутъ не вижу я стыда—*или:*
Но право, въ этомъ нѣтъ стыда

Стихъ 198-й: Позвольте *(искренно)* сказать
Стихи 203—204-й: *(И журналистъ у лавки бродитъ),*
И наши тощіе пѣвцы

---

lib.pushkinskijdom.ru

На оборотѣ листа 2-го той же рукописи № 2370 наскоро записаны слѣдующія строки, соотвѣтствующія стихамъ 9 — 12-му:

стихи питомца Грацій
рублями замѣнимъ
И въ пукъ тяжелыхъ ассигнацій
Его листочки превратимъ

Наконецъ, слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ изданіи 1835 г. стихъ 14-й читается:

Гдѣ *жь ты* была, которой очи

Заключая въ себѣ характеристику поэтическаго творчества, настоящее стихотвореніе имѣетъ очень цѣнное автобіографическое значеніе и мѣстами представляетъ отзвуки нѣкоторыхъ болѣе раннихъ произведеній Пушкина. Какъ можно видѣть по черновой рукописи, поэтъ старательно его обработывалъ, переставлялъ стихи, замѣнялъ ихъ новыми, вносилъ много поправокъ; даже и послѣ того, какъ оно было уже отослано къ Льву Сергѣевичу для напечатанія вмѣстѣ съ I-й главой *Онѣгина*, Пушкинъ продолжалъ о немъ заботиться и посылалъ „въ догонку“ новыя исправленія. Такъ, въ концѣ октября 1824 г. онъ сообщалъ, что послѣ стиха 96-го:

Искалъ вниманья красоты

„нужно непремѣнно“ вставить стихи 101 — 104:

Глаза прелестные читали, и пр.

а въ письмѣ отъ 4 декабря того же года писалъ: „NB. Г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.

lib.pushkinskijdom.ru

„Понимаете? да нельзя ли еще подъ разговоромъ поставить число *1823 годъ*? Стихъ:

Вся жизнь одна-ли, двѣ-ли ночи

надобно бы выкинуть, да жаль — хорошъ. Жаль еще, что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего Книгопродавца. Mes arrière-neveux me devraient cet ombrage".

Наконецъ, и въ началѣ 1825 г. Пушкинъ хотѣлъ еще внести въ *Разговоръ* новыя исправленія, но было уже поздно, такъ какъ *Онѣгинъ* былъ уже отпечатанъ (Переписка, томъ I, стр. 140, 155, 166, 176). Одно изъ этихъ исправленій отмѣчено въ отдѣльномъ изданіи VI главы *Онѣгина* (1828): стихъ 119-й долженъ читаться: „*Я такъ и вспыхну*, сердцу больно". Однако, изданіе 1835 г. сохранило прежнюю редакцію этого стиха.

Изъ параллельныхъ мѣстъ къ другимъ произведеніямъ Пушкина въ *Разговорѣ* можно отмѣтить слѣдующія:

Стихи 21-й и 22-й:

Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, музу призывалъ

являются повтореніемъ стиховъ 15-го и 16-го изъ пьесы: „Къ чернильницѣ" (см. стр. 23):

И Музу призывалъ
На пиръ воображенья.

Стихи 24-й и 27-й:

Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья

очень близки къ черновымъ стихамъ, не вошедшимъ въ окончательную редакцію строфъ LVIII-й и LIX-й первой

lib.pushkinskijdom.ru

главы *Онѣгина* (рукопись Румянцовскаго Музея № 2369, л. 22):

И снова милыя видѣнья
Въ часы ночнаго вдохновенья
Волнуясь, легкою толпой
Несутся надъ моей [главой].

Выпущенные Пушкинымъ стихи 97-й—100-й:

Мои слова, мои напѣвы
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда

почти дословно повторяются въ стихахъ 5-мъ—8-мъ чернового наброска: „Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ“ (см. стр. 64).

Стихи 121-й—124-й:

Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?

въ нѣсколько иной редакціи находятся въ наброскахъ: „Ты правъ, мой другъ...“ и въ черновыхъ *Демона* (см. примѣчанія къ этимъ стихотвореніямъ).

Стихи 125-й—128-й, откинутые при печатаніи *Разговора:*

Ахъ, лира, лира! что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, если бъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!

напоминаютъ стихи 555-й—558-й (также откинутые) *Бахчисарайскаго Фонтана:*

lib.pushkinskijdom.ru

Опомнись! долго ль, узникъ томной,
Тебѣ оковы лобызать
И въ свѣтѣ *мірою нескромной*
Свое безумство разглашать?

Стихи 133-й и 134-й:

Ужели ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей?

въ утвердительной формѣ повторены въ XXXIV-й строфѣ I-й главы *Онѣгина:*

Онѣ *не стоятъ ни страстей*,
Ни пѣсенъ, ими *вдохновенныхъ*.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что эти два стиха записаны Пушкинымъ отдѣльно на оборотѣ 34-го листа музейной рукописи № 2366.

Наконецъ, стихи 159-й и 160-й, не включенные въ печатный *Разговоръ:*

Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи

почти дословно повторены въ *Сценѣ изъ Фауста:*

Тамъ, тамъ, — гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесный,
Гдѣ сладко-звонкія *струи*.

Стихъ 107-й, какъ указано выше, въ изданіи 1825 г. читался:

Пускай ихъ *Шаликовъ* поетъ.

„Ты увидишь въ разговорѣ Поэта и Книгопродавца мадригалъ кн. Шаликову“, писалъ Пушкинъ 19 февраля

lib.pushkinskijdom.ru

1825 г. кн. Вяземскому. — „Онъ милый поэтъ, человѣкъ достойный уваженія и надѣюсь, что искренняя и полная похвала съ моей стороны не будетъ ему непріятна. Онъ имянно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement". Шаликовъ отвѣчалъ на этотъ „мадригалъ" стихами, узнавъ о которыхъ, Пушкинъ сначала подумалъ, не обидѣлся ли онъ. „Не ужъ то онъ обижается моими стихами?" спрашивалъ поэтъ Вяземскаго въ письмѣ отъ 25 мая: „вотъ ужъ тутъ-то я невиненъ, какъ барашекъ! спросите у братца Леона: онъ скажетъ вамъ, что увидѣвъ у меня имя кн. Ш. онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ — я было послушался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikof! Это могу доказать черновою бумагою" (Переписка, томъ I, стр. 181, 218). Дѣйствительно, въ черновой рукописи, какъ мы видѣли выше, было написано: „Пускай ихъ Ш. поетъ", затѣмъ Ш. зачеркнуто и поставлено: *Б.* — Стихотвореніе кн. П. И. Шаликова напечатано въ издававшемся имъ *Дамскомъ Журналѣ* 1825, часть X-я, № 8, стр. 68—69, подъ заглавіемъ: „Къ А. С. Пушкину, на его отреченіе пѣть женщинъ". Здѣсь, между прочимъ, говорится, что

... нашъ любезный сибаритъ
Талантомъ, чувствомъ, пѣснопѣньемъ,
Лишь только женщинъ отбранитъ,
Какъ вдругъ невольно, съ восхищеньемъ,
О ножкахъ, лучшей красотѣ
Роскошно-томнаго Востока, —
Своей прелестнѣйшей мечтѣ, —
Воспомянувъ, въ мгновенье ока
У ножекъ съ лирою златой!
. . . . . .
Тебѣ одна изъ нихъ (быть можетъ)
Невѣрной стала... Горькій часъ!
Но сколькихъ же (увы!) изъ насъ
Неукротима зависть гложетъ,
Шипящая на геній твой?
И ты не имъ, а намъ отнынѣ

lib.pushkinskijdom.ru

Желаешь лирою златой
(Подобно какъ средь змѣй въ пустынѣ!)
И пѣть, и нравиться?... Ахъ, нѣтъ!
И пой, и нравься лишь харитамъ,
Тобой плѣняемымъ, поэтъ!

Въ стихахъ 76-мъ и 77-мъ упоминается отрицательное мнѣніе о славѣ Байрона и Жуковскаго. Байронъ говоритъ о славѣ въ CCXVIII-й строфѣ первой пѣсни *Донъ-Жуана*: „Въ чемъ конечный исходъ славы? Въ томъ, что имя наше наполнитъ нѣсколько столбцовъ лживой бумаги. Нѣкоторые сравниваютъ ее съ карабканьемъ на высокую гору, которой вершина, подобно всѣмъ горамъ, покрыта туманомъ. Для того ли люди пишутъ, говорятъ, проповѣдуютъ, герои убиваютъ, поэты жгутъ то, что называютъ своей полуночной лампадой, — чтобъ заслужить имя, портретъ или бюстъ, когда самый оригиналъ обратится въ пыль?“ Въ строфѣ CXII-й третьей пѣсни *Чайльдъ-Гарольда* читаемъ: „Слава — жажда юныхъ, а я не такъ ужь юнъ, чтобы обращать вниманіе на гримасу или улыбку публики, чтобы заботиться объ утратѣ или пріобрѣтеніи славной доли; я стоялъ и стою одиноко, все равно, помнятъ ли обо мнѣ или нѣтъ.“ Жуковскій въ *Свѣтланѣ* говоритъ:

Слава — насъ учили — дымъ,
Свѣтъ — судья лукавый!

а въ посланіи къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину предостерегаетъ отъ увлеченія славой:

Страшись къ той славѣ прикоснуться,
Которою прельщаетъ свѣтъ, —
Обвитый розами скелетъ;
Любуйся издали, поэтъ,
Чтобы вблизи не ужаснуться!

lib.pushkinskijdom.ru

Что предъ тобой ничтожный судъ
Толпы, въ рѣшеніяхъ пристрастной,
И вѣтреной, и разногласной?...

Въ стихахъ 155—175-мъ Пушкинъ вспоминаетъ о своей „единственной“ любви, овладѣвшей имъ „тамъ, гдѣ *листъ* чудесный“. Это указаніе, вѣроятно, намѣренно затемненное, находитъ себѣ объясненіе въ черновомъ варіантѣ: „гдѣ *шумъ* чудесный“, т. е., конечно, шумъ моря. Дѣло идетъ, слѣдовательно, все о тѣхъ же крымскихъ впечатлѣніяхъ, неизгладимо запавшихъ въ душу поэта и связанныхъ съ именемъ М. Н. Раевской. Здѣсь продолжается все тотъ же „любовный бредъ“, который разъ уже вылился въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ;* какъ тогда, такъ и теперь, поэтъ писалъ свои стихи „для себя, не для народа“ и, ревниво охраняя ихъ отъ посторонняго взора, вычеркивалъ въ своихъ тетрадяхъ... Анненковъ, впервые напечатавшій отброшенные Пушкинымъ стихи, сближаетъ ихъ съ одной замѣткой, найденной въ тѣхъ же бумагахъ:

„Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues; toutes se sont passablement moquées de moi, — toutes, *à l'exception d'une seule,* ont fait avec moi les coquettes...“

„Разговоръ“ служитъ свидѣтельствомъ того, какимъ жизненнымъ вопросомъ былъ для Пушкина вопросъ о поэзіи и какъ настойчиво онъ старался разъяснять его, устраняя тѣ кажущіяся противорѣчія, которыя другихъ приводили въ недоумѣніе. Поэтъ исходитъ изъ той мысли, которую онъ такъ настойчиво поддерживалъ передъ своими друзьями и на которую еще недавно указывалъ своему бывшему начальству, — что онъ пишетъ стихи для денегъ. „Должно смотрѣть на поэзію, съ позволенія сказать, какъ на ремесло“, писалъ онъ Вяземскому еще

lib.pushkinskijdom.ru

въ концѣ 1822 или въ началѣ 1823 года. „Аристократическія предубѣжденія пристали тебѣ, но не мнѣ; на конченную свою поэму я смотрю какъ сапожникъ на пару своихъ сапогъ: продаю съ барышемъ...“ — „Mais pourquoi chantais-tu?“ читаемъ въ письмѣ къ брату, въ началѣ 1824 года: „на сей вопросъ Ламартина отвѣчаю: я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лекарь моритъ, — за деньги, за деньги, за деньги. Таковъ я въ наготѣ моего цинизма!“ — „Я уже поборолъ въ себѣ отвращеніе писать и продавать свои стихи для того, чтобы имѣть средства къ жизни“, писалъ онъ А. И. Казначееву въ іюнѣ того же года: „самое главное уже сдѣлано; правда, я пишу только подъ прихотливымъ вліяніемъ вдохновенія, но разъ стихи уже написаны, — я смотрю на нихъ уже только какъ на товаръ, по стольку-то за штуку. Я не понимаю негодованія моихъ друзей (да и не знаю хорошенько, что такое, собственно, мои друзья). Мнѣ надоѣло зависѣть отъ хорошаго или дурного пищеваренія того или иного начальства...“ (Переписка, томъ I, стр. 61, 94, 114—115). Друзья не хотѣли ему вѣрить, считая эти идеи за одну изъ тѣхъ оригинальностей и странностей, которыми поэтъ любилъ отличать себя. Вдохновеніе, всегда считавшееся основною силою поэзіи, и матеріальные разсчеты и выгоды никакъ не могли соединиться въ ихъ понятіи. „Языкъ боговъ“, какъ называли они поэзію, и языкъ коммерціи — два языка, совершенно не сродные. Да и самому Пушкину откровенное признаніе въ томъ, что поэзія можетъ и должна стать для него источникомъ дохода, представлялось „цинизмомъ“. Но онъ легко преодолѣлъ это предубѣжденіе, когда взглянулъ на поэзію, какъ на свободный трудъ, который можетъ сдѣлать трудомъ всей жизни, и отдѣлилъ процессъ творчества отъ готовой работы, которая получаетъ уже матеріальную цѣнность. По его взгляду, поэзія

lib.pushkinskijdom.ru

есть чистое творчество, зависящее только отъ впечатлѣній жизни, въ чемъ бы она ни проявлялась; самый процессъ творчества — не въ волѣ поэта: онъ происходитъ въ душѣ его какъ бы безсознательно для него самого... Живой, вдохновенной рѣчью представляетъ Пушкинъ этотъ процессъ творчества „въ часы ночного вдохновенья". При такомъ высокомъ настроеніи творческаго духа не можетъ быть и мысли о платѣ, о торговлѣ. Ближайшее слѣдствіе творчества есть высшее духовное наслажденіе и желаніе продлить его, а не денежная оцѣнка; отъ нея оно вполнѣ свободно. Далѣе поэтъ освобождаетъ его и отъ другихъ цѣлей, которыя могли бы повредить его свободѣ. Обыкновенно говорили, что поэзія не безкорыстна, потому что поэту нужна „слава", и что ни одинъ поэтъ не взялся бы за перо, если бы не надѣялся имѣть читателей, что въ этомъ случаѣ наука безкорыстнѣе поэзіи: ученый будетъ заниматься и на необитаемомъ островѣ ради одной истины, а поэтъ, будто бы, откажется отъ своей поэзіи. Такимъ образомъ, мысль о славѣ неотдѣлима отъ поэзіи, а эта мысль должна подчинить поэта требованіямъ читателей, т. е. „толпы", и сдѣлать его ея угодникомъ. Гдѣ же тутъ свобода творчества? Но Пушкинъ, уже извѣдавшій славу, приходитъ къ убѣжденію, что не стоитъ дорожить ею, отрекается отъ нея, даже примѣняетъ къ ней „русскій титулъ" (тамъ же, стр. 164) и ставитъ выше ея, какъ и выше всего, блаженство души въ свободномъ творчествѣ: „Блаженъ, кто молча былъ поэтъ,... презрѣнной чернію забытый". Затѣмъ, поэзію часто соединяли съ любовью, съ возлюбленной женщиной, которую возводили въ идеалъ, которой поклонялись и подчиняли свое творчество. Пушкинъ отъ ранней юности увлекался женской красотой и, какъ страстная натура, мучился и въ любви, и въ ревности; много хвалебныхъ стиховъ сложилъ онъ въ любовныхъ признаніяхъ; но не

lib.pushkinskijdom.ru

хотѣлъ и за любовью признать власти надъ поэтическимъ творчествомъ. Любовь соединяется только съ юностью, и черезъ нее можетъ стать временно цѣлью поэзіи. Оглядываясь назадъ, на своихъ „идоловъ“, поэтъ приходитъ къ самому печальному о нихъ заключенію. Правда, рядомъ съ ними онъ ставитъ и идеальное представленіе о единственной любимой женщинѣ; но эта любовь его осталась безъ отвѣта, въ этой любви онъ былъ и самъ „глухъ и нѣмъ“... Такимъ образомъ, отказавшись отъ всѣхъ постороннихъ для поэзіи цѣлей, поэтъ избираетъ себѣ — одну *свободу*. Сдѣлавъ такой выборъ, онъ тотчасъ же дѣлаетъ неизбѣжный поворотъ къ тому вопросу, съ котораго и начатъ „Разговоръ“, — къ вопросу о платѣ за поэтическій трудъ. Забота о физическомъ существованіи человѣка соединяется съ трудомъ, обезпечивающимъ его самостоятельность въ жизни и дающимъ твердую опору его свободѣ, ограждая ее отъ всякой посторонней зависимости и отъ всякихъ притязаній другихъ силъ. Полная свобода творчества возможна только при свободѣ независимаго человѣка; а независимость опирается на свободный трудъ, который имѣетъ право оцѣнивать себя и требовать оплаты. Изъ всего этого слѣдуетъ, что для свободы творчества нужно, чтобы оно считалось трудомъ жизни и, слѣдовательно, имѣло бы одинаковыя права со всякимъ трудомъ. Черезъ это не пострадаетъ достоинство творчества:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать,

потому что рукопись, какъ плодъ труда, становится уже „товаромъ“. (Ср. Стоюнинъ, „Пушкинъ“, стр. 220—226). Этого не понимали, или не хотѣли, какъ слѣдуетъ, понять друзья Пушкина, безъ всякой церемоніи раздававшіе его стихи по альманахамъ или помогавшіе распространенію

lib.pushkinskijdom.ru

ихъ въ рукописяхъ, въ ущербъ распространенію печатныхъ изданій. „Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей Славѣ!“ писалъ поэтъ брату. „Благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля! Благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! Остается узнать, раскупится ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи; но это — бездѣлица, поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ... писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола...Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 р., а тамъ хоть трава не рости. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по-европейски, обдернутся и останутся въ накладѣ; да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. Такимъ образомъ, обязанъ я за все, про все — друзьямъ моей Славы, — чортъ ихъ возьми и съ нею! Тутъ смотри, какъ бы съ голоду не околѣть, а они кричатъ: слава!...“ (Переписка, томъ I, стр. 94, 104). Впрочемъ, авторъ статьи о лирическихъ стихотвореніяхъ Пушкина въ *Галатеѣ* 1839, часть I-я, № 29, утверждаетъ, что Пушкинъ жалѣлъ о томъ, что онъ вынужденъ былъ обстоятельствами продавать свои стихи: „Я всякій разъ чувствую жестокое угрызеніе совѣсти, сказалъ онъ мнѣ однажды въ откровенномъ со мною разговорѣ, когда вспоминаю, что я, можетъ быть, первый изъ русскихъ началъ торговать поэзіею. Я, конечно, выгодно продалъ свой *Бахчисарайскій Фонтанъ* и *Евгенія Онѣгина;* но къ чему это поведетъ нашу поэзію, а можетъ быть — и всю нашу литературу? Ужъ, конечно, не къ добру. Признаюсь, я завидую Державину, Дмитріеву, Карамзину: они безкорыстно и безукоризненно для совѣсти подвизались на благородномъ своемъ поприщѣ, на поприщѣ словесности, а я?...“ Тутъ онъ тяжело вздохнулъ и замолчалъ...

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ прелестно выразилъ это тревожное состояніе своей души въ *Разговорѣ* книгопродавца съ поэтомъ".

Жуковскій, прочитавшій „Разговоръ" еще до появленія его въ печати, нашелъ его „несравненнымъ", а Плетневъ писалъ Пушкину, что эта пьеса — „верхъ ума, вкуса и вдохновенія. Я ужъ не говорю о стихахъ: меня убиваетъ твоя логика. Ни одинъ нѣмецкій профессоръ не удержитъ въ пудовой диссертаціи столько порядка, не помѣститъ столько мыслей и не докажетъ такъ ясно своего предложенія. Между тѣмъ какая свобода въ ходѣ! Увидимъ, раскусятъ ли это наши классики" (Переписка, томъ, I, стр. 148, 166 — 167). По замѣчанію Анненкова (Матеріалы, изд. 2-е, стр. 118), о значеніи *Разговора*, при его появленіи, „весьма мало говорили: такъ затемненъ онъ былъ романомъ, поглотившимъ все вниманіе публики и журналистовъ". Кажется, только одинъ А. Е. Измайловъ замѣтилъ въ своемъ *Благонамѣренномъ* (1825, часть 29, № 9, Книжныя Извѣстія): „Желательно, чтобы всегда говорили у насъ такъ умно, какъ здѣсь, не только книгопродавцы, но и Поэты, даже въ преклонныя лѣты". Позднѣйшая критика отнеслась къ *Разговору* гораздо внимательнѣе. Бѣлинскій (Сочиненія, изданіе С. А. Венгерова, томъ II, стр. 416; томъ VI, стр. 14—15; томъ VII, стр. 163) очень высоко цѣнилъ „Разговоръ", какъ произведеніе „золотого времени поэзіи Пушкина", какъ „превосходнѣйшій образецъ лирической поэзіи въ драматической формѣ", и приводилъ стихи: „Все волновало нѣжный умъ" и пр. въ объясненіе своей мысли о томъ, что „поэтъ — благороднѣйшій сосудъ духа, избранный любимецъ небесъ, тайникъ природы, эолова арфа чувствъ и ощущеній, органъ міровой жизни". Говоря о продажѣ „рукописи", критикъ замѣтилъ, что „торгуетъ своими трудами только посредственность; истинный талантъ не почтетъ для себя унизительнымъ взять деньги за свой

lib.pushkinskijdom.ru

литературный трудъ, но почтетъ низостію писать для денегъ". Аполлонъ Григорьевъ (Сочиненія, томъ I, стр. 282) о стихѣ: „Вся жизнь — одна ли, двѣ ли ночи" высказалъ, что „ничего во всей лирической поэзіи нельзя найти задушевнѣе этого стиха, какъ будто случайно вырвавшагося изъ сердца поэта въ разговорѣ съ книгопродавцемъ". Н. А. Котляревскій („Литературныя направленія александровской эпохи", стр. 117) видитъ въ *Разговорѣ* „слѣды недавнихъ тревогъ: поэтъ разочарованъ, угрюмъ, отъ людей держится въ сторонѣ и совсѣмъ безъ увлеченія смотритъ на свое собственное творчество. На вопросъ, въ чемъ кроется причина такого унылаго состоянія духа,... отвѣчаетъ ссылкой на отвергнутую любовь... Но мы можемъ ему не повѣрить. Причина, конечно, лежитъ глубже. Она — въ томъ, что онъ въ людяхъ не нашелъ того отклика, на который разсчитывалъ... На вопросъ: что же остается ему? онъ отвѣчаетъ однимъ словомъ: „свобода". Поэтъ произнесъ то многозначительное слово, которое потомъ такъ часто повторялось при нескончаемыхъ спорахъ о „свободѣ искусства". Пушкинъ не пояснилъ, что онъ въ данномъ случаѣ подъ этимъ словомъ разумѣетъ, но несомнѣнно, что это не была пустая отговорка. Въ очень туманныхъ очертаніяхъ возникала передъ поэтомъ необычайно сложная проблема. Надлежало рѣшить вопросъ о томъ, насколько поэтъ можетъ быть свободенъ въ своемъ творчествѣ, т. е. насколько для него обязательны тѣ условія гражданской жизни, среди которой ему жить приходится. Имѣетъ ли онъ право остаться самимъ собой, не выходя изъ круга чувствъ и понятій, которыя ему, какъ художнику, милы, или, сознавая свою исключительную роль въ обществѣ, онъ долженъ худо ли, хорошо ли, но откликаться на явленія, которыя могутъ совсѣмъ не интересовать его, какъ художника? Вопросъ этотъ былъ долгое время больнымъ

lib.pushkinskijdom.ru

вопросомъ, обиднымъ для художника, который никакъ не могъ допустить насилія надъ собой, и также обиднымъ для читателя, который, любя поэта, не хотѣлъ согласиться съ тѣмъ, что онъ не имѣетъ права требовать отъ художника отвѣта на всѣ вопросы, которые его, читателя, интересуютъ. Время этотъ споръ рѣшило“...

XVIII.

Т — ПРАВЪ...

(Стр. 231).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 17, по которой впервые напечатано Анненковымъ, въ его изданіи сочиненій Пушкина, томъ I, стр. 337 (ср. „Матеріалы“, изд. 2-е, стр. 328) и неправильно отнесено къ „Альбому Онѣгина“, о которомъ въ пору написанія этой пьесы Пушкинъ еще и не думалъ. На указанной страницѣ рукописи это стихотвореніе, слѣдующее непосредственно за черновикомъ *Разговора*, написано дважды: сначала начерно, потомъ, сейчасъ же, набѣло, но опять съ поправками. Черновая редакція представляетъ слѣдующіе варіанты:

Стихъ 1-й: Т — правъ, (когда *сравнилъ тебя*) *онъ*
„ 4-й: (*Но такъ же* какъ она) премѣнчивы душою
„ 5-й: И съ розой *сходны* вы...
„ 7-й: Цвѣтете *какъ она средь нрзб.*
„ 9-й: Но *радуетъ меня* сравненіе съ ключемъ
„ 10-й: *Да, чисты вы какъ онъ душою*

Въ бѣловой редакціи имѣется только три первоначальныхъ варіанта, тутъ же исправленные, какъ въ печатномъ:

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 5-й: И съ розой сходны вы, *разцвѣтшею* весной
„ 6-й: *Сегодня* какъ она...
„ 9-й: *Но радуетъ* меня...

Анненковъ предполагалъ, что стихотвореніе вызвано пьесой В. И. Туманскаго „Къ Ней“, но въ этой пьесѣ, изъ которой у Анненкова тутъ же приведены начальные стихи, нѣтъ сравненій, указанныхъ Пушкинымъ, и вообще въ числѣ извѣстныхъ въ печати произведеній обоихъ поэтовъ Туманскихъ — В. И. и Ѳ. А. — нѣтъ стихотворенія, которое заключало бы въ себѣ уподобленія красавицы радугѣ, розѣ, ключу и чему-то еще. Остается предположить, что или стихотвореніе было написано дѣйствительно Туманскимъ, но намъ остается неизвѣстнымъ, или — что авторомъ его былъ какой нибудь другой „Т.“ Можетъ быть, рѣчь идетъ о мадригалѣ, который Пушкинымъ былъ прочитанъ въ альбомѣ какой нибудь барышни и къ которому поэтъ думалъ написать „дополненіе“, оставшееся, однако, только въ черновомъ видѣ.

XIX.

МНѢ ЖАЛЬ ВЕЛИКІЯ ЖЕНЫ.

(Стр. 232).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 19, впервые напечатано (неточно) въ изданіи Литературнаго Фонда, томъ I, стр. 336. Рукопись представляетъ крайне исчерканный и почти неподдающійся прочтенію набросокъ, въ которомъ, сверхъ напечатанныхъ въ текстѣ настоящаго изданія, можно разобрать еще слѣдующіе варіанты и дополнительные стихи:

Стихъ 5-й: Въ *бесѣдкахъ Сарскаго* Села
„ 6-й: Она съ *Потемкинымъ являлась* (*или:*)
Она съ *Потемкинымъ*, съ Орловымъ

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 7-й: Бесѣды *тайныя* вела
„ 9-й: *Съ Делиньемъ* иногда...

Далѣе, сбоку и сверху, можно прочесть:

Мы ей одолжены Тавридой
(И просвѣщеньемъ)
(Прозвать) Минервой, Аонидой
(Любовью) Душенькой, Кипридой
.....
То цѣловалась, то любила
Бразды правленія брала
Чрезъ цвѣтники она въ...

Стихъ 18-й первоначально читался:

На суднѣ съ нею умерла.

Въ *Колоколѣ* Герцена, 1859, № 23 — 24, стр. 200, и затѣмъ въ изданіи „Русскаго“ (Н. В. Гербеля): „Стихотворенія А. С. Пушкина, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій“, Берлинъ 1861, стр. 52, напечатана эпиграмма въ 10 стиховъ, начинающаяся словами: „Насильно Зубову мила“, въ которой отчасти повторяются стихи настоящаго наброска; но, за неимѣніемъ рукописи и даже указаній на то, откуда эта эпиграмма получена, нельзя утверждать, что она принадлежитъ Пушкину.

Взглядъ свой на Екатерину II и ея царствованіе Пушкинъ высказалъ въ *Историческихъ Замѣчаніяхъ*.

XX.

[П. А. ПЛЕТНЕВУ].

(Стр. 233).

Этими стихами начинается черновой набросокъ письма къ Плетневу изъ Михайловскаго, писаннаго въ сентябрѣ-октябрѣ 1824 г. по поводу задуманнаго Пушкинымъ

lib.pushkinskijdom.ru

изданія своихъ стихотвореній, о которомъ поэтъ началъ заботиться тотчасъ же по пріѣздѣ на сѣверъ. По рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 34, впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, стр. 12. Плетневъ былъ издателемъ сочиненій Василья Львовича Пушкина, вышедшихъ въ 1822 г. См. Переписку, томъ I, стр. 134.

XXI.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ЦЕНЗОРУ.

(Стр. 234).

Сохранилось въ трехъ автографахъ, изъ которыхъ одинъ находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, лл. 21 и 22, другой—въ рукописи того же Музея № 2367, лл. 31 и 32 об., третій — на отдѣльномъ листѣ, съ подписью: „А. Пушкинъ“, въ собраніи П. Я. Дашкова. Напечатано въ изданіи Анненкова, томъ VII, стр. 33—35, съ значительными пропусками и подъ непринадлежащимъ Пушкину заглавіемъ: „Второе посланіе къ Аристарху“. Пропуски пополнены отчасти въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858, № 11, ст. 348, и болѣе значительно, но не вездѣ точно, въ изданіи 1870 г., томъ I, стр. 302 — 304. Въ совершенно полномъ видѣ посланіе явилось въ изданіи 1880 г., томъ I, стр. 468 — 470, по автографу, находящемуся въ собраніи П. Я. Дашкова. По этому же автографу посланіе напечатано и Л. Н. Майковымъ въ *Матеріалахъ для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина*, Спб. 1902, стр. 215 — 217. Для настоящаго изданія принятъ текстъ музейной рукописи № 2367.

Отрывокъ изъ посланія, именно стихи 30-й — 38-й, впервые былъ напечатанъ, по неточному списку, въ

lib.pushkinskijdom.ru

Сборникъ, издаваемомъ студентами Императорскаго С.-Петербургскаго университета, выпускъ I-й, Спб. 1857, стр. 350, а стихи 33-й и 34-й находятся на бюстѣ А. С. Шишкова въ Императорской Академіи Наукъ и были напечатаны въ *Маякѣ* 1844, томъ XVI, книга 31-я, глава I-я, стр. 19, въ статьѣ Б. М. Ѳедорова: „Пятидесятилѣтіе литературной жизни С. Н. Глинки".

Текстъ музейной рукописи № 2367, принятый въ основу для настоящаго изданія, представляетъ слѣдующіе *первоначальные* варіанты:

Стихъ 2-й: Позволь обнять себя, мой *давній* собесѣдникъ.
„ 25-й: *Хоть этимъ я горжусь*, но перемѣной сею
„ 27-й: *(Я подразнилъ тебя) Я правду говорилъ* по
долгу моему
„ 28-й: Но мнѣ *ли изправлять?* . . .
„ 29-й: *(Разправой) Цензурой новою* обязана Россія
„ 31-й: Министра *новаго* . . .
„ 32-й: Шишковъ *правленіе науки* возпріялъ
„ 33-й: . . . . . онъ *славенъ для* народа

Стихи 33-й-34-й:

Сей старецъ дорогъ намъ — *другъ чести, другъ*
народа
Онъ славенъ славою Двѣнадцатаго года.

Стихъ 36-й: Ихъ, незамѣченныхъ, *призвалъ*, соединилъ
„ 46-й: Мужъ твердый *разумомъ* и *сердцемъ*
превосходный
„ 47-й: *А я и бѣдненькой* Кавелинъ дурачекъ
„ 49-й: И вотъ, *о Боже мой* . . .
„ 50-й: *Ввѣрялись бѣдныя, нещастныя* науки!
„ 52-й: Но полно! *горькая* . . .
„ 54-й: Я съ перемѣною *(высокаго) обширнаго*
правленья

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 58-й: . . . . . *для памяти* оставить
„ 69-й: Когда не *видно* въ нихъ *намѣреній* разврата
„ 72-й: Махни *(ему) себѣ* рукой. . .

Текстъ музейной рукописи № 2370 представляетъ первоначальный черновикъ посланія, весь испещренный помарками и исправленіями. Полная его транскрипція будетъ дана въ дополнительномъ томѣ, здѣсь же приводятся только важнѣйшіе варіанты, устраненные въ окончательной редакціи.

Стихи 1-й—2-й:

На *трудномъ* поприщѣ Т—наслѣдникъ,
Позволь *себя обнять*, мой *старый* собесѣдникъ

Стихъ 9-й: Теперь, въ моей *степи*. . .

„ 35-й: *Безсмертной славою* Двѣнадцатаго года
„ 37-й: Ихъ, незамѣченныхъ, *призвалъ и оснилъ*
„ 44-й: *Гнала стыдливыхъ* музъ. . .
„ 50-й: *Ввѣрялись бѣдныя, безвинныя* науки
„ 57-й: Итакъ, *спѣшу тебя, пріятель мой*, поздравить

Автографъ изъ собранія П. Я. Дашкова заключаетъ въ себѣ слѣдующія отличія:

Стихъ 3-й: Недавно, тяжкою цензурой *угнетенъ*
„ 7-й: Потѣшилъ *языка* бранчивую свербежъ
„ 10-й: *(А благо мнѣ читать теперь большой* досугъ*)*
„ 32-й: Шишковъ *уже наукъ*. . .
„ 35-й: Одинъ *среди* вельможъ. . .

Стихи 37-й и 38-й переставлены одинъ на мѣсто другого.

Стихъ 46-й: Мужъ *честный* въ правилахъ. . .
„ 59-й: . . . . . не просятъ *отъ* тебя

lib.pushkinskijdom.ru

Въ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 25 января 1825 г. Пушкинъ сообщилъ стихи 30-й—38-й. Здѣсь стихъ 32-й читается:

Шишковъ *уже наукъ* правленье восприялъ,

а стихи 37-й и 38-й:

Отъ хлада нашихъ дней *спасалъ* онъ лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины.

(Переписка, томъ I, стр. 169-170).

Настоящее посланіе обращено къ тому же цензору Бирукову, къ которому было адресовано и первое посланіе 1822 года. Въ пору хлопотъ по первому изданію сборника своихъ стихотвореній и первой главы *Онѣгина*, которую Пушкинъ не надѣялся провести черезъ цензуру во время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, неожиданная отставка послѣдняго и назначеніе на его мѣсто знаменитаго адмирала А. С. Шишкова возбудили въ поэтѣ новыя надежды. „Какъ еще ни относился враждебно суровый старецъ къ современной ему литературѣ, называя ее сплошь легкомысленной,... все же онъ былъ самъ литераторъ, не могъ ужасаться выраженій въ родѣ „небесный глазъ“ и т. п. и понялъ бы жалобу на безграмотное и безцѣльное извращеніе смысла и стиха въ произведеніи, что такъ часто и развязно дѣлали люди прежней администраціи. Притомъ же извѣстно было, что онъ публично выражалъ негодованіе на тупость и чудовищность цензурныхъ помарокъ и приводилъ невѣроятные примѣры ихъ даже оффиціально“ (Анненковъ, „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 305). Пушкинъ сталъ надѣяться на облегченіе цензурнаго гнета и въ первой половинѣ 1824 г., въ письмѣ къ кн. Вяземскому, выразилъ ожиданіе, что

lib.pushkinskijdom.ru

„авось, съ перемѣной министерства“, I-я глава *Онѣгина* и увидитъ свѣтъ. Въ письмѣ къ брату отъ 13 іюня онъ ожидалъ „перемѣны цензуры“, въ виду того, что „Бируковъ и Красовскій не въ терпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны“, ожидалъ также и „добра для литературы вообще“ и посылалъ Шишкову „лобзаніе не яко Іуда-Арзамасецъ, но яко Разбойникъ-Романтикъ“, хотя, въ то же время, и опасался, какъ бы новый министръ не испортилъ „всей обѣдни“. „Онѣгинъ мой ростетъ“, писалъ онъ 29 іюня Бестужеву, — „да чортъ его напечатаетъ. Я думалъ, что Цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ — а вижу что и при старомъ по старому“. Но въ началѣ слѣдующаго года *Онѣгинъ* все-таки „протерся сквозь Цензуру“ — и Пушкинъ восклицаетъ, въ письмѣ къ Вяземскому отъ 25 января: „честь и слава Шишкову“ и приводитъ стихи 30—38 изъ своего посланія, съ замѣткой: „Такъ Арзамасецъ говоритъ нынѣ о дѣдѣ Шишковѣ, — tempora altri! Вотъ почему я не рѣшился по твоему совѣту къ нему прибѣгнуть въ дѣлѣ своемъ съ Ольдекопомъ. Въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство. Я же подличалъ благонамѣренно — имѣя въ виду пользу нашей словесности и усмиреніе кичливаго Красовскаго“ (Переписка, томъ I, стр. 116, 117, 119, 122, 169—170). Въ посланіи Пушкинъ вспоминаетъ только что минувшее управленіе министерствомъ „святого отца“ — мистика князя А. Н. Голицына и его ближайшихъ помощниковъ въ гоненіи на просвѣщеніе, Магницкаго и Кавелина.

Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій (1788—1855), членъ Главнаго Правленія Училищъ, потомъ — попечитель Казанскаго учебнаго округа, извѣстенъ своимъ гоненіемъ на Казанскій университетъ и его професоровъ. О немъ см. книгу Е. М. Ѳеоктистова: „Магницкій“, М. 1865, и „Очерки изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія“ М. И. Сухомлинова, Спб. 1889, томъ I.

lib.pushkinskijdom.ru

Дмитрій Александровичъ Кавелинъ (1778 — 1851), отецъ извѣстнаго впослѣдствіи ученаго историка-юриста К. Д. Кавелина, съ 1817 года былъ директоромъ Главнаго Педагогическаго Института, а съ 1819 г. — директоромъ только что открытаго С.-Петербургскаго университета; при попечителяхъ графѣ С. С. Уваровѣ и Д. П. Руничѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ судѣ надъ Галичемъ и другими профессорами въ 1821 году. Подробности этого дѣла изложены въ названной книгѣ академика Сухомлинова и въ *Чтеніяхъ* Московскаго Общества исторіи и древностей 1866, кн. III; о самомъ же Кавелинѣ см. *Записки* Ф. Ф. Вигеля, часть V, стр. 43 и статью проф. Д. А. Корсакова: „Д. Кавелинъ“ въ *Вѣстникѣ Европы* 1886, № I. Кавелинъ былъ нѣкогда членомъ „Арзамаса“, почему Пушкинъ и называетъ его „своимъ“.

Въ стихѣ 44-мъ упоминается Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій (1737 — 1814), одинъ изъ вице-президентовъ и устроитель московскаго отдѣленія Россійскаго Библейскаго Общества, вскорѣ ставшаго центромъ мистицизма въ Россіи. Какъ главный начальникъ цензуры, князь А. Н. Голицынъ строго преслѣдовалъ всякія свободныя проявленія умственной жизни общества и всякіе протесты противъ мистическихъ увлеченій; наоборотъ, книги мистическаго содержанія при немъ разрѣшались безпрепятственно. Бантышъ-Каменскій былъ мистикъ, и его имя здѣсь употреблено, кажется, только какъ нарицательное,—для обозначенія извѣстнаго лагеря.

Стихи 45-й и 46-й, какъ уже указано выше, на стр. 66, напоминаютъ посланіе Е. А. Боратынскаго къ Гнѣдичу:

Мужъ, дарованьями, душою превосходный
Въ стихахъ возвышенный и въ сердцѣ благородный.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXII.

ГРАФУ ОЛИЗАРУ.

(Стр. 237).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 32, по которой и напечатано впервые В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, стр. 11; затѣмъ внесено, съ нѣкоторыми исправленіями, въ изданіе Литературнаго Фонда, томъ I, стр. 334.

Рукопись представляетъ черновикъ, испещренный помарками и поправками, которыя, особенно къ концу стихотворенія, дѣлаютъ его совершенно недоступнымъ для разбора. Приводимъ транскрипцію, насколько намъ удалось ее установить.

Графу О*
Пѣвецъ! издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена
сторона
То наша стонетъ (подъ грозою)
подъ грозою
То ваша гибнетъ (сторона).
(И матерей у васъ видали)
бывало
И вы (свирѣпо) пировали
Кремля (позоръ и) плѣнъ —
(И вы, вы злобой трепетали)
(Пируя нашъ кровавый плѣнъ)
(И вы на Русь позоръ и плѣнъ)
(При крикахъ буйныхъ налагали)
(Когда)
(И дѣтямъ)
(У гроба) (жены завѣщали)
(при гробѣ)
(И мать) (ненависть къ врагамъ)
И мы о камни падшихъ стѣнъ

lib.pushkinskijdom.ru

Младенцевъ (вашихъ) избивали
(топтали)
(Красу Костюшкиныхъ знаменъ)
Когда (на) (навѣки) (топтали) попирали
(Въ пр...)
Красу Костюшкиныхъ знаменъ —
(Сегодня нѣтъ межъ племенами)
(дѣвѣ) съ дѣвой вашей
И тотъ не нашъ, кто (Полькѣ злобной)
Кольцомъ завѣтнымъ (обрученъ) сопряженъ
(И кто воз...) (И дѣвой рускою плѣненъ)
Не выпьемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ женъ
(Пройдутъ вѣка)
(И наша дѣва молодая)
(Не приметъ.....Поляка)
(Не призоветъ изъ далека)
(Плѣнивъ) Привлекши сердце Поляка
(Отвергнетъ)
(Не изберетъ) гордостью пылая
(Себѣ въ супруги Поляка)
Не приметъ (гордою душою)
(Любовь...Поляка)
Любовь народнаго врага.
огнь* (языкъ) (священный)
Но (для) поэзіи (высокой) чудесной
(Вражды народной)
дружить
Сердца враждебныя *(миритъ) —
(Поэты) дружбою (въ душѣ) небесной
Передъ улыбкой (нашей дѣвы)
(Предъ пѣ) При пѣсняхъ
Въ... При звукахъ* (радости) небесной
(Вражда) взаимная молчитъ

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

При пѣсняхъ вдохновенья
(Сарматски)
И возстаютъ
(Горѣ встаютъ) благословенья
И на* сердца* нисходитъ миръ

Графъ Густавъ Филипповичъ Олизаръ (1798—1865) былъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и находился въ близкихъ отношеніяхъ къ семьѣ Раевскихъ, съ которыми, между прочимъ, побывалъ въ 1821 году и въ Кишиневѣ, въ гостяхъ у Орловыхъ. Здѣсь-то, по всей вѣроятности, онъ и познакомился съ Пушкинымъ (*Русскій Архивъ* 1866, стл. 1258). Быстро развившаяся южная красота М. Н. Раевской произвела на Олизара очень сильное впечатлѣніе; пылкій поэтъ влюбился въ нее, въ 1823 г. сдѣлалъ предложеніе, но получилъ отказъ, мотивированный различіемъ религіи и народности. „Она понимала“, писалъ онъ впослѣдствіи въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, „что при существующихъ между обѣими національностями политическихъ отношеніяхъ русская женщина, желающая сохранить свою народность, конечно, не можетъ соединить свою судьбу съ судьбою истаго поляка“. Огорченный отказомъ Олизаръ уединился въ купленномъ имъ въ Крыму, близь Аю-дага, помѣстьѣ, которому далъ греческое названіе „Кардіатриконъ“ (лѣкарство сердца) и здѣсь сталъ воспѣвать свою злополучную любовь и ея предметъ—Марію, подъ анаграммой „Амира“. „Несчастье“, говорится въ одномъ изъ его стихотвореній — „разлучило два чуткія сердца, достойныя одно другого; я уже льстилъ себя, Амира, пламенной надеждой, — но дорогая моя отчизна пришлась тебѣ не по душѣ...“ Въ другомъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ: „Сонъ“ аллегорически изображается

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

драматическая коллизія между любовью къ Отчизнѣ и къ Марылѣ, причемъ Отчизна упрекаетъ поэта за то, что онъ готовъ, пожалуй, рвать съ ея могилы цвѣты для своей возлюбленной, взятой изъ вражескаго стана... Впрочемъ, о „Марылѣ“ онъ навсегда сохранилъ свѣтлую память. „Если въ душѣ моей“, говоритъ онъ, „развились какія-нибудь высшія, благородныя, поэтическія чувства, то этимъ я обязанъ той любви, какую внушила мнѣ Марія Раевская... Она была для меня тою Беатриче, которой было посвящено то дантовское чувство, до какого могъ возвыситься мой поэтическій духъ. Благодаря ей, или, вѣрнѣе, — благодаря любви къ ней, я пріобрѣлъ сочувствіе перваго русскаго поэта, а также дружбу нашего лауреата Адама [Мицкевича], котораго крымскій сонетъ „Аюдагъ“ посвященъ мнѣ и моему любовному изгнанію“. Впослѣдствіи, въ 1826 г., Олизаръ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ декабристами, особенно съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ, былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, но вскорѣ освобожденъ. Онъ оставилъ любопытныя „Воспоминанія“ (Pamiętniki 1798—1865 Gustawa Olizara, z przedmową J. Leszczyca, Lwów 1902), изложенныя и отчасти переведенныя А. Ѳ. Копыловымъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1893, августъ и сентябрь. См. о немъ Записки кн. С. М. Волконскаго, Спб. 1901, стр. 402; *Русскій Архивъ* 1897, кн. 11, стр. 24, 585—586; 1902, кн. 11, стр. 265—267; 1906, кн. III, стр. 609; *Былое* 1906, май, стр. 248—250; Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ 78, стр. 139; Архивъ Раевскихъ, тт. I и II, по указателю.

Посланіе Пушкина, подобно сонету Мицкевича, также касается неудачнаго сватовства Олизара, объясняя и причины его неудачи. „Давній споръ“ между двумя враждебными племенами оставилъ по себѣ слишкомъ

lib.pushkinskijdom.ru

острыя историческія воспоминанія; но горечь этихъ воспоминаній, устраняющая возможность сердечнаго сближенія, перестаетъ ощущаться въ сферѣ высшей, творческой дѣятельности духа, — тамъ, гдѣ горитъ священный огонь поэзіи. Тамъ чувствуется та „небесная радость“, при звукахъ которой вражда умолкаетъ „и на сердца нисходитъ миръ“. И впослѣдствіи, вспоминая о другомъ изъ польскихъ своихъ друзей, — Мицкевичѣ, нашъ поэтъ точно такъ же цѣнитъ его за то, что онъ, живя „средь племени враждебнаго“, не питалъ къ нему злобы, ибо „съ высоты смотрѣлъ на жизнь“.

Начальные стихи посланія къ Олизару, оставшагося ненапечатаннымъ, впослѣдствіи были повторены Пушкинымъ въ стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи“ (1831 г.).

XXIII.

ЕДВА УСТА КРАСНОРѢЧИВЫ.

(Стр. 238).

Находится въ Рукописи Румянцовскаго Музея № 2368, л. 17, по которой впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 535. Первоначальные варіанты:

Стт. 1-й и 2-й: *Его* уста краснорѣчивы
Едва тебя *коснулись*, — вмигъ

Ст. 5-й: Въ тебѣ *сокрытъ огонь* цѣлебный

Конецъ стихотворенія отрѣзанъ. Къ 1824 году оно должно быть отнесено по положенію въ рукописи — вслѣдъ за черновикомъ *Цыганъ*. Повидимому, рѣчь идетъ о бокалѣ, подаренномъ Пушкину кѣмъ-нибудь изъ его друзей-поэтовъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXIV.

ЦЫГАНЫ.

(Стр. 239 — 270).

Печатается по тексту, вошедшему въ книгу: „Поэмы и повѣсти А. Пушкина“, Спб. 1835, часть II.

Поэма была начата еще въ концѣ 1823 года, въ Одессѣ; ея начало находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, лл. 45 об., 46, 47 об. и 48, между черновыми строфами II-й и III-й главъ *Евгенія Онѣгина;* продолженіе—въ рукописи № 2370, лл. 3, 3 об., 9 об., 10, 24 — 29 об., 31 — 31 об. и 50 об.; перебѣленный текстъ, съ новыми исправленіями, — въ рукописи № 2368, лл. 3 об. 16. Въ началѣ первой изъ указанныхъ черновыхъ (№ 2369, л. 45 об.) Пушкинъ нарисовалъ медвѣдя, цыганскій шатеръ и подъ нимъ Земфиру. Тутъ же набросана и программа поэмы:

„(старикъ) (дѣва) Алеко и Маріанна (утро, медвѣдь, исповѣдь) (разговоръ) признаніе, убійство, изгнаніе.“

На слѣдующей страницѣ опять нарисованы медвѣдь и два шатра, въ одномъ изъ которыхъ женщина кормитъ грудью ребенка. Окончена поэма, какъ видно изъ помѣтъ на оборотѣ л. 27-го № 2370 и на л. 15-мъ № 2368, въ Михайловскомъ, 10 октября 1824 года. Въ печати появились сначала только отрывки изъ нея. Начальные стихи (1—93) были напечатаны въ *Полярной Звѣздѣ* на 1825 годъ; пѣсня Земфиры—въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1825, часть 6-я, № XXI, стр. 69, съ выноскою: „Прилагаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышанной самимъ поэтомъ въ Бессарабіи“; стихи 177—224 явились въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1826 годъ. Отдѣльное изданіе поэмы, разрѣшенное къ печати петербургскимъ цензоромъ П. Гаевскимъ 10 декабря 1826 г., вышло въ 1827 г. въ Москвѣ (въ типографіи Августа Семена, 46 стр. 8°), безъ имени автора и съ

lib.pushkinskijdom.ru

отмѣткою на заглавномъ листѣ: „Писано въ 1824 году". Помѣщенная на этомъ заглавномъ листѣ виньетка возбудила подозрѣнія шефа жандармовъ, который поручилъ московскому жандармскому генералу Волкову произвести секретное дознаніе, — не Пушкинъ ли доставилъ ее въ типографію, и въ такомъ случаѣ — самъ ли онъ ее нарисовалъ или кто другой, и кто именно. Волковъ отвѣтилъ, что, по объясненію допрошеннаго имъ владѣльца типографіи Сёмена, означенная виньетка, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ другихъ, куплена имъ за границею для украшенія своихъ изданій, и что съ нея сдѣланъ особый оттискъ въ альбомѣ, поднесенному Его Величеству во время коронаціонныхъ торжествъ. Въ III Отдѣленіе былъ присланъ роскошный экземпляръ этого альбома, и дѣло было прекращено. („Дѣла III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ", изд. И. Балашова, Спб. 1906, стр. 257 — 261). Въ 1835 году *Цыганы* были перепечатаны въ собраніи *Поэмъ и повѣстей* Пушкина.

Пушкинъ предназначалъ для поэмы два эпиграфа: одинъ — изъ посланія кн. Вяземскаго къ гр. Ѳ. И. Толстому, предназначавшійся прежде для *Кавказскаго Плѣнника:*

Подъ бурей рока — твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти — легкій листъ

и другой — „Мы люди смирные, дѣвы наши любятъ волю — что тебѣ дѣлать у насъ? — *Молдавская пѣсня*". Поэтъ предполагалъ также написать и предисловіе, набросокъ котораго сохранился въ музейной рукописи № 2370, л. 29:

„Долго не знали въ Европѣ произхожденія Цыгановъ; щитали (полагали) ихъ выходцами изъ Египта — (и даже донынѣ нынѣ) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ ихъ Египтянами.

lib.pushkinskijdom.ru

(Нынѣ) Англ. путешественники разрѣшили наконецъ всѣ недоуменія—доказано что Цыгане (ничто иное) принадлежатъ (кастѣ нещастной) къ отверженной кастѣ Индейцевъ, называемыхъ *Паріа*. Языкъ и то что можно назвать ихъ вѣрою и даже черты лица и образъ жизни (тому) вѣрныя тому свидѣтельства. Ихъ привязанность (ихъ) (Цыгановъ) къ дикой вольности, обезпеченной бѣдностію вездѣ утомила (и преодолѣла) мѣры, принятыя Правительствомъ для преобразованія праздной жизни сихъ бродягъ — они кочуютъ въ Россіи какъ и въ Англіи; мущины занимаются ремеслами, необходимыми для первыхъ потребностей, торгуютъ лошадьми, водятъ медвѣдей, обманываютъ и крадутъ, женщины промышляютъ ворожбой, пѣснями и плясками.

„Въ Молдавіи Цыгане (многочисленны и безъ) составляютъ большую часть народонаселенія (отличаются дикостію и бѣдностію); но всего замѣчательнѣе то, что въ Бессарабіи и Молдавіи (сдѣлались они) (единственно крѣпостные) крѣпостное состояніе (существуетъ) только между ими; тамъ (нѣтъ крѣпостныхъ людей кромѣ) сихъ (извѣстныхъ) приверженцевъ (необузд) (неограниченной) первобытной свободы. Это не мѣшаетъ имъ однакоже вести дикую кочевую жизнь, довольно вѣрно описанную въ сей повѣсти. Дань ихъ составляетъ необрочный доходъ супруги Господаря. Они отличаются передъ прочими (дикостью, бѣдностію и нѣкоторой) большей нравственной чистотой; они не промышляютъ напримѣръ обманомъ. Впроччемъ они также дики, также бѣдны, также любятъ музыку, и занимаются тѣми же грубыми ремеслами“.

Въ другой тетради (№ 2368, л. 2) находится еще слѣдующее „*Примѣчаніе*. Бессарабія, извѣстная въ самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для насъ:

lib.pushkinskijdom.ru

Она Державинымъ воспѣта
И славой Рускою полна.

(Отъ Олега и Святослава до Суворова и Кутузова она была ѳеатромъ нашихъ вѣчныхъ войнъ)

„Но донынѣ область сія намъ извѣстна по ошибочнымъ описаніямъ двухъ или трехъ путешественниковъ. Не знаю, выйдетъ ли когда-нибудь Историческое и Статистическое Описаніе оной, составленное И. П. Липранди, соединяющимъ ученость истинную съ отличными достоинствами военнаго человѣка. Если“

Полная транскрипція чернового текста поэмы будетъ дана въ дополнительномъ томѣ. Здѣсь же необходимо отмѣтить стихи, откинутые Пушкинымъ при окончательной обработкѣ и печатаніи *Цыганъ*.

Анненковъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ *Цыганамъ* (Сочиненія Пушкина, томъ III, стр. 544) указалъ, что „въ черновой рукописи Пушкина есть нѣсколько строфъ, вложенныхъ имъ въ уста Алеко, когда тотъ задумывается надъ колыбелью собственнаго сына, рожденнаго ему Земфирой, но строфы эти не обдѣланы и выпущены самимъ авторомъ“. Онѣ были напечатаны Анненковымъ въ дополнительномъ, VII мъ, томѣ его изданія, стр. 69 — 70, подъ заглавіемъ: „Пропущенное мѣсто въ поэмѣ *Цыганы*“; дополненія къ этому тексту даны В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 42, стр. 535, и въ изданіи Брокгаузъ-Ефронъ, томъ II, стр. 250. Этотъ отрывокъ находится въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея № 2368, лл. 15 об. — 16 об., и № 2370, л. 50 об., и представляетъ черновой текстъ со многими исправленіями. Приводимъ окончательную его редакцію (въ поэмѣ онъ долженъ былъ бы занять мѣсто послѣ стиха 254-го).

Блѣдна, слаба — Земфира дремлетъ;
Алеко, съ радостью въ очахъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Младенца держитъ на рукахъ
И крику жизни жадно внемлетъ.
«Прими привѣтъ сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы,
И съ даромъ жизни дорогой
Неоцѣненный даръ свободы.
Останься посреди степей:
Безмолвны здѣсь предразсужденья —
И нѣтъ ихъ ранняго гоненья
Надъ дикой люлькою твоей.
Расти на волѣ, безъ уроковъ,
Не знай стѣснительныхъ палатъ
И не мѣняй простыхъ пороковъ
На образованный развратъ.
Подъ сѣнью мирнаго забвенья
Пускай Цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ нѣги просвѣщенья
И пышной суеты наукъ...
Нѣтъ, не преклонишь ты колѣнъ
Предъ идоломъ безумной чести,
Не будешь жертвой злыхъ измѣнъ,
Не утомишься жаждой мести.
За то безпеченъ, здравъ и воленъ,
Не будетъ вѣдать ложныхъ нуждъ,
Онъ будетъ жребіемъ доволенъ
Напрасныхъ угрызеній чуждъ.
Отъ общества, быть можетъ, я
Отъемлю пынѣ гражданина —
Что нужды — я спасаю сына —
И я бъ желалъ, чтобъ мать моя
Меня родила въ чащѣ лѣса,
Или подъ юртой остяка,
Въ глухой разсѣлинѣ утеса.
О сколько ѣдкихъ угрызеній

lib.pushkinskijdom.ru

Тревогъ разувѣреній
Тогда бъ я въ жизни не узналъ
О сколько

Къ стиху 173-му относится четверостишіе, находящееся въ музейной рукописи № 2370, л. 3 об., и напечатанное В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, стр. 2:

Моей любовью насладись
Въ молчаньи ночи безмятежной,
Приди — я таю, другъ мой нѣжной,
Не измѣнись, не измѣнись...

Въ экземплярѣ изданія 1827 г., принадлежавшемъ князю П. А. Вяземскому и находящемся нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, рукою Пушкина послѣ стиха 553-го вписаны слѣдующіе восемь стиховъ, откинутые — конечно, въ виду личнаго ихъ характера:

За ихъ лѣнивыми толпами,
Въ пустыняхъ часто я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями;
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсенъ радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

Анненковъ, въ своихъ *Матеріалахъ* (изд. 2-е, стр. 83), приводитъ эти стихи съ варіантами: „Въ пустыняхъ *праздный* я бродилъ“ и „Ихъ *пѣсней* радостные гулы“ *) и сообщаетъ, что въ 1822 г. Пушкинъ „на нѣсколько дней

*) Такъ они были впервые напечатаны въ *воспоминаніяхъ* Л. С. Пушкина — въ *Москвитянинѣ* 1853, часть III, № 10, перепечатанныхъ Л. Н. Майковымъ въ его книгѣ: «Пушкинъ».

lib.pushkinskijdom.ru

пропалъ изъ Кишинева: онъ отправился въ Измаилъ и на пути присталъ къ цыганскому табору, ночевалъ въ шатрахъ его и жилъ дикою жизнью кочевого племени". То же подверждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ и братъ поэта (Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ", стр. 8). Впослѣдствіи и самъ Пушкинъ вспоминалъ, въ *Онѣгинѣ*, объ этихъ своихъ кочеваніяхъ (глава VIII-я, строфа V-я): его муза,

позабывъ столицы дальной
И блескъ, и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
. . . смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала,
И между ими одичала
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсенъ степи, ей любезной. . .

Отзвукомъ тѣхъ же воспоминаній является и стихотвореніе 1830 г. „Цыганы", въ заголовкѣ котораго поэтъ, для устраненія личныхъ примѣненій, поставилъ слова: „(съ англійскаго")".

Въ своихъ странствованіяхъ по Бессарабіи Пушкинъ доходилъ до самыхъ границъ Имперіи. Ясное указаніе на это осталось въ эпилогѣ *Цыганъ*, въ стихахъ 544 — 553, гдѣ поэтъ говоритъ о цыганскихъ становищахъ, видѣнныхъ имъ въ мѣстности, „гдѣ повелительныя грани Стамбулу Рускій указалъ", — „надъ рубежами древнихъ становъ", т. е. въ прежней Буджацкой степи, на берегахъ Прута, недалеко отъ его впаденія въ Дунай. Именно здѣсь и находилась во времена Пушкина граница между Россіей и вассальнымъ турецкимъ княжествомъ Молдавіей. А. И. Яцимирскій, въ своей статьѣ: „Пушкинъ въ Бессарабіи" въ Сочиненіяхъ Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, томъ, II, стр. 173, указываетъ на урочище, назы-

lib.pushkinskijdom.ru

ваемое Чугорскими воротами и лежащее въ этой мѣстности, — гдѣ и въ настоящее время цыгане раскидываютъ свой таборъ.

Стихи 142—145-й повторяются въ написанныхъ приблизительно въ одно время съ *Цыганами* черновыхъ строфахъ II-й главы *Евгенія Онѣгина* (рукопись Императорской Публичной Библіотеки):

Какія чувства не кипѣли
Въ его измученной груди?
Давно ль, надолго ль присмирѣли?
Проснутся — только погоди.

Стихъ 159-й рукописи № 2370, л. 31, читается:

И *молятъ* денегъ, да цѣпей.

Ср. слова Радищева въ *Путешествіи изъ Петербурга въ Москву*, глава: „Чудово“: „Теперь прощусь я съ городомъ навѣки, не въѣду никогда въ сіе жилище тигровъ. Единое ихъ веселіе — грызть другъ друга; отрада ихъ — тѣснить слабаго до издыханія и раболѣпствовать власти. И ты хотѣлъ, чтобъ я поселился въ городѣ? Нѣтъ, мой другъ! Заѣду туда, куда люди не ходятъ, гдѣ не знаютъ, что есть человѣкъ, гдѣ и имя его неизвѣстно.“

Стихъ 277-й въ *Московскомъ Телеграфѣ* читается:
Какъ онъ молодъ и *свѣжъ!*

Въ той же редакціи приводитъ его и Рылѣевъ въ письмѣ къ Пушкину отъ начала апрѣля 1825 г. (Переписка, томъ I, стр. 205). О пѣснѣ см. *Московскія Вѣдомости* 1858, № 19, стр. 80, и замѣтку А. Яцимирскаго: „Пѣсня Замфиры [Земфиры?] въ Цыганахъ Пушкина и цыганская хора“ въ *Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности* Императорской Академіи Наукъ 1899, томъ IV, книга I-я,

lib.pushkinskijdom.ru

стр. 301 — 304. Г. Яцимирскій приводитъ молдаванскій подлинникъ этой пѣсни („Арде-мэ, фридже-мъ“) и слѣдующій ея переводъ: „Жги меня, жарь меня, положи меня на слабый огонь, хоть на угольяхъ жарь меня, — я не назову тебѣ любовника, потому что онъ молоденькій, любимый и хорошенькій. А тебя, злой мужъ, съ этихъ поръ я больше не хочу; и хотя бы ты и билъ меня до смерти, жегъ бы меня и рѣзалъ на куски, — все же я сдѣлаю, какъ захочу“.

Стихи 528 — 535-й, можетъ быть, навѣяны Радищевымъ, съ сочиненіями котораго Пушкинъ, вѣроятно, былъ уже знакомъ въ пору созданія *Цыганъ:*

Осень листы ощипала съ деревъ,
Иней сѣдой на траву упадалъ;
Стадо тогда журавлей собралося,
Чтобъ прелетѣть въ теплу, дальню страну,
За море жить. Одинъ бѣдный журавль,
Нѣмъ и унылъ, пригорюнясь сидѣлъ:
Ногу стрѣлой перешибъ ему ловчій...

(Сочиненія А. Н. Радищева, томъ I, стр. 176).

Пушкинъ былъ сначала недоволенъ новою своею поэмою. „Сегодня кончилъ я поэму Цыгане“, писалъ онъ князю Вяземскому 10 октября 1824 г. — „Не знаю что объ ней сказать — она покамѣсть мнѣ опротивила...“ Вяземскій просилъ прислать скорѣе поэму и поручить ему ея изданіе, какъ это было съ *Бахчисарайскимъ Фонтаномъ*, но Пушкинъ не хотѣлъ торопиться съ ея печатаніемъ, вѣроятно, предполагая еще ее отдѣлать, хотя и писалъ Вяземскому: „Я, кажется, писалъ тебѣ, что мои Цыгане никуда не годятся: не вѣрь, — я совралъ; ты будешь ими очень доволенъ“. Въ то же время онъ жаловался на брата

lib.pushkinskijdom.ru

за то, что тотъ вездѣ читалъ поэму, и объ ней всѣ заговорили, такъ что авторъ былъ вынужденъ ее напечатать, „пока не растаскаютъ по клочкамъ“. И впослѣдствіи онъ говорилъ, что отъ этихъ разговоровъ о поэмѣ и отъ приставаній къ нему она ему опротивѣла, и онъ „не могъ ея докончить“. „Всякой разъ, какъ я объ нихъ *[Цыганахъ]* подумаю или прочту слово въ журналѣ, у меня кровь портится“, писалъ онъ Плетневу въ мартѣ 1826 г. (Переписка, томъ I, стр. 136, 145, 169, 172, 285, 334). И. И. Пущину, посѣтившему его въ Михайловскомъ 13 января 1825 г., поэтъ продиктовалъ начальные стихи поэмы для *Полярной Звѣзды* (Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ“, стр. 82), а въ половинѣ сентября послалъ Вяземскому ноты пѣсни Земфиры. „Это очень близкій переводъ“, писалъ онъ; „посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи это Вельгорскому—кажется, мотивъ чрезвычайно щастливый. Отдай его Полевому и съ пѣсней“ (Переписка, томъ I, стр. 285). Въ 1826 г. онъ поручилъ брату переписать поэму для печати и, исправивъ доставленную рукопись, переслалъ ее Плетневу для изданія.

Впечатлѣніе, вызванное *Цыганами* въ тогдашнемъ литературномъ кругу, было чрезвычайно сильно. Узнавъ что Л. С. Пушкинъ охотно читаетъ (наизустъ) новую поэму своего брата, всѣ наперерывъ стремились послушать его чтеніе. „Два раза уже слышалъ *Цыганъ* Пушкина“, писалъ кн. Вяземскому А. И. Тургеневъ 26 февраля 1825 г., — „и два раза восхищался ими. Не мнѣ одному кажется, что это лучшее его произведеніе“ (*Остафьевскій Архивъ*, томъ III, стр. 99). „Отъ *Цыганъ* всѣ безъ ума“, писалъ 25 марта того же года Пушкину Рылѣевъ. „*Цыганъ* слышалъ я четвертый разъ“, читаемъ въ другомъ его письмѣ, — „и всегда съ новымъ, съ живѣйшимъ наслажденіемъ. Я подыскивался, чтобъ привязаться къ чему-нибудь, и нашелъ, что характеръ Алеко нѣсколько

lib.pushkinskijdom.ru

униженъ. Зачѣмъ водитъ онъ медвѣдя и сбираетъ вольную дань? Не лучше ли бъ было сдѣлать его кузнецомъ?... На щетъ слога, кромѣ небрежнаго начала, мнѣ не нравится слово: *рекъ*. Кажется, оно несвойственно поэмѣ; оно принадлежитъ исключительно лирическому слогу. Вотъ все, что я *придумалъ*". Николай Раевскій, прочитавъ только начало поэмы, напечатанное въ *Полярной Звѣздѣ*, писалъ Пушкину: „Твой отрывокъ.... самая живая картина, самаго яркаго колорита, какую мнѣ случилось читать на какомъ-либо языкѣ. Браво, брависсимо!" (Переписка, томъ I, стр. 198, 205, 212). Кн. Вяземскій писалъ 22 іюня женѣ: „Слышалъ поэму Пушкина „Цыгане". Прелесть и, кажется, выше всего, что онъ доселѣ написалъ" (*Остафьевскій Архивъ*, томъ V, стр. 47). Понравилась поэма и Жуковскому, который, однако, осудилъ ее съ нравоучительной точки зрѣнія: „Я ничего не знаю совершеннѣе по слогу твоихъ *Цыганъ*", писалъ онъ въ маѣ 1825 г., — „но, милый другъ, — какая цѣль? Скажи, чего ты хочешь отъ своего генія? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое? Какъ жаль, что мы розно!" Пушкинъ отвѣчалъ на это: „Ты спрашиваешь, какая цѣль у *Цыгановъ?* Вотъ на! Цѣль поэзіи — поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ... Думы Рылѣева и цѣлятъ, а все не въ попадъ" (Переписка, томъ I, стр. 217, 223). Также съ нравоучительной точки зрѣнія осуждалъ Пушкина и Карамзинъ, о которомъ кн. Вяземскій разсказываетъ, что онъ, выслушавъ пѣсню Земфиры, пропѣтую гр. М. Ю. Віельгорскимъ, не выдержалъ и сказалъ: „Какъ можно класть на музыку такіе ужасы, и охота вамъ ихъ пѣть!" (Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, томъ VII, стр. 55).

На поляхъ упомянутаго выше экземпляра изданія *Цыганъ* 1827 г. княземъ Вяземскимъ было сдѣлано нѣсколько критическихъ замѣчаній:

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ 64-й: Кто жъ отъ меня его отгонитъ?

подчеркнутъ.

Къ стихамъ 161 — 163-му:

Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ —

„слишкомъ отвлеченно".

Къ стиху 169-му:

Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій —

„*Голубокъ* Крылова".

Къ стихамъ 179 — 183-му:

Но не всегда мила *свобода*
Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.
. . . . . .
Царемъ когда-то *сосланъ былъ*
Полудня житель къ намъ въ изгнанье—

„Можно ли назвать свободою — ссылку?"

Къ стиху 225-му:

Прошло два лѣта...

„Въ началѣ прямо: *сегодня*, здѣсь: *два лѣта*".

Къ стиху 248-му:

Алеко съ пѣньемъ звѣря водитъ —

„Алеко можетъ быть цыганомъ по любви къ Земфирѣ и ненависти къ обществу; но все же не можетъ и не долженъ онъ исправлять цыганское ремесло, водить медвѣдя, заставлять его дѣлать палкою на караулъ, искать въ головѣ, ходить за горохомъ etc".

lib.pushkinskijdom.ru

Къ стиху 286-му:

Я пѣсню про тебя пою —

„Алеко долженъ бы тутъ убить Земфиру“.

Къ стиху 336-му:

Ни даже сердцу твоему —

„Послѣ словъ: «Я пѣсню про тебя пою» — какъ ему и вѣрить?»

Къ стихамъ 404 — 405-му:

. . . . . съ этихъ поръ
Постыли мнѣ всѣ дѣвы міра —

„Разсказъ старика — не утѣшеніе Алеко. Добро, еще сказалъ бы, что онъ позабылъ измѣнницу и полюбилъ другую!“

Стихъ 508-й: И съ камня на траву свалился —

подчеркнутъ. Также подчеркнуто и слово: „рекъ“ въ стихѣ 509-мъ.

Къ стиху 511-му:

Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ —

„Цыганы — не особенный народъ, а подчиняются законамъ земли, къ которой приписаны“.

Къ стиху 561-му:

И отъ судебъ пощады нѣтъ —

„слишкомъ греческое окончаніе!“

Такимъ образомъ, кн. Вяземскій сошелся съ Рылѣевымъ въ упрекахъ Пушкину за „униженіе“ Алеко цыганскимъ ремесломъ, за слово: „рекъ“ и за стихъ: „И съ камня на траву свалился“, показавшійся Вязем-

lib.pushkinskijdom.ru

скому „вялымъ“. По свидѣтельству кн. Вяземскаго, это замѣчаніе разсердило Пушкина и вызвало съ его стороны эпиграмму: „Прозаикъ и поэтъ“, въ которой онъ давалъ прозаику почувствовать, что не ему судить поэта (Сочиненія кн. Вяземскаго, томъ I, стр. 321 — 322, 324). Бѣлинскій, въ одной изъ своихъ статей 1836 года, передаетъ разсказъ о томъ, какъ Пушкинъ, въ отвѣтъ одному критику, осуждавшему стихъ: „И съ камня на траву свалился“, сказалъ: „Я долженъ былъ такъ выразиться, я не могъ иначе выразиться“ (Сочиненія Бѣлинскаго, изд. Венгерова, томъ III, стр. 33 — 34).

Въ бумагахъ поэта сохранилась слѣдующая замѣтка, вызванная подобными критическими сужденіями:

„О *Цыганахъ* одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то — медвѣдь. Покойный Рылѣевъ негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики! Вяземскій повторилъ то же замѣчаніе. Рылѣевъ просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе. Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы; ma tanto meglio...“

При своемъ появленіи въ печати, въ 1827 году, *Цыганы* были встрѣчены общими похвалами, — „но въ этихъ похвалахъ“, говоритъ Бѣлинскій, „ было что-то робкое, нерѣшительное. Въ новой поэмѣ Пушкина подозрѣвали что-то великое, но не умѣли понять, въ чемъ оно заключалось, и, какъ обыкновенно водится въ такихъ случаяхъ, расплывались въ восторгахъ и не жалѣли знаковъ удивленія... Перелистуйте журналы того времени и прочтите, что писано было въ нихъ о *Цыганахъ:* вы удивитесь, какъ можно было такъ мало сказать о столь многомъ! Тутъ найдете только о Байронѣ, о цыганскомъ племени, о небезгрѣшности ремесла — водить медвѣдя, объ успѣш-

lib.pushkinskijdom.ru

номъ развитіи таланта пѣвца *Руслана и Людмилы*, удивленіе къ дѣйствительно удивительнымъ частностямъ поэмы, нападки на будто бы греческій стихъ: „И отъ судебъ защиты нѣтъ“, осужденіе будто бы вялаго стиха: „И съ камня на траву свалился“ — и многое въ этомъ родѣ; но ни слова, ни намека на идею поэмы...“

Единственная сколько-нибудь серьезная критическая статья о *Цыганахъ* принадлежитъ кн. Вяземскому и была напечатана въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1827, № 10 (см. Сочиненія кн. Вяземскаго, томъ I, стр. 313); рецензіи появились въ *Сѣверной Пчелѣ* 1827, № 65, и 1832, № 43, въ *Сынѣ Отечества* 1827, № 12, и въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 (статья И. В. Кирѣевскаго). Изъ общаго хора похвалъ выдѣлился одинъ только Надеждинъ, не усмотрѣвшій въ *Цыганахъ* ничего, кромѣ „дикости, оправленной въ прекрасные стишки, которые можно написать въ альбомъ или положить на ноты“ (*Телескопъ* 1831). „Ахъ, какую рецензію написалъ бы я на своихъ *Цыганъ*“, сказалъ однажды Пушкинъ Погодину по поводу всѣхъ этихъ статей. „Онъ, видно, досадовалъ“, прибавляетъ Погодинъ, „что читатели его не понимаютъ, а онъ самъ не можетъ раскрыть имъ свои цѣли“ (Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ“, стр. 349). Болѣе серьезная оцѣнка поэмы, какъ и вообще всей поэзіи Пушкина, явилась въ нашей печати уже послѣ его смерти. Нѣмецкій критикъ Фарнгагенъ фонъ-Энзе, въ своей статьѣ о Пушкинѣ, помѣщенной въ берлинскомъ журналѣ „Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik“ и переведенной въ *Сынъ Отечества* 1839 г., говоритъ о *Цыганахъ*, что это — „одно изъ сильнѣйшихъ и самобытнѣйшихъ созданій Пушкина. Обработка цѣлаго превосходна; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она становится совершенно драматическою; съ каждою строкою усиливается дѣйствіе; происшествіе проносится подобно грозной бурѣ и оставляетъ за собою ночь и безмолвіе...“ Бѣлинскій,

lib.pushkinskijdom.ru

въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ 1841 г., посвятилъ *Цыганамъ* подробный разборъ, высказалъ, что идея поэмы „вся сосредоточена въ героѣ... Въ Алеко Пушкинъ хотѣлъ показать образецъ человѣка, который до того проникнутъ сознаніемъ человѣческаго достоинства, что въ общественномъ устройствѣ видитъ одно только униженіе и позоръ этого достоинства". Но Пушкинъ „не успѣлъ" въ исполненіи своего предначертанія: „Желая и думая изъ этой поэмы создать апоѳеозу Алеко, какъ поборника правъ человѣческаго достоинства, поэтъ вмѣсто этого сдѣлалъ страшную сатиру на него и на подобныхъ ему людей, изрекъ надъ нимъ судъ неумолимо трагическій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, горько-иронический". Указывая, далѣе, на основную черту характера Алеко, — на его эгоизмъ, приводящій къ бурному порыву ревности, критикъ говоритъ: „Замѣтьте этотъ стихъ: „Ты для себя лишь хочешь воли": въ немъ весь смыслъ поэмы, ключъ къ ея основной идеѣ". Противоположеніе эгоизма грознаго обличителя общественныхъ золъ, который, какъ оказывается на дѣлѣ, для себя лишь хочетъ воли, — истинному свободолюбію и справедливости стараго цыгана — гражданскій подвигъ Пушкина, „смѣлый урокъ огромной важности, который даетъ поэтъ черни, лучшее доказательство его убѣдительности и великой полезности" (Сочиненія Бѣлинскаго, томъ VIII, стр. 469—473).

Послѣ Бѣлинскаго наша критика не сказала о *Цыганахъ* ничего значительнаго вплоть до рѣчи Достоевскаго въ „пушкинскіе дни" 1880 года. Обычно повторялось только, что хотя Пушкинъ и далъ герою свое имя, однако это вовсе не значитъ, что онъ имѣлъ въ виду изобразить въ поэмѣ самого себя; что хотя въ поэмѣ все „романтично", однако она является уже поворотомъ отъ прежняго романтизма Пушкина въ другую сторону; что здѣсь поэтъ уже отрѣшился отъ прежде столь значительнаго

lib.pushkinskijdom.ru

вліянія Байрона. Достоевскій рѣшительно призналъ въ *Цыганахъ* „чрезвычайную самостоятельность“ пушкинскаго генія и въ типѣ Алеко — „сильную и глубокую, совершенно русскую мысль, выраженную потомъ въ такой гармонической полнотѣ въ *Онѣгинѣ*, гдѣ почти тотъ же Алеко является уже не въ фантастическомъ свѣтѣ, а въ осязаемо-реальномъ и понятномъ видѣ. Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Отыскалъ же онъ его, конечно, не у Байрона только. Типъ этотъ — вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей русской землѣ, поселившійся.“ Такимъ образомъ, Пушкинъ, заимствуя у Байрона отвлеченную тему, приложилъ ее къ русской жизни и связалъ ее съ частною и особенною проблемою русской общественности. „Гордый человѣкъ“ въ лицѣ Алеко „реаленъ и мѣтко схваченъ, — въ первый разъ схваченъ онъ у насъ Пушкинымъ... Нѣтъ, эта геніальная поэма — не подражаніе! Тутъ уже подсказывается русское рѣшеніе вопроса, „проклятаго вопроса“, по народной вѣрѣ и правдѣ: „Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ“,— вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному разуму“ („Дневникъ писателя. Единственный выпускъ на 1880. Августъ“).

Характеристика *Цыганъ* (и вообще Пушкина) въ рѣчи Достоевскаго, по самому предназначенію этой рѣчи, была полна публицистическихъ примѣненій и потому не свободна отъ нѣкотораго односторонняго вывода. Но литературное значеніе поэмы получило въ этой рѣчи вѣрную оцѣнку. Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ имѣлъ въ виду

lib.pushkinskijdom.ru

отразить здѣсь ту душевную тревогу, которая владѣла имъ самимъ въ пору созданія поэмы: на это указываетъ и самое имя героя, данное, конечно, не случайно; но затѣмъ, „по мѣрѣ освобожденія Пушкина изъ-подъ вліянія Байрона, Алеко оказывается первымъ ярко, объективно и самостоятельно очерченнымъ характеромъ, въ обработкѣ котораго байронизмъ подвергается рѣшительному осужденію. Трезвость и гуманность содержанія, необыкновенная ясность постройки, простота и живописность всѣхъ трехъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ положеній, драматизмъ главныхъ моментовъ, полный реализмъ обстановки и, наконецъ, цѣломудріе въ изображеніи дикой, свободной любви, — все это черты, новыя даже для Пушкина, не говоря уже о современной ему русской поэзіи“ (Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы, изд. 2-е, М. 1903, томъ II, стр. 33 — 34).

XXV.

КОВАРНОСТЬ.

(Стр. 271).

Черновикъ этого стихотворенія находится въ майковскомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ („Пушкинъ и его современники“, выпускъ IV, стр. 5, № 16). Онъ написанъ на четвертушкѣ грубой сѣрой бумаги, причемъ нижняя часть листа оторвана; поэтому средины пьесы здѣсь недостаетъ. На лицевой сторонѣ находится 12 начальныхъ стиховъ, а на оборотной — 4 заключительныхъ. Заглавія нѣтъ. Въ концѣ приписано: „18 окт. 1824. Мих[айловское]“. — Напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828, часть VIII, № 6, стр. 136—137, и затѣмъ вошло въ изданіе 1829 г., часть I, стр. 196 — 197.

lib.pushkinskijdom.ru

Приводимъ варіанты изъ сохранившейся части стихотворенія.

Стт. 3 — 4-й:

Когда свою (такъ)
(Когда какъ отъ змѣи) (какъ) онъ отъ руки твоей
Какъ отъ змѣи
(Свою твой другъ) отдернетъ съ содраганьемъ

Стт. 6 — 8-й:

Качаетъ онъ *(печально)* головою
Не говори — онъ *(странен)*, онъ дитя,
Онъ мучится безумною *мечтою* —

Ст. 10-й:

Онъ *(въ сердцѣ)* золъ...

„ 11-й:

(Отвѣтствуй мнѣ) (Злой эгоизмъ)
(Какъ совѣсти) (а ни) (съ нимъ)
(Не говори) Нѣтъ: (совѣсти признавъ законъ)

„ 12-й:

(Отвѣтствуй мнѣ) Ужели ты спокоенъ
(Иль)
(Ужели) (ты ничѣмъ предъ нимъ не виноватъ)

Стт. 25 — 28-й:

И
(Но если) онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
(Тво) (Твои) Все тайное своимъ *орлинымъ* взоромъ
Тогда поди, (безсмыслен)
(Тогда) (Тогда) не трать (напрасн) рѣчей
(Доволенъ будь) (покрывъ себя позоромъ)
послѣднемъ
Ты осужденъ (сердечнымъ) приговоромъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

По замѣчанію Л. И. Поливанова (Сочиненія Пушкина, М. 1887, томъ I, стр. 173—174), настоящее стихотвореніе „имѣетъ общее значеніе поэтическаго изображенія человѣка, встрѣтившаго недостатокъ искренности въ своемъ другѣ, поведеніе котораго мучительно подѣйствовало на него. Но поэтъ допускаетъ двоякое предположеніе: или другъ пересталъ считать самого этого человѣка достойнымъ дружбы, обвиняя его въ неблагодарности, холодности и малодушіи (стт. 9—11), и въ такомъ случаѣ онъ готовъ вымолить себѣ прощеніе, — или же поведеніе этого друга есть коварство, преднамѣренная игра его чувствами, безъ малѣйшей любви съ своей стороны, — и въ такомъ случаѣ самъ этотъ другъ достоинъ того недовѣрія, которое вызвалъ своимъ поведеніемъ. Стихотвореніе замѣчательно характеристикой того лица, о которомъ поэтъ, какъ бы третейскій судья, ведетъ рѣчь. Это — душа, жаждущая любви и довѣрія и сама настолько довѣрчивая, что готова обвинить прежде всего—себя. Но чувство говоритъ ему, что дѣйствительно онъ — жертва коварства того, кого считалъ преданнымъ другомъ своимъ, — и читателю становится ясно, что это оскорбленное лицо — самъ поэтъ, который отповѣдью своей, исполненной глубокой скорби, спѣшитъ положить конецъ мучительной двусмысленности отношеній. Эта отповѣдь полна чувства собственнаго достоинства, сдержана въ своемъ негодованіи (ст. 28) и потому получила форму рѣчи третьяго лица и остановлена на стихѣ, это негодованіе выражающемъ. . .“

Анненковъ (Матеріалы, изд. 2-е, стр. 88) замѣтилъ, что въ этомъ стихотвореніи „слышится еще отголосокъ лирическихъ пѣсенъ прошлаго (т. е. 1823) года“. Этотъ намекъ развитъ позднѣйшими комментаторами, указавшими (П. И. Бартеневъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1872, ст. 1362), что *Коварность* относится къ Александру

lib.pushkinskijdom.ru

Николаевичу Раевскому, — „Демону“ Пушкина, который, по словамъ Вигеля („Записки“, часть VI, стр. 170—171), „съ тайною яростію устремился на сокрушеніе семейнаго счастія, супружескаго согласія Воронцовыхъ... Козни его—увы! были пагубны для другой жертвы. Влюбчиваго Пушкина нетрудно было привлечь миловидной Воронцовой, которой Раевскій представилъ, какъ славно имѣть у ногъ своихъ знаменитаго поэта... Вздохи, сладкія мученія, восторженность Пушкина, коихъ одинъ онъ былъ свидѣтелемъ, служили ему безпрестанной забавой. Вкравшись въ его дружбу, онъ заставилъ его видѣть въ себѣ повѣреннаго и усерднѣйшаго помощника, однимъ словомъ, самымъ искуснымъ образомъ дурачилъ его...“ Графъ П. И. Капнистъ, на основаніи показаній современниковъ, утверждаетъ (*Русская Старина* 1899, май, стр. 243), что „Раевскій былъ отличенъ графиней въ окружавшей ее средѣ, но, какъ это нерѣдко бывало и будетъ въ маневрахъ большого свѣта, прикрытіемъ Раевскому служилъ Пушкинъ. На него-то и направился съ подозрѣніемъ взглядъ графа“, который позаботился о томъ, чтобы скорѣе удалить Пушкина изъ Одессы,—точно такъ же, какъ впослѣдствіи, въ 1828 году, позаботился объ удаленіи Раевскаго, не остановившись даже передъ ложнымъ доносомъ объ его политической неблагонадежности. Какъ видно изъ письма къ Пушкину князя С. Г. Волконскаго отъ 18 октября 1824 г., отношенія поэта къ А. Раевскому въ ту пору уже были нарушены: князь говорилъ о „сплетняхъ“, настряпанныхъ „московскими вертушками“,—можетъ быть, имѣя въ виду княгиню В. Ѳ. Вяземскую, жившую въ Одессѣ во время постигшей Пушкина катастрофы (Переписка, томъ I, стр. 138). Къ своему письму кн. Волконскій приложилъ и письмо отъ „Мельмота“-Раевскаго, который, вѣроятно, желалъ оправдаться передъ бывшимъ своимъ другомъ. Письмо это до

lib.pushkinskijdom.ru

насъ не дошло, и надо думать, что прежнія отношенія уже не могли возобновиться; по крайней мѣрѣ, въ перепискѣ Пушкина мы не находимъ на это никакихъ указаній. Впослѣдствіи, въ 30-хъ годахъ, Пушкинъ иногда встрѣчался съ А. Раевскимъ въ Москвѣ, но въ письмахъ своихъ къ женѣ ограничивался лишь сухими и ироническими отзывами объ этихъ встрѣчахъ.

XXVI.

МЛАДЕНЦУ.

(Стр. 273).

Крайне исчерканный набросокъ находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 24, гдѣ онъ былъ озаглавленъ сначала „Ребенку“, а потомъ — „Младенцу“. Напечатаны эти стихи впервые В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, стр. 9. Приводимъ полную транскрипцію.

(Ребенку) Младенцу
Дитя я не скажу (причины) тебѣ
(Я не скажу тебѣ причины)
(Причины)
(И)
Ты * равнодушно обо мнѣ
(Меня) (Дитя современемъ услышитъ)
Клевета опишетъ
(Чертами) (Враги мои)
Черты мои (тебѣ)
прелестное
Прощай (о милое) дитя
(Мой тайный клеветникъ) (услышитъ)
Я не скажу тебѣ причины

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

И клевета невѣрно
Чертами (невѣрн) образъ мой опишетъ
(Быть мож) (Быть м. обр. мой)
Б. м. о судьбѣ моей
Она современемъ услышитъ
Дитя не смѣю надъ тобой
Произносить благословенья
(Ты Ангелъ) чистою душой
Ты (милой) тихій Ангелъ утѣшенья
(Небесн) Да будутъ ясны дни
(Прими желанія) мои
(Не знай бо) Какъ нынѣ ясенъ жребій твой
(Да б) (Какъ ты)
Какъ

Н. О. Лернеромъ (Сочиненія Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, томъ III, стр. 556) высказано предположеніе, кажущееся правдоподобнымъ, что настоящій набросокъ, можетъ быть, представляетъ обращеніе къ маленькой дочкѣ Воронцовыхъ, Александрѣ Михайловнѣ, которой во время высылки поэта изъ Одессы было не болѣе 4-хъ лѣтъ. А. Н. Раевскій, въ письмѣ къ Пушкину изъ Александріи, около Бѣлой Церкви, гдѣ находилась графиня Е. К. Воронцова съ дочкой, отъ 21 августа 1824 г., между прочимъ, писалъ: „Даже ея прелестная дочка вспоминаетъ о тебѣ и часто говоритъ со мною о сумасшедшемъ Пушкинѣ и о трости съ собачьей головкой, которую ты ей подарилъ. Я все поджидаю образка съ двумя первыми стихами, которые ты ей написалъ“. Стихи остались неотдѣланными, конечно, потому, что подъ перомъ Пушкина они готовы были обратиться въ лирическое изліяніе, совершенно неумѣстное въ обращеніи къ четырехлѣтнему ребенку.

lib.pushkinskijdom.ru

XXVII.

ПРИЗНАНІЕ.

(Стр. 274).

Въ рукописи неизвѣстно. — Печатается по первопечатному тексту *Библіотеки для Чтенія* 1837, томъ XXII, май, отдѣлъ I-й, стр. 5 — 6, гдѣ это стихотвореніе появилось съ полною подписью Пушкина и съ ошибочной помѣтой: „1821“. Анненковъ, перепечатавшій его во II-мъ томѣ своего изданія, стр. 359 — 360, почему-то пропустилъ стихи 32-й и 33-й, заявивъ въ примѣчаніи (стр. 379— 380) что „*нѣсколько* стиховъ въ серединѣ выпущено, особенно потому, что они не вяжутся ни съ предшествующими, ни съ послѣдующими стихами и, кажется, переданы журналомъ съ неисправной рукописи“. Въ дополнительномъ, VII-мъ, томѣ (стр. 59) онъ привелъ эти два стиха, причемъ замѣтилъ: „не смотря на добавленіе, дѣлаемое нами теперь сходно съ оригиналомъ пьесы, помѣщеннымъ въ *Библіотекѣ для Чтенія*, она все-таки представляетъ въ томъ мѣстѣ, куда слѣдуютъ стихи, неполный смыслъ и заставляетъ предполагать о какомъ-то выпускѣ, теперь неисправимомъ“. Въ позднѣйшемъ (сентябрь 1835 г.) письмѣ къ Александрѣ Ивановнѣ Беклешовой Пушкинъ привелъ стихъ 32-й въ иной редакціи, повидимому, болѣе правильной:

И *путешествія* въ Опочку

(Переписка, томъ III, стр. 229).

Александра Ивановна была падчерица хозяйки Тригорскаго, П. А. Осиповой, — дочь ея второго мужа, И. А. Осипова, отъ его перваго брака; въ 1833 г. она вышла замужъ за псковского полицеймейстера подполковника П. Н. Беклешова; въ 1863 г. была учительницей

lib.pushkinskijdom.ru

музыки въ псковскомъ Маріинскомъ училищѣ; умерла въ 1864 г. въ Петербургѣ. О ней см. Анненкова, „Пушкинъ въ александровскую эпоху“, стр. 281; Л. Н. Майкова, „Пушкинъ“, стр. 182, 186 — 187; „Пушкинъ и его современники“, выпускъ I, стр. 92, 95, 96, 98, 105, 111, 114, 143, 150.

По указанію Б. В. Никольскаго (*Историческій Вѣстникъ* 1899, томъ 77, стр. 207) послѣдніе два стиха посланія напоминаютъ стихи изъ I-й элегіи IV-й книги Парни:

Qu'il est facile d'abuser
L'amant qui s'abuse lui-même!

XXVIII.

ПРЕЗРѢВЪ И ШОПОТЪ УКОРИЗНЫ...

(Стр. 276).

По черновику, находящемуся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 35 об., впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, стр. 14 — 15, и затѣмъ вошло въ изданіе Литературнаго Фонда, томъ I, стр. 333.

Рукопись представляетъ набросокъ, очень неразборчивый, особенно въ концѣ, теряющемся среди множества поправокъ и недописанныхъ строкъ. Стихотвореніе первоначально начиналось такъ:

Презрѣвъ *сердечны* укоризны
И *шопотъ сладостныхъ* надеждъ

Въ концѣ, послѣ стиха 16-го, можно еще прочесть:

Всѣ думы сердца (вѣковыя)—
Мой братъ — (тебѣ) о тебѣ
. . . . . .

lib.pushkinskijdom.ru

(Благослови побѣгъ поэта)
Мой братъ (воспомни иногда) въ волненьи
(Что отъ тебя далеко гдѣ-то)
Лишь вспомни иногда, что гдѣ-то
(Подъ небомъ дальнымъ гдѣ-нибудь)
(Судьба) (Онъ жить) (Его душа)
(Гость желанный)
(Не придетъ) юный сынъ славянъ
Къ моей могилѣ безымянной
(Не знаю) Угасну я
(Но . . . не посѣтитъ)
Моей могилы безымянной
(И гробъ мой)
Настанетъ часъ желанный
внукъ
И (сынъ) славянъ
(И посѣтитъ)

Это начало посланія къ брату объясняется замыслами Пушкина о побѣгѣ за границу, которые особенно сильно занимали его въ первую зиму пребыванія въ Михайловскомъ. Къ Рождеству 1824 г. Пушкинъ ждалъ брата изъ Петербурга, а также и А. Н. Вульфа изъ Дерпта, чтобы сговориться съ ними относительно своихъ плановъ; въ заговоръ была посвящена также и П. А. Осипова, но она испугалась и раскрыла секретъ Жуковскому, написавъ ему: „Если вы думаете, что воздухъ и солнце Франціи, или близъ лежащихъ къ ней, черезъ Альпы, земель, полезенъ для русскихъ орловъ, и оный не будетъ вреденъ *нашему*, то пускай останется то, что теперь написала, вѣчной тайной; когда же вы другого мнѣнія, то подумайте, какъ предупредить отлетъ“ (Анненковъ, „Пушкинъ въ александровскую эпоху“, стр. 286; ср. Переписку, томъ I, стр. 178, 182).

lib.pushkinskijdom.ru

Стихи 9-й — 12-й наброска впослѣдствіи повторены, съ небольшимъ измѣненіемъ, въ началѣ XLVI-й строфы VI-й главы *Евгенія Онѣгина*, а выраженіе „внукъ славянъ“ вошло въ „Памятникъ“ (1836).

XXIX.

НОЧНОЙ ЗЕФИРЪ.

(Стр. 277).

Въ рукописи неизвѣстно. — Напечатано впервые, подъ заглавіемъ: „Испанскій романсъ“, въ альманахѣ В. В. Измайлова: „Литературный Музеумъ“ на 1827 годъ, съ музыкой А. Н. Верстовскаго, и затѣмъ перепечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827, томъ II, № 8, стр. 312, съ примѣчаніемъ: „Романсъ сей напечатанъ былъ въ Литературномъ Музеумѣ съ ошибками, а здѣсь помѣщается съ поправками“. Въ изданіи 1829 г. (часть I, стр. 200 — 201) романсъ явился безъ заглавія, даннаго только въ оглавленіи (стр. 223) и вызвалъ восторженный отзывъ Бѣлинскаго: „Что это такое?“ спрашиваетъ критикъ: „волшебная картина, фантастическое видѣніе, или музыкальный аккордъ, раздавшійся съ вышины и пролетѣвшій надъ утомленной нѣгою головою обольстительной испанки?... Звуки серенады, раздавшіеся въ таинственномъ, прозрачномъ мракѣ роскошной, сладострастной ночи юга, звуки серенады, полной томленія и страсти, которую лѣнивo слушаетъ прекрасная испанка, небрежно опершись на балконъ и жадно впивая въ себя ароматическій воздухъ упоительной ночи?...Въ гармонической музыкѣ этихъ стиховъ не слышно ли, какъ переливается эѳиръ, струимый движеніемъ вѣтерка, какъ плещутъ серебряныя волны бѣгущаго Гвадалквивира?...

lib.pushkinskijdom.ru

Что это — поэзія, живопись, музыка? Или то и другое и третье, слившіеся въ одно, гдѣ картина говоритъ звуками, звуки образуютъ картину, а слова блещутъ красками, вьются образами, звучатъ гармоніей и выражаютъ разумную рѣчь?... Что такое первый куплетъ, повторяющійся въ серединѣ пьесы и потомъ замыкающій ее? Не есть ли это рулада, — голосъ безъ словъ, который сильнѣе всякихъ словъ?“

XXX.

ЧЕРНЫЙ ВОРОНЪ...

(Стр. 279).

По рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 36 об., впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, стр. 16, и затѣмъ вошло въ изданіе Литературнаго Фонда.

Этотъ набросокъ, темою для котораго послужило семейное преданіе о женитьбѣ прадѣда Пушкина, Абрама Петровича Ганнибала, любопытенъ, какъ первый намекъ на программу, разработанную впослѣдствіи Пушкинымъ въ повѣсти „Арапъ Петра Великаго“.

XXXI.

[ИЗЪ ПИСЬМА КЪ А. Г. РОДЗЯНКѢ].

(Стр. 280).

Этими стихами заключается письмо къ А. Г. Родзянкѣ отъ 8 декабря 1824 г. (Переписка, томъ I, стр. 158.) Впервые они напечатаны, по памяти, неточно и съ пропускомъ

lib.pushkinskijdom.ru

перваго стиха, въ статьѣ А. П. Кернъ: „Воспоминанія о Пушкинѣ“, въ *Библіотекѣ для Чтенія* 1859, томъ 154, стр. 115, а въ собранія сочиненій Пушкина стали входить, начиная съ изданія 1880 г. Подлинное письмо Пушкина, хранящееся въ библіотекѣ Харьковскаго университета, напечатано г. Черняевымъ въ *Русскомъ Обозрѣніи* 1897, № 2, стр. 524 — 525.

Объ Аркадіи Гавриловичѣ Родзянкѣ и отношеніяхъ его къ Пушкину см. примѣчанія къ Перепискѣ.

XXXII.

ТЫ ВЯНЕШЬ И МОЛЧИШЬ...

(Стр. 281).

Извѣстно два автографа этой пьесы. Одинъ находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 84, и представляетъ перебѣленный текстъ, съ поправкою только въ стихѣ 2-мъ, гдѣ первоначально написано было: „на *розовыхъ* устахъ“; другой — въ рукописи графа П. И. Капниста, подъ заглавіемъ: „Подражаніе Андрею Шенье“ и съ помѣтами: „1824“ и „помѣстить въ элегіяхъ“. Этотъ автографъ также бѣловой и также съ одною только поправкою въ стихѣ 7-мъ, гдѣ первоначально читалось:

Любви не утаишь: мы любимъ, *но* какъ насъ

Кромѣ того, въ стихѣ 9-мъ читается: „межъ *ими*“, тогда какъ въ печатныхъ изданіяхъ — „межъ *ними*“.

Напечатано въ изданіи 1826 г., стр. 21, и въ изданіи 1829 г., часть I, стр. 185 — 186, въ обоихъ — безъ заглавія, но съ означеніемъ въ оглавленіи, что это — подражаніе А. Шенье.

lib.pushkinskijdom.ru

Приводимъ пьесу Шенье въ подлинникѣ:

Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire;
Tu fuis, tu ne ris plus: rien ne saurait te plaire.
La soie à tes travaux offre en vain des couleurs;
L'aiguille sous tes doigts n'anime plus des fleurs.
Tu n'aimes qu'à rêver, muette, seule, errante,
Et la rose pâlit sur ta bouche mourante.
Ah, mon oeil est savant, et depuis plus d'un jour
Et ce n'est pas à moi qu'on peut cacher l'amour.
Les belles font aimer; elles aiment. Les belles
Nous charment tous. Heureux qui peut être aimé d'elles!
Sois tendre, même faible; on doit l'être un moment;
Fidèle, si tu peux. Mais conte-moi comment,
Quel jeune homme aux yeux bleus, empressé sans audace,
Aux cheveux noirs, au front plein de charme et de grâce...
Tu rougis? On dirait que je t'ai dit son nom.
Je le connais pourtant: autour de ta maison
C'est lui qui va, qui vient; et, laissant ton ouvrage,
Tu cours, sans te montrer, épier son passage.
Il fuit vite; et ton oeil, sur sa trace accouru,
Le suit encor longtemps quand il a disparu.
Nul, en ce bois voisin où trois fêtes brillantes
Font voler au printemps nos nymphes triomphantes,
Nul n'a sa noble aisance et son habile main
A soumettre un coursier aux volontés du frein.

Пушкинъ передалъ пьесу довольно близко къ подлиннику, но при этомъ она вышла все-таки короче, благодаря сжатости его языка и устраненію всего манернаго. По замѣчанію С. Любомудрова („Античные мотивы въ поэзіи Пушкина“, изданіе 2-е, Спб. 1901, стр. 30), стихотвореніе 1821 г. „Діонея“ представляетъ „какъ бы отзвукъ“ настоящей пьесы: „въ обѣихъ схвачены примѣты влюбленныхъ. Если высказанная догадка о соотношеніи между собою этихъ двухъ пьесъ справедлива, то это даетъ намъ возможность сдѣлать новое интересное наблюденіе относительно подражаній Пушкина: онъ *переживалъ* ихъ, настолько усвоивая ихъ себѣ, что они, иногда не получивъ еще сами опредѣленной формы, опредѣленнаго выраженія, становились источниками вдохновенія, вы-

lib.pushkinskijdom.ru

зывая въ душѣ поэта отвѣтные образы". Бѣлинскій, считавшій настоящее стихотвореніе оригинальнымъ, находилъ, что оно — „сама прелесть, сама грація, полная души и нѣжности, страстная и „плѣнительная", выражаясь любимымъ эпитетомъ Пушкина! Ни у какого другого русскаго поэта не найдете вы стихотворенія, въ которомъ бы такъ счастливо сочеталось изящно-гуманное чувство съ пластически-изящной формой".

XXXIII.

НАПРАСНО АХНУЛА ЕВРОПА...

(Стр. 282).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 29 об., безъ заглавія. — Напечатано въ лондонской *Полярной Звѣздѣ* 1859, кн. V, стр. 26; вошло въ изданіе 1880 г., томъ I, стр. 502 — 503, подъ заглавіемъ: „На петербургское наводненіе".

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Бестужеву и его „ковчегу", т. е. альманаху „Полярная Звѣзда", см. примѣчанія къ Перепискѣ.

XXXIV.

[КЪ БРАТУ].

(Стр. 283).

Черновой набросокъ письма къ брату, находящійся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 42, и относящійся, вѣроятно, къ первой половинѣ декабря 1824 г. (см. Переписку, томъ I, стр. 158 — 159), напечатанъ впервые В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884,

lib.pushkinskijdom.ru

томъ 43, стр. 18 — 19, откуда взятъ въ изданіе Литературнаго Фонда, томъ VII. Рукопись очень исчеркана, особенно въ концѣ, и представляетъ нѣсколько первоначальныхъ варіантовъ:

Стихъ 1-й былъ исправленъ:

Жду тебя, мое вино

но дальнѣйшихъ соотвѣтственныхъ поправокъ не сдѣлано.

Послѣ стиха 4-го зачеркнуто: „Въ погребахъ“.

Стихъ 7-й сначала читается:

И терпимость *разныхъ* винъ!

Далѣе зачеркнуто:

Самъ себѣ я господинъ
Въ погребу

Послѣ стиха 9-го зачеркнуто:

Радъ бургонской пробкѣ

Стихъ 12-й сначала читался:

Въ бурной юности моей

Послѣ стиха 21-го было сначала написано:

(Скромный) Разумный безъ задора
(за рогомъ)

а въ концѣ намѣчено еще 4 стиха:

Всѣ понемногу
Часто стаканъ
Часто пью — но сла[ва Богу]
Рѣдко, рѣдко буду пьянъ.

Въ примѣчаніи 29-мъ къ *Онѣгину* Пушкинъ приводитъ 5 стиховъ изъ этого стихотворенія, называя его „Посланіе къ Л. П.“:

lib.pushkinskijdom.ru

Въ лѣта красныя мои
Поэтическій Аи
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви
Или юности безумной, и проч.

Тутъ же, въ строфѣ XLV-й главы IV-й, онъ говоритъ о шампанскомъ:

Оно сверкаетъ Ипокреной,
Оно своей игрой и пѣной
(Подобіемъ того-сего)
Меня плѣняло...

По словамъ Анненкова (Сочиненія Пушкина, томъ VII, стр. 83), „Н. Ѳ. Щербина, бывшій въ хорошихъ сношеніяхъ съ Л. С. Пушкинымъ, слышалъ отъ него много стиховъ его брата, граціозныхъ и изящныхъ импровизацій на разные случаи. Все это теперь потеряно. Н. Ѳ. Щербина помнитъ, что Левъ Пушкинъ прочелъ ему разъ за столомъ стихи на С.-Пере и Шамбертень, очень милые...“ Быть можетъ, эти стихи и были бѣловой редакціей настоящаго посланія, гдѣ въ числѣ любимыхъ винъ находился и шамбертенъ.

XXXV.

СКАЗАЛИ РАЗЪ ЦАРЮ...

(Стр. 284).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, лл. 2 об., 57 и 85. — Напечатано въ берлинскомъ изданіи 1861 г., стр. 21, и въ *Модномъ Магазинѣ* 1863, № 2, стр. 17, по сообщенію Н. В. Гербеля; въ собраніи сочиненій Пушкина включается, начиная съ изданія 1870 г. Здѣсь печатается по тексту, находящемуся на л. 85-мъ № 2370.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ указанной рукописи на оборотѣ л. 2-го записаны только три стиха, въ такомъ видѣ:

Неловкій
(Придворный) льстецъ за трапезой Царя
О Ріего казненномъ говоря
Хоть подлецомъ однимъ на свѣтѣ

На листѣ 57-мъ сначала написанъ конецъ пьесы:

Ріего былъ предъ Ферд. грѣшенъ —
(А по) И повѣшенъ —
дол
Но (мо)жно ли не съ горяча
Ругаться намъ надъ жертвой палача —
(Не думаю) что жъ вышло
(Царю) смѣшно такое доброхотство
старайся
Льстецы (Придворный льстецъ) (умѣй) сохранить
И въ подлостяхъ немного благородства

Затѣмъ слѣдуютъ начальные стихи:

Сказали разъ Царю (Царю сказали за столомъ)
(Придворный льстецъ),
(Услыша за столомъ), что наконецъ
(Что) Мятежный вождь Ріего былъ удавленъ —
Я очень радъ, сказалъ пр. льстецъ
(Благой конецъ)
Отъ одного мерзавца міръ избавленъ
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ
Царя смутилъ сей приговоръ
Ріего былъ б. м. очень грѣшенъ —
Согласенъ я — но онъ за то повѣшенъ —
Пристойно ли скажите съ горяча
Ругаться намъ надъ жертвой палача?
Да и Царя такое доброхотство
(Нашъ Царь уменъ) — такого доброхотства
Заставило (лицо свое склонить)
Не захотѣлъ улыбкой наградить...

lib.pushkinskijdom.ru

На листѣ 85-мъ находится уже окончательная редакція пьесы, съ новыми поправками. Приводимъ первоначальные, уже зачеркнутые, варіанты этой послѣдней редакціи.

Стихъ 3-й: «Я очень радъ», сказалъ *полуподлецъ*
„ 6-й: Всѣхъ удивилъ *трусливый* приговоръ
„ 8-й: *И подъломъ онъ былъ* за то повѣшенъ
Стихи 11—12-й: (Тяжелый видъ такого доброхотства)
Усердное такое доброхотство
Могло Царю подъ часъ не уподить
Стихъ 14-й: И въ подлости *оттѣнокъ* благородства.

Рафаэль Ріэго-и-Нуньецъ — испанскій революціонеръ, ставшій въ 1820 г. во главѣ возстанія въ Кадиксѣ, вызваннаго реакціонною политикою короля Фердинанда VII, и казненный въ Мадридѣ 26 октября 1824 г. Эпиграмма Пушкина объясняется разсказомъ декабриста Н. В. Басаргина въ его запискахъ, изданныхъ П. И. Бартеневымъ („Девятнадцатый Вѣкъ“, томъ I, М. 1872, стр. 82—83); въ Тульчинѣ, гдѣ императоръ Александръ I дѣлалъ смотръ войскамъ, онъ, „получивъ передъ самымъ выходомъ къ столу съ фельдъегеремъ письмо отъ Шатобріана, бывшаго тогда французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, сказалъ сидѣвшимъ около него генераламъ: „Messieurs, je vous félicite: Riego est fait prisonnier.“ Всѣ отвѣчали молчаніемъ и потупили глаза, одинъ только NN. воскликнулъ: „Quelle heureuse nouvelle, Sire!“ Эта выходка была такъ неумѣстна и такъ не согласовалась съ прежней его репутаціей, что отвѣтомъ этимъ онъ много потерялъ тогда въ общемъ мнѣніи. И въ самомъ дѣлѣ, зная, какая участь ожидала бѣднаго Riego, жестоко было радоваться этому извѣстію“. Что подъ буквами NN въ этомъ разсказѣ скрыто имя графа М. С. Воронцова, — это ясно изъ чернового пушкинскаго варіанта: „полу-

lib.pushkinskijdom.ru

подлецъ“: этотъ эпитетъ не разъ прилагался имъ къ Воронцову. Разсказъ о выраженіи графа дошелъ до Пушкина, повидимому, только уже послѣ казни Ріэго, въ самомъ концѣ 1824 года; можетъ быть, эпиграмма написана даже въ началѣ 1825 г., такъ какъ фраза: „Въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство“ встрѣчается въ письмѣ Пушкина къ кн. Вяземскому отъ 25 января 1825 г. (Переписка, томъ I, стр. 170).

XXXVI.

ВЪ ПЕЩЕРѢ ТАЙНОЙ ВЪ ДЕНЬ ГОНЕНЬЯ

(Стр. 285).

Написано внизу страницы, бокомъ, отъ корешка, на оборотѣ л. 68-го рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, по которой первые 4 стиха наброска были напечатаны Анненковымъ въ его изданіи Сочиненій Пушкина, томъ I, стр. 348 (ср. „Матеріалы“, изд. 2-е, стр. 337), а остальные — В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, стр. 33.

Въ рукописи этотъ набросокъ имѣетъ слѣдующій видъ:

Въ пещерѣ тайной
(У брега водъ) я
я день
П(е)редъ лампадой въ (ночь) гоненья
я (въ дни...)
Читалъ (таинств) сладостный Коранъ —
Внезапно
(И горній Духъ) Ангелъ Утѣшенья
Влетѣвъ*
Принесъ мнѣ (тайный) талисманъ

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

ая а
Его таинственн(ую) сил(у)
Съ тѣхъ
святыя
(пророка)
(На) Слова (Корана) начертила
На немъ безвѣстная рука —

Этотъ набросокъ, можетъ быть, находится въ связи съ *Подражаніями Корану,* къ которымъ онъ близокъ и по мѣсту своему въ рукописи, хотя Анненковъ, стараясь въ 1855 году провести его черезъ цензуру, не позволявшую называть Коранъ „сладостнымъ", писалъ, что „авторъ здѣсь набрасываетъ первый очеркъ извѣстнаго стихотворенія „Талисманъ" и заставляетъ говорить мусульманина, не имѣя нисколько намѣренія показать сладость Корана и ангеловъ Магомета, что было бы совершенною нелѣпостью" („Любопытная тяжба" — *Вѣстникъ Европы* 1881, январь, стр. 30). Правда, „Талисманъ" написанъ только три года спустя, но, тѣмъ не менѣе, возможно допустить связь съ этой пьесой настоящаго отрывка и признать за нимъ нѣкоторое автобіографическое значеніе, какъ это дѣлаетъ Н. О. Лернеръ въ примѣчаніяхъ къ IV тому Сочиненій Пушкина, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, стр. XXVI. „День гоненья" — говоритъ комментаторъ, — „ясный намекъ на положеніе Пушкина въ Одессѣ въ теченіе весны и лѣта 1824 года; вѣроятно, тогда-то графиня Воронцова и подарила ему перстень. „Сладостный Коранъ", можетъ быть, не соотвѣтствуетъ правдѣ, а просто (какъ, конечно, и „тайная пещера") объясняется восточной обстановкой и колоритомъ пьесы, а можетъ быть, и вовсе не противорѣчитъ дѣйствительности, такъ какъ есть основанія предполагать, что Пушкинъ читалъ Коранъ еще въ Одессѣ. Названіе „Ангела Утѣшенья" не только подходило къ

lib.pushkinskijdom.ru

данному моменту, но и вполнѣ сходилось съ возвышеннымъ представленіемъ Пушкина о Воронцовой, которую онъ изобразилъ „Ангеломъ нѣжнымъ“, „духомъ чистымъ“ (см. „Ангелъ“).

Эти соображенія и побудили насъ отдѣлить настоящій набросокъ отъ *Подражаній Корану*.

XXXVII.

ЗАБЫЛЪ И РОЩУ, И СВОБОДУ...

(Стр. 286).

По рукописи, въ настоящее время уже неизвѣстной, напечатано Анненковымъ въ его изданіи Сочиненій Пушкина, томъ I, стр. 347 (ср. „Матеріалы“, изд. 2-е, стр. 338) вмѣстѣ съ нѣсколькими другими отрывками, „въ которыхъ заключенъ одинъ порывъ души, одна мысль, тревожно мелькнувшая въ головѣ поэта. Они писаны въ разное время, и въ цѣпи стихотвореній настоящее мѣсто ихъ извѣстно было только самому автору. Теперь уже нѣтъ возможности опредѣлять ихъ порядокъ и сообщать (имъ) какую-либо классификацію“. Поэтому и къ 1824 году настоящій отрывокъ относится лишь предположительно.

XXXVIII.

ПОКА СУПРУГЪ ТЕБЯ...

(Стр. 287).

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 38, по которой и напечатано впервые В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, стр. 16.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ рукописи этотъ отрывокъ начинается такъ:

(О ты которую заочно я любилъ)
(И нынѣ)
(О дѣва нѣжная)
тебя
Пока (тебя) супругъ (ревнивою) красавицу младую
(Тебя) Между шести другихъ еще не заключилъ—

Первоначальные варіанты въ стихахъ 6-мъ — 8-мъ:

Какъ *льется ясная* струя
Бѣжитъ, блеститъ и изчезаетъ
Такъ жизнь и юность *улетаетъ*

Непосредственно за приведенными стихами слѣдуетъ черновой набросокъ: „Фонтанъ любви, фонтанъ живой“, полная транскрипція котораго дана во II-мъ томѣ настоящаго изданія, примѣчанія, стр. 344 — 345. В. Е. Якушкинъ, въ указанномъ примѣчаніи, отнесъ эту послѣднюю пьесу къ 1820 г. — главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что подъ этимъ годомъ печаталъ ее самъ Пушкинъ. Но, не говоря уже о противорѣчащемъ этой датѣ положеніи стихотворенія въ рукописи, нельзя не обратить вниманія на то, что въ немъ упоминается не только „Марія“, но и „Зарема“, вовсе не существовавшая ранѣе 1822 года, когда Пушкинъ далъ это имя вымышленной имъ героинѣ *Бахчисарайскаго Фонтана.* Точно такъ же не существовала въ 1820 году и самая тетрадь, въ которой написаны „крымскія“ стихотворенія, занимающія первую страницу ея 38-го листа. Слѣдуетъ еще замѣтить, что этой страницѣ предшествуютъ и непосредственно за нею слѣдуютъ черновики *Подражаній Корану*, написанныхъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ 1824 году.

---

lib.pushkinskijdom.ru

XXXIX.

БЛАЖЕНЪ, КТО ЩАСТЛИВЪ БЕЗЪ ВОЛНЕНЬЯ.

Находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2370, л. 39 об. (на одной страницѣ съ послѣдними стихами *Подражаній Корану*), въ слѣдующемъ видѣ:

(Щастливъ)
(Щастливъ) (не)
щастливъ
(Щастливъ) кто безъ волненья
(розой)
(Блаженъ,) (кто) (ими) (любовался)
(Блаженъ,) кто * наслаждаться * могъ * одинъ
и
(Кто) былъ (сердечнаго) невольнаго влеченья
Самолюбивый властелинъ.

Далѣе слѣдуютъ еще неотдѣланные стихи:

(Встрѣчалъ)
Я принималъ безъ увлеченья
(проводилъ)
И оставлялъ безъ сожалѣнья
(Дары любви)
Когда крылатая любовь
— — — — предавала вновь

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

XL.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.

(Стр. 289-300).

Черновыя находятся въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея № 2367, лл. 28, 28 об. и 32 (подражанія III, IV и V) и № 2370, л. 9 (подражаніе II), 13 (подражаніе I), 18 об. (III, 19 (VI), 20 (IV), 22 (V), 35 об. (VI, послѣдняя строфа), 37 (VI все, начисто переписанное, и VII), 38 об. (VIII) и 39 (IX). Кромѣ того, на оборотѣ л. 18-го въ тетради № 2370 находится начало наброска, быть можетъ, также относящагося къ этимъ Подражаніямъ:

Слабъ и робокъ человѣкъ,
Слѣпъ умомъ — и все тревожитъ...

Транскрипція черновыхъ дана будетъ въ дополнительномъ томѣ.

Какъ видно изъ рукописей, *Подражанія* написаны осенью 1824 г. „Я тружусь во славу Корана“, писалъ Пушкинъ брату въ началѣ ноября (Переписка, томъ I, стр. 144). Напечатано было сначала подражаніе IV, въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1826 годъ, всѣ вполнѣ появились въ изданіи 1826 г. (стр. 175 слл.) и затѣмъ вошли, съ нѣкоторыми исправленіями, въ изданіе 1829 г. (стр. 203—220). Въ первомъ изъ указанныхъ двухъ изданій находится посвященіе П. А. Осиповой, имя которой въ изданіи 1829 г. замѣнено заглавными буквами: П. А. О.

Подробный разборъ *Подражаній* сдѣланъ Л. И. Поливановымъ во II-мъ томѣ его изданія Сочиненій Пушкина (М. 1887), стр. 128 — 141, и Н. И. Черняевымъ въ статьѣ: „*Пророкъ* Пушкина и его связь съ *Подражаніями Корану*“ (*Русское Обозрѣніе* 1897 и отдѣльно, М. 1898). „Ни въ одной европейской литературѣ“, говоритъ г. Черняевъ,

lib.pushkinskijdom.ru

„нѣтъ ничего подобнаго пушкинскимъ *Подражаніямъ Корану*. Въ нихъ отразился весь Исламъ, съ его чувственностью, съ его воинственнымъ пыломъ, съ его космогоніей, легендами, мистикой и моралью. Кто вчитается и вдумается въ *Подражанія Корану*, тотъ уже не встрѣтитъ въ немъ ничего новаго для себя и будетъ имѣть ключъ къ разгадкѣ и вѣрному пониманію священной для всего мусульманскаго міра книги. Всѣ девять подражаній составляютъ одно стройное, гармоническое цѣлое, не смотря на полную самостоятельность каждаго изъ нихъ. Они находятся въ такомъ же отношеніи другъ къ другу и такъ же тѣсно связаны между собой, какъ отдѣльныя части музыкальной симфоніи или сюиты. Пушкинъ хотѣлъ передать въ нихъ то впечатлѣніе, какое производилъ на него Коранъ, и написалъ столько подражаній, сколько нужно было, чтобы возсоздать его духъ, языкъ и поэзію... Создавая свои *Подражанія Корану*, Пушкинъ не былъ его переводчикомъ и не заботился о точномъ воспроизведеніи своего оригинала и образца... Риѳмованную прозу Магомета онъ замѣнилъ риѳмованными стихами; поэтическіе образы Корана онъ дополнялъ мусульманскими преданіями и то сгущалъ краски „Несомнѣнной книги“ и усиливалъ ея и безъ того сильный языкъ, то смягчалъ его оттѣнкомъ нѣжности и скорби. Но, дѣлая тѣ или другія отступленія отъ подлинника, соединяя въ одно стройное цѣлое изреченія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ Корана,... Пушкинъ имѣлъ въ виду только одну цѣль — воспроизвести его паѳосъ и ту чисто арабскую поэзію, которою дышитъ Коранъ“.

Пушкинъ читалъ Коранъ, можетъ быть, еще въ Одессѣ и, по всей вѣроятности, во французскомъ переводѣ Savary (1821); слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что въ XVIII в. вышло и два русскихъ перевода: М. Веревкина — съ французскаго (1790) и А. Колмакова — съ англійскаго

lib.pushkinskijdom.ru

(1792). Что касается отдѣльныхъ подражаній и ихъ отношенія къ Корану, то подробное изслѣдованіе этого вопроса привело къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Первое подражаніе представляетъ поэтическую обработку 93-й „суры“ Корана, которая въ точномъ переводѣ читается такъ:

„Клянусь утреннимъ солнечнымъ блескомъ, клянусь ночью, когда она темнѣетъ, — Господь не оставилъ тебя и не презрѣлъ; будущее для тебя лучше настоящаго. Господь твой скоро ущедритъ тебя, и ты будешь доволенъ. Не сиротой ли Онъ нашелъ тебя и пріютилъ? Не блуждающимъ ли Онъ нашелъ тебя и на прямой путь поставилъ? Онъ нашелъ тебя бѣднымъ — и обогатилъ. А потому сироты не притѣсняй, нищаго отъ себя крикомъ не отгоняй, но благость Господа твоего имъ проявляй!“

Профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ („Пушкинъ“, стр. 100) сопоставляетъ это подражаніе съ стихотвореніемъ А. Г. Ротчева, вписаннымъ въ 1826 году, — въ годъ появленія въ печати пушкинскаго стихотворенія, — въ альбомъ М. А. Максимовича (*Кіевская Старина* 1882, томъ I, стр. 159), подъ заглавіемъ: „Съ арабскаго“:

Клянусь коня волнистой гривой
И брызгомъ искръ его копытъ,
Что голосъ Бога справедливый
Надъ міромъ скоро прогремитъ.
Клянусь вечернею зарею
И утра блескомъ золотымъ:
Онъ семь небесъ своей рукою
Одно воздвигнулъ надъ другимъ!
Не Онъ ли яркими огнями
Зажегъ сей безпредѣльный сводъ?
И Онъ же легкими крылами
Парящихъ птицъ хранитъ полетъ!
Когда же пламенной струею
Сверкаютъ гордо небеса, —
Надъ озаренною землею
Не Бога ли блеститъ краса?

lib.pushkinskijdom.ru

Безъ вѣры въ Бога — мимо, мимо
Промчится радость бытія!
Пошлетъ ли Онъ огонь безъ дыма,
И дымъ пошлетъ ли безъ огня?

„Трудно думать“, говоритъ г. Сумцовъ, „чтобы Ротчевъ, — величина, въ литературѣ совсѣмъ неизвѣстная,— самостоятельно, по отдѣльнымъ выраженіямъ въ Коранѣ, какъ предполагается это относительно Пушкина, могъ создать такое цѣльное и сильное стихотвореніе“. Вѣроятнѣе всего, что у него былъ съ Пушкинымъ одинъ общій источникъ, — но не 93-я сура Корана, а какой-то другой.

Напоминаніе Аллаха о томъ, какъ онъ скрылъ своего пророка отъ гоненія, взято изъ 9-й суры, гдѣ повѣствуется, какъ Магометъ съ Абу-Бекромъ, будучи изгнаны невѣрными изъ Мекки, скрывались въ пещерѣ. Враги уже приблизились къ ихъ убѣжищу, когда внезапно передъ входомъ въ пещеру выросла акація, въ вѣтвяхъ которой голубка свила гнѣздо и положила яйца, а паукъ заткалъ входъ въ пещеру паутиной; увидѣвъ, что птица сидитъ на яйцахъ, а паутина не повреждена, гонители рѣшили, что въ пещеру никто не могъ войти, и бросились по ложному слѣду.

Второе подражаніе основано на сурѣ 33-й, гдѣ говорится о женахъ пророка: „О пророкъ! Предпиши своимъ женамъ, дочерямъ и женамъ вѣрующихъ опускать покрывала на ихъ лица. Это будетъ знакомъ ихъ добродѣтели и предохранитъ ихъ отъ публичныхъ пересудовъ...О вѣрующіе! Не входите безъ дозволенія въ домъ пророка, а только тогда, когда онъ пригласитъ васъ къ своей трапезѣ...Выходите по одиночкѣ послѣ трапезы и не распространяйте свою бесѣду; вы его оскорбили бы, а онъ посовѣстился бы сказать вамъ это... Если вы имѣете что-нибудь попросить у его женщинъ, то сдѣлайте

lib.pushkinskijdom.ru

это сквозь покрывало: такъ сохранятъ чистоту и ваши, и ихъ сердца...“

Третье подражаніе начинается близкимъ переводомъ двухъ первыхъ стиховъ 80-й суры, носящей названіе: „Суровое чело“ (а не „Слѣпецъ“, какъ обозначено Пушкинымъ):

„Пророкъ явилъ суровое чело и отвратилъ глаза, потому что слѣпецъ предсталъ передъ нимъ“.

Комментаторы Корана объясняютъ этотъ случай разсказомъ о томъ, какъ одинъ слѣпецъ предсталъ передъ Магометомъ въ то время, когда пророкъ старался объ обращеніи одного богатаго и могущественнаго корейшита; поэтому слѣпецъ былъ принятъ дурно. Но потомъ онъ вернулся и былъ принятъ благосклонно. Нравоученіе этой суры заключается въ томъ, что не слѣдуетъ отстранять отъ себя убогихъ и обращаться только къ богатымъ. Пушкинъ исключилъ этотъ укоръ Магомету за пренебреженіе слѣпцомъ и принялъ названіе послѣдняго въ нравственномъ смыслѣ — нечестивца, строптиваго, а потому тотчасъ же перешелъ къ упреку неблагодарнымъ людямъ, забывающимъ Бога, и къ напоминанію о страшномъ судѣ. Въ подлинникѣ соотвѣтствующее мѣсто Корана читается такъ:

„Да погибнетъ злой! Кто могъ сдѣлать его невѣрнымъ? Изъ чего создалъ его Богъ? — Изъ грязи. Онъ далъ ему привлекательный видъ. Онъ облегчилъ ему путь, ведущій къ жизни. Онъ посылаетъ ему смерть и низводитъ его въ могилу. Онъ воскреситъ его, когда захочетъ... Мы изливаемъ дождь изъ тучъ; Мы открываемъ лоно земли; Мы повелѣваемъ произрастать сѣмени, завязываться виноградной лозѣ, зеленѣть травѣ, расти маслинѣ, пальмѣ и деревьямъ, украшающимъ сады ваши... Когда прогремитъ труба, — братъ оставитъ брата, сынъ — своего отца и мать, мужъ покинетъ жену и

lib.pushkinskijdom.ru

дѣтей своихъ. Всякій будетъ занятъ только великимъ дѣломъ. Лица будутъ сіяющія: на нихъ будутъ блистать довольство и радость. Другія лица будутъ покрыты прахомъ; мрачный покровъ омрачитъ ихъ: такими явятся невѣрные и злодѣи".

Символическое изображеніе праведниковъ съ лицами сіяющими и грѣшниковъ — съ лицами помраченными Пушкинъ исключилъ. Въ другомъ мѣстѣ Корана ужасъ при наступленіи страшнаго суда изображается, между прочимъ, такъ: „Пораженные ужасною десницею Бога люди будутъ какъ опьянѣвшіе". У Пушкина этотъ ужасъ переданъ эпитетомъ: „обезображенные страхомъ". Въ 80-й сурѣ нѣтъ также ни слова объ огнѣ, ожидающемъ нечестивыхъ, но внесенная Пушкинымъ угроза пламенемъ согласна со многими мѣстами Корана, упоминающими объ огнѣ; такъ, напримѣръ, въ сурѣ 23-й говорится, что „тѣ, которыхъ жребій на вѣсахъ склонится, насладятся блаженствомъ, а чей жребій окажется легокъ, — вѣчно пребудутъ въ аду: огонь сожжетъ ихъ лица". Слова II-й строфы: „Спокойно возвѣщай Коранъ, не понуждая нечестивыхъ", объясняются изъ стиха 126-го 16-й суры: „Призывай людей на путь Божій мудростію и кроткими увѣщаніями; если ты входишь съ ними въ споръ, то веди его благороднѣйшимъ образомъ". Въ Коранѣ неоднократно повторяется, что исламъ не долженъ быть проповѣдуемъ тѣмъ строптивымъ, которымъ предопредѣлено оставаться невѣрными и погибнуть въ геенѣ.

Четвертое подражаніе представляетъ поэтическую обработку 260-го стиха второй суры:

„Не слышалъ ли ты о томъ, который, споря съ Авраамомъ о Господѣ его, отрицалъ, что Богъ далъ ему царство? Когда Авраамъ сказалъ: „Господь мой — тотъ, который оживляетъ и умерщвляетъ", тогда тотъ сказалъ: „Я оживляю и умерщвляю". — Авраамъ сказалъ: „Богъ

lib.pushkinskijdom.ru

велитъ солнцу восходить съ востока, ты вели ему восходить съ запада". — Невѣрный изумился".

Пушкинъ заставилъ „невѣрнаго" спорить не съ Авраамомъ, а съ самимъ Богомъ, но во всемъ остальномъ остался вѣренъ тексту Корана.

Пятое подражаніе основано на разныхъ мѣстахъ Корана. Первая строфа соотвѣтствуетъ 39-му стиху 35-й суры: „Богъ поддерживаетъ небеса и землю, дабы они не обрушились; если они обрушатся, то никто, кромѣ Бога, не можетъ поддержать ихъ, потому что Онъ кротокъ, прощающій". Вторая строфа заимствована изъ 35-го стиха 24-й суры: „Богъ есть свѣтъ небесъ и земли. Свѣтъ его подобенъ свѣтильнику въ стѣнѣ: свѣтильникъ въ стеклянномъ сосудѣ; стеклянный сосудъ сіяетъ какъ звѣзда. Въ немъ горитъ благословенное дерево, маслина, какой нѣтъ ни на востокѣ, ни на западѣ... " Третья строфа написана самостоятельно, но выдержана въ духѣ Корана.

Шестое подражаніе воспроизводитъ сказаніе 48-й суры о томъ, какъ Богъ осуществилъ сонъ пророка, давъ ему услышать такія слова: „Вы войдете въ священный домъ молитвы, если угодно Богу, здравы и невредимы, обривъ свои головы или остригши ихъ. У васъ не будетъ страха..." Въ другихъ стихахъ той же суры говорится: „Если вы захватите вѣрную добычу, — о, тогда арабы, остававшіеся дома, скажутъ вамъ: „Позвольте намъ идти съ вами!" Они хотятъ измѣнить слово Божіе. Скажи имъ: „Не ходите съ нами!"... „Не вѣрьте, что павшіе, сражаясь на пути Божіемъ, мертвы: они живутъ близъ Бога и отъ Него получаютъ пищу".

Седьмое подражаніе представляетъ вольное и сокращенное переложеніе 3-й суры, напоминая, въ то же время, и разныя другія мѣста Корана, въ которыхъ говорится о ночныхъ бдѣніяхъ, напримѣръ, — начало

lib.pushkinskijdom.ru

суры 73-й: „О, завернувшійся въ одежду! Стой эту ночь и читай Коранъ“, — или начало суры 74-й: „О, закутавшійся въ одежду! Встань и поучай, Господа твоего величай, одежды твои очищай, мерзости убѣгай!“ Преданіе говоритъ, что Магометъ, увидѣвъ архангела Гавріила, въ страхѣ закрылся плащемъ, и Гавріилъ началъ этимъ обращеніемъ свою рѣчь къ пророку. Такимъ образомъ, Пушкинъ вѣрно передалъ выраженіе: „завернувшійся въ одежду“ словомъ: „боязливый“. „Стихотвореніе“, замѣчаетъ г. Черняевъ, „производитъ впечатлѣніе бѣглыхъ мыслей, молніей промелькнувшихъ въ умѣ Магомета въ минуты тяжкаго душевнаго разлада и сразу возвратившихъ ему покой и счастье. Быстрый и легкій размѣръ пьесы вполнѣ подходитъ къ ея содержанію“.

Восьмое подражаніе въ черновой рукописи озаглавлено: „Милостыня“. Такое заглавіе носитъ 107-я сура Корана, содержащая въ себѣ предписанія о щедрой благотворительности. О воздаяніи сторицею говорится въ стихѣ 263-мъ суры второй: „Тѣ, которые употребляютъ свои богатства на защиту святого дѣла, подобны зерну, производящему семь колосьевъ, изъ коихъ каждый приноситъ сто зеренъ“. О творящемъ милостыню изъ тщеславія въ стихѣ 266-мъ той же суры сказано: „Такой подобенъ скалѣ, покрытой пылью. Пройдетъ обильный дождь — и оставитъ только жесткій камень“.

Девятое подражаніе воспроизводитъ 261-й стихъ второй суры:

„Не вспоминается ли вамъ тотъ путешественникъ, который, проходя подлѣ города, погребеннаго подъ развалинами, сказалъ: „Какъ Богъ оживитъ жителей этого разрушеннаго города?“ Богъ повелѣлъ ему умереть, и онъ оставался въ этомъ положеніи сто лѣтъ; потомъ Онъ воскресилъ его и спросилъ: „Сколько времени

lib.pushkinskijdom.ru

пребывалъ ты здѣсь?“ — „День или нѣсколько часовъ“, отвѣчалъ путешественникъ. — „Посмотри на пищу и на питье свое“, прибавилъ Богъ: „они еще въ цѣлости. Взгляни на осла своего. Мы произвели это чудо, дабы примѣръ твой наставилъ людей. Посмотри, какъ Мы соберемъ и покроемъ тѣломъ кости осла твоего“. При видѣ чуда путникъ воскликнулъ: „Теперь я знаю, — могущество Божіе безконечно!“

Н. И. Черняевъ указываетъ также на сказаніе о семи юношахъ, проспавшихъ по Божьей волѣ 309 лѣтъ въ пещерѣ, — находящееся въ другой сурѣ Корана, гдѣ встрѣчается употребленное Пушкинымъ выраженіе: „Владыка небесъ и земли“, повторяющееся, впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ Корана.

„Сравненіе стихотворенія Пушкина съ приведеннымъ мѣстомъ Корана“, говоритъ проф. Сумцовъ, „указываетъ на истинно геніальную постройку изъ бѣднаго матеріала. Въ Коранѣ проведена только идея о всемогуществѣ Бога. У Пушкина это всемогущество лишь подразумѣвается, и на первый планъ выдвинута идея о благости и любви. Путникъ не умираетъ, какъ въ Коранѣ, а засыпаетъ, что гораздо болѣе отвѣчаетъ художественному чувству, чѣмъ умираніе... Вмѣсто ста лѣтъ въ текстѣ Корана — у Пушкина „многіе годы“, что даетъ просторъ для воображенія читателя, не заключая его въ опредѣленныя хронологическія рамки. Фабула стихотворенія построена не на сомнѣніи путника во всемогуществѣ Божіемъ, а на ропотѣ на Бога вслѣдствіе удручающей путника въ пустынѣ жажды. Тутъ развертывается цѣлая картина жгучей пустыни и одинокаго путника. Далѣе, у Пушкина нѣтъ и помину о пищѣ и питьѣ... Эта деталь не имѣла значенія для Пушкина по своей мелочности; по своему матеріальному характеру она была бы въ ущербъ общему возвышенному тону стихотворенія и была бы лишней при

lib.pushkinskijdom.ru

существованіи прекрасныхъ подробностей, взятыхъ изъ жизни пустыни. „Проф. Сумцовъ приводитъ цѣлый рядъ параллельныхъ этой легендѣ сказаній изъ разныхъ литературъ, восточныхъ и западныхъ, подробно сравниваетъ стихотвореніе Пушкина съ стихотвореніемъ Лермонтова: „Три пальмы“, очевидно — навѣяннымъ пьесой Пушкина и сохранившимъ даже ея стихотворный складъ, и, въ заключеніе, обращаетъ вниманіе на внѣшнюю форму и языкъ IX Подражанія, отмѣчая, между прочимъ, что стихотвореніе начинается прямо съ союза *и*, который затѣмъ повторяется 26 разъ.

При своемъ появленіи *Подражанія Корану* были встрѣчены общими похвалами. Рылѣевъ писалъ Пушкину, выслушавъ ихъ въ чтеніи Льва Сергѣевича, въ началѣ апрѣля 1825 г.: „они прелестны... Страшный судъ ужасенъ! Стихи: „И братъ отъ брата побѣжитъ, и сынъ отъ матери отпрянетъ“ — превосходны“. И. И. Козловъ писалъ, что „стихи Корана“ ему „вскружили голову“ (Переписка, томъ I, стр. 205, 221). Бѣлинскій провозгласилъ *Подражанія* „блестящимъ алмазомъ въ поэтическомъ вѣнцѣ Пушкина“ и видѣлъ въ нихъ доказательство „разнообразія поэзіи Пушкина, его удивительной способности легко и свободно переноситься въ самыя противоположныя сферы жизни“. Н. Н. Страховъ, посвятившій *Подражаніямъ* нѣсколько страницъ въ своей книгѣ: „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“ (Спб. 1890, стр. 47—52), давъ общую характеристику Корана, говоритъ: „Извѣстно, какъ обыкновенно дѣлаются подражанія „восточному“: европеецъ беретъ кой-какія чужія краски и даже мысли, но располагаетъ и развиваетъ ихъ по-своему, по-европейски. Пушкинъ же съ своею невѣроятною гибкостію старался уловить весь складъ Корана, весь безпорядокъ, всю быстроту и силу переходовъ, и даже то, что онъ въ другомъ мѣстѣ называетъ *какою-то*

lib.pushkinskijdom.ru

восточною безсмыслицею, имѣющею свое поэтическое достоинство („Путешествіе въ Арзрумъ“)... Смѣшеніе чувственности съ религіозными движеніями души, быстрые порывы и переходы чувствъ, немногосложная, но сверкающая фантазія, и при всемъ этомъ полнѣйшая музыкальность, волшебное теченіе рѣчи — таковъ характеръ Корана, какъ онъ уловленъ Пушкинымъ. Мы сомнѣваемся, чтобы у какого-нибудь другого европейскаго поэта были стихотворенія въ такой степени *восточныя*. А прекрасны они въ первой степени“.

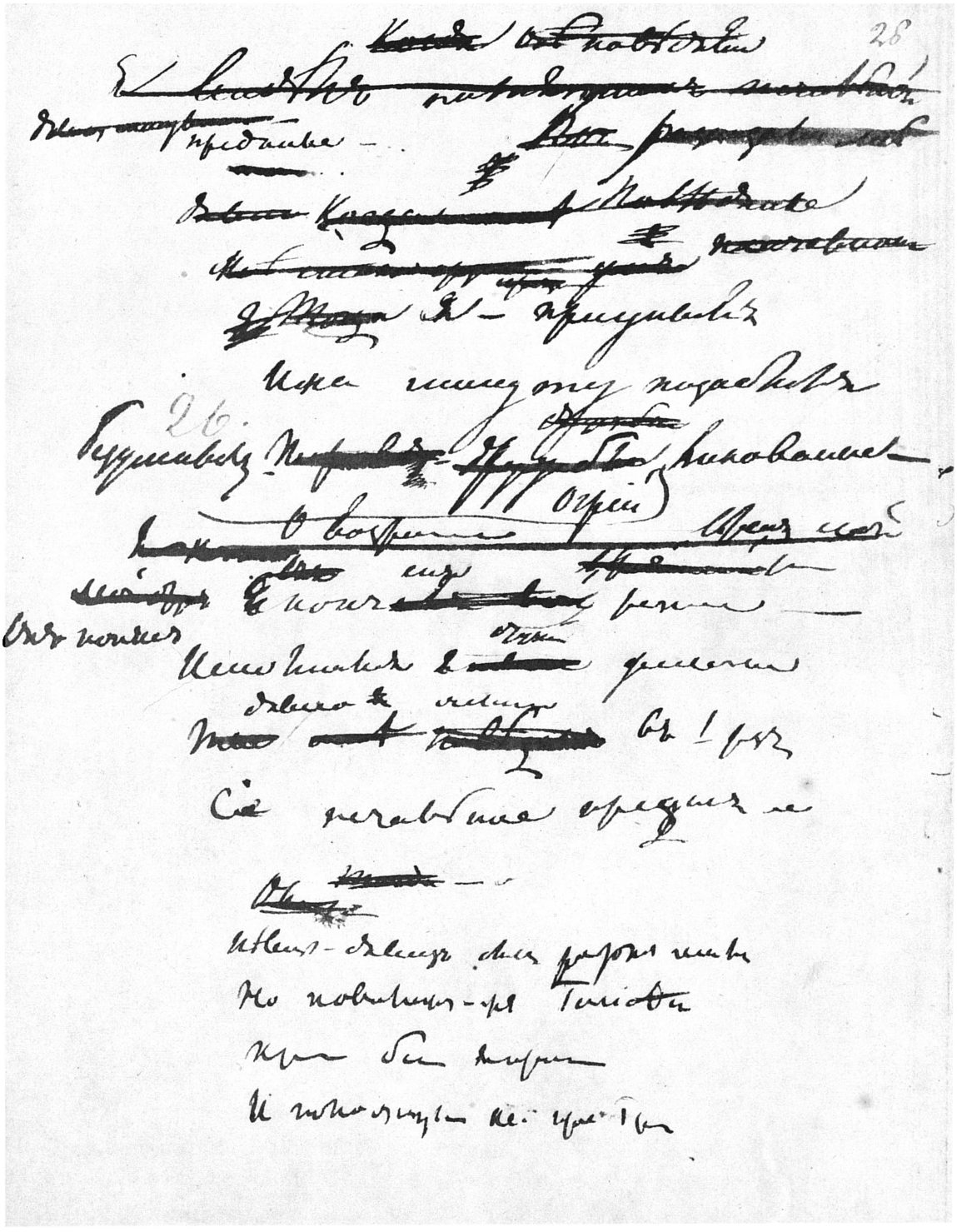
ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Къ стр. 38. — Черновикъ посланія къ П. С. Пущину, наполовину оборванный, набросанъ карандашемъ на оборотѣ чернового французскаго письма къ А. Н. Раевскому [?], отнесеннаго въ Перепискѣ (томъ I, стр. 112)— едва ли правильно — къ іюню 1824 г. На этомъ листкѣ уцѣлѣли слѣдующія строки и слова посланія:

Но ты предвидишь свой
(Ужъ) Хвала тебѣ
Грядущій нашъ
Въ крови въ дыму
Тебя
Оставя брань
Ты молотокъ
И возз
О темный
Ликуй

Къ 1824 году относятся слѣдующіе черновые наброски, сохранившіеся въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея:

lib.pushkinskijdom.ru

Рум. Муз. № 2366, л. 26.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

I.

Въ рукописи № 2366, л. 26:

Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ,
Но повалилъ же Голіафа,
Который былъ и Генералъ,
И побожусь[?] не ниже Графа.

Послѣдніе два стиха набросаны очень небрежно и прочитаны нами только предположительно. По содержанію своему это четверостишіе является, очевидно, эпиграммой на гр. Воронцова, — одной изъ тѣхъ эпиграммъ, которыя, вылившись въ минуту раздраженія, быстро распространялись въ одесскомъ обществѣ и еще болѣе раздували непріязненное отношеніе къ Пушкину его главнаго начальника.

Эпиграмма впервые напечатана П. А. Ефремовымъ въ изданіи 1903 г., томъ I, стр. 502.

II.

Въ рукописи № 2370, л. 7 об.:

Морей наперсникъ окрыленный,
Тебя зову — плыви, плыви
И сохрани залогъ безцѣнный
Мольбамъ, надеждамъ и любви.
Ты, вѣтръ, ускореннымъ дыханьемъ
Щастливый парусъ напрягай,
Ты.....колыханьемъ
Ея груди не утомляй.

Первый стихъ былъ начатъ словомъ: „Развившись“; затѣмъ оно было зачеркнуто и написано: „Красавецъ

lib.pushkinskijdom.ru

водъ!“ Эти слова также были зачеркнуты и замѣнены словами: „Морей красавецъ“: наконецъ, послѣднее слово опять зачеркнуто и сверху надписано: „наперсникъ окрыленный“. Въ началѣ второго стиха слово: „зову“ зачеркнуто и написано вновь и дважды написано и зачеркнуто: „молю“. Третій стихъ былъ начатъ такъ:

(Храни залогъ) (О возврати) (Храни) (О сохрани) (храни)

и окончательно исправленъ какъ напечатано выше.

Вторая строфа начиналась такъ:

Да не тѣснитъ ея дыханья

этотъ стихъ зачеркнутъ, и надъ нимъ написано: „дыханіемъ Эолъ“; далѣе зачеркнуты строки:

(Одинъ) (Эолъ дыханьемъ благосклоннымъ)
(Вѣтрило) (вѣтр)
(Наду) (Надуй) (Наполни вѣрное вѣтрило)
(Напрягши) (напр) (парусъ напр)
дыханьемъ
Эолъ полуд[еннымъ] дыханьемъ

Послѣдній стихъ былъ исправленъ сначала: „Ты, вѣтеръ, (щастливымъ) западнымъ дыханьемъ“, а потомъ передѣланъ, какъ напечатано.

Въ предпослѣднемъ стихѣ слово, опредѣляющее „колыханьемъ“, зачеркнуто и разбору не поддается, а послѣдній стихъ былъ начатъ словами: „Ей сердца“, которыя затѣмъ зачеркнуты.

Этотъ набросокъ впервые напечатанъ П. Е. Щеголевымъ въ *Русскомъ Словѣ* 1911, 6 августа, № 181, а снимокъ съ него данъ въ журналѣ „Искры“ 1911, № 30, стр. 237. По мнѣнію г. Щеголева, набросокъ имѣетъ несомнѣнное біографическое значеніе и связанъ съ неизвѣстными намъ дѣйствительными обстоятельствами въ жизни поэта:

lib.pushkinskijdom.ru

„уѣзжаетъ моремъ кто-то дорогой поэту, — уѣзжаетъ *она*. Нѣжными стихами поэтъ призываетъ благословеніе на ея путешествіе“.

На той же страницѣ, гдѣ написаны эти стихи, выше и сбоку, набросана черновая редакція строфъ XXXII-й и XXXIII-й третьей главы *Онѣгина*.

III.

Въ той же рукописи, л. 35 об.:

(Нѣтъ нѣтъ — Сабуровъ)
(совралъ)
(Нѣтъ) Сабуровъ ты (сказалъ) оклеветалъ
Мои гусарскія затѣи
Какъ я
(Я пилъ) съ Каверинымъ гулялъ (я пилъ)
(Я вралъ) Бранилъ Россію съ Молостовымъ
Съ моимъ Чадаевымъ читалъ
Какъ всѣ заботы отгоня
межъ ими
Проводилъ годъ я круглой
стилъ
Но Зубовъ не прель(щалъ) меня
Своею з.....ею смуглой.

Написано на одной страницѣ съ черновымъ посланіемъ къ брату: „Презрѣвъ и шопотъ укоризны“. Впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, стр. 15.

Въ этихъ стихахъ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ Пушкина къ царскосельскимъ лейбъ-гусарамъ; изъ нихъ здѣсь упомянуты: Яковъ Васильевичъ Сабуровъ, о которомъ Пушкинъ писалъ брату въ ноябрѣ 1824 года: „Скажи Сабурову, чтобы онъ не дурачился“, а 22 апрѣля

lib.pushkinskijdom.ru

1825 г. снова писалъ: „Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его тамъ обо мнѣ ничего не врать“ (Переписка, томъ I, стр. 149, 207); Петръ Павловичъ Каверинъ, упоминаемый также и въ I-й главѣ *Онѣгина*, геттингенскій студентъ и гусарскій офицеръ, „извѣстный своими проказами и скиѳскою жаждою“, которому Пушкинъ въ 1817 г. написалъ посланіе и надпись къ портрету (см. настоящаго изданія томъ I, прим., стр. 370 — 376); Памфамиръ Христофоровичъ Молоствовъ, „вполнѣ, что называется, славный малый и острякъ, а къ тому же по тогдашнему и либералъ“ (см. тамъ же, стр. 370 — 371, а также стр. 246, гдѣ напечатана апокрифическая надпись къ портрету Молоствова); Алексѣй Николаевичъ Зубовъ, которому Пушкинъ въ томъ же 1817 году написалъ стихи въ альбомъ (тамъ же, стр. 248, 377 — 378); наконецъ, Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ, первое знакомство котораго съ Пушкинымъ относится также къ 1817 году и съ которымъ поэтъ въ ту пору уже „читалъ“, тогда какъ съ другими его товарищами могъ развлекаться только или либеральными разговорами, или бражничаньемъ.

Стихотвореніе осталось неотдѣланнымъ, и въ первыхъ пяти стихахъ не только не согласованы риѳмы, но, повидимому, есть какой-то пропускъ. Стихъ 7-й долженъ, конечно, читаться: „*Провелъ* межъ ими годъ я круглой“: было написано: „проводилъ“ и, соотвѣтственно этому, въ слѣдующемъ стихѣ: „не прельщалъ“; но затѣмъ сверху строки вставлено: „межъ ими“ и, для соблюденія размѣра, необходимо поправить: „провелъ“, соотвѣтственно поправкѣ, сдѣланной въ слѣдующемъ стихѣ: „не прельстилъ“.

---

lib.pushkinskijdom.ru

IV.

Въ этой же рукописи, л. 34:

(Все)
Я не дремалъ—но (утомленье) сонъ изнеможденья
(И совершались предо мной)
(видѣнья)
И пролетѣли надо мной
Разнообразныя видѣнья
(Увидѣлъ я)
(Пр) (Мнѣ снил)
Приснились мнѣ древа и воды —
(И тѣнь и шумъ)
и шумъ и тѣнь
Увидѣлъ я

Далѣе слѣдуетъ первоначальный варіантъ одной изъ отброшенныхъ впослѣдствіи строфъ IV-й главы *Онѣгина:*

Мнѣ жалокъ нѣжный ихъ угодникъ
Смѣшонъ конечно важный модникъ

и пр., писанный, несомнѣнно, въ 1824 году, почему къ этому году долженъ быть отнесенъ и приведенный выше набросокъ.

V.

Въ той же рукописи, л. 40:

по лѣсамъ
разъ въ лѣсу
Иванъ-Царевичъ (ѣдетъ на конѣ) по *нрзб.* горамъ
(Охотой тѣшился) (охотой) въ лѣс(ахъ) у
(Они—) (Его) За бурымъ волкомъ разъ гонялся—
(Травили силою [?]лису)

Далѣе идетъ черновое письмо къ князю Вяземскому отъ 29 ноября 1824 г. (Переписка, томъ I, стр. 150).

lib.pushkinskijdom.ru

Отрывокъ, до сихъ поръ не замѣченный изслѣдователями пушкинскихъ рукописей, интересенъ, какъ попытка обратиться къ русскому сказочному сюжету.

VI.

Въ той же рукописи, л. 52:

Играй, прелестное дитя,
(бѣги)
(Бѣги въ саду за мотыльками)
Лови* ихъ*
и
Летай за (м) бабочкой летучей —
(м) (поймай)
(Шутя лови,) поймай шутя
Надъ розой колючей
(Пускай) потомъ отпустя
Но не совѣтую тебѣ
Играть съ уснувшимъ зміемъ —
(Его) (ую)
Завид(овать) (его) судьбѣ
(Гоненью) *(нрзб.)*
(Съ смущеньемъ) (пойманн)
(схваченн)
(За *нрзб.* удержаннымъ) *(нрзб.)*

Этотъ совершенно неотдѣланный набросокъ написанъ въ 1824 году, потому что непосредственно за нимъ слѣдуетъ въ рукописи черновая строфа XXIII-я четвертой главы *Онѣгина*, помѣченная: „1 Генв. 1825“.

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

VII.

Въ той же рукописи, л. 57:

Мнѣ былъ (былъ) ей
(Хоть) Онъ* (былъ) вѣжливъ въ мо(ихъ) (пер) прихожихъ
дома скученъ, сухъ и
Но (у себя) (несносно) гордъ —
(отмѣнно)

VIII.

Тамъ же:

(Люблю одессу [я] — имѣетъ)
(Она) (пышный)
(Она) какой то южный видъ —
Къ тому же море

Вѣроятно, относится къ описанію Одессы въ *Странствіи Онѣгина*. Эти строки были напечатаны В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ* 1884, томъ 43, съ ошибкою: „Люблю *одну*“, повторенною и послѣдующими издателями.

IX.

Въ той же рукописи, л. 68 об.:

На небесахъ когда печальная луна
Встрѣчается съ веселою зарею,
Одна горитъ, другая холодна,
Заря блеститъ невѣстой молодою,
Луна грядетъ, какъ мертвая блѣдна;
Такъ встрѣтился, Эльвина, я съ тобою.

Эти шесть стиховъ извлечены изъ исчерканнаго чернового наброска, написаннаго сбоку страницы, отъ корешка, на томъ листѣ, на которомъ находятся стихи:

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

„Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья...“ Черновикъ начинается нѣсколькими зачеркнутыми строками:

(Тебя любить)
(Видали ль вы что) (холодную луну)
(надъ) (на небѣ ясномъ)
уже ой
(Полу) ущербл(ую) (ликъ луны)
(Предъ утромъ)
печальная
(Когда поутру) (отъ) (блѣдная) (томная луна)
На небесахъ когда* луна
(Видали ль вы закатъ луны)
Встрѣчается (съ восходомъ солнца)
(нрзб.)
съ веселою зарей
(Заря)
(Одна) (горитъ, другая холодна)
(румянцемъ)

Далѣе слѣдуютъ уже менѣе исчерканные стихи:

Одна
(Заря) горитъ, другая холодна
(Часъ отъ) (блѣд)
(Заря горитъ, луна блѣдна)
Заря блеститъ невѣстой модой [*такъ* вм. молодой]
Луна (гр) грядетъ [?] какъ мертвая, блѣдна
Такъ встрѣтился, Эльвина [?] я съ тобою.

Набросокъ этотъ напечатанъ П. Е. Щеголевымъ въ *Русскомъ словѣ* 1911, № 181 (не вполнѣ), а снимокъ съ него данъ въ журналѣ „Искры“ 1911, № 30, стр. 237.

* Зачеркнуто и возстановлено.

lib.pushkinskijdom.ru

Рукописи Пушкина, упоминаемыя въ примѣчаніяхъ.

I. Хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ:

1. Записная книжка 1820—1821 гг.—25, 38, 78, 99, 109, 116, 118, 119, 120, 148, 149, 170, 176, 186, 244, 246, 261, 299, 371, 372.

2. „Друзьямъ“—199.

3. А. Л. Давыдову—369.

II. Хранящіяся въ Румянцовскомъ Музеѣ:

4. № 1254—13.

5. № 2364—259, 363.

6. № 2365—28, 33, 36, 38, 39, 42, 44, 46, 47, 48, 50, 51, 54, 57, 59, 66, 68, 69, 71, 72, 77, 79, 86, 87, 96, 102, 108, 113, 121, 129, 131, 139, 143, 148, 154, 155, 170, 171, 186, 187, 203, 233, 246, 251, 260, 282, 298, 304, 389.

7. № 2366—79, 82, 105, 154, 170, 174, 195, 205, 208, 213, 216, 223, 225, 228, 229, 274, 278, 279, 303—304, 317, 337, 360, 406, 481.

8. № 2367—4, 7, 8, 9, 11, 15, 16, 17, 20, 24, 26, 27, 36, 37, 54, 57, 59, 64, 68, 69, 89, 90, 96, 99, 121, 127, 139, 140, 143, 145, 150, 154, 156, 157, 192, 201, 205, 206, 207, 265, 267, 336, 337, 370, 371, 372, 373, 389, 419, 420, 470.

9. № 2368—429, 430, 433.

10. № 2369—92, 216, 230, 238, 241, 242, 276, 278, 281, 308, 317, 320, 334, 337, 342, 343, 349, 353, 362, 363, 364, 367, 370, 371, 405, 430.

11. № 2370—87, 133, 325, 370, 377, 398, 403, 416, 417, 419, 421, 425, 430, 433, 451, 454, 458, 460, 462, 465, 467, 469, 470, 481, 483, 485, 486, 487.

12. № 3015— 109.

lib.pushkinskijdom.ru

III. Хранящіяся въ Библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ:

а) въ Пушкинскомъ Отдѣлѣ имени Л. Н. Майкова:

13. „Наперсница волшебной старины“ — 19.
14. „Кто видѣлъ край...“ — 37.
15. Князю П. А. Вяземскому — 43.
16. Отрывокъ изъ комедіи — 72.
17. „Актеонъ“ — 108.
18. „Война“ — 150.
19. „Недавно я въ часы свободы“ — 193.
20. „Записка къ пріятелю“ — 197.
21. Первое посланіе цензору — 231.
22. „Печаленъ будетъ мой разсказъ“ — 277.
23. Посвященіе *Бахчисарайскаго Фонтана* — 296 — 297.
24. „Недвижный стражъ дремалъ...“ — 342.
25. „Мой плѣнникъ вовсе не любезенъ“ — 364.
26. „Пускай увѣнчанный любовью красоты“ — 389.
27. „Аквилонъ“ — 393.
28. „Коварность“ — 447.

б) поступившія отъ А. А. Шахматова:

29. „Къ Овидію“ — 154, 157.
30. „Друзьямъ“ — 199.
31. „Гречанкѣ“ — 201.
32. „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“ — 308, 309.

IV. Хранящіяся въ бывшей Чертковской Библіотекѣ:

33. „Зачѣмъ безвременную скуку“ — 147.

V. Хранящіяся въ Пушкинскомъ Музеѣ А. Ѳ. Онѣгина, въ Парижѣ:

34. „Братья Разбойники“ — 177.
35. „Гречанка вѣрная, не плачь...“ — 189.
36. „Графъ Нулинъ“ — 353.

lib.pushkinskijdom.ru

VI. Принадлежащія частнымъ лицамъ:

а) Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу:

37. „Муза“ — 20.

б) Графу П. И. Капнисту:

38. „Красавица передъ зеркаломъ“ — 8.
39. „Я пережилъ свои желанья“ — 10.
40. „Дѣва“ — 16.
41. „Муза“ — 20.
42. „Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный“ — 27.
43. „Діонея“ — 68, 69.
44. „Гробъ юноши“ — 79, 84.
45. „Примѣты“ — 96.
46. „Умолкну скоро я...“ — 139, 141.
47. „Мой другъ, забыты мной...“ 143.
48. „Война“ — 150, 151.
49. „У Кларисы денегъ мало“ — 192.
50. „Адели“ — 265.
51. „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“ — 308, 309.
52. „Ночь“ — 336.
53. „Иностранкѣ“ — 371.
54. „Охотникъ до журнальной драки“ — 373.
55. „Ты вянешь и молчишь...“ — 458.

в) П. Я. Дашкову:

56. Гнѣдичу — 12.
57. Второе посланіе къ цензору — 419, 421.

г) В. Е. Якушкину:

58. „Къ Морю“ — 377, 381.

д) Альбомъ Н. Н. Раевскаго:

59. „Земля и море“ — 3, 4, 5.

е) Альбомъ Н. Д. Иванчина-Писарева:

60. „Муза“ — 21, 22, 24.

lib.pushkinskijdom.ru

ж) Альбомъ А. Е. Шиповой:

61. „Муза“ — 21.

VII. Копіи стихотвореній Пушкина — въ тетради П. В. Анненкова:

1. П. С. Пущину — 52.
2. Ф. Ф. Вигелю — 337.

---

lib.pushkinskijdom.ru

Изданія Сочиненій Пушкина, на которыя сдѣланы ссылки *).

Изданіе *1826 г.* — 18, 41, 42, 70, 71, 83, 214, 215, 289, 290, 300. —— 3, 7, 8, 16, 17, 19, 24, 27, 54, 56, 57, 69, 79, 90, 96, 97, 121, 139, 150, 154, 192, 199, 201, 205, 207, 208, 215, 265, 308, 313, 317, 332, 336, 371, 372, 373, 378, 382, 458, 470.

Изданіе *1829 г.* — 18, 41, 42, 70, 71, 83, 205, 215, 289. —— 7, 8, 16, 19, 24, 27, 54, 56, 57, 69, 79, 90, 97, 121, 139, 147, 150, 154, 192, 199, 201, 205, 206, 207, 208, 215, 265, 271, 308, 314, 317, 332, 336, 369, 371, 372, 378, 382, 447, 458, 470.

Изданіе *1832 г.* (III часть Стихотвореній) —— 244, 396.

Изданіе *1835 г.* (IV часть Стихотвореній) —— 399.

„*Поэмы и повѣсти*“, изд. 1835 г. —— 168, 170, 175, 226, 227, 228, 430.

Изданіе *Посмертное* (1838 — 1841) —— 33, 56, 170, 193, 201, 208, 210, 215, 216, 259, 334, 350, 393.

Изданія:

1855 — 1857 (Анненкова) —— 27, 33, 38, 56, 84, 89, 99, 102, 108, 121, 143, 147, 167, 197, 216, 230, 231, 241, 246, 252, 259, 267, 271, 282, 343, 396, 399, 419, 433, 453, 462, 465, 467.

1859 (Геннади) —— 27, 56, 57, 89, 147, 167, 333, 343, 373, 396.

1861 (Гербеля: „Берлинское изданіе Стихотвореній Пушкина“) —— 111, 214, 335, 342, 343, 375, 376, 418, 462.

---

*) Горизонтальная жирная черта, поставленная передъ цифрами, указываетъ на текстъ примѣчаній.

lib.pushkinskijdom.ru

1870 (второе изданіе Геннади) —— 27, 51, 56, 89, 246, 366, 378, 397, 419, 462.

1870 (второе изданіе Гербеля) —— 251.

1880 (Ефремова) —— 52, 56, 89, 110, 141, 148, 231, 244, 258, 315, 342, 343, 375, 376, 378, 419, 460.

1882 (второе изданіе Ефремова) —— 42, 46, 48, 51, 67, 73, 77, 342, 378.

1887 (третье изданіе Ефремова) —— 378.

1887 (Поливанова) —— 97, 449, 470.

1887 (Литературнаго Фонда, ред. Морозова) —— 27, 28, 39, 42, 47, 57, 67, 89, 99, 103, 110, 116, 120, 148, 246, 373, 378, 417, 425, 454, 457, 461.

1903 (четвертое изданіе Ефремова) —— 27, 34, 48, 72, 84, 110, 193, 245, 481.

1903 (второе изданіе Морозова) —— 18, 27, 28, 34, 37, 42, 57, 64, 89, 99, 110, 118, 119, 120, 148, 310, 315, 360.

1908—1911 (изданіе Брокгаузъ-Ефронъ, ред. Венгерова) —— 18, 65, 72, 76, 85, 88, 89, 99, 110, 118, 119, 120, 130, 148, 152, 184, 188, 192, 242, 249, 273, 310, 315, 375, 388, 433, 436, 452, 466.

Академическое изданіе, томъ I-й: —— 484; томъ II-й: —— 46, 186, 249, 250, 253, 268, 287, 363, 365, 468.

Матеріалы для Академическаго изданія Сочиненій А. С. Пушкина, Л. Н. Майкова —— 4, 10, 12, 17, 20, 27, 28, 34, 39, 42, 48, 67, 79, 84, 96, 103, 122, 139, 141, 143, 151, 241, 267, 345, 419.

Переписка Пушкина —— 12, 13, 15, 18, 25, 26, 32, 37, 39, 46, 53, 57, 59, 61, 77, 93, 102, 106, 115, 121, 134, 152, 154, 158, 161, 180, 181, 182, 184, 197, 202, 203, 208, 210, 211, 212, 214, 215, 231, 234, 235, 249, 250, 256, 267, 269, 270, 281, 284, 286, 287, 314, 317, 324, 325, 327, 329, 332, 335, 337, 341, 347, 353, 365, 367, 368, 369, 374, 375, 383, 386, 393, 395, 396, 398,

lib.pushkinskijdom.ru

404, 407, 410, 411, 413, 414, 419, 422, 423, 437, 439, 440, 450, 455, 457, 460, 465, 470, 479, 480, 484, 486.

Изданія отдѣльныхъ произведеній Пушкина:

Бахчисарайскій Фонтанъ, изданіе *1824 г.*—159, 160, 162, 163, 165, 166, 167, 170, 171, 174, 175; изданіе *1827 г.*—174, 175; изданіе *1835 г.*—174, 175.

Евгеній Онѣгинъ, глава I-я, изданіе *1825 г.*—223, 226, 227, 228, 230.

lib.pushkinskijdom.ru

Указатель журналовъ, альманаховъ и газетъ, упоминаемыхъ въ настоящемъ томѣ *).

Альбомъ Сѣверныхъ Музъ 1828 г. —— 385.
Бессарабскія Губернскія Вѣдомости 1902 г. —— 253.
Бессарабскія Областныя Вѣдомости 1866 г. —— 203.
Бесѣды Общества Любителей Россійской Словесности 1867 г. —— 270.
Библіографическія Записки 1858 г. —— 11, 13, 15, 56, 121, 154, 231, 256, 272, 333, 378, 419.
Библіографическія Записки 1861 г. —— 56, 258.
Библіотека для Чтенія 1837 г. —— 453.
Библіотека для Чтенія 1859 г. —— 458.
Благонамѣренный 1818 г. —— 271.
Благонамѣренный 1824 г. —— 296.
Благонамѣренный 1825 г. —— 414.
Былое 1906 г. —— 64, 133, 181, 324, 428.
Время 1861 г. —— 258.
Вѣстникъ Европы 1803 г. —— 262.
Вѣстникъ Европы 1824 г. —— 292.
Вѣстникъ Европы 1830 г. —— 292.
Вѣстникъ Европы 1867 г. —— 271.
Вѣстникъ Европы 1871 г. —— 58.
Вѣстникъ Европы 1874 г. —— 28, 52.
Вѣстникъ Европы 1881 г. —— 466.
Вѣстникъ Европы 1886 г. —— 424.
Вѣстникъ Европы 1887 г. —— 64.
Вѣстникъ Европы 1888 г. —— 115, 315.
Вѣстникъ Европы 1904 г. —— 368.
Вѣстникъ Европы 1908 г. —— 141.

*) Горизонтальная жирная черта, поставленная передъ цифрами, указываетъ на текстъ примѣчаній.

lib.pushkinskijdom.ru

Вѣстникъ Европы 1909 г. —— 315.
Галатея 1839 г. —— 184, 413.
Дамскій Журналъ 1824 г. —— 292, 293, 296.
Дамскій Журналъ 1825 г. —— 407.
Девятнадцатый Вѣкъ, П. И. Бартенева, 1872 г. —— 464.
Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1899 г. —— 148.
Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей —— 166.
Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1899 г. —— 437.
Искры 1911 г. —— 482, 489.
Историческій Вѣстникъ 1883 г. —— 398.
Историческій Вѣстникъ 1884 г. —— 203.
Историческій Вѣстникъ 1899 г. —— 454.
Колоколъ (Герцена) 1859 г. —— 418.
Листки Грацій 1829 г. —— 167.
Литературная Газета 1830 г. — 221, 222. —— 297, 396.
Литературные Листки 1823 г. — 115. —— 215.
Литературные Листки 1824 г. — 184, 185. —— 286, 293, 308, 309.
Литературный Вѣстникъ 1902 г. —— 256.
Литературный Музеумъ на 1827 г. —— 456.
Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду 1831 г. ——376.
Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду 1837 г. —— 393.
Маякъ 1844 г. —— 420.
Міръ Божій 1899 г. —— 153.
Мнемозина 1824 г. — 215. —— 95, 298, 317, 329.
Мнемозина 1825 г. —— 377, 382, 384, 386.
Модный Магазинъ 1863 г. —— 462.
Москвитянинъ 1842 г. —— 21.
Москвитянинъ 1850 г. —— 93, 307.
Москвитянинъ 1853 г. —— 435.

lib.pushkinskijdom.ru

Москвитянинъ 1854 г. —— 11, 373.
Московскій Вѣстникъ 1827 г. — 149. —— 147, 259, 456.
Московскій Вѣстникъ 1828 г. —— 183, 444, 447.
Московскій Вѣстникъ 1829 г. —— 369.
Московскій Телеграфъ 1825 г. — 189, 215. —— 134, 183, 332, 377, 386, 430.
Московскій Телеграфъ 1826 г. —— 215.
Московскій Телеграфъ 1827 г. —— 297, 385, 444.
Московскія Вѣдомости 1827 г. ——169.
Московскія Вѣдомости 1854 г. —— 58.
Московскія Вѣдомости 1855 г. —— 267.
Московскія Вѣдомости 1856 г. —— 271.
Московскія Вѣдомости 1858 г. —— 93, 200, 306.
Московскія Вѣдомости 1867 г. —— 307.
Невскій Альманахъ 1827 г. —— 296.
Новое Время 1903 г. —— 258, 366.
Новости Литературы 1822 г. —— 211.
Новости Литературы 1823 г. —— 8, 9, 10, 65.
Новости Литературы 1824 г. —— 199, 295, 385.
Новости Литературы 1825 г. — 3, 4, 6, 44, 75. —— 3, 6, 68, 143.
Новыя Аониды на 1823 г. —— 20.
Огонекъ 1910 г. —— 55.
Одесскій Альманахъ 1840 г. —— 160.
Одесскій Вѣстникъ 1856 г. —— 310, 371.
Опытъ русской анѳологіи, М. Л. Яковлева, 1828 г. —— 271.
Отечественныя Записки 1841 г. —— 330.
Памятникъ отечественныхъ музъ 1827 г. — 146, 147, 148. —— 259.
Полярная Звѣзда на 1823 г. —— 150, 151, 152, 158, 201.
Полярная Звѣзда на 1824 г. —— 102, 103, 199, 265, 286, 308, 309.
Полярная Звѣзда на 1825 г. — 56, 81, 87, 88, 89, 94, 243 — 244, 282. —— 90, 168, 430, 439.

lib.pushkinskijdom.ru

Полярная Звѣзда Герцена, 1856 г. —— 109, 110, 341.
Полярная Звѣзда Герцена, 1858 г. —— 231.
Полярная Звѣзда Герцена, 1859 г. —— 343, 460.
«*Пушкинъ и его современники*» —— 4, 19, 21, 37, 43, 72, 138, 142, 149, 150, 154, 169, 177, 198, 231, 239, 242, 249, 274, 285, 308, 337, 342, 345, 348, 351—352, 353, 364, 367, 374, 389, 393, 447, 454.
Разсвѣтъ 1861 г. —— 236.
Россійскій Ѳеатръ 1793 г. —— 262.
Русская Библіотека 1858 г. —— 214, 341.
Русская Старина 1871 г. —— 262, 376.
Русская Старина 1872 г. —— 102, 376.
Русская Старина 1874 г. —— 376.
Русская Старина 1880 г. —— 121, 395.
Русская Старина 1883 г. —— 52.
Русская Старина 1884 г. —— 17, 28, 34, 39, 42, 47, 67, 71, 73, 78, 102, 114, 148, 195, 213, 223, 225, 228, 229, 230, 238, 246, 251, 305, 337, 342, 345, 367, 370, 373, 378, 419, 425, 433, 435, 451, 454, 457, 460, 465, 467, 483, 487.
Русская Старина 1885 г. —— 186.
Русская Старина 1889 г. —— 58.
Русская Старина 1892 г. —— 271.
Русская Старина 1893 г. —— 271.
Русская Старина 1899 г. —— 249, 286, 366, 450.
Русскій Архивъ 1863 г. —— 337.
Русскій Архивъ 1866 г. —— 48, 49, 52, 92, 93, 94, 114, 130, 148, 152, 153, 159, 197, 198, 200, 203, 222, 257, 258, 307, 342, 427.
Русскій Архивъ 1867 г. —— 396.
Русскій Архивъ 1872 г. —— 449.
Русскій Архивъ 1874 г. —— 68.
Русскій Архивъ 1876 г. —— 109, 337, 343.
Русскій Архивъ 1880 г. —— 68, 70.

lib.pushkinskijdom.ru

Русскій Архивъ 1881 г. —— 34, 42, 48, 51, 67, 71, 73, 77, 188, 241, 367.

Русскій Архивъ 1886 г. —— 255.

Русскій Архивъ 1895 г. —— 64, 65.

Русскій Архивъ 1897 г. —— 64, 428.

Русскій Архивъ 1902 г. —— 428.

Русскій Архивъ 1903 г. —— 64, 152.

Русскій Архивъ 1906 г. —— 64, 428.

Русскій Вѣстникъ 1856 г. —— 310.

Русскій Вѣстникъ 1869 г. —— 366.

Русскій Вѣстникъ 1886 г. —— 326.

Русскій Вѣстникъ 1893 г. —— 364, 428.

Русское Обозрѣніе 1894 г. —— 50.

Русское Обозрѣніе 1897 г. —— 458, 470.

Русское Слово 1911 г. —— 481, 489.

Сборникъ, изданный студентами С.-Петербургскаго университета, 1857 г. —— 420.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ 78-й —— 428.

Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей, изд. Русской Старины и Ѳ. К. Опочинина, Спб. 1873 —— 244.

Складчина 1874 г. —— 12.

Славянинъ 1827 г. —— 183.

Славянинъ 1828 г. —— 297.

Собраніе новыхъ русскихъ стихотвореній, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1823 годъ. Спб. 1824. —— 201.

Собраніе образцовыхъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ. Спб., 1822. —— 150, 151.

Современникъ 1854 г. —— 210.

Современникъ 1856 г. —— 267, 272.

Современникъ 1857 г. —— 246, 249, 343.

Современное Обозрѣніе 1868 г. —— 397.

Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія 1825 г. — 5, 13. —— 7, 16.

lib.pushkinskijdom.ru

Старина и Новизна —— 21, 251, 256.
Сынъ Отечества 1814 г. —— 130.
Сынъ Отечества 1820 г. —— 268.
Сынъ Отечества 1821 г. — 39, 40, 41, 42. —— 20, 54, 56, 68.
Сынъ Отечества 1824 г. —— 300.
Сынъ Отечества 1825 г. —— 95, 182, 212.
Сынъ Отечества 1827 г. —— 183, 444.
Сынъ Отечества 1839 г. —— 135, 444.
Сѣверная Пчела 1827 г. —— 168, 297, 444.
Сѣверные Цвѣты на 1825 г. — 187, 217. —— 208, 317, 350.
Сѣверные Цвѣты на 1826 г. — 249. —— 205, 206, 286, 430, 470.
Телескопъ 1831 г. —— 444.
Труды Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности 1822 г. —— 22, 200, 212.
Уранія, альманахъ Погодина, 1826 г. —— 271.
Чтенія Общества Исторіи и Древностей 1866 г. —— 424.
Furet (Le) —— 142.
Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik —— 444.

lib.pushkinskijdom.ru

Указатель книгъ, упоминаемыхъ въ примѣчаніяхъ.

Анненковъ, П. В. — Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина — 11, 19, 70, 72, 102, 143, 231, 241, 246, 277, 293, 294, 312 — 313, 322, 329, 331, 353, 355, 357, 359, 367, 368, 414, 416, 417, 435, 449, 465, 467.

Анненковъ, П. В. — Пушкинъ въ александровскую эпоху. Спб. 1874. — 28, 52, 72, 75, 86, 153, 160, 161, 256, 264, 322 — 323, 326, 422, 454, 455.

Архивъ Раевскихъ — 32, 428.

Гротъ, Я. К. — Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники — 59, 65, 75, 323.

— Переписка съ П. А. Плетневымъ — 65, 94.

Дѣла III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, изд. И. Балашова, Спб. 1906. — 431.

Майковъ, Л. Н. — Пушкинъ, біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. Спб. 1899. — 17, 50, 58, 92, 94, 152, 159, 182, 184 — 185, 197, 228, 272, 307, 372, 435, 436, 439, 444, 454.

Майковъ, Л. Н. — Историко-литературные очерки. Спб. 1895. — 393.

Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ — 8, 21, 64, 221, 236, 250, 286, 295, 335, 376, 382, 383, 439, 440.

Сборникъ „Памяти Пушкина“, изд. профессоровъ университета Св. Владиміра, Кіевъ 1899. — 267, 328.

Сборникъ Пушкинскій Московскаго университета. М. 1899. — 245.

Сборникъ Пушкинскій Харьковскаго университета. Х. 1899. — 310.

Сборникъ „Пушкинъ“, изд. Русскаго Архива. М. 1881. — 42, 48, 51, 73, 77, 367.

lib.pushkinskijdom.ru

Указатель стихотвореній. *

Адели: Играй, Адель — 150. —— 265 — 267.

Аквилонъ: Зачѣмъ ты, гордый аквилонъ — 219. —— 393 — 395.

Алексѣеву, Н. С.: Мой милый, какъ несправедливы — 55. —— 52, 90 — 95, 233.

Ангелъ (1827) —— 331.

Андрей Шенье (1825) —— 240.

A son amant Eglé sans résistance —— 188.

Баратынскому: Сія пустынная страна — 106. —— 205.

Баратынскому: Я жду обѣщанной тетради — 107 —— 206.

Бахчисарайскій фонтанъ, поэма — 155 — 176. —— 119, 176, 181, 225, 258, 274 — 303, 325, 405, 409, 413, 438, 468.

Безвѣріе (1817) —— 358.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье —— 356.

Блаженъ, кто щастливъ безъ волненья — 288. —— 469.

Блѣдна, слаба — Земфира дремлетъ —— 433.

Бова (1815) —— 131.

Братъ милый, отрокомъ разстался ты со мной — 123. —— 230.

Братья разбойники, поэма — 85. —— 113, 168, 186, 233.

Бывало въ сладкомъ ослѣпленьи —— 339.

Вадимъ, драма и поэма — 143. —— 212, 259 — 265.

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ (Жалоба) — 191. —— 334 — 336.

Венерѣ, Фебу и Ѳемидѣ — 196. —— 342.

Вечерня отошла давно — 65. —— 118 — 119, 290, 357.

---

* Горизонтальная жирная черта, поставленная передъ цифрами, указываетъ на текстъ примѣчаній.

lib.pushkinskijdom.ru

Взгляни на милую, когда свое чело (Красавица передъ зеркаломъ) — 5. —— 7 — 8.

Вигелю, Ф. Ф.: Проклятый городъ Кишиневъ! — 193. —— 337.

Во времена царя Дадона —— 187.

Возстань, боязливый! (Подражаніе Корану) — 296.

Война: Война, подьяты наконецъ — 78. —— 150 — 152, 222.

Воистину Еврейки молодой (Гавриліада) — 134. —— 72, 250 — 258.

Вольность (1819) —— 300.

Воронцову, гр. М. С., эпиграмма: Полу-милордъ, полу-купецъ — 211. —— 375 — 376.

Воспитанный подъ барабаномъ—203. —— 366 — 367.

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ (1814) —— 131, 344.

Вотъ муза, рѣзвая болтунья — 45. —— 251.

Всегда такъ будетъ и бывало — 84.

Все кончено, межъ нами связи нѣтъ! — 204. —— 367, 368.

Вульфу, А. Н.: Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой — 220. —— 395.

Вчера былъ день разлуки шумной (Друзьямъ) — 102. —— 199 — 201.

Въ Геннѣ праздникъ — 58. —— 86 — 88.

Въ голубомъ эѳира полѣ — 154. —— 272 — 273.

Въ дыму, въ крови, сквозь тучи стрѣлъ (П. С. Пущину) — 38. —— 52 — 54, 480.

Въ лѣсахъ Гаргаріи щастливой — 61. —— 108.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила (Муза) — 17. —— 19 — 24, 97.

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья — 285. —— 465 — 467, 488.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный (Гнѣдичу) — 9. —— 12, 159.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ (Чаадаеву) — 39. —— 28, 46, 54 — 66, 159, 186, 233, 251.

Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный — 50. —— 77 — 78.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы (Демонъ) — 187. —— 317 — 331, 339, 405.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю (Птичка) — 115. —— 215.

Въ Юрзуфѣ бѣдный Музульманъ — 30. —— 39 — 42.

Вяземскому, кн. П. А.: Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый — 32. —— 42 — 46, 55.

Гавриліада, поэма — 134. —— 72, 250 — 258.

Генералу Пущину: Въ дыму, въ крови, сквозь тучи стрѣлъ — 38. —— 52 — 54.

Герой (1830) —— 138, 345.

Глинкѣ, Ѳ. Н.: Когда средь оргій жизни шумной — 151. —— 233, 267 — 270.

Гнѣдичу: Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный — 9. —— 12, 159.

Голицыной, кн. М. А., урожд. Суворовой: Давно о ней воспоминанье — 200. —— 349 — 352.

Горишь ли ты, лампада наша (Я. Н. Толстому) — 132. —— 246 — 250.

Горчакову, В. П.: Зима мнѣ рыхлою стѣною — 183. —— 306 —307.

Графъ Пулинъ (1825) ——353.

Гречанка вѣрная! не плачь, онъ палъ героемъ —— 189.

Гречанкѣ: Ты рождена воспломенять — 104. —— 201 — 205, 233.

Гробъ юноши: . . . Сокрылся онъ — 51. —— 79 — 86, 187.

Давно о ней воспоминанье (кн. Голицыной) — 200. —— 349 — 352.

lib.pushkinskijdom.ru

Давыдову, А. Л.: Нельзя, мой толстый Аристипъ — 205. —— 13, 369.

Давыдову, В. Л.: Межъ тѣмъ, какъ генералъ Орловъ — 20. —— 28 — 33, 257.

Давыдову, Д. В.: Недавно я, въ часы свободы — 96. —— 193 — 195.

— Пѣвецъ-гусаръ, ты пѣлъ биваки — 43. —— 66 — 68.

Дай, Никита, мнѣ одѣться —— 33.

Делибашъ ——393.

Дельвигу: Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ — 7. —— 11, 376.

Демонъ: Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы—187. —— 317 — 331, 339, 405.

Дитя, не смѣю надъ тобой (Младенцу) — 273. —— 451 — 452.

Діонея: Хромидъ въ тебя влюбленъ — 44. —— 68 — 70, 459.

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ (Дельвигу) — 7. —— 11, 376.

Друзьямъ: Вчера былъ день разлуки шумной — 102. —— 199 — 201.

Дѣва: Я говорилъ тебѣ, страшися дѣвы милой — 13. —— 16 — 17.

Евгеній Онѣгинъ —— 86, 87, 94, 95, 107, 138, 147, 157, 238, 239, 240, 242, 249, 285, 289, 321, 322, 323, 326, 327, 328, 334, 345, 347, 353, 355, 356 — 357, 359, 360, 362, 367, 369, 373, 387, 398, 403, 404, 405, 406, 413, 416, 422, 423, 430, 437, 446, 456, 461 — 462, 483, 484, 485, 487.

Едва уста краснорѣчивы — 238. —— 429.

Жалоба: Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ — 191. —— 334.

Желаніе: Кто видѣлъ край—38. —— 37—39, 159, 225.

lib.pushkinskijdom.ru

Желаніе славы (1825) —— 368.
J'ai possédé maîtresses honnêtes —— 189.
Забылъ и рощу, и свободу — 286. —— 467.
Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый — 130. —— 241 — 243.
За ихъ лѣнивыми толпами —— 435.
Заклинаніе (1830) —— 368.
Записка къ пріятелю: Сегодня я поутру дома — 101. —— 197.
Заступники кнута и плети —— 240.
Зачѣмъ безвременную скуку (Къ * * * —) 77. —— 147.
Зачѣмъ раздался громъ войны —— 304.
Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ (Аквилонъ) — 219. —— 393 — 395.
Зачѣмъ ты посланъ былъ... —— 346.
Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой (А. Н. Вульфу) — 220. —— 395.
Земля и море: Когда по синевѣ морей — 3. —— 3 — 7.
Земля недвижна; неба своды (Подражаніе Корану) — 294.
Зима мнѣ рыхлою стѣною (В. П. Горчакову) — 183. —— 306.
Иванъ-царевичъ по лѣсамъ-горамъ —— 485.
И вы повѣрить мнѣ могли (Кокеткѣ) —— 99.
Играй, Адель (Адели) — 150. —— 265.
Играй, прелестное дитя —— 486.
Издревле сладостный союзъ (Языкову) — 221. —— 396.
Иной имѣлъ мою Аглаю — 11. —— 13, 189.
Иностранкѣ: На языкѣ, тебѣ не внятномъ — 207. —— 370.
И путникъ усталый на Бога ропталъ (Подражаніе Корану) — 298.
К. Г — со мною не знакомъ — 68. —— 120.
Кавказскій Плѣнникъ, поэма —— 142, 146, 153,

lib.pushkinskijdom.ru

158, 161, 180, 233, 234, 252, 284, 291, 295, 300, 301, 321, 325, 326, 327, 365.

Какія чувства ни кипѣли —— 437.

Какъ наше сердце своенравно! — 122. —— 229.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ (Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ) — 109. —— 208 — 213, 233.

Катенину: Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ — 18. —— 24, 28.

Каченовскому, М. Т., эпиграммы:

Клеветникъ безъ дарованья — 12. —— 15, 373.

Охотникъ до журнальной драки — 208. —— 372.

Кинжалъ: Лемносскій богъ тебя сковалъ — 62. —— 109 — 116, 233.

Клеветникамъ Россіи (1831) —— 429.

Клеветникъ безъ дарованья (Каченовскому) — 12. —— 15, 373.

Клянусь четой и нечетой (Подражаніе Корану) — 289.

Коварность: Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей — 271. —— 447.

Когда по синевѣ морей (Земля и море) — 3. —— 3 — 7.

Когда средь оргій жизни шумной (Ѳ. Н. Глинкѣ) — 151. —— 233, 267.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей (Коварность) — 271. —— 447.

Кокеткѣ: Послушайте: вамъ тридцать лѣтъ — 58. —— 13, 99 — 102.

Комедія (отрывки) — 46, 47. —— 72 — 77.

Красавица передъ зеркаломъ: Взгляни на милую, когда свое чело — 5. —— 7 — 8.

Красы Лаисъ, завѣтные пиры — 33. —— 47, 106.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы (Желаніе) — 28. —— 37 — 39, 159, 225, 300.

Кто, волны, васъ остановилъ — 129. —— 238.

lib.pushkinskijdom.ru

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ (Катенину) — 18. —— 24, 28.

Кто тамъ? — Здорово, господа —— 87.

Куда ты холоденъ и сухъ! (Русскому Геснеру) — 153. —— 271.

Къ ***: Зачѣмъ безвременную скуку — 77. —— 147.

Къ ней (1817) —— 352.

Лемносскій богъ тебя сковалъ (Кинжалъ) — 62. —— 108 — 116, 233.

Лида—новая Діана —— 89.

Лидѣ страшно полюбить — 54. —— 89.

Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ — 209. —— 373.

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной — 116. —— 215—223.

Любовь одна — веселье жизни хладной —— 257.

Мадригалъ: Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати — 152. —— 270.

Межъ тѣмъ какъ генералъ Орловъ (В. Л. Давыдову) — 20. —— 28, 257.

Младенцу: Дитя, не смѣю надъ тобой — 273. —— 451.

Мнѣ бой знакомъ (1820) —— 298.

Мнѣ было грустно, тяжко, больно —— 320.

Мнѣ жаль великія жены — 232. —— 417.

Моей любовью насладись —— 435.

Моей чернильницѣ (Къ): Подруга думы праздной — 23. —— 33.

Мой голосъ для тебя и ласковый, и томный (Ночь) — 192, —— 312, 336, 351.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ — 75. —— 351.

Мой другъ, уже три дня — 99. —— 195.

Мой милый другъ, разстался я съ тобою (Унынiе) —— 119.

Мой милый, какъ несправедливы (Н. С. Алексѣеву) — 55. —— 90, 233.

lib.pushkinskijdom.ru

Мой плѣнникъ вовсе не любезенъ —— 364.

Морей наперсникъ окрыленный —— 481 — 483.

Морю (Къ): Прощай, свободная стихія! — 213. —— 243, 377 — 388.

Мою задумчивую младость —— 320.

Муза: Въ младенчествѣ моемъ она меня любила — 17. —— 19, 97.

На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа (1815) —— 131.

На Волгѣ, въ темнотѣ ночной —— 177.

Надгробная надпись младенцу кн. Голицыну: Отраднымъ ангеломъ на землю онъ явился — 190. —— 333.

Надеждой сладостной младенчески дыша —— 222, 354, 357, 358.

На небесахъ когда печальная луна —— 487.

Наперсница волшебной старины — 15. —— 19.

Наперсница моихъ сердечныхъ думъ — 67. —— 119.

Наполеонъ: Чудесный жребій совершился — 69. —— 121 — 138, 233, 340, 381.

Наполеонъ на Эльбѣ (1814) —— 131.

Напрасно ахнула Европа! — 282. —— 460.

Насильно Зубову мила —— 418.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ! (Второе посланіе къ цензору) — 234. —— 66, 419 — 424.

Насъ было два брата — мы вмѣстѣ росли —— 171.

На тихихъ берегахъ Москвы — 120. —— 228.

На языкѣ, тебѣ не внятномъ (Иностранкѣ) — 207. —— 370.

Недавно я, въ часы свободы (Д. В. Давыдову) — 98. —— 193.

Недаромъ вы приснились мнѣ (Подражаніе Корану) — 295.

Недаромъ ты ко мнѣ воззвалъ —— 186.

lib.pushkinskijdom.ru

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ — 197. —— 341, 342 — 349.

Нельзя, мой толстый Аристипъ (А. Л. Давыдову) — 205. —— 13, 369.

Ненастный день потухъ — 186. —— 312, 313 — 316, 351.

Не притворяйся, милый другъ (Пріятелю) — 108. —— 207.

Не стая вороновъ слеталась (Братья-разбойники) — 87. —— 168.

Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ — 64. —— 116 — 118, 405.

Ни блескъ ума, ни стройность платья (Г-жѣ Эйхфельдтъ) — 37. —— 51.

Ночной зефиръ — 277. —— 456.

Ночь: Мой голосъ, для тебя и ласковый, и томный — 192. —— 312, 336, 351.

Ночь свѣтла; въ небесномъ полѣ —— 272.

Nöel —— 159.

Нѣтъ вѣтра — тихая волна —— 191.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати (Мадригалъ) — 152. —— 270.

Овидію (Къ): Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ — 80. —— 154 — 167, 233.

О вы, которыя любили —— 252.

О Геліосъ, внемли, серебрянымъ лукомъ звенящій —— 360.

Одна черта руки моей ——188.

О жены чистыя пророка (Подражаніе Корану) — 290.

Олизару (Графу): Пѣвецъ! издревле межъ собою — 237. —— 425.

Она меня зоветъ: поѣду или нѣтъ? (Отрывокъ изъ комедіи) — 47.

Онъ вѣжливъ былъ въ моей прихожей —— 487.

lib.pushkinskijdom.ru

Оставя честь судьбѣ на произволъ — 14. —— 17 — 18.

Отраднымъ ангеломъ на землю онъ явился (Надгробная надпись кн. Голицыну) — 190. —— 333.

Отрывки изъ комедіи — 46, 47. —— 72 — 77.

Отрывокъ: Ты, сердцу непонятный мракъ —— 216, 220.

Охотникъ до журнальной драки (Каченовскому) — 208. —— 372.

Памятникъ (1836) —— 456.

Пиры, любовницы, друзья — 119. —— 225.

Платоническая любовь —— 258.

Плетневу, П. А.: Ты издалъ дядю моего — 233. ——418.

Плещутъ волны Флегетона (Прозерпина) — 217. —— 389 — 393.

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ! — 49. —— 77.

Погасло дневное свѣтило —— 165.

Подражанія Корану — 289. —— 466, 467, 468, 469, 470 — 480.

Подруга думы праздной (Къ моей чернильницѣ) — 23. —— 33, 233, 404.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной —— 311.

Пока супругъ тебя, красавицу младую — 287. ——467.

Покойны чувства, ясенъ умъ (Таврида) — 118. —— 223.

Полу-милордъ, полу-купецъ (гр. Воронцову) — 211. —— 375.

Послушайте: вамъ тридцать лѣтъ (Кокеткѣ) — 58. —— 13, 99.

Предчувствіе: Снова тучи надо мною —— 256.

Презрѣвъ и шопотъ укоризны — 276. —— 454.

Придетъ ужасный мигъ — твои небесны очи —— 353, 359.

Признаніе: Я васъ люблю, хоть я бѣшусь — 274. —— 453.

Прими въ залогъ воспоминанья —— 71, 251.

lib.pushkinskijdom.ru

Примите новую тетрадь —— 251.

Примѣты: Старайся наблюдать различныя примѣты — 57. —— 96, 233.

Принцу Оранскому (Къ) —— 131.

Пріютъ любви, онъ вѣчно полнъ — 206. —— 370.

Пріятелю: Не притворяйся, милый другъ — 108. —— 207.

Прозаикъ и поэтъ (1825) —— 443.

Прозерпина: Плещутъ волны Флегетона — 217. —— 389 — 393.

Проклятый городъ Кишиневъ! (Вигелю) — 193. —— 337.

Прости, украинскій мудрецъ (Родзянкѣ) 280. —— 457.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты — 184. —— 308 — 313.

Прощай, свободная стихія! (Къ морю) — 213. —— 243, 377 — 388.

Птичка: Въ чужбинѣ свято наблюдаю — 115. —— 215.

Пускай увѣнчанный любовью красоты — 216. —— 389.

Пушкину, Л. С.: Братъ милый, отрокомъ разстался ты со мной — 123. —— 230.

Пушкину, Л. С.: Что же? будетъ ли вино? — 283. —— 460.

Пущину, П. С.: Въ дыму, въ крови, сквозь тучи стрѣлъ — 38. —— 480.

Пѣвецъ-гусаръ, ты пѣлъ биваки (Д. В. Давыдову) — 43. —— 66.

Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ —— 481.

Пѣвецъ! издревле межъ собою (Графу Олизару) — 237. —— 425.

Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ: Какъ нынѣ сбирается Вѣщій Олегъ — 109. —— 208 — 213, 233.

Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ: Стишки для васъ одна забава — 22 —— 31.17, 287, 398 — 416.

lib.pushkinskijdom.ru

Раззѣвавшись отъ обѣдни — 34. —— 48.

Родзянкѣ, А. Г.: Прости, украинскій мудрецъ — 280. —— 457.

Русланъ и Людмила —— 158, 185, 234, 291, 376, 444.

Русскому Геснеру: Куда ты холоденъ и сухъ — 153. —— 271.

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда —— 287.

Сабуровъ, ты оклеветалъ —— 483.

Саранча летѣла, летѣла — 210. —— 373.

Свободы сѣятель пустынный — 195. —— 107, 320, 327, 337, 344.

Сводъ неба мракомъ обложился (Вадимъ) — 144.

Себѣ ты выбралъ, Зензевей —— 304.

Сегодня я поутру дома (Записка къ пріятелю) — 101. —— 197.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой (Узникъ) — 131. —— 215, 244.

Сія пустынная страна (Баратынскому) — 106. —— 205.

Скажи, какой судьбой другъ другу мы попались? (Отрывокъ изъ комедіи) — 46.

Сказали разъ Царю, что наконецъ — 284. —— 462.

Сказки: о царѣ Салтанѣ, о спящей царевнѣ, о золотомъ пѣтушкѣ —— 214.

Слабъ и робокъ человѣкъ —— 470.

Смутясь, нахмурился пророкъ (Подражаніе Корану) — 294.

Снова тучи надо мною (Предчувствіе) —— 256.

Сокрылся онъ (Гробъ юноши) — 51. —— 79—86, 187.

Старайся наблюдать различныя примѣты (Примѣты) — 57. —— 96, 233.

Стишки для васъ одна забава (Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ) — 223. —— 117, 287, 398—416.

Сцена изъ Фауста —— 406.

lib.pushkinskijdom.ru

Съ Тобою древле, о Всесильный (Подражаніе Корану) — 293.

Сѣтованіе: Недавно я, въ часы свободы — 98. —— 193.

Сѣятель: Свободы сѣятель пустынный — 195. —— 107, 320, 327, 337 — 342, 344.

Таврида; Покойны чувства, ясенъ умъ —— 223.

Тадарашка въ васъ влюбленъ — 36. ——51.

Таковъ онъ былъ —— 318.

Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье —— 87.

Талисманъ (1827) —— 466.

Телега жизни: Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя — 189. —— 332.

Тимковскій царствовалъ — и всѣ твердили вслухъ — 212. —— 376.

Толстому, Я. Н.: Горишь ли ты, лампада наша — 132. —— 246.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою (Подражаніе Корану) — 297.

Т — правъ, когда такъ вѣрно васъ — 231. —— 416.

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ — 281. —— 458.

Ты издалъ дядю моего (Плетневу) — 233. —— 418.

Ты правъ, мой другъ! Напрасно я презрѣлъ — 60. —— 102 — 107, 259, 320, 327, 339, 405.

Ты правъ: хоть онъ поэтъ изрядный —— 27

Ты рождена воспламенять (Гречанкѣ) — 104. —— 201 — 205, 233.

Ты, сердцу непонятный мракъ (Отрывокъ) —— 216, 220, 327, 358.

Тѣснится средь толпы Еврей трудолюбивый —— 186.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой (Первое посланіе цензору) — 124. —— 231 — 237.

Узникъ: Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой — 131. —— 215, 244.

lib.pushkinskijdom.ru

У Кларисы денегъ мало — 97. —— 192.

Умолкну скоро я... — 74. —— 139 — 143, 351.

Умомъ и нѣжною красой —— 362.

Уныніе: Мой милый другъ, разстался я съ тобою —— 119, 147.

Фонтану Бахчисарайскаго дворца: Фонтанъ любви, фонтанъ живой —— 468.

Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный — 19. —— 27, 120.

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя (Телега жизни) — 189. —— 332.

Христосъ воскресъ, моя Реввека — 27. —— 32, 36—37.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и не разъ (Діонея) — 44. —— 68 — 70.

Царь Никита — 113. —— 213, 233.

Цензору посланіе первое: Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой — 124. —— 231 — 237.

Цензору посланіе второе: На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ — 234. —— 66, 419 — 424.

Цыганы, поэма — 239. —— 185, 378, 387, 429, 430—447.

Цыганы, стихотвореніе 1830 г. —— 436.

Чаадаеву, П. Я.: Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ — 39. —— 28, 46, 54—66, 159, 186, 233, 251.

Часы, протекшіе въ живомъ очарованьи —— 187.

Черная шаль (1820) —— 171.

Чернильницѣ (Къ моей): Подруга думы праздной — 23. —— 33, 233, 404.

Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку — 279. —— 457.

Что же? Будетъ ли вино? (Л. С. Пушкину) 283. —— 480.

lib.pushkinskijdom.ru

Что козырь? — Черви. — Мнѣ ходить —— 87.

Чугунъ Кагульскій, ты священъ — 121. —— 229.

Чудесный жребій совершился (Наполеонъ) — 69. —— 121 — 138, 233, 340, 381.

Эйхфельдтъ, г-жѣ: Ни блескъ ума, ни стройность платья — 37. —— 51.

Эллеферія, предъ тобой —— 204.

Эпиграммы:

Воспитанный подъ барабаномъ—203. —— 366.

К. Г — со мною не знакомъ — 68. —— 120.

На Каченовскаго—12, 208. —— 14, 15, 372, 373.

На гр. Воронцова — 211. —— 375.

Оставя честь судьбѣ на произволъ—14. —— 17.

Повѣрь мнѣ, бытьтебѣПанглосомъ—49.—— 77.

Тимковскій царствовалъ — 212. —— 376.

Юрьеву (Къ): Любимецъ вѣтреныхъ Лаисъ —— 250.

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны —— 87.

Я васъ люблю, хоть я бѣшусь (Признаніе)—274. —— 453.

Я видѣлъ смерть... —— 142.

Я говорилъ предъ хладною толпой — 142. —— 259.

Я говорилъ тебѣ, страшися дѣвы милой (Дѣва) — 13. —— 16.

Я ждалъ тебя, Рогдай! (Вадимъ) — 143.

Я жду обѣщанной тетради (Баратынскому) 107. —— 206.

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый (Кн. Вяземскому) — 30. —— 42, 55.

Языкову, Н. М.: Издревле сладостный союзъ — 221. —— 396.

Я не дремалъ, но сонъ изнеможденья —— 485.

Я пережилъ свои желанья — 6. —— 8 — 10, 233.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Указатель личныхъ именъ).*

А.

Абосбаль, графъ, комендантъ Кадикса —— 53.
Августъ, римскій императоръ 9, 81 —— 157, 158, 159, 161.
Авраамъ —— 475, 476.
Агамемнонъ —— 235.
Агая 11.
Агнеса —— 99, 101.
Адамъ 138.
Адель 150 —— 265, 266.
Адонисъ —— 248.
Аксаковъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ —— 271.
Актеонъ 61 —— 108, 109.
Александръ I, императоръ 127, 203 —— 64, 132, 152, 236, 347, 349, 366—367, 394, 464.
Алексѣевъ, А. П., отставн. полковникъ —— 306, 307.
Алексѣевъ, Николай Степановичъ 55 —— 52, 72, 91—95, 149, 196, 197, 203, 207, 242, 307, 365, 375.
Али, калифъ 235.
Алина (А. И. Осипова) 274.
Аллахъ 300 —— 473.
Альфіери —— 263.
Амуръ 35, 107.
Анакреонъ 179.
Анненковъ, Павелъ Васильевичъ, 11, 19, 24, 28, 29, 32, 33, 37, 39, 48, 52, 72, 76, 84, 85, 86, 87, 89, 106, 107, 143, 147, 148, 149, 222, 233, 252, 271, 282, 337, 396, 409, 419, 433, 453, 462, 466.
Аполлонъ 106 —— 193, 206.
Араповъ, Пименъ Николаевичъ („Лѣтопись русскаго театра“) —— 26, 298.
„*Арзамасъ*“, общество —— 67, 335, 424.
Аристидъ 151.
Аристиппъ 205 —— 369.
Артемида —— 108.
Артуа, графъ д' —— 115.
Астрея —— 114.
Аттила —— 135.
Ахиллъ 10.
Ашевскій, С. („Пушкинъ и война“) —— 153.
Аѳанасьевъ, Александръ Николаевичъ —— 231.

Б.

Байронъ 104, 215, 225 —— 106, 114, 132, 135, 161, 162, 180, 183, 184, 185, 190, 201, 202, 222, 227, 273, 294, 295, 328, 327, 328, 377, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 408, 443.
Балшъ, Марія Егоровна —— 196.
Балшъ, Тодоръ, молдованскій бояринъ, 99 —— 93, 196—197.
Бантышъ-Каменскій, Николай Николаевичъ 235 —— 424.

*) Горизонтальная жирная черта, поставленная передъ цифрами, указываетъ на текстъ примѣчаній.

lib.pushkinskijdom.ru

Баратынскій, Евгеній Абрамовичъ, 55, 106, 107, 126 —— 65, 94, 165, 205—207, 237, 332, 376, 424.
Барковъ, Иванъ Семеновичъ 126 —— 232.
Барсуковъ, Николай Платоновичъ —— 153, 256.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ —— 34, 36, 58, 67, 71, 73, 77, 114, 129, 130, 148, 152, 188, 197, 222, 241, 257, 267, 367, 449, 464.
Басаргинъ, Н. В., декабристъ —— 464.
Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ, —— 23, 97, 98, 107, 158, 159, 200, 228, 401, 407.
Бахметевъ, Алексѣй Николаевичъ, 99 —— 92, 196.
Беатриче —— 428.
Беклешова (Осипова), Александра Ивановна —— 453—454.
Беклешовъ, П. Н. —— 453.
Бентамъ 127.
Бертенъ —— 142.
Бестужевъ, Александръ Александровичъ 282 —— 23, 157, 158, 181, 182, 200, 212, 250, 253, 270, 286, 360—368, 423, 460.
Бестужевъ, Николай Александровичъ —— 270.
Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Александровичъ, декабристъ —— 428.
Бируковъ, Александръ Степановичъ, цензоръ 212 —— 234, 235, 236, 376, 377, 384, 422, 423.
Біонъ —— 6, 7.
Блудовъ, гр. Дмитрій Николаевичъ —— 114.
Бобровъ, Семенъ („Таврида“) —— 284, 288, 289.
Богдановичъ, Ипполитъ Ѳедоровичъ 127 —— 237.
Богданъ, г-жа —— 49.
Бодянскій, Осипъ Максимовичъ —— 58.
Боткинъ, Василій Петровичъ —— 302.
Боченковъ, актеръ —— 73.
Брагина, Анна Григорьевна —— 335.
Брутъ 63, 198 —— 112, 114, 263.
Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ („Письма Пушкина и къ Пушкину“) —— 18, 95.
Брянскій, актеръ —— 73, 74.
Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ —— 186, 215, 286, 310.
Бунина, Анна Петровна 124 —— 236.
Бурцовъ, Алексѣй Петровичъ, гусаръ 98 —— 194.
Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ —— 22, 70, 85, 95, 98, 131, 142, 166, 185, 200—201, 212—213, 264, 300—302, 313, 316, 328, 329—331, 332, 336, 414, 443, 444—445, 456, 460, 479.
Бюффонъ 125.

В.

Вадимъ 143, 144.
Вакхъ 102, 205.
Вальберхова, актриса —— 73, 74.
Вальтеръ-Скоттъ —— 49, 94, 295, 377.
Варѳоломей, Егоръ Петровичъ 183, 193 —— 17, 306, 307.
Варѳоломей, Пульхерія Егоровна —— 16—17, 307.
Василій, царь —— 213.
Величкинъ, актеръ —— 73, 74, 75.
Вельтманъ, Александръ Ѳомичъ —— 16, 17, 50, 92, 196, 197, 307.
Венгеровъ, Семенъ Аѳанасьевичъ —— 65, 76, 88, 89, 118, 119, 192, 313, 316, 336, 414, 443.
Венера 196 —— 248.
Веревкинъ, М. (перев. Корана) —— 471.
Верстовскій, Александръ Николаевичъ —— 456.
Вигель, Филиппъ Филипповичъ 193, 194 —— 92, 93, 94, 198, 201, 202, 203, 307, 324, 337, 424, 450.

lib.pushkinskijdom.ru

Виргилій 205 —— 369.
Вѣльгорскій, гр. Михаилъ Юрьевичъ 439, 440.
Воейковъ, Александръ Ѳедоровичъ —— 295, 413.
Волковъ, жандармскій генералъ —— 431.
Волконскій, кн. Сергѣй Григорьевичъ —— 324, 428, 450.
Вольтеръ 21, 125, 127, 232 —— 30, 77, 157, 195, 257, 328, 386.
Воронцова, гр. Александра Михайловна —— 452.
Воронцова, гр. Елизавета Ксаверіевна —— 315, 368, 450, 452, 466—467.
Воронцовъ, гр. Михаилъ Семеновичъ —— 94, 374, 375, 450, 464—465, 481.
Всеволожской, Александръ Всеволодовичъ —— 250.
Всеволожской, Никита Всеволодовичъ —— 249, 250.
Вульфертъ, А., переводчикъ Пушкина —— 297.
Вульфъ, Алексѣй Николаевичъ 220 —— 386, 395—396, 397, 398, 455.
Вульфъ, Анна Николаевна —— 397.
Вяземская, кн. Вѣра Ѳедоровна —— 314, 383, 440, 450.
Вяземскій, кн. Петръ Андреевичъ 32 —— 8, 13, 15, 18, 32, 37, 42, 46, 55, 56, 67—68, 72, 107, 115, 184, 202, 233, 234, 235, 250, 251, 253, 255, 256, 257, 269, 270, 285, 286, 287, 288, 290—293, 295, 296, 297, 299, 332, 335, 342, 365, 375, 377, 382—384, 385—386, 407, 408, 409, 422, 423, 431, 435, 438, 439, 440—443, 444, 465, 486.

Г.

Гавріилъ (Банулеско), митрополитъ —— 32, 33.
Гаевскій, Викторъ Павловичъ —— 245, 315.
Гаевскій, Павелъ Ивановичъ, цензоръ —— 430.
Галактіоновъ, Степанъ Филипповичъ, художникъ —— 296.
Галатея 44 —— 69, 70.
Галичъ, Александръ Ивановичъ 235 —— 424.
Ганнибалъ, Абрамъ Петровичъ 222, 279 —— 457.
Геннади, Григорій Николаевичъ —— 147.
Гербель, Николай Васильевичъ —— 111, 214, 258, 335, 342, 343, 418, 462.
Герценъ, Александръ Ивановичъ —— 64, 110, 249, 341, 418.
Гершензонъ, Михаилъ Осиповичъ 141, 315, 324, 351.
Геснеръ, Соломонъ 153 —— 271.
Гете —— 136, 326, 328.
Гименей 20 —— 29, 31, 248.
Гирей 157, 158, 160, 162, 170, 171, 172, 177, 179 —— 181, 282, 287, 298.
Глинка, Сергѣй Николаевичъ —— 269, 420.
Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ, 151 —— 268—270.
Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ, 9 —— 12, 31, 65, 159, 161, 165, 179, 206, 215, 234, 284, 294, 424.
Голицына, княгиня Елена Александровна, урожд. кн. Салтыкова 190 —— 333.
Голицына, княгиня Марья Аркадьевна рожд. Суворова 200 —— 141, 145, 350—352.
Голицынъ, кн. А. Н., младенецъ 190 —— 333—334.
Голицынъ, кн. А. Н., министръ 235 —— 253, 255, 422, 423, 424.
Голицынъ, кн. Михаилъ Михаиловичъ —— 350.
Голицынъ, кн. Николай Борисовичъ 190 —— 333.
Голицынъ, кн. Николай Николаевичъ —— 333.
Голіавъ —— 481.
Гомеръ 10 —— 207.

lib.pushkinskijdom.ru

Горацій 205 —— 369.
Горчаковъ, кн. Александръ Михаиловичъ —— 64.
Горчаковъ, Владиміръ Петровичъ, 183 —— 51, 52, 93, 106, 198, 199, 200, 306—307, 365.
Горчаковъ, кн. Дмитрій Петровичъ —— 256.
Гостомыслъ —— 260, 261, 262, 264.
Грессэ —— 60.
Гречъ, Николай Ивановичъ —— 54, 56, 186.
Григорьевъ, Аполлонъ Александровичъ —— 415.
Громвалъ —— 261.
Гроссэ —— 166.
Гюльнара („Корсаръ“) —— 294.

Д.

Давидъ —— 481.
Давыдова, Аглая Антоновна —— 13, 18, 102, 189, 192, 266, 369.
Давыдовъ, Александръ Львовичъ 205 —— 13, 32, 67, 102, 192, 369.
Давыдовъ, Василій Львовичъ 20, 21 —— 28—33, 37, 67, 257.
Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ 98 —— 14, 66—68, 76, 194.
Дадонъ (Додонъ), царь —— 187.
Дамисъ 11.
Данзасъ, Константинъ Карловичъ, —— 48, 49.
Даніилъ паломникъ —— 261.
Дашкевичъ, Николай Петровичъ —— 328.
Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ —— 228, 235.
Дашковъ, Павелъ Яковлевичъ —— 12, 419, 421.
Дезульеръ, г-жа —— 271.
Делавинь, Казиміръ —— 137, 295.
Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ 7, 222, —— 11, 206, 207, 270, 286, 296, 376, 377, 392, 393, 440.
Державинъ, Гавріилъ Романовичъ, 106, 125, 127, 232 —— 207, 413, 433.
Дидло, балетмейстеръ —— 365.
Діана 54, 61, 180 —— 89, 108, 109.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ —— 235, 294, 335, 413.
Дмитріевъ, Михаилъ Александровичъ —— 292.
Долгоруковъ, кн. Петръ Александровичъ —— 334.
Достоевскій, Ѳедоръ Михайловичъ —— 445—446.
Дуржово —— 245.

Е.

Ева 137, 138.
Екатерина II, императрица 126, 178, 232, 235, 262, —— 418, 422.
Елисавета Петровна, императрица 222.
Ефремовъ, Петръ Александровичъ —— 14, 15, 18, 28, 29, 37, 48, 52 72, 73, 76, 84, 89, 121, 141, 148, 193, 245, 258, 311, 315, 366, 397, 481.

Ж.

Жанлисъ 35 —— 49.
Жизневскій, А. К. —— 270.
Жихаревъ, М. (біографія Чаадаева) —— 58.
Жихаревъ, С. П. („Записки“) —— 194.
Жомини, бар. Генрихъ 47 —— 76.
Жуи, В.-Ж. —— 60.
Жуковскій, Василій Андреевичъ 225 —— 26, 53, 68, 115, 132, 158, 170, 184, 206, 262, 329, 347, 350, 364, 367, 375, 382, 383, 408, 414, 440, 455.

З.

Загорскій —— 376.
Загра 179.
Зандъ, Карлъ 63 —— 114, 115.

lib.pushkinskijdom.ru

Зарема 161, 168, 175 —— 181, 289, 294, 295, 297, 301.
Зевсъ 62.
„Зеленая Лампа“ —— 249—250, 270.
Зеленецкій, К. П. —— 310, 311, 371, 373, 374.
Зелинскій, Василій Алексѣевичъ —— 293.
Зензевей, армянскій царь —— 304.
Золотаревъ, И. Ѳ. —— 338.
Зоя 37 —— 52.
Зубковъ, Василій Петровичъ —— 147.
Зубовъ, Алексѣй Николаевичъ —— 483, 484.
Зубовъ, гр. Платонъ Александровичъ —— 418.
Зюлейка („Абидосская Невѣста“) —— 294.

И.

Иванчинъ-Писаревъ, Н. Д. —— 21.
Игорь, князь 112 —— 210, 212.
Измайловъ, Александръ Ефимовичъ —— 414.
Измайловъ, Владиміръ Васильевичъ —— 456.
Илличевскій, Алексѣй Демьяновичъ —— 75.
Инзовъ, Иванъ Никитичъ 21, 99 —— 29, 30, 33, 52, 53, 92, 196, 197, 365.
Ипсиланти, кн. Александръ 20 —— 32, 152.
Истомина, Авдотья Иваковна —— 365.

К.

Кавелинъ, Дмитрій Александровичъ 235 —— 423, 424.
Каверинъ, Петръ Павловичъ —— 483, 484.
Казначеевъ, Александръ Ивановичъ —— 374, 410.
Калипсо Полихрони —— 201—203.
Каллашъ, Владиміръ Владиміровичъ —— 256, 270.
Кандидъ (повѣсть Вольтера) —— 77.
Капнистъ, гр. П. И. —— 8, 10, 450.
Карамзинъ, Николай Михайловичъ, 125, 127 —— 114, 115, 212, 261, 294, 413, 440.
Катакази, Константинъ Антоновичъ, 34 —— 48, 49.
Катенинъ, Павелъ Александровичъ 18 —— 24, 25, 26, 60—63, 245.
Каткартъ, лордъ, англ. посолъ —— 132.
Каховскій, Петръ Григорьевичъ —— 348.
Качеповскій, Михаилъ Трофимовичъ 12 —— 14, 59—60, 373.
Квирога, Антоніо 38 —— 53.
Кекъ, Валерій Тимоѳеевичъ —— 199, 200.
Кернъ, Анна Петровна —— 458.
Киприда 132, 205 —— 111, 418.
Кировъ, Х. С. —— 203.
Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ —— 447.
Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ 183, 444.
Киселевъ, Павелъ Дмитріевичъ —— 92, 198.
Клариса 97 —— 192.
Кларисъ 44.
Клеонъ 11 —— 101.
Клитемнестра —— 235.
Клопштокъ („Мессіада“) —— 293.
Княжевичъ, Дмитрій Максимовичъ —— 375.
Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ —— 262, 263.
Козловъ, Иванъ Ивановичъ —— 119, 350, 385, 479.
Кокошкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ —— 26.
Коленкуръ 101 —— 199.
Колмаковъ, А. (перев. Корана) —— 471.
Колосова, Александра Михайловна —— 25, 26.

lib.pushkinskijdom.ru

Кони, Анатолій Ѳедоровичъ —— 149.
Копыловъ, А. Ѳ. —— 428.
Кордэ, Шарлота —— 115.
Коринна 226 —— 401.
Корнильевъ, В. Д. —— 152—153.
Корсаковъ, Дмитрій Александровичъ —— 424.
Корсаковъ, Николай Александровичъ —— 84, 85.
Корфъ, гр. Модестъ Андреевичъ —— 366, 396, 397.
Костюшко, Тадеушъ 237 —— 426.
Котляревскій, Александръ Александровичъ —— 270.
Котляревскій, Несторъ Александровичъ —— 184, 302, 341, 415.
Коцебу, Августъ —— 114, 115.
Кочубей, гр. Викторъ Павловичъ 253.
Кошанскій, Николай Ѳедоровичъ —— 6.
Краевскій, Андрей Александровичъ —— 395.
Красовскій, Александръ Ивановичъ, цензоръ, 212 —— 235, 236, 376, 377, 384, 423.
Крупенскій, Михаилъ Егоровичъ —— 49, 197.
Крупенскій, Ѳедоръ Егоровичъ —— 49.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ —— 364.
Куликовъ, Николай Ивановичъ —— 186.
Куницынъ, Александръ Петровичъ 125 —— 236—237.
Кутейкинъ 127.
Кутузовъ, кн. Михаилъ Илларіоновичъ —— 433.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ —— 95, 149, 207, 317, 328, 383, 384, 385.

Л.

Лаиса —— 202.
Ламартинъ —— 137, 138, 142, 347, 388, 410.
Лаура 108.
Лафонтенъ —— 256.
Лебренъ —— 142, 352.
Лейбницъ —— 77.
Леила („Гяуръ“ Байрона) 104 —— 201.
Лель 150.
Ленскій („Евг. Онѣгинъ“) —— 86, 147, 222, 322, 340, 355, 356, 358, 359.
Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ —— 330, 479.
Лернеръ, Николай Осиповичъ —— 7, 14, 18, 37, 72, 85, 142, 148, 149, 152, 188, 242, 249, 253, 310, 315, 375, 388, 452, 466.
Лида 54.
Ликургъ —— 366.
Липранди, Иванъ Петровичъ —— 33, 48, 49, 52, 92, 93, 94, 153, 159, 196, 197, 198, 201, 202, 307, 433.
Лобода, А. М. —— 267.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ —— 45.
Лонгиновъ, Михаилъ Николаевичъ —— 246, 249, 267, 271, 272.
Лувель, Пьеръ —— 115.
Лужницкій старецъ —— 59—60.
Любомудровъ, С. („Античные мотивы въ поэзіи Пушкина“) —— 7, 23, 97, 459.
Людмилинъ —— 27.

М.

*Мавроген*ій 34 —— 48, 49.
Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ 235 —— 66, 423.
Магометъ 290, 294, 300 —— 471, 473, 474, 477.

lib.pushkinskijdom.ru

Майковъ, Аполонъ Николаевичъ, —— 273.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, —— 4, 6, 10, 12, 16, 18, 19, 20, 27, 28, 29, 34, 37, 79, 96, 105, 122, 267, 268, 208, 366, 371, 393, 419.
Максимовичъ, Михаилъ Александровичъ, —— 473.
Макферсонъ —— 355, 359.
Мансуровъ, Павелъ Борисовичъ, —— 250.
Манцони, Алессандръ, ——136—137.
Маратъ 63, 125, —— 113, 114.
Маріанна —— 430.
Маріула 253, 259.
Марія (въ отрывкахъ изъ поэмы) — 134 — 141, —— 251. (ва Бахчис. Фонтанѣ) — 162, 163, 169, 171, 172, 175. ——181, 295, 301.
Маркевичъ, Болеславъ Михайловичъ, —— 272.
Марксъ, А. Ф. —— 273.
Масальская-Сурина, рожд. Шахматова, Е. А. —— 154, 199, 201.
Матюрэнъ („Мельмотъ-Скиталецъ") —— 323.
Матюшкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, —— 241.
Махмутъ 31. —— 40.
Мельмотъ —— 323, 324.
Мельпомена 18. —— 26.
Мерзлаковъ, Александръ Ѳедоровичъ, —— 261.
Меркурій 14.
Мефистофель —— 328.
Мехметъ 30. —— 41.
Миллотъ, аббатъ 127. —— 237.
Милорадовичъ, гр. Михаилъ Андреевичъ, —— 269.
Мильвуа —— 142.
Милюковъ, Александръ Павловичъ —— 270.
Минерва —— 418.
Миньона —— 38.
Митьковъ, ВалеріанъФокичъ —— 253.
Михайловъ, Михаилъ Илларіоновичъ —— 210.
Мицкевичъ, Адамъ —— 428, 429.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ —— 4, 21, 149, 249.
Моина (трагедія Озерова „Фингалъ") 18 —— 26.
Моисей 27, 35, 193, —— 36.
Молоствовъ, Памфамиръ Христофоровичъ —— 483, 484.
Морозовъ, Петръ Осиповичъ —— 18, 27, 28, 29, 34, 37, 64, 76, 89, 118, 119, 120, 148, 246, 310, 311, 360.
Морфей —— 108, 109.
Мосхъ —— 3, 4, 7.
Моцартъ —— 24.
Муравьевъ-Апостолъ, Иванъ Матвѣевичъ 177, 180 —— 291, 296.
Муравьевъ, Николай Назарьевичъ статсъ-секретарь —— 253.
Муравьевъ, Николай Николаевичъ —— 306.
Муравьевъ-Апостолъ, Сергѣй Ивановичъ, декабристъ —— 428.

Н.

Надеждинъ, Николай Ивановичъ —— 160, 292, 444.
Наполеонъ 69, 198, 199, 214 —— 53, 121, 129, 132, 133, 135, 136, 137, 138, 345, 347, 348, 349, 380, 381, 382, 383, 387, 394.
Наташа 58 —— 100.
Негруци, румынскій писатель —— 203.
Незеленовъ, Александръ Ильичъ —— 184, 351, 387.
Немезида 63, 72 —— 111, 115, 127, 129.
Нерида —— 69, 70.
Нессельроде, гр. Карлъ Васильевичъ —— 158.
Никита, слуга Пушкина —— 33.
Никита, царь 113 —— 213, 214.
Николай I Павловичъ, императоръ —— 253, 254, 255.
Николь, аббатъ (егопансіонъ) —— 63.
Никольскій, Борисъ Владиміровичъ —— 85, 341, 454.

lib.pushkinskijdom.ru

О.

Овидій 9, 29, 39, 80 — 83, 106, 221, 248, 249 —— 53, 154, 155, 157 — 166, 205, 206, 207, 384.
Огаревъ, Николай Платоновичъ („Рус. потаенная литература XIX столѣтія)", Лонд. 1861) —— 268.
Одень (Одинъ) 147.
Одоевскій, кн. Владиміръ Ѳедоровичъ —— 297, 317, 329.
Озерецковскій, Николай Яковлевичъ академикъ —— 237.
Озеровъ, Владиславъ Александровичъ —— 26.
Олегъ, князь Кіевскій 109 — 112 —— 208, 210, 211, 212, 213, 433.
Олизаръ, гр. Густавъ Филипповичъ 237 —— 363 — 364, 427 — 429.
Олинъ, Валеріанъ Николаевичъ —— 293, 349.
Ольга, княгиня 112 —— 210, 212.
Омаръ, халифъ —— 235.
Онѣгинъ, Александръ Ѳедоровичъ —— 177, 353.
Орестъ 99 —— 195, 196.
Орлова, Екатерина Николаевна —— 133, 181, 287, 323.
Орловъ, кн. Алексѣй Григорьевичъ 232 —— 417.
Орловъ, Михаилъ Ѳедоровичъ 9, 20 —— 29, 31, 52, 53, 92, 307.
Осипова, Александра Ивановна (Беклешова) 274, 275 —— 453 — 454.
Осипова, Прасковья Александровна 289 —— 453, 455, 470.
Оссіанъ —— 355, 358.
Отонъ (Automne), одесскій рестораторъ —— 198.
Охотниковъ, К. А. —— 159.

П.

Павлищевъ. Николай Ивановичъ —— 307.
Паленъ, гр. П. А. —— 63.
Панаевъ, Владиміръ Ивановичъ —— 154, 211, 271 — 272.
Панлоссъ 49 —— 77.
Пападопуло —— 365.
Парни 196 —— 142, 257, 258, 352, 389, 392, 454.
Перовскій, Алексѣй Алексѣевичъ (Погорѣльскій) —— 300.
Перунъ 109.
Петрарка 108.
Петръ Великій 222.
Пиндаръ —— 207.
Плетневъ, Петръ Александровичъ 233, —— 22, 56, 65, 158, 206, 211, 212, 314, 371, 418, 419, 439.
Плещеевъ, Александръ Алексѣевичъ —— 148, 149.
Плутонъ 217, 218 —— 390, 392.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ —— 58, 152, 153, 271, 444.
Полевой, Николай Алексѣевичъ —— 134, 439.
Поливановъ, Левъ Ивановичъ —— 97, 326 — 328, 333, 449, 470.
Полихрони, Калипсо —— 201 — 203.
Полторацкій, М. А. —— 199, 200.
Полторацкій, Сергѣй Дмитріевичъ —— 109, 110.
Помпей 63 —— 113.
Пономаревъ, книгопродавецъ —— 296.
Потемкинъ, кн. Григорій Александровичъ —— 417.
Потоцкая, княжна 179 —— 285, 299.
Прелестина —— 26.
Пріапъ 280.
Прозерпина 217 —— 389, 390.
Пугачевъ —— 135.
Путята, Н. В. —— 270.
Пушкина, Ольга Сергѣевна —— 307.
Пушкина, Софья Ѳедоровна —— 150.
Пушкинъ, Василій Львовичъ 233 —— 408, 419.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ 123, 220, 276, 283 —— 13, 14, 56, 151, 154, 160, 206, 207, 214, 221, 231, 234, 245, 249, 267, 268, 285, 317, 347, 352, 353, 365, 371, 372, 394,

lib.pushkinskijdom.ru

396, 403, 407, 423, 435, 436, 439, 455, 460—462, 470, 479, 483.
Пущинъ, Иванъ Ивановичъ —— 332, 439.
Пущинъ, Павелъ Сергѣевичъ генералъ, 38 —— 52—54, 197, 480.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ —— 302.

Р.

Радищевъ, Александръ Николаевичъ 126 —— 437, 438.
Раевская (Орлова) Екатерина Николаевна —— 133, 181, 287, 323.
Раевская, М. Г. —— 4.
Раевская, Марія Николаевна (Волконская) —— 223, 287, 299, 315, 324, 363, 409, 427—428.
Раевскіе 20 —— 29—31.
Раевскій, Александръ Николаевичъ, —— 31, 70, 133, 152, 295, 322—325, 450, 451, 452, 480.
Раевскій, Владиміръ Ѳедосѣевичъ —— 53, 159, 263, 285.
Раевскій, Николай Николаевичъ младшій —— 3, 4, 5, 181, 279, 283, 440.
Раевскій, Н. Н., старшій —— 31, 369.
Рамазановъ, актеръ —— 73, 74, 75.
Ревекка 27 —— 36, 49, 94.
Ризничъ, Амалія —— 310, 311, 312, 315, 357, 368, 371.
Ріего-и-Нуньецъ, Рафаэль 284 —— 53, 463—464.
Роздай 143 —— 263.
Ромында —— 260, 261.
Родзянко, Аркадій Гавриловичъ 280 —— 457—458.
Розенъ, баронъ Андрей Евгеніевичъ, декабристъ —— 64.
Ротчевъ, А. Г. —— 472—473.
Румянцовъ-Задунайскій, гр. Петръ Александровичъ, —— 229.
Руничъ, Дмитрій Павловичъ 236 —— 424.
Руссо, Жанъ-Жакъ 125, 127 —— —— 300.
Рыльевъ, Кондратій Ѳедоровичъ —— 151, 154, 210—211, 262—263, 270, 286, 385, 437, 439, 442, 443, 479.
Рюрикъ —— 260, 261, 262.

С.

Саади —— 285.
Сабуровъ, Яковъ Васильевичъ —— 483.
Савари (перев. Корана) —— 471.
Садовниковъ, Дмитрій Николаевичъ —— 398.
Сальери —— 24.
Сандулаки —— 365.
Санктисъ (де-), Франческо —— 136, 137.
Сатана 21, 53, 137—140 —— 30.
Святославъ —— 433.
Себастьяни, генералъ —— 266.
Селивановскій („Записки“) —— 256.
Селима 30 —— 40.
Селимена 18 —— 26.
Семевскій, Михаилъ Ивановичъ, —— 366.
Семенова, Екатерина Семеновна —— 298.
Семенъ, Августъ, типографщикъ —— 168, 291, 431.
Сенесэ, Антуанъ („Le Kaïmak“) —— 39, 40.
Серафимъ, митрополитъ С.-Петербургскій и Новгородскій —— 253.
Сиповскій, Василій Васильевичъ —— 211.
Скрибъ, Эжень —— 26.
Смирнова, Александра Осиповна —— 65.
Снегиревъ, Иванъ Михайловичъ, цензоръ —— 168.
Собанскій —— 311.

lib.pushkinskijdom.ru

Соболевскій, Сергѣй Александровичъ —— 221.
Сомовъ, Орестъ Михайловичъ —— 297.
Сосницкій, Иванъ Ивановичъ —— 73, 74, 75.
Соути —— 41.
Спасовичъ, Владиміръ Даниловичъ —— 115.
Срезневскій, Всеволодъ Измайловичъ —— 72.
Сречковичъ, проф. —— 310.
Стамати, К. К. —— 166.
Стамо —— 365.
Старовъ, полковникъ, —— 92, 196.
Стоюнинъ, Владиміръ Яковлевичъ („Пушкинъ“, Спб. 1881.) —— 134, 162, 387, 395, 412.
Страховъ, Николай Николаевичъ —— 479.
Строгонова, баронесса А. С. —— 335.
Стурдза, Александръ Скарлатовичъ —— 44.
Суворовъ, кн. Александръ Васильевичъ, —— 433.
Сумцовъ, Николай Ѳедоровичъ, проф. —— 298, 315, 472, 473, 478, 479.
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ, академикъ —— 423, 424.
Съверинъ, Дмитрій Петровичъ —— 335.

Т.

Тамерланъ —— 135.
Тардифъ 101 —— 198.
Тарсисъ (Катакази) 35 —— 49.
Тассо, Торквато —— 159.
Татищевъ, Василій Никитичъ —— 262.
Тепляковъ, Владиміръ Григорьевичъ —— 166.
Тимковскій, Иванъ Осиповичъ, цензоръ 7, 212, 234 —— 11, 376, 377.
Тодорашка 35, 37 —— 49, 51.
Толстой, гр. П. А., оберъ-прокуроръ Св. Синода —— 253, 255.
Толстой, Яковъ Николаевичъ, 132, —— 245, 246, 249, 250.
Толстой, гр. Ѳедоръ Ивановичъ („Американецъ“), —— 44, 46, 54—56, 59, 431.
Treumund Welp („Petersburger Skizzen“) —— 366.
Туманскій, Василій Ивановичъ —— 285, 311, 417.
Туманскій, Ѳедоръ Антоновичъ —— 417.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ —— 8, 68, 121, 134, 152, 197, 250, 257, 285, 286, 335, 337, 340, 342, 344, 382, 413, 439.
Тургеневъ, Сергѣй Ивановичъ —— 152.
Тютчевъ, Ѳедоръ Ивановичъ 152.

У.

Уваровъ, гр. Сергѣй Семеновичъ —— 395, 424.

Ф.

Фарнгагенъ фонъ-Энзе —— 135, 444.
Фатима 30 —— 40.
Фебъ (Ѳебъ) 10, 99, 107, 196, 233, 280 —— 45, 46, 195, 206, 284.
Фердинандъ VII, король испанскій 464.
Ферулинъ, Юстъ —— 292.
Фетъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ —— 369.
Фирсъ —— 44.
Фокъ (фонъ), начальникъ III Отд. С. Е. И. В. К. —— 256.
Фонвизинъ, Денисъ Ивановичъ 126 —— 46.
Форлевиль (пансіонъ), —— 91.
Францева, г-жа —— 50.

lib.pushkinskijdom.ru

Фридрихъ Великій —— 76, 386.
Фрина —— 202.
Фуссъ, Павелъ Николаевичъ —— 75.

Х.

Халанскій, М. Г. —— 310.
Хвостовъ, гр. Дмитрій Ивановичъ 124 —— 44, 236.
Хемницеръ, Иванъ Ивановичъ 127.
Хиронъ, кентавръ —— 108.
Хлюстиныхъ бумажная фабрика —— 177.
Хмыровъ, Михаилъ Дмитріевичъ —— 236.
Хризеида —— 69, 70.
Христосъ 27, 127, 234 —— 30, 36.
Хромидъ 44.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ 26, 39 —— 46, 54, 55, 56, 57, 58, 64, 65, 186, 483, 484.
Чацкій —— 62.
Чернышевъ, В. И. —— 169.
Черняевъ, Николай Ивановичъ —— 458, 470, 477, 478.
Черняевъ, П. („Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра“) —— 7, 161.

Ш.

Шаликовъ, кн. Петръ Ивановичъ 126, 226 —— 237, 292, 401, 406, 407.
Шамборъ, графъ („Генрихъ V“), —— 115.
Шарль, герцогъ Беррійскій ——115.
Шатобріанъ ——464.
Шаховской, кн. Александръ Александровичъ —— 55, 238.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ —— 58.
Шенье, Андрэ —— 23, 41, 70, 115, 361, 458, 459.
Шепинъ, Оттонъ Дмитріевичъ 42 —— 57. 63—65.
Шереметевъ, гр. Сергѣй Дмитріевичъ —— 21, 307.
Шешковскій, Степанъ Ивановичъ —— 263.
Шиллеръ, Фр. —— 185.
Ширяевъ, А. С., книгопродавецъ —— 296.
Ширяевъ, Ив., книгопродавецъ —— 169.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ 235 —— 56, 182, 236, 420, 421, 422, 423.
Шопэнъ, переводчикъ Пушкина —— 297.
Щеголевъ, Павелъ Елисеевичъ —— 141, 142, 145, 146, 147, 149, 239, 240, 242, 249, 263, 274, 275, 284, 287, 310, 315, 351, 352, 368, 482, 489.
Щербинъ, Николай Ѳедоровичъ —— 462.
Эвменида 63.
Эле —— 188, 189.
Эдипъ —— 383.
Эйхфельдтъ, Марія Егоровна 37 —— 49, 51, 52, 94.
Эллеферія (Ἐλευθερία) —— 203.
Эльвина 28.
Эмилій 19.
Эндиміонъ —— 108.
Эолъ —— 482.

Ю.

Юзжаковъ, Сергѣй Николаевичъ —— 315, 336.
Юзефовичъ, Михаилъ Владиміровичъ —— 70.
Юлій Цезарь 63, 198 —— 112.
Юлія, Дочь Августа 9 —— 157, 159.
Юрьевъ, Ѳедоръ Филипповичъ —— 250.

lib.pushkinskijdom.ru

Я.

Яблоновскій, князь —— 311.
Языковъ, Николай Михайловичъ 220, 221 —— 396—398.
Яковлевъ, Владиміръ Александровичъ проф. —— 310, 371. („Отзывы о П. съ юга Россіи", Од. 1887).
Яковлевъ, Михаилъ Лукьяновичъ ——271.
Якушкинъ, Вячеславъ Евгеніевичъ —— 34, 39, 71, 73, 78, 102, 148, 149, 195, 213, 223, 225, 228, 229, 230, 238, 242, 246, 250, 305, 337, 342, 363, 367, 370, 377, 381, 419, 425, 429, 433, 435, 451, 454, 457, 460, 465, 467, 468, 483, 487.
Якушкинъ, Иванъ Дмитріевичъ —— 64, 266.
Яцимирскій, А. И. —— 160, 436, 437.

Ѳ.

Ѳедоровъ, Борисъ Михайловичъ —— 259, 271, 420.
Ѳемида 196.
Ѳемистоклъ —— 191, 269.
Ѳеоктистовъ, Евгеній Михайловичъ —— 423.
Ѳеона, наяда —— 109.

lib.pushkinskijdom.ru

Указатель мѣстныхъ названій *.

А.

Австерлицъ (Аустерлицъ) — 71, 199, 203 —— 125, 269.
Австрія 198.
Азія 179 —— 249.
Аккерманъ 258 —— 157, 159, 160.
Альбіонъ 147.
Армєнія —— 304.
Африка 222 —— 249, 397.
Аю-дагъ 176, 180 —— 427, 428.
Аѳины 151 —— 191, 369.

Б.

Баварія —— 335.
Бахчисарай 164, 165, 173, 177, 180 —— 282, 287.
Берлинъ —— 64.
Бессарабія 106, 241 —— 114, 152, 159, 160, 165, 166, 205, 207, 432, 436.
Болдино —— 393, 394.
Бородино —— 269.
Брестъ-Литовскій —— 194.
Буджакъ 258 —— 436.

В.

Вартбургъ —— 115.
Вендрія —— 269.
Византія —— 210.
Висла 197, —— 344.
Волга 87 — 177.
Воронічъ, село —— 386.
Вѣна —— 311.

Г.

Гарпарія 61 —— 108.
Гвадалквивиръ 277.
Гельсингфорсъ —— 376.
Генуя 158.
Германія 63, 198.
Гибралтаръ 197 —— 344.
Греція 104 —— 205, 382, 383.
Грузино —— 344.

Д.

Дерптъ —— 396, 455.
Днѣпръ 112 —— 176, 209.
Днѣстръ —— 159.
Добруджа — 160.
Донъ 87 —— 179.
Дунай 20, 83, 106, 161, 249, 258 —— 154, 157, 160, 436.

Е.

Европа 34, 130, 179, 198, 282 —— 124, 125, 128, 269, 344, 348, 349, 431.
Египетъ —— 431.
Екатеринославъ —— 31, 180.
Св. Елены островъ —— 121, 129.

---

* Горизонтальная жирная черта, поставленная передъ цифрами, указываетъ на текстъ примѣчаній.

lib.pushkinskijdom.ru

И.

Измаилъ —— 207, 436.
Испанія —— 114, 343.
Истръ 80.
Италія 81 —— 114, 348.

І.

Іерусалимъ —— 261.

К.

Кавказъ 60, 171, 173 —— 31, 186, 301.
Кагулъ 121, 253, 259 —— 229.
Кадиксъ —— 53, 464.
Казань —— 271.
Каменка 6, 20 —— 10, 14, 31, 267.
Каріаландія 147.
Керчь 179.
Кикенеисъ 180.
Кишиневъ 8, 10, 17, 21, 26, 35, 38, 42, 133, 193, 194 —— 24, 37, 52, 53, 54, 75, 92, 93, 120, 149, 152, 179, 198, 200, 202, 203, 245, 246, 307, 365, 372, 373, 427, 436.
Кіевъ —— 6, 14, 267.
Константинополь —— 202, 387.
Констанца —— 160.
Крымъ —— 31, 38, 301, 369, 387, 427.

Л.

Ладога —— 261.
Лейпцигъ —— 266.
Лета 126, 227 —— 218, 390, 391.
Лондонъ 124 —— 258.
Лужники (часть Москвы) —— 59, 60.

М.

Мадридъ — 464.
Мангеймъ —— 114.
Мекка 161, 300 —— 298.
Мисолонги —— 382, 383.
Михайловское 219, 220, 221, 272 —— 55, 165, 270, 286, 314, 374, 384, 393, 395, 396, 397, 418, 430, 447, 455.
Молдавія —— 31, 203, 432.
Москва 71, 120, 124 —— 125, 126, 228, 286, 307.

Н.

Неаполь 21, 198 —— 32, 345, 348.
Нева 197 —— 155, 207, 260, 343, 385.
Новгородъ 143, 148 —— 260, 261, 263.
Нямцу, монастырь въ Молдавіи —— 203.

О.

Овидіополь —— 159.
Одесса 192, 200 —— 93, 121, 165, 198, 202, 242, 315, 334, 336, 373, 383, 384, 394, 450, 452, 466, 471, 487.
Опочка 275 —— 453.

П.

Пантикапея 180.
Парижъ 194 —— 64, 177.
Парнассъ 126, 282 —— 364.
Пеліонъ 217 —— 392.
Петербургъ —— 26, 149, 199, 221, 234, 245, 253, 254, 268, 269, 283, 284, 285, 353, 365, 394, 455.
Петрозаводскъ —— 270.
Пиренеи 198 —— 345.
Польша 157, 163 —— 269.
Прутъ —— 436.
Псковъ —— 263.

Р.

Римъ 63, 81, 250, 280 —— 112, 157, 166.
Россія (Русь) 71, 72, 157, 173, 198, 232 —— 53, 85, 121, 122, 124, 128, 210, 425, 436.
Рубиконъ 63 —— 112.

lib.pushkinskijdom.ru

С.

Самиръ 29, 175.
Скивія 80, 82 —— 155.
Славянскъ —— 261.
Содомъ 193.
Стамбулъ 269 —— 436.

Т.

Таврида 28 — 29, 118, 175, 177, 180, 196, 205 —— 38, 158, 223, 224, 418,
Таманъ 179.
Тверь —— 270.
Тибръ 197 —— 343.
Тильзитъ 71, 199 —— 125.
Томи — 157, 160.
Трилорское 220 —— 366, 386.
Тульчинъ —— 198, 464.
Турція —— 152.

Ф.

Флегетонъ 217, 218 —— 389, 392.
Флоренція —— 84, 85, 311.
Франція 71, 73 —— 115, 121, 122, 348, 455.

Ц.

Царское Село 40, 197, 232 —— 417.
Царьградъ 110 —— 210, 211.

Ш.

Швейцарія —— 335.

Э.

Элизій (Элизей) —— 218, 219, 221, 358, 390, 391, 392.
Эльба —— 127, 130.

Ю.

Юрзуфъ 30, 180 —— 39, 218, 222.

Я.

Яссы —— 152.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Цѣна 3 руб.; Prix 7 Mrk.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ, **Н. П. Карбасникова** въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, **Н. Я. Оглоблина** въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, **Н. Киммеля** въ Ригѣ, **Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей)** въ Лейпцигѣ, **Люзакъ и Комп.** въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glasounof et **C. Ricker** à St.-Pétersbourg, **N. Karbasnikof** à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna, **N. Oglobline** à St.-Pétersbourg et Kief, **N. Kymmel** à Riga, **Voss' Sortiment (G. W. Sorgenfrey)** à Leipsic, **Luzac & Cie** à Londres.

lib.pushkinskijdom.ru